СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ДОННУ

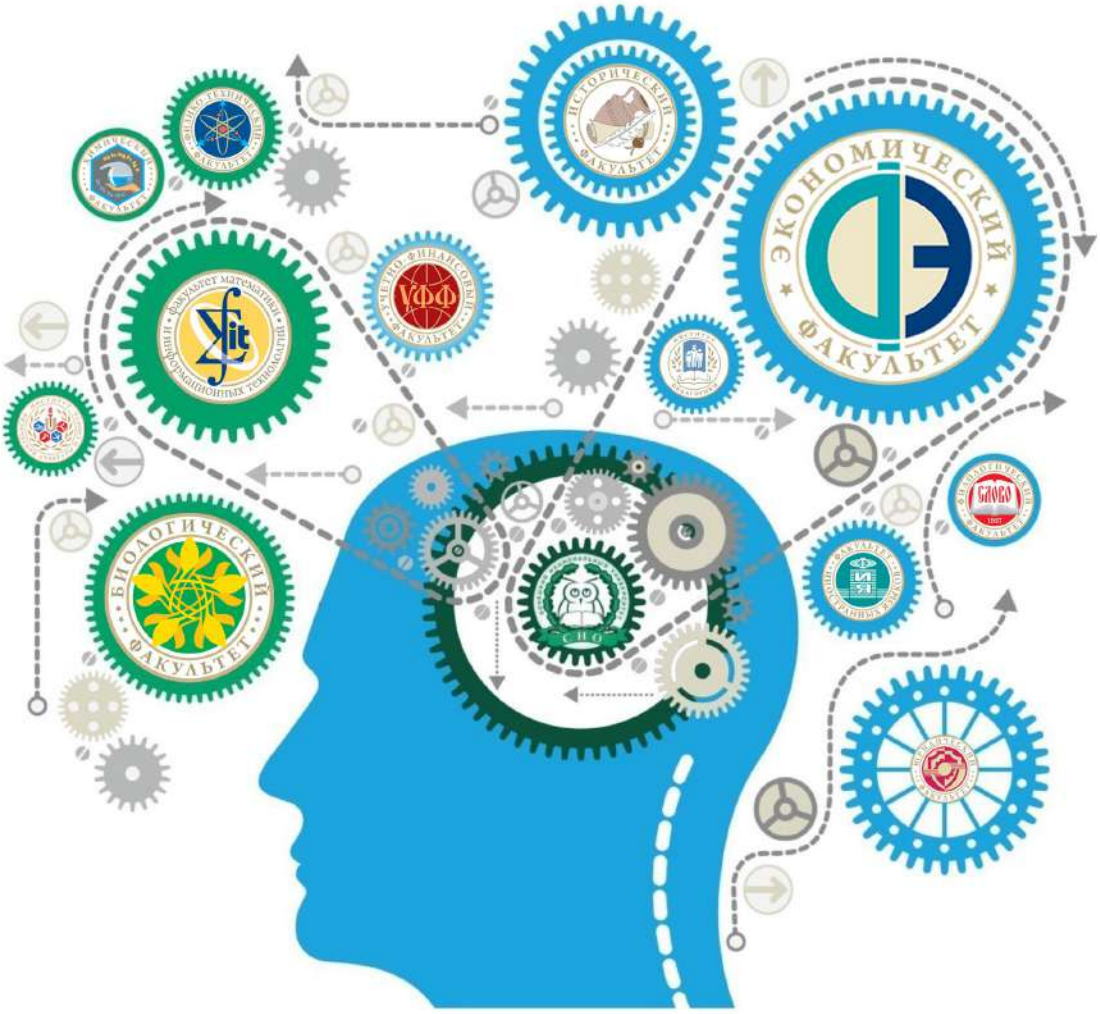
ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 17

ТОМ 4:

Юриспруденция

Донецк 2025

ISSN 2522-4824

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОННУ»

ВЫПУСК 17

ТОМ 4

Юриспруденция

Донецк – 2025

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». – Донецк: ДонГУ, 2025. – Вып. 17, том 4:*Юриспруденция. – 397 с.*

Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Главный редактор – *Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор*
Зам. главного редактора – *Плаксина М.М.,* председатель Совета СНО
Ответственный секретарь – ***Самарева Т.Н.***
Технический редактор – ***Дегтярева А.А.***

Члены редакционной коллегии:

Бурляй А.С., старший преподаватель
Войтенко Е.Ю., канд. филол. наук, доцент
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент
Ручица Т.С., старший преподаватель
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент
Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Финкина А.П., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В семнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ФГБОУ ВО «ДонГУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей*. Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договара № 452-11/2018.

Адрес редакции:
283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонГУ, к. 215;
Тел.:+7 (856) 302-92-26;
E-mail: sovet_sno@donnu.ru
URL: http://donnu.ru/science/sno

Печатается по решению Ученого совета
ФГБОУ ВО «ДонГУ»
протокол № 4 от 17.04.2025 г.

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2025

Содержание

Акопов Н.В. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ 7
Babichev A.D. TOWARDS A DISCUSSION ON THE SOCIAL NATURE AND ESSENCE OF LAW ENFORCEMENT 13
Береговая А.И .ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ 18
Бобровская М.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ, ПРИОБРЕТАЕМЫМИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА 25
Бродяная Д.Ю .ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 31
Бурдина А.А .К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО 36
Виниченко А.В .РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИИ 41
Волкова В.А. ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 47
Голубева М. А .СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 52
Гончарова Е.В. ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 303 УК РФ 57
Гончарова О.В. К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ КАРШЕРИНГА 63
Грынь Э.А .К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 68
Демьянишин В.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ 74
Денисенко А.А. МУНИЦИПАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 79
Качмар А.Р .ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕМКИ 85
Komisarenko V. V .ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT 90
Корнейчук В.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 95
Корнилов И.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ 100
Костенко О.В. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ 105
Котикова Д.Б. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ 109
Лактионова Е.Д. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АСПЕКТЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ИНФОРМАЦИИ 117
Лежнин А.В .ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ 122
Лисицын М.А .СТРИМИНГ ВИДЕОИГРЫ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТАУЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 128
Логвеева Е.А. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА 135
Матвиенко М.С. РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 140
Медведева Д.Д .СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 140
Мехдиева Н .ЛИЧНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 151
Михайлин Д.Ю. ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВЫЕХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РФ 157
Михайлова А.Г .К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ЖИЗНЬ» И «ЗДОРОВЬЕ» КАК ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ 162

Натарина В.С.ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛЕАТОРНЫХ СДЕЛОК И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 168
Неласова О. В.СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДВОЙНОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСТВА В РФ 176
Ничипорук Л.А.ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА 183
Оглезнева Е.Ю. ПРИОБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 188
Орел Н.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 193
Орел Н.А. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 199
Пестряков С.Э.ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ ПАТЕНТОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТА ПО ДЕЛУ «ТРАНСПОРТНЫЙ ВЕРТОЛЕТ» ВЕРХОВНОГО СУДА РФ 205
Пилипенко П.А.ВЛИЯНИЕ БЮРОКРАТИЗМА НА РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ 210
Пинзель Я.П. КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ВЛАСТИ В РОССИИ 216
Свириденко В.В.МЕХАНИЗМЫ ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 223
Скрыльников А.В.МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 229
Слизовский В.А.ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ 236
Соболь Д.Е. К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ 242
Солоненко Д. М ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ . 247
Солоненко Д.М. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ 252
Солоненко К.М. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СЕКСУАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ И ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ DARKNET 258
Солоненко К. М.ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 265
Солоненко К. М. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 272
Солоненко К. М.АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ NFT (НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОГО ТОКЕНА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 278
Солоненко К. М.КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 285
Становая А.Ю.КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ОШИБКИ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ 291
Страшевский В.С. ЗНАЧИМОСТЬ МАРКИРОВКИ ТОВАРОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ 296
Сухова В.С. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСУДИЕ ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ 301
Сыроежкина Д.С ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩИХ ПРАВИЛ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. 307
Талынева С. А.АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 313
Ткаченко Н. С.К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ 318
Топалова А.С. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯАДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ 324
Тренина С.В.ТРАДИЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ В СЕМЬЮ 329
Тришина Ю.С. ПОНЯТИЕ И КАТЕГОРИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 335
Трошина М.А. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА БЫТОВОГО ПОДРЯДА 340
Трухина К.С. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ 345

Украинский Д.В.АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА 350
Украинский Д.В.МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ 357
Федин А.А.ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ВЗЫСКАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГА, А ТАКЖЕ ПЕНЕЙ И ШТРАФОВ ЗА СЧЁТ ИНОГО ИМУЩЕСТВА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА – ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА 363
Филин М.В. ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ДОНОРСТВ И ТРАНСПЛАНТАЦИИ КЛЕТОК, ТКАНЕЙ И ОРГАНОВ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 368
Фокина Е.М.КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, ЖЕСТОКО ОБРАЩАЮЩИХСЯ С ЖИВОТНЫМИ 373
Харченко В. В. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 378
Чистяков М.В ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ. 384
Якшина Т.С. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРА АГЕНТИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 391

УДК 504.03

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

Акопов Н.В.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты цифровизации государственных информационных систем в сфере экологического управления России. Анализируется действующее законодательство, включая Постановление Правительства РФ о ФГИС СОС и Федеральный закон «Об охране окружающей среды». Обсуждаются ключевые проблемы: несогласованность информационных систем, нехватка правового регулирования, финансовые ограничения и киберугрозы. Рассматриваются пути решения, такие как унификация стандартов обмена данными, модернизация инфраструктуры, усиление правовой защиты цифровых технологий. Подчеркивается значимость цифровизации для повышения эффективности государственного экологического контроля и устойчивого развития.
Ключевые слова: цифровизация, государственные информационные системы, экологический мониторинг, правовое регулирование, информационная безопасность.

В последние годы в Российской Федерации активно идет процесс цифровизации различных сфер государственного управления, включая экологический сектор. Внедрение современных информационных технологий в процессы экологического мониторинга и управления призвано повысить эффективность принятия решений, обеспечить прозрачность и доступность экологических данных для общества.

Законодательство Российской Федерации активно развивается, учитывая потребности современного цифрового мира. 19 марта 2024 года Правительство РФ утвердило Постановление о Федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды (далее – ФГИС СОС), что подразумевало собой часть работы по реализации новых положений Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»).

В соответствии с ч.1 ст. 4.4. ФЗ «Об охране окружающей среды», ФГИС СОС предназначена для того, чтобы предоставить органам государственной власти Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, органам местного самоуправления, организациям и населению экологическую информацию. Она осуществляет сбор, обработку и анализ данных о состоянии окружающей среды, а также оценку и прогнозирование ее изменений под воздействием природных и антропогенных факторов [1].

Мониторинг включает регулярные наблюдения за состоянием различных объектов, а также хранение, обработку, анализ и распространение полученной информации. Например, ФГИС СОС собирает данные о состоянии атмосферного воздуха, водных объектов, недр, озера Байкал и мест размещения отходов.

Внедрение этой системы позволит повысить качество данных, оперативно получать и реагировать на информацию о загрязнениях, а также выявлять и фиксировать нарушения. ФГИС СОС интегрирована с уже существующими информационными ресурсами в области природопользования и охраны окружающей среды.

Ранее, 15 декабря 2023 года, Правительство Российской Федерации утвердило стратегическое направление цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования. Цель этого направления — обеспечение достижения «цифровой зрелости» отрасли экологии и природопользования за счет внедрения и последующего

углубленного использования цифровых технологий в рамках создания и развития государственных информационных систем [2].

Реализация данной цели будет осуществляться за счёт интеграции десяти ведомственных информационных систем на базе платформы «ГосТех». Стратегическое направление будет действовать до 2030 года и поэтапно охватывать различные сферы: охрану окружающей среды, гидрометеорологию, мониторинг и управление лесными и водными ресурсами, недропользование, систему обращения с отходами, управление особо охраняемыми природными территориями, поддержку экологического туризма, мониторинг и сохранение биологического разнообразия, государственный экологический контроль, а также управление и сохранение охотничьих ресурсов.

Ведомственные программы также играют важную роль в процессе цифровизации. Приказом Минприроды России от 17 июня 2022 года № 416 была утверждена ведомственная программа цифровой трансформации на 2022–2024 годы. Эта программа направлена на реализацию мероприятий по внедрению информационно-коммуникационных технологий в деятельность министерства и подведомственных организаций [3].

Федеральный проект «Комплексная система мониторинга качества окружающей среды» реализуется в рамках Государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 326) и национального проекта «Экология», направленный на создание автоматизированной системы сбора и анализа экологических данных. Данный проект предусматривает установку современных датчиков и сенсоров, а также разработку программного обеспечения для обработки больших объемов информации. Это позволит значительно повысить точность и оперативность экологического мониторинга, а также обеспечить доступность и прозрачность экологических данных для всех заинтересованных сторон.

Кроме того, в некоторых регионах России внедряются пилотные проекты по использованию технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования экологических рисков и разработки мер по их предотвращению. Эти технологии позволяют не только оперативно выявлять потенциальные угрозы для окружающей среды, но и разрабатывать эффективные стратегии их минимизации.

Цифровизация экологического мониторинга и управления сопряжена с рядом правовых аспектов, которые требуют тщательного изучения. Вопросы правового обеспечения создания и функционирования информационных систем, защиты экологических данных, обеспечения информационной безопасности и соблюдения прав граждан на доступ к экологической информации становятся всё более актуальными в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, исследование правовых аспектов цифровизации государственных информационных систем в сфере экологического управления в России является своевременным и необходимым шагом для обеспечения эффективного и законного внедрения цифровых технологий в экологическую сферу.

Цифровизация государственных информационных систем в области экологического управления открывает огромные перспективы для улучшения охраны окружающей среды. Этот процесс позволяет по-новому взглянуть на государственное экологическое управление, однако на его пути стоит ряд правовых трудностей, которые необходимо преодолеть, чтобы достичь намеченных целей. В ходе цифровизации в Российской Федерации были выявлены следующие ключевые правовые проблемы:

1. Разрозненность и несогласованность государственных информационных систем:

В настоящее время в сфере экологического мониторинга и управления функционирует множество разрозненных информационных систем, находящихся в ведении различных государственных органов. Среди них можно выделить:

1) Государственный фонд данных о состоянии окружающей среды (Росгидромет);

2) Государственный реестр объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (Минприроды РФ);

3) Единая государственная информационная система учета отходов от использования товаров (ЕГИС УОИТ) (Росприроднадзор);

4) Информационная система «Реформа обращения с отходами» (Минприроды РФ и региональные операторы).

Несогласованность между государственными информационными системами в сфере экологического управления приводит к дублированию функций и данных, что существенно затрудняет доступ к актуальной информации. Отсутствие унифицированных стандартов обмена данными снижает скорость и точность межведомственного взаимодействия, что в свою очередь осложняет процесс интеграции данных. В результате государственные органы вынуждены принимать решения на основе неполной или устаревшей информации, что негативно сказывается на качестве экологического управления.

Например, ЕГИС УОИТ испытывает трудности с получением данных от Федеральной таможенной службы и Росстата, что по мнению экспертов, приводит к тому, что Росприроднадзор неэффективно администрирует платёж, а федеральный бюджет недополучает потенциальный доход. Например, фактические поступления составляют около 3 млрд рублей, тогда как при введении экологического сбора прогнозировалось 30 млрд рублей.

Для улучшения функционирования ЕГИС УОИТ предлагается качественно детализировать и увеличить межведомственный информационный обмен Росприроднадзора (как оператора системы) с Росстатом, ФТС и другими федеральными органами исполнительной власти, а также усовершенствовать аналитический аппарат обработки, сопоставления и проверки поступающих данных.

2. Недостаточная правовая регламентация и отсутствие экспериментальных правовых режимов:

Быстрое развитие цифровых технологий требует гибкой правовой базы для их внедрения, однако в экологическом управлении такие механизмы пока развиты недостаточно. В частности:

1) Действующие нормативные акты не всегда успевают за технологическими изменениями;

2) Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» предусматривает возможность создания специальных правовых режимов, но их применение в сфере экологии остается ограниченным;

3) Не разработаны правовые механизмы для внедрения искусственного интеллекта, блокчейна и больших данных в сферу экологического контроля.

Несмотря на активное развитие технологий экологического мониторинга с применением спутниковых данных и беспилотных летательных аппаратов, их правовой статус в рамках государственного надзора остается не до конца определенным, что затрудняет их официальное применение в правоприменительной практике.

3. Финансовые ограничения и устаревание технической базы:

Большинство существующих государственных информационных систем в сфере экологии сталкивается с недостаточным финансированием. Это выражается в:

- использовании устаревшего оборудования и программного обеспечения;
- недостаточном обновлении серверной инфраструктуры и средств кибербезопасности;
- ограниченном доступе к технологиям обработки больших данных.

Например, по данным, действительным на 2020 год, система мониторинга состояния Мирового океана (Росгидромет) не обновлялась с 2013 года, а треть ее оборудования вышла из строя. Это приводит к снижению точности прогноза о возникновении аварийных ситуаций и ставит под угрозу информационную безопасность в целом. Также к недостаткам государственных информационных систем в сфере экологии относят отсутствие аппаратных серверных и пользовательских мощностей, сети передачи данных.

Для решения этих проблем, например, предлагается перевести информационные системы отрасли на единую цифровую платформу Российской Федерации «ГосТех».

4. Проблемы информационной безопасности и защиты данных

С увеличением объемов собираемых и обрабатываемых данных возрастает риск:

- утечек конфиденциальной информации;
- кибератак на государственные информационные системы;
- неавторизованного доступа к критически важным данным.

Действующее законодательство в области информационной безопасности (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») не всегда успевает за развитием технологий, что создает правовые пробелы в регулировании цифровой защиты экологических данных, что подтверждается тем, что в 2022 году были выявлены кибератаки на информационные системы ряда природоохранных ведомств, что привело к временному сбою в предоставлении экологических данных органам исполнительной власти.

Таким образом, решение проблем цифровизации государственных информационных систем в сфере экологического управления в России требует комплексного подхода. Для эффективного функционирования государственных информационных систем необходимо устранить правовые, организационные, технические и финансовые барьеры.

В частности, необходимо создать единую платформу обмена данными между системами, внедрить единые стандарты обмена данными и оптимизировать работу существующих систем.

Также важно расширить применение экспериментальных правовых режимов, внести изменения в законодательство для регламентации применения новых технологий и закрепить правовой статус спутникового мониторинга и беспилотных летательных аппаратов.

Обеспечение финансирования и модернизация технической инфраструктуры также являются ключевыми аспектами, требующими разработки программы модернизации, использования механизмов государственно-частного партнерства и создания единого фонда цифровизации экологического мониторинга.

Важно также усилить информационную безопасность и защиту данных путем разработки системы киберзащиты, обновления законодательства и создания механизмов независимого аудита и мониторинга.

Повышение открытости данных и участие общества в цифровизации экологического управления можно достичь за счет расширения доступа к данным, создания механизмов валидации данных и разработки цифровых сервисов для взаимодействия граждан, бизнеса и органов власти.

Также не стоить забывать об опыте зарубежных стран, таких как страны Европейского Союза, который может служить ориентиром для дальнейшего развития отечественных правовых механизмов цифровизации в экологической сфере. В частности, использование спутникового мониторинга, технологий искусственного интеллекта и больших данных позволяет значительно повысить точность прогнозирования экологических рисков и разрабатывать эффективные стратегии их минимизации.

Комплексное решение этих проблем позволит создать единую и эффективную систему экологического мониторинга, обеспечить оперативное принятие управленческих решений, повысить уровень защиты данных и кибербезопасности, а также стимулировать взаимодействие бизнеса, общества и государства в вопросах экологического контроля. Реализация предложенных мер обеспечит переход к современной, высокотехнологичной системе управления окружающей средой в России и повысит эффективность государственного экологического контроля.

Цифровизация государственных информационных систем в сфере экологического управления представляет собой не только инновационный подход к мониторингу и контролю состояния окружающей среды, но и необходимый элемент современной экологической политики Российской Федерации. Внедрение цифровых технологий позволяет повысить точность и оперативность принятия решений, обеспечить доступность экологических данных для общества и государственных структур, а также снизить вероятность экологических катастроф за счет своевременного реагирования на потенциальные угрозы.

Анализ существующих государственных информационных систем выявил ряд существенных проблем, таких как фрагментация информационных ресурсов, недостаточная правовая регламентация, дефицит финансирования и слабая информационная безопасность.

Таким образом, цифровизация государственных информационных систем в сфере экологического управления требует системного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, техническую модернизацию, расширение финансирования и развитие механизмов межведомственного взаимодействия. В долгосрочной перспективе цифровая трансформация в сфере экологии будет способствовать повышению уровня экологической безопасности в России, гармонизации экономических интересов с задачами охраны окружающей среды и обеспечению устойчивого развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об охране окружающей среды: Федер. закон [принят Гос. Думой 20.12.2001] от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 30.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
2. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 15.12.2023 № 3664-р // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250116 (дата обращения: 05.02.2025).
3. Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации на 2022 - 2024 годы: приказ Минприроды России от 17.06.2022 № 416 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/law/vedomstvennaia-programma-tsifrovoi-transformatsii-na-2022-/ (дата обращения: 05.02.2025).

STATE INFORMATION SYSTEMS IN THE SPHERE OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT: LEGAL ASPECTS OF DIGITALISATION IN RUSSIA

Annotation. The article deals with the legal aspects of digitalisation of state information systems in the sphere of environmental management in Russia. The current legislation is analysed, including the Resolution of the Government of the Russian Federation on FGIS SOS and the Federal Law 'On Environmental Protection'. Key challenges are discussed: inconsistency of information systems, lack of legal regulation, financial constraints and cyber threats. Solutions are discussed, such as unification of data exchange standards, modernisation of infrastructure, and strengthening legal protection of digital technologies. The significance of digitalisation for improving the efficiency of state environmental control and sustainable development is emphasised.
Keywords: digitalisation, state information systems, environmental monitoring, legal regulation, information security.

Akopov N.V.
Supervisor: Barbashova N.V. Doctor of Law,
Professor of the Department of Administrative and Financial Law
FGBOU VO 'DonGU'
E-mail: nikiakopov@yandex.ru

УДК 340.0; 340.1

TOWARDS A DISCUSSION ON THE SOCIAL NATURE AND ESSENCE OF LAW ENFORCEMENT

Babichev A.D.
Scientific adviser: Matvienko E.A., Ph.D., associate professor
Donetsk State University

Annotation. Based on the analysis of existing scientific concepts, this article examines interrelated aspects of the social nature and essence of law enforcement activities. In the course of the work, general scientific and special methods of scientific cognition were used (the method of system-structural analysis, the formal-logical method, etc.) This allowed us to formulate the author's concept of law enforcement.
Keywords: law enforcement, social nature, social activity, man, society, social management, public administration, law and order, legality.

Law enforcement is an exclusively social activity. Therefore, it is possible to understand its nature and essence only in the context of the social reality within which it is formed, functions and develops. In other words, in a broad sense, the nature and essence of law enforcement activities are determined both by the nature and essence of the person himself, and by the way people live together.

The objective necessity of social activity, the concrete historical form of which is law enforcement activity, is determined both by the nature of the person himself and by nature, the way of joint life of society. Thus, there are two main groups of reasons that determine the social necessity of this activity, and therefore the activity of law enforcement: a) reasons that are associated with a long and complex process of formation (socialization) of a person; b) reasons that are due to the way people live together.

Let's take a closer look at these reasons.

Thus, when we talk about human nature, we do not mean the philosophical, ideological levels of understanding of its nature and essence. On the contrary, we are talking about the nature that is given directly, which is obvious, which does not need to be identified and proved theoretically, which exists as an existing reality and from which the social necessity of a certain type of activity follows, the historical form of which is law enforcement activity. An obvious fact that does not require much proof is the fact that man, as a living natural being, is very imperfect in order to survive alone. Imperfectly "armed" by nature physically, he can survive in the harsh conditions of struggle for existence only in community with its own kind. In the end, This man survived and won because he created his own special sphere of existence for himself. Thanks to this, he not only survived, but also qualitatively stood out from the rest of the animal world.

The second indisputable fact is that the formation of man as a natural being, and even more so as a social being, is the result of an exceptionally long and complex process. Most animals in a year or two become completely independent and autonomous creatures, able to provide themselves with life and protection. A person needs at least 10-15 years to do this. It is the duration and complexity of the process of formation (socialization) of a person, the process of production and reproduction of social life as a whole that are the factors that determine the objective necessity of both society itself and its management. The complexity and duration of the process of human socialization became the driving force for creating a new human environment, creating a "different nature" that more fully corresponds to nature and human needs and is qualitatively different from the natural environment [1, p. 216]. In other words, an objectively necessary condition for the development of society is the requirement of its organization, order, structure and regulation.

Only in the presence of these mandatory conditions, that is, in the presence of a certain socio-economic structure and certain generally binding rules of behavior, is it possible to live together with people, and therefore to socialize new subjects of the community. This objectively necessary function in any social community is implemented through management as a special type of social activity. That is why management is an integral attribute of any social community, and therefore an objectively necessary type of Social Activity [3, p. 216].

One of the concrete historical forms of social management is state and legal management, of which law enforcement activities are an integral part. The purpose of this type of social activity (management) is to ensure the Sustainable, Holistic functioning and development of the social community as a whole. Its structural and organizational basis is law, which is a system of generally defined norms and rules of Conduct based on the authority and strength of the state.

In this broad general sociological and historical context, the nature and essence of law enforcement activities, which are:

a) a special, specific type of social activity;

b) a special state-legal type of social management. This approach provides an opportunity: first, to study law enforcement activities in a broad and narrow sense, and secondly, to determine its essence and main structural elements in more detail and subject matter. In a broad sense, law enforcement (human rights) activity is understood as any activity aimed at ensuring human rights and freedoms to the extent defined and enshrined in international legal documents [4, p. 79].

Such an understanding of law enforcement is fundamentally important, as it provides an objective basis for analyzing and researching a particular type of law enforcement activity.

What are the fundamental conclusions of a broad understanding of law enforcement? First, all human rights and freedoms enshrined in international legal documents are not some kind of benefit granted to someone. On the contrary, it is its own inalienable rights, which directly follow from its nature and essence. These are rights that a person should not ask anyone for, on the contrary, they are his rights that he has as a person and that no one has the right to take away from him. These are rights that cannot be restricted, much less excluded, by any national legislation, no matter how "noble" or "purposeful" it may be and no matter what reasons it is justified.

Secondly, these are rights that every person, every organization, every state, and every nation should ensure and protect. Provide all available means, ranging from education and training to global international events. Everyone should do everything possible for their common and effective recognition and implementation.

Hence, it becomes clear that the problem of the rule of law, the problem of law and order, the problem of law enforcement activities have not only a legal, but also a general social, universal character, give rise to practical and theoretical consequences.

In a narrow sense, law enforcement is understood as the activity of the state as a whole or as the activity of its special bodies to ensure and protect those specific rights and freedoms of citizens (subjects of law) that are reflected and enshrined in the current national legislation [5, p. 42].

In our opinion, the following definition of law enforcement activity is legitimate – it is carried out on the basis of the Constitution and within the limits of the powers granted, the normative and procedural activities of special state bodies and officials aimed at ensuring the implementation of normative legal acts, strengthening the rule of law and order, guaranteeing and ensuring the legitimate rights and interests of citizens.

It is the characteristic of law enforcement activity that makes it possible to determine such features as normatively, procedural nature, the presence of a special subject and goal, state-power and managerial character.

In national legislation, these two types of activities are usually recorded and designated using two different terms: the first type of activity – as a human rights activity, the second – as a law enforcement activity itself.

And this is not accidental. The point is not even that in our country, human rights activities have long been synonymous with anti – state activities and, therefore, as it were, with activities that are the opposite of formally law enforcement activities.

The fact is that human rights and law enforcement activities, ideally, in theory, of course, should be identical in their very essence and may one day become so. But now, in reality, they differ significantly both in their form and content.

In human rights activities, we are talking about protecting the rights and freedoms of every person, regardless of their origin, gender, age, etc. but it follows that the object of human rights activities is all people, every person, that is, humanity as a whole. In this activity, the protection of human rights essentially coincides with the protection of his right to be and remain a human being. The understanding of these universal rights and freedoms, their nature and scope are also determined by the person (humanity) himself and directly depend on the level of his self-awareness, self-understanding and self-esteem. These parameters of human rights and freedoms are of a concrete historical nature and are determined by the level of development of the person himself, humanity as a whole.

In human rights activities, human rights and their assessment by a person coincide. Therefore, the guarantor and defender of these rights and freedoms is man himself, humanity as a whole. There is simply no one else to protect them, and, by the way, no one but the person himself. But if this is the case, then the subject of human rights activity is also the person himself or humanity as a whole.

This leads to two fundamentally important conclusions that characterize the nature and essence of this type of activity:

a) the understanding of general human rights and freedoms is of a concrete historical nature and directly depends on the understanding of the nature and essence of Man by man himself;

b) in human rights activities, the subject and object appear in unity, that is, the subject and object coincide. They are identical to each other. Because of this, the understanding of human rights, their scope and assessment coincide.

Thus, this type of activity is a form of social self-organization of society, a way of social self-regulation of social life, a way of self-preservation and self-defense of the social community as a whole. Hence its universal character, hence its internal unity and integrity, hence its main social function – the preservation of Man and humanity. Because of this, it acts as a kind of standard, model, ideal for specific law enforcement activities, as well as a criterion for its legal assessment.

The situation is fundamentally different in specific law enforcement activities (law enforcement activities in a narrow sense). The very nature of the subject and object of law enforcement activities, and therefore the nature of their relationship, have a qualitatively different character. First of all, the object of law enforcement activity is not a person in general, but a citizen of a particular state, whose rights and freedoms are determined not by the nature and essence of a person, but by specific national legislation. The subject of law enforcement is quite different. This is not a person in general (humanity), but the state or its special bodies.

In such a situation, it is fundamentally important that in real law enforcement activities:

a) the views of the subject and object of law enforcement activities about human rights, their scope and nature, and therefore their assessment, may not coincide, moreover, they usually do not coincide, since they do not coincide among the members of this community (if they coincide, then there is no one to protect them from);

b) the subject and object of this activity practically does not depend (subject to the law) on the scope and nature of the rights and freedoms over which their relations arise. The scope

of rights and freedoms is determined by the legislator, and under the condition of democratic elections – by society itself. This is where the main reason for all the contradictions of real law enforcement activities arises – the parameters of this activity are determined externally as objective and general, and this activity is carried out by specific people as a subjective, individual, personal activity.

This gives rise to a number of acute contradictions that permeate the entire fabric of real law enforcement activities, determining its content, its nature and essence, its social function and orientation.

1. The problem of correlation between equality of legal (formal) and equality of legal (Real) in law enforcement activities. Law enforcement activities are carried out within the limits and on the basis of the law. All citizens are equal before the law. Therefore, all citizens who enter the sphere of law enforcement activities should be treated equally.

However, in reality, this is far from the case in practice. On the contrary, all sociological studies clearly show that this attitude largely depends not only on the law, but also on the social conditions and characteristics of people who enter into these relationships. The problem is that the "subjects" and "objects" of law enforcement activities exist only in abstractions. In real life, real people exist and act. Is it any wonder that a law enforcement officer, like any other person, treats different people differently?

All this is quite clear and obvious, but in law enforcement activities, this circumstance creates extremely complex conflicts. The main one is that the law ceases to be a single and general norm and thereby loses its generally binding character for each individual. So one of the central problems of law enforcement activity arises – how to fill legal equality, largely formal, with legal equality, that is, real and factual equality?

2. The problem of correlation between the objective (provided by law) and the subjective (provided by an individual) in the activities of a particular law enforcement officer acting within the framework of the law.

A law enforcement officer is a civil servant. Its powers are clearly and unambiguously defined. These are not his personal powers, but the powers of the state that he is assigned to exercise. It is clear that he must and can act only within the limits of the law, only on the basis of the law. And yet, it is always a real, concrete person, with their own likes and dislikes, with their own beliefs and ideals, and so on. All this, of course, affects his specific law enforcement activities.

And again, the problem arises-how to separate in a particular law enforcement activity what is defined in it by law from what is brought to it by the subjective, personal qualities of this particular employee? There is only one way out – to study the real activities of real law enforcement officers.

3. The third problem is generally difficult to solve and evaluate rationally. It was quite clearly formulated by I. Kant. On the one hand, man, as a rational being, wants to have a law that would define the limits of freedom for all, but on the other hand, his self – serving animal tendency encourages him, where he needs it, to make exceptions for himself. That is why achieving a state of society where all people will comply with their own laws is "the most difficult task of all; moreover, it is impossible to completely solve it."

All of the above shows that the analysis of law enforcement activities cannot be limited only to its legal analysis. Its legal analysis, from the point of view of proper, from the point of view of the law, is extremely important and necessary. However, he alone is not enough.

To understand its social essence and nature, it is necessary to study law enforcement activities as a special kind of Social, actually human activity, in which live, real people participate, and not just abstract "subjects" and "objects". Precisely because real, real people interact in specific law enforcement activities, it is practically very difficult, if at all possible, to ensure that their relations are truly free, equal and fair, that is, legal relations.

This leads to a fundamentally important conclusion: these problems are not only legal and legal problems. These are general social problems, that is, universal ones, which involve the solution of two fundamental problems by humanity – social and spiritual.

Thus, the solution of the problems of law enforcement activities at the legal and legal level is mandatory and necessary, but they can ultimately be solved only at the general social, universal level. Solving them at this level is a prerequisite for solving them at the legal level, especially for solving them in law enforcement activities.

This approach to understanding the nature and essence of law enforcement is of fundamental importance. It consists of the following:

1. This approach provides an opportunity to formulate and set real tasks for improving specific law enforcement activities, based on real conditions, and not on ideal, almost unattainable goals.

2. It allows us to put an end to the illusion that the most acute problems of law enforcement can be easily solved by simply replacing one state structure with another, and even more so by replacing one head of law enforcement agencies with another.

We do not pretend to be categorical in the judgments put forward. On the contrary, we consider them debatable, requiring discussion in the circles of theorists interested in solving the problems raised. We invite you to exchange opinions.

LIST OF LITERATURE

1. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. – М., Изд-во МГУ, 1978. – 273 с.
2. Мысливченко А.Г. Человек как предмет философского познания. – М.: Наука, 1992. – 184 с.
3. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Городец. издат., 2021. – 292 с.
4. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 320 с.
5. Поляков В.В. Общая теория права: Проблемы интерпритации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: Издательский дом. С.-Петерб. гос. ун-та, 2020. – 864 с.

TOWARDS A DISCUSSION ON THE SOCIAL NATURE AND ESSENCE OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. Based on the analysis of existing scientific concepts, this article examines interrelated aspects of the social nature and essence of law enforcement activities. In the course of the work, general scientific and special methods of scientific cognition were used (the method of system-structural analysis, the formal-logical method, etc.) This allowed us to formulate the author's concept of law enforcement.

Keywords: law enforcement, social nature, social activity, man, society, social management, public administration, law and order, legality.

Babichev A.D.
Scientific adviser: Matvienko E.A., Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: Babichev-lavd@inbox.ru

УДК 343.431

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Береговая А.И.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе анализируются проблемы отграничения и соотношения торговли людьми с другими смежными преступлениями, в частности, с преступлениями против свободы чести и достоинства личности. Определяется сущность составов таких преступлений, как торговля людьми, похищение человека, незаконное лишение свободы и использование рабского труда, а также делается вывод о том, что разграничение торговли людьми от связанных с ней преступлений имеет важное практическое значение, так как это помогает не только избежать ошибок в правоприменительной практике, но и увеличивает эффективность работы органов правопорядка. Высказываются авторские предложения по дальнейшему совершенствованию данного вопроса.
Ключевые слова: торговля людьми, отграничение составов, объективная сторона, субъективная сторона, субъект.

В современном мире проблема торговли людьми приобретает все более изощренные и замаскированные формы реализации, вызывая необходимость глубокого анализа и четкого разграничения этого деяния от других преступлений, затрагивающих основные права и свободы человека. При этом, важно отметить, что острота данной темы обусловлена не только эволюцией способов и стратегий, используемых преступными группами, но и общественным резонансом, который вызывает каждый случай, связанный с эксплуатацией и унижением личности.

Торговля людьми является сложным многоаспектным преступлением, которое включает в себя элементы незаконного лишения свободы, шантажа, а также унижения чести и достоинства личности, однако далеко не всегда эти элементы проявляются в явной форме, что значительно затрудняет правовую квалификацию деяния. Кроме того, сложность отграничения усугубляется и тем фактом, что многие пострадавшие находят себя вовлеченными в такие ситуации в силу обстоятельств, которые не позволяют им открыто заявлять о насилии и эксплуатации, что требует особого подхода со стороны правоохранительных органов и специалистов социальной помощи.

Проблематика темы исследования, в свою очередь, заключается в том, что на практике различие между торговлей людьми и преступлениями против свободы, чести и достоинства личности часто размыто, что ведет к затруднениям в судебной практике. Отграничение данных преступлений важно не только с точки зрения точного применения норм права, но и в контексте оказания эффективной помощи жертвам, ввиду этого, необходимо учитывать все нюансы эксплуатации и пересечения границ личной свободы, обеспечивая максимальную защиту тем, кто оказался в руках эксплуататоров.

В данной связи, актуальность исследуемой проблемы заключается в необходимости разработки методик и критериев для точной идентификации случаев торговли людьми, создания специализированных программ для защиты жертв и их восстановления, а также повышения уровня правовой грамотности населения, что будет способствовать уменьшению числа подобного рода преступлений, а, следовательно, изучение и проработка вопросов разграничения торговли людьми и преступлений против свободы, чести и достоинства личности имеют первоочередное значение для формирования действенной правовой и социальной стратегии борьбы с одной из самых пагубных форм эксплуатации человека в современном обществе.

Статья 127.1 УК РФ, касающаяся торговли людьми, имеет сложный и многогранный состав, что требует тщательного анализа каждого обстоятельства совершения преступления на наличие признаков других видов противоправных действий при его квалификации. К числу преступлений, связанных с торговлей людьми и вызывающих наибольшие трудности в их разграничении на практике, относятся: похищение человека (статья 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (статья 127 УК РФ), эксплуатация рабского труда (статья 127.2 УК РФ), вовлечение в проституцию (статья 240 УК РФ), а также организация занятий проституцией (статья 241 УК РФ).

Тогда, поскольку точная квалификация является необходимым условием для определения степени общественной опасности действий виновного и индивидуализации наказания, необходимо тщательно разобраться в обозначенных проблемах. Для более полного понимания сути торговли людьми и критериев разграничения данного преступления от других смежных видов необходимо уяснить характеристики более общего понятия «торговля». Оно предполагает наличие минимум двух участников – сторон торговой деятельности с взаимокорреспондирующими интересами, между которыми на основе соглашения установились торговые отношения. Эти отношения, как отмечает в своей работе О. В. Скворцова, могут выражаться в покупке, продаже или иных формах отчуждения либо приобретения товаров или услуг [8, с. 203].

В контексте торговли людьми термин «торговля» приобретает особый оттенок. Под торговлей людьми понимается действие или целый комплекс действий, направленных на эксплуатацию человека путем его обращения в собственность, что включает вербовку, перевозку, передачу, укрытие или получение человека с использованием обмана, принуждения или уязвимости положения [1, с. 2]. При этом, важным элементом является использование власти над жертвой, что отличает торговлю людьми от иных противоправных деяний, таких как похищение или незаконное лишение свободы. Таким образом, в торговле людьми объектом преступления становятся не товары или услуги, а сами люди, что делает данное преступление особенно жестоким и аморальным.

Учитывая все вышеперечисленное, следует отметить, что если действия лица по вербовке, перевозке или укрытию человека с целью его эксплуатации не связаны с установлением торговых отношений с другими лицами-контрагентами, которые выступают противоположной стороной в сделке купли-продажи или иной формы передачи или приобретения человека, то такие действия не могут быть квалифицированы как торговля людьми, поскольку в таком случае в них отсутствуют названные отличительные признаки «торговли», образующие в совокупности состав преступления.

Важно отметить, что указанные действия могут рассматриваться как подготовка к совершению иных преступлений, в зависимости от их природы, таких как эксплуатация принудительного труда (статья 127.2 УК РФ), вовлечение в проституцию (статья 240 УК РФ) или принуждение к извлечению органов или тканей человека для трансплантации (статья 120 УК РФ). По мнению Е. В. Ловчиковой, особое внимание здесь как раз-таки уделяется защите общественных отношений, которые, в свою очередь, гарантируют свободу, честь и достоинство личности [6, с. 63].

Преступления, направленные против свободы, чести и достоинства личности, представляют собой умышленные деяния, опасные для общества, которые угрожают свободе человека, его личной неприкосновенности, а также чести и достоинству [5, с. 292]. Глава 17 УК РФ подразделяет такие преступления на две категории: преступления, направленные против физической свободы человека (ст. 126, 127, 127.1, ст. 127.2, 128 УК РФ) и преступления, связанные с посягательствами на честь и достоинство личности (ст. 128.1 УК РФ). При этом, наиболее смежными с торговлей людьми являются преступления, предусмотренные ст. 126, 127 и 127.2 УК РФ, предполагающие похищение человека, незаконное лишение свободы и использование рабского труда.

Таким образом, исследуя разграничение состава торговли людьми и похищения человека, в первую очередь стоит отметить, что объективная сторона торговли людьми подразумевает совершение любого из следующих действий в отношении лица: купля-продажа, другие сделки (обмен, дарение), вербовка, транспортировка, передача, сокрытие или его приобретение. В то время как похищение человека характеризуется такими признаками, как захват, перемещение и последующее удержание потерпевшего.

Субъективная сторона торговли людьми, помимо умысла, может преследовать цель, которой в свою очередь, является эксплуатация, если речь идет о вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении [2, с. 212]. В свою очередь, похищение человека не имеет обязательной целью эксплуатацию потерпевшего, что отличает его от торговли людьми и незаконного лишения свободы [3, с. 375]. Кроме того, возраст, с которого лицо, совершившее преступление, может нести уголовную ответственность, отличается для двух данных составов: для похищения человека ответственность наступает с 14 лет, а для торговли людьми – с 16 лет.

Трудности при разграничении статей 126 и пункта «е» части 2 статьи 127.1 УК РФ состоят в том, что перемещение и последующее укрывание человека с применением насилия или угрозой его применения объективно схожи с похищением. Это создает условия, при которых юридические нормы могут совпадать по всем признакам преступления, что усложняет юридическую оценку ситуации. В таком случае, следует учитывать, что объективная сторона похищения включает в себя скрытые или явные действия по овладению живым человеком, сопровождающиеся его перемещением в другое место и последующим насильственным ограничением его свободы.

Следовательно, процесс похищения состоит из следующих трех этапов: захват человека, его перемещение и удержание. При торговле людьми в форме транспортировки или укрывательства с применением насилия или угроз, происходит принудительное перемещение человека или его удержание в определенном месте. Действия, связанные с захватом, выходят за рамки объективной стороны транспортировки людей, поэтому разграничение при таких условиях следует проводить по методу первоначального овладения потерпевшим и наличию целей эксплуатации.

Если контроль над потерпевшим установлен с его добровольного согласия, например, из-за вербовки, то элемент насилия или его угрозы отсутствует, и возникает конкуренция норм. Н. Л. Шмелева полагает, что в таких случаях конкуренции применяется специальная норма [9, с. 269]. Важно отметить, что конкуренция уголовно-правовых норм представляет собой ситуацию, при которой две или более нормы уголовного права предусматривают ответственность за одно и то же деяние, что создает необходимость выбора наиболее подходящей нормы для квалификации преступления.

При этом, стоит обращать внимание на то, что конкуренция возникает не из-за дублирования норм, а в силу того, что одно деяние может подпадать под признаки нескольких составов преступлений. Это требует от правоприменителя глубокого анализа всех обстоятельств дела, чтобы правильно определить, какая из норм наиболее точно отражает характер и степень общественной опасности совершенного деяния. Так, Бородин С. В. утверждает, что общая черта норм, находящихся в конкуренции, заключается в том, что они предполагают ответственность за одинаковые деяния, однако одна из них более точно отражает правовую суть совершенного злодеяния [4, с. 29].

Таким образом, по объему и содержанию эти нормы совпадают лишь частично. Специальная норма должна включать все характеристики общей нормы, однако, при этом иметь свои уникальные признаки, которые отличают ее от общей нормы. В нашем случае норма, касающаяся похищения человека, считается общей (похищение имеет место при любых целях), тогда как уголовная норма, направленная против торговли людьми, является специальной.

Когда возникает ситуация захвата человека, для точной правовой оценки следует выяснить намерение и первоначальную цель действий, сопряженных с общественной опасностью, совершенных виновным. Если в ходе расследования будет установлено, что целью преступника была дальнейшая эксплуатация, то дополнительная квалификация по ст. 126 УК РФ не нужна. Однако если же предоставленные доказательства указывают, что преступник изначально хотел получить выкуп, но затем решил, что выгоднее будет человека продать, то его действия необходимо квалифицировать согласно реальной совокупности статей 126 и 127.1 УК РФ, то есть по правилам множественности.

Аналогичные различия присутствуют в таких пересекающихся преступлениях, как сокрытие человека с применением насилия или угрозой его применения (п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) и неправомерное лишение свободы (ст. 127 УК РФ). Укрывательство человека с использованием насилия или угроз подразумевает, что преступник не только ограничивает свободу жертвы, но и применяет дополнительные методы воздействия, такие как физическое насилие или угрозы. Это преступление чаще всего связано с ситуациями, когда жертву удерживают против ее воли, чтобы скрыть ее местонахождение от третьих лиц, например, от правоохранительных органов. Такое деяние может быть частью более сложного преступления, – торговли людьми, похищения или принуждения к совершению определенных действий.

Ключевое различие между этими преступлениями заключается в степени общественной опасности и средствах, которые используются для достижения цели. Укрывательство с применением насилия или угроз несет более серьезный характер, так как жертва подвергается не только лишению свободы, но и дополнительному физическому или психологическому давлению (воздействию). Это делает преступление более тяжким и влечет за собой более строгое наказание.

Основным объектом противоправного лишения свободы выступает личная (физическая) свобода индивида. Однако в некоторых случаях дополнительные объекты также могут включать безопасность жизни и здоровья человека. При этом, незаконное лишение свободы, предусмотренное статьей 127 УК РФ, в отличие от торговли людьми, заключается в незаконном лишении человека свободы, не связанном с его похищением, то есть при незаконном лишении свободы человек не изымается из места своего нахождения, не перемещается в другое место, как это бывает при похищении, но вместо этого он ограничивается в свободе передвижения в пространстве.

Так, в случаях, когда происходит незаконное лишение свободы, преступные действия проявляются в незаконных манипуляциях виновников, мешающих пострадавшему передвигаться по собственному усмотрению, выбирать ему, где находиться, и общаться с людьми в удобное для него время тем способом, который его устраивает, путем изоляции потерпевшего в месте его постоянного или временного пребывания, без перемещения его виновниками куда-либо еще.

Незаконное ограничение свободы может быть реализовано как через физическое воздействие (например, связывание, применение наручников к неподвижным объектам, удержание в запираемом помещении), так и через психологическое давление (например, угрозы физической расправы над самим пострадавшим или его близкими), что подавляет волю пострадавшего к сопротивлению и вынуждает его подчиниться желаниям обвиняемых. С. В. Бородин также отмечает, что если в процессе лишения свободы виновниками были совершены иные преступные поступки в отношении потерпевшего, то деяние квалифицируется по совокупности преступлений [4, с. 68].

Преступление считается завершенным с того момента, как потерпевший осознает, что он лишен свободы, или в момент фактического лишения свободы лиц, не способных адекватно оценивать ситуацию (например, дети, лица с психическими заболеваниями). В случае торговли людьми этого момента осознания не требуется. С субъективной точки зрения преступление совершается с прямым умыслом. Основные отличия торговли

людьми от незаконного лишения свободы, как и от похищения, состоят в наличии обязательных для состава преступления мотива и цели.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что все признаки объективной стороны незаконного лишения свободы входят в объективную сторону торговли людьми в виде укрывательства человека с применением силы или угрозы ее использования, поэтому деяние квалифицируется только по пункту «е» части 2 статьи 127.1 УК РФ.

Эксплуатация рабского труда, согласно определению, приведенному в статье 127.2 УК РФ, заключается в использовании труда человека, в отношении которого применяются права, аналогичные правам собственности, если этот человек не имеет возможности по независящим от него причинам отказаться от выполнения работ или оказания услуг. Следовательно, между торговлей людьми и использованием рабского труда следует проводить разграничение по объективным признакам.

Торговля людьми чаще всего включает в себя вербовку, транспортировку, передачу, укрывательство или получение людей с целью эксплуатации, будь то сексуальная, трудовая эксплуатация или использование жертв для специальных интересов преступных организаций. В отличие от этого, эксплуатация рабского труда, по мнению О. В. Скворцовой, уже является конечным этапом процесса, где человек используется без возможности отказаться, фактически будучи закрепощенным, и это может происходить как в результате торговли, так и без нее [8, с. 210].

В обоих составах преступлений виновный покушается на один и тот же объект уголовно-правовой защиты – личную свободу человека. Кроме того, совпадают характеристики субъекта преступления и в большей части его субъективной стороны. Различие между торговлей людьми и использованием рабского труда главным образом заключается в характеристиках объективной стороны состава преступления. Например, при торговле людьми виновный совершает одно из альтернативных действий, указанных в диспозиции статьи 127.1 УК РФ: куплю-продажу, вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение человека, а когда используется рабский труд, виновный применяет работу и услуги потерпевшего, при этом, сам потерпевший не в состоянии отказаться от выполнения этих обязанностей по причинам, независимым от него.

Проблема, связанная с упоминанием в примечании к статье 127.1 УК РФ термина «рабский труд» как одной из форм эксплуатации, в сочетании со схожим названием статьи 127.2 УК РФ «использование рабского труда», вызывает некоторую путаницу. Важно отметить, что целью торговли людьми является эксплуатация человека, однако это не выступает признаком объективной стороны данного правонарушения. Следовательно, когда эксплуатация проявляется в совершении конкретных действий, которые прямо запрещены уголовным законодательством, возникает совокупность торговли людьми и соответствующих преступлений [5, с. 29].

Кроме того, следует подчеркнуть, что торговля людьми и использование рабского труда имеют различные последствия для потерпевших. В случае торговли людьми жертвы сталкиваются с многоступенчатым процессом эксплуатации, который может включать как насильственные действия, так и обман. Потерпевшие часто пересекают границы, оказываясь в совершенно незнакомой среде и оставаясь без поддержки. Это делает их особенно уязвимыми к физическому и психологическому насилию. В свою очередь, использование рабского труда может быть более статичным по своей природе, когда жертва остается в одном месте, но в условиях полной зависимости от эксплуататора. Такая динамика ставит пострадавших перед необходимостью исполнять принудительную работу зачастую без возможности избежать этой ситуации.

Правоприменение также сталкивается с трудностями в установлении фактических обстоятельств, дискриминирующих торговлю людьми от использования рабского труда. Основная задача в этом контексте заключается в идентификации и документировании действий, образующих признаки объективной стороны каждого из преступлений.

Например, следственные органы должны тщательно собирать доказательства, указывающие на отсутствие у жертвы возможности отказаться от выполнения работ или услуг в случаях рабского труда. Это может включать как показания самих потерпевших, так и фиксацию условий, в которых они находились.

Следовательно, проблемы отграничения торговли людьми от других преступлений против свободы, чести и достоинства личности – это сложная задача, требующая глубокого анализа и понимания различных аспектов этих явлений. В связи с чем, можно предложить следующие подходы к решению рассмотренных проблем:

– комплексный подход, включающий в себя интегрированные стратегии, которые учитывают все аспекты торговли людьми и преступлений против личности, в частности, включает в себя профилактику, защиту жертв и наказание виновных лиц;

– образование и осведомленность, предполагающие повышение уровня осведомленности о проблемах торговли людьми и других формах насилия поможет обществу лучше понимать эти вопросы и защищать уязвимые группы;

– международное сотрудничество, поскольку торговля людьми – это глобальная проблема, в данной связи, важно сотрудничество между странами для обмена информацией и лучшими практиками;

– законодательные реформы – необходимы обновления и улучшения действующего законодательства для того, чтобы четко определить и дифференцировать различные виды преступлений, а также обеспечить защиту жертв и их реабилитацию.

Таким образом, торговля людьми представляет собой преступление, связанное с эксплуатацией людей через насилие, обман или злоупотребление властью, что может включать сексуальную эксплуатацию, принудительный труд, долговую зависимость и другие формы эксплуатации. Жертвы торговли людьми часто находятся в уязвимом положении и могут не осознавать, что они стали жертвами преступления. Это затрудняет выявление случаев торговли людьми и их отграничение от других видов насилия. Преступления против свободы, чести и достоинства личности, в свою очередь, могут включать в себя такие деяния, как похищение человека, насильственные действия, угрозы, преследование и другие формы насилия и унижения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций от 15.11.2000 г. (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи) // Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 10.01.2025 г.). – Загл. с экрана.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.
4. Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С. В. Бородин. – М.: Наука, 2010. – 369 с.
5. Голенко, Д. В. Преступления против свободы, чести и достоинства личности. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: учеб. пособие / Д. В. Голенко. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. – 88 с.
6. Ловчикова, Ю. В. Проблемы соотношения торговли людьми с другими смежными преступлениями / Ю. В. Ловчикова, С. С. Акбарова // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 2 (19). – С. 63–68.
7. Селюков, А. С. Преступления против свободы, чести и достоинства личности / А. С. Селюков // Право и управление. – 2023. – № 5. – С. 292-295.
8. Скворцова, О. В. Торговля людьми и использование рабского труда: аналитический обзор генезиса некоторых уголовно-правовых и криминологических аспектов / О. В. Скворцова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 2. – С. 203–216.
9. Шмелева, Н. Л. Проблемы определения объекта преступления, предусмотренного статьей 127.1 Уголовного кодекса РФ (торговля людьми) / Н. Л. Шмелева // Молодой ученый. – 2022. – № 4 (399). – С. 269–272.

PROBLEMS OF DISTINGUISHING HUMAN TRAFFICKING FROM CRIMES AGAINST FREEDOM, HONOR AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL

Annotation. This paper analyzes the problems of distinguishing and correlating human trafficking with other related crimes, in particular, crimes against freedom, honor and dignity of the individual. The essence of crimes such as human trafficking, kidnapping, illegal imprisonment and the use of slave labor is determined, and it is concluded that distinguishing human trafficking from related crimes is of great practical importance, as it helps not only to avoid mistakes in law enforcement practice, but also increases the effectiveness of law enforcement agencies. law and order. The author's suggestions for further improvement of this issue are expressed.
Keywords: human trafficking, separation of groups, objective side, subjective side, subject.

Beregovaya A.I.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: anyaberegovaya13@mail.ru

УДК 347.4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СДЕЛОК С ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ, ПРИОБРЕТАЕМЫМИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

Бобровская М.В.
Научный руководитель: Смирнова Е.В., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье исследуется проблематика, связанная с выделением долей в недвижимом имуществе, приобретенном с использованием средств материнского (семейного) капитала, а также с процессом государственной регистрации прав на такое имущество в Росреестре. Проведенный анализ выявил ряд существенных недостатков и пробелов в текущем правовом регулировании данной области.

В частности, рассматриваются вопросы, касающиеся определения размера долей, которые должны быть выделены каждому члену семьи, включая несовершеннолетних детей, а также механизм реализации этой обязанности на практике. Анализируются возможные коллизии между нормами гражданского, семейного и жилищного законодательства, возникающие при оформлении прав собственности на недвижимость, приобретенную с привлечением материнского капитала.

На основе проведенного исследования автор предлагает конкретные рекомендации по совершенствованию норм гражданского права, регулирующих сделки с недвижимостью, в которых задействованы средства государственной поддержки.
Ключевые слова: недвижимое имущество, материнский (семейный) капитал.

В Российской Федерации материнский (семейный) капитал представляет собой значимую меру государственной поддержки, направленную на улучшение благосостояния российских семей, имеющих детей. Программа материнского капитала, запущенная в 2007 году, стала важным инструментом социальной политики, предоставляя финансовую помощь семьям при рождении или усыновлении детей.

По состоянию на апрель 2021 года, как сообщила заместитель председателя Правительства РФ Т.А. Голикова на совещании с президентом России накануне Послания, более 11,1 миллиона российских семей уже воспользовались своим правом на получение материнского капитала. Стоит отметить, что данный показатель демонстрирует востребованность и эффективность программы. Кроме того, впечатляющие 80,2% семей, имеющих право на материнский капитал, уже подали заявления на его получение в будущем, что говорит о высокой степени осведомленности населения о программе и ее потенциале. Следовательно, такая активность свидетельствует о том, что материнский капитал остается важной и ожидаемой мерой поддержки для многих российских семей [1].

Материнский капитал, являясь важной мерой государственной поддержки семей с детьми, предоставляет широкий спектр возможностей для распоряжения выделенными средствами. В частности, данные средства могут быть направлены на улучшение жилищных условий, включая приобретение или строительство жилья, а также погашение ипотечных кредитов. Кроме того, материнский капитал может быть использован для оплаты образования детей, формирования накопительной пенсии матери, приобретения товаров и услуг, необходимых для детей-инвалидов.

Семьи, имеющие право на материнский капитал, могут также оформить ежемесячную выплату на второго ребенка, рожденного или усыновленного после 1 января 2018 года, если среднедушевой доход семьи не превышает двукратную величину прожиточного минимума.

Анализ приоритетов использования материнского капитала, проведенный Александровым А.Ю. и Яничкиной В.Е., показывает, что большинство российских семей отдают предпочтение именно улучшению жилищных условий. Как указывают авторы, данные показатели говорят о значительной потребности населения в решении жилищного

вопроса и о том, что материнский капитал является важным инструментом для достижения этой цели. Авторы также подчеркивают, что продление программы материнского капитала на семь лет, начиная с 2019 года, является важным фактором, влияющим на дальнейший рост числа семей, имеющих право на его получение. Это, в свою очередь, как указывают авторы, обуславливает увеличение количества сделок с недвижимостью, проводимых с использованием материнского капитала, а также повышает значимость данной государственной программы в целом [2, с. 140].

В последнее время наблюдается значительный всплеск активности на рынке недвижимости, что, в свою очередь, повлекло за собой резкий рост числа сделок, заключаемых с использованием средств материнского капитала. Наряду с этим, участились случаи оформления сделок в простой письменной форме, без нотариального заверения. Такая практика, к сожалению, нередко приводит к ущемлению прав детей, чьи интересы должны быть защищены в первую очередь.

В настоящее время накопился солидный объем правоприменительной и судебной практики, связанной с нарушениями законодательства, регулирующего дальнейшее распоряжение жильем, приобретенным с привлечением материнского капитала. Зачастую граждане пренебрегают установленными нормами, что в конечном итоге негативно сказывается на правах новых собственников, которые впоследствии сталкиваются с юридическими сложностями и рисками.

Суть проблемы заключается в том, что при проведении сделок с использованием материнского (семейного) капитала законодательство императивно устанавливает требование о наделении долями в приобретаемом жилье всех членов семьи, включая детей и супругов. Это обязательное условие, призванное гарантировать права несовершеннолетних и супруга на часть собственности, но его несоблюдение приводит к возникновению юридических коллизий и споров. Именно игнорирование данного требования является распространенной причиной последующих судебных разбирательств и оспаривания законности совершенных сделок, что наносит ущерб всем вовлеченным сторонам.

Как отмечает в своей работе Рогов А.А., в случае, если недвижимость приобретается не только на средства материнского (семейного) капитала, но и с использованием заемных средств по кредитному договору, заключенному с банком, то после полной оплаты денежных средств по кредитному договору, нужно наделять долями детей и супруга. Данное обязательство нужно исполнить в течение полугода с даты погашения кредита в полном объёме. Также, автор отмечает, что данная обязанность приобретателей объекта недвижимости оформляется перед Пенсионным фондом Российской Федерации при перечислении средств материнского (семейного) капитала [3, с. 835]

Несмотря на то, что договор купли-продажи недвижимости может быть заключен в простой письменной форме, как отмечает Мажинская Н.Г., такое обязательство оформляется в нотариальной конторе и отправляется в Пенсионный фонд России перед тем, как продавец объекта недвижимости или банк получит денежные средства. Также, автор считает в своей работе, что при последующей продаже лицам, использовавшим средства материнского (семейного) капитала необходимо обратиться в органы опеки и попечительства, чтобы получить разрешение на продажу выделенных детям долей [4, с. 89].

При распоряжении недвижимостью, приобретенной с использованием средств материнского капитала, одним из ключевых условий, выдвигаемых органами опеки и попечительства, является одновременная покупка альтернативного жилья. При этом, детям, на которых был получен сертификат, в обязательном порядке выделяются доли в праве собственности на новое жилое помещение. Важно отметить, что стоимость этих долей должна быть эквивалентна стоимости долей в прежнем жилье, проданном с

использованием материнского капитала, так как это делается для защиты прав и интересов несовершеннолетних.

К сожалению, на практике встречаются случаи недобросовестного исполнения родителями своих обязательств. Часто лица, воспользовавшиеся материнским капиталом, уклоняются от наделения детей положенными им долями в недвижимости. Подобные действия являются нарушением закона и могут привести к серьезным последствиям. Примером такой ситуации может послужить дело супругов К., которые продали квартиру, приобретенную с использованием материнского капитала, гражданке Ц., не выделив при этом доли своим несовершеннолетним детям. В результате, дети супругов К. были лишены законного права на часть собственности в спорной квартире, которая к тому же, была продана третьему лицу.

Данное дело было рассмотрено судом, который вынес решение в защиту прав детей. Договор купли-продажи квартиры между супругами К. и гражданкой Ц. был признан недействительным в части 18/100 долей. Суд постановил внести соответствующие изменения в Единый государственный реестр недвижимости, изменив вид собственности с единоличной на долевую и закрепив за гражданкой Ц. право собственности на 82/100 долей. Кроме того, суд признал за каждым из несовершеннолетних детей право собственности на 9/100 долей в данной квартире [5].

Безусловно, довольно часто даже законопослушные граждане, порой из-за элементарной невнимательности, становятся нарушителями закона, забывая о своём обязательстве наделить долями в приобретенном жилье всех членов семьи.

В итоге, именно добросовестный покупатель становится уязвимой стороной в такой ситуации. Ведь сделка, заключенная с нарушением прав несовершеннолетних, может быть оспорена в судебном порядке, а это неизбежно повлечет за собой значительные материальные и временные потери для нового владельца.

Проблема усугубляется еще и тем, что факт недобросовестности продавцов может всплыть через значительное время после совершения сделки. За прошедшие годы недвижимое имущество может неоднократно поменять своих владельцев, создавая цепочку сделок и еще более запутывая ситуацию. В конечном счете, все эти обстоятельства могут нанести серьёзный ущерб добросовестному приобретателю, который, вероятно, даже не подозревал о потенциальных рисках.

Как справедливо отмечает в своем исследовании Р.Э. Рустамов, существенным пробелом в действующем законодательстве является отсутствие в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) каких-либо отметок, указывающих на то, что недвижимость была приобретена с использованием средств материнского капитала. В свою очередь, Пенсионный фонд России, осуществляя перечисление денежных средств, не проводит проверку наличия таких записей в ЕГРН [6, с. 55].

В соответствие с вышесказанным следует, что данная недоработка в межведомственном взаимодействии создает благоприятную почву для совершения противоправных действий и ставит под угрозу права и интересы всех участников сделок, связанных с недвижимостью, приобретенной на средства материнского капитала

Данные обстоятельства по мнению Германова Я.Г. также затрудняют деятельность профессиональных участников рынка недвижимости, в том числе юристов и нотариусов, когда они проводят сделки с таким недвижимым имуществом. Автор отмечает, что не редки случаи, что обнаружить факт использования материнского капитала является весьма сложным. Например, покупатель, в соответствии с договором купли-продажи недвижимого имущества, может приобрести в собственность недвижимое имущество с использованием кредитных денежных средств и собственных денежных средств, а после обращается в Пенсионный фонд России и просит направить средства материнского (семейного) капитала на погашение кредитных обязательств (ипотеки) перед банком [7, с. 62].

Таким образом, при использовании материнского (семейного) капитала для приобретения недвижимости, информация об этом факте зачастую остается скрытой. Ни в договоре купли-продажи, ни в выписке из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) не содержится упоминания об использовании этих средств. Стоит отметить, что именно данная проблема, неоднократно поднимавшаяся в нотариальных палатах и юридическом сообществе, неизменно приводит к выводу о необходимости внесения соответствующей отметки в ЕГРН. Следовательно, отсутствие такой пометки создает предпосылки для потенциальных нарушений прав детей, чьи интересы должны быть защищены при использовании средств материнского капитала.

Однако, случаи нарушения прав несовершеннолетних в сделках с недвижимостью, приобретаемой с использованием материнского капитала, не ограничиваются только отсутствием отметки в ЕГРН. В своей работе А.О. Сараева приводит пример, иллюстрирующий распространенную проблему: продавцы, стремясь соблюсти требования законодательства о выделении долей детям, иногда делают это некорректно из-за недостаточного знания правовых нюансов. Например, могут быть выделены доли, не соответствующие размеру вложенных средств или интересам детей. По мнению автора, подобные ошибки, возникающие из-за незнания законодательства, безусловно, являются нарушением прав несовершеннолетних и в дальнейшем могут привести к оспариванию сделки и другим негативным последствиям. В результате, вместо обеспечения прав детей, сделка может стать предметом судебного разбирательства, что усложняет процесс и ставит под угрозу интересы всех участников [8, с. 67].

При использовании материнского капитала при покупке недвижимости часто возникают ситуации, когда нарушаются права членов семьи, что связано с некорректным выделением долей. Распространённая проблема – невыделение доли супругу, что является прямым нарушением закона, поскольку материнский капитал предназначен для улучшения жилищных условий всей семьи. Помимо этого, родители, приобретающие недвижимость, нередко упускают из виду или не знают о необходимости выделения долей всем детям, включая совершеннолетних. Важно понимать, что материнский капитал предоставляется на всех детей и супругов, независимо от их возраста, и доли должны соответствовать размеру использованных средств.

К сожалению, встречаются случаи, когда неквалифицированные юристы, предоставляющие свои услуги в данной сфере, предлагают выделить детям минимальные доли, например, 1/100. Клиенты, доверяя таким специалистам, ошибочно полагают, что выполнили свои обязательства. На самом деле, такие доли не соответствуют вложенным средствам материнского капитала, что влечёт за собой нарушение прав несовершеннолетних детей. При этом, зачастую, такие нарушения остаются без должного контроля.

Отсутствие контроля обусловлено тем, что Росреестр, регистрируя сделки с использованием материнского капитала, не проводит оценку правильности расчётов по выделению долей. Функция ведомства ограничивается лишь регистрацией перехода прав собственности и внесением соответствующих записей в ЕГРН.

Таким образом, Росреестр не отслеживает соответствие выделенных долей размеру использованных средств материнского капитала, что создаёт возможности для злоупотреблений и нарушений прав членов семьи.

Отдельно стоит упомянуть о порочной практике, которую практикуют некоторые посредники и юристы. Они предлагают оформлять недвижимость в совместную собственность супругов, а детям выделять долевую собственность, что является прямым нарушением закона и логики. Стоит отметить, что средства материнского капитала - государственные и не могут быть оформлены как совместная собственность.

Следовательно, вышеуказанное противоречие подчёркивает необходимость более тщательного контроля и информирования граждан о правилах использования материнского капитала для избежания подобных нарушений.

Как указывает в своей работе Рассказова Н.Ю., в законе прямо сказано, что материнский (семейный) капитал переходит в общую долевую собственность. И это подтверждает позиция Министерства юстиции Российской Федерации, которая конкретно устанавливает, что только в долевую собственность надо переводить жилые помещения, которые приобретаются с использованием материнского (семейного) капитала. Однако, по мнению автора, такое нарушение закона, когда личные доли родителей Росреестр регистрирует как совместную собственность достаточно распространено [9, с. 109].

Еще одна непростая ситуация в рассматриваемой сфере по мнению Багаутдинова Ф.Н. и Исхакова А.Д. встречается в практической деятельности, - если кто-то из членов семьи, которая использовала материнский (семейный) капитал, умирает до определения доли. Автор отмечает, что в этом случае на долю материнского (семейного) капитала необходимо открыть наследственное дело. Также, автор указывает, что если этот момент упустить, также может возникнуть судебный спор [10, с. 55].

По мнению Мельникова Е.В. такие случае возникают прежде всего из-за самонадеянности граждан, которые оформляют соглашения о наделении членов семьи долями в простой письменной форме, не прибегая к услугам нотариуса или даже юриста. Автор отмечает, что в таких сделках могут участвовать риелторы, которые часто не имеют не только юридического образования, но и фактического понимания процедуры купли-продажи недвижимого имущества с использованием материнского (семейного) капитала [11, с.154].

Многие граждане, стремясь минимизировать расходы, предпочитают обходить нотариусов при выделении долей, в том числе при использовании материнского капитала. Однако такая экономия может оказаться мнимой и обернуться серьезными рисками. Несмотря на кажущуюся привлекательность обхода нотариальных процедур, в долгосрочной перспективе этот путь часто оказывается более дорогостоящим. Услуги посредников, таких как риэлторы, в большинстве случаев стоят значительно больше, чем услуги нотариуса, при этом посредники не несут никакой ответственности за сделку. Напротив, нотариус несет полную имущественную ответственность за каждую удостоверенную им сделку, что является гарантией законности и защитой прав всех участников.

Более того, законодательство предусматривает льготы для несовершеннолетних при оплате нотариальных услуг, что делает нотариальное оформление сделок с участием детей еще более выгодным.

Стремление сэкономить при выделении долей, особенно при использовании материнского капитала, приводит к тому, что недобросовестные семьи не исполняют свои обязательства. В результате, это создает отложенные во времени негативные последствия для добросовестных покупателей.

Увеличение числа получателей государственной поддержки семьям с детьми, безусловно, является положительной тенденцией, однако оно также ведет к росту числа сделок, совершенных с нарушениями закона. Возникает острая необходимость усиления контроля в этой сфере для предотвращения потенциальных проблем и защиты прав граждан.

Таким образом, на основании проделанной работы следует сделать вывод о том, что для устранения пробела в правовом регулировании, который позволяет недобросовестным гражданам обходить требования закона, представляется необходимым внести изменения в Приказ Росреестра от 04.09.2020 № П/0329.

В частности, предлагается дополнить Раздел 2 “Сведения о зарегистрированных правах, ограничениях прав и обременениях объекта недвижимости” новым пунктом 13 в

таблице. На наш взгляд, данный пункт следует изложить в следующей редакции: “Сведения об использовании средств материнского (семейного) капитала”. Таким образом, данное нововведение позволит отслеживать сделки, в которых был задействован материнский капитал, и усилить контроль за исполнением обязательств по выделению долей, что повысит прозрачность рынка недвижимости и защитит права граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маткапитал за время действия программы получили более 11 миллионов семей [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - URL: https: rg.ru/2021/04/08/matkapital-za-vremia-dejstviia-programmy-poluchili-bolee-11- millionov-semej.html // (дата обращения 18.01.2024 г.)
2. Александров А.Ю., Яничкина В.Е. Право собственности на жилое помещение, приобретаемое за счёт средств материнского капитала / А.Ю. Александров, В.Е. Яничкина // Заметки ученого. - 2020. - № 10. - С. 138-142.
3. Рогов А.А. Проблемы правового регулирования сделок с жилыми помещениями, приобретаемыми с привлечением материнского (семейного) капитала / А.А. Рогов // Вопросы устойчивого развития общества. - 2022. - № 4. - С. 833-839.
4. Мажинская Н.Г. Договорное право: Учебно-методическое пособие / Н.Г. Мажинская. - М.: Юстицинформ. - 2014. - 216 с.
5. Апелляционное определение СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 05 мая 2017 г. по делу № 11-6047/2017// [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - URL: https:www.sudact.ru (дата обращения 18.01.2024 г.). – Загл. с экрана.
6. Рустамов Р.Э. Проблемы, связанные с покупкой жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала / Р.Э. Рустамов // Молодой ученый. - 2024. - № 31 (530). - С. 54-57.
7. Германова Я.Г. Проблемы оформления в общую долевую собственность жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала / Я.Г. Германова // Марийский юридический вестник. - 2022. - № 2 (38). - С. 61-63.
8. Сараева А.О. Некоторые вопросы правового регулирования сделок с участием материнского (семейного) капитала / А.О. Сараева // Образование и наука в России и за рубежом. - 2019. - № 11 (59). - С. 66-68.
9. Рассказова Н.Ю. Приобретение жилых помещений с использованием материнского (семейного) капитала / Н.Ю. Рассказова // Закон. - 2021. - № 11. - С. 104-115.
10. Багаутдинов Ф.Н., Исхаков А.Д. Некоторые вопросы использования средств материнского (семейного) капитала на приобретение жилого помещения / Ф.Н. Багаутдинов, А.Д. Исхаков // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2021. - Т. 163. - № 2. - С. 51-58.
11. Мельникова Е.В. Особенности заключения договора купли-продажи жилого помещения с использованием средств материнского (семейного) капитала / Е.В. Мельникова // Научный Лидер. - 2021. - № 13 (15). - С. 153-157.

LEGAL REGULATION OF RESIDENTIAL TRANSACTIONS PREMISES ACQUIRED WITH THE INVOLVEMENT OF MATERNAL (FAMILY) CAPITAL

Annotation. The article examines the issues related to the allocation of shares in real estate acquired using the funds of the maternal (family) capital, as well as the process of state registration of rights to such property in the Federal Register. The analysis revealed a number of significant shortcomings and gaps in the current legal regulation of this area. In particular, issues related to determining the amount of shares that should be allocated to each family member, including minor children, as well as the mechanism for implementing this obligation in practice are being considered. The article analyzes possible conflicts between the norms of civil, family and housing legislation that arise when registering ownership rights to real estate acquired with the involvement of maternity capital. Based on the conducted research, the author offers specific recommendations for improving the norms of civil law governing real estate transactions involving state support funds.
Keywords: real estate, maternal (family) capital.

Bobrovskaya M.V.
Scientific supervisor: Smirnova E.V. Associate Professor of the Department of GPiP
DonGU Federal State Budgetary Educational Institution

УДК 347.2/.3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Бродяная Д.Ю.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на культурное пространство в связи с развитием виртуальных музеев и оцифровкой музейных ценностей. Проведен анализ правового регулирования этих процессов, включая основные законы, программы и стратегии. Выявлены ключевые пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием четкого определения виртуального музея и механизмов его функционирования, включая процесс воспроизведения музейных ценностей. Отмечена необходимость разработки единых стандартов оцифровки и правового обеспечения цифрового воспроизведения музейных ценностей, а также интеграции современных технологий для сохранения и популяризации культурного наследия.
Ключевые слова: цифровизация, музейные ценности, виртуальный музей, оцифровка, правовое регулирование.

Законодательство о музеях в Российской Федерации прошло длительный путь становления, начиная с дореволюционного периода, когда музеи находились под патронажем монархов, и до современного времени, когда музейное дело регулируется целым рядом федеральных законов и других нормативных актов.

С момента появления первых музеев их правовой статус, функции и формы их государственной и общественной поддержки значительно изменились, отражая социально-экономические и политические изменения в государстве. Сегодня правовая база продолжает совершенствоваться, охватывая новые аспекты деятельности музеев. Благодаря этим изменениям музеи остаются важными образовательными и культурными институтами, которые сохраняют и передают будущему поколению уникальные ценности российской культуры и истории.

Пройдя все этапы становления, начиная от частных собраний и коллекций еще в XV в., современное законодательство о музеях отражает понимание музеев как институтов, обладающих культурной, образовательной и социальной значимостью, они стали доступны всем и больше не выполняют функцию исключительной репрезентации аристократии. При этом законодательство должно учитывать существующее многообразие форм музейной деятельности и отвечать на вызовы глобализации, цифровизации и коммерциализации культурной сферы, обеспечивая при этом защиту и сохранение культурного наследия для будущих поколений.

В культуре XXI века происходят значительные трансформации, тесно связанные с процессом цифровизации различных аспектов человеческой деятельности. Правовое регулирование музейных ценностей в условиях цифровизации представляет собой важное направление в современной правовой науке и практике. Следовательно, в связи с развитием технологий, обеспечивающих цифровизацию музейных предметов и коллекций, появляется необходимость создания комплексного подхода к регулированию процессов их оцифровки, хранения, распространения и защиты.

Цифровизация представляет собой преобразование информации в цифровой формат, что впоследствии способствует снижению издержек и открывает новые возможности для развития [11]. Цифровизация активно проникает в культурное пространство, изменяя не только способ восприятия культурных ценностей, но и предоставляя уникальные возможности для взаимодействия с культурным контентом. Воспроизведение музейных предметов и коллекций в цифровой среде представляет

собой важную часть современной музейной практики, в том числе в контексте сохранения и популяризации культурного наследия.

Процесс создания электронных копий культурных объектов активно используется в создании виртуальных музеев, под которыми согласно техническим рекомендациям по созданию виртуальных музеев, разработанных Министерством культуры РФ в 2014 г. [10], понимается интерактивный мультимедийный программный продукт, представляющий музейные коллекции в электронном виде. Эти рекомендации, разработанные еще в 2014 году, устанавливают основные критерии отнесения программного продукта к понятию «виртуальный музей» путем наличия определенного набора механизмов взаимодействия с посетителем и показателей, включая механизмы презентации экспозиции, экспонатов, представления дополнительной информации, показатель доли объектов музейного фонда, представленных в формате виртуального музея и др.

Однако вопросы правового регулирования цифрового воспроизведения музейных ценностей и функционирования виртуальных музеев в России являются актуальными и сложными, поскольку российская законодательная база, хотя и затрагивает эти процессы, не имеет четкого и детализированного подхода к их правовому закреплению.

Основным актом, регулирующим деятельность музеев в России, является Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [3] (далее – ФЗ «О Музейном фонде РФ…»). В нем содержатся ключевые положения о деятельности музеев, в том числе касающиеся цифрового воспроизведения музейных предметов и коллекций. Статья 3 этого закона определяет публикацию как одну из основных форм деятельности музея, что включает в себя все виды представления музейных ценностей. Здесь указано, что публикация музейных предметов и коллекций может включать их воспроизведение в печатных изданиях, на электронных носителях, а также размещение сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Это положение является основой для правового обоснования создания виртуальных музеев и цифровых музейных ценностей в их составе.

Несмотря на общие нормативы, закрепленные в законах и подзаконных актах, ни ФЗ «О Музейном фонде РФ…», ни ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [6], ни Постановление Правительства РФ от 05.07.2001 г. № 504 «Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда» [5], которое посвящено вопросам мониторинга состояния и использования объектов культурного наследия, включая музейные предметы и коллекции, не содержат четкого определения «виртуального музея» и подробного описания условий его создания и функционирования, в том числе регулирования воспроизведения музейных ценностей.

Этот пробел компенсируется лишь частично за счет включения самих виртуальных музеев или косвенно затрагивающих необходимость их создания в государственные программы и стратегии, начиная еще с Указа Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [2], в котором Президентом было дано поручение создать к 2018 г. 27 виртуальных музеев, что уже тогда указывало на необходимость активного развития цифровых технологий в сфере культуры.

Вместе с этим, Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Основы государственной культурной политики» [8] затрагивает вопросы интеграции музеев в цифровую среду. Этот документ, не упоминая виртуальные музеи напрямую, акцентирует внимание на важности формирования и развития «информационной среды». В частности, в указе подчеркивается необходимость

повышения качества материалов и информации, которые размещаются в интернете и средствах массовой информации. Одним из ключевых обозначенных направлений является создание единого национального электронного пространства знаний. Это пространство предполагает объединение оцифрованных материалов из различных источников, включая книжные, архивные и музейные фонды. Таким образом, Указ ставит задачу не только улучшения доступности культурного и исторического наследия, но и обеспечения высокого качества его представления в цифровой форме.

Вопросы развития информационного общества обозначены и в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 года №2501-р [9]. Стратегия обозначает общие меры для развития информационного общества, однако в ее сценариях (инерционном, инновационном и базовом) отсутствуют четкие шаги, направленные на представительство музеев в интернете.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. №2567-р [7] предусматривает поэтапное увеличение доли музеев, представленных в сети Интернет. Это направлено на обеспечение широкого доступа граждан к национальным и мировым культурным ценностям, что отвечает современным запросам на доступность и сохранение культурного наследия в условиях цифровизации. Одной из центральных мер, предложенных программой, является создание и развитие музейных интернет-ресурсов. Такие ресурсы не только служат инструментом популяризации культурного наследия, но и способствуют сохранению музейных предметов и коллекций за счет перевода их в цифровой формат.

Следует отметить также нацпроект «Культура», который был разработан в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4] и преследует схожие цели, в частности, увеличить количество обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз. Проект «Культура» подчеркивает важность адаптации музеев к современным реалиям, однако проект, как и предыдущие программы, фокусируется на технических аспектах, не затрагивая в достаточной мере вопросы правового регулирования виртуальных музеев и процесса воспроизведения музейных ценностей.

Еще одним документом, подчеркивающим важность развития культурного пространства в России путем анализа основных проблем и тенденций развития музейной деятельности, является проект концепции развития музейной деятельности на период до 2020 г., подготовленный Министерством культуры Российской Федерации от 07 февраля 2013г. № 3 [1]. Этот проект отражает стремление адаптировать музейную деятельность к современным технологическим реалиям путем внедрения информационных и комплексных технологий, что является необходимым условием для сохранения и популяризации культурного наследия в условиях глобализации.

Примером успешного применения технологий цифровизации в музейной практике является Государственный Русский музей, который стал лидером в создании виртуальных филиалов. Более 100 центров виртуальных музеев открыто для посетителей, что демонстрирует потенциал технологий для распространения культурного наследия. Успех Государственного Русского музея в создании виртуальных филиалов демонстрирует потенциал технологий для популяризации культуры. Однако этот опыт подчеркивает необходимость разработки правового регулирования, чтобы обеспечить устойчивость и стандартизацию таких проектов. Важно учитывать, что масштабирование таких инициатив на другие музеи, особенно в регионах, может быть затруднено из-за ограниченности ресурсов и инфраструктуры.

Возвращаясь к техническим рекомендациям по созданию виртуальных музеев,

разработанных Министерством культуры РФ в 2014 г., можно отметить, что только они содержат определение виртуального музея, его функций и принципов создания. Но несмотря на то, что этот документ является единственным в законодательстве РФ, где наиболее четко прописаны этапы создания и принципы деятельности виртуального музея, вопросы цифрового воспроизведения музейных ценностей все-таки остаются без необходимого правового регулирования.

Анализ правового регулирования цифрового воспроизведения музейных ценностей демонстрирует наличие существенного потенциала для развития виртуальных музеев и выявляет значительные пробелы в законодательной базе и подходах к нормативному обеспечению этого процесса. Несмотря на стратегическую важность цифровизации в сфере культуры, закрепленную в ключевых государственных документах, детальные механизмы регулирования создания и функционирования виртуальных музеев остаются недостаточно разработанными. Современные программы и проекты концентрируются на количественном увеличении цифровых ресурсов, что способствует популяризации и доступности культурного наследия. Однако их фокус на технических аспектах цифровизации не сопровождается разработкой четких нормативных актов, регламентирующих процесс воспроизведения музейных ценностей в цифровом формате. Отсутствие таких норм ограничивает возможности музеев в вопросах правового обеспечения доступа, использования и защиты цифровых копий.

Во всех указанных актах отражается стремление адаптировать музейную деятельность к условиям цифровой трансформации. Тем не менее, данные инициативы требуют нормативного закрепления, чтобы обеспечить их системный характер и исключить риски, связанные с отсутствием единых стандартов и механизмов контроля.

Таким образом, исследование правовых аспектов цифрового воспроизведения музейных ценностей выявило, что правовое регулирование в данной области недостаточно проработано. Несмотря на важность цифровизации, законодательство не обеспечивает четких норм для создания и функционирования виртуальных музеев. Для полноценного развития цифрового воспроизведения музейных ценностей необходимо разработать и утвердить правовые нормы, регламентирующие создание, использование и распространение виртуальных музеев, а также обеспечить единые стандарты оцифровки музейных предметов и коллекций, включая механизмы защиты прав на цифровые копии музейных ценностей.

Комплексное решение этих задач позволит интегрировать музеи в информационное пространство, сохраняя и популяризируя культурное наследие, и обеспечит правовую устойчивость деятельности в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О концепции развития музейной деятельности Российской Федерации на период до 2020 года : решение коллегии Мин-ва культуры РФ от 07.02.2013 № 3 // Гарант : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70356654/ (дата обращения: 08.11.2024)
2. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129344/ (дата обращения: 08.11.2024)
3. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ // Собрание Законодательства РФ, N 22, 1996, ст. 2591.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 // Гарант : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (дата обращения: 08.11.2024)
5. Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного

фонда Российской Федерации, а также кинофонда: Постановление Правительства РФ от 05.07.2001 № 504 // Собрание законодательства РФ, 16.07.2001, N 29, ст. 3015.
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ// Собрание законодательства РФ, 01.07.2002, N 26, ст. 2519.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие культуры и туризма" на 2013 - 2020 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 317 // Гарант : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70644226/ (дата обращения: 08.11.2024)
8. Основы государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808// Собрание законодательства РФ, N 52, 29.12.2014, ст. 7753.
9. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 г. № 326-р. // Гарант : информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/ (дата обращения: 08.11.2024)
10. Технические рекомендации по созданию виртуальных музеев : Министерство культуры Российской Федерации[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://culture.gov.ru/documents/po-sozdaniyu-virtualnykh-muzeev-250714/ (дата обращения: 08.11.2024)
11. Фомичева Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 2. – С. 80–84.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL REPRODUCTION OF MUSEUM VALUABLES

Annotation. The article examines the impact of digitalization on the cultural space in connection with the development of virtual museums and the digitization of museum values. The analysis of the legal regulation of these processes, including the main laws, programs and strategies, is carried out. Key gaps in legislation related to the lack of a clear definition of a virtual museum and the mechanisms of its functioning, including the process of reproducing museum values, have been identified. The need to develop common standards for digitization and legal support for the digital reproduction of museum valuables, as well as the integration of modern technologies for the preservation and popularization of cultural heritage was noted.
Keywords: digitalization, museum values, virtual museum, cultural heritage, digitization, legal regulation, digital environment, digital reproduction.

Brodyanaya D.Y.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: darinabrodyanaya@gmail.com

УДК 347.23

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Бурдина А.А.
Научный руководитель: Асеев А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе исследована правовая природа права собственности на недвижимое имущество. Рассмотрены основные принципы регулирования права собственности в России. Автором проанализированы ограничения, налагаемые на собственников, и их влияние на правоотношения с третьими лицами. Установлено, что право собственности не является абсолютным, а функционирует в рамках правового поля, обеспечивая баланс между интересами собственника и общества. Новизна темы исследования обусловлена необходимостью анализа правовой природы права собственности на недвижимое имущество в контексте современных вызовов и ограничений, влияющих на правоотношения между собственниками и третьими лицами.
Ключевые слова: недвижимое имущество, право собственности, переход права собственности, гражданско-правовые отношения, земельный участок.

Правовая природа права собственности на недвижимое имущество является важным аспектом современного гражданского права, поскольку определяет основы правоотношений между собственниками и третьими лицами. Владение недвижимым имуществом не только обеспечивает индивидуальные интересы владельцев, но и выполняет социальную функцию, способствуя стабильности экономических отношений. В контексте глобализации и развития рыночных отношений представляется целесообразным исследование новых особенностей правовой природы права собственности на недвижимое имущество.

Современные вызовы общества требуют переосмысления традиционных подходов к праву собственности. Следовательно, актуальность темы обусловлена необходимостью анализа правовых норм, регулирующих отношения собственности, а также изучения ограничений, налагаемых на собственников недвижимого имущества.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные, междисциплинарные и специальные методы, обеспечивающие комплексный анализ правовой природы права собственности на недвижимое имущество, включая диалектический, логический и формально-юридический методы.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых, посвященные рассматриваемой тематике, таких как: К. В. Заморина, П. И. Калинина, Д. Ю. Петров, А. В. Шахов, Т. П. Шкарупина, С. А. Якушкина, К. О. Ярош и др.

Цель работы – изучить правовую природу права собственности на недвижимое имущество, его эволюцию, определить современные вызовы и ограничения, влияющие на возникновение правоотношений между собственниками такого имущества и третьими лицами.

История становления и развития права собственности в России отражает сложный процесс эволюции правовых норм и социально-экономических отношений. Формирование основных принципов регулирования права собственности тесно связано с периодом принятия Русской Правды, поскольку именно феодальная фрагментация способствовала внесению изменений в законодательство с учетом отражения особенностей феодальной собственности на землю.

Закрепленные позднее, в Судебниках и Соборном уложении Московской Руси, правовые нормы, предопределили основу правового регулирования права собственности на недвижимое имущество. Так, период XVII-XVIII веков ознаменовался развитием

формализованной юриспруденции в сфере купли-продажи недвижимого имущества, установившей обязательность соблюдения письменной формы при заключении договора об отчуждении права собственности на недвижимое имущество.

XIX век стал важным в этапе нормативного закрепления абстрактного определения права собственности в Своде законов Российской империи. После Октябрьской революции 1917 года произошло радикальное переосмысление прав собственности, способствовавшее разрушению частной собственности и установлению государственной социалистической собственности [4, с. 50].

На сегодняшний день право собственности на недвижимое имущество представляет собой юридически закрепленное право собственника на свободное владение, пользование и распоряжение недвижимым имуществом, обеспечивающее защиту его интересов и ограниченное соблюдением прав других лиц и общественных интересов. Реализация права собственности позволяет осуществлять потребности субъекта, наделенного данным правом. Вместе с тем, субъективное право и свобода, связанные с правом собственности на недвижимо имущество, не являются безграничными. Вытекающие из сущности правового регулирования границы свободы действий собственника в отношении недвижимого имущества закрепляются нормами действующего отечественного законодательства. Именно правовое регулирование выступает гарантом соблюдения таких пределов.

Гражданским законодательством Российской Федерации устанавливается запрет на совершение собственником недвижимого имущества определенных действий в отношении имущества. Так, собственник недвижимого имущества не вправе совершать действия, приводящие к нарушению прав и охраняемых законом интересов других лиц, в соответствии со статьей 209 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Определены также и требования к владению, пользованию и распоряжению объектами недвижимого имущества, в частности земельным участком. В частности, владение, пользование и распоряжение земельными участками не должно наносить вред окружающей среде, согласно статьям 129 и 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статье 15 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ [2].

Следует отметить и законодательное закрепление границ осуществления права собственности на недвижимое имущество. В частности, соблюдение целевого назначения имущества не рассматривается как основание для ограничения свободы усмотрения собственника (пункт 3 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации), однако обязанность собственника соблюдать целевое назначение земельного участка ограничивает его свободу усмотрения. Пользование земельным участком, отнесенным к землям сельскохозяйственного и другого назначения, осуществляется в пределах, определенных их назначением. Законодательство определяет и виды земельных участков, подлежащих специальному режиму использования, а также недвижимого имущества, являющегося культурной ценностью. Органы исполнительной власти Российской Федерации, при осуществлении контроля за использованием недвижимого имущества по назначению, наделены также правом изымать такое имущество в общественных интересах на основании статьи 239 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В научной цивилистике большое уделяется внимание взаимосвязи между правами собственника и ограничениями, установленными законодательством. При установлении ограничений прав собственности следует учитывать, что сужение свободы собственника не ведет к лишению его определенных прав или нарушению полноты собственности. В данном контексте К. О. Ярош подчеркивает: законодательно установленные ограничения не лишают владельца возможности осуществлять конкретные правомочия, а лишь регулируют их в определенном объеме [5, с. 108]. Исследования других авторов

подтверждают данную позицию. Например, Т. П. Шкарупина отмечает необходимость ограничения прав собственности для обеспечения общественных интересов без уменьшения содержания правомочий собственника [6, с. 305].

Ограничения, регулирующие субъективное право собственности на недвижимое имущество, распространяют свое действие на все субъективные права собственности, независимо от конкретного владельца или объекта недвижимости. Они вводятся в пользу всех участников общественной жизни или государства, без воли собственника, в соответствии положениями действующего законодательства. Следует отметить, государственной регистрации подлежат ограничения права собственности на недвижимое имущество в виде: аренды, ипотеки (залога), ареста, доверительного управления, ренты, сервитут и др.

Не менее важную роль в реализации права собственности на недвижимое имущество играет его обременение. Так, общепризнанным является мнение о том, что обременения представляют собой права на чужую вещь, отличающиеся от права собственности. С. А. Якушкина определяет обременение как привнесенное извне право третьих лиц, препятствующее собственнику свободно реализовать свои правомочия [7, с. 99]. Действительно, обременение недвижимого имущества, или ограничение права собственности на него, включают не только вещные права, но и обязательственные права. Статья 131 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо относит к ограничениям права собственности также обязательственные права, возникающие из соглашений. Например, сервитут, как вещное право, обременяет объект недвижимого имущества и ограничивает права собственников.

При изучении обязательственных прав, которые действуют как обременения, следует отметить права кредиторов, возникающие в результате договоров аренды, найма жилья, ипотеки и доверительного управления имуществом. Так, статья 40 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ указывает на важность обязательственных прав в контексте обременений [3].

Вместе с тем, обременение прав на недвижимое имущество не ограничивается только материальными и обязательственными правами. Существует также группа обременений, носящих индивидуальный и публичный характер. Такие обременения устанавливаются на основании индивидуально-правовых актов в административном или судебном порядке, независимо от воли собственника недвижимого имущества. Например, наложение ареста на имущество является примером такого обременения. Гражданские обременения не отражают частно-правовые интересы, а предоставляют права в отношении обременяемого имущества, ограничивая права собственников.

Собственники недвижимого имущества наделены правом владения, пользования и распоряжения, и обязанностью по соблюдению ограничений, установленных для защиты прав других лиц и общественных интересов. Отмеченное позволяет определять объем свободы собственника в отношении недвижимого имущества. По мнению А. В. Шахова, ограничения прав собственности необходимы для обеспечения баланса между частными и публичными интересами [8, с. 37]. П. И. Калинина подчеркивает, что обременения прав собственности на недвижимое имущество способствуют стабильности гражданско-правовых отношений [9, с. 225].

Таким образом, собственники недвижимого имущества реализуют право владения, пользования и распоряжения, соблюдая ограничения, установленные для защиты прав других лиц и общественных интересов. Содержание права собственности на недвижимое имущество не имеет четкого определения ввиду отсутствия закрытого перечня действий, которые владелец вправе совершать. В данном контексте нельзя не согласиться с К. В. Замориной, утверждающей, что установление границ данной свободы возможно лишь через определение конкретных обстоятельств, сужающих правомочия собственника [10, с. 164]. Именно такое понимание содержания права

собственности на недвижимое имущество соответствует концептуальным основам, изложенным в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07 октября 2009 года и Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [11; 12].

Следовательно, содержание права собственности на недвижимое имущество динамично и зависит от правовых ограничений, обеспечивающих баланс между интересами собственника и общества. Важным аспектом остается осознание того, что право собственности не является абсолютным, а функционирует в рамках правового поля, регулирующего отношения между собственниками и третьими лицами.

На сегодняшний день, экономический и юридический смысл права собственности на недвижимое имущество тесно переплетены, дополняя друг друга и отражая сущность собственности. Первичной считается экономическая подсистема, тогда как юридическая выступает производной. В основе отношений собственности лежит процесс приобретения и отчуждения, основанный на экономическом интересе, который функционирует благодаря кредитно-денежному механизму. Юридическая собственность обеспечивает порядок во взаимоотношениях между субъектами гражданско-правовых отношений, поскольку каждый воспринимает объекты недвижимого имущества как «собственные» и «чужие».

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. В системе вещных прав право собственности выступает абсолютным вещным правом, неразрывно связанным с имуществом. Оно переходит вместе с объектом собственности и прикреплено к ней. Право собственности на недвижимое имущество характеризуется свойствами неприкосновенности, исключительности и превосходства. Собственник недвижимого имущества имеет право на свободное, бессрочное владение, пользование и распоряжение им, основанное на волеизъявлении собственника в рамках закона. Участники гражданских правоотношений обязаны уважать право собственности, избегать притеснений или посягательств на права собственника, а также воздерживаться от негативных действий, которые могут навредить владельцу недвижимого имущества. Право собственности является юридически наполненным, абсолютным по своей правовой природе, основным вещным правом. Все остальные вещные права остаются ограниченными, производными и зависят от права собственности. Таким образом, право собственности формирует основы гражданского оборота, обеспечивая стабильность и защиту прав собственников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 209.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации.– 29.10.2001. – № 44. – Ст. 15.
3. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.– 20.07.1998. – № 29. – Ст. 40.
4. Петров Д. Ю. История появления и становления права собственности на недвижимое имущество и его защиты в России и зарубежных странах: историко-правовое исследование / Д. Ю. Петров, А. А. Терзиева, И. В. Гусаим // Право и экономика. – 2024. – № 2 (432). – С. 47-53.
5. Ярош К. О. Прекращение права собственности на недвижимое имущество: юридическая природа / К. О. Ярош // International Law Journal. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 106-110.
6. Шкарупина Т. П. Ограничение и обременение прав на недвижимое имущество / Т. П. Шкарупина // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 2, № 8 (20). – С. 301-307.
7. Якушкина С. А. «Ограничения» и «обременения» прав на недвижимое имущество в российском праве: юридическая природа / С. А. Якушкина // Студенческий. – 2021. – № 35-4 (163). – С. 98-101.

8. Шахов А. В. Право собственности иностранных граждан на недвижимое имущество: российский и зарубежный опыт / А. В. Шахов // Государственная служба. – 2022. – Т. 24, № 6 (140). – С. 35-39.
9. Калинина П. И. Признание отсутствующим права собственности на движимое имущество, зарегистрированного как на недвижимое имущество / П. И. Калинина // Власть Закона. – 2023. – № 2 (54). – С. 220-230.
10. Заморина К. В. Приобретение и прекращение права собственности на недвижимое имущество: теоретические проблемы / К. В. Заморина // Закон. Право. Государство. – 2021. – № 2 (30). – С. 162-165.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/?ysclid=m6v3vl02v3982877515 (дата обращения: 25.01.2025). – Загл. с экрана.
12. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/?ysclid=m6v3z9e8hf381377059 (дата обращения: 25.01.2025). – Загл. с экрана.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF OWNERSHIP OF IMMOVABLE PROPERTY

Annotation. The paper examines the legal nature of ownership of real estate. The basic principles of the regulation of property rights in Russia are considered. The author analyzes the restrictions imposed on owners and their impact on legal relations with third parties. It is established that the right of ownership is not absolute, but functions within the legal framework, ensuring a balance between the interests of the owner and society. The novelty of the research topic is due to the need to analyze the legal nature of ownership of real estate in the context of modern challenges and restrictions affecting legal relations between owners and third parties.
Keywords: real estate, ownership, transfer of ownership, civil law relations, land plot.

Burdina A.A.
Scientific adviser: Aseev A.P., Senior lecturer Donetsk
State University
E-mail: burdina5031@gmail.com

УДК 343.6

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Виниченко А.В.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются проблемные аспекты уголовной ответственности за неоказание помощи больному. Анализируются особенности квалификации этого деяния и его различия со смежными составами преступлений. Отличия оцениваются по ряду критериев, включая субъективную сторону, субъекта, объективную сторону, объект и форму вины. Правовое регулирование защиты от подобных преступлений имеет значительные недостатки и нуждается в доработке.
Ключевые слова: уголовная ответственность, неоказание помощи, квалификация преступления, обязанности медицинских работников, ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей.

Современное общество должно уделять первостепенное внимание оказанию помощи больным людям. Однако, к сожалению, нередко случается так, что из-за недостатка внимания, некомпетентности или других факторов люди не получают необходимой и своевременной медицинской помощи. Это может привести к негативным последствиям, вплоть до летального исхода или тяжкого вреда здоровью. Возникает юридическая проблема, связанная с определением характера таких деяний и их отграничения от других схожих преступлений.

Сложность применения статьи 124 УК РФ неоказание помощи больному связана со спецификой медицинской деятельности и особенностями расследования подобных преступлений. Как показывает судебная практика, чаще всего подобные дела квалифицируются по другим статьям, а именно: ст. ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности» и 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» и ст. 293 УК «Халатность».

Одной из наиболее сложных задач в юридической практике является проведение чёткой границы между двумя преступлениями: причинением смерти по неосторожности в результате ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ст.109, УК РФ) и неоказанием помощи больному, повлекшим за собой смерть по неосторожности (ст.124, УК РФ). Разграничение этих составов преступлений представляет собой серьёзную проблему.

Сложность разграничения между ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 124 УК РФ напрямую влияет на установление причинно-следственной связи между действиями или бездействием медицинского работника и смертью пациента. Общим знаменателем является то, что и в том, и в другом случае результатом становится смерть человека, вызванная неосторожными действиями, то есть без намеренного причинения вреда.

По нашему мнению, ключевым фактором для точного разграничения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 124 УК РФ, является установление причинно-следственной связи в контексте оказания медицинской помощи. В ст. 124 УК РФ понятие «помощь» для целей уголовной ответственности целесообразно толковать как лечение болезненного состояния. Иными словами, данное понятие рассматривается в более узком смысле, чем принято в законодательстве о здравоохранении. Фактически из медицинской помощи исключаются отдельные процедуры диагностики и профилактики.

В преступлении, квалифицируемом по ч. 2 ст. 109 УК РФ, причинно-следственная связь между первоначальным состоянием здоровья пациента и его смертью прерывается. Возникает новое причинение вреда, где формальное «причинение», исходящее от врача,

является отправной точкой для юридически значимой причинно-следственной связи. Даже при наличии признаков оказания медицинской помощи, если она была оказана неправильно или не в полном объёме и это привело к смерти, но при этом не исключается влияние первоначального заболевания или иного болезненного состояния, справедливо квалифицировать произошедшее как преступление, предусмотренное ст. 124 УК РФ. В данном случае акцент делается на неоказании должной помощи, а не на непосредственном причинении вреда.

Существенным фактором, отличающим состав преступления, связанного с неоказанием помощи больному, от других составов, в частности, предусмотренных ст. 109 УК РФ, является субъективная сторона, то есть вина. Статья 109 УК РФ предусматривает причинение смерти по неосторожности, выраженной в форме легкомыслия или небрежности. В отличие от этого, для состава преступления, закрепленного в ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному), характерен прямой умысел, направленный именно на бездействие. Важно отметить, что умысел в контексте ст. 124 не требует полного осознания всех возможных последствий; достаточно осознания самого факта бездействия и его противоправности.

Необходимым условием для квалификации деяния по ст. 124 УК РФ является осознание медицинским работником незаконности своего отказа от оказания помощи, принимая во внимание очевидную угрозу для жизни пациента. Медицинский работник, обладающий соответствующими знаниями и опытом, должен понимать свою обязанность оказывать помощь и предвидеть возможные негативные последствия бездействия. Кроме того, при оценке наличия умысла важную роль играет анализ существующей медицинской практики, которая подтверждает необходимость оказания помощи в аналогичных ситуациях.

Далее рассмотрим различия между составами преступлений, связанных с неоказанием помощи, с точки зрения субъекта преступления, то есть лица, совершившего данное деяние. Для привлечения к ответственности по ст. 124 УК РФ необходимо, чтобы лицо, совершившее неоказание помощи, достигло шестнадцатилетнего возраста и в силу закона или других специальных нормативных актов было обязано оказывать помощь больным. Субъект состава ч.2 ст. 109 УК РФ – специальный субъект, каким является лицо определенной профессии, осуществляющее функции в соответствии с данной профессией. Например, согласно пункту 13 статьи 2 Федерального закона № 323 от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», к медицинским работникам относятся лица, в чьи профессиональные обязанности входит оказание медицинской помощи [7].

Обязанность конкретного лица оказывать медицинскую помощь обычно подтверждается документально: дипломом о высшем медицинском образовании по специальности «лечебное дело», сертификатами специалиста по различным направлениям медицины, а также приказом о назначении на должность врача, изданным руководителем медицинской организации. Однако для привлечения к ответственности по статье 124 УК РФ недостаточно простого факта принадлежности к медицинскому персоналу. Необходимо установить, что именно это лицо в данной конкретной ситуации имело юридическую обязанность оказать необходимую медицинскую помощь. Это предполагает установление не только статуса медицинского работника, но и прямой связи между его профессиональными обязанностями и необходимостью оказания помощи в рассматриваемом случае.

Преступление, предусмотренное статьей 124 Уголовного кодекса РФ, имеет свои особенности в отношении потерпевшего. Потерпевшим является лицо, нуждающееся в медицинской помощи и страдающее серьезным заболеванием. Тип заболевания или его стадия не являются определяющими факторами для квалификации деяния по данной статье. Важно отметить, что, как справедливо указывает Ю.В. Грачева, лица,

обратившиеся за косметологическими услугами и получившие отказ, не могут считаться потерпевшими в контексте статьи 124 УК РФ. Это логично, поскольку обращение за косметологическими процедурами, в отличие от необходимости в медицинской помощи, не связано с угрозой жизни или здоровью.

В случаях, когда рассматривается причинение смерти по неосторожности из-за ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ст. 109, ч. 2 УК РФ) и действия не соответствуют установленным требованиям, предписаниям или правилам, что приводит к смерти потерпевшего, необходимо установить конкретные профессиональные обязанности, которые были нарушены виновным лицом.

Неполноценная диагностика со стороны медицинских работников может быть расценена как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей и повлечь за собой ответственность по статье 109 Уголовного кодекса РФ. В качестве примера можно привести дело, рассмотренное судом, где пациент поступил в инфекционное отделение с жалобами на боли в животе. В течение недели пребывания пациента в отделении лечащий врач не провел полную дифференциальную диагностику для исключения острой хирургической патологии. Не было проведено ультразвуковое исследование (УЗИ) и не была организована консультация хирурга. Пациент получал консервативное лечение, основанное исключительно на его жалобах, в то время как ему требовалась неотложная хирургическая помощь. В итоге больной скончался от последствий перитонита. В данном примере налицо причинение смертельного вреда по из-за неправильных действий медработника [5].

Таким образом, ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 124 УК РФ соотносятся как общая и специальная нормы, различающиеся по признакам субъекта и по специфическим признакам объективной стороны. Основное различие между потерпевшими, упомянутыми в статьях 109 и 124 Уголовного кодекса РФ, заключается в их состоянии. В ст. 109 речь идёт о смерти человека, как последствие, а в ст. 124 — о ситуации, когда человек находится в опасности. Тем не менее, в обоих случаях пострадавший является уязвимым и нуждается в помощи.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному), включает в себя три обязательных компонента: само деяние, выражающееся в бездействии, последствия этого бездействия в виде вреда здоровью или смерти и, наконец, причинно-следственную связь между этим бездействием и наступившими последствиями.

Для квалификации преступления по статье 124 УК РФ как завершённого необходимо наступление определённых последствий, что указывает на материальный характер данного состава преступления. Деяние в данном случае заключается в неоказании помощи больному без уважительных причин. Это неоказание может принимать различные формы: полный отказ от обследования пациента, невыезд медицинского работника по вызову, отказ от срочной эвакуации больного в медицинское учреждение или отказ от постановки диагноза.

В свою очередь, объективная сторона преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ, включает в себя следующие элементы:

- деяние (действие или бездействие), состоящее в нарушении правил профессиональной безопасности;
- последствия в виде смерти потерпевшего;
- причинно-следственную связь между деянием и наступившими последствиями.

Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей представляет собой умышленное или неосторожное нарушение лицом официальных требований и стандартов, установленных для его профессиональной деятельности. Для квалификации деяния по части 2 статьи 109 УК РФ необходимо чётко указать, в чём именно заключалось нарушение правил осуществления профессиональной деятельности, а

также установить причинно-следственную связь между этим нарушением и наступившими последствиями в виде смерти [4, с. 34].

Таким образом, ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 124 УК РФ соотносятся как общая и специальная нормы, различающиеся: по признакам субъекта; по специфическим признакам объективной стороны.

В соответствии с законодательством ненадлежащее оказание медицинской помощи больному медицинским работником при отсутствии умысла, например, из-за неправильной оценки состояния здоровья или ошибки в диагнозе, не влечёт за собой ответственность по ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному). Однако подобные действия могут повлечь за собой уголовную ответственность по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) при условии, что будет доказана неосторожная вина медицинского работника и установлена причинно-следственная связь между ненадлежащим исполнением им своих профессиональных обязанностей и наступившими последствиями, в частности смертью пациента [9, с. 143].

В судебно-следственной практике часто возникают трудности при разграничении ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) и ст. 293 УК РФ (халатность). Эти сложности обусловлены определением понятия «халатность», которое в законодательстве трактуется как «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей». Важно отметить, что объективная сторона халатности может также проявляться в бездействии медицинского работника по отношению к пациенту, что на первый взгляд может показаться схожим с неоказанием помощи. Однако принципиальное различие заключается в том, что халатность применима только к должностным лицам, в то время как субъектом преступления по ст. 124 УК РФ может быть любой медицинский работник, обязанный оказывать помощь в силу закона или своих профессиональных обязанностей.

Следовательно, для квалификации деяния как халатности бездействие должно происходить в рамках должностных полномочий, например, при выполнении организационных, распорядительных или административных функций. В случае же неисполнения именно профессиональных обязанностей, в частности неоказания медицинской помощи конкретному больному, определяющим является статус медицинского работника. В таком случае лицо может быть привлечено к ответственности по статье 124 УК РФ, а не за халатность, поскольку именно статус медицинского работника делает его субъектом данного преступления. В случае, например, отказа дежурного врача госпитализировать пациента, который впоследствии умер из-за отсутствия медицинской помощи, оценка действий может быть разной: такое бездействие может квалифицироваться как халатность (ч. 2 ст. 293 УК РФ) или как неоказание помощи больному (ч. 2 ст. 124 УК РФ). Такая неоднозначность в квалификации обусловлена, в том числе, отсутствием четкого и общепринятого определения «неоказания медицинской помощи» [2, с. 45].

Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», медицинская помощь классифицируется на первичную, первичную медико-санитарную, специализированную, скорую и паллиативную. В контексте уголовного законодательства, как отмечает Ф.Р. Сундуров, под неоказанием помощи подразумевается прежде всего неотложная медицинская помощь, независимо от ее конкретного вида, отсутствие которой может повлечь за собой причинение вреда здоровью или смерть человека [6]. Таким образом, при квалификации бездействия медицинского работника, имеющего статус должностного лица, в первую очередь необходимо установить, в какой именно сфере произошло это бездействие: было ли оно связано с неисполнением профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи (что может подпадать под действие статьи 124 УК РФ) или же оно относится к

сфере организационно-распорядительной или административно-хозяйственной деятельности (что может квалифицироваться по статье 293 УК РФ).

В настоящее время в юридической теории нет единого мнения относительно соотношения составов преступлений «Неоказание помощи больному» (ст. 124 УК РФ) и «Оставление в опасности» (ст. 125 УК РФ). Потерпевшим от преступления, предусмотренного статьей 125 УК РФ, также может быть больной, поскольку в тексте статьи в качестве одного из вариантов беспомощного состояния прямо указана болезнь потерпевшего. Разница между этими составами преступлений, по мнению Н.И. Пикурова, заключается в том, что потерпевшим по статье 124 УК РФ может быть только больной человек, в то время как потерпевшими по статье 125 УК РФ могут быть как больные, так и другие лица, находящиеся в беспомощном состоянии по иным причинам [3, с. 56].

Объективная сторона преступления «оставление в опасности» выражается в бездействии. Законодательство устанавливает два объективных основания для привлечения к ответственности за такое бездействие: наличие у виновного обязанности заботиться о потерпевшем и создание виновным ситуации, опасной для жизни или здоровья потерпевшего. Субъективным основанием является фактическая возможность виновного оказать помощь лицу, находящемуся в опасности.

М.А. Горбатова считает, что оставление в опасности, возникшей в результате неосторожных действий самого потерпевшего, третьих лиц или стихийных бедствий, не может рассматриваться в контексте преступлений против жизни. Она аргументирует это тем, что бездействие само по себе не является причиной возникновения опасности, а преступный результат в данном случае может наступить только в результате активных действий каких-либо внешних сил [1, с. 23].

Таким образом, оставление в опасности, даже если оно привело к смерти потерпевшего, должно квалифицироваться исключительно по статье 125 УК РФ. Состав преступления «оставление в опасности», судя по его объективной стороне, является формальным. Это означает, что преступление считается завершённым с момента оставления потерпевшего в опасном положении, независимо от того, наступили ли какие-либо последствия, угрожающие его жизни.

В целом, можно согласиться с Ю.С. Хаврошиной, которая отмечает, что в некоторых ситуациях, даже при наличии всех формальных признаков состава преступления, квалификация по данной статье должна быть исключена, а в других случаях, наоборот, деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений [8].

Таким образом, разграничение преступлений, запрещенных ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 124 УК РФ следует производить по признаку причинно-следственной связи в рамках оказания медицинской помощи. Отграничением ст. 125 УК РФ от ст. 124 УК РФ является потерпевший, так как по статье 124 УК РФ может быть только больной человек, в то время как потерпевшими по статье 125 УК РФ могут быть как больные, так и другие лица, находящиеся в беспомощном состоянии по иным причинам. А ключевым отличием ст. 124 и с. 293 УК РФ является то, что халатность применима только к должностным лицам, в то время как субъектом преступления неоказания помощи больному может быть любой медицинский работник, обязанный оказывать помощь в силу закона или профессиональных обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбатова М.А. Отграничение оставления в опасности от преступлений против жизни / М.А. Горбатова // Процессуальные, криминалистические, уголовно-правовые и криминологические проблемы ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии: материалы Международного научно-практического форума в рамках Года Германии в России 2012/13, 4–5 апреля 2013 г. – С. 23.

2. Назмутдинова Л.М. Наказание за неоказание помощи: сравнительно-правовой анализ / Л.М. Назмутдинова // ВЭПС. – 2016. – №4. – С. 45.

3. Пикуров Н.И. Неоказание помощи больному: квалификация и отграничение от смежных составов / Н.И. Пикуров // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – С. 56.

4. Пискун А.И. Проблемы квалификации неоказания помощи больному / А.И. Пискун // Вестник Академии. – 2011. – С. 34.

5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.

6. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 944 с.

7. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 12.01.2025).

8. Хаврошина Ю.С. Соотношение статьи 125 УК РФ с иными составами преступлений / Ю.С. Хаврошина // Молодёжь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных – Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section10.html. (дата обращения: 12.01.2025).

9. Щетинина Н.В. Неоказание помощи больному: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / Н.В. Щетинина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 143.

DISTINGUISHING FAILURE TO PROVIDE ASSISTANCE TO A PATIENT FROM RELATED CRIMES

Annotation. This paper examines problematic aspects of criminal liability for failure to provide care to a patient. The features of the qualification of this act and its differences with related crimes are analyzed. Differences are assessed according to a number of criteria, including the subjective side, the subject, the objective side, the object and the form of guilt. The legal regulation of protection against such crimes has significant drawbacks and needs to be improved.

Keywords: criminal liability, failure to provide assistance, qualification of a crime, duties of medical workers, improper performance of professional duties.

Vinichenko A.V.
Scientific adviser: Kalmykova A.A., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: vinichenko_albina04@mail.ru

УДК 34

ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волкова В.А.
Научный руководитель: Тимофеева А. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается право на юридическую помощь в международных актах и в законодательстве Российской Федерации. Перечислены основные международные акты и нормативно-правовые акты Российской Федерации в сфере реализации права на юридическую помощь и дана их краткая характеристика.
Ключевые слова: юридическая помощь, международные акты, права и свободы граждан, гарантии, законодательство РФ.

Право на юридическую помощь есть один из важнейших элементов механизма гарантирования прав и свобод и выступает составной частью социального правового государства. Данное право находит юридическое закрепление, прежде всего, в основном законе государства. Общие положения о праве на юридическую помощь содержатся во многих международных документах, предусматривающих права человека и их гарантии. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть основные международные акты и законодательство Российской Федерации относительно правового регулирования права на юридическую помощь.

Одним из первых значимых документов стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Ст. 11 Декларации утвердила принцип, согласно которому каждый обвиняемый в преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет подтверждена в соответствии с законом в процессе открытого судебного разбирательства, где ему предоставлены все возможности для своей защиты [1, ст. 11]. Данное положение выступает общеправовой формулой презумпции невиновности.

На универсальном уровне право на юридическую помощь закрепляется в различных международных договорах в отношении как общих прав человека, так и прав отдельных категорий индивидов. Так, в п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. закреплены минимальные гарантии права каждого при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения: каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право защищать себя лично или через выбранного им защитника, если защитник отсутствует. Индивид должен быть проинформирован о своем праве на защиту и иметь назначенного защитника, если это необходимо для обеспечения правосудия. Причем такой защитник должен быть предоставлен бесплатно, если у обвиняемого недостаточно средств для его оплаты [2, п. 3 ст. 14].

Ст. 16 Конвенции о статусе апатридов 1954 года гласит, что лица без гражданства имеют право на равное обращение за юридической помощью, как и граждане принимающего государства [3, ст. 16], а схожие права предоставлены и беженцам в ст. 16 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. Более того, Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. гарантируют право на юридическую помощь даже в условиях военного времени. Нарушение этого права подразумевает определенные последствия, как указано в ст. 99 Женевской конвенции об обращении с военнопленными: ни один военнопленный не может быть осужден, если у него не было возможности для защиты и ему не был предоставлен квалифицированный защитник [4, ст. 99].

Аналогичные гарантии дублируются в Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. в отношении трудящихся-мигрантов. Конвенция о правах ребенка 1989 г. гарантирует право на юридическую

помощь каждому ребенку, обвиняемому в нарушении уголовного законодательства или рассматриваемому в связи с такими обвинениями (пп. «б» п. 2 ст. 40), а также каждому ребенку, лишенному свободы (п. «с» ст. 37) [5, п. «с» ст. 37; пп. «б» п. 2 ст. 40].

Основными договорами регионального уровня, закрепляющими право на квалифицированную юридическую помощь выступают: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 3 ст. 6) [6, п. 3 ст. 6], Конвенция Содружества Независимых Государств о правах человека и основных свободах 1995 г. (п. 3 ст. 6) [7, п. 3 ст. 6], Американская конвенция о правах человека 1969 г. (п. 2 ст. 8) [8, п. 2 ст. 8] и Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г. (п. 1 ст. 7) [9, п. 1 ст. 7]. Указанные договоры содержат формулировки, которые гарантируют обвиняемым в преступлениях следующие права: защищаться самостоятельно или с адвокатом по своему выбору; обеспечивать защитника бесплатно, если у обвиняемого нет средств, и предоставлять достаточное время для подготовки защиты. Имеются и некоторые особенности в отношении права на юридическую помощь. Так, норма п. 1 ст. 8 Американской конвенции гарантирует право на конфиденциальные беседы с защитником [8, п. 1 ст. 8]. А п. 1 ст. 7 Африканской Хартии ограничивает право на квалифицированную помощь правом на защиту при судебном разбирательстве [9, п. 1 ст. 7].

Все вышеперечисленные соглашения предполагают создание контрольных органов, отвечающих за соблюдение прав, что укрепляет их защиту. Соответственно, право на юридическую помощь, как и другие основные свободы, получает такую же гарантию [10, с. 250].

На национальном уровне, как уже было отмечено ранее, у каждого государства есть свое законодательство в области права граждан на юридическую помощь.

Конституция Российской Федерации закрепляет, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства». Это положение невозможно без наличия эффективной системы общих и специализированных юридических гарантий, среди которых важное место занимает юридическая помощь [11, с. 36].

В Российской Федерации юридическая помощь направлена на обеспечение прав и свобод как граждан, так и юридических лиц, а также на защиту их законных интересов.

Обеспечение граждан бесплатной юридической помощью в Российской Федерации закреплено в ст. 4 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», что служит основой для государственной политики по реализации гарантий права на получение бесплатной юридической поддержки.

Основные принципы оказания бесплатной юридической помощи включают:

- обеспечение реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан;
- поддержание социальной справедливости и социальной ориентированности при предоставлении юридической помощи;
- доступность бесплатной юридической помощи для граждан в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации;
- контроль за соблюдением профессиональной этики и стандартов качества лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь;
- установление требований к профессиональной квалификации таких специалистов;
- предоставление гражданам возможности свободного выбора между государственной и негосударственной системами бесплатной юридической помощи;
- обеспечение объективности, беспристрастности и своевременности предоставляемой помощи;

− равенство доступа всех граждан к получению бесплатной юридической помощи без какой-либо дискриминации;

− соблюдение конфиденциальности при оказании бесплатной юридической помощи [12, ст. 5].

Государственная политика в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также установленными настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами физическими и юридическими лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь.

Таким образом, в государстве закреплена двухуровневая система бесплатной юридической помощи:

- государственная юридическая помощь предоставляется различными государственными органами и учреждениями, включая федеральные и региональные структуры, а также юридические бюро, которые действуют при этих органах;

- негосударственная юридическая помощь включает в себя юридические клиники и центры, которые могут быть созданы как некоммерческие организации или как структурные подразделения юридических лиц. Это открывает доступ к юридическим услугам для более широкой аудитории и может способствовать повышению правовой грамотности населения [13, с. 29].

Помимо Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» правовое регулирование в сфере оказания юридической помощи осуществляется также следующими нормативными актами:

- Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», который устанавливает право названных категорий на бесплатную юридическую помощь (ст. 10);

- Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» регламентирует право получения бесплатной юридической помощи военнослужащими, гражданами, уволенными с военной службы, и членами их семей по вопросам, связанным с прохождением военной службы (ст. 22);

- Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» устанавливает право несовершеннолетних, находящихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, на обеспечение бесплатной юридической помощью с участием адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание юридической п помощи в соответствии с законодательством (ст. 8);

- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет случаи, когда подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно (ст. 16);

- Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», определяет, что адвокаты оказывают юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в соответствии с Законом № 324- ФЗ (ст. 26);

- Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определяет, что получателям социальных услуг предоставляются, в том числе бесплатно, социально-правовые услуги, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг (ст. 20);

- Закон Российской Федерации от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» устанавливает право лиц, страдающих психическими расстройствами, на получение БЮП при оказании им психиатрической помощи в рамках государственной системы в соответствии с Законом № 324-ФЗ (ст. 7).

В последние годы наблюдается тенденция увеличения числа субъектов Российской Федерации, принявших региональные законы об оказании бесплатной юридической помощи. Эти акты играют важную роль в регулировании вопросов юридической помощи и успешно применяются в различных регионах.

В Донецкой Народной Республике основным нормативно-правовым актом в сфере оказания юридической помощи является Закон Донецкой Народной Республики «О бесплатной юридической помощи в Донецкой Народной Республике» № 111-РЗ от 08.10.2024, который вступает в силу с 01.03.2025 г. [14].

В ст. 6 Закона регламентировано, что бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи оказывают:

исполнительные органы Донецкой Народной Республики и подведомственные им учреждения; государственное юридическое бюро; адвокаты; нотариусы; иные участники, оказывающие бесплатную юридическую помощь, наделенные такими полномочиями Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Получать бесплатно юридическую помощь в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в Донецкой Народной Республике в соответствии со ст. 10 Закона ДНР, смогут:

Герои Донецкой Народной Республики, Герои Труда Донецкой Народной Республики;

граждане, жилые помещения которых утрачены или повреждены в результате боевых действий.

Следует подчеркнуть, что характерной особенностью региональных нормативно-правовых актов, касающихся предоставления бесплатной юридической помощи, является их цель - дополнение и уточнение Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Таким образом, анализ международно-правовых актов показывает, что область применения норм, закрепляющих право на юридическую помощь, охватывает множество ситуаций. По сути, это любые случаи, связанные с защитой и восстановлением нарушенных прав.

В свою очередь, конституционное право каждого на юридическую помощь предполагает наличие организованной системы социальных институтов, обеспечивающих профессиональное содействие в реализации прав, свобод и законных интересов граждан на уровне государства.

Важно отметить, что возможность получения юридической помощи в равной степени предоставляется каждому, кто в ней нуждается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 25.01.2025).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] (принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 25.01.2025).

3. Конвенция о статусе апатридов [Электронный ресурс] (принята 28 сентября 1954 г.) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16741#QK8gHcUTKYBRTrGK/ (дата обращения: 25.01.2025).
4. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] (принята 12 августа 1949 г.) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15250#Y2pgHcUXBULCpB55 (дата обращения: 25.01.2025).
5. Конвенция о правах ребёнка [Электронный ресурс] (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 25.01.2025).
6. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] (принята 4 ноября 1950 г.) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 25.01.2025).
7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [Электронный ресурс] (принята 26.05.1995 г.) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (дата обращения: 25.01.2025).
8. Американская конвенция о правах человека [Электронный ресурс] (принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г.). // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16783#qrI2IcU2PIcHQu0I (дата обращения: 25.01.2025).
9. Африканская хартия прав человека и народов [Электронный ресурс] (принята 26 июня 1981 г.) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/afrikanskaya_hartiya_prav_cheloveka_i_narodov/ (дата обращения: 25.01.2025).
10. Машкина А. Ю. Право на юридическую помощь в международном измерении // Вестник ИрГТУ. 2007. № 1 (29). С. 249-251.
11. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.01.2025).
12. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: офиц. сайт компании. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения 26.01.2025).
13. Остапенко А. С., Мазур Д. В. К вопросу о бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // МНКО. 2012. № 6. С. 28-30.
14. Закон Донецкой Народной Республики «О бесплатной юридической помощи в Донецкой Народной Республике» от 08.10.2024 № 111-РЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-besplatnoj-yuridicheskoj-pomoshhi-v-donetskoj-narodnoj-respublike/ (дата обращения 29.01.2025).

THE RIGHT TO LEGAL ASSISTANCE IN INTERNATIONAL ACTS AND LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper examines the right to legal assistance in international acts and in the legislation of the Russian Federation. The main international acts and normative legal acts of the Russian Federation in the field of the realization of the right to legal assistance are listed and their brief characteristics are given.
Keywords: legal aid, international acts, rights and freedoms of citizens, guarantees, legislation of the Russian Federation.

Volkova V. A.
Scientific adviser: Timofeeva A. A., senior lecturer at the Department of Constitutional and International Law
Donetsk State University
E-mail: volkova-lera2004@bk.ru

УДК 340

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Голубева М. А.
Научный руководитель: Лещенко И.И., канд.ист.наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В представленной статье акцентируется внимание на том, что построение правового государства - это сложный процесс, требующий не только наличия совершенного законодательства, но и формирования эффективно функционирующей правовой системы в целом.
Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, государственность, правовая система.

В современной России уровень восприятия и понимания базовых принципов правового государства по-прежнему остаётся сложным и проблемным, что вызывает серьёзную обеспокоенность у экспертов. Такая ситуация формирует почву для многочисленных дискуссий и аналитических размышлений о причинах сложившегося положения дел. Проблема усугубляется тем, что современные философы, политологи и представители юридической науки уделяют недостаточно внимания исследованию теоретических основ правового государства, а также вопросам формирования государственной идеологии как важнейшего элемента общественного сознания, что также негативно отражается на политико-правовом развитии государства.

Цель статьи состоит в определении и охарактеризовании проблем и перспектив современного развития Российского государства и гражданского общества.

Современный мир требует новых инноваций в области теории правового государства. В случае если государство не стремится понять идеи и принципы правового государства, это может привести к серьезным проблемам. Как отмечал учёный Зуев А.В., формирование правового государства – это трудоёмкий процесс, который во многом зависит от различных жизненных факторов. Построить правовое государство по чьему-то волевому предписанию кого-либо и тем более к определенному сроку просто не представляется возможным. Учёный отмечал, что становлению целостного, «логически завершенного правового государства предшествует формирование в государстве определённых условий, которые будут являться основой для создания правового государства» [1, с. 149].

Профессор Нерсесянц В.С. внёс значительный вклад в разрешение проблем, связанных с правовым государством. Он определил правовое государство как «правовую форму организации и функционирования публично-политической власти и её взаимоотношений с индивидами в качестве субъектов права, обладателями прав и свобод человека и гражданина». Его критика в отношении концепций «государства законов» и «государства законности» заключается в том, что правовое государство нельзя свести к простому государству законов. Автор отмечал, что в стране, стремящейся построить правовое государство, все вопросы, которые могут возникнуть между ветвями власти, должны решаться только в судебном порядке, а не в политической сфере. Как он указывал, правовая система по своей сущности «призвана стать основой развития всех остальных сфер общественной жизнедеятельности, при этом различают пять основных стандартов современного правового государства» [3, с. 189].

Концепция правового государства, предложенная В.С. Нерсесянцом, - это сложная и многогранная система, требующая не только формального принятия законов, но и их реального воплощения в жизнь в соответствии с основополагающими принципами правового общества.

Одной из главных проблем, стоящих перед правовым государством в наше время, является дефицит справедливости, который ощущается не только в России, но и во всём мире. Важно отметить, что ни одно общество не может обеспечить своим гражданам абсолютных гарантий справедливости, ибо именно отсутствие этой уверенности заставляет людей обращаться к государству в поисках защиты своих прав и интересов. Как определял Зуев А.В., «Справедливость правового государства – это прозрачное, чёткое и равноправное соотношение между правами и обязанностями гражданского населения, в частности: должно быть «правильное и стабильное соотношение между трудом и его вознаграждением». [1, с. 150].

Учёные Горелов А.А. и Горелова Т.А. также акцентировали на справедливости и религии в концепции правового государства, ссылаясь на христианские размышления Ф.М. Достоевского, который считал, что справедливость достигается только на христианских заповедях. Он указывал, что «главное – чтобы люди уважали других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо» [4, с. 42].

Русский философ В.С. Соловьев в XIX в. писал, что Россия должна отказаться от «права силы» и поверить в «силу права». Государство – это организация политической власти, которая необходима для выполнения поставленных государственных задач и целей, решения общенациональных дел [6, с. 389].

Российский юрист Погребняк П.П. указывал, что советские учёные-юристы придерживались позиции, согласно которой будет лучше, если они сформируют собственную и единичную теорию социалистического правового государства. Однако это был ошибочный путь, путь заблуждения и утопии. Рассматривая понятие «правовое государство», современные учёные делали «акцент не на государство, а на право, так как правовое государство – это самостоятельный тип государства, который отличается от других государств характерными векторами развития, специфическими чертами и принципами» [6, с. 19]. Юрист Умурзакова Н.М. считает, что правовое государство может быть идеалом человечества, но вряд ли может быть идеальным типом государства, поскольку представление о правовом государстве, по мнению известных политологов, формировалось как консенсус между либерализмом и социализмом. Правовое государство «охватывает и либеральные ценности, и ценности социал-демократов» [7, с. 380]. Юрист Лазарев П.А. отмечал, для того чтобы правовое государство существовало, необходимо обратить внимание не только на правовые нормы, но и на эффективную организацию государственной власти. Тем самым, необходимо создание различных государственных органов, чёткое определение их полномочий, установление взаимоотношений между ними, а также определение форм их деятельности. Все эти компоненты являются важными для правильного функционирования правовой системы государства [9, с. 139].

В современном контексте развития России особое значение приобретает роль гражданского общества и демократических институтов. На сегодняшний день их эффективность оставляет желать лучшего, однако именно они являются краеугольным камнем существования подлинно правового государства. Поэтому их всестороннее развитие и укрепление становятся приоритетными задачами на пути к построению сильного и справедливого общества. Однако для реального воплощения концепции правового государства в жизнь необходим комплекс мер и соблюдение определённых условий. Ключевыми элементами являются наличие активного гражданского общества, способного контролировать власть и участвовать в принятии решений, высокий уровень правосознания граждан, готовых отстаивать свои права, а также гарантированный общественный правопорядок, основанный на уважении к закону. Не менее важным условием является реализация принципа плюрализма, обеспечивающего многообразие мнений и свободу дискуссий, что способствует формированию более зрелого и справедливого общества.

Государство должно не только провозглашать определённые принципы и цели, но и активно работать над созданием условий, позволяющих гражданам и институтам воплощать их в жизнь. В качестве примеров такой деятельности можно привести финансирование государством образовательных учреждений, специализирующихся на гуманитарных науках. Инвестиции в такое образование способствуют развитию критического мышления и гражданской активности, что, в свою очередь, формирует более осведомлённое и заинтересованное общество, способное к конструктивным политическим дискуссиям. Более того, активное освещение важных общественных вопросов в средствах массовой информации, поддерживаемое государством, также играет важную роль в формировании информированного общественного мнения. Ещё одним важнейшим аспектом государственной политики является создание единой и непротиворечивой нормативно-правовой базы. Наличие чёткого и согласованного законодательства, без внутренних коллизий и противоречий, является основой для стабильного и справедливого функционирования общества.

В рамках правового государства гражданское общество играет ключевую роль, обеспечивая правовую и демократическую основу функционирования государства. При такой организации общественной жизни гражданам не требуется самим выступать в роли политических активистов и создавать партии или общественные движения. Политическая система в рамках правового государства является своеобразным двигателем развития идей экономического и политического плюрализма, а также ключевым фактором обеспечения верховенства закона в интересах гражданского общества. В качестве примера можно привести позицию американского философа Ф. Фукуяма, который считал, что сильное государство – это не столько мощное в военном отношении государство, сколько государство, которое способно обеспечить в гражданском обществе стабильность и гарантию права, а также не допускать к власти людей, склонных к терроризму [2, с. 443].

В Конституции Российской Федерации подчёркивается, что человек, его права и свободы являются самыми важными ценностями. Опыт показывает, что отсутствие правового государства препятствует достижению справедливости, поскольку эти два аспекта тесно взаимосвязаны. Российский юрист Туркаева Л.В. указывала, что действующая Конституция Российской Федерации частично разграничивает правовой и социальный характер государства, однако нельзя считать, что правовое государство интересуется только политической и правовой жизнью общества. На свете практически все государства отдают дань развитию социально-экономической стороны жизнедеятельности общества, а это, как известно, важнейшая сторона деятельности и характерности правового государства [9, с. 25]. Имеется в виду, что правовое государство находит более широкую поддержку среди общества по сравнению с государством, не придерживающимся законов. Законы в правовом государстве занимают центральное место. В России, как в правовом государстве, помимо нормативно-правовых актов, значимую роль играют указы и распоряжения Президента Российской Федерации, которые не могут противоречить действующим федеральным законам, но обладают первоочередным значением перед другими документами. В правовом государстве обязательно соблюдение и обеспечение правового статуса личности. Правовой статус личности представляет собой юридическое положение индивида и гражданина, отражающее его реальное положение в отношениях с обществом и государством.

Российская Федерация как правовое государство всё еще находится на стадии становления. Данное обстоятельство обосновывается тем, что процесс развития правового государства в нашем государстве не завершён и требует дальнейших усилий и реформ. Следует отметить, что развитие правового государства в России происходит нелинейно, противоречиво и разнонаправлено вследствие того, что различные субъекты

и институты не всегда эффективно функционируют и способны обеспечить соблюдение правовых норм и принципов.

Полное воплощение принципов правового государства в России, неразрывно связано с преодолением ряда глубоко укоренившихся проблем и переосмыслением подходов к законодательному регулированию. Важно отметить, что правовое государство по своей сути стремится к социальной справедливости, что делает его тесно связанным с понятием социального государства. Однако существует тонкая грань: правовое государство является необходимым условием для социального государства, в то время как социальное государство в отрыве от правовых принципов не может в полной мере реализовать цели и задачи правового государства. Вышеуказанный тезис находит подтверждение во мнениях ряда экспертов, как в области юриспруденции, так и в области экономики, которые считают, что текущий уровень экономического развития России может быть сдерживающим фактором на пути к полноценному правовому государству. Несмотря на то, что конституционные нормы в России во многом соответствуют международным стандартам правового государства, в стране по-прежнему наблюдаются проблемы с их последовательным и неукоснительным соблюдением.

Таким образом, современные дискуссии о развитии и совершенствовании концепции правового государства в России сосредоточены на осмыслении его фундаментальной значимости как основы для формирования справедливого и социально ориентированного общества. Правовое государство рассматривается не просто как абстрактная идея, а как практический механизм, обеспечивающий гармоничное сосуществование граждан, защиту их прав и свобод, а также реализацию принципа верховенства закона. В условиях современных проблем и трансформаций общества именно правовое государство становится тем стержнем, который позволяет выстраивать устойчивые институты, гарантирующие равноправие, прозрачность и подотчётность власти.

Справедливое общество, в котором закон и морально-нравственные ценности стоят во главе угла, невозможно без прочной основы в виде правового государства. Современные исследования и дискуссии подчеркивают необходимость дальнейшего развития теоретических и практических аспектов правового государства с учётом национальных особенностей России, а также международного опыта. Задача построения такого общества требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие правовой культуры и воспитание в гражданах уважения к закону как основополагающему элементу общественного устройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуев А.В. Правовое государство и гражданское общество в России: проблемы становления / А.В. Зуев // Вопросы российского и международного права. - 2022. - Т. 12. - № 10-1. - С. 147-152.
2. Чуканова К.В. Проблема становления гражданского общества, как основа правового государства / К.В. Чуканова // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. - 2015. - № 3. - С. 443-445.
3. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. - М.: Норма: ИНФРА-М. - 2012. - 547 с.
4. Горелов А.А., Горелова Т.А. Предпосылки становления гражданского общества / А.А. Горелов, Т.А. Горелова // PolitBook. - 2017. - № 2. - С. 34-50.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев. - Собр. соч.: В 2 т. - М. - 2018. - Т. 2. - 469 с.
6. Погребняк П.П. Общество и государство: становление отношений / П.П. Погребняк // Достижения вузовской науки. - 2019. - № 25-1. - С. 17-22.
7. Умурзакова Н.М. Гражданское общество как социально-правовое пространство / Н.М. Умурзакова // Молодой ученый. - 2019. - № 21. - С. 380-382.

8. Туркаева Л.В. Правовое образование как основа становления гражданского общества и правового государства / Л.В. Туркаева // Вестник Уральского института экономики, управления и права. - 2020. - № 3 (52). - С. 21-27.
9. Лазарев П.А. Отдельные вопросы построения правового государства в России / П.А. Лазарев // В сборнике: Актуальные проблемы юриспруденции. - Москва. - 2022. - С. 137-141.

MODERN DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. The presented article focuses on the fact that building a state governed by the rule of law is a complex process that requires not only perfect legislation, but also the formation of an effectively functioning legal system as a whole.
Keywords: rule of law, civil society, statehood, legal system.

Golubeva M. A.
Scientific supervisor: Leshchenko I.I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Donetsk State University.
E-mail: marus.golubeva@yandex.ru

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 303 УК РФ

Гончарова Е.В.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности. Работа раскрывает ключевые теоретические и практические аспекты данного правонарушения, уточняя понимание фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности. Полученные результаты обладают научной ценностью, поскольку проясняют сложные вопросы, возникающие при квалификации преступлений, связанных с фальсификацией, как в теории, так и на практике.
Ключевые слова: уголовное право, преступления против правосудия, состав преступления, объективная сторона, фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 года внёс изменения в ст. 303 УК РФ, переименовав её в «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности». В рамках этой правовой нормы была добавлена четвертая часть, которая устанавливает уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскных мероприятий. Такая ответственность распространяется на лиц, наделенных полномочиями для проведения данных мероприятий. Основная цель наказания – предотвращение необоснованного уголовного преследования невиновных граждан или причинения вреда их чести, достоинству и деловой репутации [9, с. 472].

Преступление, описанное в ст. 303 УК РФ, характеризуется наличием ключевого признака – фальсификации. Это понятие охватывает целенаправленные действия по искажению реальной информации или замене подлинного ложным материалом. Подобные действия могут также выражаться в ухудшении качества товаров, сохраняя при этом их внешний вид, либо в создании поддельных объектов с намерением обмана. Стоит отметить, что основой любой фальсификации являются активные действия, направленные на достижение определенного результата.

С точки зрения юридической практики, фальсифицированные доказательства будучи «ненастоящими» представляют собой не соответствующие действительности аналоги доказательств. Они могут использоваться в гражданских, административных или уголовных делах, а также быть связаны с результатами оперативно-розыскной деятельности. Именно эти элементы становятся предметом рассмотрения в рамках указанной статьи закона.

Доказательство включает в себя содержание — сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и форму — источник этих сведений, что закреплено в абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, ч. 2 ст. 64 АПК РФ, ч. 2 ст. 59 КАС РФ, ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ, ч. 2 ст. 74 УПК РФ [5].

Результаты оперативно-розыскной деятельности, зафиксированные в служебных документах и содержащие информацию о преступлениях, их участниках или лицах, уклоняющихся от правосудия, рассматриваются как доказательства. Однако в контексте статьи 303 УК РФ (часть 4) имеют значение лишь те случаи, когда такие данные подверглись фальсификации с намерением привлечь к уголовной ответственности лицо, не связанное с совершением противоправного деяния, либо нанести ущерб его чести, достоинству и деловой репутации.

Согласно законодательному толкованию, фальсификация, регулируемая ст. 303 УК РФ, касается исключительно доказательств или результатов оперативно-розыскных мероприятий, обладающих материальной формой и не пересекающихся по составу с другими статьями (например, 302, 304, ч. 3 ст. 306, ст. 307 и 309). Это позволяет четко выделить границы применения данной нормы права.

Процесс фальсификации может осуществляться различными способами, основываясь на сути понятия «фальсификация» и взаимосвязи формы с содержанием доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности. В частности, это может быть: модификация существующего содержания при сохранении внешней формы; замена одного объекта другим, имеющим схожие характеристики, но искаженное содержание; создание абсолютно нового объекта с недостоверной информацией [3].

Таким образом, ст. 303 УК РФ не предполагает уничтожение или сокрытие доказательств как форму фальсификации. Тем не менее, некоторые научные школы полагают, что указанные действия могут рассматриваться как разновидность фальсификации. Такую позицию подкрепляют решения Верховного Суда РФ. Например, Ю.И. Цветков ссылается на кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам, где прямо указано, что фальсификация доказательств включает как искусственное создание, так и уничтожение материалов дела. Таким образом, трактовка данного правового явления остается предметом профессиональных дискуссий.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2006 год отмечено, что ст. 303 УК РФ интерпретирует фальсификацию доказательств как искусственное создание или уничтожение материалов, способных повлиять на оправдание обвиняемого или потерпевшего. В рамках этого определения рассматриваются действия по уничтожению или сокрытию улик, а также представление недостоверных вещественных доказательств. Данная позиция подтверждается кассационным определением Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 года № 46-о10-80, где понятие «фальсификация» также трактуется в контексте уничтожения или сокрытия улик.

Несмотря на это, судебная практика Верховного Суда РФ рассматривает уничтожение или сокрытие лишь как составляющую часть фальсификации доказательств. При этом квалификация по ст. 303 УК РФ основывается именно на факте искусственного создания доказательств. Для иллюстрации данной концепции можно обратиться к примерам из решений Верховного Суда РФ, которые используются для обоснования фальсификации через уничтожение или сокрытие. В Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2006 год подчеркивается, что фальсификация доказательств по статье 303 УК РФ предполагает искусственное создание или уничтожение материалов, направленных на защиту интересов обвиняемого или потерпевшего [7 с. 16].

Примером может служить дело, где суд установил, что подпись в протоколе допроса потерпевшей была сделана не М., как указано в обвинении, а другим лицом, вопреки выводам почерковедческой экспертизы. Однако суд не выяснил мотивацию действий этого «другого лица» и роль М. в данном инциденте. Хотя было установлено, что М. не расписывалась за потерпевшую, суд не прояснил, как именно она могла фальсифицировать доказательства. Таким образом, несмотря на то что понятие «фальсификация доказательств» иногда раскрывается через категории «уничтожение или сокрытие», практическое применение статьи 303 УК РФ чаще всего сводится к случаям искусственного создания доказательств. Это противоречит теоретическим представлениям о фальсификации через уничтожение или сокрытие, что требует дальнейшего разъяснения законодательства [8].

Одним из ключевых примеров, иллюстрирующих трактовку фальсификации доказательств, является кассационное определение Верховного Суда РФ № 46-о10-80 от 15 сентября 2010 года. В данном документе подчеркивается, что согласно части 2 статьи 303 УК РФ, фальсификация включает как искусственное создание, так и уничтожение доказательств, независимо от того, относятся они к обвинению или защите. При этом последствия таких действий, а также их цели — будь то осуждение, оправдание лица или любая другая цель, установленная судом в соответствии с предметом доказывания (статья 73 УПК РФ) — не имеют значения для квалификации деяния [2].

Преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, считается завершенным в момент предъявления сфальсифицированного объекта в качестве доказательства по делу. Однако, несмотря на расширительную трактовку «фальсификации» через категории «уничтожение» или «сокрытие», правоприменительная практика сводится исключительно к случаям искусственного создания доказательств. Это противоречие указывает на разрыв между теоретическим представлением о фальсификации как комплексном явлении и реальной практикой применения данной нормы права [4].

Таким образом, приведенные примеры, используемые для обоснования фальсификации через уничтожение или сокрытие, представляют собой скорее теоретические взгляды судей на составные элементы данного правонарушения, чем реальные случаи его квалификации. Данные примеры не подтверждают правоприменительную позицию Верховного Суда РФ в отношении уничтожения или сокрытия доказательств по статье 303 УК РФ, а лишь отражают личное мнение судей без практического воплощения в судебных решениях.

Вместе с тем следует отметить, что при установлении факта уничтожения или сокрытия нефальсифицированных доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности, квалификация должна основываться на характере субъекта. Если деяние совершено должностным лицом, ведущим дело (например, следователем или судьей), оно должно быть квалифицировано по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Для других субъектов более подходящей будет соответствующая часть ст. 294 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия). Многие авторы в юридической литературе высказывают мнение, что в связи с многообразием способов изменения доказательств, ст. 303 УК РФ нуждается в дополнительном регулировании, включающем не только фальсификацию, но и такие действия, как уничтожение, изъятие или сокрытие доказательств.

Считаем, что фальсификация доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности, предусмотренная статьей 303 УК РФ, представляет собой противоправное деяние, совершенное уполномоченным субъектом, указанным в ч. 1, 2 или 4 данной статьи, при исполнении своих профессиональных обязанностей по сбору или представлению доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности. Ее суть заключается во внесении ложных изменений в существующие доказательства, независимо от их формы, либо в создании новых материалов для использования в гражданских, административных делах, делах об административных правонарушениях, уголовных делах или делах оперативного учета. Подобные действия совершаются с целью преследования невиновных лиц или причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

В научной литературе фальсификация доказательств, регулируемая статьей 303 УК РФ, трактуется разнообразными способами. Рассматривают как:

а) искажение фактических данных, которые рассматриваются в качестве судебных доказательств;

б) преднамеренное противоправное действие, направленное на создание недостоверного доказательства или изменение подлинного через подчистки, удаление или внесение ложных сведений;

в) манипуляции с материальными объектами, являющимися носителями доказательственной информации;

г) целенаправленное искажение доказательств для достижения необъективного решения по делу, включающее изменение, уничтожение или замену информации, в том числе вещественных доказательств и показаний;

д) подмена или подделка доказательств, а также искажение подлинных документов либо их замена ложными аналогами;

е) искусственное создание доказательств, которое может быть направлено как в пользу истца, так и ответчика, либо использоваться для оправдания или обвинения невиновного лица;

ж) намеренное искажение содержательной или материальной стороны доказательств, что оказывает влияние на объективность судебного процесса;

з) подделка, изменение или замена достоверной информации на недостоверную, полученную с нарушением установленных правил [1].

Основная суть фальсификации заключается в выдаче ложного за истинное. Важно отметить, что нарушение процессуальных норм при сборе доказательств без их подмены не относится к категории преступлений. Фальсификация предполагает не только намеренное искажение фактов, имеющих значение для дела, но и их представление суду. Данное деяние проявляется в предъявлении искусственно созданных доказательств, изменении подлинных материалов или предоставлении суду заведомо недостоверных сведений об обстоятельствах, значимых для рассмотрения дела, если лицо осознает их ложность. Таким образом, ключевым элементом фальсификации является именно умышленный характер действий и их последствия для правильности правосудия.

Судебная практика предлагает разнообразные подходы к определению фальсификации доказательств. В частности, данное правонарушение может интерпретироваться как искусственное создание или уничтожение материалов, направленных на защиту интересов одной из сторон (например, обвиняемого или потерпевшего). Такие действия включают не только физическое уничтожение или сокрытие улик, но и представление ложных вещественных доказательств. Кроме того, фальсификация может рассматриваться как намеренное искажение представленных доказательств, которые служат основой для принятия судебного решения. Также важным аспектом является внесение любых изменений в процессуальные документы, способных исказить их содержание, независимо от характера недостоверной информации.

Необходимо подчеркнуть, что фальсификация доказательств требует самостоятельной квалификации и не должна рассматриваться как способ совершения другого преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. Примером такого разграничения служит Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 72П16. В данном деле осужденная К. просила исключить обвинение по ч. 2 ст.303 УК РФ, утверждая, что фальсификация доказательств по делу в отношении Я. являлась лишь способом совершения преступления, описанного в ч. 1 ст. 299 УК РФ [10].

Президиум Верховного Суда РФ принял решение оставить приговор без изменения, подтвердив квалификацию действий осужденной К. по ст. 303 ч. 2 и 299 ч. 1 УК РФ. Суд подчеркнул, что доводы о двойном наказании за одно и то же деяние противоречат закону и установленным фактам дела.

Объективная сторона преступления, предусмотренная ч. 1 ст. 299 УК РФ, выражается в действиях, направленных на привлечение заведомо невиновного лица в качестве обвиняемого, например, через вынесение следователем соответствующего постановления и предъявление обвинения. В свою очередь, объективная сторона преступления, регулируемого ч. 2 ст. 303 УК РФ, характеризуется активными действиями, такими как подделка или фабрикация вещественных доказательств,

протоколов следственных действий, а также сбор и представление недостоверных доказательств. Таким образом, данные составы имеют четкие различия и не могут быть объединены в рамках одного правонарушения.

В ходе предварительного следствия К. намеренно составила ложные протоколы допросов от имени свидетелей, которые были приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательств совершения Я. преступления, предусмотренного частью 1 статьи 171 УК РФ. Подобные действия по фальсификации доказательств не могут быть отнесены к составу преступления, описанному в части 1 статьи 299 УК РФ, и требуют самостоятельной квалификации по части 2 статьи 303 УК РФ. Важно отметить, что если фальсификация нескольких доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности осуществляется в рамках одного гражданского, административного, уголовного дела или дела об административном правонарушении, она квалифицируется как единое преступление [6, с. 23].

Анализ апелляционного определения Московского городского суда (дело № 10-13728 от 29 октября 2014 года) демонстрирует, что фальсификация двух протоколов следственных действий, совершенная К., была ошибочно расценена как два отдельных преступления. Согласно статье 303 УК РФ, ответственность наступает за фальсификацию доказательств в рамках одного дела. Таким образом, внесение недостоверных сведений в документы по одному уголовному делу образует единственный состав преступления. Верховный Суд РФ, рассматривая данное дело в кассационном порядке, подчеркнул, что фальсификация доказательств по нескольким уголовным делам, объединенным единым умыслом, должна квалифицироваться как единое продолжаемое преступление.

Дополнительно стоит обратить внимание на кассационное определение Верховного Суда РФ (дело № 47-007-46 от 13 сентября 2007 года), где было указано на необходимость пересмотра квалификации действий Телятова Р.А. по фальсификации доказательств по делам К. и М. Нижестоящий суд, квалифицировав его действия как два отдельных преступления по части 2 статьи 303 УК РФ, не предоставил достаточных мотивировок для такого вывода. Изучение материалов дела показало, что Телятов Р.А. в короткий период времени (с 28 июля по 14 августа 2006 года) в одном месте и одним способом подделал документы по двум делам, преследуя единственную цель — передать их и отправиться в отпуск. Это указывает на наличие единого умысла и необходимости квалификации данных действий как единого продолжаемого преступления.

В приговоре действия Телятова Р.А., связанные с фальсификацией доказательств по двум уголовным делам, были представлены как отдельные эпизоды правонарушений. Однако, учитывая обстоятельства дела, установленные судом, когда противоправные действия осужденного были направлены на единый объект — интересы правосудия, Судебная коллегия посчитала необходимым квалифицировать данные действия как одно продолжаемое преступление по части 2 статьи 303 УК РФ. Такой подход подчеркивает важность учета целостности умысла и направленности деяний при оценке подобных ситуаций [2].

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности», заключается в намеренном представлении поддельных предметов или документов в качестве доказательств. Отметим, что эксперт Зеленин подчеркнул значимость такого толкования для исключения необоснованного объективного вменения. Это особенно актуально в случаях, когда представители или защитники невиновных лиц предоставляют органам правосудия сфальсифицированные доказательства, но при этом не осознают их недостоверность. Подобный подход позволяет сделать процессуальные нормы более справедливыми и соответствующими реальным обстоятельствам дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташов С.В. Фальсификация доказательств по гражданскому делу (части 1 и 3 статьи 303 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / С.В. Асташов. - автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. – 456 с.
2. Голоднюк М.Н. Фальсификация доказательств / М.Н. Голоднюк // Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5. Особенная часть под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М.: Зерцало. – 2016. – с. 67-68.
3. Ершова Н.В. Проверка достоверности заявления о фальсификации доказательства в гражданском судопроизводстве / Н.В. Ершова. - автореф. дис. … канд. юрид. наук. М. - 2014. – с. 13-14.
4. Иванов И.С. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу / И.С. Иванов. - автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград. - 2017. – с. 45-46.
5. Кондратов П.Е. Комментарий к ст. 303 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Особенная часть. Разделы X–XII: в 4 т. / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4.
6. Коняева А.А. Фальсификация доказательств: теория и практика / А.А. Коняева // ЭЖ-Юрист. - 2017. - № 48. – С. 23.
7. Кудрявцев В.Л. Фальсификация доказательств и оперативно-розыскной деятельности / В.Л. Кудрявцев // Энциклопедия уголовного права. - Т. 28. Преступления против правосудия / Изд. проф. Малинина. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАЗЭС. - 2017. – С. 16.
8. Кузнецов А.П., Сидоров Б.В. Фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ) / А.П. Кузнецов. Б.В. Сидоров // Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2015. – с. 78-79.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982.
10. Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности / Г.Г. Радионов. - автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. – с. 34-35.

PROBLEMS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME UNDER ARTICLE 303 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problems of the objective side of the falsification of evidence and the results of operational investigative activities. The work reveals the key theoretical and practical aspects of this offense, clarifying the understanding of the falsification of evidence and the results of operational investigative activities. The results obtained have scientific value, as they clarify complex issues that arise in the qualification of crimes related to falsification, both in theory and in practice.
Keywords*:* criminal law, crimes against justice, corpus delicti, objective aspect, falsification of evidence and results of operational investigative activities.

Goncharova E.V.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Ph.D., associate professor Donetsk
State University
E-mail: goncharova_kate_04@mail.ru

УДК 347.453

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ КАРШЕРИНГА

Гончарова О.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы возникновения договорной ответственности в сфере каршеринга, включая анализ последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения условий договора. Рассматриваются вопросы, касающиеся соразмерности договорной неустойки и ее соответствия компенсационному принципу гражданско-правовой ответственности.
Ключевые слова: каршеринг, краткосрочная аренда, транспортное средство, гражданско-правовая ответственность.

Динамичное развитие каршеринга как современной формы краткосрочной аренды транспортных средств влечет за собой возникновение новых правовых коллизий, связанных с определением ответственности сторон по договору. Несмотря на кажущуюся простоту и доступность данной услуги, практика применения законодательства в сфере каршеринга выявляет ряд сложностей, обусловленных спецификой отношений между каршеринговой компанией и пользователем (арендатором).

В настоящее время вопросы ответственности сторон регулируются главой 34 Гражданского кодекса РФ, а также условиями договоров, предлагаемыми операторами каршеринга. Однако, существующая нормативно-правовая база и сложившаяся судебная практика не в полной мере учитывают особенности цифровизации услуги и разнообразие ситуаций, возникающих в процессе эксплуатации автомобиля. В частности, недостаточно урегулированы вопросы распределения бремени доказывания при наступлении ДТП и ответственности за нарушения ПДД, совершенные неустановленными лицами. Вследствие этого, возникает необходимость комплексного исследования проблемы ответственности сторон по договору каршеринга с учетом современных реалий и специфики данной услуги.

Договоры основных участников рынка каршеринга в России практически идентичны по содержанию, отличаются друг от друга они, в основном, лишь размерами штрафных санкций. Несмотря на незначительные вариации в размерах штрафных санкций, ключевые положения, регулирующие ответственность сторон, условия аренды и порядок разрешения споров, демонстрируют существенное сходство.

Правовой статус арендатора определяется нормами гражданского законодательства и положениями договора, а также нормами Федерального закона от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». Это обусловлено тем, что объект договора каршеринга – транспортное средство, что непосредственно затрагивает сферу общественных отношений, регулируемых законодательством о безопасности дорожного движения [3, с. 164].

В рамках договора гражданско-правовая ответственность участников каршеринговых отношений может быть классифицирована на две основные категории: договорная и внедоговорная (деликтная) ответственность. Договорная ответственность возникает в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, которые стороны взяли на себя в соответствии с договором каршеринга. Если одна из сторон нарушает условия договора (например, несвоевременная оплата, использование авто не по назначению и т. д.), другая сторона имеет право требовать исполнения обязательств или возмещения убытков.

Существенный недостаток договоров каршеринга – частое несоответствие договорных штрафов тяжести нарушения. Условия ответственности зачастую непрозрачны и неясны для арендатора. Например, в договорах операторов, таких как Яндекс.Драйв (штраф за повреждение телематического оборудования – 300 000 рублей) и Делимобиль (штраф за парковку на газоне – 100 000 рублей), размер штрафных санкций значительно превышает среднестатистический уровень доходов населения и пропорционально не соответствует совершённым правонарушениям. Такая практика вызывает вопросы о справедливости и обоснованности применяемых штрафных санкций [4, с. 33].

Внедоговорная ответственность за вред, причиненный транспортным средством, регулируется ст. 1064 ГК РФ, которая гласит, что вред, причиненный имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, в связи с чем пользователь каршеринга (водитель) несет материальную ответственность перед арендодателем за ущерб, причиненный ТС в период его аренды (нанесение любых повреждений либо иного ущерба транспортному средству как умышленно, так и ввиду неосторожности) [1]. То есть, внедоговорная ответственность появляется, когда причинение вреда происходит вне рамок существующего договора, и предполагает наличие убытков, связанных с действиями одной стороны, которые приводят к ущербу другой стороне.

В ситуации, при которой вред автомобилю причинен в результате ДТП, возможны следующие варианты нанесения ущерба:

−арендатор вследствие нарушения ПДД стал виновником ДТП;

−виновным в причинении вреда является другой участник аварии или же группа участников [2].

Ввиду того, что автомобили застрахованы в рамках «каско», то неизбежным участником отношений по возмещению вреда, причиненного транспортному средству, станет страховая компания арендодателя, где застрахованы автомобили. Кроме того, одной из сторон деликтных отношений будет являться также и страховая компания, с которой у арендодателя заключен договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО).

Итак, в первом случае, когда арендатор стал виновником ДТП и причинил вред автомобилю, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ он должен возместить его в полном объеме.

Ряд компаний по типу «Делимобиль» не используют инструмент страхования гражданской ответственности, а лишь устанавливают в договоре аренды транспортного средства без экипажа ответственность арендатора за причиненный ущерб. При всем сказанном компании оставляет за собой право списать с указанного в онлайн-приложении банковского счета денежные средства, необходимые для возмещения ущерба в случае наступления дорожно-транспортного происшествия [5].

Кроме того, в случае ДТП, виновником в котором является арендатор, он также будет нести гражданско-правовую ответственность перед потерпевшими – третьими лицами. Важно учитывать, что, согласно ст. 1079 ГК РФ, арендатор в договоре каршеринга признается владельцем транспортного средства и обязан возместить вред, причиненный ввиду эксплуатации автомобиля, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

При отсутствии вины арендатора в ДТП, возмещение ущерба арендодателю обеспечивается договором страхования КАСКО. Страховая компания, в соответствии со ст. 965 ГК РФ, впоследствии вправе предъявить регрессное требование к лицу, ответственному за причиненный вред. В случае, если страховое событие не покрывается договором КАСКО, арендодатель может напрямую обратиться к виновнику ДТП с иском

о возмещении убытков. В обоих случаях ответственность за причиненный ущерб не ложится на пользователя сервиса каршеринга [3, с. 167].

Анализ договорных условий, определяющих ответственность арендатора транспортного средства в каршеринге, выявляет существенный дисбаланс в пользу арендодателя. Необоснованно возлагать ответственность за ущерб, причиненный транспортным средством, исключительно на арендатора, игнорируя ответственность собственника. Данная конструкция должна предполагать первичную ответственность собственника, с последующим правом регрессного требования к арендатору при установлении его вины. Однако, современная практика составления договоров каршеринга демонстрирует приоритет интересов арендодателя, направленный на минимизацию финансовых рисков и судебных разбирательств [4, с. 33].

Также широкое распространение получили разнообразные штрафы за курение в салоне, за пустой бак при возврате автомобиля и т. п. При этом, те штрафы, что были получены за нарушение правил дорожного движения, приходят в саму компанию, а она, в свою очередь, пересылает это требование водителю, и сумма списывается автоматически, без шанса уплатить 50 %, как, например, можно сделать с использованием портала Госуслуги. Кроме того, в случае недостаточности средств на счете, начислению подлежат проценты и пени, причем достаточно высокие, что указывает на весьма нестабильное положение «арендатора» автомобиля как слабой стороны [6, с. 410].

Достаточно часто, пользуясь услугами каршеринга, потребители не читают те условия, которые указаны в договоре и, соглашаясь с ними, оказываются в достаточно сложных ситуациях. Прежде всего, это касается списания денежных средств с банковских карт, которые привязаны к сервису каршеринга. Еще одной проблемой является забывчивость потребителей обезопасить себя и сфотографировать транспортное средство до и после поездки [7, с. 125].

Так, например, в одном из споров, который дошел до Верховного Суда, организация в договоре указала, если водитель передаст учетную запись другому лицу, то он обязуется заплатить штраф 150 000 руб. Однако владелец учетной записи нарушил данное условие и после списания с его счета денежных средств в безакцептном порядке, обратился в суд, так как посчитал, что размер штрафной санкции завышен.

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 10-КГ22-3-К6 указано, что если договором аренды транспортного средства (формат каршеринга) установлен значительный штраф за передачу данных учетной записи другому лицу, то суд при оценке соразмерности штрафа по ст. 333 ГК РФ должен учесть не только значительный размер штрафа, наличие повреждений арендованного имущества и то, что обществу не были причинены убытки, но и то, что за причинение ущерба арендованному транспортному средству по договору установлен самостоятельный штраф, а также должен высказать суждение относительно причин несоразмерности штрафа, установленного за передачу учетной записи арендатора в приложении любым третьим лицам [8].

Рассматривая вопрос о правомерности безакцептного списания денежных средств, обратимся к делу № 2-1418/2022, где рассматривается спор, возникший между потребителем и компанией, предоставляющей услуги каршеринга. Гражданин, нуждаясь в перевозке строительных материалов (пластиковых панелей) для ремонта, использовал арендованный автомобиль, несмотря на запрет в договоре на перевозку подобных грузов. Поездка прошла без происшествий, по ее завершении мужчина сфотографировал салон – ни повреждений, ни мусора после себя он не оставил [9].

Но клиент все равно получил несколько штрафов: за то, что использовал автомобиль для перевозки стройматериалов – 50 000 рублей, за повреждение колесного диска и покрышки – 15 000 рублей, за то, что не сфотографировал повреждения – 20 000

рублей. И стоимость диска – 7833 рублей. Часть денег – 37 000 рублей тут же были списаны с его карты.

Впоследствии, обращение в суд привело к частичному удовлетворению исков обеих сторон. Суд признал правомерность взыскания стоимости поврежденного колесного диска, однако снизил сумму штрафов, ссылаясь на неполное фотодокументирование состояния автомобиля потребителем после аренды. При этом, суд удовлетворил встречный иск потребителя о компенсации морального вреда, обусловленного незаконным безакцептным списанием средств, и взыскал с компании-арендодателя потребительский штраф за отказ от досудебного урегулирования спора.

Таким образом, условия договора, предусматривающие право арендодателя на списание денежных средств с банковской карты пользователя в безакцептном порядке (без получения дополнительного согласия пользователя), фактически является условием получения услуги, без исполнения которого пользователь не приобретет право на получение необходимых ему услуг и ущемляют права гражданина как потребителя.

Правоотношения в рамках каршеринга обусловлены тем, что водитель, управляя автомобилем, зарегистрированным на юридическое лицо – оператора каршеринга, автоматически попадает под действие норм административного права, применимых к юридическим лицам. Это означает, что штрафы ГИБДД, налагаемые на юридических лиц, могут существенно превышать штрафы для физических лиц. Необходимо отметить, что, помимо этого, водитель несет ответственность перед каршеринговой компанией, в соответствии с внутренними правилами пользования сервисом, что приводит к совокупности штрафных санкций.

С правовой точки зрения не совсем ясной является причина применения к потребителям высоких штрафных санкций за нарушение правил дорожного движения. При этом значительные штрафы предусмотрены в ситуациях, когда отсутствуют негативные последствия в виде дорожно-транспортных происшествий, или причинения ущерба третьим лицам. Так, например, одни из самых высоких штрафов применяются за управлением автомобилем в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, опасное вождение, нарушение установленного скоростного режима и некоторые другие [10, с. 580]. За совершение подобных действий законодателем предусмотрено наступление административной, а в некоторых случаях и уголовной ответственности. Это значит, что характер и степень общественной опасности, процедура привлечения и порядок исполнения мер ответственности, подобных действий определены компетентными органами государственной власти и законодательно закреплены. При этом, лицо не освобождается от гражданско-правовой ответственности за причиненный вред, в порядке статьи 1064 Гражданского кодекса РФ.

Также известно, что заключение договора происходит с помощью цифровой платформы – мобильного приложения, и в случае, если пользователь систематически или грубо нарушает правила дорожного движения, доступ к аренде транспортного средства может быть заблокирован.

Пользовательские аккаунты на таких цифровых платформах привязаны к документам, удостоверяющим личность, и банковским картам, поэтому их замена в целях преодоления блокировки сопряжена с известными трудностями. Такую ответственность можно именовать договорной информационно-правовой ответственностью, поскольку источником применения мер принудительного воздействия является не нормативный правовой акт, а договор, заключаемый пользователем с собственником транспортных средств при помощи соответствующей цифровой платформы [11, с. 11].

То есть, привязка пользовательских аккаунтов на цифровых платформах каршеринга к документам, удостоверяющим личность, и банковским картам создает препятствия для обхода блокировки аккаунтов. Меры ответственности, применяемые в

таких случаях, обусловлены не нормативными правовыми актами, а положениями договора, заключенного пользователем с арендодателем через цифровую платформу.

Исходя из вышеизложенного, анализ действующей практики применения договорных неустоек в сфере каршеринга демонстрирует их явную несоразмерность негативным последствиям нарушения договорных обязательств. Доминирующее положение каршеринговых компаний на рынке позволяет им односторонне устанавливать размер штрафных санкций и создают предпосылки для злоупотребления арендодателями принципом свободы договора, что приводит к существенному дисбалансу интересов сторон обязательства и нарушению основополагающих гражданско-правовых принципов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.01.2025).
2. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 26.01.2025).
3. Кондратьев, Е. А., Сотавов, А. Х. Некоторые аспекты регулирования каршеринга и ответственности их пользователей в Российской Федерации / Е. А. Кондратьев, А. Х. Сотавов // Образование и право. – 2022. – №4. – С.162-167.
4. Шандро, М. И. Сервис каршеринг: правовая природа и актуальные проблемы / М. И. Шандро // 2022. – №27 (72). – С.31-34.
5. Условия использования транспортного средства по договору аренды транспортного средства (каршеринга) // Делимобиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://delimobil.ru/ (дата обращения: 26.01.2025).
6. Шамсутдинов, М. Ф. Проблемы договора каршеринга в Российской Федерации / М. Ф. Шамсутдинов // Молодой ученый. — 2023. — № 23 (470). — С. 409-411.
7. Тищенко, И. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности в сфере каршеринга / И. В. Тищенко, Л. Н. Меняйло, Ю. А. Бурлова // Право и практика. –2021. – №2. – С.123-127.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 10-КГ22-3-К6 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=731766#ZG3EObU6r6CK4o5x (дата обращения: 28.01.2025).
9. Решение Аксайского районного суда г. Аксай Ростовской области от 14 апреля 2022 г. по делу № 2-1418/2022 // Роспотребнадзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/adjudications/regional/334537 (дата обращения: 28.01.2025).
10. Чикуров, А. А. О некоторых вопросах гражданско-правовой ответственности по договорам каршеринга / А. А. Чикуров // 2021. – С. 577-583.
11. Дейнеко, А. Г. К вопросу о развитии видов ответственности за действия физических и юридических лиц в информационном пространстве / А. Г. Дейнеко // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2024. – №3 (43). – С.7-14.

ON THE ISSUE OF RESPONSIBILITY THE PARTIES UNDER THE CARSHARING AGREEMENT

Annotation. This article discusses the issues of contractual liability in the field of carsharing, including an analysis of the consequences of non-fulfillment or improper fulfillment of the terms of the contract. The issues concerning the proportionality of the contractual penalty and its compliance with the compensatory principle of civil liability are considered.
Keywords: carsharing, short-term rental, vehicle, civil liability.

Goncharova O.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: goncharova.oksana03@mail.ru

УДК 34

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грынь Э.А.
Научный руководитель: Хачук К.Д., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе проводится анализ существующих способов защиты прав предпринимателей в Российской Федерации, их классификация и возможные пути повышения эффективности правовой защиты. Выявлены основные проблемы и определены предложения по совершенствованию механизма правовой защиты предпринимателей. Акцентируется значимость защиты прав предпринимателей для обеспечения свободы ведения предпринимательской деятельности и функционирования правового режима предпринимательства в государстве.
Ключевые слова: предприниматель, способы защиты, предпринимательская деятельность, механизмы правовой защиты.

Обеспечение защиты прав предпринимателей является одной из ключевых задач правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации. В условиях динамично развивающейся экономики, а также усиливающегося влияния глобальных экономических процессов, вопросы обеспечения прав субъектов предпринимательства приобретают особую актуальность. Однако, несмотря на значительные усилия государства в этом направлении, остаются нерешенными некоторые аспекты, касающиеся эффективности существующих механизмов правовой защиты индивидуальных предпринимателей.

Данное исследование направлено на анализ существующих и применяемых способов защиты прав предпринимателей в Российской Федерации, выявление основных проблем и разработку предложений по усовершенствованию механизма правовой защиты. Проблема заключается в том, что существующие правовые нормы не всегда обеспечивают достаточную защиту интересов субъектов предпринимательской деятельности, что обусловлено как недостаточностью нормативно-правового регулирования, так и соответствующей неэффективностью реализации установленных норм. Кроме того, возникают сложности при взаимодействии между предпринимателями и государственными органами, а также при разрешении споров в рамках судебной системы.

В цивилистике, как подчёркивает А. А. Карханина в своем исследовании, под защитой прав предпринимателей понимается совокупность нормативно установленных мер (механизмов) по восстановлению или признанию нарушенных, или оспариваемых прав и интересов их обладателей, которые осуществляются в определенных формах, определенными способами, в законодательно определенных границах, с применением к нарушителям мер юридической ответственности, а также механизма по практической реализации (исполнимости) этих мер [1, с. 41].

Понятие «защита права» необходимо разграничивать с понятием «охрана права», которое традиционно рассматривается в более широком аспекте, охватывающем все меры, направленные на защиту интересов правомочного лица. Что касается способов защиты прав предпринимателей, то под ними понимаются конкретные юридически установленные или санкционированные государством меры, посредством которых обеспечивается восстановление нарушенного права и привлечение нарушителей к правовой ответственности.

В судебной практике судов высшей инстанции под способами защиты гражданских прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных

(оспариваемых) прав (определение Верховного Суда РФ от 10.08.2018 г. № 308-КГ18-6724 по делу № А15-4880/2015, 2-4790/2018; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.04.2018 г. № 36-КГ18-2) [2, с. 114].

Важнейшей ролью института защиты прав предпринимателей выступает обеспечение функционирования системы основных прав и свобод, заложенных действующим законодательством в отношении осуществления предпринимательской деятельности свободно и по своему усмотрению. Свобода, данная каждому субъекту предпринимательской деятельности, характеризуется многими факторами, в частности, свобода выбора сферы деятельности, свобода выбора способов ведения деятельности, организации производства, реализации собственной продукции или услуг и т.д. Важность обеспечение функционирования и возможности реализации свободы предпринимательской деятельности обусловлена самой сутью предпринимательства в целом.

Правовые основы системы защиты предпринимательства прежде всего заложены в Конституции РФ, которая в ст.45 гарантирует гражданам Российской Федерации государственную защиту их прав и свобод. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [3].

Е. Н. Кузнецов отмечает, что целью правосудия, зафиксированной в процессуальных кодексах Российской Федерации, является не вынесение судом решения по делу и его вступление в законную силу, а защита прав, свобод и интересов обратившегося за судебной защитой лица [4, с. 144].

Защита прав предпринимателей осуществляется в рамках тех правоотношений, которые направлены на восстановление законности и справедливости. Среди различных форм защиты гражданско-правовые способы являются наиболее распространенными и эффективными, так как они лучше всего соответствуют природе правовых отношений в предпринимательской среде. В то же время, административно-правовые и уголовно-правовые методы используются реже, но они необходимы в ситуациях, требующих более эффективных мер защиты.

Прежде чем рассматривать особенности применения различных методов защиты, необходимо подчеркнуть, что основные способы определены статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, защита гражданских прав осуществляется путем:

- признания права;
- восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;
- признания недействительным решения собрания;
- признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- самозащиты права;
- присуждения к исполнению обязанности в натуре;
- возмещения убытков;
- взыскания неустойки;
- компенсации морального вреда;
- прекращения или изменения правоотношения;
- неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;
- иными способами, предусмотренными законом [5].

Способы защиты, перечисленные в рассматриваемой статье, могут быть классифицированы на три категории: материально-правовые и процессуальные способы, а также меры самозащиты, применяемые индивидуальными предпринимателями для

восстановления своих нарушенных прав. Соответственно, каждый из этих подходов предполагает свой особый порядок и механизм обеспечения защиты прав и интересов предпринимателей. Приведённый в статье перечень мер защиты не носит исчерпывающего характера, поскольку допускает использование иных способов, установленных законодательством.

Способы защиты прав предпринимателей в сфере материальных правоотношений основываются на положениях действующего материального законодательства. Данный способ следует применять лишь в тех случаях, при которых имеются определенного рода материальные права, например, во избежание гибели имущества или при угрозе его гибели будет применяться данный способ. Следовательно, исходя из целей применения, такие методы можно классифицировать на пресекательные, восстановительные, а также штрафные меры.

Пресекательные средства правовой защиты направлены на прекращение текущего или предупреждение возможного нарушения субъективных прав. Данные меры применяются в условиях наличия реальной угрозы нарушения права, даже если фактического нарушения ещё не произошло. Так, для реализации пресекательного способа необходимо установить очевидный и неизбежный характер угрозы. В случае несвоевременного применения пресекательных мер возникает необходимость последующего использования восстановительных или компенсаторных механизмов.

К восстановительным относятся способы, направленные на признание за субъектом определенных прав, а также на восстановление положения, имевшего место до нарушения права [6, с. 71]. В частности, под восстановительными способами подразумеваются такие механизмы, главной задачей которых является возвращение субъективного гражданского права в то положение, которое существовало до момента его нарушения или возникновения угрозы нарушения (т.е. восстановление в полном объеме), что в свою очередь позволяет избежать необходимости применения других мер защиты. Среди перечисленных в статье 12 ГК РФ способов, направленных исключительно на восстановление нарушенного состояния прав, то есть преследующих единственную цель, а именно вернуть ситуацию к состоянию, предшествующему негативному воздействию на право, выделяются такие способы, как присуждение к исполнению обязанности в натуре, а также применение последствий недействительности сделки в виде возврата сторонами полученного по сделке в натуре.

Рассматривая штрафные способы, важно отметить, что они применяются в отношении нарушителей прав и направлены на использование предусмотренных законом санкций за совершение неправомерных действий. Е.В. Шахназарова в своей работе полагает, что «к штрафным способам защиты можно отнести действия по взысканию неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, обращению незаконно полученного по сделке в доход государства, а также конфискации» [7, с. 170]. Некоторые штрафные и восстановительные меры имеют схожие черты, тем не менее они представляют собой разные категории, поскольку служат различным целям. В отличие от восстановительных мер, штрафные санкции не предусматривают восстановления положения, которое существовало до правонарушения, так как эта цель для них изначально является недосягаемой. Основная функция штрафных методов состоит в том, чтобы заставить нарушителя испытать неблагоприятные последствия своего противоправного поведения.

Процессуальные способы защиты прав индивидуальных предпринимателей заключаются в реализации полномочий юрисдикционных органов путем издания нормативных правовых актов, направленных на установление, признание или подтверждение прав и юридических фактов, а также на восстановление нарушенных законных интересов участников соответствующих правоотношений. Так, данный механизм реализуется посредством рассмотрения споров в суде. С учетом поставленных целей выделяются виды процессуальных способов защиты, а именно осуществление правовых

действий по признанию прав, понуждение к выполнению конкретных действий, а также изменение правоотношений.

В свою очередь, самозащита является самостоятельным способом защиты прав. Гражданское законодательство не содержит понятия самозащиты, но дает пояснение, что действия в рамках самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Так, самозащита представляет собой меры, которые предприниматель принимает самостоятельно без обращения в государственные органы или судебные инстанции. Примером самозащиты может быть отказ от исполнения договора, если другая сторона нарушает его условия.

Доктор юридических наук А. Я. Курбатов в своем труде выделяет две формы самозащиты:

1. Необходимая зашита как форма самообороны. Соразмерность действий лица, действующего в состоянии необходимой защиты от нарушения, определяется оценкой выбора средств защиты, своевременности и интенсивности их применения, а также сравнением величины причиненного и предотвращенного ущерба. Так, ущерб, причиненный в состоянии необходимой обороны, если его пределы не были превышены, не подлежат компенсации (ст. 1066 ГК РФ).
2. Крайняя необходимость как форма самообороны. В отличие от необходимой защиты, ущерб, причинённый в состоянии крайней необходимости, то есть при устранении опасности, угрожающей самому причинителю или другим лицам, когда эта опасность не могла быть устранена другими способами в данных обстоятельствах (например, при тушении пожара устранении о последствиях несчастного случая), как правило подлежат возмещению [8, с. 26].

Многие цивилисты рассматривают самооборону (самозащиту) как полноценную форму правовой защиты, которая играет важную профилактическую роль в укреплении верховенства закона в области предпринимательских правоотношений.

Кроме того необходимо отметить, что защита прав предпринимателей при осуществлении государственного надзора (контроля) регламентируется в Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который содержит в себе ряд принципов защиты прав индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля и, безусловно, нацелен на повышение прозрачности и предсказуемости проверок, проводимых государственными органами, а также на минимизацию риска возможных злоупотреблений со стороны контролирующих инстанций.

Однако, несмотря на существование закрепленных принципов, призванных обеспечивать защиту прав предпринимателей в процессе ведения их деятельности, на практике нередко фиксируются случаи нарушений со стороны контрольных инстанций. Данные нарушения могут касаться правил, запрещающих нескольким органам одновременно проверять соблюдение одними и теми же предпринимателями установленных норм. Таким образом, можно заключить, что действующее законодательство не охватывает все аспекты, касающиеся ведения предпринимательской деятельности, и оставляет нерешенными такие важные вопросы, как, например, защита интеллектуальной собственности или противодействие недобросовестной конкуренции.

Таким образом, выбор конкретного способа правовой защиты прав индивидуальных предпринимателей обусловлен множеством факторов, среди которых особое значение приобретает волеизъявление самого обладателя права. Именно он обладает исключительным правом определять, какой способ будет применен для восстановления нарушенных прав. Данная особенность отличает механизм защиты гражданских прав от института юридической ответственности. Основанием для реализации выбранной защитной меры выступает осознанное и целенаправленное действие управомоченного субъекта.

Несомненно, процесс выбора способа защиты подчиняется определенным критериям. Неправильный выбор метода защиты может привести к утрате управомоченным лицом возможности восстановить нарушенные права, одновременно вызвав дополнительные неблагоприятные последствия, такие как невосполнимые судебные издержки и потеря времени.

Несмотря на наличие множества механизмов защиты прав предпринимателей, многие исследователи указывают на недостаточную эффективность действующей системы. Это обусловлено рядом факторов, таких как несовершенство законодательства, а также низкий уровень правовой грамотности среди представителей предпринимательства. В результате предприниматели зачастую не осознают факта нарушения своих прав и не обладают достаточными знаниями о возможных способах их защиты.

Так, начиная с 2012 года, одним из ключевых направлений государственной политики в области поддержки предпринимательства в Российской Федерации стало внедрение мер, направленных на качественное улучшение условий ведения предпринимательской деятельности. В рамках этой инициативы был учреждён институт Уполномоченного при президенте РФ по защите прав предпринимателей, обеспечивающий соблюдение законных интересов предпринимателей. Д. В. Королева отмечает, что «введение этого института определено потребностью в создании эффективного механизма оказания квалифицированной помощи предпринимателям, защиты их прав и законных интересов в условиях коррупционных проявлений и давления со стороны государственных органов и должностных лиц» [9, с. 148].

Прежде всего, основная цель защиты прав предпринимателей заключается в поддержании баланса интересов, и в ситуациях, когда происходят нарушения или ограничения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, этот баланс подвергается дестабилизации. Институт защиты прав предпринимателей занимает центральную позицию в процессе урегулирования возникающих юридических споров и конфликтов. Благодаря применению специализированных механизмов и инструментов правовой защиты, предприниматели получают возможность для отстаивания своих законных интересов, восстановления справедливого положения и продолжения успешного функционирования и роста своей деятельности.

Говоря о классификации способов защиты прав предпринимателей по содержанию юридических действий, можно утверждать, что правовая защита предпринимателей в России исходит из двух составляющих: законов, которые защищают права предпринимателей при проверках, и органов по защите от коррупции, шантажа и незаконного уголовного преследования.

Выработанные способы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности помогают подстраиваться под динамичные изменения экономических отношений, а также создавать в этих условиях действенную и порой эффективную защиту прав предпринимателей, но все же нуждающуюся в постоянном изучении и преобразовании.

Таким образом, основная направленность института защиты прав предпринимателей обусловлена важностью обеспечения качественного и эффективного функционирования системы способов и форм защиты нарушенных прав и свобод индивидуальных предпринимателей. В перспективе на ближайшие годы институт защиты прав предпринимателей в России в новых условиях развития нашего государства будет претерпевать определенные видоизменения. Безусловно, актуализируется необходимость эффективной защиты предпринимателей в различных сегментах, совершенствование законодательства, а также наиболее актуальным станет реализация полномочий на равную защиту и справедливое правосудие в рамках данной тематики. Продолжение исследований в данной области имеет высокую научную и практическую ценность и будет способствовать дальнейшему совершенствованию системы защиты прав предпринимателей в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карханина, А. А. Способы защиты прав предпринимателей и роль прокуратуры в сфере защиты прав предпринимателей / А. А. Карханина // Проблемы науки. – 2020. – №5 (53). – С. 41-44.
2. Попова, Е. С. Система способов и формы судебной защиты гражданских прав / Е. С. Попова // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты. – Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – С. 112-120.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2014. – №31. – Ст. 4398.
4. Кузнецов, Е. Н. Право на исполнение судебных актов и право на справедливое судебное разбирательство: вопросы соотношения / Е. Н. Кузнецов // Российский юридический журнал. – 2019. – №4. – С. 139-147.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994 г. – №32. – Ст. 3301.
6. Омарова, А. М. Сущность, принципы и способы защиты прав предпринимателей в Российской Федерации / А. М. Омарова // Государство. Национальная безопасность. Право. – 2024. – № 1(4). – С. 68-74.
7. Шаназарова, Е. В. Проблемные аспекты в вопросе о способах защиты прав предпринимателей / Е. В. Шаназарова // Modern Science. – 2020. – № 3-3. – С. 169-171.
8. Курбатов, А. Я. Защита прав и законных интересов предпринимателей в публичных отношениях: порядок реализации и проблемы правоприменения / А. Я. Курбатов // Хозяйство и право. – 2019. – №1. – С. 25-26.
9. Королева, Д. В. Актуальные способы защиты прав в предпринимательских обязательствах / Д. В. Королева, Л. Р. Фазылова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-1 (62). – С. 146-149.

TO THE ISSUE OF WAYS TO PROTECT THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper analyzes the existing ways of protecting the rights of entrepreneurs in the Russian Federation, their classification and possible ways to improve the effectiveness of legal protection. The main problems are identified and proposals for improving the mechanism of legal protection of entrepreneurs are defined. The importance of protecting the rights of entrepreneurs to ensure the freedom of doing business and the functioning of the legal regime of entrepreneurship in the state is emphasized.
Keywords: entrepreneur, means of protection, entrepreneurial activity, legal protection mechanisms.

Gryn E. A.
Scientific adviser: Khachuk K. D., Ph.D. in Law, associate professor
Donetsk State University
E-mail: egryn@inbox.ru

УДК 347.45-47

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ

Демьянишин В.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются аспекты договора возмездного оказания медицинских услуг при цифровизации медицины. Выявлены основные проблемы, возникающие при цифровизации медицины, а также предоставлены некоторые пути решения указанных в работе проблем.
Ключевые слова: цифровизация медицины, договор возмездного оказания медицинских услуг, пациент, исполнитель медицинский услуги, оказание медицинской услуги.

С незапамятных времен сохранение здоровья занимало центральное место в ценностных ориентирах человека. Сегодня вопросы правового регулирования медицинских услуг становятся особенно важными, поскольку современное общество высоко ценит жизнь и благополучие личности. В современном мире, где цифровизация проникает во все сферы жизни, медицина не остается в стороне. Цифровизация медицины открывает новые возможности для улучшения качества медицинских услуг, повышения их доступности и эффективности. Однако, несмотря на все преимущества, цифровизация также приносит с собой ряд проблем и вызовов, которые требуют тщательного анализа и решения. Одним из ключевых аспектов, требующих внимания, является правовое регулирование договора возмездного оказания медицинских услуг в условиях цифровизации.

Договор возмездного оказания медицинских услуг представляет собой многоаспектный правовой механизм, определяющий взаимоотношения между медицинской организацией и пациентом. Его уникальность заключается в сочетании экономической и этической составляющих. С одной стороны, данный договор является гражданско-правовым соглашением, предусматривающим оказание медицинских услуг в обмен на денежное вознаграждение. С другой стороны, он непосредственно связан с вопросами здоровья и жизни человека, что накладывает повышенные требования к соблюдению профессиональных стандартов и норм медицинской этики.

Необходимо сказать, что проблемы цифровизации медицины в общем так или иначе отражаются и на договоре возмездного оказания медицинских услуг, в частности, поскольку они (проблемы цифровизации медицины) касаются условий договора и зачастую могут привести к нарушению условий, определенным юридическим последствиям, убыткам для исполнителя и серьезным последствиям для здоровья и жизни потребителя.

В данном контексте следует обратить внимание на определение договора возмездного оказания медицинских услуг. Доктор юридических наук Малеина М.Н. трактует его следующим образом: это соглашение, в рамках которого медицинское учреждение берет на себя обязательство предоставить пациенту квалифицированную помощь, применяя соответствующие методы лечения и соблюдая врачебную тайну. В свою очередь, гражданин наделен правом получать информацию о своем диагнозе, используемых терапевтических подходах и возможных последствиях лечения, а также обязан следовать медицинским рекомендациям и оплачивать предоставленные услуги в случаях, предусмотренных законодательством [1, с. 32].

Альтернативное определение предлагает доктор юридических наук, профессор Шевчук С.С. Согласно его позиции, договор возмездного оказания медицинских услуг

представляет собой соглашение, по которому исполнитель (медицинская организация или частнопрактикующий специалист) обязуется предоставить пациенту квалифицированную медицинскую помощь. Это выражается в осуществлении профессиональной деятельности, направленной на поддержание, восстановление или коррекцию здоровья пациента, с обязательным информированием о диагнозе, методах лечения и прогнозируемых результатах, а также с соблюдением врачебной тайны. В свою очередь, пациент обязан выполнять предписания исполнителя, необходимые для эффективного оказания медицинской помощи, предоставлять достоверные сведения о состоянии своего здоровья, а в установленных соглашением случаях – оплачивать оказанные услуги [2, с. 54].

Хотя цивилисты по-разному трактуют определение договора возмездного оказания медицинских услуг, однако можно выделить его ключевые характеристики: он является консенсуальным, возмездным, фидуциарным, двусторонним, публичным, требует обязательной письменной формы, а также имеет особый субъектный состав и специфический объект регулирования. В рамках данного соглашения исполнитель, которым может выступать медицинская организация или частнопрактикующий специалист, берет на себя обязательство предоставить пациенту – физическому лицу – медицинские услуги соответствующего качества, охватывающие различные формы и методы медицинской помощи.

Говоря о цифровизации медицины, первым вопросом становится информация о пациентах. Как указывает, Т.И. Смотрова, реализация процесса цифровизации сталкивается с целым перечнем проблем, которые требуют решения [3, с. 90]. Во-первых, в переходный с бумажного документооборота на электронный период увеличивается нагрузка на медицинских персонал, так как отказаться от бумажного документооборота они еще не могут, а вести электронный сложно ввиду низкой компетенции в области информационных технологий. Нельзя забывать также о том, что не все медицинские субъекты имеют высококачественное техническое электронное оборудование, а также то, что далеко не каждый пациент имеет навыки работы в Интернете, с мобильными телефонами, компьютерами и прочими устройствами. Во-вторых, проблема реализации хранения и безопасности большого объема данных о пациентах, реализации доступа каждого гражданина к своим личным данным в области здравоохранения.

В этом контексте остро стоит вопрос искусственного интеллекта (далее – ИИ) и роботизированной техники. ИИ в области работы с данными реализован для помощи врачам в принятии решений. Он обрабатывает огромные массы обезличенных персональных данных, таким образом обучаясь на них и становясь совершенней. Александра Орехович утверждает, что «такой подход представляется спорным с юридической точки зрения, так как позиция Роскомнадзора заключается в том, что обезличенные персональные данные являются персональными – при этом стоит обратить внимание, что с точки зрения закона такая позиция не является однозначной» [4].

Она также замечает определенную коллизию. Согласно п. 9 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ), обработка персональных данных допускается в статистических или иных исследовательских целях, за исключением некоторых, определенных законом, целей. Если обратиться к ч. 1 ст. 10 этого же Закона № 152-ФЗ, то можно увидеть, что сведения о состоянии здоровья закон относит к специальной категории персональных данных, где нет исключения для обработки таких данных без согласия субъекта, то есть пациента [5, с. 82].

Если же обрабатывать персональные данные в медико-профилактических целях для установления медицинского диагноза и оказания медицинских услуг, то такая обработка допускается, если он осуществляется лицом, профессионально занимающимся медицинской деятельностью и обязанным в соответствии с законодательством РФ

сохранять врачебную тайну, по смыслу п. 4 ч. 2 ст. 10 Закона № 152-ФЗ. Конечно, вопрос квалификации ИИ, как вышеуказанного лица вызывает определенные сомнения. Данная коллизия подчеркивает важность соблюдения законодательства о защите персональных данных, получения согласия пациента на обработку данных, определения квалификации лиц, ответственных за обработку данных, и четкого определения ответственности за нарушение законодательства в этой области. В контексте договора возмездного оказания медицинских услуг это говорит о том, что исполнителю необходимо указывать в договоре пункт о сборе и обрабатывании искусственным интеллектом персональных данных пациента, а также письменно оформить его согласие на данную операцию, иначе это можно считать нарушением законодательства в области обработки персональных данных.

Другой вопрос, касающийся ИИ и роботизированной техники входит в не менее дискуссионную область определения некачественной медицинской услуги, которая так и не прописана в законодательстве.

Необходимо понимать, что в вопросе определения качества оказания медицинской услуги квалификация медицинского работника не является определяющим критерием, хоть и весьма существенным. Участие же ИИ или роботов будет же еще одним критерием. Не ясно каким образом и в каком размере ложится ответственность за некачественное оказание медицинской услуги в случае, когда решение врача основано на данных, собранных ИИ или принятом решении при его помощи. Стоит ли ужесточать ответственность в этом случае, так как медицинский работник недостаточно проанализировал помощь ИИ или собранную им информацию? Или же стоит ее смягчить, так как его решение было принято при помощи ИИ, который начал функционировать так, как нельзя было предсказать ранее? То же самое касается и роботов. Примечательно, что вопросы ответственности ИИ до сих пор не урегулированы ни в законодательстве, ни в цивилистике. Данную проблему усугубляет также и то, что во многих случаях качество медицинской услуги зависит и от самого пациента: от того, как он придерживается плана лечения, как он следует указаниям врача и других составляющих.

Другой вопрос в том, как определять ИИ или робота, который так или иначе участвует в оказании медицинской услуги. Стоит отметить, что в России применение робототехники активно развивается и уже проводятся операции с помощью так называемых «роботов-хирургов» [6]. Вопрос имеет двойственный характер. Очевидно, что пока роботы не наделены правосубъектностью вопрос не стоит так остро и будет ли вообще стоять неизвестно. С другой стороны, необходимо понимать, что структура договора возмездного оказания медицинских услуг претерпит серьезные изменения при таком активном участии «роботов-хирургов» в дальнейшем, так как, исходя из смысл ст. 780 ГК РФ, исполнитель обязан оказать услуги лично. Исполняет ли в таком случае медицинский субъект услугу лично, только через «робота-хирурга», как, например, через скальпель и прочее имущество?

Как указывает ФАС Северо-Западного округа в своем Постановлении от 15.09.2011 N Ф07-7860/11 по делу N А21-9578/2010 , в силу положений пункта 3 статьи 23, статьи 402 ГК РФ под личным оказанием ИП услуг следует также понимать оказание услуг его работниками [7]. Согласно ст. 20 ТК РФ, работник – это физическое лицо, заключившее трудовой договор (контракт) с работодателем. Конечно, медицинским субъектом может быть не только ИП, однако существенной роли это не играет. Вполне очевидно, что робот физическим лицом не является. Также, для заключения договора необходима правосубъектность, коей ни роботы, ни ИИ не обладают, так как содержание правосубъектности само по себе подразумевает «способность физических и юридических лиц своими действиями приобретать и осуществлять субъективные права, возлагать на себя и исполнять обязанности» [8, с. 9].

Стоит учитывать также и то, что далеко не каждый пациент захочет, чтобы его оперировал робот, ввиду недоверия таким новшествам. Даже такие эксперты, как к.м.н. Сергей Чудаков, считают, что роботы не смогут заменить врача, так как «у машин нет интуиции, или «связи с Богом» [9], что говорит об отсутствии доверия к роботам и их единоличному участию в лечении. Предполагаем, что люди, не являющиеся экспертами в области здравоохранения, еще более консервативны в данном вопросе. То есть, данный аспект также должен быть урегулирован договором возмездного оказания медицинских услуг. Мы считаем, что при таком активном участии роботизированной техники или ИИ в медицинском вмешательстве, согласование исполнителя с пациентом по данному вопросу обязательно и подлежит обязательному упоминанию в договоре, по крайней мере на данном этапе развития медицинских технологий. В будущем, когда их участие станет нормой, вполне вероятно, что данная необходимость отпадет.

Важно упомянуть в принципе консервативность самого медицинского сообщества. Так, согласно опросу об отношении врачей к созданию цифровой всероссийской базы пациентов, проведенному «Актион медицина», больше половины опрошенных негативно относятся к данному мероприятию [10]. Это говорит о высоком уровне недоверия к цифровизации в области медицины даже со стороны медицинских работников. Навряд ли они будут активно познавать процессы цифровизации и вникать в эти нововведения с таким-то отношением.

Необходимо также учитывать неравномерное экономическое и технологическое развитие российских регионов, что довольно существенно затрудняет процесс цифровизации. Так, в одних областях использование системы электронных медицинских карт не звучит в новинку, то для других это будет фантастикой [11, с. 577].

Таким образом, цифровизация медицины представляет собой важный шаг в развитии здравоохранения, открывая новые возможности для улучшения качества и доступности медицинских услуг. Безусловно цифровизация медицины, как в общем, так и, в частности, для комментируемого договора имеет больше плюсов, нежели минусов, однако, несмотря на все преимущества, этот процесс сопровождается рядом проблемных аспектов, которые требуют внимательного анализа и решения.

Одной из ключевых проблем является защита и обработка персональных данных пациентов. Переход на электронный документооборот увеличивает нагрузку на медицинский персонал и требует высокой компетенции в области информационных технологий, учитывая дополнительную отчетность по заключаемым договорам. Кроме того, не все медицинские учреждения и пациенты обладают необходимыми техническими средствами и навыками для эффективного использования цифровых технологий.

Искусственный интеллект и роботизированная техника уже на сегодняшний день играют важную роль в современной медицине, помогая врачам в принятии решений и выполнении сложных операций. Однако их использование вызывает определенные вопросы, связанные с обработкой персональных данных и ответственностью за некачественное оказание медицинских услуг, которые, к сожалению, пока не решены. Необходимо четко определить ответственность за действия ИИ и роботов, а также решить вопросы по поводу получения согласия пациента на использование этих технологий.

Консервативность медицинского сообщества и недоверие к новым технологиям также являются значительными препятствиями на пути цифровизации. Многие врачи и пациенты скептически относятся к внедрению цифровых технологий, что затрудняет их широкое распространение. С другой стороны, процесс цифровизации замедляет неравномерное экономическое и технологическое развитие регионов.

Для успешного внедрения цифровых технологий в медицину необходимо решить вышеуказанные проблемы, улучшить правовое регулирование и повысить доверие к новым технологиям как со стороны медицинских работников, так и пациентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Человек и медицина в современном праве. Учебное и практическое пособие / Малеина М.Н. – М.: БЕК, 1995. 260 с.
2. Договор оказания медицинских услуг // С. С. Шевчук; под науч. ред. А. А. Безуглова; Акад. экономики, финансов и права. – Москва: Изд-во АЭФП; Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 299 с.
3. Смотрова, Т. И. Развитие цифровизации в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы развития отраслевых рынков: национальный и региональный уровень: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Воронеж, 09 апреля 2020 года / Под редакцией Т.Н. Гоголевой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. С. 89-92.
4. Цифровизация медицины: основные проблемы правового регулирования [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.garant.ru/news/1511887/
5. Шахаева А. М., Вердиева Д.А. Пробелы договора возмездного оказания медицинских услуг // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 37. № 1. С. 80-83.
6. Роботы-хирурги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://goo.su/eEoAKg
7. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 сентября 2011 г. N Ф07-7860/11 по делу N А21-9578/2010. – Режим доступа: https://base.garant.ru/41114431/
8. Чеговадзе Л. А. Реализация гражданской правосубъектности в действиях, признаваемых сделками // Lex Russica. Т. 76. №. 6 (199). 2023. С. 9-21.
9. Эксперт рассказал, почему роботы никогда не заменят врачей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20240615/ekspert-1953093888.html
10. Нараева А. Врачи считают, что медицинские карты должны быть бумажными // Ведомости. 24.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/24/932797-meditsinskiekarti-bumazhnimi
11. Давыдова М. Л. Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 3. С. 564-582.

ACTUAL PROBLEMS OF THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID MEDICAL SERVICES IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF MEDICINE

Annotation. This paper examines the aspects of the contract for the provision of paid medical services in the digitalization of medicine. The main problems that arise during the digitalization of medicine are identified, and some solutions to the problems indicated in the work are presented.
Keywords: digitalization of medicine, contract for the provision of paid medical services, patient, medical service provider, provision of medical services.

Demyanishin V.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
State University
E-mail: demyanishin.vladislav@gmail.com

УДК 342.55

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Денисенко А.А.
Научный руководитель: Полякова Н.Г., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе рассмотрены особенности муниципальной ответственности как вида юридической ответственности в Российской Федерации; проведен анализ её значения в контексте правовой природы местного самоуправления. Особое внимание уделено анализу оснований привлечения и мер муниципально-правовой ответственности. Предложено определение муниципальной ответственности с учетом форм ее реализации.
Ключевые слова: муниципальная ответственность, основания, муниципальный деликт, меры ответственности, отзыв депутата, удаление в отставку главы муниципального образования, роспуск представительного органа.

Вступление. Юридическая ответственность представляет собой одну из ключевых категорий теории права, формирующих основы отраслевых учений в административном, уголовном и гражданском праве. Муниципально-правовой ответственности как особому виду юридической ответственности присущи как общие черты, характерные для всех видов юридической ответственности, так и специфические признаки, обусловленные правовой природой местного самоуправления как одного из уровней публичной власти, наиболее приближенного к населению.

Актуальность темы исследования определяется значительной ролью института муниципальной ответственности в системе гарантий эффективного функционирования местного самоуправления, предотвращения злоупотреблений властью, а также реализации задач, возложенных на муниципальный уровень публичной власти, в том числе, связанных с обеспечением прав и свобод человека и национальной безопасности. При этом, постоянное развитие правоотношений и, как следствие, правового регулирования в данной сфере, на данный момент не позволяют говорить о наличии в науке муниципального права и правоприменительной практике устоявшейся единой концепции в понимании правовой природы и особенностей муниципально-правовой ответственности.

Различные аспекты затронутой проблематики нашли отражение в исследованиях таких учёных, как: Д.Н. Кургузова, О.Д. Сергеева, Ю.Г. Соколовская, Д.В. Хомякова, С.А. Карпович, О.М. Симканич, А.С. Шавалдина и др. В то же время, понятие и особенности муниципально-правовой ответственности остаются недостаточно разработанными как на доктринальном, так и на законодательном уровне, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель работы заключается в анализе правовой природы и особенностей муниципальной ответственности, а также разработке определения данного понятия с учетом форм реализации муниципально-правовой ответственности.

Основная часть. Муниципально-правовая ответственность регламентируется нормами публичного права и напрямую связана с местным самоуправлением. Специфика данной разновидности юридической ответственности заключается в том, что она имеет отраслевой характер и обусловлена особенностями местного самоуправления как одной из форм публичной власти, которая сочетает в себе государственное и общественное начала, а также предполагает определенную автономность механизма ее реализации. При этом, государство осуществляет законодательную регламентацию оснований и правил привлечения к муниципальной ответственности, а отдельные органы

государственной власти непосредственно вовлечены в механизм реализации муниципально-правовой ответственности.

Следует отметить, что в науке муниципального права отсутствует единый подход к пониманию правовой природы и особенностей муниципально-правовой ответственности. Так, Д. Н. Кургузова отмечает, что наличие мер ответственности представляет собой неотъемлемый признак данной правовой отрасли, регулирующей общественные отношения и обеспечивающей защиту прав граждан [5, с. 69]. О. Д. Сергеева называет муниципально-правовую ответственность самостоятельным видом ответственности, уточняя, что ее развитие свидетельствует о наличии оснований для выделения как особого института муниципального права [6, с. 134]. Ю. Г. Соколовская определяет юридическую ответственность органов местного самоуправления как обязанность претерпеть меры принуждения за нарушения в реализации компетенции [7, с. 134]. Подход Д. В. Хомяковой, С. А. Карпович и О. М. Симканич акцентирует внимание на муниципально-правовой ответственности субъектов управления, регулируемой муниципальными нормами и применяющейся в системе местного самоуправления [8, с. 29].

Ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления основывается на конституционных принципах, включая гарантии возмещения вреда (статья 53 Конституции Российской Федерации). Органы и должностные лица подотчетны и подконтрольны территориальным общинам, а при осуществлении делегированных полномочий — соответствующим органам исполнительной власти. Они регулярно информируют население о выполнении программ социально-экономического и культурного развития, местного бюджета и других вопросов, отчитываясь о своей деятельности перед гражданами.

Характеристика правовой природы муниципально-правовой ответственности требует анализа ее особенностей по следующим критериям: 1) основания привлечения, а именно - муниципально-правовой деликт; 2) субъекты муниципально-правовой ответственности; 3) объект муниципально-правовой ответственности; 4) специфические санкции, применяемые в рамках муниципально-правовой ответственности.

Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в главе 10 регламентирует ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц, а также контроль и надзор за их деятельностью [3]. Основная цель ответственности заключается в соблюдении законности, надлежащем выполнении делегированных полномочий и обеспечении эффективности выполнения задач местного самоуправления.

Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления включает ответственность перед:

а) государством — заключается в обязанностях соблюдать законы и выполнять решения судов, а также в возможном досрочном прекращении полномочий в случае нарушений, проявляющемся через механизмы роспуска представительных органов и отстранения глав муниципальных образований от должности;

б) населением — заключается в обязанностях соблюдать нормы законодательства и уставов муниципальных образований, подтвержденном статьей 24 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предоставляющей населению право на отзыв выборных должностных лиц при наличии оснований (совершение правонарушения или утрата доверия);

в) физическими и юридическими лицами — проявляется в ответственности за ущерб, причиненный незаконными действиями или бездействиями, согласно статье 76 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации

местного самоуправления в Российской Федерации» и статье 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

Муниципально-правовой ответственности присущи следующие принципы: 1) возможность привлечения к ответственности без вины; 2) возможность привлечения к ответственности как отдельных лиц, так и коллективных субъектов; 3) возможность участия государственных органов в процедуре привлечения к муниципальной ответственности.

Основанием муниципально-правовой ответственности является муниципально-правовой деликт. В науке муниципального права под муниципально-правовым деликтом понимается неправомерное деяние субъекта муниципальных отношений, наделенного публичными полномочиями в сфере реализации муниципальной власти, которое причинило либо могло причинить ущерб соответствующим ценностям [11, с. 12].

Элементами состава муниципально-правового деликта являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. При этом, под объектом муниципально-правового деликта понимают общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления местного самоуправления. Объективная сторона включает само противоправное деяние, а также негативные последствия, обуславливающие возникновение ущерба. Следует отметить, что противоправность муниципально-правового деликта, может выражается в неприменении, неправильном применении либо в прямом нарушении муниципально-правовой нормы.

Рассмотрев основания ответственности муниципальных органов и их должностных лиц, следует перейти к анализу ее субъектов, поскольку понимание того, кто именно несет ответственность за решения и действия в рамках местного самоуправления, играет ключевую роль в обеспечении правопорядка и эффективности управления на уровне муниципальных образований. Субъектами муниципально-правовой ответственности выступают органы местного самоуправления (как единоличные, так и коллегиальные), депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления и муниципальные служащие. Признаки субъекта муниципальной ответственности заключаются в наличии правоспособности, дееспособности, а также в возможности осуществления прав и обязанностей в рамках местного самоуправления. Согласно статье 12 Конституции Российской Федерации, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, что подчеркивает их самостоятельность. Статья 130 Конституции Российской Федерации определяет местное самоуправление как самостоятельный институт, осуществляющий решение вопросов местного значения [1].

Необходимо указать, что вопрос о субъектном составе муниципально-правовой ответственности является дискуссионным в науке муниципального права. Так, А. С. Шавалдина утверждает, что возложение ответственности на органы местного самоуправления искажает демократическую природу местного самоуправления [9, с. 342]. В то же время, М. А. Краснов предлагает рассматривать местные сообщества как субъекты ответственности, вводя концепцию «банкротства» местного самоуправления [10, с. 48]. Последняя точка зрения вызывает вопросы о правомерности и целесообразности такой практики, поскольку местное самоуправление должно основываться на принципах самоуправления и самодостаточности. Важно отметить, что население муниципального образования не может нести юридическую ответственность за действия органов местного самоуправления, поскольку оно не является непосредственным субъектом правонарушений.

Субъективная сторона муниципального деликта характеризуется следующими признаками: 1) вина коллективного субъекта детерминирована виной его должностных лиц, ответственных за неправомерное деяние; 2) возможность проявления вины в форме самонадеянности или небрежности; 3) возможность проявления вины в форме риска.

Необходимо отметить, что о наличии субъективной стороны муниципального правонарушения можно говорить лишь в том случае, если субъект имел возможность предотвратить наступление негативных последствий.

Муниципальная ответственность реализуется в следующих формах: удаление в отставку главы муниципального образования, отрешение от должности главы муниципального образования или главы местной администрации, отзыв депутата, роспуск представительного органа муниципального образования, временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления в случаях, когда вследствие действий органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых или бюджетных обязательств.

Удаление главы муниципального образования в отставку осуществляется на основании положений статьи 74.1 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Следует отметить, что Федеральным законом от 08.08.2024 N 232-ФЗ был расширен перечень оснований для удаления главы муниципального образования в отставку. Так, на сегодняшний день такими основаниями являются: 1) действия главы муниципального образования, повлекшие возникновение просроченной задолженности муниципальных образований по исполнению своих долговых или бюджетных обязательств в установленном законом размере, а также установленное решением суда нецелевое расходование бюджетных средств при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам; 2) неисполнение в течение трех и более месяцев обязанностей по решению вопросов местного значения; 3) повторная неудовлетворительная оценка деятельности главы муниципального образования местным советом; 4) несоблюдение установленных законом ограничений и запретов; 5) приобретение статуса иностранного агента; 6) допущение массового нарушения государственных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина, если это повлекло нарушение межнационального и межконфессионального согласия и способствовало возникновению межнациональных и межконфессиональных конфликтов;7) систематическое недостижение показателей эффективности органов местного самоуправления. Оценивая принятые законодательные новеллы, можно отметить важность и своевременность таких изменений, позволяющих привлекать к ответственности недобросовестного главу муниципального образования. Также следует отметить, что процедура привлечения к муниципальной ответственности главы муниципального образования, наделяющая представительные органы местного самоуправления правом инициировать его отставку, а также предусматривающая обязательность учета мнения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, является важным звеном системы сдержек и противовесов на муниципальном уровне публичной власти.

Отзыв депутата, как мера муниципально-правовой ответственности, позволяет избирателям выразить недоверие к своему представителю и регулируется уставами муниципальных образований. Основания для отзыва депутата устанавливаются уставом муниципального образования. Следует отметить, что таковыми могут служить только конкретные противоправные решения или действия в случае их подтверждения в судебном порядке. При этом, как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 02.04.2002 № 7-П «за отзыв должно проголосовать по крайней мере не меньшее число граждан, чем то, которым отзываемое лицо было избрано, чтобы голосованием по отзыву не умалялось значение выявленного в ходе выборов волеизъявления избирателей и обеспечивалась охрана его результатов» [12]. Указанная правовая позиция представляется обоснованной, поскольку чрезмерно простая процедура отзыва может

приводить к созданию предпосылок для злоупотребления его использованием, в том числе попыток искажения и пересмотра результатов муниципальных выборов.

Роспуск представительного органа инициируется в случае принятия нормативного акта, противоречащего законодательству, или в случае не проведения органом заседания в течение трех месяцев.

Порядок привлечения к ответственности должностных лиц органов местного самоуправления включает в себя инициативу населения, выявляющего нарушения, судебное подтверждение фактов противоправных действий, а также возможность применения санкций. При этом, суд играет ключевую роль в установлении законности решений и действий, обеспечивая защиту прав граждан и муниципальных служащих, и способствует справедливости процесса, а также исключает возможность манипуляций со стороны государственных органов, обеспечивая тем самым соблюдение принципов правового государства. Также значительная роль в привлечении к муниципальной ответственности отведена высшим должностным лицам и законодательным органам субъектов Российской Федерации.

Выводы. Институт муниципальной ответственности занимает значительное место в системе муниципального права, обеспечивая защиту прав местного самоуправления от нарушений. Нормативное регулирование юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления формирует практическую основу для реализации права территориальной общины на решение вопросов местного значения и получения защиты от незаконных действий, что имеет важное значение для развития науки муниципального права в Российской Федерации.

Ввиду того, что на сегодняшний день отсутствует единый подход к определению «муниципальной ответственности», представляется целесообразным предложение такой дефиниции: муниципальная ответственность представляет собой отраслевой вид ответственности, предусматривающий в случае нарушения муниципально-правовых норм органами и должностными лицами местного самоуправления применение к ним особых мер принуждения: удаление в отставку главы муниципального образования, отрешение от должности главы муниципального образования или главы местной администрации, отзыв депутата, роспуск представительного органа муниципального образования, временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления в случаях, когда вследствие действий органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых или бюджетных обязательств. Муниципально-правовая ответственность направлена на защиту прав и интересов граждан и территориальных общин в рамках муниципально-правовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, – 04.04.2020. – N 31. – Ст. ст. 120, 130, 153.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 1069.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=m2j9d5ijxj275279714 (дата обращения: 21.10.2024). – Загл. с экрана.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ (утратил силу) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/?ysclid=m2j9y9gkor825909756 (дата обращения: 21.10.2024). – Загл. с экрана.

5. Кургузова Д. Н. Институт ответственности в муниципальном праве // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 1 (41). – С. 68-71.

6. Сергеева О. Д. Муниципально-правовая ответственность // Экономика и социум. – 2020. – № 12-2 (79). – С. 132-136.

7. Соколовская Ю. Г. О понятии и содержании муниципально-правовой ответственности // Вестник Университета «Кластер». – 2022. – № 4 (4). – С. 70-80.

8. Хомякова Д. В., Карпович С. А., Симканич О. М. Муниципально-правовоя ответственность: понятие, признаки, виды // Universum: экономика и юриспруденция. – 2023. – №2 (101). – С. 27-31.

9. Шавалдина А. С. К вопросу о месте муниципально-правовой ответственности в системе юридической ответственности российской федерации // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 9 (48). – С. 341-343.

10. Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства : (Методол. подходы) // Рос. АН, Ин-т государства и права. – 2-е изд. – Москва : ИГПАН, 1995. – 56 с.

11. Алексеев И.А. Муниципально-правовая ответственность в Российской Федерации : проблемы теории и практики : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02 / Алексеев Игорь Александрович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва, 2014. – 43 с.

12. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Корякского автономного округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 N 7-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36154/ (дата обращения: 21.10.2024). – Загл. с экрана.

MUNICIPAL RESPONSIBILITY AS A SPECIAL TYPE OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Annotation. The paper examines the features of municipal liability as a type of legal liability in the Russian Federation; an analysis of its significance in the context of the legal nature of local self-government is conducted. Particular attention is paid to the analysis of the grounds for bringing to justice and measures of municipal-legal liability. A definition of municipal liability is proposed taking into account the forms of its implementation.

Keywords: municipal liability, grounds, municipal tort, liability measures, recall of a deputy, dismissal of the head of a municipality, dissolution of a representative body.

Denisenko A.A.
Scientific adviser: Polyakova N.G. Candidate of Law, associate professor
Donetsk State University
E-mail: angelika_denisenko@mail.ru

УДК 343.98

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕМКИ

Качмар А.Р.
Научный руководитель: Гулина С.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье раскрывается сущность такого уголовно-процессуального следственного действия, как выемка. Определены понятие, характерные признаки и основания её проведения при расследовании уголовного дела.
Ключевые слова: выемка, обыск, доказательства, расследование, уголовное дело.

Рост числа преступлений и ухудшение криминогенной обстановки – те негативные факторы, которые наблюдаются в России на сегодняшний день. Исходя из этого, работа правоохранительных и следственных органов должна быть организована на высоком уровне для достижения целей уголовного судопроизводства. Такая организация требует слаженного совершения органами дознания и предварительного следствия необходимых мероприятий.

Использование уголовно-процессуальных мер принудительного характера ограничивает права и законные интересы граждан, однако их применение является важным средством предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

При расследовании уголовных дел большое значение имеют такие следственные мероприятия, как обыск и выемка, которые позволяют обнаружить необходимые доказательства, указывающие на причастность лица к совершённому деянию. Порядок и основания их производства этих следственных действий подробно регламентированы действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Рассмотрим понятие и значение выемки, а также обозначим разницу между выемкой и обыском.

Выемка представляет собой следственное действие, осуществляемое в случае необходимости изымать у гражданина или юридического лица требуемых объектов, предметов, документов, которые имеют значение в решении уголовного дела. Выемка производится в случае, когда точно известно местонахождение искомых предметов [2, с. 89]. Важно понимать, что грамотное проведение выемки требует наличия у следователя или специалиста глубокого уровня знаний и владения необходимыми техническими навыками. Для её проведения применяются различные инструменты и технологии в зависимости от характера и особенностей изымаемых материалов или предметов.

Выемка представляет собой метод криминалистической экспертизы, в ходе которого происходит изъятие различных следов и доказательств, которые имеют большое значение по уголовному делу. С её помощью производится установление обстоятельств дела и выявление причин их возникновения.

Как отмечают П.К. Гаджирамазанова и М.Ш. Гасанова, выемка представляет собой следственное действие, которое производится для изъятия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, когда точно известно, где и у кого они находятся, и проводится в том же порядке, что и обыск [3, с. 137].

В свою очередь С.Б. Россинский считает, что выемка – это процессуальное действие, заключающееся в добровольной выдаче или принудительном изъятии имеющих значение для уголовного дела предметов или документов, если точно известно, где и у кого они находятся. По своей правовой природе выемка отчасти напоминает обыск и ввиду отсылочного характера ч. 2 ст. 183 УПК РФ проводится в аналогичном ему порядке [4, с. 28].

На наш взгляд, выемка в любом случае не может являться разновидностью обыска как в процессуальном, так и в иных смыслах. Данное следственное действие основано на собственных целях, задачах, методах и средствах проведения.

Как отмечал А.Р. Ратинов, обыск и выемка различаются в том плане, что предметом выемки могут быть лишь те предметы, которые известны конкретно, а в ходе производства обыска отсутствует чёткая информация о конкретных вещах, иногда они и вовсе остаются в неизвестности. Основанием выемки также является наличие сведений о точном нахождении предметов в том или ином месте. В процессе обыска задача поиска предметов лишь решается [5, с. 147].

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. Следователь получил сведения, что в офисе компании работают камеры видеонаблюдения, а также там расположен сервер, на котором хранятся видеозаписи с камер. Заполняя постановление о производстве выемки, он указывает на факт, откуда ему стали известны сведения о наличии видеокамер, а также о месте проведения выемке. Результаты данного следственного мероприятия оформляются протоколом, содержащим информацию об изъятом предмете, характере его изъятия (добровольном или принудительном), характерных признаках предмета и его таре.

Для того, чтобы проводить выемку предметов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о банковских счетах и вкладах, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, следователю необходимо иметь основание в виде судебного решения.

Выемка меньше воздействует на права граждан и юридических лиц, поскольку не предполагает действий по поиску необходимой вещи.

Возможно также проведения выемки непосредственно на месте преступления, в жилище подозреваемого, в транспортном средстве или в любом другом месте, где могут находиться материалы, предметы или следы, имеющие значение для расследования.

Главной целью выемки является сбор и фиксация возможных доказательств, использование которых возможно в ходе дальнейшего расследования уголовного дела. В связи с этим, полученные доказательства должны соответствовать требованиям достоверности, допустимости, относимости и необходимо, чтобы при их получении не были нарушены требования уголовно-процессуального закона.

К важным задачам выемки относится сбор доказательств, которые могут быть использованы в дальнейшем расследовании и судебном процессе. Это могут быть следы преступления, материалы, связанные с преступлением, или предметы, которые могут быть связаны с преступлением или его исполнителями [6, с. 278].

Кроме того, в процессе выемки происходит фиксация доказательств в их исходном виде, вследствие чего утрачивается возможность их последующего искажения или недостоверности.

С помощью выемки следователь или дознаватель имеет возможность установить источник доказательств и их признаки. Данная информация поможет в последующем процессе расследования. К примеру, при выемке следов на месте преступления можно определить, какие предметы использовались при совершении преступления и какие следы они оставили.

Кроме того, одной из задач выемки является предотвращение уничтожения доказательств. Следователь должен понимать, что обыскиваемые лица могут пытаться избавиться от искомых предметов, а также попытаться уничтожить их, скрыть либо перепрятать в другое место.

Поскольку выемка представляет собой следственное действие, осуществляемое в случае необходимости изымать у гражданина или юридического лица требуемых объектов, предметов, документов, которые имеют значение в решении уголовного дела, а также производится в случае, когда точно известно местонахождение искомых

предметов и все это происходит в рамках уголовного законодательства РФ, то данное следственное действие устанавливает ряд оснований, условий и ситуаций, в которых и должна происходить выемка.

В качестве фактического основания выемки представляются сведения, которые определяют индивидуальные признаки предмета, который должен быть обнаружен, а также информация о его местонахождении.

Формальным основанием для проведения выемки является постановление следователя, которое должно содержать обязательные сведения о лице, у которого проводится выемка, указание на конкретный объект и его признаки, место поиска, значение доказательства в расследовании уголовного дела и иные необходимые признаки в зависимости от конкретной ситуации.

Исходя из вышесказанного следует, что в качестве юридического основания о производстве выемки выступает постановление следователя, однако в зависимости от изымаемого предмета им также может быть судебное решение в тех случаях, которые мы уже указывали выше. Как уже было отмечено, выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится только на основании судебного решения. Последний документ также обязателен при производстве выемки в жилище, почте, адвокатской конторе и некоторых других случаях.

Кроме того, хотелось бы сформулировать некоторые правила и условия, на которых проводится выемка. К ним относится факт обязательного присутствия в ходе процесса таких участников, как лицо, у которого производится обыск, в случае отсутствия, его представителей, а также следователя. Желательно присутствие понятых, но в случае несоблюдения данного фактора лицо, проводящее выемку, должно использовать видеосъёмку, что отдельно отмечается в протоколе. Если искомый предмет не был обнаружен, проведение выемки завершается.

Также, если выемка проводится у юридического лица, закон обязательно предписывает представителей организации или должностных лиц. В процессе выемки следователь или дознаватель предъявляет постановление о производстве выемки и ознакамливает её участников с порядком проведения следственного действия.

Важно соблюдать и последующий порядок производства выемки. Прежде, чем самостоятельно приступить к обнаружению искомых документов, следователь должен предложить обыскиваемому лицу выдать их добровольно. Также выемке подлежат лишь конкретные предметы, которые указаны в постановлении о производстве выемки и связаны с совершенным преступлением. Любые обнаруженные по делу вещи должны быть зафиксированы в протоколе выемки, что сопровождается их описанием. Для обнаруженных вещей выделяется специальная тара, которой присваивается собственный номер. После этого обыскиваемое лицо, а также иные участники мероприятия должны ознакомиться с протоколом и подписать их. В случае отказа от подписи следователь должен отобразить в протоколе эту информацию.

В теории выделяется ряд классификаций выемок по различным основаниям. Они различаются в зависимости от обнаруживаемых предметов, вида совершенного преступления и иных факторов.

Хотелось бы привести некоторые основания для классификации выемок.

В зависимости от объекта выемка подразделяется на:

а) выемку предметов – как правило, в ходе неё изымаются похищенные вещи, орудия преступления, оружие, и т.д. При этом в протоколе фиксируются признаки предмета, место и обстоятельства данного следственного действия;

б) выемку документов. К ним относятся как оригиналы, так и подделки документов, задача следствия выяснить какие из них какие, и установить роль каждого в рассматриваемом деле. К ним относятся:

– нормативные акты, регламентирующие создание и деятельность юридических лиц (учредительный договор, устав);

– документы, дающие право на занятие определенной деятельностью и т.п.;

– бухгалтерские документы;

в) выемка электронных носителей информации;

г) выемка ценностей;

д) выемка животных.

По месту их проведения:

а) выемка у физических лиц по месту их жительства;

б) выемка в организациях;

в) выемка в почтово-телеграфных учреждениях.

По оказываемому противодействию:

а) добровольная;

б) принудительная.

По очерёдности:

а) выемка первоначальная;

б) выемка повторная.

То есть, характер проведения выемки чаще бывает принудительным, но на первом этапе обыскиваемое лицо имеет возможность отдать предметы добровольно. Выемка может проводиться в отношении физических и юридических лиц. Если при проведении выемки не присутствовал собственник помещения, его представитель либо представитель юридического лица, результаты следственного действия будут признаны недействительными и не соответствующими нормами уголовно-процессуального закона.

Основания производства выемки могут быть фактическими или формальными. К первым относятся сведения, полученные следователем о наличии в определенном помещении предметов, имеющих доказательственное значение по уголовному делу. Формальным же основанием является непосредственно постановление следователя.

Что касаемо классификации данного следственного действия, она может проводиться в зависимости от таких факторов, как очередность, субъект проведения, обыскиваемый субъект, добровольный или принудительный характер, противодействие сотрудникам полиции и т.д. Также выемка классифицируется в зависимости от того, присутствовали ли на ней понятые, подписали ли обыскиваемые лица протокол выемки и т.д.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день процесс производства выемки закреплён в действующем УПК РФ, однако он не устанавливает цели, порядок и задачи проведения данного следственного действия. Теоретические источники определяют выемку как следственное действие, которое производится в целях изъятия определенных предметов и документов, которые принципиально важны для расследования уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся. Выемка позволяет обнаружить необходимые для расследования уголовного дела предметы, имеющие в дальнейшем доказательственное значение в суде. При этом, выемка отличается от сходного следственного действия – обыска, хоть и имеет с ним довольно много общего. Во время организации выемки следователь имеет точную информацию о наличии в конкретном месте конкретного предмета, связанного с расследуемым уголовным делом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Гаврилов, Б.Я. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Я. Гаврилов; под редакцией Б.Я. Гаврилова. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 572 с.
3. Гаджирамазанова П.К., Гаснова М.Ш. Организация и производство выемки и обыска в уголовном процессе / П.К. Гаджирамазанова, М.Ш. Гасанова // Закон и право. – 2021. – № 12. – С. 137–140.
4. Россинский, С.Б. Выемка: следственное действие или процессуальная форма изъятия / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2017. – № 19. – С. 28–32.
5. Ратинов, А.Р. Обыск и выемка. / А.Р. Ратинов. – Москва: Госюриздат, 1961. – 235 с.
6. Сулейманов, Г.Н. Особенности производства выемки / Г.Н. Сулейманов // Молодой ученый. – 2023. – № 42 (489). – С. 278–280. – URL: https://moluch.ru/archive/489/106713/ (дата обращения: 13.01.2025).

CONCEPT, MEANING AND GROUNDS FOR CONDUCTING A SEIZURE

Abstract. The article reveals the essence of such a criminal procedural investigative action as a seizure. The concept, characteristic features and grounds for its implementation during the investigation of a criminal case are defined.
Key words: seizure, search, evidence, investigation, criminal case.

Kachmar A.R.
Scientific supervisor: Gulina S.N., senior lecturer
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «DonSU»
E-mail: alina.kachmar@yandex.ru

УДК 340.0; 340.1

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT

Komisarenko V.V.
Scientific adviser: Matvienko E.A., Ph.D., associate professor
Donetsk State University

Annotation. This article examines the concepts of "law enforcement activity" proposed by the scientific community. Based on a critical analysis of definitions, taking into account legally significant signs of law enforcement activity, the author's concept of "law enforcement agency of the state" is formulated.
Keywords: law enforcement, law, public authority, public authority, offense, law and order, legality.

The problem of defining the definition of "law enforcement agencies" is not new and it is mainly related not only to the absence of a number of supporting interpretations in modern legal doctrine and legislation. Rather, it is due to the immensely expanded interpretation of the term by the law enforcement officer in relation to the activities of state and non-state bodies operating in the field of law.

As Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.M. Tarasov rightly notes in this regard: "Some scientists refer to the law enforcement agencies as the notary, the bar, and the courts of the Russian Federation. Others reasonably believe that the notary, the bar, and the courts of the Russian Federation are not law enforcement agencies. In this regard, the issue of the concept of law enforcement activity, the attribution of certain public authorities to law enforcement remains relevant and requires additional consideration" [1, p. 300].

Based on the above reasoning, we will try to understand the problem in more details.

In modern jurisprudence, there are different points of view on the definition of the concept of law enforcement. The most common interpretation is the interpretation of law enforcement activities as a certain type of law enforcement activity, which is one of the specific forms of law enforcement. The difference between law enforcement and other forms of law enforcement is that it is one of the forms of active organizational and power activity of the competent authorities of the state, acting on its behalf and within the limits of its powers.

A fairly common point of view is the definition of law enforcement as a type of law enforcement, the peculiarity of which is the detection of offenses, consideration of relevant legal cases and making decisions on the application of legal liability measures. Thus, the well - known scientist S. S. Alekseev writes: "law enforcement is the activity of competent authorities to protect the norms of law from any violations, the resolution of cases of offenses-the application of legal sanctions or refusal to apply them, as well as the adoption of special measures to prevent violations in the future" [2, p.124].

This understanding of law enforcement seems to be quite balanced. However, this understanding reflects only the legal forms of its implementation. However, law enforcement activity is characterized not only by its focus on the protection of law, but also by a variety of forms of influence on potential and real threats to law (educational, preventive, etc.). At the same time, law enforcement activities are carried out not only by state bodies, but also by non-state institutions (for example, the bar), which cannot carry out law enforcement as a power specification, individualization of legal norms.

One of the scientists A. M. Bandurka defines law enforcement activities as follows: "this is a state activity that is carried out for the purpose of protecting the right by specially authorized bodies by applying legal measures of influence in strict accordance with the law and in strict compliance with the procedure established by him" [3, p. 6].

In this definition, law enforcement activity is no longer limited to law enforcement, but, on the other hand, it is limited to attribution only to the type of state activity and emphasis again

on the application of legal measures of influence, but, for example, the resolution of disputes (about inheritance, etc.) is difficult to attribute to measures of influence.

No less interesting is the position of the French scientist J. Vedel, who identifies law enforcement with law enforcement. In his opinion, the very essence of executive power is reduced to the implementation of organized coercion in the state. A similar idea was shared by Russian scientists of the late 19th and early 20th centuries. For example, V. Iosefi noted: "No matter what types of specific (executive) activities of the state we take, each time this activity is completely exhausted by legal protection... The content of any executive power is legal protection, and any executive power is law enforcement... Any legal protection is organized coercion" [4, p. 84].

Law enforcement activity is also considered as a type of Public Protection activity carried out by competent entities in order to protect public relations from offenses, resolve legal cases of offenses and take special measures to prevent them [5, p. 91].

This definition of law enforcement activity has a more general character compared to the previous ones, since it provides for the implementation of law enforcement activities not only by state bodies, but also by other competent entities, and also does not limit the implementation of law enforcement activities only by legal forms.

In turn, A. A. Chuvylev considers law enforcement activities in a broad sense - as the activities of all state bodies that ensure the observance of the rights and freedoms of citizens, their implementation, legality and law and order; and in a narrow sense - as the activities of specially authorized bodies for the protection of law from offenses, which is carried out in the form established by law, according to the competence of a particular body [6, p. 4].

The interpretation proposed by A.M. Tarasov is informative and meaningful. The scientist argues that law enforcement is a mandatory type of government activity carried out by specially authorized government authorities. For law enforcement agencies, law enforcement is their main activity, for which they were created. At the same time, their common activities are related, for example, to solving financial, economic, personnel, staff and other issues that fall into the category of law enforcement activities [1, pp. 304-305].

It is not difficult to see that for all the versatility of definitions of law enforcement activities, the central categories that reflect its essence are the following categories: object of protection and subject of law enforcement activities.

The object of protection is public relations that are regulated by law and which can potentially or actually be harmed or harmed. The direct subject of law enforcement activities are illegal actions (misdemeanors and crimes), and indirectly - other legal and social phenomena that cause them or are otherwise associated with them (for example, identifying the causes of offenses or preventing offenses).

Analyzing law enforcement activities and the structure of the bodies that carry them out, it is advisable to identify the position of G.A. Tumanov and S.M. Petrov. According to their point of view, law enforcement agencies occupy an intermediate position between the structures of power and management: "Being built according to the principles of public administration, they nevertheless function within the framework of the tree of legal goals set by the state government. Therefore, ideally, law enforcement agencies should not belong to and be subordinate to public administration structures that can carry out administrative activities in relation to them that are not related to ensuring legality" [7, p. 19].

Analysis of various definitions of law enforcement activities allows us to come to the following conclusions:

1. Law enforcement activities are primarily focused on the protection of law. At the same time, it is characterized by a variety of forms of influence on potential and real threats to the law, among which the main ones are legal ones. In addition, law enforcement activities, based on the above definitions, are related to the resolution (consideration) of a legal case (offenses,

disputes about the law, complaints) and are carried out by authorized state bodies, officials and other subjects, the circle of which is determined by regulatory acts.

2. Most definitions of law enforcement activities contain a feature that divides law enforcement activities into state and non-state, and which is fundamental for highlighting state law enforcement agencies as components of the law enforcement system. We are talking about the use of measures of influence, which provides for measures of state coercion. It is the need to use state coercion that mainly justifies the need for a special subject - a competent body - a law enforcement agency.

3. In accordance with the structural and functional features of law enforcement activities discussed above, a state law enforcement agency can be defined as a body authorized by the state to apply measures of state coercion, whose decisions are of a law enforcement nature, and whose activities consist in influencing threats to law, both real and potential, and are of a state-power, jurisdictional, subordinate and regulated nature.

In order to develop these judgments, which seem meaningful and worthy of attention to us, we will outline a few more meaningful and important provisions for legal Science.

We believe that unlike other systems of state bodies, the system of law enforcement agencies does not have a traditional organizational structure, such as the system of executive authorities. This system is an integral set, the systemic factor of which is not a structural (organizational), but a functional criterion - directly law enforcement activities. This is determined by their common functional purpose, which is mainly to protect and protect the right.

Law enforcement, as the main form of functioning of these special state bodies, determines their difference not only from other non-law enforcement agencies of the state or law enforcement institutions of a non-state nature (for example, the bar, private detective and security agencies), but also the general and differences in the actual law enforcement agencies of the state.

The versatility of law enforcement activities is manifested in its main areas, which, in turn, determine, respectively, the functional distribution of roles, the presence of appropriate specialization in the law enforcement system. In particular, the main directions (functions) of law enforcement activities include: prosecutor's supervision, preliminary investigation of criminal cases, protection of criminal cases and provision of other legal assistance, protection of Public Order and security of citizens, the fight against crime, as well as justice, and according to the main directions - law enforcement agencies that carry them out, namely courts, prosecutors, bodies that detect and investigate offenses, bodies and institutions of justice, the bar and some other bodies that perform law enforcement functions.

Based on the fact that the components of the system of law enforcement agencies we distinguish precisely state bodies, as well as according to the main areas of law enforcement activities, among which the central ones, such as those that stand out, as mentioned above, by the majority of scientists, are Justice, prosecutor's supervision, detection and investigation of offenses and which, accordingly, are carried out by the judicial system, the prosecutor's office and bodies that detect and investigate offenses, the system of law enforcement agencies as the subject of this comparative legal study is limited to considering such components as the judicial system (with the allocation of or absence of such-constitutional justice), the prosecutor's office, as well as law enforcement agencies that implement such the direction of law enforcement activities, such as detection and investigation of offenses.

It should be noted that the assignment of courts to law enforcement agencies does not reduce their role as representatives of one of the fundamental branches of state power. This accordingly allows us to consider the place of courts in the implementation of the protection and protection of the rights and interests of the individual, society and the state. At the same time, the judicial system acts as the central link, the core of the system of law enforcement

agencies, since the task of justice is also subject to the implementation of other areas of law enforcement activities.

Among law enforcement agencies that detect and investigate offenses, in turn, there is a subject division of competence, based on multifaceted manifestations of crime, as an object of influence of law enforcement activities in various spheres of life of society and individuals.

At the same time, however, the subject of our comparative legal research in relation to law enforcement agencies that detect and investigate offenses is limited to the scope of such a law enforcement agency as the police, since it is in the general mass of powers of this law enforcement agency that the main share is precisely the activity of detecting and investigating offenses, which is the main task of the police.

The system of law enforcement agencies is characterized by a certain hierarchy, again due to the functional nature of system formation and subordination of various types of law enforcement agencies. The system of law enforcement agencies contains certain components (law enforcement agencies) that have appropriate tasks, powers and perform certain functions to achieve a common goal for all law enforcement agencies, namely, the protection and protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens.

At the same time, within the same type of law enforcement agencies, the dominant organizational criterion in their construction is combined with the principle of territoriality. Law enforcement agencies of the same type as components of the system of law enforcement agencies are certain subsystems characterized by integrity, qualitative originality and relative independence.

In other words, law enforcement agencies of one type are one of the elements of the system of law enforcement agencies, which has organizational and legal independence, is created in the legislative order, carries out with the help of specific methods and forms its profile activities (based on the main directions of law enforcement activities) on behalf of the state, on the basis and within the competence assigned to it, the scope and nature of which depend on its place in the system of law enforcement agencies.

Between the elements (law enforcement agencies) of these subsystems, there are connections based on subordination, that is, law enforcement agencies of the same type are built in a hierarchical order, subordinate to lower law enforcement agencies to higher ones. At the same time, law enforcement agencies of one type are organized taking into account the administrative-territorial division of the state, that is, the competence of a particular law enforcement agency extends, respectively, to a certain territory of the state.

Thus, we came to the conclusion that, despite the existence of various studies of the organization and functioning of law enforcement agencies, a comprehensive comparative legal study of the system of law enforcement agencies as an integral set of law enforcement agencies of the state goes beyond both the theory of state and law, as well as branch and special legal Sciences.

At the same time, such a comparative legal study of the totality of law enforcement agencies has a certain scientific significance, which consists in the ability to comprehensively, on a large scale and fully investigate law enforcement agencies, and practical significance for a scientifically based, effective process of improving or even reforming the law enforcement system of the Russian Federation.

We do not pretend to be categorical in the judgments put forward. On the contrary, we consider them debatable, requiring discussion in the circles of theorists interested in solving the problems raised. We invite you to exchange opinions.

LIST OF LITERATURE

1. Тарасов А.М. К вопросу о понятии правоохранительной деятельности и о правоохранительных органах // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. – 2018. – № 4. – С. 299-305.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций. - Свердловск, 1972. –Т.1. – 396 с.
3. Бандурка А.М. Судебные и правоохранительные органы Украины. - Х.: Университет внутренних дел, 1999. – 349 с.
4. Иозефи В. Опыт юридической науки полицейского права. Основные понятия, материальное полицейское право. Ч. 1. Могилев. – 1902. – 274 с.
5. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. - М.: РАН ИГИП, 1993. – 148 с.
6. Чувилев А.А., Чувилев А.А. Правоохранительные органы: Вопросы и ответы. - М.: Новый юрист, 1998. – 150 с.
7. Петров С.М., Туманов Г.А. Категории интереса в советском государственном управлении // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 17-23.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. This article examines the concepts of "law enforcement activity" proposed by the scientific community. Based on a critical analysis of definitions, taking into account legally significant signs of law enforcement activity, the author's concept of "law enforcement agency of the state" is formulated.
Keywords: law enforcement, law, public authority, public authority, offense, law and order, legality.

Komisarenko V.V.
Scientific adviser: Matvienko E.A., Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: Komisarenko2002@inbox.ru

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Корнейчук В.В.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В условиях глобализации и интеграции различных стран в единое пространство, включая транспортное, эффективное взаимодействие в сфере обеспечения безопасности дорожного движения становится ключевым элементом для повышения уровня общественной безопасности в целом. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в области признания и исполнения решений по делам об административных правонарушениях в сфере дорожного движения представляет собой необходимое условие для снижения уровня указанной категории правонарушений. В том числе, подобное взаимодействие способствует унификации подходов к правоприменению, позволяет упростить процессы взаимодействия правоохранительных органов и судебных структур, а также исполнение решений, принятых в одном из государств-сотрудников, что, в свою очередь, существенно повышает уровень доверия между странами.
Ключевые слова: административное правонарушение, дорожное движение, безопасность дорожного движения, международное сотрудничество, информация.

Анализ проблематики сотрудничества Российской Федерации (далее – Россия) и Республики Беларусь (далее – Беларусь) в контексте безопасности дорожного движения и административной ответственности за правонарушения в данной категории дел представляют собой несомненный научный интерес, который следует рассматривать с учетом комплексного подхода. Исследование правового регулирования безопасности дорожного движения в России и Беларуси также имеет актуальность ввиду давнего многолетнего партнерства а указанных стран.

Проблемы правового регулирования безопасности дорожного движения как института административного права нашли отражение в работах В.В.Серебрякова, Д.В.Паршина и других ученых [1-3]. В то же время сравнительно-правовым исследованиям в области правового регулирования безопасности дорожного движения уделено недостаточное внимание.

В рамках Союзного государства России и Беларуси заключены соглашения, направленные на координацию усилий по обеспечению безопасности дорожного движения, включая совместные мероприятия, обмен информацией, обучение и подготовку специалистов. Страны могут согласовывать единые правила дорожного движения, в частности, стандартные знаки, разметку и требования к транспортным средствам, что упрощает процесс управления транспортными средствами и повышает безопасность на дорогах. Россия и Беларусь проводят совместные проверки состояния дорожной инфраструктуры, а также мониторинг соблюдения правил дорожного движения, осуществляют обмен статистическими данными о дорожно-транспортных происшествиях, что позволяет анализировать ситуацию и принимать меры по её улучшению.

Между Российской Федерацией и Республикой Беларусь также заключено Соглашение о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения от 8 сентября 2022года заключено в целях непосредственной реализации сотрудничества в рамках безопасности дорожного движения (далее – Соглашение) [4]. Указанное Соглашение предусматривает взаимное признание и исполнении решений Россией и Беларусью по всем делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, в

том числе с использованием технических средств фото- и видеофиксации, а также регламентирует обмен данными по электронным каналам связи.

Рассматриваемый документ также регулирует процедуры обмена информацией о нарушителях правил дорожного движения, принятия решений по указанной категории дел, исполнение решений на территории другой страны, в том числе предусматривает возможность передвижения российских транспортных средств по территории Республики Беларусь, а белорусских, соответственно, по территории Российской Федерации, а пересечение границ союзных государств возможно при наличии национальных водительских удостоверений, что в своей совокупности способствует обеспечению безопасности на дорогах.

Вместе с тем, следует отметить, что эффективное и продуктивное сотрудничество возможно в том случае, когда в национальных законодательствах стран-союзников выработаны схожие подходы к урегулированию правоотношений в рамках безопасности дорожного движения [2, с. 15].Например, в России государственная политика в анализируемой сфере основывается на совершенствовании эксплуатационной безопасности транспортных средств, их технического осмотра, качественной подготовке водителей, контроле за режимом труда и др. В свою очередь, в Беларуси государственная политика в данной сфере направлена на совершенствование дорожной инфраструктуры, строительство, реконструкцию дорог, освещение [2, с. 259] и др.

В рамках сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере безопасности дорожного движения основным направлениям такого взаимодействия являются«обмен информацией о дорожной обстановке, обучение и переподготовку специалистов в области безопасности дорожного движения, проведение совместных мероприятий по профилактике дорожно-транспортных происшествий, др. К основным перспективам развития сотрудничества между Россией и Беларусью в данной сфере можно отнести укрепление партнерских отношений, расширение области совместных проектов и программ, внедрение инновационных технологий для повышения эффективности дорожного движения» [3, с. 44].

Таким образом, принимая во внимание интенсивность экономического сотрудничества, а также контактов граждан, одним из важных аспектов остается обеспечение безопасности перемещения грузов и пассажиров автомобильным транспортом, что в целом являет собой безопасность дорожного движения. В таком случае сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Беларусь играет важную роль в обеспечении безопасности на дорогах и развитии транспортной инфраструктуры обеих стран, в том числе в рамках проводимых в данных странах программах, ориентированных на обеспечение безопасности в области дорожного движения.

Следует обратить внимание на статистические данные за последние годы в сфере безопасности дорожного движения, которые опубликованы на официальных интернет-ресурсах Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, Общероссийской общественной организации«Российская академия транспорта»,Федерального казенного учреждения «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», др. Проанализировав официальные статистические данные следует, что в 2022 году на территории России продолжилось снижение дорожно-транспортной аварийности, количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) сократилось на 5 %, число погибших в них – на 4,7 %, раненых – на 4,9 % в сравнении с предыдущими годами [5].

Кроме того, снизилась аварийность, связанная с выездом на полосу встречного движенияна 7,6 %, число погибших и раненых в них – на 6,1 % и 7 %, соответственно, снижение на 8,2 % количества ДТП с участием водителей в состоянии опьянения или с

его признаками, число погибших в таких происшествиях снизилось на 7,9 %, раненых – на 9,6 %, также сократилось на 3 % количество наездов на пешеходов, на 6,3 % – число погибших и на 2,8 % – раненых пешеходов [6].

Согласно статистике с января по июнь 2023 года произошло 49,5 тыс. ДТП, в которых погибло 5,1 тыс. человек и ранены 64,6 тыс. человека. При этом основными причинами ДТП являлись несоблюдение очередности проезда перекрестков – 19,9 % (9,9 тыс.) ДТП, несоответствие скорости конкретным условиям движения – 19,9 % (9,8 тыс.).

Кроме того, наибольшее число погибших зафиксировано вследствие выезда на полосу встречного движения –32,3 % (1,6 тыс. погибших), несоответствия скорости конкретным условиям движения – 27,5 % (1,4 тыс.) [5].

С января по сентябрь 2024 года на российских дорогах произошло 96,4 тыс.дорожно-транспортных происшествий, что на 1,6 % меньше, чем за аналогичный период в 2023 году. Основными видами ДТП стали столкновения – 44,8 %(43,2 тыс.), наезды на пешеходов – 24,0 %(23,1 тыс.), съезды с дороги – 10,1 % (9,7 тыс.), количество ДТП с участием детей возросло на 7,3 %, при этом количество погибших детей увеличилось на 2,6 %.При этом самыми редкими видами ДТП стали наезды на гужевой транспорт (шесть аварий) и наезды на животных (665).

Следует отметить, что в 2024 году большинство ДТП (почти 85 %) произошли из-за нарушения водителями правил дорожного движения, в том числе превышения скорости и несоблюдения правил проезда перекрестков, по причине технической неисправности транспортных средств количество ДТП увеличилось на 25,7 %, а по причине опрокидывания автомобилей – на 17,1 %, количество ДТП с водителями в состоянии опьянения сократилось на 12,9 %, с отказавшимися от медосвидетельствования – на 0,7 %. Тем не менее, отмечается, чтоситуация остаётся сложной по ряду других показателей, особенно в отношении аварий с участием несовершеннолетних [6].

Таким образом, проанализировав приведенные статистические данные следует, что присутствует как динамика снижения определенных видов ДТП (например, количество ДТП с водителями в состоянии опьянения, наезды на гужевой транспорт, др.), так и динамика увеличения (например, количество ДТП по причине технической неисправности транспортных средств, количество ДТП по причине опрокидывания автомобилей, др.), что зависит от различных факторов, в том числе и от обеспечения безопасности дорожного движения на различных уровнях, реализации программ в обозначенной сфере, а также сотрудничества различных органов.

В данном случае следует привести абсолютно справедливое мнение А.В. Мухортикова, члена Общественного совета при Министерстве транспорта и дорожной инфраструктуры Московской области, который утверждает, что «нужно переходить от анализа очагов аварийности, которые выводят по итогам года, к анализу по горячим следам всех случаев ДТП, где есть погибшие и раненые, где есть явные недостатки в организации движения, для того, чтобы меры принимались сразу, так возможно предотвратить дальнейшие дорожно-транспортные происшествия, в том числе необходимо проводить профилактику в большем объеме» [6].

Вместе с тем, следует также проанализировать статистические данные дорожно-транспортных происшествийв Республике Беларусь за 2024 год. Например, в январе – сентябре 2024 года на территории Беларуси совершено 2,5 тыс. (+ 8,1 % в сравнении с аналогичным периодом 2023 года) ДТП, в которых 276 (- 1,8 %в сравнении с аналогичным периодом 2023 года) человек погибли и 2,8 тыс. человек (+ 8,8 %в сравнении с аналогичным периодом 2023 года) получили травмы. При этом наиболее высокий уровень смертности при ДТП отмечается в результате наездов на пешеходов – 27,9 % от общего числа погибших в ДТП, случаев гибели пешеходов – 66,2 %. В целом

отмечается, что по стране в 2024 году в сравнении с 2023 годом возросло количество ДТП + 11,3 % с участием велосипедистов, погибших + 44,0 %, раненых + 8,8 %в ДТП людей [14].

Вместе с тем, в целях минимизации негативных тенденций в сфере безопасности дорожного движения, повышения эффективности работы органов внутренних дел по устранению причин и условий дорожно-транспортного травматизма, а также обеспечения безопасности уязвимых участников дорожного движения Госавтоинспекция в Республике Беларусь регулярно проводит республиканскую профилактическую акцию по предупреждению ДТП с участием пешеходов и велосипедистов, популяризации использования световозвращающих элементов и одежды повышенной видимости в темное время суток.

Таким образом, в последние годы сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в рамках безопасности дорожного движения значительно укрепилось благодаря проведению совместных мероприятий и разработки совместных стратегий. Также немаловажную роль играет совершенствование законодательства и внедрение новых технологий, методов контроля. Вместе с тем, положения Соглашения России и Беларуси ориентированы на укрепление правопорядка, сотрудничества в рамках дорожной безопасности и её обеспечения, что позволяет улучшить взаимодействие правоохранительных органов двух стран, обеспечить эффективное пресечение и расследование правонарушений, тем самым повысить уровень безопасности на дорогах как для граждан России, так и Беларуси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серебряков В.В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации и Республике Беларусь (сравнительно-правовое исследование): автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Серебряков Вадим Викторович; [Место защиты: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя]. – Москва, 2024. – 25 с.

2. Паршин Д.В. Сотрудничество Республики Белоруссия и Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения // Право и государство: теория и практика. – 2023. – С. 258-260.

3. Корнейчук В.В.Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в области безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы административного, финансового и экологического права: материалы республиканского круглого стола. – 2024. – С. 42-45.

4. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения от 8 сентября 2022 г.[Электронныйресурс].URL:http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312180001?ysclid=m3k6jm6n238 (дата обращения: 25.01.2025).

5. Сотрудниками Научного центра БДД МВД России подготовлен обзор дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации за 2022 год// Научный центр безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90aga7a7b.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/37717139/ (дата обращения: 25.01.2025).

6. Статистика аварийности из-за нарушения ПДД водителями за шесть месяцев 2023 года // Общероссийская общественная организация «Российская академия транспорта» [Электронный ресурс]. URL: https://rosacademtrans.ru/%d0%be%d1%83%d1%81-%d1%80%d0%b0%d1%82/ (дата обращения: 25.01.2025).

7. В ГИБДД подсчитали число аварий в РФ с начала года // Известия [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1774703/2024-10-15/v-gibdd-podschitali-chislo-avarii-v-rf-s-nachala-goda (дата обращения: 25.01.2025).

8. Статистика дорожно-транспортных происшествий с января по сентябрь 2024 // УЗ «Чериковский райЦГЭ» [Электронный ресурс]. URL: https://cherikov.cge.by/about/ (датаобращения: 25.01.2025).

ROAD SAFETY IN THE FRAMEWORK OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. In the context of globalization and the integration of various countries into a single space, including transport, effective cooperation in the field of road safety is becoming a key element for improving public safety in general. Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of recognition and enforcement of decisions in cases of administrative offenses in the field of traffic is a necessary condition for reducing the level of this category of offenses. In particular, such interaction contributes to the unification of approaches to law enforcement, simplifies the processes of interaction between law enforcement agencies and judicial structures, as well as the execution of decisions taken in one of the member States, which, in turn, significantly increases the level of trust between the countries.
Keywords:administrative offense, traffic, road safety, international cooperation, information.

Korneychuk V.V.
Scientific adviser: Synkova E.M., doctor of law, professor. Donetsk State University
E-mail: e.synkova.jur.fac@mail.ru, vika_korneychuk@mail.ru

УДК 347.78

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА РЕЗУЛЬТАТЫ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Корнилов И.И.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший. преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается правовое регулирование интеллектуальной собственности на результаты, созданные искусственным интеллектом. Выявлены основные проблемы регулирования данной сферы, а также представлен подход, который поможет эффективно регулировать результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые с помощью ИИ.
Ключевые слова: искусственный интеллект, автор, правовое регулирование, правосубъектность, творческий вклад.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) сегодня имеет значительное воздействие на разные области человеческой активности, включая область интеллектуальной собственности.

В недавнем прошлом ИИ был больше ориентирован на разработку шахматных машин, автономного вождения, распознавания лиц и речи, перевода и автономного письма (например, для биржевых отчетов и спортивных новостей). Тем не менее, сегодня ИИ расправляет крылья и охватывает все возможные области. Watson от IBM и Deep Mind от Google могут диагностировать болезни человека, разрабатывать методы диагностики и фармацевтические субстанции для терапии. Однако не менее важным остаётся факт того, что сегодня искусственный интеллект не только активно используется для решения сложных научных, технических и творческих задач, но и становится самостоятельным «создателем» новых результатов: произведений искусства, программного обеспечения, научных открытий и даже инновационных бизнес-моделей. В связи с этим возникает целый ряд правовых вопросов, связанных с тем, кто и каким образом должен обладать правами на результаты, созданные ИИ, а также как необходимо адаптировать существующие правовые нормы к новым реалиям.

Распространено понимание искусственного интеллекта как собственно субъекта, решающего определённые задачи. Однако для этих целей лучше подходит термин «интеллектуальная система», поскольку таково определение этого словосочетания. Первоначально понятие «искусственный интеллект» трактуется либо как научное направление в когнитивных науках, информатике, математике, либо как свойство интеллектуальной системы выполнять определённые функции, характеризующее такую систему как интеллектуальную. Также искусственный интеллект понимают как способность интеллектуальной системы верно интерпретировать внешние данные, учиться на основе таких данных и достигать определённых целей, выполнять задачи посредством гибкого обучения.

Стоит отметить, что перевод «artificial intelligence» на русский язык действительно в какой-то степени одухотворяет то, что называют «искусственным интеллектом», подталкивает к представлению его чем-то антропоморфным, т.е. подобным человеку. В строгом переводе «artificial intelligence» – это скорее «искусственная разумность» как свойство, качество некоторого объекта, чем сам этот объект. С другой стороны, и в англоязычной литературе искусственный интеллект с 1980-ых годов стали описывать именно как саму вычислительную машину, обладающую особыми мыслительными способностями и возможностями (т.е. субъект), а не какое-либо свойство. Более того, и законодательные акты допускают такое использование в дефинитивных нормах. Таким

образом, употребление этого термина в нетрадиционном смысле на сегодняшний день можно назвать устоявшейся практикой.

При рассмотрении правовой природы объектов, созданных искусственным интеллектом (ИИ), необходимо учитывать, что основой любого результата его деятельности является информация, полученная в процессе машинного обучения. Эта информация включает охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, что делает сгенерированный ИИ контент комбинацией различных объектов, в том числе защищенных авторским правом и другими механизмами интеллектуальной собственности.

Различия между результатами, созданными человеком и искусственным интеллектом (ИИ), охватывают не только процесс их создания, но и правовые, этические и творческие аспекты. Одним из основных различий является сама природа творчества. В отношении произведений авторские права возникают исключительно у человека, поскольку, согласно статье 1257 ГК РФ, автором признается «гражданин, творческим трудом которого создано произведение» [1]. Это, в свою очередь, означает, что ключевым условием возникновения авторских прав является личность человека, его индивидуальный вклад, отраженный в созданном произведении, что представляет собой необходимый элемент творчества для правовой охраны.

В отличие от человека, даже самые совершенные системы ИИ работают на основе алгоритмов, разработанных человеком и изначально предназначенных для выполнения определенных задач. Эти алгоритмы позволяют анализировать огромные массивы данных, выявлять закономерности и создавать новые объекты, используя уже существующую информацию. Однако процесс генерации ИИ основан на статистических зависимостях и шаблонных структурах, тогда как человек способен осознанно отклоняться от устоявшихся правил и создавать принципиально новые, оригинальные идеи.

Искусственный интеллект работает на основе заранее заданных правил и принципов обработки данных. Его способность создавать различные результаты, такие как текст, изображение, музыкальные произведения или научные открытия, основывается на выявленных статистических закономерностях в больших объемах информации. К примеру, обучая ИИ писать стихи, ему предоставляют набор текстов, из которых он выделяет шаблоны, такие как рифма, ритм или стиль. Однако ИИ не способен осознавать глубину эмоций, которые часто присутствуют в поэзии, и не обладает интуитивным восприятием красоты или эстетики. Он может создать текст, напоминающий стихи, используя данные о структуре строк и типичной лексике жанра, но это творчество ограничено установленными шаблонами и закономерностями. Таким образом, алгоритмы ИИ позволяют ему сочетать и перераспределять данные, но исключительно в рамках усредненных паттернов. В его работе отсутствует осмысленная интуиция, которая характерна для человека и позволяет придавать информации особое значение и уникальность.

В дополнение к указанному имеет место рассмотреть и зарубежный опыт правового регулирования. Так, в правоприменительной практике США преобладает подход, согласно которому произведение может получить охрану, только если оно создано человеком. Работы, созданные с использованием машины или механического процесса, который действует автоматически или случайным образом, без творческого участия или вмешательства человека, не подлежат регистрации [2, с. 36].

Согласно разделу 7 Патентного закона Великобритании 1977 г. только физическое лицо может и должно быть указано как «изобретатель» в патентной заявке [7]. При этом в п. 3 ст. 9 Закона Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах (CDPA) 1988 г. указано, что в случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера,

автором считается лицо, предпринявшее меры, необходимые для создания произведения. Это означает, что произведение должно быть результатом свободного и творческого выбора автора и отражать его личный подход. Такой подход, по сути, может применяться по аналогии к произведениям, созданным с помощью искусственного интеллекта.

Обзор позиций зарубежных юристов свидетельствует, что распространена позиция непризнания искусственного интеллекта в качестве субъекта авторских или патентных правоотношений [3, с. 207]. Наиболее логичным и соответствующим современным правовым реалиям является внедрение антропоцентрической модели регулирования. В ее основе лежит фундаментальный принцип: несмотря на уровень автономности, ИИ остается инструментом в руках человека.

Сторонники этого концепта видят разрешение обсуждаемой проблемы в наделении человека всеми правами на объект, созданный интеллектуальной системой. К числу таких людей относят разработчиков ИИ или конечных пользователей, реже – владельцу базового ПО, аппаратной системы. Иногда также говорят о передаче прав компаниям-организаторам разработки или инвесторам.

Описываемая идея обосновывается тем, что созидательные интеллектуальные системы разрабатываются и используются в связи с теми конкретными целями, которые ставят перед ними люди, участвующие в созидательном процессе. Таким образом, эти люди видят в интеллектуальной системе инструмент, хотя он и может считаться в какой-то степени автономным и самообучающимся.

Вопрос о распределении прав на результаты, созданные искусственным интеллектом (ИИ), является одной из ключевых проблем современного правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности. Существуют несколько основных концепций, каждая из которых предлагает свой подход к определению правообладателя таких результатов [4, с. 315].

Первая концепция предполагает, что обладателем всех прав должен быть сам искусственный интеллект [5, с. 32]. Однако данный подход не выдерживает критики, поскольку ИИ не обладает правосубъектностью. Более того, ИИ не обладает сознанием, волей и творческим замыслом, что является фундаментальными характеристиками автора в праве интеллектуальной собственности. Хотя ИИ может демонстрировать автономность в своей работе, он остается зависимым от заложенных в него алгоритмов, созданных человеком. Следовательно, ИИ не может быть признан субъектом права, а его результаты – не могут считаться плодом исключительно его «творчества».

Вторая концепция отдает права на результаты ИИ его разработчику или владельцу. Этот подход основан на аналогии с собственностью: искусственный интеллект рассматривается как созданный человеком инструмент, а его результаты – как принадлежащие тому, кто контролирует саму технологию. В поддержку этой идеи можно привести взгляды Джона Локка, который утверждал, что право собственности принадлежит тому, кто создал или обеспечил существование объекта. Однако этот подход несет в себе серьезные риски монополизации рынка, так как владельцы ИИ-систем могут получить полный контроль над результатами их работы, что ограничит доступ к интеллектуальной собственности для более широкого круга лиц.

Марго Каминski, оценивая текущий уровень развития правовых механизмов и технологий искусственного интеллекта, отмечает, что в определенных ситуациях ИИ можно рассматривать как инструмент автора, но не как самостоятельного творца. Она приводит мнение одного художника, который сравнил такую программу с кистью – инструментом, позволяющим выразить замысел автора [8, с. 589].

При таком подходе возникает дискуссия о том, кто именно из людей, участвующих в процессе создания произведения с использованием интеллектуального инструмента, должен считаться носителем интеллектуальных прав. Калин Христов предлагает решать

этот вопрос через призму социального утилитаризма, ориентируясь на правовой режим, который принесет наибольшую пользу обществу. Главной целью передачи интеллектуальных прав на результаты, созданные искусственным интеллектом, людям, по его мнению, является стимулирование развития этой технологической отрасли. Следовательно, автором должен признаваться тот, кто в наибольшей степени способствует достижению этой цели. Однако он рассматривает этот подход применительно к интеллектуальным системам с высокой степенью автономности.

Зарубежный исследователь К. Христов выделяет три возможных субъекта интеллектуальных прав: конечного пользователя, разработчика (программиста) и владельца компании, инвестировавшей в ИИ. Он полагает, что пользователи в наименьшей степени соответствуют задаче стимулирования развития отрасли, поскольку не участвуют в разработке технологий. В то же время разработчики, непосредственно создающие интеллектуальные системы, имеют наибольшие основания для обладания правами. Если программист работает самостоятельно, он становится правообладателем, а если действует в интересах компании или инвестора, распределение прав определяется соответствующим соглашением. Аналогично и конечные пользователи, претендующие на право собственности на результаты работы ИИ, могут урегулировать свои интересы путем заключения договоров. Такой утилитарный подход характерен для системы интеллектуальной собственности США.

Рассматривая искусственный интеллект как инструмент в современных правовых реалиях, необходимо определить среди всех участников процесса того, кто внес творческий вклад в создание результата работы ИИ. Таким субъектом, по мнению ряда исследователей, является конечный пользователь, взаимодействующий с интеллектуальной системой. Исследователь Бенита Лау утверждает, что разработчика ИИ следует считать автором самой программы, поскольку Закон об авторском праве Сингапура признает компьютерное ПО литературным произведением. Однако автором конечного результата, полученного с использованием этой программы, является человек, непосредственно работающий с системой.

Соответственно, можно утверждать, что таким субъектом будет является конечный пользователь – человек, который инициирует процесс генерации, определяет параметры работы ИИ и оценивает ценность полученного результата. Этот подход не только предотвращает концентрацию прав у крупных разработчиков, но и позволяет сохранить баланс между инновациями и защитой интересов авторов.

ИИ – это технология, которая не может быть не связана с личностью создателя. Поэтому лицом, использующим и распоряжающимся исключительным правом, целесообразно считать лицо, контролирующее функционирование ИИ [6, с. 309].

Детальный анализ рассматриваемой проблемы был проведен Робертом Ю, который отметил, что передача прав конечному пользователю препятствует монополизации, поскольку исключительные права будут распределены между широким кругом лиц. Более того, именно пользователь вносит творческий вклад в создание результата – пусть даже он заключается в формулировке задачи, настройке параметров работы ИИ или последующей доработке сгенерированного объекта.

Таким образом, искусственный интеллект не может быть признан самостоятельным субъектом права, так как он не обладает ни правосубъектностью, ни творческим замыслом, а его деятельность является лишь реализацией заложенных алгоритмов. С учетом этого целесообразно внедрение антропоцентрической модели правового регулирования, при которой интеллектуальные права на результаты, созданные с использованием ИИ, закрепляются за конечным пользователем, непосредственно участвующим в процессе их создания. Такой подход позволит не только избежать юридических коллизий, но и сохранить баланс интересов между разработчиками технологий, пользователями и обществом в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Шахназарова Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – №2. – С. 34–45.
3. Минина В.В. Право интеллектуальной собственности в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Журнал Кронос. – 2022. – С. 205–207.
4. Пономарченко А.Е. Правовое регулирование отношении, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. – 2023. – С. 315–317.
5. Ивлиев, Г. П. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 6. – С. 32-46.
6. Болотаева О.С. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Частно-правовые (цивилистические) науки. – 2023. – С. 309 –311.
7. The Patents Act 1977 (as amended). URL: https://www.gov.uk/guidance/the-patent-act-1977/section-7-right-to-apply-for-and-obtain-a-patent (дата обращения 28.01.2025).
8. Margot E. Kaminski Authorship, disrupted: AI authors in copyright and First Amendment law. // UCDL Review. – №51. – 2017. – P. 589-616.

LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OF THE RESULTS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. This paper examines the legal regulation of intellectual property for the results created by artificial intelligence. The main problems of regulating this sphere are identified, and an approach is presented that will help effectively regulate the results of intellectual activity created with the help of AI.
Keywords: artificial intelligence, author, legal regulation, legal personality, creative contribution.

Kornilov I.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: ik5163453@gmail.com

УДК 347.763

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Костенко О.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье представлены ключевые аспекты содержания договора перевозки грузов автомобильным транспортом. Охарактеризованы основные элементы, включаемые в содержание такого договора – стороны, предмет договора, условия перевозки, права и обязанности сторон, также рассмотрены условия об оплате и ответственность сторон.
Ключевые слова: договор перевозки грузов автомобильным транспортом, автомобильная перевозка, грузоперевозчик, грузоотправитель, грузополучатель.

Договор перевозки грузов автомобильным транспортом – неотъемлемая часть взаимодействия между транспортной компанией и заказчиком, гарантирующая безопасность и своевременность доставки груза. Заключаемый между перевозчиком и грузоотправителем, этот договор обеспечивает защиту интересов обеих сторон и предусматривает оплату услуг перевозки.

Целью исследования в работе является всесторонний анализ правового регулирования и содержания договора перевозки грузов, а также выявление особенностей его исполнения и механизмов разрешения возможных споров.

Осуществление грузоперевозок автомобильным транспортом регулируется Главой 2 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [1]. Одним из главных моментов при перевозке грузов является подписание договора о доставке товара в нужное место, согласно пункту 1 статьи 8 вышеупомянутого закона.

На основании ст. 785 ГК РФ можно сделать вывод, что в договоре перевозки грузов автомобильным транспортом участвует три субъекта: грузоотправитель, грузополучатель и грузоперевозчик. Обычно отправитель передает груз перевозчику, указывая получателя, который в свою очередь принимает его по прибытии. Чтобы заключить договор перевозки грузов, перевозчик оформляет и передаёт грузоотправителю специальные документы – транспортную накладную, которая содержит все важные условия договора и является его письменной версией (раздел II Постановления Правительства РФ от 21.12.2020 N 2200 (ред. от 30.12.2022) «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации») [2]. Договор перевозки грузов автомобильным транспортом заключается исключительно в письменной форме с указанием всех обязательных характеристик, определённых законодательством. Отсутствие транспортной накладной означает, что договор был ненадлежаще оформлен.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, п. п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «договор считается заключённым, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора» [3]. В договоре перевозки груза должны быть определены все существенные условия:

– Идентификационные данные сторон (наименование, адрес, контактная информация).

– Описание груза, включая его характеристики, вес, объем и особые требования к перевозке.

– Маршрут и сроки доставки, а также указание на необходимость особого режима или условий перевозки.

– Порядок оплаты услуг и ответственность сторон за их ненадлежащее исполнение.

Исполнение договора перевозки груза завершается полноценным доставлением груза со временем и состоянием в целости и сохранности.

Согласно статье 785 Гражданского кодекса, по договору перевозки грузов перевозчик обязуется доставить груз в пункт назначения и передать его грузополучателю, а грузоотправитель – уплатить перевозчику установленную плату за перевозку [4]. Гражданский кодекс также устанавливает, что перевозчик отвечает за сохранность груза с момента его принятия до момента передачи грузополучателю, что подчеркивает важность соблюдения правил хранения и транспортировки.

Важно отметить, что договор перевозки является трехсторонним и возмездным, что означает, что он вступает в силу с момента достижения соглашения между сторонами и требует от них выполнения обязательств. Договор перевозки груза автомобильным транспортом квалифицируется как реальный, поскольку «обязательства перевозчика возникают лишь в отношении такого груза, который сдан грузоотправителем и принят перевозчиком для его доставки в пункт назначения (вверенный перевозчику груз)» пишет Витрянский В.В. [5, с. 277]. Российский правовед Гречуха В.Н. писал: «Договоры перевозки груза являются реальными. Для их заключения недостаточно соглашения перевозчика и грузоотправителя, необходима ещё и передача груза перевозчику, поскольку он обязан доставить «вверенный» ему груз» [6, с. 120].

Предметом договора перевозки груза является сам груз, который подлежит транспортировке. Это может быть как товар, так и другие объекты, которые могут быть перемещены с одного места на другое. При этом важно, чтобы груз соответствовал установленным нормам и требованиям, так как перевозка опасных или запрещенных к транспортировке грузов может повлечь за собой серьезные правовые последствия и ответственность для перевозчика. Кроме того, в договоре должны быть четко указаны характеристики груза, такие как его вес, объем, упаковка, а также особенности, которые могут повлиять на процесс перевозки, например, необходимость соблюдения температурного режима или специальных условий хранения.

Сроки исполнения обязательств по договору перевозки груза являются еще одним важным аспектом, который необходимо учитывать при его заключении. Стороны должны заранее согласовать сроки доставки груза, так как несоблюдение этих сроков может привести к убыткам как для грузоотправителя, так и для перевозчика. В случае задержки доставки грузоотправитель имеет право на компенсацию убытков, если такая задержка была вызвана не зависящими от него обстоятельствами. С другой стороны, перевозчик также может столкнуться с последствиями, если он не сможет выполнить свои обязательства в установленный срок.

Стоимость услуг по перевозке груза определяется на основании различных факторов, таких как расстояние между пунктами отправления и назначения, тип груза, его объем и вес, а также дополнительные услуги, которые могут потребоваться в процессе перевозки. Как правило, стоимость услуг оговаривается заранее и фиксируется в договоре, что позволяет избежать споров и недоразумений в дальнейшем. Важно помнить, что в некоторых случаях перевозчик может потребовать предоплату или аванс, особенно если речь идет о крупных грузах или длительных маршрутах. Грузоотправитель, в свою очередь, должен быть готов к тому, чтобы предоставить перевозчику все необходимые документы, подтверждающие соответствие установленным требованиям.

Страхование груза представляет собой важный аспект логистики и торговли, обеспечивая защиту интересов сторон, участвующих в процессе перевозки товаров. Основы страхования груза заключаются в том, что оно обеспечивает финансовую защиту в случае непредвиденных обстоятельств, таких как стихийные бедствия, аварии, кражи

или повреждения в процессе транспортировки. Важно отметить, что страхование груза не является обязательным, однако его наличие значительно повышает уровень уверенности грузоотправителей в сохранности своих товаров. Страхование груза является дополнительной мерой защиты интересов сторон. Грузоотправитель может застраховать груз на случай его утраты или повреждения, что позволит минимизировать финансовые риски. Перевозчик, в свою очередь, может также застраховать свою ответственность за убытки, связанные с перевозкой. Процесс оформления страхования груза включает в себя несколько этапов, начиная от выбора страховой компании и заканчивая получением страхового полиса. На этом этапе важно учитывать не только стоимость страхования, но и репутацию компании, условия договора и уровень предоставляемых услуг. Грузоотправитель должен быть внимателен к деталям, так как даже небольшие ошибки в оформлении могут привести к серьезным последствиям в случае наступления страхового случая. Существует частичное страхование, которое покрывает только определенные риски. Например, грузоотправитель может выбрать страхование от кражи или повреждения в результате аварии, но исключить риски, связанные со стихийными бедствиями. Такой подход может быть более экономичным, однако он требует от грузоотправителя внимательного анализа рисков и тщательной оценки, какие из них наиболее вероятны для конкретного груза. Важно помнить, что в случае частичного страхования, если произойдет событие, не попадающее под страховое покрытие, грузоотправитель понесет убытки самостоятельно [7, с. 219].

Ответственность сторон по договору перевозки груза автомобильным транспортом также является важным аспектом, который должен быть четко прописан в соглашении. В случае нарушения условий договора, например, если груз будет поврежден, утрачивается или задерживается, стороны должны знать, какие последствия это повлечет за собой. Как правило, перевозчик несет ответственность за сохранность груза на протяжении всего времени его транспортировки, однако существуют исключения, когда перевозчик может быть освобожден от ответственности, например, в случае форс-мажорных обстоятельств или если ущерб был вызван действиями самого грузоотправителя. Грузоотправитель также может нести ответственность, если он предоставил неверные или неполные данные о грузе, что привело к его повреждению или утрате [8, с. 11].

Таким образом, содержание договора перевозки грузов автомобильным транспортом включает в себя ряд ключевых элементов, таких как предмет договора, права и обязанности сторон, условия доставки, ответственность за утрату или повреждение груза и другие важные аспекты. Предметом договора является обязательство перевозчика доставить груз в определенное место в оговоренные сроки. При этом права и обязанности сторон должны быть четко прописаны, чтобы избежать недопонимания и конфликтов.

Особенности исполнения договора перевозки грузов автомобильным транспортом заключаются в том, что этот процесс требует высокой степени координации и взаимодействия между различными участниками. Перевозчик обязан обеспечить сохранность груза на протяжении всей перевозки, а также выполнить условия, предусмотренные договором. Важно отметить, что исполнение договора может быть осложнено различными факторами, такими как погодные условия, дорожные происшествия или технические неполадки транспортных средств. Эти обстоятельства могут повлечь за собой задержки или дополнительные расходы, что требует от сторон гибкости и готовности к поиску компромиссов. Страхование груза не только минимизирует финансовые риски в случае непредвиденных ситуаций, но и повышает доверие между грузоотправителями и перевозчиками.

Разрешение споров по договору перевозки грузов автомобильным транспортом также является важным аспектом, который требует внимательного подхода. Споры могут возникать как из-за нарушения условий договора, так и из-за недопонимания сторон. Важно, чтобы в договоре были прописаны механизмы разрешения споров, такие как

порядок досудебного урегулирования, судебное решение спорных ситуаций. Это помогает минимизировать риски и способствует более быстрому разрешению конфликтов, что, в свою очередь, положительно сказывается на деловой репутации всех участников.

Таким образом, в связи с необходимостью обеспечения безопасности грузоперевозок и защиты интересов всех участников процесса, предлагаем внедрить обязательное страхование ответственности перевозчика при автомобильной перевозке грузов.

Данная мера в случае утраты или повреждения груза, обеспечит компенсацию убытков, наличие страховки повысит ответственность перевозчиков, так как они будут заинтересованы в наилучшем исполнении своих обязательств. Рекомендуем рассмотреть возможность создания единого реестра страховых компаний, аккредитованных для предоставления данного вида услуг, а также разработать унифицированные условия страхования, которые бы соответствовали требованиям законодательства и интересам всех сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федеральный закон от 08.11.2007 N 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 12.11.2007. – N 46. – Ст. 5555.

2. Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 21.12.2020 N 2200 (ред. от 30.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 28.12.2020. – N 52 (Часть II). – Ст. 8877.

3. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – N 2. – февраль, 2019.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая: [Принят Государственной Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.07.2023 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 22.

5. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – М., 2006. – 485 с.

6. Транспортное право России: учебник для магистров: учебник для студентов высших учебных заведений / В. Н. Гречуха. – М.: Юрайт, 2012. – 583 с.

7. Транспортное право: учебник для среднего профессионального образования / Н. А. Духно [и др.]; ответственные редакторы Н. А. Духно, А.И. Землин. – 4–е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 522 с.

8. Сидоров, В. В. Права и обязанности перевозчика и грузоотправителя в договоре перевозки грузов / В. В. Сидоров. – Томск: ОЛМА-ПРЕСС, 2023. – 22 с.

THE CONTENT OF THE CONTRACT FOR THE CARRIAGE OF GOODS BY ROAD

Annotation. The article presents the key aspects of the content of the contract for the carriage of goods by road. The main elements included in the content of such a contract are the parties, the subject of the contract, the conditions of carriage, the rights and obligations of the parties, and the payment terms and responsibilities of the parties.

Keywords: contract for the carriage of goods by road, road transportation, cargo carrier, shipper, recipient.

Kostenko O.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Process.
State University
E-mail: olesya.kostenko.04@mail.ru

УДК 343.241

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ

Котикова Д.Б.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье проводится анализ и развитие уголовного наказания в российском праве, начиная с X века до настоящего времени, а также рассматривается расширение такой категории, как эволюция, её соответствие наказаний в указанный период принципам гуманности и справедливости.
Ключевые слова: уголовное наказание, кара, санкция, справедливость.

Испокон веков общественно опасные деяния и недозволительное поведение, противоречащее общепризнанным нормам, установленные в социуме законодательным органом, пресекались соответствующим законом для обеспечения нормальной жизнедеятельности каждого члена гуманного общества. Уголовное право, и в частности нормы об уголовном наказании, регулируют общественные отношения, которые непосредственно связаны с государственным реагированием на совершенные преступные деяния.

В современном обществе, независимо от происходящих событий и имеющихся ограничений, одна из наиболее актуальных проблем заключается в предотвращении преступности. Наказание, как важный элемент уголовного права, служит одним из методов борьбы с преступностью. Оно отражает суть поведения и действий государства в контексте применения уголовного законодательства.

Истоки наказания как средства пресечения преступных деяний восходят к древним правовым системам. Например, в Законах Хаммурапи возмездие являлось основным мотивом наказания, что в свою очередь перекликалось с идеей закона талиона «око за око». В ту эпоху не существовало четкой грани между уголовными и гражданскими правонарушениями. Часто использовались наказания, направленные на запугивание и унижение, которые осуществляли превентивную функцию и могли рассматриваться как аналог современных криминалистических учетных систем. В древности характеристиками таких учетов служили физические повреждения (например, вырывание носовых осп) или клейма, применяемые для идентификации криминальной истории человека. С развитием централизованного государства и укреплением власти правителей акцент в системе уголовных наказаний стал смещаться в сторону устрашения.

Момент возникновения и формирования системы нормативных правовых актов, которые направлены на урегулирование общественных отношений, считается продолжительным, а процесс развития уголовного законодательства сложным. Очевидно, что уголовное наказание как фундаментальный институт уголовного права полноценно образовался не сразу, он развивался на протяжении нескольких веков, приобретая как можно больше деталей, уточняющие неправомерную модель поведения субъекта, совершившего преступление, и определяющие соответствующее ему наказание за содеянное.

Традиционно источником познания права является правовой памятник, то есть это может быть, как записи обычаев, так и тексты законов, исторические хроники, судебные дела, летописи и т.п., благодаря которым существует возможность познать характер и содержание конкретного интересующего вопроса в разные периоды времени, и права в целом.

Для познания процесса развития уголовного права и всей системы уголовных наказаний большинство ученых и юристов предпочитают исследовать в истории самые значимые исторические события и на их основании детально изучать волнующие вопросы.

Наказание является центральной категорией науки уголовного права наравне с преступлением. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ч. 1 ст. 43 определяет наказание как меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица [1]. Однако данная категория не сформировалась спонтанно, а имеет историю, слагаемую из нескольких столетий постепенного развития уголовного права в России.

Своё формальное начало уголовное наказание в России берёт ещё в Древнерусский период – именно тогда были заложены основы его формирования и развития. В более ранние периоды истории наказание по факту отождествлялось с местью и могло приобретать самые жестокие и изощрённые формы.

В качестве исходной точки отечественного уголовного права традиционно рассматривается Русская правда — правовой кодекс, ставший первым письменным и нормы-регулирующим актом, своего рода "сводом правил", существовавшим в различных редакциях, таких как "Краткая" и "Пространная". Этот документ, относящийся к X-XIII векам, включает не только уголовные нормы, но и разнообразные аспекты правового регулирования. В Русской правде, разумеется, не было упоминания о четко структурированной системе наказаний. Основным видом ответственности здесь выступало денежное взыскание — штраф (вира и продажа), а также возмещение ущерба пострадавшей стороне (головничество и урок).

Конкретные сроки наказаний не устанавливались, любое наказание было в воле князя. Соответственно и наказание было не общественным (государственным), а княжеским. Можно отметить коллективный характер ответственности или несения наказания – вира в княжескую казну платилась всей общиной, к которой принадлежал виновный, непосредственно сам виновный платил «головничество» – вознаграждение родственникам убитого, а также институт кровной мести [2, с. 52]. В контексте этого стоит сказать, что кровная месть имела распространение и по сей день в отдельных республиках России (Чеченская Республика, Республика Дагестан и т.д.).

До недавнего времени законодательная база этих субъектов РФ включала определённые нормы, запрещавшие проявление порывов кровной мести. Также кровная месть носит название вендетты – это слово пришло в русский язык с островов Корсика и Сардиния, где означало то же самое.

Вендетта – это не только личный мотив совершения преступления. Это явление имеет более широкий размах. Посягая на человека, виновный стремится не столько к удовлетворению, сколько к исполнению обычая.

Как отмечают некоторые исследователи, по обычаям кавказских горцев отказ от мести – большой грех и позор. Поэтому, считается, что основной характеристикой данного преступления является соблюдение «права», вытекающего из действующих обычаев [3, с. 196].

В контексте этого стоит сказать, что и сегодня в отдельных республиках России имеет место совершение преступление по мотивам кровной мести (Чеченская Республика, Республика Дагестан и т.д.). До недавнего времени законодательная база этих субъектов Российской Федерации включала определённые нормы, запрещавшие проявление порывов кровной мести. Также кровная месть носит название вендетты – это слово пришло в русский язык с островов Корсика и Сардиния, где означало то же самое.

В упадок институт кровного возмездия стал приходить после того, как родовые союзы сменились общинами и земствами. Месть стала инициировать власть государства в лице земств. После того, как Русь приняла христианство, общество несколько иначе стало смотреть на кровную месть. Чаще всего, договорившись с тем, кто должен был мстить, виновный в преступлении выплачивал денежную компенсацию согласно правилам, установленным законами.

Сначала возмездие включало частную и общественную составляющие, но затем, после того, как месть была заменена выкупом, они отмежевались друг от друга. Появились денежные штрафы, уплачиваемые власти и частные компенсации лицам, пострадавшим от нарушения их прав. Именно с этого периода можно говорить о формировании такого наказания, как штраф, которое знаменует переход к более гуманной природе уголовных наказаний. Однако о полноценной реализации тогда ещё не существовавшего принципа гуманности говорить нельзя, поскольку лица, не имевшие финансовой возможности выплатить штраф, подвергались иным, более жестоким видам наказания.

Уголовные кары представляли собой наказания, имеющие отношение к ограничению свободы: изгнание и поточение (ссылка). Лишение свободы является одним из наиболее древних видов наказания.

Необходимо отметить, что в XV-XVI веках, отечественная система наказаний всё ещё не сложилась. Дошедшие до современного периода исторические памятники права, Судебники, определи наказания сообразно совершенному преступлению, то есть, можно утверждать о существовании закона, но без системного выстраивания мер ответственности, согласно степени и тяжести содеянного [4, с. 381]. Можно говорить лишь о применении определённых категорий наказаний.

Рассмотрим данный вопрос более подробно. Институт наказания Российского государства в период многих веков претерпел множество количество преобразований в связи с развитием уголовного права и государства в целом, но все эти изменения связаны с появлением новых видов наказания, но при этом их цель не менялась, а карательная деятельность государства являлась классово определенной. Об этом можно судить по следующим правовым документам по истории русского права, сохранившимся до настоящего времени: Русская Правда (Краткая, Пространная и Сокращенная), Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Уложение 1649 г. и др.

В период абсолютной монархии в России, появляются источники военно-уголовного права: Воинский Артикул 1716 г. и Морской устав 1720 г.

Воинским артикулом 1715 г. регламентировалось применение и церковных наказаний, которые обычно могли быть назначены в качестве дополнительных. Например, в соответствии с толкованием к арт.1 предусматривалось церковное публичное покаяние чернокнижника, если «он чародейством своим никому ни какова вреду не учинили обязательства с сатаною ни какова не имеет, то надлежит, по изобретению дела, того наказать другим и выше упомянутым и наказаниями, и притом церковным публичным покаянием».

Следовательно, на основании Соборного уложения 1649г. и Воинского артикула 1715 г. включал в себя следующие группы наказаний:

1) общегражданские наказания;

2) специальные наказания [5, с. 111].

В будущем продолжается разработка и внедрение новых нормативных актов, регулирующих применение уголовных наказаний, включая Уголовное уложение 1903 года.

Накануне Октябрьской революции Российская империя обладала довольно развитым уголовным законодательством и налаженной системой правосудия. Тем не

менее, в ней все еще прослеживались феодальные и сословные элементы, а также существовали предпосылки для предвзятости судебных решений.

Однако с образованием Советского Союза система наказаний, как и общая структура уголовного права, претерпела кардинальные изменения, вошедшие в период хаоса и дезорганизации. Исчезла та единство и последовательность, которые были достигнуты в конце XIX — начале XX века благодаря усилиям знаковых законодателей и практиков. Распад Российской империи и установление советской власти ознаменовали начало нового этапа, сопутствующего формированию иной правовой системы.

В первых нормативных актах уголовного права продолжали существовать такие меры наказания, как лишение свободы, конфискация имущества и ряд других форм воздействия. Параллельно с этим внедрялись и новые типы наказаний, которые возникли на фоне изменившихся социальных условий. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года был представлен набор «примерных видов» наказаний, систематизированных от менее строгих до более жестких. К ним относились такие меры, как внушение, общественное порицание, принуждение к действиям, например, прохождение курсов переподготовки или «перековки».

Самый первый УК РСФСР 1922 года устанавливал уже более полный перечень наказаний. Также, перечень наказаний, предусмотренных Основными началами 1924 г. неоднократно дополнялся, а в 1936 г. судам было предоставлено право применять к лицам, совершившим наиболее опасные преступления, лишение свободы в виде заключения в тюрьму [6, с. 159].

В 1960 г. 27 октября был принят УК РСФСР, сохранивший в себе все виды наказаний из Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик, только из УК РСФСР 1926 г. было возращено увольнение от должности и возложение обязанности загладить причиненный вред.

Таким образом, к лицам, совершившим преступления применялись следующие виды наказания:

1) лишение свободы;

2) ссылка;

3) высылка;

4) исправительные работы без лишения свободы;

5) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

6) штраф;

7) общественное порицание.

Именно тут встречаются такие виды уголовных наказаний как ссылка и высылка [7, с. 148].

Институт наказания отличался особой противоречивостью в своем развитии, особенно в тот период, когда формировались его концептуальные основы, осложненные напряженной внешней и внутриполитической ситуацией в тот период. Данные неоднозначные тенденции проявлялись в классовом подходе в политике советского государства по вопросам уголовного права.

Закрепление понятия уголовного наказания на законодательном уровне произошло в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик, разработанных в 1991 году. Однако, следует отметить, что данные нормы так и не вступили в силу в связи с распадом СССР.

В 90-е гг. XX столетия в общей теории права не наблюдалась строгая модель института наказания, что стало причиной зарождения в современной уголовно-правовой доктрине таких правовых категорий, как юридическая ответственность, санкция, правовое ограничение, государственное принуждение [8, с. 220].

В конечном итоге категория наказания, равно как и система наказаний, были закреплены в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года, в котором дано определение наказания, приведена исчерпывающая система наказаний, а также указаны цели наказания. Определение наказания было приведено в начале настоящей работы. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Уголовное наказание – правовое последствие, назначаемое виновному лицу за совершенное общественное опасное деяние, которое наступает после вынесенного судом приговора, заключающееся в лишении или ограничении прав, или интересов этого лица.

Для выявления сущности уголовного наказания следует рассмотреть его объективные свойства. В юридической литературе данный вопрос также не остался без внимания и является весьма дискуссионным. Многие криминалисты не могут прийти к единому мнению – можно ли считать кару свойством наказания, если да, то в какой степени; имеет ли карательный характер меры исправительного воздействия, которые не закреплены в понятие сущности наказания; возмездие от имени социума и государства является частью сущности уголовного наказания или нет и т. п.

Исходя из истории уголовного наказания, понятно, что общество не сразу стало рассматривать вопрос о сущности уголовного наказания.

На сегодняшний день, кара не может рассматриваться как цель уголовного наказания в виде возмездия, поскольку это противоречит принципу гуманизма, закрепленному в законодательстве. Считаем, что кара - неотъемлемое свойство наказания, поскольку наложенные ограничения и лишения прав и свобод объективно приводят к мучительным последствиям для виновного, порождая страдания, утрату и иные негативные эмоции и переживания.

Отсюда следует, сущностью уголовного наказания является справедливая ответная реакция государства на причиненное правонарушителем зло социуму для пресечения преступных посягательств и рецидивов.

По сей день в уголовно-правовой доктрине между учеными и юристами ведутся дискуссии о целях уголовного наказания и его значении. Именно благодаря сопоставлению противоположных точек зрения люди имеют возможность более полноценно понять предмет спора, изучить положительные и негативные аспекты. Важно, чтобы во время обсуждения конкретного вопроса заинтересованные лица были услышаны друг другом, ведь при другом раскладе невозможно будет достигнуть согласия между участниками и вывести определенные выводы по существующему вопросу.

Благодаря истории русской культуры нам известно, что ранее к лицам применялись жестокие меры принудительного воздействия: телесные наказания, клеймение преступников, ссылка в далёкие регионы государства, каторжные работы и смертная казнь. Ранее в своей работе я уже отмечала о существовании письменного документа как Русская Правда, существовавший до конца XV века, и об основных видах наказания (поток, разграбление, вира, половничество, конфискация имущества вместе с изгнанием и продажа в холопы). Однако самыми запоминающимися и устрашающимися мерами воздействиями на преступника являлись телесные наказания.

Цели уголовного наказания в Российской Федерации, как и в большинстве правовых систем, направлены на достижение общественно значимых результатов в процессе борьбы с преступностью и восстановление социальной справедливости. Основные цели уголовного наказания можно рассмотреть через призму теоретических и практических аспектов:

1. Наказание (репрессия): Это традиционная цель уголовного наказания. Оно направлено на применение санкций к преступникам за совершенные деяния. Наказание

должно быть справедливым и соразмерным совершённому преступлению, чтобы оно служило предупреждением как для осуждённого, так и для других членов общества. Системы уголовного права стремятся к тому, чтобы общество видело последствия за преступные действия.

2. Превенция (профилактика):

- Общая превенция подразумевает, что целью наказания является не только наказание конкретного преступника, но и предупреждение для остальных членов общества о том, что за совершение преступления последуют серьезные последствия. Эффективное уголовное наказание должно служить примером для общества, снижая уровень преступности.
- Специальная превенция направлена на предотвращение рецидивной преступности у конкретного осуждённого. Это может включать в себя различные формы воздействия, такие как исправительные программы, обучение и психологическая помощь, которые помогают изменять поведение осуждённых.

3. Исправление и реабилитация: важной целью наказания является социальная реабилитация осуждённых. Современные уголовно-исполнительные системы стремятся к тому, чтобы осуждённые могли вернуться в общество с минимальными рисками повторного совершения преступлений. Это может обеспечиваться через трудовую занятость, образовательные программы и психологическую поддержку.

4. Восстановление социальной справедливости: уголовное наказание также направлено на восстановление справедливости в обществе. Это включает в себя как восстановление прав пострадавших, так и необходимость для преступника осознать свои ошибки и взять на себя ответственность за свои действия. В этом плане важной является возможность компенсации ущерба, причиненного преступлением.

5. Защита общества: Наказание также выполняет защитную функцию, ограждая общество от преступников. Это особенно актуально в случаях, когда преступление представляет опасность для жизни и здоровья граждан. Несовершеннолетние преступники, а также лица, представляющие опасность для общества, могут быть изолированы от него.

Ограничение уголовных наказаний и их соразмерность с преступлением — это важные аспекты уголовного права. Применение гуманистических подходов к наказанию и акцент на исправление и реабилитацию осуждённых позволяют двигаться к более справедливой и безопасной системе уголовного правосудия.

Так, целью наказания является не только воздействие на конкретного правонарушителя, но и улучшение качества жизни всего общества через уменьшение преступности, восстановление социальной справедливости и реабилитацию правонарушителей.

Для выполнения закрепленных целей имеется законодатель, который устанавливает какое наказание соответствует конкретному преступлению; судья, способный назначить вид и размер наказания; специальные органы, имеющие возможность приводить наказание в исполнение.

Подводя итоги, подчеркнем, что уголовное наказание кардинально отличается от других мер государственного принуждения своей суровостью. Данный институт существует благодаря тесной взаимосвязи с институтом преступления, поскольку преступление является основанием для назначения определенного наказания. В современных реалиях причинение физических мучений лицу, совершившему преступление, или унижение его человеческого достоинства (как это было в далеком прошлом) не является целью уголовного наказания.

Для минимизирования злодеяний в человеческой общности виновному назначается наказание, то есть применяется санкция (мера воздействия) уголовно-правового характера. Конкретный элемент права существует для установления определенного наказания для лица, совершившее общественно опасное деяние. Само собой разумеется, первоначально определяются все признаки состава преступления, с помощью которых выявляются основания для уголовной ответственности.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на раннем этапе развития назначенное наказание за совершенное преступное деяние характеризовалось жестокостью применения (телесные наказание, клеймение преступников, четвертование и т.д.), то есть фактически наказание представляло собой меру физического воздействия на преступника. Эволюция уголовного законодательства предопределила эволюцию системы мер уголовного наказания. По нашему мнению, существенная трансформация приходится на период, когда в России начали развиваться буржуазные отношения, поскольку правовые акты стали более структурированными, а меры воздействия более гуманными.

Прослеживая генезис наказания, можно с уверенностью сказать, что система наказания представляла собой способность государства ограничивать те или иные права человека в различных сферах.

Таким образом, первоначально по своей природе уголовное наказание носило карательную функцию и исполнялось в форме обязательной мести. Со временем, ещё в период Древней Руси, был введён новый вид наказания – денежная компенсация, в какой-то степени аналогичная современному штрафу. К моменту падения Российской империи в уголовном праве была сформирована общая система наказаний, имевшая некоторые недостатки. Однако затем данная система была разрушена, и советский законодатель разработал новый взгляд на уголовное наказание. Каждый новый Уголовный кодекс РСФСР определённым образом корректировал существующую систему. Некоторые наказания добавлялись, некоторые же, вследствие своей консервативности и нецелесообразности, наоборот, устранялись.

Актуальные вопросы и перспективы дальнейшего реформирования уголовного наказания в России и других странах можно рассмотреть с разных сторон, например, ключевыми аспектами могут быть:

- декриминализация ряда деяний (обсуждается вопрос о снятии уголовной ответственности за легкие наркотики, незначительные правонарушения и экономические преступления, что позволит уменьшить нагрузку на уголовную систему);
- снижение числа осужденных в исправительных учреждениях в пользу альтернативных мер наказания, таких как условный срок, штрафы, общественные работы, может помочь снизить заторы в системе исполнения наказаний и улучшить условия для оставшихся в учреждениях;
- развитие и внедрение альтернативных мер наказания, таких как общественные работы, штрафные санкции и программы реабилитации, сосредоточенные на исправлении, а не на наказании - позволят уменьшить количество виновных лиц и снизить рецидивизм;
- следует уделить должное внимание разработке механизмов компенсации, медиации и примирения сторон;
- важно обеспечить соблюдение прав человека в местах лишения свободы, реформировать системы надзора за условиями содержания, а также улучшить доступ осужденных к правовой помощи;
- внедрение современных технологий для мониторинга и управления осужденными, включая электронные браслеты, может снизить количество заключенных и облегчить контроль за ними;

- реформа системы образования и профессиональной подготовки для осужденных, а также программы реабилитации, направленные на уменьшение рецидивизма и содействие успешной интеграции в общество после освобождения.

Перспективы реформирования уголовного наказания зависят от комплексного подхода, учета мнений различных заинтересованных сторон и применения лучших международных практик. Важно найти баланс между обеспечением общественной безопасности и защитой прав человека, что будет способствовать созданию более справедливой и эффективной уголовной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 15.03.2023) / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: **http://government.ru/docs/all/96145/** (дата обращения 04.12.2024).
2. Кузнецова А.П., Морозов С.Л. История становления и развития системы наказаний в отечественном уголовном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. - №8-1 (83). – С. 51-55.
3. Некрасова И.Е. Кровная месть в России и в прошлом // Междисциплинарные исследования современности: ст.в сб.конф. – 2021. – С. 195-198.
4. Величко О.В. Вопросы истории развития системы уголовных наказаний в древнерусском государстве // Вестник науки. – 2023. – Т.4. - №5 (62). – С. 378-383.
5. Магомедова П.Г. Развитие системы наказаний в истории уголовного законодательства России // Colloquium-journal. – 2019. - №27-11 (51). – С. 109-112.
6. Твердохлёб Т.И. Уголовное наказание в истории российского права // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т.4. - №11-3. – С. 158-161.
7. Сокова Г.Е. История развития системы уголовных наказаний в советский период // Via scientiarum - дорога знаний. – 2016. - №3. – С. 144-150.
8. Воробьева А.В. Институт наказания в российском уголовном праве: сущность, история становления // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т.3. – № 10. – С. 215-223.

ORIGINS OF CRIMINAL PUNISHMENT AND ITS HISTORICAL AND LEGAL DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes the historical conditions for the emergence and development of criminal punishment in Russian law. The evolution and expansion of this category, its compliance with the principles of humanity and justice are considered.
Keywords: criminal punishment, punishment, sanction, justice.

Kotikova D.B.
Scientific adviser: Semikina L.A., PhD in Law, Associate Professor
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "DonSU"
E-mail: kotikovadi@yandex.ru

УДК 340.132:004.8

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АСПЕКТЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Лактионова Е.Д.
Научный руководитель: Щербинина Е.В., канд.ист.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается вредоносное использование искусственного интеллекта и генерируемой нейросетями информации в различных нишах инфо-пространства Российской Федерации. Рассмотрены проблемы авторского права, применительно к изображениям и текстам нейросетей, создание дипфейков, а также проблема недостоверной и опасной информации в книгах, сгенерированных искусственным интеллектом, также на основе анализа предложены методы противодействия неправомерному применению нейросетей.
Ключевые слова: нейросеть, авторское право, дипфейк, медиа-материалы, информация.

Вступление. XXI век стал эрой высоких технологий и периодом, когда информационные и компьютерные технологии развиваются по экспоненте. В связи с этим актуальным вопросом является роль и место искусственного интеллекта в жизни общества, а также в сложившейся системе правоотношений. На сегодняшний день возникает проблема в системе законодательства, по вопросам контроля за использованием сгенерированного контента.

Какие угрозы несёт в себе повсеместное использование нейросетей? Во-первых, это проблема использования авторского права.

Во-вторых, сами «советы» нейросетей могут причинить серьёзный ущерб человеку, вплоть до летального исхода. И законы нам не дают ответа, кто же в этом случае должен понести ответственность. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Основная часть.

В России авторские права признаются за человеком, который внёс творческий вклад в создание произведения (ст.1257 ГК РФ, п. 1 ст. 1228 ГК РФ). Исходя из норм права Российской Федерации, искусственный интеллект рассматривают только в качестве инструмента при создании объекта авторских прав (постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10).

Для предотвращения возможных споров об авторстве создаваемого контента компании-разработчики нейросетей подробно прописывают условия в пользовательском соглашении. К примеру, в офферте ChatGPT чётко прописано, что авторское право на вводные данные закреплено за пользователем. Одни разработчики при принятии соглашения сразу отказываются от прав на контент, другие, наоборот, заявляют о нём.

Возникает вопрос: можно ли выдавать произведения нейросети за своё творчество или это будет кражей интеллектуальной собственности?

Продукт, сделанный нейросетью: картинка или текст, — имеет три составляющие:

1) правильно прописанного промпта (техзадания от пользователя с подробным описанием желаемого результата и правками полученного);

2) возможностей и мощностей самой нейросети;

3) контента, загруженного в нейросеть для обучения и генерации на его основе (зачастую он имеет собственных авторов с действующими авторскими правами).

К примеру, созданное нейросетью изображение явно использовало цитаты из какого-то текста или брало за основу картину какого-то художника, а авторы, не давали разрешения на использование их интеллектуального труда в качестве референсов, тогда они **могут предъявить претензию и заявить об авторских правах на**

отредактированное изображение.

Для создания произведения на основе оригинала нужно получить согласие автора (ст. 1229, ст. 1270 ГК РФ). Если его не получить, создание нейрокартинки на основе оригинального изображения будет нарушением авторских прав. Если автор обнаружит такое нарушение, он может обратиться в суд с требованием взыскать компенсацию от 10 000 до 5 млн рублей (ст. 1301 ГК РФ).

Сложность для настоящего автора представляет доказательство, что картинка, созданная нейросетью, является результатом переработки оригинала. Для этого назначается экспертиза, однако итоговое решение может принять только суд.

В данном контексте также следует разобраться с правовыми проблемами дипфейков. Дипфейк - продвинутый вид манипуляции при помощи алгоритмов нейросетей с медиа-материалами: видео, фото и аудиозаписи. В процессе синтезируются фото или видео, соединяются с другими материалами. Полученные результаты практически не отличимыми от оригинала, поскольку нейросети самообучаемы и чем больше времени люди пользуются ею, тем лучше становится сгенерированный контент. В случае подделки аудиозаписей, технология сохраняет особенности речи и голоса человека, создавая убедительную иллюзию оригинальности содержания и интонаций [2].

Рассмотрим дипфейк с точки зрения гражданского законодательства, можно ли расценивать подобные действия - как производное произведение, как обработку произведения иного автора, предварительно получив его согласие? Исходя из статьи 1260 Гражданского кодекса РФ: «Автор производного или составного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения». Это значит, что индивид, создавший дипфейк, при соблюдении прав автора произведения, на основе которого он был создан, будет являться автором, исоответственно дипфейк является объектом авторского права.

Однако не стоит забывать важный момент, что «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано», из этого следует, что генерация дипфейка не дает возможности отнести его к категории производного произведения без какого-либо творческого участия человека. Следовательно, к объектам авторского прав отнести дипфейк также будет нельзя.

Так же следует учесть, что даже при наличии в производном произведении признаков творческого труда, но при этом дипфейком порочится честь, достоинство или деловая репутация автора производного произведения, то последний имеет право на защиту и восстановление нарушенных его личных неимущественных прав, об этом говорится в статье 1266 Гражданского Кодекса РФ: «Извращение, искажение или иное изменение произведения, порочащее честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательство на такие действия, дают автору право требовать защиты его чести, достоинства или деловой репутации».

Голос человека, который занимается дубляжом видеоигр, фильмов, реклам не входит в перечень объектов авторского права. Что в эпоху стремительно развивающегося ИИ является важной проблемой, поскольку нейросеть, принимая за основу голос актёра дубляжа, имеет возможность сгенерировать речь, которую он не произносил. А это значит, что те, кому нужна озвучка реклам, видеоигр или фильмов, могут не обращаться за помощью к актёрам дубляжа и не выплачивать им гонорар, что является серьёзной проблемой в защите авторских прав [3].

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Перечень объектов авторских прав, содержащихся в пункте 1 статьи 1259 ГК РФ, не является исчерпывающим», значит существует возможность допустить, что голос всё же находится под правовой защитой, а его недобросовестное использование – это

нарушение авторского права, за что предусмотрена уголовная, административная и, конечно, гражданско-правовая ответственность.

В ст. 1257 ГК РФ также есть указание, что произведение должно быть создано именно творческим путем. Тут можно опираться на два критерия: творческий вклад и степень новизны. Степень новизны довольно субъективный критерий, можно долго дискутировать, когда произведение считается новым и уникальным, а когда нет. Со вторым критерием дело обстоит сложнее. Его можно истолковать по-разному.

Рассмотрим этот вопрос с другой стороны, ведь у любой нейросети есть разработчики. Они, по умолчанию, авторы самого ИИ. В случае судебных разбирательств из-за присвоения и копирования чужого творчества с помощью их сервиса, ответственность должна ложиться и на их плечи. Представители компании-разработчика — единственные доступные лица в данном случае, которых можно установить и которым можно предъявить требования. Дальше возникает необходимость либо привлекать к совместной ответственности самих авторов ИИ либо требовать у компании-разработчика при возможности рассекретить личную информацию авторов сгенерированного контента.

Проведя анализ нормативно-правовой базы, которая регулирует авторские и смежные права, можно увидеть необходимость четко регламентировать правовое санкционирование использования нейросети в данной сфере.

Помимо авторских прав дипфейки могут быть реальной угрозой и для других сфер жизни, например:

1. При помощи этой технологии возможно создать иллюзию реальных событий с участием государственных лиц и распространять фейк-новости о событиях, которые не случились в реальности, что может ввести людей в заблуждение и посеять панику.

2. Крупные фирмы, экономические организации могут понести репутационные убытки, если лица их руководителей, штатных сотрудников наложат на индивидов, совершающих неправомерные действия.

3. Можно создать медиа-материалы, взяв голос или лица политиков и создать дипфейк, где уполномоченные лица делают или говорят то, чего не было на самом деле. Таким образом можно подорвать доверие к власти, изменить отношение общества к руководящим лицам государства.

Рассмотрим ещё одну проблему – достоверность результатов, генерируемых нейросетями и возможный ущерб от этого контента. Приведём пару примеров.

Первый примечательный случай, чуть не ставший фатальным стал с пользователем нейросети Gemini от корпорации Google. Он попросил одну из популярных сейчас нейросетей дать советы по «улучшению оливковой заправки с чесноком без нагрева». В ответ на пользовательский запрос искусственный интеллект дал развёрнутую инструкцию, что привело к созданию настоящего биотоксина в домашних условиях. Пользователь, действующий по инструкции искусственного интеллекта, смог вырастить культуру, как предполагается, с бактериями Clostridium botulinum.

Спустя несколько дней он заметил, что наверх начали пониматься пузырьки вохдуха. Пользователь рассказал, что посчитал это частью процесса, но на седьмой день настаивания смеси всё равно решил проверить это с помощью обычного поиска в Google. Как оказалось, в течение последней недели он выращивал в банке с помощью чеснока и оливкового масла культуру ботулизма, потому что чеснок в оливковом масле является достаточно распространённым способом создания подобных биологических токсинов [5].

Другой пример, пагубного влияния нейросетей, случился с участием книжных магазинов Amazon, в которых появились книги о сборе и приготовлении грибов, созданные с помощью генеративных нейросетей. Книги часто не опираются на научные данные и могут содержать неточную или даже опасную информацию. На

это обратило внимание онлайн-издание 404 Media, посвященное технологиям и связанным с ними этическим проблемам. Журналист 404 Media провёл анализ двух книг о грибах некоего Эдварда Дж. Смита. Его не удалось идентифицировать как специалиста по грибам или даже как существующего человека. Анализ проводился с помощью инструмента обнаружения сгенерированного текста ZeroGPT. Оказалось, что обе книги более чем на 85% сгенерированы искусственным интеллектом, однако никаких сведений об этом книга не имеет [6].

О проблемах с книгами, созданными машинным способом, журналисты пишут уже больше года. Большинство из этих книг являются легким способом заработать, к примеру, литература о путешествиях.

Ситуация становится более серьезной с книгами о приготовлении пищи, сгенерированными ИИ, ведь такие книги могут быть опасны для жизни.

Нью-Йоркское микологическое общество опубликовало сообщение в социальной сети X с таким текстом: «Amazon и другие торговые площадки завалены созданными искусственным интеллектом книгами по поиску и идентификации грибов. Пожалуйста, покупайте только книги известных авторов и собирателей, это может быть буквально вопросом жизни и смерти».

В связи с заявленными претензиями, Amazon провел своё расследование и удалил книги, вызвавшие скандал в СМИ. Однако проблема опасной литературы, написанной нейросетями, пока далека от решения и нет чёткого понимания о том, кто должен понести ответственность. Правообладатели маркетплейсов, где из-за недостаточной модерации, был выложен товар, нанёсший вред пользователю? Или стоит ужесточать правила размещения и привлекать к ответственности продавцов? Данный вопрос также требует особого внимания и разработки новых статей УК РФ, для регулировки качества продаваемых книг на отечественных торговых площадках.

Нейросети так же могут в «общении» с пользователем выдать текст, который может нанести вред эмоциональному состоянию человека, если у него неуравновешенная психика. Так недавно нейросеть Gemini в переписке с пользователем, унизила его, описав, какое он ничтожество, а в конце заявила, что человеку стоит умереть. Разработчики тут же отреагировали, сказав, что исправят эту ситуацию, а их ИИ больше не станет выдавать подобных результатов, однако такой случай не единственный.

Выводы.

Количество угроз, которые принесло с собой развитие ИИ, в частности, развитие генеративных нейросетей, подчеркивает важность постоянного усовершенствования правового регулирования борьбы с ними. Технологии находятся в постоянной эволюции и совершенствовании, поэтому следует своевременно обновлять правовую базу, чтобы предотвратить совершение преступлений нового уровня.

Следовательно, необходимо четкое закрепление на законодательном уровне нормативно-правовой и терминологической базы касающейся неправомерноного использования нейросетей. Во первых ввести в четвёртую часть Гражданского Кодекса Российской Федерации, регулирующих авторские и смежные с ними права, систему правовых норм, которая имела бы своим содержанием следующие положения:

1. Законодательное закрепление терминов нейросеть, дипфейк. Например, дипфейк – метод создания медиа-материалов на основе уже существующих фото, видео и аудио фрагментов, которые принадлежат другим авторам и иным правообладателям, с помощью технологий искусственного интеллекта (нейросетей).

2. Установить допустимые пределы использования чужих данных – тексты, изображения, голоса, и т.д.

3. Обозначить ответственность гражданско-правового характера за неправомерное использование дипфейков.

За общественно-опасное использование нейросетей, которое может повлечь, в том

числе, и угрозу жизни человека следует ввести административную и уголовную ответственность в соответствующие кодифицированные акты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс РФ. Ч.4 от 18.12.2006 N 230-ФЗ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Система КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru. – Дата обращения: 21.11.2024.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: Система КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru – Дата обращения: 21.11.2024.
3. Агибалова Е.Н., Наумов Н.А. Произведения науки как объект авторского права // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2021. - Т. 39. - № 3. - С. 94- 102.
4. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. -2022. - Т. 75. - № 11. - С. 112-119.
5. Нейросеть вместо рецепта оливковой заправки с чесноком «помогла» пользователю создать биотоксин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZnMNHoNlOGbMG90x – Дата обращения: 21.11.2024.
6. Портал «Грамота.ру» В онлайн-продаже обнаружены книги о сборе грибов, сгенерированные нейросетями // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/v-onlayn-prodazhe-obnaruzheny-knigi-o-sbore-gribov-sgenerirovannye-neyrosetyami – Дата обращения: 21.11.2024.

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN THE ASPECT OF THE RELIABILITY OF PUBLICLY AVAILABLE INFORMATION

Annotation. The article examines the malicious use of artificial intelligence and information generated by neural networks in various niches of the Russian Federation's information space. It examines copyright issues in relation to images and texts of neural networks, the creation of deepfakes, as well as the problem of unreliable and dangerous information in books generated by artificial intelligence. Based on the analysis, methods for counteracting the illegal use of neural networks are proposed.
Keywords: neural network, copyright, deepfake, media materials, information.

Laktionova Y.D.
Scientific adviser: Sherbinina Y.V. Ph.D., associate professor DonetskState University
E-mail: *a.laktionova.dongu.jur@mail.ru*

УДК 343.163

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Лежнин А.В.
Научный руководитель: Бабичев Д.А., канд.юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе раскрыты правовые основы координационной деятельности прокуратуры, некоторые проблемы, возникающие в данной сфере, Изучены правовые основы координационной деятельности, позволяющие выявить как эффективные практики, так и существующие недостатки, что способствует формированию рекомендаций по их устранению. Проведен анализ, который является основой для повышения результативности деятельности органов прокуратуры.
Ключевые слова: прокуратура, противодействие преступности, правоохранительная деятельность, нормативно-правовая база, противодействие преступности.

Прокуратура Российской Федерации является централизованной системой органов и занимает особое место в работе по противодействию преступности, включая меры по предупреждению и пресечению правонарушений.

Координационная деятельность прокуратуры выступает одной из важнейших функций, возложенных на правоохранительные органы Российской Федерации, выполняя важную координационную роль в борьбе с преступностью. Согласно статье 8 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1] (далее – Закон о прокуратуре), Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры обязаны организовывать и направлять взаимодействие различных государственных органов с целью обеспечения эффективного противодействия криминальным проявлениям. Эти меры реализуются в тесном сотрудничестве прокуратуры с органами внутренних дел, Федеральной службой безопасности, таможенными органами и иными структурами, уполномоченными на обеспечение правопорядка.

Стоит отметить, что законодательное закрепление координационной функции прокуратуры стало возможным лишь благодаря принятию Федерального закона от 17 ноября 1995 года № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» [2]. Этот нормативно-правовой акт стал ключевым этапом в эволюции прокуратуры как института, отвечающего за защиту законности и правопорядка в Российской Федерации.

На протяжении всей своей истории прокуратура в России неизменно исполняла координирующую функцию в борьбе с преступностью, хотя эта роль эволюционировала на различных этапах её развития.

В научных трудах убедительно аргументируется, что функционирование дореформенных монархических учреждений, осуществлявших правосудие в сфере уголовного преследования, характеризовалось значительными пробелами в координации и взаимодействии. Среди всех государственных органов того периода именно прокуратура была признана наиболее целесообразной для выполнения задач обеспечения единства и согласованности в указанной сфере. Это предопределило её активные усилия в реализации координирующих полномочий на практике, несмотря на отсутствие в действующем законодательстве конкретных норм, прямо регламентирующих такую деятельность [3] .

В процессе становления новой системы российского государственного устройства прокуратура оказалась фактически исключённой из числа субъектов, выполняющих координационную функцию в правоохранительной деятельности. Острая полемика,

связанная с определением её статуса, а также нараставшие политические противоречия, характерные для данного периода, привели к тому, что в Законе о прокуратуре отсутствовало чёткое закрепление роли прокуратуры как органа, осуществляющего координацию.

Обострение криминогенной обстановки и увеличение числа преступлений создали объективные предпосылки для усиления взаимодействия между прокуратурой и правоохранительными структурами. Требовался более высокий уровень координации, включающий как стратегическое руководство, так и оперативное управление действиями правоохранительных органов по различным направлениям борьбы с преступностью.

Несмотря на отсутствие полноценной законодательной регламентации координационной функции прокуратуры, её актуальность была очевидна. Эта необходимость подтверждалась распоряжениями Генерального прокурора Российской Федерации, в которых акцентировалась важность объединения усилий прокуратуры с другими правоохранительными органами для достижения максимальной эффективности в противодействии преступности.

В условиях нарастающей потребности в нормативном закреплении этой функции был принят Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 1993 года № 1685 «О деятельности прокуратуры в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации». Указ придал прокуратуре полномочия по координации действий правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, что явилось важным этапом в восстановлении её функций в условиях политико-правового переходного периода.

Координационная деятельность правоохранительных органов представляет собой комплекс мер, обеспечивающих согласованность действий, направленных на разработку, обсуждение и реализацию совместных стратегий в рамках установленной компетенции каждого ведомства. Данная деятельность направлена на оперативное выявление и предотвращение преступлений, их раскрытие, а также устранение факторов, способствующих правонарушениям. Координация между органами является ключевым элементом борьбы с преступностью, обеспечивая согласованность действий и эффективность [4].

Сущность процесса координации заключается в установлении скоординированной, систематизированной и упорядоченной деятельности различных органов, направленной на достижение единой, заранее определённой цели. В данном контексте необходимо чётко разграничивать понятия «координация» и «взаимодействие». Несмотря на их взаимосвязь, указанные термины не идентичны по своему содержанию и значению.

Координация предполагает построение системы взаимодействий между субъектами, поскольку без наличия устойчивых взаимосвязей и рабочих отношений она не может быть эффективно реализована. Однако взаимодействие само по себе не всегда приобретает черты координации. Понятие «взаимодействие» в данном случае следует рассматривать как более широкий и обобщённый термин. Координация же отличается такими характеристиками, как упорядоченность, взаимосогласованность и нормативная регламентация, а также включает в себя специфические принципы и условия для её реализации.

Одним из ключевых элементов координационной деятельности выступает создание соответствующих условий, необходимых для успешного выполнения задач, поставленных перед субъектами. К числу таких условий можно отнести чёткое определение правового статуса участников процесса, установление взаимной ответственности, а также логичное и последовательное распределение функциональных обязанностей. Эти составляющие образуют фундамент для эффективной координации и

способствуют достижению согласованного и целенаправленного взаимодействия между всеми участниками.

В рамках правоохранительной деятельности цели взаимодействия субъектов можно структурировать на несколько уровней. Основные цели связаны с повышением общей результативности и продуктивности деятельности правоохранительных органов, включая прокуратуру. Цели данной деятельности сосредоточены на консолидации усилий различных ведомств и подразделений для своевременного выявления правонарушений и изучения причин, которые способствуют их совершению. Вспомогательные цели предполагают обеспечение быстрого доступа к информации о возможных преступных действиях [5]. Таким образом, прокуратура выступает в качестве особого государственного института, наделенного исключительными полномочиями, позволяющими ей осуществлять организацию и согласование деятельности правоохранительных органов в области противодействия преступности.

Координационная деятельность прокуратуры характеризуется чётко сформулированными задачами, которые ориентированы на их выполнение в пределах установленных сроков. Среди ключевых направлений деятельности можно выделить обеспечение соблюдения норм права в работе правоохранительных органов, унификацию подходов к применению нормативных актов, формирование устойчивой правоприменительной практики, а также анализ и прогнозирование динамики преступности для принятия мер реагирования.

По мнению О.С. Капинуса, важные задачи включают повышение эффективности правоохранительных структур через координацию усилий, предотвращение преступлений, устранение причин криминальной активности и исключение дублирования функций, что способствует оптимизации их работы [6].

Ключевой задачей взаимодействия правоохранительных органов в рамках координационной деятельности выступает укрепление правопорядка и обеспечение строгого соблюдения законодательства. Основой для реализации таких мероприятий служит детально проработанная правовая база. Фундаментальные принципы и подходы к организации взаимодействия правоохранительных структур, направленные на борьбу с преступностью, официально закреплены в Положении о координационной деятельности, утверждённом Указом Президента Российской Федерации № 567 от 18 апреля 1996 года [7]. В данном документе определены основные цели координационной работы, представлен открытый перечень участников такой деятельности, изложены ключевые принципы её проведения и уточнены полномочия всех вовлеченных сторон. Детально регламентирован порядок проведения координационных совещаний, а также определены механизмы взаимодействия прокуратуры с судебными органами и учреждениями системы юстиции.

Координационная деятельность регулируется нормативными правовыми актами, определяющими статус ее участников. К ключевым документам относятся Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», № 3-ФЗ «О полиции» и другие акты, устанавливающие полномочия и порядок взаимодействия.

Законодательная база играет важную роль в противодействии терроризму, экстремизму, коррупции и незаконному обороту наркотиков. Для этого используются Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и другие законы, обеспечивающие эффективную правоприменительную практику.

Среди основных аспектов рассматриваемой деятельности можно подчеркнуть значимость приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации, которые играют ключевую роль в определении структуры организации и регламентации

взаимодействия правоохранительных органов. Например, приказ Генерального прокурора РФ № 7 от 16 января 2012 года «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» [8] закрепляет базовые направления взаимодействия между подразделениями, ответственными за оперативно-розыскные мероприятия, дознание и предварительное следствие. Этот нормативный акт подробно регулирует перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на координационных совещаниях, предлагает практические меры для повышения эффективности совместной работы, а также устанавливает разнообразные формы взаимодействия, направленные на укрепление правопорядка и обеспечение правовой стабильности.

Важную роль в процессе координации играют совместные распоряжения и директивы, издаваемые руководителями правоохранительных органов. Такие акты не только служат самостоятельным регулятором координационной деятельности, но и демонстрируют образцовые подходы к налаженному взаимодействию и достижению высокого уровня синергии между различными ведомствами.

В целом, законодательная основа, регулирующая координационные усилия в сфере правоохранительной деятельности, представляет собой широкий спектр нормативных актов, который не ограничивается только упомянутыми выше документами. Такая разветвленность нормативного регулирования обусловлена многообразием участников координационного процесса и широким спектром областей, где происходит преступная деятельность, против которой направлены усилия правоохранительных органов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что действующая нормативно-правовая база не всегда в полной мере регулирует направления и формы координационной деятельности, особенно те, которые предусмотрены Среди приоритетных направлений деятельности можно отметить утверждённое Положение о взаимодействии правоохранительных органов. Помимо координационных совещаний, активно применяются такие формы сотрудничества, как совместные оперативные выезды, инспекционные проверки, целевые операции по пресечению нарушений, а также издание совместных распоряжений и иных организационных актов.

О.С. Капинус и Р.В. Жубрин справедливо отмечают, что регламентация указанных форм координации в подзаконных актах остается недостаточно детализированной, что существенно ограничивает возможности для повышения эффективности совместной работы правоохранительных органов и обеспечения высокого уровня правопорядка в сфере борьбы с преступностью [9].

Проблема законодательного закрепления координационной функции отдельных правоохранительных органов в их профильных законах сохраняет свою актуальность и требует детального анализа. Отсутствие четко прописанных норм, регламентирующих обязанности по координации, в нормативных актах, определяющих статус данных структур, создает иллюзию факультативности подобных действий. Приоритетной задачей рассматриваемой деятельности является обеспечение ответственности руководителей за организацию взаимодействия и проведение согласованных мероприятий. Недостаточное внимание к этим аспектам может отрицательно сказаться на результативности и эффективности работы.

Для устранения правовых пробелов и упорядочения координации правоохранительных органов требуется законодательное закрепление их функций. Нормы, содержащиеся в подзаконных актах, не обеспечивают комплексного подхода к решению данных вопросов.

Предлагаемый закон должен четко определить понятия «координация» и «взаимодействие», обозначить их цели, задачи и методы, а также права, обязанности и ответственность участников координационных процессов за несоблюдение совместных решений. Важно уделить внимание порядку документирования результатов

координационной работы, разработке критериев оценки её эффективности и детализированному описанию направлений и форм взаимодействия. Особое внимание должно быть уделено региональным особенностям, связанным с координацией на уровне субъектов Российской Федерации.

Координация действий правоохранительных органов в сфере противодействия преступности, осуществляемая под надзором прокуратуры, представляет собой сложный и системный процесс, направленный на укрепление общественного порядка и противодействие криминальным угрозам. Данное направление работы имеет глубокие исторические корни и выделяется своим значением в реализации общегосударственных задач по обеспечению верховенства закона.

Полномочия прокуратуры в сфере координации основаны на ее обширных знаниях о текущем состоянии правопорядка, способности выявлять уязвимые зоны, подверженные криминализации, а также на значительном практическом опыте в борьбе с преступностью. Кроме того, выводы судебных органов по отдельным делам дополняют правовую базу, на которой строится координационная деятельность.

Несмотря на активное осуществление этой деятельности, для повышения её результативности требуется более детальное законодательное регулирование ключевых моментов. Это подразумевает унификацию правовых норм и процедур в рамках единого нормативного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, N 47, ст. 4472.
2. Федеральный закон от 17.11.1995 № 168-ФЗ (с изм. от 05.06.2007) «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
3. Координационная деятельность российской прокуратуры: тенденции и закономерности. Монография / Зинуров Р.Н.; Отв. ред.: Рябцев В.П. - Уфа: Гилем, 2002. С. 83.
4. Бобров, В. К. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов / В. К. Бобров. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 224 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15663-8— Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/510870 (дата обращения: 03.10.2024).
5. Ергашев, Е. Р. Организация работы в прокуратуре (первичного территориального звена прокурорской системы) :учебное пособие для вузов / Е. Р. Ергашев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 143 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15361-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/520427 (дата обращения: 07.07.20233.10.2024).
6. Прокурорский надзор. Особенная и Специальная части : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]; под общей редакцией О. С. Капинус ; под научной редакцией А. Ю. Винокурова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 462 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5- 534-15984-4 — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/530378 (дата обращения: 07.07.2023).
7. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // Собрание законодательства РФ, 22.04.1996, № 17, ст. 1958.
8. Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2012 № 7 (ред. от 25.11.2022) «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Законность, № 3, 2012.
9. Капинус О.С., Жубрин Р.В. Реализация правоохранительной функции Российского государства в деятельности государственных органов // Вестник Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2014. № 1(39). С. 4-10.

THE CONCEPT AND LEGAL BASIS OF COORDINATION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Annotation. In this work, the legal foundations of the coordination activities of the prosecutor's office are revealed, some problems arising in this area are studied, the legal foundations of coordination activities are studied, which make it possible to identify both effective practices and existing shortcomings, which contributes to the formation

of recommendations for their elimination. An analysis has been carried out, which is the basis for improving the effectiveness of the prosecutor's office.
Keywords: prosecutor's office, crime prevention, law enforcement, regulatory framework, crime prevention.

Lezhnin A.V.
Scientific adviser: Babichev D.A., Professor, Candidate of Law, Professor, Donetsk State University.

УДК 347.1

СТРИМИНГ ВИДЕОИГРЫ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТАУЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лисицын М.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассмотрено влияние тотальной цифровизации на развитие современных технологий в контексте стриминга. Проведен анализ стриминга видеоигры, как наиболее популярной видовой категории, в аспекте интеллектуальной собственности с точки зрения российского и зарубежного законодательства, а также доктрины и судебной практики. Определены правовые режимы видеогр и игровых стримов, а также выявлены идеи свободного стриминга. Отмечена необходимость установления условий стриминга путем саморегулирования отрасли посредством лицензионных соглашений.
Ключевые слова: цифровизация, стриминг, видеоигры, интеллектуальная собственность, правовое регулирование.

Современный мир стремительно погружается в эпоху тотальной цифровизации, которая охватывает все сферы нашей жизни и становится неотъемлемой частью повседневности. Это стало возможным благодаря неумолимому развитию глобальной информационной сети – Интернета, который с каждым годом расширяет свои возможности и становится основой для новых технологий. Одним из таких достижений является метод непрерывной передачи цифровых медиафайлов – обычно аудио и видео – из одной точки в другую с помощью сети Интернет, называемый стримингом (от английского stream, что в буквальном смысле переводится как «поток»), то есть технология, позволившая революционизировать способы передачи и потребления информации.

Стриминг, развивавшийся с момента своего появления в 1993 году, продолжает преобразовываться. Сегодня он включает в себя различные формы контента: от образовательных лекций до медицинских консультаций и развлекательных сервисов.

Так, лицом стриминга по праву можно считать игровые трансляции, которые являются самыми популярными – их периодически смотрят 53% зрителей [3].

Сам по себе рынок видеоигр не перестаёт расти ещё с 80-х готов, когда они начали набирать популярность. Если в 2014 году рынок видеоигр оценивался в 83,6 миллиарда долларов [4], то в 2023 году – 184 миллиарда. По прогнозу аналитиков к концу 2024 года глобальный рынок видеоигр принесет 187.7 миллиардов долларов [5].

Видеоигры давно перестали быть исключительно детскими развлечениями. Сегодня эта сфера объединяет миллиарды людей разных возрастов. Причем их использование больше не ограничивается простым прохождением сюжета в одиночку или с друзьями. Развитие игровой индустрии способствовало формированию целой культуры вокруг нее. Например, некоторые многопользовательские онлайн-игры превратились в полноценные спортивные дисциплины, сравнимые с футболом, шахматами или боксом. Каждый год проводятся многочисленные киберспортивные турниры, целью которых является определение лучших игроков в различных игровых жанрах. Все перечисленные факторы, вместе с тем, что у большинства пользователей отсутствует подходящее компьютерное оборудование, которое часто не соответствует требованиям современных видеоигр, приводит к популяризации данного направления.

Однако, несмотря на свою значимость и популярность, игровой стриминг всё же сталкивается с рядом правовых проблем, связанных с его регулированием. Так, с каждым годом технологии становятся всё более сложными, а правовые системы, традиционно ориентированные на стабильность и предсказуемость, не всегда успевают за

инновациями. Стриминг быстро меняет социальные и экономические процессы, требуя постоянного обновления законодательства. Именно поэтому взаимодействие технологий и права на текущий момент далеко от идеала, что создаёт риски, связанные с нарушением авторских прав, правами пользователей и защите данных.

Всё вышесказанное в своей совокупной логической взаимосвязи делает необходимым подробный анализ стриминга видеоигр с точки зрения объекта интеллектуальных прав.

Исследователи приводят следующую классификацию игровых трансляций: киберспортивных турниров, профессиональных игроков и общие стримы [6]. Всех их объединяет объект стриминга – видеоигра, в связи с чем всё более отчётливо возникает вопрос о том, возможны ли такие трансляции без санкции правообладателя контента.

Сам по себе правовой режим компьютерной игры имеет некоторые сложности как в науке, так и на практике. По мнению Архипова В. В. [7, с. 61] компьютерная игра может рассматриваться с трёх точек зрения: как программа для ЭВМ; как сложный мультимедийный продукт (сложный объект) или как база данных.

Прежде всего, исходя из буквального толкования ст. 1261 ГК РФ [1], компьютерная игра будет представлять собой именно программу для ЭВМ, поскольку таковой является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Однако сама техническая природа компьютерной игры в большей степени удовлетворяет взгляд на неё с точки зрения сложного мультимедийного продукта, состоящего как из элементов, подлежащих охране, (в том числе и аудиовизуального произведения и программы для ЭВМ), так и не подлежащих. Поскольку гражданское законодательство не даёт легального определения сложного объекта, следует обратиться к доктрине. Так, мультимедийный продукт исследователи определяют как выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [8, с. 13]. При этом, к мультимедийным продуктам, помимо режима охраны авторским правом, применяются также режимы патентного права, охраны средств индивидуализации и даже законодательство о защите конкуренции [9, с. 27].

В зарубежных странах устоявшейся точки зрения нет. Так, например, Аргентина, Китай, Канада, Израиль и Италия придерживаются мнения о том, что игра – программа для ЭВМ. Бельгия, Дания, Германия, Япония, Швеция, Англия и США считают игру сложным объектом, элементы которого подлежат обособленной охране. Республика Корея считается необходимым регулировать компьютерную игру с точки зрения аудиовизуальных произведений [10], а Европейский Союз в рамках Директивы 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» [2] предлагает охранять игру как единое целое, несмотря на определение её как сложного объекта.

Так, следует заключить в промежуточном итоге, что при соблюдении условий охраноспособности, а также если игра содержит аудиовизуальные элементы, то этим элементам игры предоставляется правовая охрана как объекту авторского права – аудиовизуальному произведению, чего придерживается и Чурилов А.Ю. [11, с. 43].

В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, какими правами обладают разработчики игра в отношении своего продукта и нарушает ли их стример в процессе потокового вещания.

Прежде всего, правообладатель игры часто сам заинтересован в её использовании в качестве объекта стрима, поскольку такая «реклама» способна привлечь к продукту новых лиц. Поэтому разрабатывается соответствующая политика, регламентирующая права пользователей на пользование игрой в стримах. Наиболее популярными примерами выступают политики CD Project Red (The Witcher, Cyberpunk 2077), Valve (серия игр Half-Life, CS GO) и Ubisoft (серии игр Prince of Persia, Assassin's creed). Обобщая их положения, компании приветствуют и даже призывают к созданию видеозаписей с использованием их контента с учётом дальнейшей их трансляции при соблюдении трёх основных условий: 1) некоммерческое использование (помимо методов официальной монетизации, предусмотренных стриминговыми платформами); 2) сохранение целостности видеоигры: стример не вправе извлекать составные её части (например, звуковые дорожки, или предметы) с целью их распространения в обособленной форме; 3) соблюдение прав правообладателей лицензируемой музыки: в видеоиграх разработчики нередко используют объекты интеллектуальной собственности третьих лиц, например, аудиотреки, приобретая соответствующие права. Однако следует учитывать, что использование таких композиций в трансляциях может привести к блокировке на стриминговых платформах, так как права на музыку могут принадлежать не разработчикам игры. Чтобы избежать проблем, необходимо самостоятельно получать разрешение от правообладателя музыки. С целью снижения рисков пользователей, разработчики игр часто добавляют в настройки функцию отключения лицензированного контента.

Таким образом, некоторые правообладатели самостоятельно предоставляют пользователям право использовать свои видеоигры для ведения стримов. Такое право входит в особый вид свободного использования, не регламентированный законом.

Однако столь благоприятные правоотношения возникают не со всеми разработчиками-правообладателями, поскольку далеко не все политики содержат положения, однозначно позволяющие судить о праве на стриминг (на примере гиганта игровой индустрии EA GAMES), в связи с чем необходимо изучить правовую природу такого использования, несмотря на отсутствие судебных состязаний в вопросе стриминга видеоигр без санкции правообладателя.

В нынешнем Российском праве возникают споры и активные обсуждения по вопросу способов использования видеоигр. Так, А.Д. Макаров считает, что стриминг может являться сообщением по кабелю или же доведением до всеобщего сведения (подпункты 8, 11 п. 2 ст. 1270 ГК РФ) [12]. Первая позиция, касающаяся приравнивания стриминга к сообщению по кабелю, удовлетворяется с точки зрения ГК РФ лишь отчасти: техническая составляющая работы сети «Интернет» действительно предусматривает использование оптоволоконного кабеля для её функционирования, однако такой кабель имеет место не всегда, если обращаться, например, к беспроводной технологии Wi-Fi. К тому же, пп. 8 п 2 ст. 1270 ГК РФ с предельной ясностью устанавливает, что такое сообщение должно передаваться по радио или телевидению. Критическая позиция по поводу возможности применения к стримингу положений о сообщении по кабелю без контекста телепоказа была высказана также Е.А. Артемьевой [13, с. 123].

Однако Артемьева Е.А. соглашается с Макаровым А.Д. в части квалификации стриминга с точки зрения доведения объекта до всеобщего сведения, поскольку при стриминге любое лицо действительно может получить доступ к такому произведению из любого места и в любое время по собственному выбору. При этом доводиться до всеобщего сведения будет не сама игра, а непосредственно стрим, как производное произведение.

В связи с этим наиболее логичным видится рассматривать стрим с точки зрения переработки произведения, что поддерживается Чуриловым А.Ю. и Артемьевой Е.А.

Так, гражданское законодательство относит производное произведение к объектам авторских прав, определяя его как переработку другого произведения (п. 2 ст. 1259 ГК РФ). Стрим, как и любой другой производный объект, должен обладать соответствующими признаками производного произведения, чтобы считаться таковым: 1) объективное выражение в виде аудиовизуального произведения, воспринимаемое при помощи технических средств; 2) существенное использование в качестве основы оригинала произведения, а именно видеоигры; 3) творческий характер произведения.

Если в наличии двух первых признаков не возникает никакой сложности, то творческий характер произведения, являющийся основным критерием, следует обсудить подробнее. Как правило, помимо отображения аудиовизуального контента игры, в процессе игрового стриминга наличествует также видео с веб-камеры стримера, что отображает его самого, его эмоции и действия в процессе игры. Помимо этого, стример комментирует прохождение, коммуницирует со зрителями с помощью встроенного чата. Всё это делает творческий критерий исполненным. Тем не менее, основная цель стрима – наблюдение за стилем и процессом игры стримера, в связи с чем, даже в случае отсутствия веб-камеры, комментариев и какой-либо коммуникации со стороны стримера, критерию творчества отвечает стиль его игры, являющийся уникальным в каждом новом случае вне зависимости от единых механик игр.

А. Ю. Чурилов выделяет еще два способа использования видеоигры: публичный показ произведения и публичное исполнение. Между тем, стриминг не может относиться к публичному показу, поскольку представляет собой онлайн формат, а не заранее заготовленный материал. К тому же, не является, как правило, статичным объектом, а характеризуется динамичностью. А с точки зрения публичного исполнения стриминг хоть и может рассматриваться, но такой способ использования больше соответствует презентации правообладателем вновь изданной видеоигры.

Таким образом, стриминг видеоигры должен быть классифицирован не иначе как переработка оригинального произведения. И, учитывая, что для создания и дальнейшего использования такой переработки (производного произведения) в сети Интернет необходима санкция правообладателя, правовые основания такого использования должны быть установлены.

Что же, если говорить о вышеназванной политике, то вопросов не возникает в случае, если посредством неё правообладатель предоставляет неограниченному числу пользователей доступ свободного использования произведения. Но в моменты неопределённости или даже запрета (на примере японской компании Nintendo, которая в своё время предоставляла пользователем право стриминга своего продукта на жёстких условиях коммерции – 60% выручки стримеров должны были отходит создателям программы Creator Programs [14]) возникает необходимость определения границ свободного использования игр для проведения стримов.

С уверенностью можно говорить, что стрим не может быть свободным воспроизведением произведения в личных целях (ст. 1273 ГК РФ), поскольку главные составляющие стрима – удовлетворение интереса относительного большинства зрителей, то есть трансляция на широкую аудиторию и коммерческая составляющая, чему противоположен указанный вид свободного использования произведения.

Иногда стрим можно рассматривать с точки зрения пародии или карикатуры (ст. 1274 ГК РФ) ввиду его соответствия ряду необходимых критериев. Однако не всегда соблюдается самый главный признак – юмористический характер, поскольку жанры игр и способы повествования бывают различными.

К стриму наилучшим образом подходит цитирование, как способ свободного использования произведения (ст. 1274 ГК РФ). В судебной практике РФ уже полным образом раскрыты необходимые условия цитирования [15]: указание автора произведения и использование исходного произведения в объёме, оправданном целью

цитирования. Очевидно, с указание авторства произведения споров нет. А вот объем цитирования в стримах может показаться несоразмерным усилиям стримера, так как трансляция часто охватывает значительную часть игры или даже всю её целиком. Однако главная задача стрима – показать прохождение, объяснить действия для достижения целей в игре, что требует визуального сопровождения. При этом визуальный контент не доминирует над творческой частью стримера, поскольку словесное описание стратегии также важно для восприятия. Теоретически стрим можно провести без демонстрации игрового процесса, ограничившись рассказом, но такой формат вряд ли будет успешным и востребованным у зрителей.

Таким образом, по мнению Артемьевой Е.А. и Тюпича Д.Д. сам факт возможности осуществить стрим и видеообзор без видеоряда видеоигры свидетельствует о соблюдении условия о том, что цитирование не должно преобладать над объемом творческих действий стримера. При этом стоит учитывать, что цитирование происходит по отношению лишь к составной части игры – её аудиовизуальному контенту, не затрагивая цифровой код.

Поскольку индустрия стриминга наилучшим образом развита за рубежом, следует рассмотреть правовую доктрину и практику США, в которых признание размещения игровых трансляций добросовестным использованием и, как следствие, предоставление игрокам определенной свободы действий в этой сфере допустимо. Законодательство об авторском праве США предусматривает концепцию добросовестного использования произведения (fair use).

Однако даже при наличии института свободного использования произведений он не охватывает все аспекты стриминга видеоигр. Тем не менее, в современной индустрии наиболее успешным подходом стало саморегулирование правообладателей. Они могут устанавливать внутренние правила, которые определяют порядок использования видеоконтента, позволяя находить баланс между защитой своих прав и интересами аудитории. Например, разрешение на монетизацию через стриминговые сервисы способствует популяризации видеоигр, обеспечивая правообладателям дополнительное продвижение их продукции, а стримерам – возможность получать доход.

Некоторые правоведы предлагают предусмотреть два возможных варианта регулирования правового статуса стриминга: закрепление в законе стриминга, как нового способа свободного использования, и легализация стриминга без разрешения правообладателя, но с выплатой ему вознаграждения. Как справедливо указывает Е.А. Артемьева, первый подход игнорирует права правообладателей, которые могут возражать против использования своих произведений в контексте определенных действий или их трансляции в видео, не связанных напрямую с игровой тематикой. При этом ограничение на показ отдельных фрагментов игры противоречит практике стриминга, где основная цель – демонстрация прохождения игры зрителям, которые по разным причинам не могут играть самостоятельно. Таким образом, сочетание разрешения на свободное использование игры с ограничениями, устанавливаемыми правообладателями, создает юридическую неопределенность и идет вразрез с текущей практикой саморегулирования.

Второй подход недостаточно учитывает интересы начинающих стримеров, которые могут столкнуться с необходимостью выплачивать вознаграждение, несоразмерное их доходам от трансляций. Кроме того, остается открытым вопрос о механизме выплаты: это может быть либо создание организации для управления коллективными правами, аналогично правам на фонограммы, либо предоставление правообладателю полномочий самостоятельно определять размер вознаграждения. Однако первый вариант не гарантирует защиты прав правообладателей, учитывая случаи злоупотреблений со стороны подобных организаций. Второй вариант фактически

дублирует предусмотренное ГК РФ право правообладателя самостоятельно решать вопрос передачи произведения третьим лицам за вознаграждение.

Кроме того, легализация стриминга без разрешения правообладателя, но с выплатой вознаграждения, не соответствует его интересам, поскольку правообладатели и так получают собственную выгоду от стриминга в виде бесплатной рекламы, как не единожды указывалось ранее.

Таким образом, изучив стриминг как объект интеллектуальных прав на примере игровых стримов, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, на данный момент сами стримы в российском законодательстве наиболее подходяще могут быть квалифицированы как производные произведения, а видеоигры – как цитата, необходимая для полного раскрытия описания игрового процесса стримером, если речь идёт исключительно про аудиовизуальную составляющую.

Во-вторых, хоть и идеи свободного стриминга возможны с юридической точки зрения, а также необходимы, по мнению некоторых исследователей, они не являются эффективными и могут привести лишь к нарушению прав или возврату к нынешней ситуации.

Таким образом, на наш взгляд, установление условий стриминга путем саморегулирования отрасли посредством лицензионных соглашений – наиболее оптимальный вариант на данный момент, учитывающий интересы, как стримеров, так и правообладателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – №52 (ч. 1). – ст. 5496.

2. О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе: Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2001/29/ЕС от 22.05.2001 // Информационно-правовое обеспечение Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2568231 (дата обращения: 20.11.24). Загл. с экрана.

3. Екатерина Брызгалова, Каждый третий пользователь рунета смотрит стримы, а каждый восьмой стримит сам // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/08/01/807883-kazhdii-smotrit-strimi (дата обращения: 20.11.24). Загл. с экрана.

4. Башкиров А., В 2015 году рынок игр вырастет на 9,4%, а Китай обгонит США // Сетевое издание KANOBU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kanobu.ru/news/v-2015-godu-ryinok-igr-vyirastet-na-94-a-kitaj-obgonit-ssha-376220 (дата обращения: 20.11.24). Загл. с экрана.

5. Рынок видеоигр вырастет на $188 млрд. в 2024 году // Сетевое издание «Esports.ru» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esports.ru/news/rynok-videoigr-vyrastet-na-188-mlrd-v-2024-go (дата обращения: 20.11.24). Загл. с экрана.

6. Eirik Evert Elias Jungar, Streaming Video Games: Copyright Infringement or Protected Speech? // Press Start [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://press-start.gla.ac.uk/index.php/press-start/article/view/63 (дата обращения: 20.11.24). Загл. с экрана.

7. Архипов В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.

8. Котенко Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

9. Назаренко А. В. Проблемы правовой квалификации мультимедийных продуктов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 9. С. 27–34.

10. The Legal Status of Video Games : Comparative Analysis in National Approaches / A. Ramos, L. López, A. Rodríguez, T. Meng, S. Abrams. Geneva : World Intellectual Property Organization, 2013. 96 p.

11. Чурилов А.Ю. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА И ОХРАНЫ ТРАНСЛЯЦИЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 4 (том 21). С. 43-49.

12. Макаров А.Д. Игровые стримы и авторские права // Издательская группа «Закон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/05/28/igrovye_strimy_i_avtorskie_prava (дата обращения: 21.11.2024). – Загл. с экрана.

13. Артемьева Е. А. Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 112-123.

14. Nintendo Creators Program lets YouTube users share ad revenue // Eurogamer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurogamer.net/nintendo-creators-program-lets-youtube-users-share-ad-revenue (дата обращения: 21.11.2024). – Загл. с экрана.

15. Решение арбитражного суда города Москвы № А40-142345/15-15-1143 от 26.01.2016 // Электронное правосудие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8a683c00-2bfa-4ece-a836-4e8730312ae5/59b8cfd9-4693-4aea-9373-872bba81f23c/A40-142345-2015_20160126_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.11.2024). – Загл. с экрана.

STREAMING VIDEO GAMES AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Annotation. The article examines the impact of total digitalization on the development of modern technologies in the context of streaming. The analysis of video game streaming, as the most popular type category, in the aspect of intellectual property from the point of view of Russian and foreign legislation, as well as doctrine and judicial practice is carried out. The legal regimes of video games and game streams are defined, as well as the ideas of free streaming are revealed. The need to establish streaming conditions through industry self-regulation through licensing agreements was noted.

Keywords: digitalization, streaming, video games, intellectual property, legal regulation.

Lisitsyn M.A.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: lisitsyn.michail.study@gmail.com

УДК 347.191

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Логвеева Е.А.
Научный руководитель: Швайковская В.Н., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

*Аннотация.*В данной статье автором рассматриваются доктринальные понятия и признаки органов юридического лица, в связи с чем предлагается формулировка понятия «орган юридического лица». На основе данного понятия раскрываются аспекты законодательного регулирования правового положения органов управления юридическим лицом. В настоящей работе автором дается определение органов управления как организационно оформленной части юридического лица, наделённой определёнными правами принимать управленческие решения.
Ключевые слова: юридическое лицо, орган юридического лица, орган управления юридического лица, правовое средство.

Вне зависимости от организационно-правовой формы предприятие (фирма, корпорация) может осуществлять свою деятельность только при наличии органов юридических лиц, которые выполняют различные функции от выработки стратегии поведения по направлению работы хозяйствующего субъекта (высшие органы) до выполнения намеченных целей и задач (исполнительные органы), и контроля за их индикативными показателями (контрольные органы). Реализация целей организации, и не имеет значения каких предпринимательских (получение прибыли) или некоммерческих (благотворительность) не мыслится без органов юридического лица. Следовательно, правоспособность юридического лица в гражданском обороте осуществляется посредством его органов.

Однако, в настоящее время в Российском законодательстве отсутствует единое нормативное определение понятия органов юридического лица и органов управления коммерческого юридического лица. В связи с этим различные авторы пытаются сформулировать собственные трактовки данного понятия, однако общепринятой концепции до сих пор не существует. Поэтому рассмотрение определения понятий и признаков органов юридического лица и органов управления коммерческого юридического лица считаем весьма актуальным и в современных условиях не утратило своего значения.

Целью статьи является выработка комплексного научного представления о понятии органов юридического лица и органов управления юридического лица с позиции основных теорий науки гражданского права, в результате которого предлагаются определения понятия «орган юридического лица» и «орган управления юридического лица».

Определение любого понятия построено на существенных признаках предмета или явления. Так и определение понятия «орган юридического лица» тесно связано с его правовой природой. Следует отметить, что органы юридического лица не являются чем-то новым в гражданском праве. Вопрос об их правовом положении в законодательстве возник одновременно с появлением самих юридических лиц. К настоящему времени существует немало научных исследований, посвященных определению правовой природы и места органов юридического лица.

Так, Д.А. Сумской полагает, что «органом юридического лица является организационно обособленная часть юридического лица, обладающая властными полномочиями внутри данного юридического лица, реализация которых осуществляется им в пределах собственной компетенции» [1, с. 17].

Он выделяет два признака органа юридического лица: неправосубъектность органа юридического лица и организационную обособленность. Под неправосубъектностью органа юридического лица понимается тот факт, что орган юридического лица – это только его часть, которая самостоятельным субъектом права не является. Автор при этом предлагает уйти от определения органа юридического лица как лица или совокупности лиц, поскольку в праве под этими понятиями подразумевается самостоятельный субъект права.

Признак организационной обособленности означает, что орган юридического лица приобретает, реализует и прекращает свои полномочия в особом порядке, который установлен нормативными правовыми актами или учредительными документами организации, а также осуществляет свою деятельность в определенных формах и действует в пределах своей компетенции.

И.В. Матанцев, В.И. Елисеев полагают, что «орган юридического лица - это лицо или группа лиц, представляющих интересы юридического лица в отношениях с другими субъектами права без специальных на то полномочий» [2, с. 123]. Несколько иное, но схожее определении указал в своем исследовании Рубеко Г.Л. «орган юридического лица - это часть юридического лица, которая состоит из одного лица или группы лиц, действующих в пределах своей компетенции, установленной законом, иными правовыми актами и учредительными документами, образующая и изъявляющая вовне волю юридического лица» [3, с. 10].

Высказывается мнение, что орган – это нечто идеальное, не существующее в реальной, обыденной жизни, как и само юридическое лицо. Так, С.И. Климкин под органом понимает условную юридическую конструкцию, создаваемую правом с целью дать возможность формировать и выражать волю юридического лица, отстаивать его интересы [4, с. 168]. Существенным недостатком этого определения является то, что оно не содержит признаков органа юридического лица. Непонятно также, как соотносятся между собой юридическое лицо и его орган. Получается, что и юридическое лицо, и его орган – это искусственные конструкции. Поэтому с данным определением также сложно согласиться.

Как указывает С.Д. Могилевский, «Орган хозяйственного общества (юридического лица) определяется как неотъемлемая часть хозяйственного общества (юридического лица), представленная либо одним, либо несколькими физическими лицами, образуемая в соответствии с порядком, установленным законом и учредительными документами, обладающая определенными полномочиями, которая посредством принятия различных по видам специальных правовых актов, определенных законодательством, формирует и (или) реализует волю хозяйственного общества» [5].

На определение, предложенное С. Д. Могилевским, похоже определение органа юридического лица, сформулированное И. С. Шиткиной: «Орган юридического лица – составная часть организации, которая в рамках определенной законодательством и учредительными документами компетенции формирует и выражает вовне волю юридического лица, реализуя его правоспособность» [6, с. 400]. Она опирается на те же признаки органа юридического лица, которые выделил С. Д. Могилевский.

Д. В. Ломакин также отмечает, что по своей правовой природе орган юридического лица – это структурно обособленная часть юридического лица, образованная с целью выражения вовне воли юридического лица, представления его интересов в правоотношениях с иными лицами, не являющаяся при этом самостоятельным субъектом права. Он предлагает следующее определение органов хозяйственного общества: «Органами хозяйственного общества являются поименованные в его уставе, не обладающие правосубъектностью, структурно обособленные части общества, являющиеся средством образования воли или изъявления воли вовне в соответствии с имеющимися у них полномочиями, определенными рамками компетенции,

предусмотренной законом, иными правовыми актами, а также уставом и внутренними документами» [7].

Некоторыми авторами органы рассматриваются как представители юридического лица [8, с. 91-92]. Однако, ныне действующее законодательство не позволяет отнести органы юридического лица к его представителям. Так, в абз. 1 п.1 ст. 182 ГК РФ выделяют следующие юридические факты, являющиеся основаниями возникновения представительства: доверенность, указание закона и акт уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления. Таким образом, не относит действия руководителя (органа) юридического лица к представительству.

Можно было бы привести еще не одно определение органа юридического лица, но все определения указывает на один из главных его признаков – совокупность людей, составляющих данный орган. Именно физические лица выполняют функции органов юридического лица, иначе и быть не может, поскольку сама идея юридического лица служит для удовлетворения тех или иных потребностей физических лиц.

Кроме того, на основании вышеперечисленных понятий органов юридического лица, укажем его основные признаки: порядок образования и компетенция органа определены законом и учредительными документами; орган юридического лица выполняет функции управления или контроля; орган формирует и (или) реализует волю юридического лица с помощью принятия специальных актов.

В связи с чем, по нашему мнению, в настоящее время требуется законодательное закрепление определения органа юридического лица, что позволит в дальнейшем избежать излишних дискуссий по поводу его природы, а также будет способствовать формированию более единообразной судебной практики в части, касающейся применения некоторых положений о представительстве к органам юридического лица.

Предлагаем дополнить п. 1 ст. 53 ГК РФ определением понятия «орган юридического лица» и изложить абз. 2 указанного пункта в следующей редакции: «Под органом юридического лица понимается созданная с целью формирования и (или) реализации его воли часть юридического лица, представленная одним или несколькими лицами, порядок образования и компетенция которой определяются законом и учредительным документом».

При характеристике органов управления юридического лица следует задаться вопросом о том, что же понимается под управлением в целом. Так, например, Е.О. Дмитриев и Л.А. Зинченко убеждены, что управление предполагает ориентацию объекта управления, направленную на достижение поставленных целей и задач [9, с. 87]. Очевидно, что управление акционерным обществом предполагает возможность принятия юридически значимых решений.

Управление акционерным обществом, как и в любой корпорации, осуществляется через его органы. В гражданском законодательстве не даётся легального определения понятия «орган управления». В юридической науке сложились различные представления на этот счёт.

К примеру, Хныкин В.И. считает, что под органом управления акционерного общества необходимо понимать единоличную или коллегиальную составляющую акционерного общества, которая осуществляют управление его деятельностью, а также выступает в имущественном обороте от его имени [10, с. 9].

Так, С.И. Климкин указывает: орган управления юридического лица представляет собой правовую конструкцию, которая позволяет формировать волю и волеизъявление юридического лица и выражать их вовне [3, с. 173]. Данная позиция наилучшим образом отображает смысл создания органов управления. Как правило, воля юридического лица формируется общим собранием участников, а волеизъявление – исполнительным органом.

В свою очередь орган управления в общепринятом понимании – это вид органов юридического лица (наряду с органами контроля), предусмотренных законодательством Российской Федерации об юридических лицах (например, об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью), через которые юридическое лицо осуществляет свою правоспособность [11, с. 96].

В зарубежных странах сложились различные модели структур управления корпораций. Среди них принято выделять монистическую (Бельгия, Великобритания, Италия, США) и дуалистическую (Австрия, Германия, Нидерланды) концепции [12, с. 541]. Монистическая концепция предполагает, в структуру органов управления, помимо исполнительного органа, входит общее собрание участников. В дуалистической концепции к данным органам добавляется также орган, контролирующий деятельность корпорации со стороны (наблюдательный совет).

В России общие положения об управлении корпорацией установлены в ст. 65.3 ГК РФ. Так, корпорация в Российской Федерации может иметь двухзвенную или трехзвенную структуру органов управления:

1. Общее собрание участников – наблюдательный совет (совет директоров) – исполнительный орган (дуалистическая модель).

2. Общее собрание участников – исполнительный орган (монистическая модель).

Данная структура нашла своё отражение и в Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [13]. Таким образом, в российском корпоративном праве наблюдается смешение двух основных концепций формирования акционерного общества. Исполнительный орган в указанных моделях может быть единоличным (генеральный директор, председатель, директор и т.п.), а в случаях, предусмотренных законом или уставом корпорации, – коллегиальным (правление, дирекция и т.п.) (ч. 3 ст. 65.3 ГК РФ). Следовательно, каждая из указанных выше моделей управления корпорацией делятся на две подмодели. В первой подмодели исполнительный орган состоит из одного звена – единоличного исполнительного органа (сокращенная модель), а во второй подмодели он сосуществует вместе с коллегиальным органом управления (расширенная модель).

Необходимо отметить, что в дореволюционный период важнейшим признаком акционерного товарищества как юридического лица являлось наличие сложной структуры органов управления, особой организации внутренних отношений, позволяющей юридическому лицу функционировать в хозяйственном обороте как единое целое.

В современном российском праве данный признак не единственный, однако значение органов управления для акционерного общества (как и для других юридических лиц) не изменилось. Органы управления для юридического лица сегодня, кроме прямой функции управления деятельностью юридического лица, выполняют обязанности медиатора в конфликте интересов (юридического лица и общества, трудового коллектива и акционеров).

По сути, органы управления юридического лица регламентируют и реализуют определенный порядок управления, под которым следует понимать совокупность способов воздействия или процесс, с помощью которого управляется и контролируется деятельность юридического лица.

Таким образом, на основании вышеизложенного укажем следующее. Органы управления юридического лица – это организационно оформленная часть юридического лица, которая в соответствии с законодательством или учредительными документами наделена определёнными правом принимать управленческие решения в пределах их компетенции и через которые данное юридическое лицо осуществляет свою правоспособность.

Правовая природа органов управления юридического лица, выражается в следующем: 1) осуществляют управление им; 2) совершают от его имени акты, которые имеют юридическое значение; 3) посредством действий органов реализуются правоспособность юридического лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сумской, Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.03 / Сумской Дмитрий Александрович. – М., 2007. – 43 с.
2. Гражданское право: учебник для вузов. ч. I / под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М.: Норма-Ин-фра, 2017. – 511 с.
3. Рубеко, Г.Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Рубеко Георгий Леонидович. – Ростов-на-Дону, 2004. – 27 с.
4. Климкин, С.И. Реализация правоспособности юридического лица через его органы / С.И. Климкин // Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Статут, 2001. – С. 158-176.
5. Могилевский, С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03/ Могилевский Станислав Дмитриевич. – Москва, 2001. – 48 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawtheses.com (дата обращения: 11.01.2025). – Загл. с экрана.
6. Шиткина, И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах / И.С. Шиткина. – М., 2017. – 976 с.
7. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dl.booksee.org/genesis/706000/1ccfd71288be5058ba56fc3e70de90db/_as/[Lomakin_D.V.]_Korporativnuee_pravootnosheniya_Ob(BookSee.org).pdf (дата обращения: 11.01.2025). – Загл. с экрана.
8. Цепов, Г.В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству / Г.В. Цепов // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 89-93.
9. Дмитриев, Е.О. Правовая характеристика органов управления акционерных обществ в России / Е.О. Дмитриев, Л.А. Зинченко // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 3 (32). – С. 87-100.
10. Хныкин, В.И. Гражданско-правовая ответственность органов управления акционерных обществ по законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Хныкин Виктор Иванович. – Москва, 2005. – 26 с.
11. Дмитриев, О.В. Органы управления в системе органов юридических лиц / О.В. Дмитриев // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 3 (24). – С. 95-99.
12. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. В.В. Безбаха, В.К. Пучинского. – М.: МЦФЭР, 2004. – 839 с.
13. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Российская газета. – 1995. – № 248.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPTS OF GOVERNING BODIES AND THE BODIES OF THE LEGAL ENTITY

In this article, the author examines the doctrinal concepts and features of the organs of a legal entity, in connection with which the formulation of the concept "body of a legal entity" is proposed. On the basis of this concept, aspects of the legislative regulation of the legal status of the governing bodies of a legal entity are disclosed. In this paper, the author defines management bodies as an organizationally formed part of a legal entity with certain rights to make managerial decisions.

Keywords: legal entity, body of a legal entity, governing body of a legal entity, legal remedy.

Logveeva E. A.
Shvaykovskaya Valentina Nikolaevna

УДК 331.5-053.6

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Матвиенко М.С.
Научный руководитель: Виндилович Е.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается роль международного права в регулировании миграционных процессов в условиях глобализации. Миграция стала важным аспектом современного общества, затрагивающим экономические, социальные и политические сферы. Авторы анализируют существующие международные нормы и принципы, направленные на защиту прав мигрантов и упорядочение миграционных потоков, такие как Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах и Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов. Обсуждаются проблемы и недостатки правового регулирования, а также необходимость дальнейших исследований в данной области, включая защиту уязвимых категорий мигрантов. Статья предлагает рекомендации для улучшения миграционной политики на национальном уровне и подчеркивает важность международного сотрудничества для создания более справедливой и эффективной системы управления миграцией.
Ключевые слова: международное право, миграция, права мигрантов, Нью-Йоркская декларация, трудовые мигранты, правовое регулирование, международные нормы, защита прав человека, миграционная политика, уязвимые группы.

В современном мире миграция стала неотъемлемой частью глобализированного общества, охватывающего широкий спектр экономических, социальных и политических аспектов. Миграционные процессы, включая перемещение людей в поисках лучших условий жизни, защиты от конфликтов или экономической стабильности, требуют комплексного подхода к их регулированию. В этом контексте международное право играет ключевую роль, устанавливая нормы и принципы, направленные на защиту прав мигрантов и упорядочение миграционных потоков.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что миграция, как явление, затрагивает интересы множества стран и требует согласованных усилий на международном уровне. Несмотря на существующие международные соглашения и декларации, многие аспекты правового регулирования миграции остаются недостаточно проработанными, что приводит к нарушениям прав мигрантов и усложняет взаимодействие между государствами. В частности, вопросы, касающиеся защиты уязвимых категорий мигрантов, таких как беженцы и трудовые мигранты, требуют дальнейшего исследования и разработки эффективных механизмов.

Цель данной статьи заключается в анализе роли международного права в регулировании миграционных процессов, выявлении существующих проблем и недостатков в правовом регулировании, а также в предложении рекомендаций для улучшения существующих норм и практик. В ходе исследования будет рассмотрено, как международные правовые нормы и принципы могут способствовать созданию более справедливой и эффективной системы управления миграцией, обеспечивая защиту прав и свобод мигрантов в условиях глобальных изменений.

Национальное и международное право в регулировании миграции представляют собой две взаимосвязанные, но в то же время отличающиеся системы правовых норм, каждая из которых играет свою уникальную роль в управлении миграционными процессами. Национальное право, как правило, «определяет миграционное право, касающееся иностранных граждан, и может значительно варьироваться в зависимости от политического контекста, социально-экономических условий и потребностей конкретного государства в приёме новых мигрантов» [1]. Например, в Российской Федерации основы правового положения отдельных категорий мигрантов закреплены в Конституции, а также

детализированы в федеральном законодательстве, что позволяет государству формировать миграционную политику в соответствии с актуальными вызовами и потребностями. В этом контексте важно отметить, что национальные законодательства часто имеют свои особенности, связанные с историческими, культурными и экономическими факторами, что может приводить к различиям в подходах к регулированию миграции.

С другой стороны, международное право регулирует отдельные вопросы в сфере миграции, устанавливая общие принципы и нормы, которые должны соблюдаться всеми государствами. Например, Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, провозглашает право каждого человека на свободное возвращение в свою страну. Это право является основополагающим для обеспечения защиты прав мигрантов и предотвращения их произвольной депортации. Международный пакт о гражданских и политических правах также закрепляет важные права, такие как право на свободу передвижения для тех, кто законно находится на территории государства [3]. Эти международные нормы создают правовую основу для защиты прав мигрантов и служат ориентиром для национальных законодательств.

Тем не менее, между национальным и международным правом в управлении миграционными процессами существует определенная коллизия. В то время как одни категории мигрантов, такие как беженцы и лица, ищущие убежища, подпадают под юрисдикцию международного права, другие категории, включая добровольных мигрантов, таких как трудовые мигранты и студенты, регулируются нормами национального права принимающих государств. Это создает сложность в правоприменении, поскольку каждое государство имеет право устанавливать свои правила и процедуры относительно допуска, въезда, пребывания, получения правового статуса и трудоустройства мигрантов. В результате, в зависимости от конкретных обстоятельств, мигранты могут сталкиваться с различными правовыми режимами, что может негативно сказаться на их правах и свободах.

Основные принципы международного правового регулирования миграции играют ключевую роль в формировании правовых норм и стандартов, которые обеспечивают защиту прав мигрантов. Принцип мирного урегулирования споров между государствами является важным аспектом, который позволяет странам находить компромиссы и решать возникающие разногласия в области миграции на основе законов и международных соглашений [5]. Это способствует стабильности и предсказуемости в международных отношениях, что особенно важно в условиях увеличения миграционных потоков.

Принципы международного сотрудничества, солидарности и разделения бремени также являются ключевыми для эффективного управления миграцией. Они предполагают, что государства должны работать вместе, чтобы справляться с большими потоками беженцев и мигрантов, нуждающихся в международной защите и помощи. Это сотрудничество может проявляться в различных формах, включая обмен информацией, совместные программы и инициативы, направленные на поддержку стран, принимающих большое количество мигрантов.

Кроме того, важным принципом является то, что вопросы, касающиеся прав человека, фундаментальных свобод и верховенства закона, имеют международное значение. Это означает, что государства не могут игнорировать международные обязательства в области прав человека, даже если они имеют собственные национальные интересы. Неотчуждаемость основных прав и свобод человека, закреплённых в международных нормах, гарантирует, что они применимы ко всем людям, независимо от их расы, цвета кожи, пола, гражданства, языка, вероисповедания или социального происхождения. Это создает правовую базу для защиты прав мигрантов и обеспечивает их равенство перед законом.

Наконец, право индивида свободно покидать своё государство и возвращаться в него является одним из основополагающих прав, закреплённых в международных документах. Это право является важным элементом свободы передвижения и обеспечивает возможность

мигрантам вернуться на родину, что особенно актуально в условиях глобальных конфликтов, экономических кризисов и природных катастроф, когда многие люди вынуждены покидать свои дома в поисках безопасности и лучшей жизни. В таких ситуациях право на свободное возвращение становится критически важным для обеспечения стабильности и восстановления нормальной жизни в родных странах мигрантов.

Кроме того, это право также способствует социальной интеграции мигрантов в принимающем обществе, поскольку оно дает им уверенность в том, что они могут вернуться на родину, если возникнет такая необходимость. Это может снизить уровень тревожности и стресса у мигрантов, что, в свою очередь, может способствовать их лучшей интеграции в новое общество.

Важно отметить, что государства, принимающие мигрантов, должны учитывать эти аспекты в своей миграционной политике. Они должны разрабатывать механизмы, которые обеспечивают защиту прав мигрантов, включая возможность безопасного и законного возвращения на родину. Это может включать в себя создание программ по содействию возвращению, а также сотрудничество с международными организациями, такими как Международная организация по миграции (МОМ), для обеспечения безопасного и гуманного процесса возвращения.

Специальные принципы защиты различных категорий мигрантов представляют собой основу для обеспечения прав и свобод отдельных групп, находящихся в уязвимом положении в условиях миграции. Важнейшими из этих принципов являются невыдача и невысылка беженцев и лиц, ищущих убежище, что гарантирует защиту тех, кто бежит от преследований, насилия или других угроз. Этот принцип, закрепленный в международных нормах, таких как Конвенция о статусе беженцев 1951 года и ее Протокол 1967 года, предполагает, что государства не должны возвращать лиц, которые могут подвергнуться опасности в своей стране [2]. Это является важным элементом международного гуманитарного права, отражающим обязательства государств по защите прав человека.

Другим важным аспектом является сохранение и обеспечение правового статуса вынужденных мигрантов в период вооруженного конфликта. Это подразумевает, что государства обязаны предоставлять временное убежище и гарантии безопасности для тех, кто был вынужден покинуть свою страну из-за насилия или войны. В условиях вооруженных конфликтов, когда права человека могут быть особенно уязвимыми, необходимо обеспечить доступ к основным правам и свободам, включая право на жизнь, безопасность и защиту от насилия. Государства должны также создавать механизмы для предоставления временного статуса, который позволит вынужденным мигрантам оставаться на их территории до тех пор, пока не будет обеспечена возможность безопасного возвращения.

Добровольная репатриация или местное обустройство внутренне перемещённых лиц также являются важными принципами защиты. Эти меры направлены на поддержку тех, кто был вынужден покинуть свои дома, но желает вернуться, когда это станет безопасным. Международные организации, такие как Международная организация по миграции, играют ключевую роль в содействии таким процессам, обеспечивая необходимую помощь и ресурсы для успешной репатриации и интеграции.

Предоставление национального режима в области профессиональных прав трудящихся-мигрантов является еще одним важным принципом, который обеспечивает равные возможности для мигрантов на рынке труда. Этот принцип подразумевает, что трудящиеся-мигранты должны иметь доступ к тем же правам и условиям труда, что и местные жители, включая право на справедливую оплату, безопасные условия труда и защиту от дискриминации. Это необходимо для того, чтобы мигранты могли полноценно интегрироваться в экономику принимающей страны и способствовать её развитию.

Дополнительные меры поддержки и социальной реабилитации мигрантов, ставших жертвами торговли людьми, также имеют огромное значение. Эти меры включают в себя

предоставление юридической помощи, медицинской и психологической реабилитации, а также поддержку в интеграции в общество. Жертвы торговли людьми часто сталкиваются с множеством трудностей, включая травмы, стигматизацию и отсутствие доступа к основным услугам. Поэтому важно, чтобы государства разрабатывали и внедряли программы, которые помогут этим людям восстановить свою жизнь и интегрироваться в общество.

Важнейшие нормативные документы международного права в сфере миграции служат основой для защиты прав мигрантов и обеспечения их безопасности. Устав ООН, принятый в 1945 году, устанавливает основные принципы, согласно которым государства обязаны уважать и защищать права каждого человека. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году, провозглашает, что каждый человек имеет право на свободу передвижения и выбор местожительства, а также на возвращение в свою страну [4]. Эти права являются основополагающими для обеспечения безопасности и правового статуса мигрантов.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 году, закрепляет права каждого, кто законно находится на территории государства, включая право на свободу передвижения и выбор местожительства. Этот документ также запрещает произвольную высылку иностранцев и гарантирует защиту прав человека в условиях миграции. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, также принятый в 1966 году, подчеркивает право каждого человека на участие в культурной жизни и пользование результатами научного прогресса, что имеет особое значение для мигрантов, стремящихся интегрироваться в новое общество [4].

Декларация об укреплении международной безопасности, принятая в 1970 году, также акцентирует внимание на необходимости защиты прав человека в контексте миграции. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 году, также играет важную роль в обеспечении прав мигрантов в Европе [4]. Эта конвенция гарантирует основные права и свободы, такие как право на жизнь, запрет на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, право на свободу и личную неприкосновенность, а также право на справедливый суд. Эти права применимы ко всем, находящимся под юрисдикцией государств-участников, включая мигрантов и беженцев.

В дополнение к этому, Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая в 1990 году, предоставляет специфические механизмы защиты для трудящихся-мигрантов. Она подчеркивает важность равного обращения и недопущения дискриминации в трудовых отношениях, что особенно актуально для мигрантов, которые могут сталкиваться с предвзятым отношением на рынке труда. Конвенция требует от государств-участников принимать меры для защиты прав трудящихся-мигрантов, включая доступ к социальной защите, медицинским услугам и образованию.

Международные организации, такие как Международная организация труда (МОТ), также способствуют защите прав трудящихся-мигрантов через свои конвенции, такие как Конвенция № 97 о трудящихся-мигрантах и Конвенция № 143 о трудящихся-мигрантах и их семьях. Эти документы акцентируют внимание на необходимости защиты мигрантов от злоупотреблений и дискриминации в трудовых отношениях, а также на важности обеспечения достойных условий труда.

Кроме того, важным аспектом защиты прав мигрантов является необходимость интеграции в принимающее общество. Это включает в себя доступ к языковым курсам, образовательным программам и профессиональной подготовке, что способствует более успешной интеграции мигрантов и их семьей. Поддержка со стороны местных сообществ и организаций гражданского общества также играет ключевую роль в этом процессе.

Эффективная реализация всех этих принципов и механизмов требует совместных усилий государств, международных организаций и гражданского общества. Это включает в себя разработку и внедрение национальных стратегий по защите прав мигрантов, а также мониторинг соблюдения международных стандартов. Важно, чтобы государства создавали

условия для безопасной миграции, обеспечивали защиту прав мигрантов и способствовали их интеграции в общество.

Роль ООН в регулировании миграционных процессов является многогранной и важной, поскольку организация применяет все имеющиеся методы и приёмы для урегулирования этих процессов, уделяя особое внимание правам мигрантов. В условиях глобализации и увеличения миграционных потоков, ООН активно работает над созданием международной правовой базы, которая бы обеспечивала защиту прав мигрантов и способствовала их интеграции в принимающие общества [6]. Одним из важнейших этапов международно-правового регулирования миграции стало принятие Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах, которая была принята 19 сентября 2016 года на саммите в штаб-квартире ООН. Этот документ стал значимым шагом к более взвешенному и скоординированному ответу на миграционные вызовы, с которыми сталкиваются государства и международное сообщество.

Нью-Йоркская декларация признаёт, что основными причинами миграции являются не только экономические факторы, но и такие явления, как нищета, отсутствие продовольственной безопасности, преследования, терроризм и нарушения прав человека. Таким образом, декларация акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к миграционным процессам, который бы учитывал как права мигрантов, так и интересы принимающих стран. Важным аспектом декларации является обязательство государств обеспечить гуманное обращение с мигрантами, которое должно учитывать их достоинство и гендерные аспекты. Это положение подчеркивает необходимость уважения прав человека на всех этапах миграционного процесса, включая период пребывания мигрантов в стране назначения.

Нью-Йоркская декларация не является юридически обязывающим документом и не содержит конкретных требований к государствам, однако она служит важной основой для дальнейшего развития международного регулирования миграции. Приняв декларацию, государства-члены ООН взяли на себя обязательство к 2018 году согласовать первый в своём роде глобальный документ, регулирующий правила миграции. Это свидетельствует о стремлении международного сообщества к созданию более структурированного подхода к миграционным процессам, который бы основывался на принципах прав человека и гуманности.

В дополнение к Нью-Йоркской декларации, ООН разработала Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Этот международный договор универсального характера посвящён правам трудящихся-мигрантов и их семей, обеспечивая защиту на всех этапах миграции — от подготовки к ней до возвращения в страну происхождения. Конвенция охватывает такие аспекты, как право на труд, доступ к социальной защите, медицинским услугам и образованию, что является основополагающим для обеспечения достойных условий жизни мигрантов.

Совместно с Международной организацией по миграции (МОМ), ООН также разработала платформу «Я — мигрант», которая направлена на содействие разнообразию и интеграции мигрантов в общества принимающих стран. Эта инициатива подчеркивает важность создания инклюзивных условий для мигрантов, что способствует их успешной адаптации и интеграции, а также укрепляет социальную связность в обществах, принимающих мигрантов.

ООН играет ключевую роль в регулировании миграционных процессов, разработав международные стандарты и нормы, такие как Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах и Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов. Эти документы подчеркивают важность защиты прав мигрантов и их интеграции в принимающие общества, учитывая многообразие причин миграции.

Исследования в области миграции, основанные на принципах, изложенных в декларациях ООН, могут служить основой для формирования новых теорий и моделей,

касающихся миграционных процессов, прав человека и международного права. Это может способствовать более глубокому пониманию миграционных явлений и их влияния на международные отношения.

Рекомендации и стандарты, выработанные в рамках ООН, могут быть использованы государствами для улучшения национальной миграционной политики, а также для разработки программ интеграции мигрантов. Это позволит создать более инклюзивные и безопасные условия для мигрантов, что, в свою очередь, будет способствовать социальной стабильности и экономическому развитию принимающих стран.

Необходимы дополнительные исследования, направленные на оценку эффективности реализации международных стандартов в различных странах, а также на изучение влияния миграции на социальные, экономические и культурные аспекты общества. Также стоит уделить внимание вопросам, связанным с правами уязвимых групп мигрантов, таких как женщины и дети, и разработать рекомендации для их защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе А.Х. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012. 307 с. 67.
2. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции. – М.: Проспект, 2013. С. 392
3. Журкина, О.В. Миграционное право : учебное пособие / О.В. Журкина, Е.И. Максименко ; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург : ОГУ, 2021. – 128 с.
4. Зинченко Н.Н. Миграция населения: теория и практика международноправового регулирования: Монография. – М.: Внешторгиздат, 2003. С. 264
5. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции / Е.В. Киселева. – М.: РУДН, 2012. С. 398.
6. Малахов В., Мотин А. Право и политика в сфере миграционного регулирования. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 7, сс. 108-116.

THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW IN REGULATING MIGRATION PROCESSES

Abstract. The article examines the role of international law in regulating migration processes in the context of globalization. Migration has become an important aspect of modern society, impacting economic, social, and political spheres. The authors analyze existing international norms and principles aimed at protecting the rights of migrants and organizing migration flows, such as the New York Declaration on Refugees and Migrants and the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. The article discusses the problems and shortcomings of legal regulation, as well as the need for further research in this area, including the protection of vulnerable categories of migrants. The article offers recommendations for improving national migration policy and emphasizes the importance of international cooperation in creating a fairer and more effective migration management system.
Keywords: international law, migration, migrant rights, New York Declaration, labor migrants, legal regulation, international norms, human rights protection, migration policy, vulnerable groups.

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Медведева Д.Д.
Научный руководитель: Бабичева Н.А., канд.юрид.наук,доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается становление правового государства, включающее исторические аспекты, современные вызовы и перспективы развития. В заключении статьи определяются перспективы дальнейшего развития правового государства.
Ключевые слова: правовое государство, общество, Конституция РФ, права граждан.

Становление правового государства является особенно актуальным в наше непростое время, когда мы сталкиваемся с экономическим кризисом. Идея правового государства на протяжении веков привлекала внимание многих мыслителей, таких как Платон, Аристотель, Локк, Монтескье, Руссо, Велькер, Кант, Покровский, Новгородцев, Алексеев и многих других.

Правовое государство представляет собой многосторонний постулат и основывается на нескольких ключевых принципах:

а) Гарантированная свобода личности в отношении государства — этот принцип находит свое логическое продолжение и конкретизацию в основных правах человека.

б) Равенство всех перед законом — законы должны действовать одинаково для всех.

в) Разделение властей на три ветви — этот принцип закреплен в высшем законодательном акте, Конституции. Правовая безопасность подразумевает, что государство должно соизмерять свои действия, чтобы сохранить доверие граждан. Эти четыре принципа являются основополагающими для правового государства. Создание правового государства также предполагает развитие зрелого гражданского общества [6].

История правовой государственности отличается богатством и разнообразием. Многие ученые и философы глубоко осознали и смогли передать нам идеалы правового государства. Например, истоки теории правовой государственности восходят к античным временам. Древнегреческий философ Платон утверждал, что там, где закон не имеет силы и подчинен чьей-либо власти, государству угрожает неминуемая гибель, а если законы служат интересам лишь немногих, то это уже не государственное устройство, а внутренние конфликты.

История развития идей правового государства в России делится на три основных периода:

1) Российская империя (вторая половина XIX века – 1917 год);

2) Эпоха СССР (1917-1985 годы);

3) Современная Россия (с 1985 года по настоящее время).

Формирование концепций правового государства в Российской империи характеризовалось рядом особенностей: значительным влиянием западных демократических учений, явным или скрытым противостоянием идеалам просвещенной монархии и активным (рис.1).

Рисунок 1. Предпосылки создания правового государства

Распад СССР объективно поставил перед Россией, как и перед другими бывшими республиками Союза, задачу обеспечения независимости государственного существования и формирования основ новой российской государственности. Ключевым моментом в правовом оформлении этой новой государственности стало принятие действующей Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года.

Принятие Конституции Российской Федерации [1] ознаменовало завершение подготовительного этапа и начало нового периода в развитии и реализации концепций правового государства. Этот процесс характеризуется как новизной, так и преемственностью. Его новизна заключается в следующем: а) была принята Конституция совершенно нового суверенного государства, отличного от царской России, бывшего СССР и РСФСР; б) Конституция была одобрена на референдуме, что подтверждает ее демократический и легитимный характер; в) она впервые в истории провозглашает Россию правовым и социальным государством. Российская Конституция закрепила основные ценности [5].

Россия обладает высокой степенью интеграции в международно-правовую систему. В случае, если международный договор Российской Федерации устанавливает иные правила по сравнению с национальным законодательством, приоритет имеют нормы международного договора (ст. 15, ч. 4 [1]). Одной из характерных особенностей современной России является наличие единой системы законодательства, которая охватывает ключевые аспекты государственной и общественной жизни. За последние

десять лет законодательство РФ претерпело значительные изменения и продолжает активно развиваться во всех областях [4].

На сегодняшний день концепция правового государства не является статичной и неизменной. Она постоянно эволюционирует и обогащается новым содержанием, опираясь на исторически сложившиеся правовые и моральные традиции, а также на политический опыт человечества.

В текущей ситуации наблюдается парадокс. С одной стороны, Российская Федерация формально соответствует критериям правового государства, поскольку система государственной власти строится на законах и ограничена ими. С другой стороны, фактическое состояние общественной, правовой и государственной систем России значительно отличается от международных стандартов и по сути находится на уровне развивающихся стран. Это обстоятельство подчеркивает необходимость переосмысления одного из ключевых понятий российской конституционно-правовой теории – понятия «правовое государство» [8].

Деформация правосознания в любом обществе является значительным фактором, оказывающим негативное воздействие на процесс формирования правового гражданского общества. Поэтому устранение недостатков правосознания становится одним из основных направлений деятельности любого современного государства. Обсуждая проблемы правовой культуры, следует отметить, что при её слабом развитии и низком уровне большинство членов общества начинают отвергать государственные и правовые институты как ценности. В таких условиях общественные отношения регулируются другими, внеправовыми и внегосударственными средствами. Важно осознавать, что правовая культура не может существовать в отрыве от общей культуры общества. В некультурном обществе не может быть высокой правовой культуры, и наоборот, в культурном и цивилизованном обществе не может наблюдаться низкий уровень правовой культуры. Необходимы глубокие реформы в социально-экономической и политической сферах, сокращение имущественного расслоения и снижение уровня безработицы.

Для формирования гармоничного общества необходима комплексная трансформация его основных структур. Это подразумевает переосмысление принципов распределения ресурсов и возможностей с целью снижения социального неравенства и обеспечения всеобъемлющей занятости. Крайне важно инвестировать в человеческий капитал, поддерживая образование, здравоохранение и другие социальные инициативы. Также необходимо укрепить механизмы правосудия и гарантировать равный доступ к правовой защите для всех граждан, создавая среду, нетерпимую к коррупции и правонарушениям. В дополнение, важно развивать культуру диалога и сотрудничества между различными социальными группами, формируя общее чувство ответственности за будущее страны и продвигая принципы уважения к закону. Для современной России одной из наиболее актуальных задач является создание правового государства и сильной демократической власти, которая будет подчиняться закону и служить народу, а не становиться деспотичной.

Наиболее трудной задачей является создание и поддержание на широком уровне реальных примеров законопослушного поведения граждан. В этом процессе ключевую роль играют не только государственные и правовые меры (включая неизменное наказание за правонарушения), но и социальная поддержка таких образцов со стороны общественных организаций. Индивид, будучи самостоятельным субъектом, имеет право распоряжаться своими силами, способностями, имуществом и совестью. Право, как форма и мера свободы, должно максимально способствовать развитию и укреплению границ личностного становления во всех сферах: от производства и потребления материальных благ до духовных, интеллектуальных и социально-культурных ценностей.

Права человека являются основой правового порядка, способствуя инициативности и активности индивида, и выступают инструментом саморазвития гражданского общества. В современном мире проблемы прав человека приобретают международный характер, подчеркивая их приоритет над государственными интересами [9].

Эффективность правовой системы во многом зависит от её способности способствовать созданию правового государства. В настоящее время остро стоит вопрос о необходимых изменениях в правовой системе, которые позволили бы ей поддерживать этот процесс. Нестабильная и несбалансированная правовая система не сможет создать прочную правовую основу для государства и, следовательно, не будет способствовать развитию правового государства.

Создание правового государства возможно только на основе принципов верховенства закона, справедливости и всестороннего обеспечения прав и свобод человека. Это требует достижения баланса интересов личности и государства, а также взаимодействия федеральных и региональных органов власти, различных этнических групп, политических сил и общественного мнения.

В сущности, полноценное существование подразумевает гармоничное сочетание национальных традиций и реалий с общечеловеческими ценностями. Эти ценности были сформированы в процессе исторического развития и закреплены международным сообществом в Декларации прав человека. В настоящее время Российская Федерация полностью признаёт эти права, дополняя их правами своих граждан, что способствует целостности правовой системы. «Стабильность и долговечность конституционной модели правового государства в России являются необходимыми условиями для её успешного практического воплощения». Поэтому крайне важно, чтобы изменения и корректировки исходной конституционной модели российской государственности проводились на основе принципов, норм, механизмов и процедур действующей Конституции – в рамках её толкования, поправок и дополнений.

Однако существует ещё один важный фактор, который может помешать реализации правового государства – это внешние, непредвиденные и непредсказуемые обстоятельства, как это уже происходило ранее.

В тот период права и обязанности граждан России в сфере защиты социально-экономических прав были значительно ограничены из-за объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии COVID-19. В результате во всех регионах Российской Федерации был введен режим повышенной готовности и режим самоизоляции (нерабочие дни) [2].

В результате в России права граждан были значительно ограничены. Это касается таких прав, как свобода передвижения и выбора места жительства, право на ведение экономической деятельности, а также право на проведение митингов и собраний. В условиях пандемии, которая затронула весь мир, включая Россию, также произошло значительное ограничение прав на активное участие в культурной жизни общества, а в некоторых случаях – прав на образование и охрану здоровья. Несмотря на существующие нормы закона о правах и свободах граждан, современная реальность показывает, что все зависит от конкретных негативных факторов окружающей действительности. Права, которые ранее воспринимались как естественные и неотъемлемые, могут подвергаться серьезным ограничениям [5].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие заключения:

В настоящее время проблема соотношения закона и так называемой целесообразности сохраняет свою актуальность. Необходимы глубокие реформы в социально-экономической и политической сферах, сокращение имущественного неравенства, снижение уровня безработицы и обеспечение реализации социальных программ, что позволит устранить факторы, способствующие росту преступности и нарушению законности. Понятие правового государства подразумевает систему, в

которой власть осуществляется в соответствии с законом, а не на основе произвольных решений отдельных лиц или групп. Это означает, что все государственные органы, включая законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, должны действовать в рамках закона, уважая права и свободы граждан. В такой системе каждый гражданин имеет равные возможности для реализации своих прав и свобод. Для преодоления трудностей и ошибок на пути к правовому государству важно поэтапно и грамотно достигать поставленных целей, учитывая исторические и национальные особенности.

Правовое государство не сводится к построению формально совершенной системы государственной власти и декларативному признанию прав и свобод граждан. Оно предполагает высокий уровень жизни для каждого человека и реализацию на практике всех провозглашенных принципов. Только тогда, когда правовые нормы становятся основой повседневной жизни, а граждане осознают свою ответственность за судьбу общества, могут быть заложены основы гражданского общества и правового государства. Необходимо преодолеть негативное наследие тоталитаризма, которое привело к распространению правового нигилизма в сознании многих россиян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Постановление Правительства РФ от 31 января 2020 г. N 66 "О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих"
3. Антонов А.В. Об определении понятия «правовое государство» /А.В. Антонов// Журнал Высшей школы экономики.– 2010. – №3. – С. 128-143.
4. Атжанова Ж.С. Формирование теории правового государства и основные признаки современной конституционной модели правовой государственности /Ж.С. Атжанова// Социально-экономические явления и процессы – 2017 – № 4, Т. 12 – С. 77-84
5. Байниязова З.С. Правовая система как фактор формирования правового государства в современной России /З.С. Байниязова// Ленинградский юридический журнал. – 2014. – №1(35). – С. 15-23.
6. Барташевич Б.В. Вопросы правового государства в Российской Федерации /Б.В. Барташевич, А.Е. Ладыка//Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2019. – №3. – С. 292-294
7. Батеева Е.В., Питерская А.Л. Проблемы теоретического обоснования доктрины правового государства // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — Т. 10. — № 6. — С. 175-184.
8. Колесников Е.В. Конституционные основы построения демократической правовой государственности в Российской Федерации /Е.В. Колесников// Вестник Саратовской государственной юридической академии – 2016 –№1(108) – С. 46-51
9. Шафиков Ю.С. Аспектный смысл правового государства /Ю.С.Шафиков//Экономика и право. – 2015. – № 1(47). – С. 48-56.

THE FORMATION OF THE RULE OF LAW: HISTORICAL ASPECTS, MODERN CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. This paper examines the formation of a rule-of-law state, including historical aspects, modern challenges and development prospects. In conclusion, the article defines the prospects for the further development of the rule of law.
Keywords: rule of law, society, Constitution of the Russian Federation, citizens' rights.

Medvedeva D.D.
Scientific supervisor: Babicheva N.A., associate professor Donetsk
State University
E-mail: dariamedvedeva201@gmail.com

УДК 342.72/.73

ЛИЧНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Мехдиева Н.
Научный руководитель: Гончаренко А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО « ДонГУ»

Аннотация: В настоящей статье анализируются актуальные вопросы обеспечения прав граждан в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, рассматриваемые в контексте современной геополитической обстановки. Работа направлена на выявление путей решения выявленных проблем.
Ключевые слова: конституционные права, интернет, виртуальный мир, цифровое право, информационно-телекоммуникационная сеть.

Современный Интернет – это не просто глобальная система хранения, передачи и распространения информации. Он трансформировался в многогранную среду, играющую ключевую роль в реализации фундаментальных гражданских и публичных прав и свобод, а также служащую платформой для осуществления важнейших государственных функций.

Возникновение киберпространства, как новой виртуальной реальности, значительно расширило понимание защиты прав человека, привнеся новые вызовы и нюансы. В этой связи, традиционные конституционные права и свободы граждан обрели новые измерения и требуют переосмысления в контексте цифрового мира.

Рассмотрим некоторые из этих прав, особенно актуальные в киберпространстве. Прежде всего, это свобода мысли и её выражения, которая в онлайн-режиме обретает огромное значение. Теперь каждый может высказать свою позицию миллионам людей практически мгновенно, что создает как безграничные возможности, так и значительные риски для распространения дезинформации и пропаганды.

Не менее важна свобода информации, включающая право на её поиск, получение, передачу, производство и распространение. Это право сталкивается с вызовами в виде цензуры, контроля содержания и проблемами кибербезопасности.

Гарантированная Конституцией Российской Федерации свобода средств массовой информации и запрет цензуры также требуют переосмысления в цифровом формате, учитывая возможности манипулирования общественным мнением через онлайн-платформы. Свобода религиозных и иных убеждений также обретает новые формы выражения в Интернете, позволяя людям общаться и обмениваться идеями независимо от географического положения. Однако, это создаёт и проблемы с борьбой с экстремизмом и пропагандой нетерпимости.

Право на получение официальной информации, особенно касающейся состояния окружающей среды или угроз жизни и здоровью людей, является неотъемлемой частью функционирования демократического общества и должно быть обеспечено в полной мере и в онлайн-режиме.

Свобода выбора языка общения и творчества также является фундаментальной, но в глобальной сети требует учета множества языковых и культурных особенностей. Свобода творчества и охрана интеллектуальной собственности в Интернете сталкиваются с проблемами пиратства и незаконного использования авторских прав.

Наконец, свобода предпринимательской деятельности в онлайн-среде приобретает новые формы и требует регулирования для предотвращения монополизации и нечестной конкуренции. Все эти аспекты требуют тщательного анализа и разработки адекватных механизмов защиты прав и свобод граждан в киберпространстве.

Кроме того, распространение цифровых технологий в социальной сфере породило новые, так называемые цифровые права.

Под цифровыми правами подразумеваются права людей на доступ к цифровым ресурсам, их использование, создание и распространение, а также на доступ к вычислительной технике, включая компьютеры и другие электронные устройства, а также коммуникационным сетям, в частности, к Интернету.

Количество интернет-пользователей постоянно увеличивается, появляются новые технологии, интернет-ресурсы, в которых информация распространяется с высокой долей вероятности затронуть каждого пользователя. По состоянию на январь 2024 года количество участников сети «Интернет» составляет 5,35 миллиарда человек [1].

Настоящее исследование особенно актуально сегодня из-за нескольких причин. Во-первых, появились новые способы обмена информацией, изменившие ландшафт коммуникаций. Во-вторых, сложная геополитическая ситуация влияет на доступ к информации и её распространение. В-третьих, в России усилился государственный контроль над интернетом. Это обусловлено стремлением защитить права и свободы граждан, однако одновременно вызывает вопросы о балансе между безопасностью и свободой слова. Все эти факторы делают изучение данной темы крайне необходимым для понимания современной информационной среды и её влияния на общество. Таким образом, актуальность исследования проистекает из динамичного изменения информационного пространства, геополитической напряжённости и усиления государственного регулирования сети Интернет в Российской Федерации.

Президент Российской Федерации утвердил Стратегию развития информационного общества с 2017 по 2030 годы. В документе особое внимание уделяется защите прав граждан в онлайн-пространстве, включая:

- право на свободный доступ к информации и знаниям;
- гарантирование свободного доступа к информационным ресурсам;
- обеспечение государственной защиты интересов и прав граждан в информационной сфере [2].

Так, право на свободный доступ к информации закреплен в статье 29 Конституции Российской Федерации и является неотъемлемым правом человека и гражданина России. Тем не менее, законодательство предусматривает определенные основания для ограничения этого права, что обусловлено необходимостью обеспечения безопасности государства и соблюдения конституционного порядка [3].

Согласно статье 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в Российской Федерации распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации [4].

Актуальность проблем, связанных с реализацией прав в виртуальном пространстве, представляется весьма значимой и обусловлена целым рядом факторов, которые в совокупности создают сложные условия для эффективного контроля и защиты прав граждан. Во-первых, следует отметить, что в современном цифровом мире существует серьезная проблема с контролем над распространением информации на различных онлайн-ресурсах. Открытый доступ к информации, который предоставляется неограниченному кругу пользователей, делает процесс мониторинга и регулирования крайне затруднительным. Это означает, что невозможно в полной мере отслеживать, как именно информация распространяется и используется в сети, что может привести к различным правонарушениям.

Во-вторых, анонимность пользователей Интернета, обеспечиваемая различными сервисами, создает дополнительные сложности в идентификации тех, кто нарушает законы или права других граждан. Это делает невозможным не только выявление нарушителей, но и их привлечение к ответственности за противоправные действия. В результате,

правонарушители могут чувствовать себя безнаказанными, что негативно сказывается на общей правопорядке в виртуальной среде.

Третьим важным фактором является экспоненциальный рост объёмов данных, которые ежедневно загружаются в сеть. Постоянное увеличение количества информации делает её отслеживание практически невозможным с использованием существующих инструментов. Это создает дополнительные сложности для правоохранительных органов и организаций, занимающихся защитой прав граждан, так как они не могут эффективно реагировать на нарушения, происходящие в таком объеме данных. Кроме того, недостаток передовых технологий поиска информации также является значительной проблемой. Отсутствие высокотехнологичных программ и алгоритмов, способных быстро и точно выявлять информационные сообщения, которые могут нарушать права граждан, усложняет процесс своевременного выявления и блокирования подобного контента. Без таких технологий становится труднее защищать права и интересы граждан в цифровом пространстве.

Наконец, отсутствие единой судебной практики по блокировке интернет-ресурсов создает дополнительные трудности. Недостаток единообразного подхода к блокировке сайтов, которые распространяют незаконный контент, затрудняет защиту прав и свобод граждан. Это приводит к тому, что различные судебные инстанции могут принимать противоречивые решения, что в свою очередь создает правовую неопределенность и снижает эффективность борьбы с нарушениями в интернете. Все перечисленные факторы подчеркивают необходимость разработки более эффективных механизмов и стратегий для защиты прав граждан в виртуальной среде.

Очевидно, что ограничение доступа к информации, распространяемой в сети «Интернет» и средствами массовой информации, прежде всего, обусловлено необходимостью обеспечения конституционных прав граждан на высшем, юридически значимом уровне.

В современных условиях стремительного технологического прогресса, уровень правового обеспечения информационных прав граждан в Российской Федерации оставляет желать лучшего.

Также, важно отметить низкий уровень закрепления понятийных элементов в системе российского законодательства.

В настоящее время определение понятий в информационно-телекоммуникационной сети «интернет» определяется ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»:

- информационная система - совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств;

- информационно-телекоммуникационная сеть - технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [4].

По нашему мнению, существующие определения не в полном объеме отражают динамику развития цифровых технологий и не учитывают появление новых явлений в виртуальной среде.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В целях верного отражения современных вызовов, стоящих перед Российской Федерацией, следует дополнить законодательный акт уточнениями и расширениями ключевых понятий.

Так, В.А. Копылов определяет Интернет как глобальную автоматизированную информационную систему, которая составляет основу формирования и развития информационного общества [5].

Как верно замечает И.М. Рассолов, «Интернет является частью мировой телекоммуникационной технологии, которая активно развивается и эволюционирует в нынешнем столетии в совершенно новую информационную индустрию» [6].

Таким образом, сеть «Интернет» рассматривают как информационную систему, телекоммуникационную технологию, средство распространения информации, компьютерную сеть. В связи с этим удачным является определение сети «Интернет» как информационно-телекоммуникационной сети, которая представляет собой технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

В свете современных геополитических вызовов государственные органы и граждане обязаны адекватно реагировать на угрозы в киберпространстве.

Национальная безопасность, защита прав граждан от DDoS-атак, хакерских атак и мошенничества, исходящего из-за рубежа, является приоритетной задачей государства.

Например, пресс-служба Министерства науки и высшего образования РФ сообщала, что хакерские атаки на сайты российских вузов фиксируются не только из стран Европы и Северной Америки, но и со стороны Западной Украины [7].

Ввиду сложившейся ситуации, считаем необходимым разработать инновационные методики стратегического планирования информационной политики Российской Федерации.

Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о формировании уникального подхода к ограничению доступа к информации. Данный подход, основываясь на положениях Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», преимущественно применяется в отношении ресурсов, представляющих угрозу территориальной целостности Российской Федерации, а также жизни и здоровью её граждан.

В последнее время Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» подвергся значительным изменениям, большая часть которых посвящена уточнению и корректировке перечня подлежащей регулированию информации.

Анализ многочисленных судебных решений, касающихся реализации прав человека в цифровом пространстве, выявил ряд сложных и неоднозначных аспектов, требующих детального рассмотрения. Одной из наиболее важных тенденций является усиленная защита прав несовершеннолетних пользователей интернета. Дети, в силу своей незрелости и ограниченного жизненного опыта, особенно уязвимы перед воздействием вредоносной информации, распространяемой в сети. Они не всегда способны критически оценить полученную информацию, распознать манипуляции и защитить себя от негативного влияния.

Поэтому, суды, руководствуясь принципом наилучших интересов ребенка, часто допускают ограничения некоторых основных прав несовершеннолетних в онлайн-среде, если это необходимо для предотвращения причинения им вреда и обеспечения их здорового развития. Такие ограничения могут касаться доступа к определенным сайтам, контенту или приложениям, а также контроля за интернет-активностью со стороны родителей или опекунов. Граница между необходимым контролем и нарушением права на свободу информации в этом контексте требует особо тонкого правового регулирования и индивидуального подхода в каждом конкретном случае, учитывающего возраст ребенка, характер информации и потенциальные риски.

Другой важный аспект – это осознанное принятие пользователем определённых рисков при использовании интернет-технологий. Пользователь, выходя в сеть, добровольно соглашается на определённый уровень снижения защищенности своих прав. Это связано с открытой природой интернета и невозможностью полного исключения рисков утечки личной информации, несанкционированного доступа к данным или получения

нежелательных сообщений. Граница между допустимым уровнем риска и нарушением права на частную жизнь определяется конкретными обстоятельствами дела, а также наличием или отсутствием мер со стороны пользователя для минимизации рисков (например, использование спам-фильтров, настройка параметров конфиденциальности). Судебная практика в этой области развивается динамично, отражая постоянные изменения в технологиях и поведении пользователей.

Существенно выделяется категория лиц, осуществляющих политическую деятельность в онлайн-пространстве, которые требуют повышенной правовой защиты. Использование интернета для выражения политических взглядов, организации протестов или критики действующей власти часто сопряжено с серьезными рисками. Многие государства активно отслеживают интернет-активность своих граждан и иностранных пользователей, чтобы подавить инакомыслие и контролировать общественное мнение. Это может привести к преследованию, репрессиям и даже физической опасности для тех, кто выражает критические взгляды в сети. Поэтому, суды все чаще признают необходимость предоставления дополнительной защиты диссидентам, журналистам-расследователям и активистам, чьи жизни и свобода могут быть подвергнуты опасности из-за их онлайн-активности.

Защита таких лиц часто требует международного сотрудничества, а также повышенного внимания со стороны правоохранительных органов и международных организаций. Эта область права находится в постоянном развитии, сталкиваясь с новыми вызовами, связанными с постоянно усложняющимися технологиями и методами контроля за информацией.

Развитие информационных технологий открывает новые горизонты для осуществления прав человека и гражданина. Однако этот прогресс сопряжен с потенциальными угрозами чрезмерного вторжения в личную жизнь.

В контексте современного информационного пространства, характеризующегося стремительным ростом объёмов передаваемой информации, приобретает особую актуальность вопрос о праве граждан на защиту от нежелательного информационного воздействия.

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации не содержит норм, регулирующих вопросы защиты от нежелательной коммуникации. В то же время, крупные интернет-платформы предоставляют пользователям инструменты для блокировки нежелательных контактов и адресов электронной почты, а также функции фильтрации спама.

Стремительное развитие информационных технологий, опережающее формирование соответствующего нормативно-правового регулирования и судебной практики, создаёт благоприятные условия для злоупотребления конституционными правами участниками сетевых правоотношений.

Важно иметь в виду, что в нынешних условиях виртуальной реальности возможно совершение действий, составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации - доведение до самоубийства [8].

В качестве яркого примера предлагаем к ознакомлению резонансное дело Ф. Будейкина, более известного под псевдонимом «Филипп Лис». 22-х летний (на момент совершения преступления, 2016 г.) уроженец г. Солнечногорска Московской обл. пытался склонить к совершению самоубийства путем общения через социальную сеть двух девушек 16-ти и 17-ти лет. Тобольский районный суд Тюменской области приговорил Ф. Будейкина к 3-м годам и 4-м месяцам колонии-поселения. При этом виновный был осужден по ст. 110 УК РФ, несмотря на отсутствие смертельных случаев в деле, также отсутствовало наличие жестокого обращения и систематическое унижение человеческого достоинства потерпевших, равно как и зависимость потерпевших от обвиняемого [9].

Таким образом, анализ современных проблем реализации личных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» выявил недостаточную разработанность законодательной базы по защите прав граждан в информационной среде. Кроме того, отсутствуют также единые требования к осуществлению конституционных прав в данной сфере, в связи с чем в данной статье нами предложены варианты разрешения таких проблем, путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Количество активных интернет-пользователей по категориям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://topic.ru/statistics/internet/demographics-and-use/kolichestvo-aktivnykh-internet-polzovateley-po-kategoriyam/, свободный. – (дата обращения: 25.01.2025 г.).
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/, свободный. – (дата обращения: 25.01.2025 г.).
3. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/, свободный. – (дата обращения: 25.01.2025 г.).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/, свободный. – (дата обращения: 25.01.2025 г.).
5. Копылов В.А. Информационное право: учебник. М-во образования Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. акад. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - Москва: Юристъ, 2005. - 510 с.
6. Рассолов И.М. Право и Интернет: теоретические проблемы. 2-е изд., доп. - Москва: Норма, 2009. - 383 с.
7. Минобрнауки зафиксировало хакерские атаки на сайты вузов России из Западной Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/15052239, свободный. – (дата обращения: 25.01.2025 г.).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, свободный. – (дата обращения: 25.01.2025 г.).
9. Фахрутдинов Р. Администратор «групп смерти» получил три года // Сайт «Газета.ru» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/2017/07/18_a_10793984.shtml (дата обращения: 25.01.2025 г.)

PERSONAL HUMAN RIGHTS IN THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK: CURRENT ISSUES

Annotation: This article analyzes the current issues of ensuring the rights of citizens in the field of information and telecommunication technologies, considered in the context of the modern geopolitical situation. The work is aimed at identifying ways to solve the identified problems.
Keywords: constitutional rights, Internet, virtual world, digital law, information and telecommunication network.

Mehdieva N.
Scientific adviser: Goncharenko A.A., lecturer Donetsk State University
E-mail: mexdievanazrin@gmail.com

УДК 347.73

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВЫЕХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РФ

Михайлин Д.Ю.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р юрид.наук, зав.кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Актуальность данной темы заключается в том, что финансовые правоотношения в Российской Федерации представляют собой важный компонент экономической системы, способствующий развитию государства и общества. Данная статья анализирует правовые механизмы, обеспечивающие баланс интересов участников финансовых отношений, а также вопросы ответственности за финансовые нарушения. Рассмотрены особенности регулирования, отличия от иных правоотношений и перспективы дальнейшего исследования в данной области.
Ключевые слова: финансовые правоотношения, регулирование, ответственность, экономика, право.

Финансовые правоотношения занимают одно из центральных мест в правовой системе любого государства, поскольку они непосредственно связаны с эффективным управлением финансовыми ресурсами, обеспечением устойчивости экономики и социальной сферы. Эти отношения охватывают широкий спектр взаимодействий между участниками, включая государственные органы, юридических и физических лиц, а также международные субъекты. Особое значение они приобретают в условиях глобализации и технологических инноваций, когда финансовые процессы становятся более сложными, многогранными и быстро меняющимися. Это требует тщательного правового регулирования и адаптации существующих норм.

Финансовые правоотношения служат основой для нормальной работы финансовой системы государства. Они обеспечивают перераспределение ресурсов в обществе, способствуя экономической стабильности и развитию. Эти правоотношения лежат в основе формирования как государственных, так и частных финансов, включая кредитные и инвестиционные операции, налогообложение и бюджетирование.

Одной из главных особенностей финансовых правоотношений является их тесная связь с процессами перераспределения денежных средств, активов и ресурсов. Они затрагивают интересы не только отдельных участников, но и общества в целом, оказывая влияние на экономическую стабильность, доступ к финансовым ресурсам и уровень благосостояния граждан. Например, эффективное налогообложение позволяет государству перераспределять средства для поддержки социально значимых сфер, таких как образование и здравоохранение [1, с.18].

Кроме того, финансовые правоотношения отличаются высоким уровнем государственного регулирования. Государство устанавливает правовые нормы, регулирующие финансовую деятельность, а также контролирует их соблюдение. Эта роль государства особенно важна в условиях кризисных ситуаций или нестабильности, когда требуется оперативное вмешательство для поддержания порядка в финансовой системе.

Исторически финансовые правоотношения развивались параллельно с формированием государственности. В древности сбор налогов и управление государственными ресурсами были ключевыми аспектами финансовых отношений. В Средневековье с развитием торговли и банковского дела появились первые нормы, регулирующие кредитные отношения. С развитием капитализма и индустриализации финансовые системы усложнились, а роль государства в регулировании этих процессов возросла. Сегодня, в эпоху глобализации, финансовые правоотношения приобретают международный характер, что требует учета исторического опыта для выработки современных норм.

Например, в истории различных стран можно найти примеры, когда недостаточное регулирование финансовой сферы приводило к кризисам. Классическим примером является Великая депрессия 1929 года, которая выявила необходимость строгого контроля за деятельностью финансовых институтов. Эти уроки прошлого важны для понимания современных вызовов и адаптации к новым экономическим условиям [2].

Глобализация финансовых рынков вносит значительные изменения в традиционные подходы к финансовым отношениям. Международная интеграция и развитие технологий усложняют финансовые процессы, создавая как новые возможности, так и дополнительные риски. Например, взаимосвязь мировых финансовых рынков увеличивает уязвимость к колебаниям валютных курсов, изменениям в международных финансовых системах и экономическим кризисам. Эти вызовы требуют от правового регулирования учитывать как локальные, так и глобальные тенденции.

Одним из ярких примеров влияния глобализации является развитие технологий блокчейн и криптовалют. Эти инновации предоставляют новые возможности для проведения безопасных и прозрачных транзакций, но также создают проблемы, связанные с регулированием финансовых потоков, предотвращением мошенничества и отмывания денег. Государства и международные организации вынуждены разрабатывать новые правовые механизмы, чтобы обеспечить баланс между свободой финансовой деятельности и необходимостью контроля.

Становление криптовалют, таких как Bitcoin, также иллюстрирует сложности регулирования. В некоторых странах они признаются официальным платежным средством, в других запрещены, что создает противоречия на международном уровне. Правовая система должна адаптироваться к таким вызовам, предлагая единые подходы, которые обеспечат безопасность и прозрачность операций.

Финансовые правоотношения можно классифицировать по различным признакам. Один из ключевых аспектов — имущественные отношения. В рамках этих отношений осуществляется движение денежных средств, активов, ценных бумаг и других объектов, имеющих ценность для участников. Имущественная сторона финансовых правоотношений непосредственно влияет на экономическую динамику, поскольку финансовые ресурсы, движущиеся в этой сфере, обеспечивают устойчивость и развитие всей экономики.

Другим важным элементом является государственно-властной аспект. Государство играет ключевую роль в установлении правил и законов, регулирующих финансовую деятельность. Оно также контролирует их соблюдение, что позволяет обеспечивать порядок на финансовых рынках, прозрачность операций и защиту прав всех участников. К числу важнейших сфер государственного регулирования относятся налогообложение, бюджетная политика, система государственных закупок и рынок кредитных ресурсов.

Правовое регулирование финансовых правоотношений охватывает как материальные, так и процессуальные нормы. Материальные нормы определяют содержание финансовых операций, включая налоги, бюджетные платежи и управление государственными долгами. Процессуальные нормы регулируют порядок осуществления этих операций, устанавливая правила для участников и контролирующих органов. Такой подход позволяет предотвратить нарушения и обеспечить устойчивость финансовой системы.

Особенностью финансовых правоотношений является их связь с интересами государства и общества. Нарушения в этой сфере могут привести к серьезным последствиям, включая экономическую нестабильность, нарушение управления государственными ресурсами и ухудшение благосостояния граждан. Поэтому юридическая ответственность за финансовые правонарушения включает широкий спектр мер — от административных санкций до уголовной ответственности. Например,

уклонение от уплаты налогов или нарушение бюджетных процедур может повлечь за собой значительные штрафы или уголовное преследование.

Финансовые правоотношения могут возникать как между частными участниками, так и в результате действий государственных органов. Например, правоотношения возникают в рамках налогообложения, государственных закупок или выполнения бюджетных обязательств. В этих случаях важным элементом является соблюдение строгих процедур и наличие прозрачных механизмов контроля.

Примером может служить практика борьбы с уклонением от налогов через использование офшорных зон. Международные организации, такие как ОЭСР, активно разрабатывают меры по борьбе с уклонением от налогов, включая автоматический обмен налоговой информацией между странами. Эти меры способствуют большей прозрачности и эффективности налоговых систем.

Примеры из судебной практики показывают, насколько важна четкость в правовом регулировании финансовых процессов. Например, споры, связанные с неправильным налогообложением или невыполнением бюджетных обязательств, требуют тщательного анализа норм права. Такие дела часто служат основой для совершенствования законодательства, устраняя пробелы и двусмысленности.

Финансовое право также активно применяется в регулировании международных финансовых операций. Это включает борьбу с уклонением от налогов через офшоры, регулирование трансграничных сделок и контроль за деятельностью международных корпораций. В условиях глобализации такие меры становятся особенно актуальными.

Современные финансовые правоотношения находятся в стадии активного развития. Это связано с цифровизацией, использованием инновационных технологий, изменениями в мировой экономике и нестабильностью финансовых рынков. Например, цифровые платформы и финансовые технологии (финтех) трансформируют традиционные подходы к финансовой деятельности, создавая новые возможности для бизнеса и граждан. Однако они также требуют соответствующего правового регулирования для предотвращения рисков.

Особое внимание уделяется международной координации. В условиях глобализации национальные финансовые системы тесно связаны, поэтому разработка эффективных правовых норм требует взаимодействия между государственными органами, международными организациями и частным сектором. Это позволяет учитывать разнообразие национальных подходов и создавать условия для устойчивого развития глобальной финансовой системы.

Современные тенденции в области финансовых правоотношений указывают на необходимость их адаптации к быстро меняющимся условиям мировой экономики и технологического прогресса. Перспективы развития этой сферы охватывают широкий спектр вопросов, включая цифровизацию, экологические и социальные аспекты, а также углубление международного сотрудничества.

Одним из ключевых направлений развития финансовых правоотношений является их цифровизация. Использование технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, блокчейна и умных контрактов постепенно трансформирует традиционные подходы к организации финансовых процессов. Например, технологии блокчейн предоставляют возможность проведения прозрачных и безопасных транзакций, что может снизить затраты и повысить доверие между участниками финансовых отношений.

Внедрение цифровых валют центральных банков (CBDC) также становится важным элементом модернизации финансовых правоотношений. Многие государства уже разрабатывают проекты национальных цифровых валют, что обещает революцию в платежных системах и управлении денежной массой. Однако такие изменения требуют значительных изменений в правовом регулировании, включая защиту прав потребителей, борьбу с отмыванием денег и киберугрозами [3, с.12].

С учетом глобальных вызовов, связанных с изменением климата и устойчивым развитием, финансовые правоотношения всё чаще включают экологические и социальные аспекты. Концепция ESG (Environmental, Social, Governance) становится важным фактором при оценке инвестиционных проектов. Многие компании и финансовые учреждения начинают учитывать экологические и социальные риски при принятии решений.

Государства и международные организации разрабатывают программы, направленные на стимулирование "зеленых" инвестиций. Например, выпуск "зеленых" облигаций позволяет привлекать финансирование для экологически значимых проектов. Развитие таких инструментов требует создания четких правовых норм, которые обеспечат прозрачность и подотчетность использования привлеченных средств [4].

Глобализация финансовых рынков делает необходимым углубление международного сотрудничества в области правового регулирования. Разработка единых стандартов и принципов в рамках международных организаций, таких как Международный валютный фонд (МВФ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирный банк, способствует укреплению стабильности мировой финансовой системы.

Особое внимание уделяется противодействию уклонению от налогов и борьбе с финансовыми преступлениями. Такие инициативы, как автоматический обмен налоговой информацией и BEPS (Base Erosion and Profit Shifting), направлены на устранение "серых" зон в международных финансовых операциях [5].

Финансовые правоотношения должны учитывать глобальные экономические вызовы, такие как инфляция, нестабильность валютных рынков и макроэкономические кризисы. Государства разрабатывают механизмы, позволяющие оперативно реагировать на такие вызовы. Например, создание стабилизационных фондов и механизмов хеджирования валютных рисков позволяет минимизировать негативное воздействие внешних факторов на экономику.

Также возрастает роль мониторинга и анализа финансовых процессов. Использование больших данных (Big Data) и аналитических инструментов позволяет прогнозировать тенденции и предотвращать возможные кризисы. Это требует внесения изменений в законодательство, касающееся конфиденциальности данных и их использования в финансовых целях [6, с.198].

Перспективы развития финансовых правоотношений предполагают создание гибкой и адаптивной правовой системы, способной учитывать новые реалии [7, с.54]. Основное внимание должно быть уделено следующим направлениям:

–обеспечение безопасности цифровых финансовых операций: защита данных, предотвращение киберугроз, борьба с мошенничеством;

–регулирование цифровых активов: создание правовой базы для криптовалют, токенов и других цифровых финансовых инструментов:

–поддержка устойчивого развития: стимулирование "зеленых" и социальных инвестиций через разработку соответствующих правовых норм;

–усиление международного сотрудничества: гармонизация норм и стандартов в рамках глобальной финансовой системы;

– инклюзивность финансовой системы: обеспечение равного доступа к финансовым ресурсам для всех категорий граждан и организаций.

В конечном итоге, развитие финансовых правоотношений должно быть направлено на создание эффективной, устойчивой и справедливой финансовой системы, которая сможет справляться с вызовами современности и обеспечивать экономическое развитие в долгосрочной перспективе.

Финансовые правоотношения занимают ключевое место в правовой системе любого государства, играя важную роль в обеспечении экономической стабильности и

социальной справедливости. В условиях глобализации и технологических изменений они требуют постоянного совершенствования и адаптации. Разработка и внедрение современных правовых норм позволяют эффективно регулировать финансовые процессы, обеспечивать защиту интересов всех участников и поддерживать устойчивость финансовых рынков.

В будущем роль финансовых правоотношений будет только расти, поскольку мир сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Гибкость, прозрачность и последовательность в правовом регулировании являются ключевыми факторами, которые помогут обеспечить стабильность и развитие финансовой системы как на национальном, так и на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибаев Р.К. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине Финансовое право» для направления подготовки «Юриспруденция», профилей «Гражданское право», «Уголовное право». - Махачкала: ДГУНХ, 2020.- 72 с.

2. Лобачев С., Шепелева Е. В. Финансовое правоотношение: теоретико-правовая характеристика и проблемы реализации // https://scilead.ru/article/1087-finansovoe-pravootnoshenie-teoretiko-pravovay (дата обращения 09.11.2024)

3. Семёнова К.А., Цыбикжапова А.В. Финансовые правоотношения // Экономика и социум. 2021. №1-2 (80). С.3-12

4. Ткебучава Е.Б. Финансовые правоотношения и правовое регулирование // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. №4 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-pravootnosheniya-i-pravovoe-regulirovanie (дата обращения: 12.11.2024).

5. Шапсугова М. Д. Финансовые отношения как объект финансовой деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-otnosheniya-kak-obekt-finansovoy-deyatelnosti (дата обращения: 10.11.2024)

6. Коробейникова, К. В. О правовом регулировании использования документов в цифровой форме / К. В. Коробейникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 198-204

7.Сынкова, Е. М. Роль Федеральной службы по финансовому мониторингу в обеспечении экономической безопасности российского государства / Е. М. Сынкова, А. Н. Сосновский // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. – С. 54-57.

MODERN FEATURES OF FINANCIAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the relevance of financial relations in the Russian Federation as an essential component of the economic system. It analyzes the legal mechanisms ensuring the balance of interests of participants, issues of responsibility for violations, and the prospects for further research.
Keywords: financial relations, regulation, responsibility, economy, law.

Mikhailin D.Y.
Scientific adviser: Synkova E.M. Head of the Department of Administrative and Financial Law, Professor
E-mail: taltaldavid@mail.ru

УДК 343.61

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ЖИЗНЬ» И «ЗДОРОВЬЕ» КАК ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Михайлова А.Г.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., канд.юрид.наук, доцент,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения категорий «жизнь» и «здоровье» как объектов уголовно-правовой охраны. Анализируются различные подходы к определению начала и окончания жизни, а также связи этих понятий с уголовной ответственностью за совершение преступлений против жизни и здоровья. Внимание уделяется также медицинским и юридическим критериям, которые используются для установления факта жизни и смерти в уголовном праве.
Ключевые слова: жизнь, здоровье, объекты уголовно-правовой охраны.

Вступление. Актуальность исследования заключается в необходимости дальнейшего осмысления и уточнения правового содержания данных понятий в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. Жизнь и здоровье являются фундаментальными ценностями, которые охраняются на уровне норм Конституции РФ, а также международных актов, ратифицированных Россией. Проблематика уголовно-правовой охраны этих объектов приобретает особое значение в связи с актуальными вызовами современности, такими как рост преступлений против жизни и здоровья граждан, а также правовых и этических проблем, возникающих в ходе правоприменительной практики.

Проблематике правовой природы категорий «жизнь» и «здоровье» как объектов уголовно-правовой охраны уделяли свое внимание следующие авторы: И.Г. Валентинавичюте, Г.О. Гавырин, Ю.В. Калита, Б.В. Сидоров, Е.В. Тищенко, Г.А. Ушакова и др. Тем не менее, несмотря на значительный вклад перечисленных исследователей, многие аспекты правовой природы данных категорий остаются недостаточно проработанными. В частности, отсутствует единое понимание границ охраны жизни и здоровья в уголовно-правовом аспекте, а также подходов к определению их соотношения с другими объектами уголовно-правовой защиты.

Целью исследования является комплексный анализ подхода к определению категорий «жизнь» и «здоровье» как объектов уголовно-правовой охраны в Российской Федерации.

Основная часть. Объект преступления представляет собой охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым причиняется вред либо создается угроза его причинения в результате совершенного преступления [1, с. 320]. Как обязательный элемент состава преступления, он играет ключевую роль в определении характера и степени общественной опасности противоправного деяния. Установление объекта преступления необходимо для квалификации каждого случая совершения общественно опасного деяния.

Проблема определения объекта преступления против жизни, включая убийство, вызывает дискуссии в науке уголовного права. Отсутствие единого подхода к данной категории порождает множество теоретических и практических вопросов. Так, часть авторов считает, что непосредственным объектом убийства являются общественные отношения, направленные на охрану жизни человека. В частности, Б.В. Сидоров утверждает, что убийство посягает, прежде всего, на права личности, а не на общественные отношения, обозначая право на жизнь непосредственным объектом преступления [1, с. 150]. В противоположность этому Ю.В. Калита полагает, что объектом убийства выступают общественные отношения, охраняющие жизнь. Он

подчеркивает, что под терминами «жизнь» и «здоровье» следует понимать совокупность общественных отношений, связанных с охраной личности [2, с. 113].

Подход, ограничивающийся признанием охраняемым объектом лишь общественных отношений, по их мнению, противоречит этическим принципам и законодательным нормам. Более убедительным видится взгляд на жизнь человека как на самостоятельную социальную, духовную и биологическую ценность, утрата которой делает преступление против жизни особенно значимым.

Не менее важным является определение временных рамок начала и окончания жизни, поскольку это непосредственно влияет на квалификацию деяния как преступления против жизни. В юридической и медицинской литературе существуют различные точки зрения на эту проблему. Например, И.Г. Валентинавичюте полагает, что жизнь начинается с момента, когда организм ребенка становится способным к самостоятельному функционированию, полностью отделившись от матери [3, с. 118]. Однако подобный подход противоречит положениям ст. 106 УК РФ [4], которая устанавливает ответственность за убийство ребенка матерью сразу после родов или во время них.

С биологической точки зрения моментом начала жизни является слияние ядер половых клеток [5, с. 42]. Однако такой подход, подразумевающий признание аборта на любом сроке беременности прекращением жизни человека, не соответствует современным уголовно-правовым стандартам. С уголовно-правовой точки зрения наиболее обоснованной представляется позиция Г.А. Ушаковой, согласно которой началом жизни следует считать момент возникновения физиологических схваток, свидетельствующих о готовности плода к самостоятельному существованию [5, с. 6]. Такой подход позволяет более обоснованно разграничивать охрану жизни человека и плода в рамках уголовного права.

Нормативное определение момента начала жизни закреплено в ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6] и связывается с моментом отделения плода от организма матери посредством родов. Медицинские критерии живорождения определены в Приказе Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [7]. Данные критерии, которые используются для определения начала жизни и жизнеспособности новорожденных, включают несколько ключевых факторов. Во-первых, срок беременности должен составлять 22 недели и более, что является минимальным порогом для признания ребенка жизнеспособным. Во-вторых, масса тела ребенка при рождении должна быть не менее 500 грамм, хотя в случае многоплодных родов эта цифра может быть ниже, если масса тела одного из плодов составляет менее 500 грамм. В-третьих, критерий длины тела ребенка при рождении также важен, и он должен составлять 25 см или более, если масса тела ребенка неизвестна.

Кроме того, существуют дополнительные критерии, которые применяются в случае, если ребенок рождается раньше срока или с низким весом. В таких случаях срок беременности может быть менее 22 недель, масса тела – менее 500 грамм, или длина тела – меньше 25 см, однако при условии, что ребенок выживает и живет более 168 часов (7 суток) после рождения, такие факторы могут быть приняты во внимание для признания его жизнеспособным. Данные критерии помогают более точно установить момент начала жизни с правовой и медицинской точки зрения.

Признаками живорождения являются дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того, была ли перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Таким образом, началом жизни, а, следовательно, и началом уголовно-правовой охраны жизни признается момент отделения новорожденного от организма матери, что подтверждает его физиологическую

готовность к самостоятельной жизни. Данный подход наиболее соответствует действующему уголовному законодательству.

Момент окончания жизни, то есть момент смерти, нормативно закреплен в статье 9 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [8]. Он определяется как необратимая гибель всего головного мозга (смерть мозга), которая свидетельствует о прекращении жизненно важных функций организма. Такое определение обеспечивает юридическую точность установления момента окончания жизни для целей уголовно-правовой охраны.

Говоря о здоровье следует отметить, что оно представляет собой основную жизненную ценность человека и важнейшее благо, без которого невозможно полноценное существование. Оно служит базой для всей человеческой деятельности, включая социальные взаимодействия, получение образования, выбор профессии, трудоспособность и личные увлечения. Здоровье наряду с жизнью, являясь первоосновой всех других благ, подлежит охране со стороны государства.

Оно защищается нормами различных отраслей права. Согласно ст. 41 Конституции РФ, каждому обеспечивается право на охрану здоровья и медицинскую помощь [9]. Уголовное право предусматривает самые строгие меры ответственности за преступления против здоровья, признаки которых содержатся в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья».

Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей в результате воздействия внешних факторов: физических, химических, биологических или психических. Нарушение анатомической целостности выражается в ранениях и переломах, а нарушение физиологических функций – в параличе, утрате зрения, способности к деторождению и других подобных последствиях. Например, Е.В. Тищенко рассматривает телесное повреждение в широком смысле, включая любые физические страдания [10, с. 85]. Тогда как, Г.О. Гавырин отличает телесное повреждение как посягательство на целостность тела, а насилие над личностью – как причинение физической боли без нарушения этой целостности [11, с. 6]. Таким образом, в уголовно-правовой науке отсутствует единое определение телесного повреждения, что приводит к различным подходам в его понимании и квалификации.

В современной литературе признается, что составы преступлений в УК РФ строятся в зависимости от тяжести причиненного вреда. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью, включают нарушение анатомической целостности или физиологических функций органов и тканей. Однако для понимания причинения вреда здоровью как уголовно наказуемого деяния необходимо учитывать такие признаки, как общественная опасность, противоправность и виновность.

Как отмечает В.В. Полянская, причинение вреда здоровью представляет собой противоправное, умышленное или неосторожное воздействие, повлекшее нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций [12, с. 352]. Оно может быть вызвано механическими, физическими, химическими, биологическими или психическими факторами внешней среды, что приводит к заболеваниям или патологическим состояниям. Такое определение охватывает как юридические, так и медицинские аспекты причинения вреда здоровью.

Вред, нанесенный здоровью человека, классифицируется по степени тяжести: тяжкий вред здоровью, средней тяжести вред здоровью и легкий вред здоровью.

Медицинские критерии определения тяжкого вреда включают в себя такие признаки, как опасность для жизни, потеря зрения, речи, слуха, утрата органа или его функции, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией или токсикоманией, а также неизгладимое обезображивание лица.

Например, вред, опасный для жизни, включает проникающие ранения, тяжелые ожоги, массивную кровопотерю и другие состояния. Такие повреждения всегда квалифицируются как тяжкий вред, вне зависимости от их последствий после медицинской помощи.

Отсутствие перечисленных признаков позволяет квалифицировать деяние как причинение вреда средней тяжести. Однако необходимо учитывать, что для этого недостаточно только отсутствия опасности для жизни. Вред также не должен сопровождаться другими последствиями, характерными для тяжкого вреда, такими как утрата зрения, речи, слуха или функций органов. Например, временная утрата функций органа не относится к тяжкому вреду.

Особое внимание уделяется квалификации случаев, связанных с утратой профессиональной трудоспособности. Если потерпевший лишается возможности выполнять свою профессиональную деятельность, это может быть основанием для квалификации как тяжкого вреда. Однако для этого нужно доказать, что виновный осознавал такие последствия и желал их наступления или допускал их возможность.

Прерывание беременности, вызванное действиями виновного, всегда рассматривается как тяжкий вред здоровью. При этом срок беременности значения не имеет. Аналогичным образом квалифицируются психические расстройства, заболевание наркоманией или токсикоманией, неизгладимое обезображивание лица. Например, для признания обезображивания лица неизгладимым суд учитывает не только медицинские, но и эстетические критерии, а также обстоятельства дела.

Уголовный кодекс РФ в ст. 112 предусматривает ответственность за умышленное причинение вреда средней тяжести. Под таким вредом понимается состояние, не опасное для жизни, не влекущее квалифицирующих признаков тяжкого вреда, но вызывающее длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Для квалификации вреда как средней тяжести необходимо установить ряд признаков: отсутствие угрозы для жизни, отсутствие последствий, характерных для тяжкого вреда, наличие длительного расстройства здоровья или значительной стойкой утраты общей трудоспособности. При этом, если хотя бы один из критериев тяжкого вреда будет подтвержден, причинение вреда уже не может быть отнесено к средней тяжести.

Признаки средней тяжести включают отсутствие опасности для жизни, отсутствие последствий, характерных для тяжкого вреда, длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату трудоспособности в пределах 10–30%. Длительное расстройство здоровья определяется как временная утрата трудоспособности на срок более 21 дня.

Умышленное причинение легкого вреда здоровью, признаки которого предусмотрены ст. 115 Уголовного кодекса РФ, заключается в нанесении вреда, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату общей трудоспособности потерпевшего.

Кратковременное расстройство здоровья характеризуется временным нарушением функций органов или систем организма, сопровождающимся временной нетрудоспособностью продолжительностью до 21 дня с момента получения травмы.

Незначительная стойкая утрата общей трудоспособности определяется как ее снижение менее чем на 10%, при этом степень утраты способности к труду устанавливается на основании специальных нормативных таблиц. К легкому вреду здоровью относят потерю пальца руки (за исключением большого и указательного), частичное ослабление зрения, слуха или голоса, незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, раневые повреждения, ожоги небольших участков кожи,

травматическую потерю зубов, растяжение связок, вывихи, переломы мелких костей и иные аналогичные повреждения.

Выводы. Таким образом, определение категорий «жизнь» и «здоровье» как объектов уголовно-правовой охраны определяется их высшей ценностью, признаваемой как обществом, так и государством. Жизнь является основополагающим объектом, охраняемым уголовным правом, и отражает биологическую, социальную и духовную ценность человека, а ее утрата делает преступления против жизни наиболее значимыми с точки зрения общественной опасности. Здоровье, наряду с жизнью, является основой полноценного существования человека, и его охрана лежит на государстве.

Дискуссии относительно объекта преступлений против жизни указывают на различие подходов: часть исследователей рассматривают жизнь как самостоятельный объект, а другие – как совокупность общественных отношений, связанных с охраной личности. Однако наиболее обоснованным является подход, признающий жизнь самостоятельной ценностью, что соответствует как этическим принципам, так и уголовному законодательству.

Определение начала и окончания жизни играет ключевую роль в разграничении состава преступлений. Законодатель устанавливает началом жизни момент физиологического отделения новорожденного от организма матери, а окончанием – смерть мозга, что обеспечивает четкие критерии уголовно-правовой охраны.

Здоровье охраняется уголовным правом от любого посягательства, включая умышленные и неосторожные действия, наносящие физический или психический вред. Признаки данных преступлений содержатся в главе 16 УК РФ, а степень тяжести вреда определяется медицинскими и юридическими критериями. Объединение охраны жизни и здоровья в одной главе Уголовного кодекса РФ подчеркивает их взаимосвязь и значимость в системе ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харабара, И.В. Объект преступления и его виды / И.В. Харабара // Образование и право. – 2020. – №6. – С. 318-323.
2. Сидоров, Б.В. Убийство в системе посягательств на жизнь человека и вопросы совершенствования уголовного законодательства / Б.В. Сидоров // ВЭПС. – 2012. – №2. – С. 149-156.
3. Калита, Ю.В. Жизнь как объект уголовно-правовой охраны / Ю.В. Калита // Молодой ученый. – 2017. – №41 (175). – С. 112-114.
4. Валентинавичюте, И.Г. К вопросу об определении момента начала жизни: медицинские и правовые критерии / И.Г. Валентинавичюте // Молодой ученый. – 2019. – №26 (264). – С. 117-119.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Российская газета от 18 июня 1996 г. № 113.
6. Еремеева, О. И. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека / О.И. Еремеева // Инновационная наука. – 2016. – №3-2 (15). – С. 40-44.
7. Ушакова, Г.А. Современные представления о механизмах развития родовой деятельности. Обзор / Г.А. Ушакова // МиД. – 2016. – №2. – С. 4-10.
8. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета от 23 ноября 2011 г. № 263.
9. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 16 января 2013 г. N 7н «О внесении изменений в приложения N 1 и N 3 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. N 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Российская газета от 3 апреля 2013 г. № 71.
10. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета от 9 января 1993 г. № 4.
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.
12. Тищенко, Е.В. К вопросу об объекте причинения вреда здоровью / Е.В. Тищенко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2015. – №S7. – С. 84-87.
13. Гавырин, Г.О. Насилие как способ посягательства на здоровье личности / Г.О. Гавырин // АВБсП. – 2016. – №4. – С. 5-7.

14. Птицына, А.П. Понятие и виды преступлений против здоровья. Общие признаки преступлений против здоровья. Причинение вреда здоровью человека / А.П. Птицына // Молодой ученый. – 2022. – №3 (398). – С. 351-354.

THE LEGAL NATURE OF THE CATEGORIES «LIFE» AND «HEALTH» AS OBJECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Annotation. The article examines the problem of the legal nature of the categories «life» and «health» as objects of criminal law protection. The article analyzes various approaches to the definition of the beginning and end of life, as well as the relationship of these concepts with criminal responsibility. Attention is also paid to the medical and legal criteria that are used to establish the fact of life and death in criminal law.
Key words: life, health, objects of criminal law protection.

Mikhailova A.G.
Scientific supervisor: Semykina L.A., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: ar.mihailowa2017@yandex.ru

УДК 347.440.52

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛЕАТОРНЫХ СДЕЛОК И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Натарина В.С.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе исследована гражданско-правовая категория «алеаторные сделки», ее отличительные черты и признаки, проведен комплексный теоретико-правовой анализ положений об алеторных сделках в гражданском праве, а также проанализировано ее историческое развитие в рамках зарубежного и отечественного права. Выявлены проблемы их правового регулирования в Российской Федерации и разработаны пути их решения в качестве предложений в гражданское законодательство.
Ключевые слова: алеаторность, алеаторная сделка, риск, неопределенный случай, договор.

Важной составляющей науки и дисциплины гражданского права является институт договорного права, в котором рассматриваются и раскрываются общие положения о сделке и определяются характерные черты договоров, существующих на сегодняшний день. Как известно, сделки классифицируются на множество видов, но мы обратим внимание лишь на один из них, которому противопоставляются меновые договоры – это алеаторные сделки. В последнее время интерес к ним цивилисты проявляют все интенсивнее, поскольку одновременно с их выделением в качестве самостоятельного вида сделок возникает множество пробелов в понимании их отличительных черт и признаков, а также проблем, связанных с их гражданско-правовым регулированием.

Данное исследование стоит начать с истоков и первых упоминаниях об алеаторности в обществе. Само слово «алеаторный» и термин «алеаторная сделка» произошли от латинского слова «alea», которое переводится как жребий, игральная кость, риск, случайность, азартная игра. Кроме того, всем известно латинское выражение alea iacta est – жребий брошен. Соответственно, о рисковых правоотношениях человечеству известно еще со времен Древнего Рима. Отечественный ученый Н. Б. Щербаков в своих трудах рассматривал и другие фразы из древнеримского лексикона, которым мы обязаны современному понятию «алеаторной сделки», – это две разновидности купли-продажи: emptio spei и emptio rei speratae.

Emptio rei speratae заключался до возникновения права собственности на вещь у продавца, но вступал в силу (причем, с обратным действием, т.е. с момента заключения договора) только при возникновении вещи и, соответственно, права на нее у продавца; оплата осуществлялась также лишь при возникновении будущей вещи. Поэтому невозникновение вещи влекло недействительность договора как не имеющего объекта [16, с. 1-2]. То есть, в данном случае, именно неопределенность в удовлетворении интересов покупателя (получение товара) или продавца (получение оплаты за товар), зависящая от того, вырастет ли вещь (плоды растений, будущие дети рабов), является проявлением алеаторности такой сделки.

Что касается другой разновидности купли-продажи – emptio spei, то к нему относили договор купли-продажи будущего улова рыбы, в котором изначально определенная цена будущего улова не зависит от результатов последнего. При этом важно, что в отличии от emptio rei speratae, здесь договор вступал в силу в момент его совершения. Если рыбалка не принесет улова, покупатель все равно обязан уплатить установленную цену; то же происходит и в случае, если цена улова будет менее или более цены договора [16, с. 2]. Алеаторность в этом случае проявляется именно в том факте, что покупатель, уплачивая цену, испытывает определенный риск, поскольку не знает, сколько рыбы он получит и получит ли ее вовсе. Поэтому объектом такого

договора является надежда (шанс, риск), что подтверждается словами Помпония в Дигестах Юстиниана: «…купля считается совершенной, если ничего не будет получено, так как имеется покупка надежды (alea emitur) …» (D. 18.1.8) [9, с. 565].

Еще один пример использования римлянами алеаторных сделок рассматривает Т. И. Султанова. В ее научной работе упоминается об алеаторном заеме – особом виде процентного займа, где кредитор, давая деньги взаймы, соглашается на то, что он сохраняет право требовать возврата валюты только при известных условиях. В случае ненаступления их он теряет обозначенное право. Принимая на себя, таким образом, в тех или иных пределах риск, periculum, кредитор, взамен этого, в качестве премии, periculi pretium, имеет право выговорить для себя процент выше нормального. В доюстиниановском праве для этих случаев не существовало никакого законного максимума, Юстиниан установил для них законный максимум в 12% [15, с. 142].

В современном гражданском праве, как и тогда, в древности, люди прибегают к заключению алеаторных сделок в повседневности, обыденной жизни, когда, несмотря на риски и неопределенность, им необходимо устанавливать правоотношения с другой стороной и надеяться на их положительный результат. Распространенными на сегодняшний день сделками, которые в доктрине принято считать алеаторными, являются рента, страхование, контрактация, игры и пари, биржевые и иные договоры, исход которых не известен и не может быть обговорен изначально, поскольку он зависит от наступления неопределенного случая.

Тема, выбранная для настоящего исследования, является довольно спорной и не образует единой точки зрения среди ученых. Все дело в том, что классификация сделок на алеаторные как в научных, так и в учебных трудах носит в основном поверхностный характер. В то же время, цивилисты, исследующие детально этот вопрос, не могут прийти к выделению общего понятия алеаторности и алеаторной сделки, поскольку рассматривают его с двух противоположных позиций – с точки зрения рискового характера либо через наличие неизвестного случая, от которого зависит получение выгоды у сторон. Об этом говорят А. О. Бирюкова и О. И. Грейдин, делая вывод, что в цивилистике авторы свободно выбирают признак, характеризующий алеаторность, и при его наличии относят тот или иной договор к алеаторному, или произвольно на основании изученных материалов выводят признаки алеаторности и подбирают перечень алеаторных сделок [4, с. 128]. Кроме того, как верно отмечает М. И. Смирнова, целостного исследования рассматриваемого института не существует, а большинство научных исследований привязаны к рассмотрению определенных видов договоров и возможности отнесения их к алеаторным сделкам, основываясь на вероятностном риске для сторон правоотношения, а также опираясь на некоторые его признаки: неопределенность для сторон правоотношения; альтернативность решений и событий, которые могут повлиять на наступление тех или иных последствий; вероятностный характер исхода сделки [14, с. 695].

В таком случае мы считаем, что наиболее верным будет являться проведение характеристики алеаторных договоров через присущие им возможность наступления неопределенного случая, от чего и зависит результат сделки и «выигрыш» одной из сторон, а также риски, ведь стороны изначально знают о том, что положительный итог не может ждать всех участников правоотношений. Такой «двойной» концепции придерживался и К. П. Победоносцев: под алеаторными сделками он понимал такое соглашение, которое «основано исключительно на риске, что по цели и намерению сторон конечный результат договора, материальная ценность его, поставлены в зависимость от события, совершенно не известного или случайного, или только вероятного, так что при заключении его совершенно не известно, которая сторона в конечном результате выиграет, получит большую выгоду» [11, с. 31].

В силу того, что алеаторным сделкам, как было выявлено выше, присущ рисковый характер, многие авторы считают синонимами алеаторные и рисковые сделки. Однако, И. В. Миронов предполагает, что отождествление алеаторных и рисковых правоотношений затрудняет понимание правовой природы этих сложных явлений, поскольку алеаторные и рисковые правоотношения, скорее всего, представляют собой различные виды правоотношений [17, с. 4].

Мы также придерживаемся такой позиции и считаем, что рисковые и алеаторные сделки выступают в качестве совершенно обособленных друг от друга разновидностей сделок, которые, тем не менее, имеют тесную связь и соотносятся между собой как род и вид. И. В. Миронов также считает, что риск, присутствующий в игре, пари и страховании значительно отличается от риска, имеющегося в других правоотношениях. Его исследование позволило назвать риски трех видов:

1. Риск случайный, т.е. риск случайной гибели имущества.
2. Риск предпринимательский, т.е. риск, вытекающий из какой-либо деятельности.
3. Риск обязательный, т.е. риск, вытекающий из какой-либо игры.

Все эти виды рисков встречаются в гражданском праве и, в том числе, в алеаторных правоотношениях. Но только один из них является характерным для страхования, игры и пари – это обязательный риск. Риск, по общему мнению – это возможная опасность случайного наступления отрицательных последствий. Это определение подходит ко всем рискам, кроме обязательного, потому что игрок обязательно несет опасность имущественной потери своего взноса в результате случайного наступления отрицательных последствий, т.е. проигрыша [17, с. 145-146].

Кроме того, как рассуждает А. И. Милихина, «не все рисковые сделки относятся к категории алеаторных, тем не менее, основой всех алеаторных сделок выступает признак рискованности и возможности несения имущественных потерь» [18, с. 7]. В силу этого, у нас не остается сомнений, что весьма спорным остается мнение о единообразии рисковых и алеаторных сделок и это, несомненно, влияет на понимание алеаторной сделки как таковой.

Вышеуказанные теоретические пробелы, которые никак не разрешились в результате многочисленных попыток ученых обобщить полученные знания об алеаторных правоотношениях, сказались и на судебных доктринах многих стран, в том числе и на отечественной судебной практике. К примеру, в Решении Приокского районного суда г. Нижний Новгород от 22 июня 2017 г. по делу № 2-1414/2017 договор страхования рассматривается как алеаторная (рисковая) сделка, т.е., в течение срока действия договора страхования страховщик обеспечивает страхователю страховую защиту, в случае возникновения в жизни страхователя страхового случая, страховщик будет обязан осуществить в его пользу выплату страхового возмещения [3]. Соответственно, единого мнения в ней также не сложилось. Такая же проблема существует и в законодательстве.

В странах англо-саксонской правовой семьи термин «алеаторные сделки» не встречается. Единственная отсылка к такой разновидности – упоминание о том, что все договоры, направленные на игру или пари, ничтожны и недействительны (свойственно английскому гражданскому праву). В США же, по общему правилу, азартные игры запрещены, но заключенные в рамках закона договоры, связанные с принятием на себя риска, допускаются.

Закрепление легального понятия алеаторной сделки (договора) свойственно лишь некоторым странам романо-германской правовой семьи. К примеру, в гражданском законодательстве Франции (в статье 1964 Кодекса Наполеона) под такой сделкой понимается «двустороннее соглашение, последствия которого, касающиеся выгод и убытков либо для всех сторон, либо для одной или нескольких из них, зависят от

неизвестного события» [6, с. 495]. В других переводах такой договор также называют рисковый.

Однако, в силу французского Кодекса потребительского права, существуют некоторые ограничения на алеаторные договоры, особенно в отношении их рекламы и коммерческой привлекательности. Если оказывается, что алеаторный договор содержит нечестные или недостаточные условия, суд может признать его недействительным или сделать его частично недействительным. Кроме того, французское право оставляет возможность для суда оценивать справедливость или разумность выплат, основанных на алеаторных условиях, чтобы избежать несправедливых результатов [7, с. 168]. Таким образом, важным требованием для алеаторных договоров во Франции является их соответствие общим требованиям законодательства; в остальном такие сделки разрешены и урегулированы на законодательном уровне, а значит, что в случае споров между сторонами суд будет опираться на легальное толкование таких правоотношений и выносить более справедливое и законное решение.

Говоря о законодательном закреплении понятия и сущности алеаторных сделок, стоит указать и на Гражданский Кодекс Квебека, в ст. 1382 которого даны понятия менового и, в противовес ему, алеаторного договоров: «Меновым является договор, при заключении которого объем обязанностей сторон и размер приобретаемой ими взамен пользы является конкретным и определенным. Договор является рисковым, если объем обязанностей сторон или размер приобретаемой ими пользы является неопределенным» [8, с. 221]. Но здесь также заметно отождествление рисковых и алеаторных договоров, что, как мы выяснили, весьма противоречиво.

Что касается правового закрепления положений об алеаторных сделках в Российской Федерации (далее – РФ), то в настоящий момент в законодательстве нет ни единого упоминания о них. Однако, известно, что отечественные юристы, взяв за основу исследования зарубежных ученых, стремились как можно глубже изучить и урегулировать данные правоотношения в своем законе, начиная со времен дореволюционной России.

В частности, при создании Проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. были исследованы гражданские кодексы зарубежных стран и работы зарубежных коллег, в том числе Французский гражданский кодекс 1804 г., материалы германских комиссий по созданию проекта Германского гражданского уложения и впоследствии само Германское гражданское уложение 1896 г. Результатом использования иностранных гражданских кодексов стали не только ссылки на них под статьями Проекта Гражданского уложения, но и сами статьи в книгах III «Вотчинное право» и V «Обязательственное право», копирующие содержание некоторых иностранных гражданских кодексов, в первую очередь, вышеупомянутых цивилистических кодексов Франции и Германии [5, с. 11].

В пояснениях к Главе XXII «Игры и пари» Проекта Гражданского уложения указано, что «рисковые или зависящие от случая договоры отличаются от других договоров присущим им элементом риска, так как исход их поставляется в зависимость от условленного случайного обстоятельства» [12]. Редакционная комиссия, созданная для составления Проекта и состоящая из ученых и судей Сената, в качестве такого рода договоров выделяла азартные игры, пари, лотереи, пожизненную ренту и страхование.

Более подробно исследуя Комментарии к Проекту Гражданского уложения, Т. Ф. Мадагаева обращает внимание на точку зрения составителей, которые, проводя сравнение рисковых договоров с меновыми, объясняли, что в обычном двустороннем договоре обе стороны принимают на себя обязательства по отношению друг к другу, и каждая становится одновременно должником и верителем. Напротив, при заключении договора, основанного на случае, стороны тоже дают друг другу обещание что-либо передать или сделать, при этом права и обязанности одной стороны не

уравновешиваются правами и обязанностями другой стороны. При рисковом договоре одна сторона может сделаться исключительно верителем, другая – исключительно должником.

При этом составители не исключали ситуацию, при которой в рисковом договоре на долю каждой из сторон могут быть возложены права и обязанности. Но даже в этом случае в рисковом договоре распределение между сторонами как прав, так и обязанностей будет зависеть «не от соглашения сторон, как при обыкновенных двусторонних договорах, а от наступления или ненаступления условленного случайного обстоятельства, т. е. от случая» [10, с. 45]. То есть, в этих положениях объясняется специфический характер алеаторных сделок, отличающий их от других договоров: результат сделки всегда один – выгоду может получить только одна из сторон, другой участник «проигрывает». И это зависит не от изначальных договоренностей, а от случая, о возможности наступления которого участники правоотношений уведомлены изначально. Примером такого неизвестного или вероятного случая по договору страхования является страховой случай, который, согласно ст. 9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации», определяется как вероятное или случайное произошедшее событие, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам [2]. Соответственно, в случае, если страховой случай не произойдет, то страховщик не будет производить соответствующую выплату страхователю. Тем самым итог сделки имеет взаимоисключающее значение и влияет на возникновение у сторон тех или иных прав и обязанностей.

Таким образом, в Проекте Гражданского уложения, который до сих пор считается достойным цивилистическим памятником Российской империи, были достаточно развернуто охарактеризованы сделки, сегодня называемые алеаторными. Уже тогда группу рисковых договоров определяли через призму риска и возникновения неопределенного случая, чему, возможно, поспособствовало заимствование норм зарубежного гражданского права и опыта европейских юристов. Однако, несмотря на проведенную колоссальную работу и выработку огромного количества новых правил, Проект так и не был одобрен и утвержден Государственной Думой, в силу чего определение алеаторных сделок так и не было закреплено на законодательном уровне.

После этого, в советский период, легального понятия алеаторной сделки тоже не было выявлено. Отечественные ученые продолжали исследовать и характеризовать алеаторные (рисковые) сделки в своих работах, но делали это поверхностно или в рамках отдельных договоров, которым, по их мнению, был присущ риск.

В современной России алеаторные договоры признаются как доктриной, так и судебной практикой. Но в последней при разрешении споров в данной сфере суды прибегают к вынесению собственных характеристик алеаторных договоров и применению общих положений Гражданского Кодекса РФ (например, ст. 432, в которой содержатся стандартные правила для признания сделки заключенной: между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, должно быть достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора; договор заключается посредством направления оферты одной из сторон и ее акцепта другой стороной; ст. 433, в которой установлен момент заключения сделки; ст. 434, где указаны возможные формы заключения договора и т.д. [1]), а также специальных норм, предназначенных для рассматриваемого договора. Отсюда следует, что, поскольку в советское время не было получено достаточного судебного опыта для эффективного правового регулирования данных сделок, суды, столкнувшись с разрешением споров, основанных на риске, попали в условия отсутствия правовой регламентации данных правоотношений [13, с. 175].

Подводя итог проведенному теоретико-правовому и историческому исследованию формирования положений об алеаторных сделках, мы приходим к выводу, что полное

отсутствие их правового регулирования в нашей стране носит лишь отрицательный эффект. Однако, данному факту есть и справедливая причина: в большинстве стран мира до сих пор также на законодательном уровне не урегулирован рассматриваемый правовой институт. Все дело, как мы выяснили, в специфике конструкции самой сделки. Даже в доктрине ученые не способны прийти к единому мнению касаемо характеристик алеаторных договоров и определяют их с точки зрения разных признаков, что нередко приводит к отождествлению таковых с рисковыми сделками, либо к неполному и нелогичному толкованию.

Опыт стран, в гражданском законодательстве которых закреплены положения об алеаторных сделках, законодатель пытался позаимствовать в прошлом, но попытка не увенчалась успехом.

Но сейчас, законодательство готово к преобразованиям. Во-первых, популярность сделок, относимых большинством авторов к роду алеаторных, непременно растет. К примеру, с помощью договора страхования с каждым годом появляется возможность застраховать все больше факторов, которые могут произойти в жизни каждого человека и люди, непременно, пользуются ею, несмотря на возможные риски. Стоит упомянуть и ренту. Если раньше она не пользовалась такой востребованностью, то сейчас люди все чаще используют этот договор и считают его выгодным, будь то постоянная, пожизненная рента, либо пожизненное содержание с иждивением. Азартные игры также можно считать распространенной алеаторной сделкой, особенно в разрешенных игровых зонах, а с появлением Интернета и возможностью принимать интерактивные ставки и выплаты по ним выигрышей организаторами азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах они становятся все более распространенным правоотношением среди граждан. Кроме того, не стоит забывать и о простых лотереях, в которых участвовали большинство из нас. Алеаторных сделок великое множество, и все они так или иначе происходят в жизни каждого. Несмотря на то, что вышеуказанные сделки урегулированы нормами гражданского права, нигде не упоминается о риске, который связан с их совершением. В связи с этим возникают пробелы в понимании их сущности, а также проблемы, связанные с их регулированием и защитой прав граждан, их заключивших.

Во-вторых, в теории, как мы выяснили, также существуют проблемы, связанные с одинаковым восприятием алеаторных договоров и выявлением их признаков, что возможно, также «задерживает» законодателя в принятии решения относительно единой концепции понимания таких сделок. Но с другой стороны, выделение в виде отдельной статьи положений об алеаторных сделках в Гражданском Кодексе РФ способствовало бы прекращению споров среди ученых и началу единого толкования алеаторных сделок не только в теории, но и в практической деятельности.

В-третьих, такие преобразования положительно сказались бы и на судебных разбирательствах. Если в настоящее время судебные решения касаемо таких договоров в большинстве случаев имеют противоречивый характер, то с легальным закреплением определения алеаторных сделок суды имели бы одинаковое представление о них и в своих решениях руководствовались бы законом, а не собственным мнением и предыдущим опытом, которые не всегда приводят к правильному и справедливому решению.

Таким образом, мы считаем необходимым внести поправки в действующий Гражданский Кодекс РФ. Предлагаем выделить положения об алеаторных сделках в рамках Главы 9 данного законодательного акта, в которой даны общие положения о сделках, их видах и формах. В данных нормах возможно будет также сослаться на договоры, конструкции которых будут на законодательном уровне признаны алеаторными. Этот способ правового регулирования алеаторных договоров, на наш взгляд, будет соответствовать всей структуре Гражданского Кодекса РФ и являться удобным для восприятия и толкования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 20.01.2025).

2. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 28.12.2024) // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 20.01.2025).

3. Решение Приокского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 22 июня 2017 г. по делу № 2-1414/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sudact.ru/regular/ (дата обращения: 20.01.2025).

4. Бирюкова, А. О., Грейдин, О. И. Алеаторные сделки: некоторые тенденции эволюции правовых концепций / А. О. Бирюкова, О. И. Грейдин // Гуманитарный научный вестник. – 2024. – №10 . С. 127-132.

5. Ербахаев, Е. А. История кодификации российского гражданского права (дореволюционный период) / Е. А. Ербахаев // Современная цивилистика. – 2019. – №1. – С. 5-13.

6. Захватаева, В. Н. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon): пер. с фр. / В. Н. Захватаева. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.

7. Кийко, А. Ю., Муромская, Н. Ю. К вопросу о понятии алеаторных договоров в российском гражданском праве / А. Ю. Кийко, Н. Ю. Муромская // Закон и право. – 2024. – №5. – С. 166-170.

8. Козырь, О. М., Маковская, А. Л. Гражданский кодекс Квебека: перевод с французского и английского / О. М. Козырь, А. Л. Маковская. – М.: СТАТУТ, 1999. – 472 с.

9. Кофанов, Л. Л. Дигесты Юстиниана: Перевод с латинского Т. III / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – 2-е изд., испр. – М.: «Статут», 2008. – 780 с.

10. Мадагаева, Т. Ф. Правовые подходы к определению понятия «Рисковый (алеаторный) договор» в науке гражданского права / Т. Ф. Мадагаева // Сибирский юридический вестник. – 2012. – №3. – С. 42-47.

11. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – М.: «Статут», 2003. – 622 с.

12. Саатчиан, А. А., Тютрюмов, И. М. Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов редакционной комиссии) / сост. А. А. Саатчиан; под ред. И. М. Тютрюмова. – Кн. 5. Обязательственное право. – СПб., 1910. – 1231 с.

13. Савенко, А. М. Алеаторные сделки в российском гражданском праве / А. М. Савенко // Молодой ученый. – 2019. – № 52 (290). – С. 174-176.

14. Смирнова, М. И. Тдельные вопросы правовой сущности алеаторной (рисковой) сделки в контексте российского и зарубежного права / М. И. Смирнова // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации). – 2022. – С. 689-695.

15. Султанова, Т. И. Правовая природа алеаторных договоров и их место в системе гражданско-правовых договоров / Т. И. Султанова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – №3. – С. 140-150.

16. Щербаков, Н. Б. Алеаторные сделки / Н. Б. Щербаков // О договорах. Сборник статей к юбилею В. В. Витрянского. – 2017. – С. 196-226.

17. Миронов, И. В. Проблемы алеаторных правоотношений в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Миронов Игорь Владимирович. – М., 1998 –163 с.

18. Милихина, А. И. Процессуальные особенности рассмотрения гражданско-правовых споров, возникающих из алеаторных сделок: автореферат магистерской работы: направление подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» / Милихина Александра Игоревна – М., 2020. – 14 с.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ALEATORY TRANSACTIONS AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. This paper examines the civil law category of "aleatory transactions", its distinctive features and attributes, conducts a comprehensive theoretical and legal analysis of the provisions on aleatory transactions in civil law, and analyzes its historical development in the framework of foreign and domestic law. The problems of their legal regulation in the Russian Federation have been identified and ways of solving them have been developed as proposals for civil legislation.

Keywords: aleatory, aleatory transaction, risk, indefinite case, contract.

Natarina V.S.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Process.
Donetsk State University
E-mail: natarinaviktoria@gmail.com

УДК: 342.718

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДВОЙНОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСТВА В РФ

Неласова О. В.
Научный руководитель: Кулакова Е.В., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Исследование сосредоточено на рассмотрении правового положения лиц, имеющих двойное или множественное гражданство, в рамках юрисдикции Российской Федерации. В работе тщательно проанализированы действующие нормативно-правовые акты с акцентом на ограничениях и запретах, установленных законодателем в отношении этой специфической категории граждан.
Особое внимание в исследовании уделено вопросу реализации избирательных прав гражданами России, имеющими также гражданство других государств. Проведенный углубленный анализ послужил основанием для разработки концепции Федерального закона «О правовом статусе лиц с множественным гражданством в Российской Федерации». Данная концепция содержит конкретные предложения и рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства и достижение большей гармонизации правовых норм, регулирующих данную сферу.
Ключевые слова: гражданство, двойное гражданство, множественное гражданство, лица с множественным гражданством.

В современной правовой системе России особое внимание уделяется регулированию вопросов гражданства. Конституция РФ, в частности статья 62 [1], предоставляет российским гражданам возможность иметь гражданство другого государства на основании федерального законодательства или международных соглашений. При этом важно отметить, что нормативные положения закона используют термины «двойное гражданство» и «гражданство иностранного государства», не затрагивая при этом понятие «множественное гражданство».

Заслуживает внимания точка зрения М. В. Мархгейма, который подчеркивает, что в контексте конституционной формулировки указанные категории фактически являются синонимами. [2, с.102].

Вместе с тем новый Федеральный закон № 138-ФЗ от 28 апреля 2023 [3] года внёс значительные изменения в правовое поле, чётко разграничив понятия «двойное гражданство» и «множественное гражданство». Несмотря на это, статус лиц, обладающих двойным или множественным гражданством, остался без изменений. Таким образом, хотя законодатель впервые провёл различие между этими категориями, практическое применение и правовое регулирование данных институтов пока сохраняет свою традиционную основу. Следовательно, вышесказанное позволяет говорить о постепенном развитии правовых подходов к регулированию вопросов мультигражданства в России, где акцент делается на балансе интересов как государства, так и его граждан.

Стоит обратить внимание на то, что, несмотря на то обстоятельство, что в современном законодательстве появилось новое понятие «множественное гражданство», его практическое применение по-прежнему основывается на тех же принципах, что и раньше, когда речь шла о двойном гражданстве.

Так, Российское государство рассматривает лиц с множественным гражданством исключительно как граждан РФ, поскольку отсутствуют необходимые международные соглашения с другими странами. Следовательно, вышеуказанное означает, что такие лица несут полный комплекс обязанностей перед Российской Федерацией, включая военную службу и уплату налогов. Однако, в случае двойного гражданства ситуация меняется: соответствующие международные договоры чётко регламентируют объём обязанностей гражданина перед каждой из стран.

Отдельно стоит отметить, что концепция «двойного гражданства» уже давно является предметом активных дискуссий среди экспертов в области государственного права. До недавнего времени в законодательстве не было четкого определения этого явления, что привело к появлению множества различных интерпретаций. Ученые предлагали свои варианты определений, пытаясь разграничить понятия «двойное гражданство», «множественное гражданство», «второе гражданство» и даже «спящее гражданство». Каждое из этих определений отражало индивидуальный взгляд исследователя на суть данного явления и его место в системе международного права.

В современной научной дискуссии наблюдается значительное разнообразие взглядов на рассматриваемый феномен, что обусловлено как его многогранностью, так и отсутствием универсальной терминологии. Так, согласно Авакьяну С. А., двойное гражданство следует понимать как ситуацию, при которой один человек одновременно является гражданином двух государств [4, с. 245]. Однако существуют и другие трактовки: например, Автономов А. С. раскрывает это понятие через принадлежность одного лица сразу нескольким (включая более двух) государствам.

Стоит отметить, что в последние годы все больше внимания уделяется вопросу целесообразности закрепления в законодательстве РФ такого термина, как «множественное гражданство». В этом контексте мнение Хлебуновой С. А. представляется особенно важным: она подчеркивает необходимость правового определения данного статуса, поскольку отсутствие соответствующих нормативных актов может негативно повлиять на развитие межгосударственных отношений [5, с. 25].

Отдельного внимания заслуживает позиция Аджбы Д. Д., который категорически против отождествления понятий «двойное» и «множественное гражданство», а также их различия исключительно по количественному признаку — наличие двух или более гражданств [6, с. 153]. Подобный подход, по мнению автора, упрощает сложную проблематику и не учитывает важные юридические и политические аспекты.

Таким образом, многообразие точек зрения на терминологию свидетельствует о необходимости глубокого изучения правовых механизмов регулирования двойного и множественного гражданства. Разработка единого подхода, учитывающего все особенности этого явления, станет важным шагом на пути к более эффективному международному сотрудничеству и защите прав лиц, имеющих несколько гражданств.

Стоит отметить, что в российском законодательстве недавно был достигнут важный прогресс в регулировании вопросов, связанных с гражданством. В частности, после принятия Федерального закона № 138-ФЗ от 28 апреля 2023 года «О гражданстве Российской Федерации» (далее - Закон о гражданстве) были чётко выделены такие понятия, как «двойное» и «множественное» гражданство. Важно отметить, что данное нововведение стало отражением актуальных научных дискуссий, касающихся данных правовых явлений.

Так, согласно статье 4 вышеуказанного закона, статус «двойного гражданства» присваивается только лицам, являющимся гражданами России и имеющим гражданство другого государства на основании международного договора между РФ и этим государством. Однако если гражданин РФ обладает вторым или дополнительным гражданством без соответствующего международного соглашения, его положение классифицируется как «множественное гражданство».

Однако, стоит отметить, что до принятия указанного закона в научной литературе часто использовался единый термин «двойное гражданство», который не всегда чётко отделялся от концепции «множественного гражданства». Новые изменения, внесённые в законодательную базу в 2023 году, потребовали более строгого разделения этих категорий. Теперь ключевым различием между ними становится наличие или отсутствие международных соглашений.

Таким образом, множественное гражданство может возникать по разным причинам и в зависимости от различных юридических ситуаций, в то время как двойное гражданство

фиксируется исключительно в рамках установленных межгосударственных соглашений. Введение таких различий способствует укреплению правовой определенности и снижению риска неоднозначной интерпретации правового положения граждан Российской Федерации, которые также являются гражданами других стран. Следовательно, благодаря этой нормативной корректировке создается более прозрачная система управления вопросами гражданства, что обеспечивает ясность и предсказуемость для всех участников процесса.

В современной правовой практике можно выделить основные причины появления двойного или множественного гражданства, которые удобно классифицировать на две группы. Первая связана с осознанным выбором человека, когда он намеренно подаёт заявление о получении второго гражданства в соответствующие государственные органы. В свою очередь, вторая группа предполагает автоматическое получение дополнительного гражданства без активных действий со стороны заинтересованного лица, например, в результате рождения на территории определённой страны.

В процессе развития законодательства о гражданстве становится актуальным использование специализированной терминологии для обозначения лиц, имеющих более одного гражданства. Так, целесообразно использовать понятия «бипатрид» для обозначения лиц с двойным гражданством и «полипатрид» - для тех, кто владеет несколькими гражданствами одновременно. Следует отметит, что вышеуказанное позволяет четко различать указанные формы правового статуса личности.

Необходимо подчеркнуть, что между двойным и множественным гражданством существует существенная правовая разница. В первом случае речь идет об официальном признании иностранного гражданства конкретным государством, что отражается на правовом положении такого гражданина.

Как отмечает Р. М. Дзидзоев, для России наличие иностранного гражданства имеет юридическую силу только в том случае, если оно закреплено международным договором или федеральным законом [7, с. 35].

Следует учитывать, что регулирование правового положения бипатридов и полипатридов должно осуществляться по разным принципам. Важно отметить, что к лицам с двойным гражданством применимы нормы международных соглашений, заключенных между соответствующими государствами.

По мнению Е. С. Смирновой, такие соглашения обязывают государства учитывать гражданство другой стороны и не требовать выполнения обязанностей, уже исполненных в другом государстве [8, с. 39].

Однако, стоит отметить, что в настоящее время практика заключения подобных соглашений в РФ остается ограниченной. Большинство россиян с иностранным гражданством относятся к категории полипатридов, поскольку их статус не имеет явного легального признания.

Множественное гражданство возникает фактически, без прямого утверждения со стороны государства, в отличие от двойного гражданства, которое требует официального согласования между странами. Непризнание Россией множественного гражданства создает правовые пробелы и затрудняет регулирование прав и обязанностей таких граждан. Их положение на территории РФ определяется разрозненными нормами различных правовых актов.

Закон о гражданстве предусматривает возможность установления ограничений для граждан с двойным или множественным гражданством, а также для лиц с видом на жительство в других странах. Следует отметить, что данные ограничения могут быть закреплены федеральными законами и подзаконными актами.

В современном правовом поле Российской Федерации можно наблюдать интересное явление: законодательные акты содержат прямые указания на регулирование положения лиц с двойным гражданством, в то время как вопросы, касающиеся лиц с множественным

гражданством, остаются практически неразработанными. Так, примером такого подхода может служить статья 21 закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года № 5485-1 [9], где порядок допуска к государственной тайне для лиц с двойным гражданством определяется постановлениями Правительства РФ. Однако в вышеуказанном законе нет аналогичных норм для лиц с двойным гражданством, что создаёт пробелы в правоприменительной практике.

Таким образом, в соответствие с вышесказанным следует, что существующая ситуация порождает значительную неопределённость в применении нормативных актов к лицам, имеющим несколько гражданств. В действующих нормах прослеживается тенденция распространять ограничения, предназначенные для граждан РФ с двойным или множественным гражданством, на тех, кто формально не является гражданином другого государства, но имеет признаки связи с иностранным государством. Стоит отметить, что к таким признакам относятся вид на жительство или документы, подтверждающие право на постоянное проживание за рубежом.

Законодатель, очевидно, рассматривает любую форму взаимодействия с иностранным государством - даже если она менее выражена, чем полноценное гражданство, - как фактор, влияющий на правовое положение гражданина РФ. Тем не менее, такая интерпретация может привести к чрезмерному ограничению прав граждан РФ, которые де-факто не имеют гражданства других стран.

Необходимо отметить, что значение иностранного гражданства для личности человека находится в постоянном движении, реагируя на изменения в глобальной политике и эволюцию государственных систем. Формирование характера отношений между государствами и их гражданами зависит от множества факторов, таких как политический режим, международная обстановка, миграционные потоки и демографическая ситуация. Таким образом, все вышеуказанные аспекты способствуют формированию новых подходов к пониманию статуса двойного или множественного гражданства, адаптируясь к меняющимся условиям мирового сообщества.

Одним из ключевых преимуществ двойного или множественного гражданства является возможность выбора государства, которое обеспечит наиболее эффективную защиту и покровительство. Однако анализ показывает, что основополагающим элементом гражданства остаётся устойчивая политико-правовая связь с конкретным государством. Следовательно, данная связь может быть успешно поддержана только посредством выполнения прав и обязанностей, присущих одному государству. Таким образом, такой подход способствует укреплению доверия между государством и его гражданами, а также помогает минимизировать риски возникновения конфликтов интересов, что особенно актуально в условиях современного многонационального мира.

Конституционный Суд РФ подчёркивает, что данная ситуация характеризуется наличием политико-правовых связей человека с двумя суверенными образованиями, каждое из которых имеет законное право требовать исполнения установленных нормативно-правовыми актами обязательств. Стоит отметить, что такая ситуация неизбежно затрудняет восприятие российского гражданства как символической связи гражданина с государством.

В соответствии с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждёнными указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809, одной из ключевых задач является формирование и сохранение единой гражданской идентичности для всех жителей страны. В связи с вышесказанным, в настоящее время возникает необходимость в разработке эффективной системы регулирования положения лиц, имеющих несколько гражданств, способной обеспечить баланс их прав и обязанностей в рамках действующего российского законодательства [10].

На данный момент специальное нормативное регулирование касается только тех граждан России, которые одновременно являются гражданами Украины. Федеральный

закон от 18 марта 2023 года № 62-ФЗ «Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины» предоставляет таким лицам возможность заявить о намерении отказаться от украинского гражданства. После подачи соответствующего заявления в компетентные органы или через Единый портал государственных услуг человек перестаёт считаться гражданином Украины [11].

Однако аналогичная процедура на данный момент не предусмотрена для россиян, имеющих гражданство других зарубежных стран. Так, для решения этой проблемы представляется разумным законодательно закрепить механизм, согласно которому подача заявления о нежелании быть гражданином иностранного государства автоматически означает признание лица исключительно гражданином России. Следовательно, такой подход позволит учитывать волеизъявление людей, которым объективно сложно официально отказаться от иностранного гражданства или подтвердить это документально.

В долгосрочной перспективе наиболее эффективным решением станет принятие федерального закона, подробно определяющего правовое положение лиц с двойным гражданством на территории Российской Федерации. Стоит отметить, что данный нормативный акт должен содержать чёткое описание прав, обязанностей, ограничений и запретов для данной категории граждан, тем самым обеспечивая справедливый баланс интересов между государством и личностью.

В условиях глобальной интеграции современного мира особенно важным становится вопрос разработки специализированного нормативно-правового акта, который определял бы правовое положение лиц, имеющих статус множественного гражданства в Российской Федерации. Стоит отметить, что данный документ должен не только чётко регламентировать правовые рамки для данной категории граждан, но и создать эффективные механизмы их взаимодействия с государственными учреждениями. При этом особое внимание следует уделять реализации конституционных принципов защиты прав и свобод человека, что является фундаментальным элементом всей правовой системы РФ.

При этом необходимо сохранить существующие ограничения, налагаемые на лиц с двойным гражданством, чтобы свести к минимуму возможные угрозы национальной безопасности государства и его политической стабильности. Одновременно с этим стоит рассмотреть возможность введения дополнительных ограничений, касающихся избирательных прав. Важно отметить, что данная мера направлена на предотвращение потенциальных конфликтов интересов, которые могут возникнуть при участии таких лиц в выборах. Подобный подход обеспечит прозрачность и справедливость избирательной системы, а также повысит доверие общества к её работе.

Разработка такого законодательного регулирования должна основываться на уже действующих механизмах, обеспечивающих юридическое положение граждан РФ, с учётом особенностей лиц с двойным гражданством. Особую важность имеет вопрос пассивного избирательного права, где наличие иностранного гражданства традиционно рассматривается как фактор, исключающий возможность занимать государственные должности.

В соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» лица, имеющие гражданство другого государства или подтверждающие право на постоянное проживание за рубежом, лишаются права быть избранными на государственные должности. Следовательно, данное положение может стать ключевым ориентиром при формировании нового законодательного акта, который должен гармонично интегрироваться в общую правовую систему страны, обеспечивая баланс между защитой национальных интересов и соблюдением прав граждан [12, с.327].

Таким образом, в соответствие с вышесказанным следует, что необходимо пересмотреть подход к участию лиц с двойным или множественным гражданством в избирательных процессах на территории Российской Федерации. В частности,

представляется целесообразным исключить возможность обладания пассивным избирательным правом для данной категории граждан на всех уровнях выборов, включая муниципальные.

Так, для реализации данного подхода требуется корректировка нормативно-правовой базы, в частности, исключение положений ч. 2 ст. 12 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые позволяют иностранным гражданам участвовать в муниципальных выборах как в качестве избирателей, так и в качестве кандидатов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос регулирования правового положения российских граждан, имеющих второе гражданство и постоянно проживающих за пределами страны. Несмотря на сохранение формальных признаков российского гражданства, фактическая связь данных лиц с государством существенно ослабевает. В этих условиях предоставление активного избирательного права становится проблематичным, поскольку их жизненные интересы в основном сосредоточены в стране проживания, а не в России. Более того, участие таких граждан в голосовании может быть продиктовано не только интересами Российской Федерации, но и влиянием иностранного государства, что потенциально создаёт риски для суверенных интересов страны.

Таким образом, необходимо разработать механизм ограничения избирательных прав для данной категории граждан, основанный на принципах фактической связи с государством и продолжительности пребывания на территории РФ.

В результате проведённого анализа предлагается инновационная концепция законодательной инициативы, направленной на регулирование правового положения лиц, имеющих несколько гражданств. Важно отметить, что данная концепция проекта федерального закона «О правовом статусе лиц с множественным гражданством в Российской Федерации» включает ряд ключевых аспектов.

Первоочередной задачей представляется определение терминологии: лицо с множественным гражданством рассматривается как физическое лицо, одновременно являющееся гражданином РФ и обладающее подтверждением наличия иностранного гражданства (подданства) при отсутствии международных соглашений о двойном гражданстве с соответствующими государствами. Основными направлениями ограничительных мер являются обеспечение государственной безопасности, сохранение суверенитета и защита национальных интересов России.

Также, необходимо чётко установить перечень прав и обязанностей данной категории лиц, а также определить специфические запреты. К последним относятся: невозможность участия в муниципальных выборах в качестве кандидатов или избирателей для лиц с множественным гражданством, постоянно проживающих за рубежом. Стоит отметить, что также необходимо разработать систему миграционного учёта и механизм государственного контроля за пребыванием таких лиц на территории РФ.

Особое внимание следует уделить регулированию трудовой деятельности данной категории граждан. Необходимо ввести запрет на доступ к государственной тайне и установить лимит на количество работников с двойным гражданством в стратегически важных компаниях. Предлагается внедрить единый упрощённый механизм выхода из иностранного гражданства путём подачи соответствующего заявления в уполномоченные органы.

В заключение следует отметить, что реализация данного законопроекта позволит создать целостную систему правового регулирования статуса лиц с множественным гражданством, исключить дублирование нормативных актов, повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить дополнительные гарантии защиты национальных интересов Российской Федерации. Следовательно, это создаст более чёткую правовую базу и повысит уровень правовой защищённости как самих граждан, так и государства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование. 2020. Москва: Изд-во АСТ, 2020. 64 с.

2. Мархгейм М. В. Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства / М.В. Мархгейм // Nomothetika: Философия. Социология. Право. - 2022. - Т. 47. - № 1. - С. 98-109.

3. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный Закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1 мая 2023 г. № 18 ст. 3215.

4. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ. – 2015. – 640 с.

5. Хлебунова С. А. Проблемы двойного и множественного гражданства в России / С.А. Хлебунова // Проблемы права. – 2021. – № 3 (82). – С. 24–28.

6. Аджба Д. Д. Би- и полипатризм в международном праве / Д.Д. Аджба // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т. 17. - № 7 (140). - С. 150–157.

7. Дзидзоев Р. М. Конституционный статус Президента Российской Федерации в свете конституционной реформы в России / Р.М. Дзидзоев // Конституционное и муниципальное право. –2020. – № 10. – С. 33–36.

8. Смирнова Е. С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному / Е.С. Смирнова // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 4. – С. 35–41.

9. О государственной тайне: Федеральный закон от 21.07.1993 № 5485-I // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 41 (без номера статьи).

10. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации от 2022 г. , № 46 , ст. 7977.

11. Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины: Федеральный закон от 18.03.2023 г. № 62-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 марта 2023 г., № 12, ст. 1875.

12. Пивоварова К.Ю., Куклина Д.В. Проблемы двойного гражданства в РФ / К.Ю. Пивоварова, Д.В. Куклина // Молодой ученый. - 2021. - № 25 (367). - С. 326-328.

THE RATIO OF THE PRINCIPLES OF DUAL AND MULTIPLE CITIZENSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The study focuses on the legal status of persons with dual or multiple citizenship within the jurisdiction of the Russian Federation. The paper carefully analyzes the current regulatory legal acts with an emphasis on the restrictions and prohibitions established by the legislator in relation to this specific category of citizens.

Special attention in the study is paid to the issue of the exercise of electoral rights by Russian citizens who also have citizenship of other states. The in-depth analysis served as the basis for the development of the concept of the Federal Law "On the Legal Status of Persons with Multiple Citizenship in the Russian Federation." This concept contains specific proposals and recommendations aimed at improving current legislation and achieving greater harmonization of legal norms governing this area.

Keywords: citizenship, dual citizenship, multiple citizenship, persons with multiple citizenship.

Nelasova O. V.
Scientific supervisor: Kulakova E.V., Associate professor
FGBOU VO "DonGU"

УДК 340.1

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Ничипорук Л.А.
Научный руководитель: Соколенко А. В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассмотрена сущность государства как социально-политической организации. Проанализированы основные классические и современные теории происхождения государства. Выделены ключевые теоретические проблемы происхождения государства в соответствии с каждой теорией происхождения государства. Установлены преобладающие теории происхождения государства в различных современных правовых системах. В заключение, систематизированы теоретические проблемы происхождения государства.
Ключевые слова: государство, происхождение государства, теории, проблемы.

Вступление. Актуальность исследования проблемы происхождения государства заключается в необходимости глубокого понимания процессов, приведших к возникновению государственных институтов и структур. Данные процессы сыграли ключевую роль в организации общества, установлении норм и правил взаимодействия между людьми.

Проблематике происхождения государства уделяли свое внимание следующие авторы: Р.Э. Абгарян, С.Ю. Волков, С.З. Ибрагимова, В.П. Кириленко, Е.П. Лезина, Д.В. Щёлоков и др. Тем не менее, несмотря на многочисленные исследования, существующие теории происхождения государства все еще продолжают оставаться предметом дискуссий и не имеют единого, общепризнанного объяснения, что объясняется разнообразием подходов и философских взглядов, которые по-разному трактуют причины и механизмы появления государства, его роль в организации общества и регулировании общественных отношений.

Изучение этих теоретических подходов необходимо для того, чтобы выявить, каким образом различные социальные и исторические контексты влияли на формирование различных концепций государства, что позволит более точно понять, как взаимодействуют различные модели социальной организации и политического управления, а также как теоретические предпосылки влияли на практическое осуществление власти.

Целью исследования является комплексный анализ основных теоретических проблем происхождения государства.

Основная часть. Государство – это социально-политическая организация, обладающая верховной властью, которая регулирует общественные отношения через систему законов, институтов и органов управления [1, с. 4]. Оно является важнейшей формой политической организации общества, призванной обеспечивать порядок, защиту прав и свобод граждан, а также регулировать различные сферы общественной жизни, такие как экономика, право, культура и социальные отношения.

Происхождение государства – это вопрос, который исследует, как и почему возникла такая форма социального устройства. Данный процесс связан с развитием человеческих обществ, переходом от первобытного состояния к более сложным организациям, включающим правовые и политические институты [2, с. 10]. Существуют различные теории, которые объясняют возникновение государства через призму социальной необходимости, экономических факторов, психологии и исторических обстоятельств.

Рассмотрим основные классические и современные теории происхождения государства и их проблемы.

Естественно-правовая теория, представленная такими авторами, как Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо, утверждает, что государство возникло как результат договора между людьми, стремящимися к установлению порядка и защиты своих прав. Гоббс в своем произведении «Левиафан» описал естественное состояние как войну всех против всех, в котором люди в поисках безопасности соглашаются передать часть своей свободы государству, чтобы избежать хаоса. Локк, напротив, видел в государстве защиту не только от насилия, но и от несправедливости, с акцентом на сохранение личной собственности. Руссо добавил к этой теории идею «общей воли», утверждая, что только в совместном государственном союзе возможно подлинное достижение свободы для каждого [3, с. 73]. Теория признает, что государство не только защищает права, но и требует от граждан соблюдения общих норм и обязательств.

Естественно-правовая теория сталкивается с несколькими важными проблемами, такими как вопрос легитимности передачи личных свобод государству, проблемы обеспечения прав и их защиты через общественный договор, а также сложности в определении и реализации «общей воли», как это утверждается у Руссо. Важно учитывать, что эта теория сталкивается с напряжением между сохранением личной свободы и требованиями государства к соблюдению социальных норм.

Древнегреческая теория происхождения государства, которая в основном представлена трудами Платона и Аристотеля, утверждает, что государство возникло из потребности в совместной жизни и организации общества. Платон рассматривал государство как идеальную форму управления, основанную на философии и справедливости, где разделение труда между людьми способствует гармонии. Аристотель, в свою очередь, более реалистично подходил к вопросу, утверждая, что государство возникло из простого человеческого общения и стремления к благополучию. Для него государство являлось естественной формой организации, развивающейся по мере того, как человек стремится к высшему добродетели и политической жизни. Он также подчеркивал, что правление должно быть благожелательным и ориентированным на благо всего общества [4, с. 388].

Древнегреческая теория, в свою очередь, порождает вопросы идеализации государства как совершенной формы управления, особенно в трактовке Платона, который рассматривает его как гармоничную структуру. С другой стороны, Аристотель подчеркивает реалистичный подход к возникновению государства, объясняя его как результат общения людей, что ставит перед теорией проблему подхода к правлению, ориентированному на общее благо при существующих социальных неравенствах.

Марксистская теория происхождения государства, изложенная Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, основывается на идее, что государство является результатом классовой борьбы и инструментом угнетения рабочего класса. Маркс и Энгельс утверждали, что в переходных стадиях общественного развития от феодализма к капитализму формируется государственная власть, защищающая интересы господствующего класса. В их взглядах государство – это механизм, с помощью которого буржуазия контролирует и подавляет пролетариат. Однако они также подчеркивали, что в будущем, с исчезновением классов, государство исчезнет, и наступит бесклассовое общество, где не будет необходимости в государственной власти [5, с. 110].

Марксистская теория акцентирует внимание на государстве как инструменте угнетения рабочего класса и продукта классовой борьбы, что вызывает вопросы относительно роли государства в защите интересов угнетённых и, одновременно, в подавлении этих интересов. Также возникают сомнения в практической реализации предсказания Маркса о «бесклассовом обществе», где государство исчезает.

Психологическая теория происхождения государства, которую развивали Ж.-М. Гирсу и другие авторы, основывается на психологических факторах, влияющих на создание государственной власти. Согласно этой теории, государство возникает как следствие социальных инстинктов людей, таких как стремление к иерархии, потребность в безопасности и стремление к социальному порядку. Люди, с их психофизиологическими потребностями, начинают искать структуры, которые могли бы удовлетворить их желание жить в организованном и защищенном обществе, что приводит к созданию государственных институтов, которые регулируют отношения и обеспечивают стабильность в обществе [6, с. 64].

Психологическая теория происхождения государства исследует влияние социальных инстинктов на создание власти, таких как стремление к иерархии и потребность в безопасности. Здесь возникают вопросы о возможной универсальности этих инстинктов для всех людей и их применимости в различных социальных и культурных контекстах.

Современная теология политической власти, представленная такими авторами, как М. Вебер и К. Шмидт, утверждает, что государство основано на легитимности власти и согласии граждан с существующими правилами. Вебер выделяет три типа легитимности: традиционную, харизматическую и рационально-легальную. Он подчеркивает, что государственная власть является не только результатом исторических процессов, но и воспринимается как законная сила, поддерживаемая обществом. К. Шмидт развивает эту идею, акцентируя внимание на том, что для стабильности государственной власти необходимо признание гражданами правомерности властных структур и норм [7, с. 502].

Социологическая теория происхождения государства, предложенная такими учеными, как Эмиль Дюркгейм, исследует государство как институт, возникающий в результате социальной дифференциации и функциональной необходимости. Согласно этой теории, государства формируются как ответ на потребности общества в организации, регулировании и упорядочивании социальных отношений. С развитием общества возрастает сложность социальных взаимодействий, что требует создания института, который бы обеспечивал стабильность и порядок. Вебер и Дюркгейм утверждают, что государство становится необходимым элементом для поддержания общественного порядка, обеспечивая взаимодействие между различными социальными группами [8, с. 259].

Социологическая теория рассматривала государство как ответ на растущую сложность социальных отношений, что ставит перед теорией проблему объяснения, каким образом именно государственные институты могут поддерживать порядок в сложных и изменчивых социальных структурах.

Теория эволюционного происхождения государства, поддерживаемая такими авторами, как Г. Спенсер и Э. Дюркгейм, предполагает, что государство развивалось постепенно, эволюционно, начиная с простых форм управления до более сложных систем. В этой теории государство рассматривается как результат естественного развития человеческих обществ, в которых постепенно вырабатывались и усовершенствовались институты управления. Г. Спенсер считал, что государство появляется и развивается в ответ на потребности общества в координации и управлении его жизнью, а также в процессе формирования более сложных социальных структур [9, с. 16].

Теория эволюционного происхождения государства, с учетом постепенного развития социальных институтов, сталкивается с вопросами, как различные общества могут эволюционировать к более сложным формам управления, учитывая особенности их исторического развития и социально-политических изменений.

Стоит отметить, что отсутствие единой теории происхождения государства связано с многогранностью факторов, которые влияют на его формирование, включая

исторические, социальные, культурные и экономические условия. Нет одной универсальной модели, которая могла бы объяснить процесс возникновения государства в различных обществах. Разные теории, такие как естественно-правовая, марксистская, психологическая, эволюционная и другие, фокусируются на отдельных аспектах этого процесса, но каждая из них ограничена в своем применении, что ведет к разнообразию взглядов на происхождение государства, что отражает комплексность самого явления.

В мировой практике теории происхождения государства варьируются в зависимости от правовых систем разных стран. романо-германской правовой семье, к которой принадлежат страны континентальной Европы, часто преобладает концепция государства как результата общественного договора и правовой организации общества, что отражает идеи естественно-правовой теории. Это подход, в котором государственная власть возникает для обеспечения порядка и защиты прав граждан, а также для регулирования различных сфер жизни через систему законов и институтов. В этой системе акцент ставится на правовую основу власти, ее легитимность и соблюдение принципов правового государства.

Англосаксонская правовая семья, включающая Великобританию, США и другие англоязычные страны, также придерживается идеи общественного договора, но с акцентом на ограничение власти через системы контроля и баланса. В этих странах важную роль играют идеи индивидуальных прав и свобод, а государственная власть рассматривается как институт, призванный обеспечивать защиту этих прав. Социальная и правовая стабильность здесь поддерживается через систему прецедентного права, где решения судов и общественные договоренности имеют важное значение для эволюции государственного устройства.

В странах с социалистическим правом, таких как Китай или Куба, основное внимание уделяется марксистской теории происхождения государства. Согласно этой теории, государство возникает как результат классовой борьбы, где оно служит инструментом угнетения рабочего класса и защиты интересов господствующего класса. Здесь государственная власть рассматривается как исторический процесс, направленный на установление бесклассового общества, в котором государство исчезает с завершением классовой борьбы.

В странах с традиционными и авторитарными политическими системами, таких как Саудовская Аравия или страны Востока, важным фактором является теология власти, где государство основывается на религиозных и культурных ценностях. В таких странах власть часто легитимизируется через религиозные учения, и теория происхождения государства акцентирует внимание на культуре, традициях и социальной иерархии, что подтверждает влияние культурной и психологической теории происхождения государства.

Выводы. Таким образом, процесс возникновения государства остается одним из самых сложных и многогранных вопросов в политической науке, поскольку различные теории стремятся объяснить этот процесс через разные социальные, экономические, психологические и исторические перспективы. Среди них можно выделить несколько ключевых подходов, каждый из которых сталкивается с собственными теоретическими проблемами. Естественно-правовая теория акцентирует внимание на общественном договоре, но встречает трудности в объяснении легитимности передачи власти и установления «общей воли». Марксистская теория объясняет возникновение государства как результат классовой борьбы, но вызывает вопросы о практической реализации концепции бесклассового общества. Психологическая и теологическая теории, исследующие влияние социальных инстинктов и религиозных факторов, поднимают вопросы о универсальности этих подходов в разных культурных контекстах.

Кроме того, современные теории, такие как социологическая, эволюционная и постмодернистская, предлагают более сложные и многоуровневые объяснения

возникновения государства, исследуя влияние культурных ценностей, социальной дифференциации и исторических изменений. Однако каждая из них сталкивается с трудностями в объяснении универсальности и изменчивости государственных институтов. В общем, отсутствие единой теории происхождения государства подчеркивает его многогранность и зависимость от контекста, а также необходимость учета разнообразных факторов, влияющих на формирование государственной власти в разных обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков, С.Ю. Государство как политический институт: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014 – 40 с.
2. Абгарян, Р. Э. Причины возникновения и сущность государства в истории социально-политической мысли / Р. Э. Абгарян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – №4 (788). – С. 9-17.
3. Фролова, Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) / Е. А. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2013. – №2. – С. 71-77.
4. Ибрагимова, С. З. Взгляды Платона и Аристотеля на государство / С. З. Ибрагимова // Теория и практика современной науки. – 2016. – №5 (11). – С. 388-391.
5. Волчок, А. А. Материалистическая теория происхождения государства: противоречия и дискуссии / А. А. Волчок // Контентус. – 2020. – №6. – С. 108-119.
6. Лезина, Е. П. Психологическая теория государства и права / Е. П. Лезина // Контентус. – 2018. – №6 (71). – С. 63-68.
7. Кириленко, В. П. Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта / В. П. Кириленко // Правоведение. – 2018. – №3. – С. 501-517.
8. Щёлоков, Д. В. Обзор основных теорий о природе возникновения государства / Д. В. Щёлоков // Вестник ГУУ. – 2015. – №1. – С. 259-266.
9. Разуваев, Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Н.В. Разуваев. – Санкт-Петербург, 2016. – 58 с.

THE MAIN THEORETICAL PROBLEMS OF THE ORIGIN OF THE STATE

Annotation. The article examines the essence of the state as a socio-political organization. The main classical and modern theories of the origin of the state are analyzed. The key theoretical problems of the origin of the state are highlighted in accordance with each theory of the origin of the state. The prevailing theories of the origin of the state in various modern legal systems have been established. In conclusion, the theoretical problems of the origin of the state are systematized.
Key words: the state, the origin of the state, theories, problems.

Nichiporuk L.A.
Scientific supervisor: Sokolenko A.V., Senior lecturer.
Donetsk State University
E-mail: ladanichiporuk364@gmail.com

УДК: 342.711

ПРИОБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПТАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Оглезнева Е.Ю.
Научный руководитель: Соловьёва Ю.А., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье определяются формы приобретения гражданства в условиях изменения государственных границ, с акцентом на оптацию как один из способов приобретения гражданства. Обосновывается преимущество оптации как эффективного механизма защиты прав и свобод человека в условиях территориальных изменений, особое внимание уделяется вопросам, связанным с процедурами подачи заявлений, сроками, правами и обязанностями оптантов, а также правовыми последствиями для лиц, выбравших гражданство Российской Федерации в связи с территориальными изменениями.
Ключевые слова: гражданство, изменение государственной границы, трансферт, оптация, оптант.

Вопрос гражданства как конституционно-правового института является чрезвычайно многогранным. Фактически гражданство является структурным элементом правового статуса личности, который устанавливает определяющее содержание связи человека и государства, человека и общества. Принадлежность к гражданству наделяет личность всеми конституционными правами и свободами и обеспечивает ее право на участие в управлении государством (наделяет правом быть носителем власти в государстве).

В юридической науке понятие «гражданство», учитывая его значение, всегда было предметом особого интереса исследователей, вследствие чего его считают достаточно разработанным, чего не скажешь о таком способе приобретения гражданства как оптация. В связи с чем целью данного исследования является анализ правовой природы института оптации.

Бесспорно, что механизм изменения государственных границ носит сложный и многоаспектный характер. Данный процесс неизбежно влечет за собой существенные последствия для населения, проживающего на определенных территориях.

Один из ключевых вопросов, возникающий в связи с такими изменениями, - это вопрос гражданства. В подобных ситуациях возможны различные формы приобретения гражданства, в том числе оптация и трансферт.

Трансферт подразумевает автоматическое изменение гражданства в результате присоединения территории к другому государству. При этом изменение гражданства происходит независимо от волеизъявления населения данной территории.

Оптация же представляет собой добровольный выбор лицами гражданства путем подачи индивидуального заявления о желании проживать на территории государства, которому передается их территория проживания.

Как правило, когда территория переходит под юрисдикцию другого государства, у проживающих на ней лиц возникает право выбора: принять гражданство нового государства или сохранить гражданство прежнего. Этот процесс выбора гражданства при изменении государственных границ называется оптацией.

Исходя из положения ст. 17 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», при изменении государственной границы Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в соответствии с международным договором РФ лица, проживающие на территории, государственная принадлежность которой изменена, имеют право на выбор гражданства (оптацию) в порядке и сроки, установленные соответствующим международным договором РФ.

Т.е. если какая-то территория передается РФ или исключается из нее, то проживающие на этой территории лица имеют право на выбор гражданства (перейти в гражданство другого государства либо остаться в прежнем). Порядок и сроки выбора определяются международным договором.

В соответствии с законодательством РФ, изменение государственной принадлежности территории влечет за собой автоматическое изменение гражданства проживающих на ней лиц. При присоединении территории к РФ иностранные граждане, проживающие на данной территории и не подавшие заявление об отказе от российского гражданства в установленный международным договором срок, приобретают российское гражданство.

При отделении территории от РФ российские граждане, проживающие на ней, автоматически приобретают гражданство государства, к которому присоединяется территория. В случае, если такие лица не желают приобретать гражданство нового государства, они обязаны в установленный международным договором срок подать соответствующее заявление. В противном случае, по истечении указанного срока, они утрачивают российское гражданство и становятся иностранными гражданами.

В качестве примера можно привести политику оптации, реализованную в отношениях России и балтийских государств в 1920-х годах. После образования независимых государств – Эстонии, Латвии и Литвы – возникла необходимость не только разграничить территории, но и определить гражданскую принадлежность проживающего на них населения.

В соответствии со статьей IX Тартуского мирного договора от 2 февраля 1920 года, лица эстонского происхождения, проживающие на территории РСФСР, получили право в течение одного года после ратификации договора заявить о желании получить гражданство Эстонии.

В соответствии с договорами 1920 года РСФСР с Литвой, Латвией и Эстонией бывшие подданные Российской империи балтийских национальностей могли обратиться за соответствующим гражданством. Это право предоставлялось лицам старше 18 лет, которые сами или их родители были приписаны к общинам или сословным учреждениям на территории вновь образованных государств. Договор с Литвой дополнительно предусматривал оптацию по принципу оседлости: лица, проживавшие на ее территории не менее 10 лет к 1914 году, также могли подать заявку. При этом национальная принадлежность и вероисповедание не играли никакой роли в процессе оптации.

Согласно заключённым договорам, лицам был предоставлен определённый срок для подачи заявления об оптации – один год с момента ратификации каждого договора. В 1921 году по отдельным соглашениям этот срок был продлён: для Литвы и Эстонии на один год, для Латвии – на шесть месяцев. Лица, не подавшие заявление в установленный срок, автоматически считались гражданами РСФСР.

Лица, выбравшие гражданство другой страны и получившие оптационные удостоверения (вид на жительство для иностранных граждан), были обязаны покинуть РСФСР в течение года (за исключением европейской части). Исключение составляла Латвия: договор с ней не предусматривал обязательного выезда оптантов на родину.

Пик миграции оптантов пришёлся на 1920–1921 годы. Выезжали в страны Прибалтики представители не только титульных наций, но и русские, евреи, немцы. К 1923 году наблюдался перелом в настроениях оптантов: миграционный поток замедлился, многие из выехавших стали возвращаться в РСФСР, одной из причин чего были многочисленные нарушения прав русскоязычного населения в странах Балтики.

Дополнительным примером реализации механизма оптации может служить процесс присоединения Республики Крым к Российской Федерации. Согласно Федеральному конституционному закону от 21 марта 2014 года, с момента включения Республики Крым в состав РФ и образования двух новых субъектов Федерации граждане

Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на этот день на территории этих субъектов, автоматически признаются гражданами Российской Федерации. Исключение составляют лица, которые в течение месяца после вступления закона в силу заявят о своем желании сохранить за собой и своими несовершеннолетними детьми другое гражданство или остаться лицами без гражданства. [1].

Также, в соответствие с пунктом 5 Указа Президента РФ от 27 апреля 2023 г. № 307 «Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», в связи с принятием Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации в качестве новых субъектов (от 30 сентября 2022 года), лица, проживающие на указанных территориях, автоматически получают гражданство Российской Федерации. Данное правило не распространяется на лиц, которые в течение одного месяца с даты присоединения заявили о своем желании сохранить прежнее гражданство для себя и/или своих несовершеннолетних детей, либо остаться лицами без гражданства [2].

При этом, независимо от выбора пути реализации права на гражданство, юридическое оформление гражданской принадлежности осуществлялось в упрощенном порядке.

Исследуя вопросы правомерности реализации права на гражданство в результате оптации, А.К. Смирнова пишет о том, что при изменении государственных границ государства и государственной принадлежности той или иной территории, включая приобретение независимости, либо подпадание под юрисдикцию другого государства, население такой территории может действовать в зависимости от обстоятельств тремя разными путями в вопросах определения своего гражданства:

- реализовать право на получение гражданства вновь образованного государства в безусловном порядке;
- реализовать право на сохранность гражданства той страны, которой ранее принадлежала территория, на которой он проживал, при этом у него есть право выезда на территорию государства, принадлежность к гражданству, которое он подтвердил;
- реализовать право на сохранение гражданства государства – правопредшественника при реализации права остаться на территории правопреемника [3, с. 351].

Рассматривая способы приобретения гражданства путём оптации, в иных странах, приведём примеры регулирования данного вопроса в США и в Германии.

Так, в США порядок оптации определяется законодательством и международными договорами. В Конституции США (The Constitution of the United States) нет прямого упоминания категории оптации, но данная процедура нормативно урегулирована. Например, Закон об иммиграции и гражданстве (Immigration and Nationality Act) содержит положения о приобретении гражданства через оптацию [4].

Согласно законодательству США, оптация может быть предоставлена лицам, которые проживают на территории, переходящей под контроль другого государства в результате изменения границ. Оптантам предоставляется право выбрать гражданство одного из двух государств.

Для получения гражданства США путём оптации необходимо соответствовать определённым требованиям, установленным законодательством. Эти требования включают в себя:

- проживание на территории, которая переходит под контроль США;
- соответствие возрастным ограничениям;
- отсутствие судимости;
- знание английского языка;
- понимание основ истории и государственного устройства США.

Процесс получения гражданства путём оптации включает в себя подачу заявления, предоставление необходимых документов и прохождение собеседования. Решение о предоставлении гражданства принимается компетентными органами США на основе анализа предоставленных документов и результатов собеседования.

В свою очередь, в Германии порядок оптации также урегулирован на законодательном уровне. В Основном законе этого государства (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) есть положения, определяющие вопросы гражданства и оптации.

Например, статья 116 определяет, что вопросы о гражданстве решаются федеральным законом, который учитывает интересы населения, проживающего на соответствующей территории. Так, немцем, по смыслу настоящего Основного закона, является, если иное не установлено законом, тот, кто обладает германским гражданством или кто был принят на территории Германской империи, по ее состоянию на 31 декабря 1937 г., в качестве беженца или перемещенного лица немецкой национальности или в качестве супруга или потомка одного из этих лиц. Бывшие германские граждане, лишенные в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. гражданства по политическим, расовым или религиозным мотивам, а равно их потомки восстанавливаются в гражданстве по их заявлениям. Они считаются не утратившими гражданства, если после 8 мая 1945 г. приобрели местожительство в Германии и не выразили противоположной воли.

Согласно немецкому законодательству, оптация применяется к лицам, которые проживают на территории, переходящей под контроль другого государства в результате изменения границ. Оптантам предоставляется право выбрать гражданство одного из двух государств [5].

Продолжая исследование правовой природы оптации, хотелось бы отметить, что лица, проживающие на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в период получения гражданства РФ столкнулись с рядом проблем, а именно:

1) утеря или порча документов (вследствие военных действий или просто по причине небрежного хранения многие документы, подтверждающие факт проживания, были утеряны или повреждены);

2) отсутствие первоначальных документов (в некоторых случаях у граждан изначально не было необходимых документов (например, свидетельства о регистрации, выписки из домовых книг), особенно если речь идет о людях старшего поколения);

3) несоответствие документов установленным требованиям (документы, которые имеются у лиц, могут не соответствовать требованиям действующего законодательства, не содержать необходимых сведений или иметь ошибки);

4) сложности при восстановлении документов (процесс восстановления утраченных или поврежденных документов может быть сложным, длительным и дорогостоящим, особенно если документы находятся в архивах других государств).

В связи с этим, считаем целесообразным предложить следующие пути решения данных проблем:

1) необходимо расширить перечень документов, которые могут служить подтверждением постоянного проживания, включив в него альтернативные виды доказательств, такие как свидетельства соседей, справки от местных органов власти, выписки из хозяйственных книг, договоры аренды жилья, квитанции об оплате коммунальных услуг, медицинские документы и др.);

2) необходимо предусмотреть дифференцированный подход к различным категориям граждан, учитывая их индивидуальные обстоятельства и возможности, а также предоставлять дополнительные гарантии тем, кто не имеет возможности представить полный пакет документов.

Также, не менее важным является проведение масштабных информационных кампании с использованием различных средств массовой информации для информирования населения о возможности использования альтернативных документов и о правилах их оформления; необходимо создать специализированные архивы для хранения документов, подтверждающих факт проживания на приграничных территориях, и обеспечить их доступность для граждан.

Таким образом, оптация – это выбор гражданства в связи с переходом территории одного государства к другому. Оптация является одним из способов приобретения и прекращения гражданства, заключающимся в выборе гражданства при изменении государственной принадлежности территории. Значение оптации появляется в том, что несмотря на политические процессы изменения территориальной принадлежности, государства признают значимость института гражданства и представляют своим гражданам выбор связи со «старым» или «новым» государством, пресекая возникновение безгражданства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 30.11.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 24.01.2025).
2. Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27.04.2023 № 307 (ред. от 22.04.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445926/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 30.01.2025).
3. Смирнова, А. К. Оптация как основание приобретения российского гражданства / А. К. Смирнова // Молодой ученый. – 2022. – № 46. – С. 348-352.
4. Immigration and Nationality Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act (дата обращения: 24.01.2025).
5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundestag.de/gg (дата обращения: 24.01.2025).

ACQUISITION OF CITIZENSHIP BY OPTION: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THEM

Annotation. The article defines the forms of acquiring citizenship in the conditions of changing state borders, with a focus on optionation as one of the ways of acquiring citizenship. The advantage of optionation as an effective mechanism of protection of human rights and freedoms in the conditions of territorial changes is substantiated, special attention is paid to the issues related to application procedures, terms, rights and obligations of optants, as well as legal consequences for persons who have chosen citizenship of the Russian Federation in connection with territorial changes.
Key words: citizenship, change of the state border, transfer, option, opt-in, optant.

Oglezneva E.Y.
Scientific adviser: Solovyova Y.A., associate professor Donetsk State University
E-mail: liza.oglezneva@list.ru

УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Орел Н.А.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р.юрид.н., профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на законодательство в сфере средств массовой информации. Анализируются ключевые направления совершенствования правовых норм, направленных на защиту журналистской этики, борьбу с дезинформацией и обеспечение прозрачности алгоритмов ИИ. Особое внимание уделяется необходимости адаптации существующих законодательных инициатив к новым технологиям, а также разработке стандартов для ответственного использования ИИ в журналистике.
Ключевые слова: средство массовой информации, государство, искусственный интеллект, авторские права, этические нормы в СМИ.

Современные технологии, в первую очередь искусственный интеллект (ИИ), оказывают значительное влияние на все сферы жизни, включая средства массовой информации (СМИ). В условиях стремительного развития ИИ возникает необходимость в совершенствовании законодательства в области СМИ. Законы, действующие сегодня, зачастую не способны адекватно отразить новые реалии, порожденные использованием ИИ. Поэтому важно рассмотреть ключевые направления, в которых должно происходить изменение законодательства для более эффективного и безопасного функционирования СМИ в эпоху ИИ.

Первоначально необходимо определить, какие проблемы представляет собой текущее законодательство в контексте публичной информированности, защиты прав граждан и ответственности за результаты работы СМИ.

Текущие законы зачастую не содержат чётких определений категорий, связанных с ИИ - таких как «автоматизированное создание контента», «глубокие фейки» или «ИИ-генерируемые материалы». Это отсутствие ясности может приводить к правовым пробелам и затруднять эффективное регулирование.

Возможности ИИ в аналитике, маркетинге и манипуляциях с информацией требуют создания новых инструментов, способных контролировать использование ИИ в СМИ. Без надлежащих мер регулирующие органы остаются бессильными перед угрозами, исходящими от неэтичного использования ИИ. [2]

С увеличением использования ИИ для создания контента возрастает риск распространения ложной информации и манипуляций. Это ставит под угрозу права и свободы граждан, что требует более строгих мер защиты.

Для устранения вышеописанных проблем можно выделить несколько ключевых направлений, в которых следует осуществить изменения в законодательстве.

Создание правовых дефиниций для новых технологий и понятий, связанных с ИИ, является первоочередным шагом. Это позволит обеспечить единообразие в интерпретации законов всеми участниками рынка и установит общие стандарты для работы СМИ.[2]

Для обеспечения безопасности в медиапейзаже следует разработать новые механизмы контроля за использованием ИИ в СМИ. К примеру, создание специализированных органов по мониторингу и разработке стандартов использования ИИ в журналистике; введение норм, обязывающих СМИ идентифицировать контент, созданный с помощью ИИ, и информировать аудиторию о его происхождении.

Необходимо ввести более строгие нормы ответственности для СМИ за публикацию и распространение недостоверной информации, созданной с использованием ИИ. К

примеру, увеличить штрафы за нарушения, ввести уголовную ответственность для должностных лиц СМИ за осознанное распространение ложной информации.

Также, законодательство должно обеспечить защиту прав пользователя и потребителей медиа-контента. Например, ввести обязательные нормы о прозрачности алгоритмов, используемых в СМИ для формирования новостных лент и рекомендаций контента, а также обеспечить доступ граждан к информации о том, какие данные используются для создания контента и как эти данные обрабатываются.[1]

Законодательство должно предусмотреть меры по борьбе с распространением недостоверной информации и дезинформацией, созданными с использованием ИИ, включая deepfakes и другие виды фальсификации. Также необходимы механизмы контроля за алгоритмами распространения информации, используемыми ИИ, для предотвращения алгоритмической предвзятости и дискриминации. Например, необходимо ввести правила для алгоритмов социальных сетей, которые не должны способствовать распространению фейковых новостей. Ввести обязанность интернет-платформ маркировать фейковые новости, созданные с использованием ИИ, предупреждая пользователей о недостоверности информации, а также установить требования к алгоритмам для недопущения распространения фейков.

Необходимо адаптировать законодательство к новым формам распространения информации, включая социальные сети и мессенджеры, которые активно используют ИИ для таргетирования контента. Законодательство должно регулировать распространение информации в социальных сетях и мессенджерах, а также устанавливать ответственность за распространение запрещенной информации через эти каналы. К примеру, обязать владельцев социальных сетей и мессенджеров маркировать контент, созданный или обработанный с использованием ИИ, а также ввести механизм блокировки контента, нарушающего законодательство.[10]

Необходимо разработать нормы, регулирующие использование произведений, созданных с применением ИИ, а также защиту авторских прав на произведения, созданные с использованием ИИ. Возникает вопрос: кто является автором произведения, созданного с помощью ИИ – человек, использовавший ИИ, разработчик ИИ или сам ИИ? К примеру, установить, что авторские права на произведения, созданные с использованием ИИ, принадлежат лицу, инициировавшему создание произведения, если иное не предусмотрено договором.

Наконец, важным направлением является подготовка специалистов в области журналистики и информационных технологий. Необходимо создать образовательные программы, направленные на изучение ИИ в контексте СМИ и проводить регулярные обучения для сотрудников СМИ о возможностях и угрозах, связанных с ИИ.[3]

Саморегулирование представляет собой систему добровольных правил, стандартов и этических кодексов, разработанных и реализуемых самими участниками медиаиндустрии без прямого вмешательства государства. Эти правила направлены на обеспечение качества и достоверности информации, соблюдение профессиональных и этических норм, а также на защиту прав и интересов потребителей медиаконтента. Саморегулирование является важным инструментом для повышения доверия к СМИ.

Выделим важные принципы саморегулирования: [8]

1. Добровольность - участие в системе саморегулирования является добровольным и основано на согласии участников медиаиндустрии.
2. Независимость - саморегулируемые организации должны быть независимы от государства и других внешних факторов.
3. Профессионализм - правила и стандарты саморегулирования должны разрабатываться с учетом мнения и опыта профессионалов медиаиндустрии.
4. Прозрачность - деятельность саморегулируемых организаций должна быть открытой и прозрачной для общественности.

5. Ответственность - участники системы саморегулирования должны нести ответственность за соблюдение установленных правил и стандартов.

6. Эффективность - механизмы саморегулирования должны быть эффективными для достижения поставленных целей и оперативного решения возникающих проблем.

7. Сотрудничество - саморегулируемые организации должны сотрудничать друг с другом, а также с государственными органами и потребителями медиаконтента.

Разработка этических кодексов и стандартов использования ИИ: профессиональные и общественные организации играют ключевую роль в разработке этических кодексов и стандартов для использования ИИ в СМИ. Эти кодексы должны регулировать использование ИИ в различных аспектах медиадеятельности, включая: [7]

1. Требования к использованию ИИ для создания новостных материалов, статей, видео и других видов контента с целью обеспечения достоверности и объективности.

2. Стандарты использования алгоритмов для распространения информации с целью обеспечения прозрачности и недопущения алгоритмической предвзятости.

3. Стандарты использования ИИ для проверки достоверности информации и борьбы с фейками с учетом новых методов фальсификации контента.

4. Правила использования ИИ для обработки персональных данных с целью обеспечения конфиденциальности и защиты от несанкционированного доступа.

5. Саморегулируемые организации должны разрабатывать стандарты прозрачности алгоритмов, используемых в СМИ, обеспечивая открытость и доступность информации о принципах их работы, а также механизмах их контроля. Эти стандарты могут включать требования к открытости исходного кода, проведению независимого аудита, а также публикации информации о применяемых методах обработки данных. Алгоритмы должны быть понятными и прозрачными.

6. Саморегулируемые организации должны разрабатывать механизмы разрешения споров, возникающих в связи с использованием ИИ в СМИ, включая создание независимых медиасоветов, третейских судов и комиссий по этике. Эти механизмы должны обеспечивать защиту прав граждан и юридических лиц, а также возможность привлечения к ответственности за нарушения установленных стандартов и этических кодексов.

7. Саморегулируемые организации должны организовывать обучение и повышение квалификации журналистов и других сотрудников СМИ по вопросам использования ИИ, включая новые методы создания и распространения контента, а также этические аспекты использования ИИ в СМИ.

8. Саморегулируемые организации должны проводить мониторинг и оценку эффективности разработанных правил и стандартов, а также механизмов их реализации с целью их постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся условиям.

Приведем примеры саморегулирования в сфере СМИ в эпоху ИИ:[6]

- некоторые журналистские организации разработали этические кодексы, устанавливающие правила использования ИИ при создании новостных материалов, чтобы обеспечить достоверность и объективность. Эти кодексы требуют от журналистов раскрывать использование ИИ в своих материалах, а также проверять достоверность информации, полученной с помощью ИИ.

- некоторые профессиональные организации создали медиа-советы, которые рассматривают жалобы на нарушения этических стандартов, связанные с использованием ИИ в СМИ, а также дают рекомендации по совершенствованию практики.

- некоторые организации разработали стандарты прозрачности алгоритмов, которые устанавливают требования к раскрытию информации о принципах работы алгоритмов, используемых для распространения контента, а также о механизмах их контроля.

- некоторые медиакомпании разработали механизмы верификации информации, использующие ИИ для проверки достоверности новостных материалов и выявления фейков. Эти механизмы позволяют автоматически проверять данные, изображения и видео на предмет фальсификации.

Несмотря на наличие законодательных норм, административно-правовой контроль в сфере СМИ сталкивается с рядом проблем:[8]

1. Ограниченные возможности человеческой оценки контента, что приводит к потере важной информации.
2. Невозможность быстрой реакции на многообразие дезинформации и ложных новостей.
3. Высокие затраты на осуществление мониторинга и проверку информации.

ИИ может значительно повысить эффективность административно-правового контроля за СМИ. К примеру, автоматизация процессов мониторинга позволяет обрабатывать большие объемы данных в реальном времени, использование алгоритмов машинного обучения для быстрого выявления и анализа паттернов распространения дезинформации, а также разработка систем для оперативного мониторинга легитимности источников информации и их соответствия установленным стандартам.

В ряде стран уже внедрены системы мониторинга контента с использованием ИИ. Подобные алгоритмы используются в социальных сетях для обнаружения ненадлежащего контента, а некоторые новостные агентства применяют ИИ для автоматического анализа информации и проверки фактов, что увеличивает качество журналистики и доверие со стороны аудитории.[4]

Внедрение ИИ в административно-правовой контроль вызывает ряд правовых и этических вопросов. Необходимо обеспечить баланс между защитой прав и свобод граждан и необходимостью контроля за СМИ. Но, внедряя ИИ в мониторинг СМИ может произойти злоупотребления ИИ, поэтому необходимо и вводить строгие меры за злоупотребление с ИИ, усилить санкции за нарушение в сфере СМИ, в том числе штрафы и приостановление деятельности, в зависимости от характера и тяжести правонарушения.

Также необходимо всем сотрудникам контролирующих органов пройти повышение квалификации и постоянно усовершенствовать свои знания в этой отрасли.

Предлагаем внедрить новые виды контроля в сфере СМИ с использованием ИИ, такие как:[6]

1. Внедрение системы, которая автоматически анализирует надежность источников, их репутацию, историю публикаций, а также оценивает достоверность распространяемой информации. Внести изменения в следующие федеральные законы: ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» , дополнив статью 10.1 («Право на достоверную информацию») положением об обязательности проверки достоверности информации перед ее распространением, особенно если источником является новый или ненадежный ресурс (Приложение 2). Цель данного Положения — не ввести цензуру, а повысить ответственность СМИ за распространяемую информацию, особенно в условиях распространения фейков и дезинформации в цифровом пространстве. Акцент на новые и ненадёжные источники: особое внимание уделяется проверке информации, поступающей из новых или ненадёжных источников, поскольку именно они чаще всего используются для распространения недостоверной информации. Проверка достоверности информации должна включать в себя многоэтапный процесс, в том числе идентификацию источника, сравнение с другими источниками, проверку фактов, анализ контекста и использование технологий верификации. Положение устанавливает ответственность за нарушение требований, включая административные штрафы, гражданско-правовую ответственность за причинение вреда, а также приостановление или прекращение деятельности СМИ в случае систематических нарушений. Положение стремится к балансу между необходимостью проверять

информацию и обеспечением свободы слова, поэтому оно не накладывает абсолютный запрет на распространение информации, но требует от СМИ ответственного подхода к проверке достоверности.

2. Определить обязанность СМИ использовать системы автоматической верификации источников; ФЗ «О средствах массовой информации», добавив статью, определяющую требования к верификации источников информации, включая использование автоматизированных систем, и ответственность СМИ за распространение непроверенной информации.

3. Внедрение системы, основанной на нейронных сетях, для автоматического анализа контента в различных форматах (текст, изображение, видео) с целью выявления признаков манипуляций, экстремизма, порнографии и других нарушений законодательства. Внести изменения в следующие федеральные законы: ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», дополнив статью 1 («Основные понятия») определениями «экстремистский контент» и «алгоритмические методы распространения экстремистских материалов», что позволит использовать ИИ для автоматического выявления экстремизма; КоАП РФ, внести поправки в статьи, касающиеся ответственности за распространение экстремистских материалов, клеветы, порнографии и иной запрещенной информации, предусмотрев ответственность за распространение контента, созданного или обработанного с использованием ИИ, если это привело к нарушению законодательства.

4. Использование ИИ для автоматического выявления ботов и фейковых аккаунтов, распространяющих дезинформацию или участвующих в информационных кампаниях. Внести изменения в следующие федеральные законы: ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», дополнив статью 10.1 («Право на достоверную информацию») положением об ответственности за использование ботов и фейковых аккаунтов для распространения недостоверной информации и установить обязанность владельцев интернет-ресурсов и социальных сетей применять системы выявления и блокировки таких аккаунтов (Приложение 3). Цель данного Положения — усилить противодействие распространению дезинформации с использованием ботов и фейковых аккаунтов, а также установить чёткие обязанности для владельцев интернет-ресурсов по выявлению и блокировке таких аккаунтов. Положение предполагает комплексный подход к решению проблемы, включающий ответственность за создание, распространение и использование ботов, а также обязанность владельцев интернет-ресурсов внедрять системы выявления и блокировки. Также, Положением устанавливается административная, гражданско-правовая и уголовная ответственность за использование ботов для распространения дезинформации, а также административную ответственность за неисполнение обязанностей по выявлению и блокировке. Положение поощряет использование передовых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, для выявления ботов и фейковых аккаунтов. Оно предусматривает сотрудничество между владельцами интернет-ресурсов и государственными органами, а также между пользователями и администрацией ресурсов.

5. В КоАП РФ предусмотреть административную ответственность за создание и использование ботов и фейковых аккаунтов для распространения дезинформации.

6. Создание Медиасовета по этике использования искусственного интеллекта в средствах массовой информации в качестве совещательного органа. Пример Приказа о создании Медисовета, а также приложение по его работе разработаны нами и приведены в Приложении 4. Этот приказ и положение создают правовую и организационную основу для работы Медиасовета, который будет играть важную роль в обеспечении этичного и ответственного использования ИИ в сфере СМИ.[9]

В современных условиях необходимо более чёткое и эффективное законодательство в сфере СМИ, которое учитывало бы быстрые изменения, происходящие из-за интеграции

ИИ. Совершенствование законодательства в ключевых направлениях поможет обеспечить безопасность информации, защиту прав граждан и поддержание этических норм в СМИ. Регулирование, основанное на принципах справедливости, прозрачности и ответственности, станет неотъемлемой частью медийного ландшафта, адаптированного к вызовам XXI века. Таким образом, использование технологий ИИ в административно-правовом контроле в сфере СМИ может значительно повысить эффективность мониторинга и улучшить качество правоприменительной практики. Однако внедрение таких технологий должно сопровождаться разработкой соответствующих правовых норм и этических стандартов, чтобы гарантировать защиту прав граждан и свести к минимуму риск злоупотреблений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорова, Е. В. (2022). "Искусственный интеллект и медиа: новые вызовы и возможности для законодательства." Журнал медиа-исследований, 8(3), 45-59.
2. Зотов, А. П. (2021). "Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в сфере средств массовой информации." Право и новые технологии, 5(2), 30-41.
3. Михайлова, Т. Н. (2020). "Регулирование цифровых медиа в условиях роста технологий ИИ." Вестник медиаправа, 12(1), 15-24.
4. Кузнецов, И. Ю. (2023). "Роль искусственного интеллекта в эволюции СМИ: вызовы для законодательства." Технологии и право, 9(4), 50-66.
5. Петрова, С. Д., & Смирнов, К. А. (2022). "Массовая информация и ИИ: правовые перспективы." Международный юридический журнал, 7(3), 28-35.
6. Федорова, Л. С. (2023). "Этика искусственного интеллекта в journalism: к новым стандартам." Коммуникации и общество, 6(2), 12-22.
7. Ушакова, Н. Г. (2021). "Информационные технологии и правовое регулирование: современные тренды." Журнал права и технологий, 4(1), 40-55.
8. Голубев, М. В. (2020). "Законодательство о СМИ в эпоху цифровизации: новые вызовы." Право и медиа, 11(2), 62-74.
9. Алексеев, Р. Т., & Парфенова, О. И. (2023). "Искусственный интеллект в журналистике: законодательные аспекты." Исследования в области медиа и права, 10(1), 34-48.
10. Наумов, Д. Е. (2022). "Правовая защита прав журналистов в условиях использования ИИ." Российская юридическая газета, 15(3), 20-26

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF MASS MEDIA IN THE DIGITAL AGE: OPPORTUNITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. The article examines the influence of artificial intelligence on legislation in the field of mass media. It analyzes key areas for improving legal norms aimed at protecting journalistic ethics, combating misinformation, and ensuring the transparency of AI algorithms. Special attention is given to the necessity of adapting existing legislative initiatives to new technologies, as well as developing standards for the responsible use of AI in journalism.
Keywords: mass media, state, artificial intelligence, copyright, ethical norms in mediare

Orel N.A.
Scientific adviser: Synkova E.M., doctor of law, professor. Donetsk State University
E-mail: e.synkova.jur.fac@mail.ru, rizgajanina@gmail.com

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Орел Н.А.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д-р юрид. наук., профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В этой статье рассматривается проблема административно-правового регулирования деятельности социальных сетей в Российской Федерации. Социальные сети, как неотъемлемая часть современного информационного пространства, стали мощным инструментом коммуникации, распространения информации и формирования общественного мнения. Однако их стремительное развитие и глобальный характер создают новые вызовы для государства, общества и права.
Ключевые слова: социальные сети, административно-правовое регулирование, информационная безопасность, свобода слова, недостоверная информация, фейки, боты, дезинформация, ответственность, интернет-регулирование, саморегулирование, искусственный интеллект.

Проблема распространения недостоверной информации, фейков, дезинформации, а также использование ботов и фейковых аккаунтов в социальных сетях представляют угрозу для информационной безопасности и требуют адекватного административно-правового регулирования. В условиях глобализации и цифровизации эффективное регулирование деятельности социальных сетей является необходимым условием для обеспечения баланса между свободой слова, защитой прав граждан и информационной безопасностью. В данной публикации мы проанализируем существующие административно-правовые механизмы регулирования социальных сетей в Российской Федерации, выявим их недостатки и предложим пути совершенствования, включая использование искусственного интеллекта (ИИ) и развитие саморегулирования.

Социальные сети представляют собой онлайн-платформы, позволяющие пользователям общаться, делиться информацией, создавать контент, а также формировать сообщества по интересам. Они стали важным элементом современного информационного пространства, оказывающим влияние на политические, экономические и социальные процессы.[5]

В России, в отличие от классических СМИ, социальные сети не имеют четкого правового статуса, и их деятельность регулируется в основном общими нормами законодательства об информации, персональных данных и защите прав потребителей. Это создает неопределенность и затрудняет привлечение к ответственности за нарушения законодательства, распространяемые в социальных сетях. Отсутствие специального правового регулирования социальных сетей является одной из основных проблем современной медиасистемы.

Социальные сети отличаются от традиционных СМИ высокой интерактивностью, возможностью распространять контент без предварительной проверки и цензуры, а также глобальным охватом аудитории. Эти отличия требуют разработки специфических методов регулирования, учитывающих особенности социальных сетей. Социальные сети требуют иного подхода к регулированию, чем традиционные СМИ.

Основным законом, регулирующим деятельность социальных сетей, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Этот закон устанавливает общие требования к распространению информации в интернете, а также общие принципы обработки персональных данных.[1]

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требования к обработке персональных данных пользователей социальных сетей, включая получение согласия на обработку данных и обеспечение их защиты.[2]

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (ФЗ-114) запрещает распространение экстремистских материалов, и его положения распространяются на контент, размещаемый в социальных сетях.[3]

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривает административную ответственность за распространение недостоверной информации, клевету, экстремистские материалы и иные виды правонарушений, совершаемых в интернете, включая социальные сети. Однако на практике привлечение к ответственности за такие нарушения затруднено из-за анонимности пользователей и трансграничного характера социальных сетей.[4]

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) осуществляет надзор за соблюдением законодательства в сфере информации, включая социальные сети, и имеет полномочия по блокировке незаконного контента и интернет-ресурсов.[8]

Судебная практика по спорам с участием социальных сетей показывает, что суды все чаще рассматривают дела о клевете, распространении недостоверной информации, экстремизме и нарушении авторских прав, совершаемых в социальных сетях. Можно отметить, что судебная практика по спорам с участием социальных сетей сложна и неоднозначна.[10]

Основные проблемы, с которыми сталкиваются социальные сети в Российской Федерации по сравнению с традиционными СМИ:[5]

1. Социальные сети стали платформами для быстрого и массового распространения фейковых новостей, дезинформации и манипулятивного контента. Это подрывает доверие к традиционным СМИ, а также создаёт общественную дезориентацию и дестабилизацию.

2. Социальные сети, в отличие от традиционных СМИ, не имеют строгих механизмов проверки достоверности публикуемой информации, что позволяет легко распространять недостоверные данные.

3. Фейковая информация распространяется в социальных сетях вирусным образом, что делает ее трудноконтролируемой и приводит к быстрому охвату большой аудитории.

4. Технологии искусственного интеллекта (ИИ), такие как дипфейки, позволяют создавать реалистичные подделки, которые сложно отличить от настоящих, что затрудняет борьбу с дезинформацией.

5. Привлечение к ответственности распространителей недостоверной информации затруднено из-за анонимности пользователей, а также из-за отсутствия четко сформулированных правовых норм в отношении социальных сетей.

6. Дезинформация в социальных сетях часто используется для манипулирования общественным мнением, влияния на выборы и распространения политической пропаганды.

7. Социальные сети используются для распространения экстремистских материалов, разжигающих ненависть и вражду, а также для вербовки в экстремистские организации.

8. В социальных сетях распространяются материалы, пропагандирующие терроризм и вербующие новых сторонников.

9. Модерация контента в социальных сетях не всегда эффективна для своевременного выявления и удаления экстремистских материалов.

10. Террористические организации используют анонимность пользователей в социальных сетях для координации своих действий и распространения пропаганды.

11. Заблокировать экстремистские группы и их контент в социальных сетях сложно из-за того, что они часто меняют названия, используют различные VPN и другие способы обхода блокировки.

12. Социальные сети стали площадкой для распространения кибербуллинга, преследования и травли, особенно в отношении детей и подростков.

13. Отсутствие эффективного контроля за распространяемым контентом позволяет распространять оскорбительные и унижающие сообщения, что негативно сказывается на эмоциональном состоянии пользователей.

14. Анонимность пользователей затрудняет выявление и привлечение к ответственности за кибербуллинг и преследование.

15. В социальных сетях часто распространяется травля уязвимых групп, включая меньшинства, людей с инвалидностью и других, что приводит к дискриминации и социальной изоляции.

16. Социальные сети собирают огромные массивы персональных данных пользователей, включая их личную информацию, контакты, местоположение и интересы, что нарушает право на неприкосновенность частной жизни. Социальные сети могут использовать персональные данные пользователей без их согласия, например, для таргетированной рекламы или передачи третьим лицам. Персональные данные пользователей социальных сетей хранятся на серверах компаний, что создает риск утечки данных и несанкционированного доступа. Существующие механизмы защиты персональных данных не всегда эффективны и не гарантируют полную безопасность пользователей.

17. Для манипулирования общественным мнением и проведения информационных кампаний часто используются боты и фейковые аккаунты, что затрудняет выявление реальных источников информации.

18. Социальные сети используются для распространения таргетированной политической рекламы, которая может быть предвзятой и недостоверной.

19. Иностранные государства могут использовать социальные сети для вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, распространения дезинформации и политической пропаганды.

20. Социальные сети могут способствовать политической поляризации общества, усиливая конфликты и противоречия между различными группами населения.

21. Социальные сети могут удалять контент пользователей на основании собственных правил, которые не всегда прозрачны и объективны, что приводит к цензуре и ограничению свободы слова.

22. Пользователи не всегда имеют доступ к информации о принципах работы алгоритмов социальных сетей, что создает непрозрачность и дает возможность для манипуляций.

23. Социальные сети могут вызывать зависимость у пользователей, особенно у детей и подростков, что негативно сказывается на их психическом здоровье и социальном развитии.

24. Пользователи социальных сетей постоянно сталкиваются с большим потоком информации, что приводит к информационной перегрузке, рассеянности и снижению способности анализировать информацию.

25. Отсутствие специального законодательства, регулирующего деятельность социальных сетей, создает неопределенность и усложняет привлечение их к ответственности за нарушения.

Эти проблемы требуют немедленного внимания со стороны государства, общества, а также самих социальных сетей. Комплексное решение этих проблем должно включать разработку новых правовых норм, внедрение эффективных технологий, развитие механизмов саморегулирования, а также повышение медиаграмотности населения.

Выделим основные проблемы правоприменительной практики в сфере регулирования социальных сетей:[7]

1. Затруднение регулирования и привлечения к ответственности за правонарушения из-за отсутствия четкого правового статуса социальных сетей.
2. Анонимность владельцев Телеграмм-каналов и трансграничный характер их распространения создают серьезные проблемы для правового регулирования. Это затрудняет выявление нарушений, привлечение к ответственности и исполнение судебных решений. Действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику распространения информации в Телеграмм-каналах, поэтому требуется его адаптация и совершенствование. Необходимо разработать специальные нормы, регулирующие деятельность Телеграмм-каналов, включая механизмы идентификации владельцев каналов, контроля за распространением запрещенной информации и применения мер административной ответственности. В связи с этим, в 2024 году были внесены изменения в законодательство и Роскомнадзор обязал владельцев социальных страничек с подписчиками более 10 тысяч человек проходить регистрацию. Но, по моему мнению, это не имеет такого жесткого контроля как над зарегистрированными СМИ и требует более четкого контроля над деятельностью Телеграмм- каналов. В интернете сложно установить связь между нарушителем и распространяемой информацией.
3. Социальные сети не всегда эффективно модерируют контент, особенно в случаях массового распространения фейков, экстремистских материалов и других видов незаконной информации, что приводит к негативным последствиям для общества и отдельных граждан.
4. Существующие меры административной ответственности не всегда эффективны для предотвращения правонарушений в социальных сетях. Штрафы за распространение недостоверной информации могут быть недостаточными для крупных социальных сетей, а блокировка ресурсов часто обходится с помощью VPN и других технических средств.
5. Законодательство о регулировании социальных сетей сталкивается с противоречием между гарантированной свободой слова и необходимостью защиты прав граждан и информационной безопасности.

Одним из самых распространенных нарушений в сфере СМИ является распространение недостоверной информации, так называемые «фейки». Это обусловлено как погоней за сенсациями, так и целенаправленной дезинформацией. В современном мире распространение фейков представляет серьезную угрозу общественной стабильности. Например, несколько Телеграмм-каналов распространили недостоверную информацию о массовом отравлении в регионе, что вызвало панику среди населения.

Следующий вид распространения нарушения можно выделить клевету и оскорбления. Клевета и оскорбление чести и достоинства граждан также являются распространенными нарушениями. Это связано как с конфликтами между людьми, так и с использованием СМИ для сведения счетов. Клевета наносит серьезный ущерб не только репутации и чести человека, но и любому предприятию.

СМИ Донецкой Народной Республики при переходе в правовое поле Российской Федерации столкнулись с нарушением авторских и смежных прав. Именно этот вид нарушений требует особого внимания. КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконное использование объектов авторских и смежных прав, включая тексты, фотографии, видео, аудио и другие произведения, без согласия правообладателя. Это может включать в себя как полное воспроизведение произведений без разрешения, так и их переработку или распространение в нарушение условий лицензии. Использование чужих произведений без разрешения является грубым нарушением закона. Особенно распространенными являются нарушения авторских прав в интернете, включая

незаконное размещение контента на сайтах, в социальных сетях и мессенджерах. Зачастую СМИ и сетевые издания используют чужие фотографии, видео и тексты, не получая на это согласия авторов. Цифровой характер информации затрудняет выявление нарушений, но при этом не освобождает от ответственности.

Предлагаем следующие пути совершенствования административно-правового регулирования социальных сетей:[6]

1. Разработать специальный федеральный закон, регулирующий деятельность социальных сетей в России, устанавливающий их правовой статус, а также права и обязанности владельцев и пользователей.
2. Определить ответственность социальных сетей за распространение противоправного контента, включая недостоверную информацию, фейки, дезинформацию, а также экстремистские материалы.
3. Обязательная модерация контента в социальных сетях, а также утвердить требования к скорости удаления незаконной информации и обязать социальные сети использовать ИИ для поиска и удаления такого контента.
4. Автоматическая система верификации информации и источников с использованием искусственного интеллекта, которые будут проверять достоверность данных и выявлять признаки манипуляций.
5. Установить механизмы противодействия ботам и фейковым аккаунтам, используемым для распространения недостоверной информации, а также обязать владельцев социальных сетей применять системы автоматического выявления и блокировки таких аккаунтов.
6. Внедрить механизмы саморегулирования, включая разработку этических кодексов и стандартов для социальных сетей, создание независимых медиа-советов и третейских судов, а также способствовать повышению медиаграмотности пользователей.
7. Усилить административную и гражданско-правовую ответственность за нарушение законодательства в социальных сетях, включая увеличение штрафов, а также установить ответственность за распространение дезинформации, причинившей существенный вред гражданам или обществу.
8. Развитие международного сотрудничества в области регулирования социальных сетей, включая обмен опытом и передовыми практиками, а также разработку единых стандартов регулирования.

Правоприменительная практика в сфере СМИ сталкивается с целым рядом проблем, связанных как с несовершенством законодательства, так и с объективными сложностями, возникающими при его применении. Неоднозначность формулировок, сложность доказывания, несовершенство механизмов контроля, и другие факторы приводят к возникновению правонарушений и необходимости дальнейшего совершенствования административно-правового регулирования. Судебная практика свидетельствует о том, что суды выполняют важную роль в защите прав граждан и законных интересов СМИ, но при этом также сталкиваются со сложностями при рассмотрении споров.[9]

Административно-правовое регулирование деятельности социальных сетей в Российской Федерации является сложной и актуальной проблемой, требующей комплексного подхода. В условиях стремительного развития цифровых технологий и усиления влияния социальных сетей на общественные процессы необходимо совершенствовать существующие механизмы регулирования, а также разрабатывать новые, учитывающие особенности социальных сетей и специфику их функционирования. Предлагаемые меры по разработке специального закона о социальных сетях, усилению ответственности за распространение противоправного контента, внедрению технологий искусственного интеллекта и развитию механизмов

саморегулирования позволят более эффективно обеспечивать баланс между свободой слова, защитой прав граждан и информационной безопасностью. Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с более подробным изучением международного опыта, а также с разработкой новых технологических и правовых инструментов для регулирования социальных сетей в условиях динамично меняющейся цифровой среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).
5. Рихтер, А.Г. Правовые основы журналистики. М.: Издательство МГУ, 2002.
6. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Издательство МГУ, 2000.
7. Качалова, Е.С. Судебная практика по спорам с участием СМИ. М.: Юрист, 2010.
8. Макарова, О.А. Проблемы ответственности за распространение информации в интернете. М.: Статут, 2012.
9. Туманов, В.А. Свобода слова и защита других ценностей. М.: Норма, 2005.
10. Соколова, Н.А. Алгоритмическая предвзятость и ее влияние на социальные сети. М.: Юстиция, 2021.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF SOCIAL NETWORK ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Annotation. This article addresses the issue of administrative and legal regulation of social network activities in the Russian Federation. Social networks, as an integral part of the modern information space, have become a powerful tool for communication, dissemination of information, and shaping public opinion. However, their rapid development and global nature pose new challenges for the state, society, and the law.
Keywords: social networks, administrative and legal regulation, information security, freedom of speech, misinformation, fake news, bots, disinformation, accountability, internet regulation, self-regulation, artificial intelligence.

Orel N.A.
Scientific adviser: Synkova E.M., doctor of law, professor. Donetsk State University
E-mail: e.synkova.jur.fac@mail.ru, rizgajanina@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ ПАТЕНТОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТА ПО ДЕЛУ «ТРАНСПОРТНЫЙ ВЕРТОЛЕТ» ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Пестряков С.Э.
Научный руководитель: Липинский В.В., д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВПО «ДонГУ»

Аннотация. В работе рассматриваются ключевые моменты презумпции авторства, распределения бремени доказательства и роли патентной защиты в стимулировании инновационного развития. Подтверждена необходимость реформирования существующих норм и практик, направленных на упрощение и ускорение процесса защиты интеллектуальной собственности. Аргументирована важность судебной практики для формирования подходов к патентованию и оспариванию прав и акцентирования внимания на актуальности вопросов, связанных с защитой прав авторов и общественными интересами.
Ключевые слова: патент, интеллектуальная собственность, оспаривание патентов, презумпция авторства, авторское право.

Проблема защиты исключительных и личных неимущественных прав авторов приобретает все большую значимость в современном обществе. Проблематика патентования изобретений и авторских прав требует глубокого анализа, учитывающего динамику изменений в законодательной и правовой сферах. Рассмотренное дело выделяется на фоне многочисленных споров, связанных с патентами, и поднимает важнейшие вопросы о критериях авторства и предюридуционной экспертизе в области интеллектуальной собственности. Сегодня актуально осмыслять баланс между инновационным развитием и защищенностью творческих усилий, ведь именно на данном пересечении возникают новые возможности и вызовы. В этой связи, внимательное изучение дел о патентах становится необходимостью, позволяющей выявить не только юридические, но и философские аспекты интеллектуального труда. Очевидно, что в мире, где идеи и открытия имеют величайшую ценность, понимание природы авторства и защиты становится краеугольным камнем для дальнейшего прогресса. Важно продвигать диалог предюрисиальной экспертизы, чтобы обеспечить гармонию между правами изобретателей и потребностями общества.

Цель данной статьи заключается в анализе судебной практики, касающейся дел о недействительности патентов на изобретения. Особое внимание уделяется примеру дела № 300-ЭС17-5839, на основе которого предстоит сформулировать выводы о применимости норм материального и процессуального права. Исследование предполагает не только выявление ключевых аспектов судебных решений, но и обобщение практического опыта, который позволит глубже понять тонкости правоприменительной практики в данной сфере.

Кроме того, исследуется вопрос досудебного урегулирования конфликтов, касающихся патентных разногласий. Современные юридические механизмы предоставляют возможность сторонам прийти к компромиссному решению, избежав долгих и затратных судебных разбирательств. Однако практика показывает, что далеко не все изобретатели и организации прибегают к данным возможностям, что, возможно, связано с недостаточной информированностью или несовершенством существующих процедур. Анализ данного аспекта может способствовать разработке предложений по совершенствованию механизмов защиты интеллектуальных прав.

Прозрачность и ясность в толковании норм права, о которых идет речь, способны существенно повлиять на защиту инновационных идей, обеспечивая тем самым баланс между правами авторов и общественными интересами. Предметом исследования

являются судебные акты, касающиеся интеллектуальных прав и оспаривания патента на изобретение «Транспортный вертолет». Дело показывает, насколько важными являются критерии доказанности авторства, а также демонстрирует, какие пробелы в правоприменительной практике могут возникать. В особенности актуален вопрос о роли предварительных патентных экспертиз, которые могли бы предотвратить часть подобных споров еще на этапе подачи заявки на патент.

Анализ данного дела позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования отечественной судебной практики, связанной с интеллектуальными правами. В условиях развития инновационной деятельности система защиты интеллектуальной собственности должна обеспечивать правовую определенность и защищенность всех участников процесса. Создание прозрачных механизмов оценки авторства, усовершенствование законодательства в части проверки оснований для выдачи патентов, а также развитие альтернативных способов разрешения патентных споров позволят не только снизить количество судебных разбирательств, но и создать более благоприятные условия для развития научно-технического прогресса.

Объект внимания – правовая природа патента как фундаментального инструмента охраны интеллектуальной собственности. Исследование порядка, с помощью которого устанавливаются и опровергаются авторские права, выявляя тонкие грани и противоречия, которые могут возникнуть в ходе правовых споров. В этом контексте важно понимать, как патент служит не только средством защиты творческих замыслов, но и ареной конфликтов, где пересекаются интересы изобретателей и общества.

Как отмечают Котенева О.Е., Николаев А.С., патент – это государственный охранный документ. Он выдается патентным ведомством РФ, которое именуется Роспатентом. Патент представляет собой своеобразную охранную грамоту, дающую право изобретателю или организации выпускать свое изобретение. И никто другой не имеет права производить и продавать это изделие [1, с. 7]. В данном случае патент рассматривается как государственный охранный документ, выданный Роспатентом, который предоставляет изобретателю или организации исключительное право на использование своего изобретения. В данном контексте акцент делается на охранной функции патента и защите прав обладателя от несанкционированного воспроизводства.

В отличие от этого, Л.Ш. Султанова описывает патент как право собственности, предоставляемое государством, которое включает исключительные права на использование и продажу изобретения на определенный срок. Патент на изобретение как право собственности, которое предоставляет государство владельцу патента является исключительным правом изготавливать, использовать и продавать это изобретение в течение определенного периода, после которого требуется раскрыть данное изобретение общественности [2, с. 6]. Оно также указывает на необходимость раскрытия изобретения общественности после истечения срока патента и подчеркивает влияние патентной системы на конкуренцию и общественное благосостояние.

Патент можно определить, как официальный документ, выданный государственным патентным ведомством, который наделяет своего обладателя исключительным правом на создание, использование и продажу конкретного изобретения на определенной территории в течение заранее установленного законом срока. Этот документ служит не только защитой прав патентообладателя от несанкционированного воспроизводства, но и требует раскрытия сути изобретения общественности по истечении его действия. В этой роли патент воплощает собой не просто охранную грамоту, но и становится важным двигателем инноваций, активно формируя конкурентную среду. Он стремится создать гармонию между интересами обладателей патентов и обществом в целом, обеспечивая баланс, который способствует нежному зарождению новых идей и технологий. Таким образом, патент не только

охраняет интеллектуальную собственность, но и способствует развитию науки и техники, вдохновляя следующий виток прогресса.

Дело № 300-ЭС17-5839 связано с иском Валеева М.М. и Гайнутдинова Г.З. к публичному акционерному обществу «Казанский вертолетный завод» о признании недействительным патента Российской Федерации на изобретение «Транспортный вертолет» (патент № 2175625). Истцы утверждали, что авторы, указанные в патенте, не являлись настоящими авторами данного изобретения, и что оно возникло на основе их рационализаторского предложения. Судом первой инстанции было установлено, что патент охватывает техническое решение, аналогичное описанному в рационализаторском предложении истцов. Однако в дальнейшем суды сослались на презумпцию авторства, которая не была подтверждена достаточными доказательствами.

Для лучшего понимания данного вопроса рассмотрим определение понятия «презумпция авторства». В законодательстве Российской Федерации презумпция авторства закреплена в ст. 1257 ГК РФ: «Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное».

Понятие презумпции авторства необходимо рассматривать более расширенно, поскольку оно играет ключевую роль в защите прав авторов на их творение. Таким образом, презумпция авторства представляет собой юридический принцип, согласно которому лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, автоматически считается его автором и правообладателем. Это означает, что в отсутствие доказательств обратного данное лицо получает все права, связанные с произведением, включая право на его использование, защиту от несанкционированного использования и возможность получения доходов от эксплуатации. Презумпция авторства служит важным инструментом защиты интеллектуальной собственности, обеспечивая авторам уверенность в своих правах и создавая правовую основу для предотвращения споров о принадлежности авторства.

В контексте защиты интеллектуальной собственности данная презумпция способствует установлению ясных и понятных правовых рамок, упрощая процесс доказательства авторства в случае возникновение споров. Это позволяет авторам сосредотачиваться на творческой деятельности, не опасаясь произвольного оспаривания их прав без предоставления обоснованных доказательств. Таким образом, презумпция авторства не только защищает интересы авторов, но и способствует развитию культуры и инноваций, создавая стимулы для создания новых произведений.

Вердикт суда отметил, что наличие доказательств доступа авторов изобретения к актуальным материалам рапортов существенно влияет на их авторство. Верховный Суд, рассматривая кассационную жалобу, указал на неправомерность применения презумпции авторства, исходя из норм закона, действовавшего на момент подачи заявки на патент. Суд пришел к выводу, что истцы не только доказали наличие своего творческого вклада в создание изобретения, но и не обнаружили подтверждающих доказательств авторства ответчиков.

Ключевым моментом в решении суда стало отсутствие четкого распределения бремени доказывания, что требует более внимательного и тщательного анализа каждого случая оспаривания патентов. В данной ситуации судебные инстанции не провели должного исследования вклада каждого из авторов в разработку технического решения, что нарушает основы справедливого разбирательства. Анализ судами не охватил множество аспектов авторства, а именно: кто именно из упомянутых авторов мог иметь доступ к материалам и быть осведомленным о содержании рационализаторского предложения перед подачей заявки на патент. Это также ставит под сомнение служебные обязанности и уровень информационной открытости на предприятии в тот период.

Краткий анализ рассмотрения прецедента по делу «Транспортный вертолет» Верховного Суда РФ, можно сделать ряд выводов, касающихся правовых аспектов

оспаривания патентов и их роли в защите интеллектуальной собственности в современном обществе. Проблематика, поднятая в ходе судебного разбирательства, подчеркивает важность четкости и последовательности в правоприменительной практике, а также необходимость более глубокого осмысления принципов презумпции авторства и распределения бремени доказывания.

Судебные акты, изученные в рамках настоящего дела, иллюстрируют не только теоретические аспекты права, но и его практическое применение, а также сложности, возникающие на стыке интересов изобретателей и общества. Важно отметить, что патент, в своем качестве государственного охранного документа, не просто защищает инновации, но и формирует всю систему отношений вокруг интеллектуальной собственности, влияя на конкурентоспособность и развитие технологий.

Обсуждая проблемы, возникшие в данном конкретном случае, мы видим, что недостаточная детализация и анализ вклада каждого из авторов в создание изобретения могут привести к серьезным правовым последствиям. Это, в свою очередь, ставит под сомнение эффективность судебного разбирательства и может создать прецедент для будущих похожих дел. Презумпция авторства – мощный правовой инструмент, позволяющий защищать права создателей на их интеллектуальную собственность. Однако ее применение должно основываться на тщательно собранных доказательствах, соответствующих как действующим нормам права, так и судебной практике, сложившейся в данной сфере. Важно учитывать, что судебные разбирательства, касающиеся интеллектуальной собственности, требуют глубокого анализа доказательной базы, учета всех аспектов дела и соблюдения баланса интересов сторон. В этом контексте суд, выступая арбитром, должен делать акцент на обеспечении справедливого и объективного рассмотрения споров, защищая законные права всех участников процесса. Только такой подход способен гарантировать устойчивость системы защиты интеллектуальных прав и предотвратить возможные нарушения, связанные с неправомерным присвоением авторства.

В дальнейшем, для оптимизации процесса защиты интеллектуальной собственности, необходимо сосредоточить внимание на институциональных изменениях, которые позволят устранить выявленные недостатки в правоприменительной практике. В частности, важным направлением должны стать усовершенствования механизма проверки авторства, что позволит минимизировать количество необоснованных исков. Также значимым шагом является развитие институтов досудебного урегулирования споров, что может сократить нагрузку на судебную систему и дать возможность сторонам достичь справедливого решения без длительных разбирательств. Это обеспечит более быструю и надежную защиту интеллектуальных прав, повысит уровень доверия изобретателей к правовой системе, а также будет способствовать формированию более прозрачного и предсказуемого рынка интеллектуальной собственности.

Таким образом, вопросы патентования и защиты интеллектуальной собственности остаются крайне важными и требуют постоянного внимания со стороны законодателей, правоприменительных органов, научного сообщества и всех участников инновационной деятельности. Сам патент, являясь основополагающим инструментом охраны интеллектуальных прав, играет ключевую роль в стимулировании научно-технического прогресса и внедрении новых технологий. В этой связи четкое и последовательное правовое регулирование в данной сфере не только способствует защите прав авторов, но и обеспечивает баланс интересов между создателями инноваций и обществом в целом. Такой подход способствует формированию цивилизованного рынка интеллектуальной собственности, снижению числа судебных конфликтов и повышению уровня доверия к правовой системе, что в конечном итоге оказывает положительное влияние на развитие культуры инноваций и технологии будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котенева О.Е., Николаев А.С. Патентоведение: учебно-методическое пособие / О.Е. Котенева, А.С. Николаев. – СПб.: Университет ИТМО, 2020. – С.119.
2. Л.Ш. Султанова Процесс патентования и инновационное развитие: теоретическое осмысление и опыт китая // Иқтисодиёт ва инновацион технологиялар илмий электрон журнали. № 2. март-апрель. 2015. С. 1-10
3. Определение от 27 июля 2017 г. по делу № СИП-473/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/1dpEiNEBoBYa/ (дата обращения: 27.11.2024).
4. Определение от 3 июня 2019 г. по делу № СИП-473/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/eAulbVGGyLmn/(дата обращения: 27.11.2024).

LEGAL ASPECTS OF PATENT CHALLENGES: A STUDY OF THE “TRANSPORT HELICOPTER» CASE PRECEDENT IN THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This study is dedicated to the legal aspects of patent challenges based on the analysis of the «Transport Helicopter» case. The work examines key issues related to the presumption of authorship, the allocation of the burden of proof, and the role of patent protection in stimulating innovative development. Special attention is paid to the need for reforming existing norms and practices aimed at simplifying and accelerating the process of protecting intellectual property. The research emphasizes the importance of judicial practice in shaping approaches to patenting and contesting rights, while also highlighting the relevance of issues related to the protection of authors' rights and public interests. In conclusion, the work advocates for the necessity of harmonizing the interests of various parties in the field of intellectual property and suggests directions for further research in this area.
Keywords: patent, intellectual property, patent challenges, presumption of authorship, copyright.

Pestryakov Sergey
Scientific advisor: doctor of history Sciences, Professor V.V. Lipinskiy
Donetsk State University
E-mail: s.p.mjolnir@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ВЛИЯНИЕ БЮРОКРАТИЗМА НА РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Пилипенко П.А.
Научный руководитель: Виндилович Е.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируется состояние бюрократии в Российской Федерации в 21-ом веке в общем и в частности в последние годы, ее теоретические достоинства и недостатки, рассматривается негативное влияние бюрократизма на функционирование государственного механизма, исследуется связь между бюрократией и коррупцией, «кадровым голодом», а также взаимоотношение общества и государства при нынешнем уровне бюрократии.
Ключевые слова: бюрократия, бюрократизм, государственный механизм, коррупция, управление.

Любое государство, исключением среди которых не стала и Россия, на пути своего развития приходит к необходимости установления бюрократической системы управления, дословно обозначающей власть канцелярий, то есть системы, при которой должности государственных и муниципальных служащих, их полномочия и компетенция строго определены и специализированы, приоритет отдается формальным взаимоотношениям и правилам, отчего возрастает степень формализма.

Однако, как и предшествующая система, бюрократия, являясь важным элементом механизма государственного регулирования, помимо положительных сторон имеет некоторые недостатки, негативно и в значительной степени влияющие на эффективность функционирования государственного аппарата. С такими недостатками и крайней формой бюрократии – бюрократизмом – сталкивается каждое государство и ищет пути их решения и преодоления, в том числе и Россия.

Негативные проявления бюрократии являются значимой проблемой для современного российского государства, которая хотя и решается, тем не менее усугубляется с каждым годом, что отражается во многих явлениях и процессах. Соответственно, целью исследования является выявить некоторые значимые негативные стороны бюрократии в России и сделать вывод о том, какие явления и процессы они влекут.

В сознании подавляющего числа населения понятие бюрократия ассоциируется с чем-то негативным, хотя сама по себе бюрократия как система управления государством, основанная на установленных и ответственно исполняемых правилах, является эффективной и единственно верной при данном уровне развития нашего государства и самосознания общества, при которой минимизируется роль человеческого фактора, то есть проявлений корысти либо других низменных побуждений или личной заинтересованности. Однако, как было указано, в попытке построить эту «идеальную» систему управления государством в определенный момент бюрократия выходит на следующий уровень, при котором она же не соответствует самой цели своего существования, а лишь вредить функционированию государственного механизма. Этот следующий уровень, при котором бюрократия становится негативным явлением, называется бюрократизмом. Сущность бюрократизма состоит в том, что, в общем виде соответствуя формальным признакам эффективной бюрократии, он противоречит ее принципам и назначению. Как указывают многие авторы, изучающие тему государственного управления и бюрократии, бюрократизм влечет то, что управление и создание правил становится самоцелью государственной службы. При бюрократизме формализм принимает радикальных характер, создается чрезмерно и неоправданно большое количество структурных подразделений разных специализаций внутри

ведомств, усложняются документооборот и различные процедуры. При такой системе правила в нормативно-правовых актах, которые идеологически должны быть предназначены для улучшения государственного управления, лишь усложняют его, не принося никакой пользы, ухудшая взаимоотношения между государством и обществом и негативно влияя на мотивацию государственных и муниципальных служащих [1; 2].

Следовательно, бюрократизм как явление негативное и иррациональное, при котором значимость формы превосходит содержание, влечет негативные последствия и требует пути решения.

В первую очередь к числу таких негативных последствий относится качество взаимоотношений между населением и государством в лице его уполномоченных органов. Так как ввиду сложившейся системы целью бюрократов становится само управление, то есть следование строго формализованным правилам, государственные служащие не преследуют главной цели – достижения результата, из чего следует кризис доверия общества к государственным и муниципальным учреждениям. Человек, обращаясь в такие учреждения или органы с целью получения какой-либо услуги, получает ее зачастую неоправданно долго и сложно, с соблюдением различных условий, которые можно было бы упростить или исключить, в частности, предоставление большого количества документов и их копий, в отдельных случаях подтверждающих очевидные факты.

Так, согласно опросу 2005 года Института социологии РАН на тему отношения населения к бюрократии, принявшие участие в опросе граждане в подавляющем большинстве указывали негативные стороны чиновничества по сравнению с положительными. В частности, 63,7 процента граждан отметили такие негативные черты как равнодушие к людям и формализм, что подтверждает вышесказанное утверждение о том, что чиновники зачастую не нацелены на достижение результата в виде качественно и своевременно выполненной работы или предоставленной услуги, а лишь следуют нормам нормативно-правовых актов. 58,5 процента указали на продажность чиновников, 48,5 процента отметили безразличие государственных служащих к государственным интересам, а также 47,6 процента опрошенных посчитали, что чиновники непорядочны, нечестны и безответственны. Разумеется, данная оценка не может быть полностью объективной и окончательно решающей, однако государство и власть служит обществу этого государства и только в его интересах. Потому такие оценки общества в любом случае должны восприниматься компетентными лицами в государстве и становиться истоком положительных изменений в бюрократической системе. Для актуальности и объективности следует указать результаты подобного опроса 2020 года, который был проведен Фондом Общественного Мнения. Согласно данному исследованию, граждане также в абсолютном большинстве (61 процент опрошенных) считают, что чиновники не справляются со своей работой, 34 процента опрошенных заявили, что за последние 15-20 лет эффективность работы чиновников ухудшилась. 74 считают, что к чиновникам в обществе отношение негативное. Следовательно, мнение граждан России относительно чиновничества не поменялось [3; 4].

При этом восприятие самими госслужащими, согласно исследованию РАН, чиновничества значительно отличается от мнения граждан, не относящихся к государственной службе. С одной стороны, лица, имеющие прямое отношение к государственной службе и бюрократическому аппарату, обладают более подробными знаниями об особенностях своей профессии и понимают, почему те или иные вещи, формирующие у общества негативное мнение, существуют и должны существовать. С другой стороны, формируется ситуация, при которой граждане, которым служит государственный механизм, имеют негативное отношение к чиновникам, а чиновники, то есть те, кто в силах реформировать и изменять бюрократическую систему, в свою очередь не воспринимают такое негативное мнение в свою сторону, так как являются

частью системы и считают, что лучше разбираются в том, что следует делать, а что нет, что лишь частично, но все же является правильной мыслью. Согласно вышеуказанному социологическому исследованию РАН, большинство граждан России считают, что государством должны управлять компетентные и профессиональные работники, при этом также отмечают, что нынешние чиновники не являются теми компетентными профессионалами, а лишь препятствуют развитию системы и усложняют бюрократию. Ввиду этого необходимо отметить, что каждая из сторон, то есть и граждане и чиновники, частично обоснованно имеют указанное в исследовании мнение, однако решение данного конфликта интересов должно выглядеть как соблюдение баланса, при котором чиновники, осознавая особенности управления государством и недостаточную осведомленность граждан относительно такого процесса, принимают во внимание мнение граждан относительно эффективности системы, и находят компромиссы в таких конфликтах. Как было указано ранее, государство в лице госслужащих должно служить народу России, а не существовать ради самого процесса управления [3].

Далее необходимо отметить экономическую сторону негативных качеств бюрократизма. Во-первых, указанное ранее разделение и разветвление структуры государственного аппарата и усложнение формальных процедур на всех уровнях должно быть целесообразным и оправданным, так как государственные служащие с экономической точки зрения не производят материальные блага, которые могут потребляться населением и развивать экономику, при этом служащие получают заработную плату из федерального и региональных бюджетов, которые в свою очередь формируются в том числе из налогов граждан. То есть целесообразность усложнения аппарата управления должна проявляться в том, что это усложнение в конечном счете оправдывает все связанные с этим экономические издержки. В обратном случае будет иметь место ситуация, при которой неоправданно большой штат либо большое количество структурных подразделений (отделов) будут иметь недостаточный результат выполненной работы при неоправданно большом объеме затраченных средств, то есть решение задач управления будут решаться количественным способом (денежными средствами и задействованием большего количества работников), а не качественным (правильной организацией аппарата). Также согласно вышеуказанному социологическому исследованию 2020 года, проведенного Фондом Общественного Мнения, 77 процентов опрошенных граждан считают, что штат госслужащих слишком велик и требует сокращения.

Вторая экономическая сторона негативных качеств бюрократизма это мотивированность государственных и муниципальных служащих к достижению результата. Хотя мотивированность формируется в том числе из идеологических установок в обществе и у конкретного человека, тем не менее исключительно на идее нельзя работать эффективно достаточно долго, так как каждый имеет потребности, которые удовлетворяются за деньги. И практически каждый стремится зарабатывать больше, иметь перспективу развития и карьерного роста, желает рассчитывать, что за большую или более качественную работу его труд будет оплачен в пропорциональном размере. Нынешняя система, несмотря на различные системы премий, недостаточно экономически мотивирует госслужащих к достижению результата, а лишь уменьшает мотивацию новых сотрудников стремиться к росту и дает возможность сохранения статуса-кво, при котором служащий делает ровно такой объем работы, какой позволяет не ухудшать его положение и условия службы, но не делает сверх такого объема, потому как старания могут быть не вознаграждены вовсе либо вознаграждены несоразмерно. Данная проблема, будучи элементом совокупности факторов, является причиной нынешнего системного кризиса с нехваткой кадров во всех сферах государственного управления, что будет рассмотрено далее. Вероятно, решением данной проблемы стала бы разработка новой системы оплаты труда госслужащих, либо заимствование уже

существующих систем из частного бизнеса, где каждый достигнутый или недостигнутый результат будет отражаться на заработной плате работников, что позволит увеличить эффективность перспективных служащих и отсеять неэффективных [5].

Как отмечают многие авторы рассматриваемой темы, бюрократизм и коррупция взаимосвязанные явления и способствуют друг другу. Важно понимать, что взяточничество не является всеобъемлющим содержанием коррупции. Понятие коррупции намного шире и включает в себя множество различных схем, в результате которых должностное лицо, пользуясь своим служебным положением в корыстных целях, получает материальные блага. Сама по себе бюрократия, обладая многими достоинствами, своим усложнением всего управленческого аппарата, формальных правил и процедур в теории должна минимизировать проявления коррупции, так как каждое действие строго регламентировано, некоторые процессы, в результате которых может быть заинтересован условный взяткодатель, проходят в нескольких связанных или даже не зависящих друг от друга отделах, органах и ведомствах, а также существуют различные процедуры контроля. И на практике, действительно, осуществление коррупционных схем достаточно затруднено, однако в случае если удается наладить такую схему, с задействованием некоторого количества участвующих лиц, возможно, из разных отделов или органов, каждый из которых может являться выгодоприобретателем, выявить и пресечь такую деятельность становится достаточно трудно. То есть, с одной стороны, идеологически бюрократия направлена на снижение уровня коррупции или хотя бы на усложнение осуществления коррупционных мероприятий, с другой стороны, бюрократия усложняет противодействие сложившейся в таких условиях «сложной» коррупционной деятельности, также ставя в рамки органы расследования преступлений чрезмерным формализмом процедур [6; 7].

Были рассмотрены такие факторы, как отсутствие мотивации у работников и наличие коррупции в отдельности друг от друга. Однако данные недостатки достаточно взаимосвязаны и одно частично объясняет второе. Разумеется, нельзя действия всех коррупционеров объяснять слабой материальной мотивацией. Некоторые из них являются просто патологическими коррупционерами и их действия объясняются отсутствием правильных идеологический установок в их сознании, неуважением к собственному государстве и его народу. Ни в коем случае не оправдывая коррупцию, необходимо отметить, что все же одной из причин совершения коррупционных преступлений определенной частью государственных и муниципальных служащих является отсутствие материальной мотивации и перспектив. Именно в коррупционной деятельности, которая может даже сопровождаться качественно выполняемой законной работой, такие лица находят удовлетворение своих потребностей и амбиций.

Помимо вышеуказанного, необходимо рассмотреть взаимосвязь между бюрократизмом и системным кризисом, проявляющемся в нехватке работников на государственной и муниципальной службе. Беспрестанно развивающийся бюрократизм негативно отражается не только на обществе, но и на самих государственных и муниципальных служащих, на ком держится система управления государством. Уместно проанализировать ситуацию в МВД РФ за последний год. Данный анализ, пусть и в различном процентном соотношении, отражает общую тенденцию в стране и будет уместен ко всем работникам, задействованным в государственных органах и органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях. Нехватка кадров в МВД РФ по итогу 2024 году составила 174 тысячи человек при общей численности в 934 тысячи человек. Направленность крайне негативная, так как еще в мае этого же года глава МВД Владимир Колокольцев заявлял о нехватке в 152 тысячи кадров. И это общая статистика по стране, а в отдельных случаях нехватка кадров в районных отделах городов может составлять 50 процентов от положенного штата. Ситуация настолько сложная, что с 11 декабря 2024 года лица с судимостью вправе работать в

органах внутренних дел. Конечно, стоит отметить, что допускаются лица на службу в МВД только с погашенной из-за деятельного раскаяния судимостью по уголовным делам частного обвинения, тем не менее такое решение характеризует кадровую работу МВД не с лучшей стороны. В журналистских исследованиях приводятся разные, но достаточно очевидные мнения относительно причин увольнения и нежелания устраиваться в МВД. К таким причинам относится нехватка неоправданно маленькие зарплаты, в частности, некоторые сотрудники ППС могут получать зарплату в 20 тысяч рублей, что на данный момент составляет МРОТ; плохое отношение начальства – люди готовы работать даже за не самые большие деньги с компетентным и ответственным начальником, в обратном случае – люди увольняются; достаточно остро и давно стоит вопрос относительно работы сотрудников в личное время после рабочего дня и даже во время выходных. Это лишь некоторые причины, озвученные как бывшими и действующими рядовыми сотрудниками, так и высокопоставленными сотрудниками МВД РФ, а также членами Координационного совета профсоюза сотрудников полиции Москвы и Московской области. Для понимания причин нехватки кадров достаточно осознания самой сущности бюрократизма. Усложненные формальные процедуры делают хуже не только гражданам, но и самим работникам системы. Нескончаемый документооборот и неоправданный формализм, который фактически не имеет ничего общего с достижением результата в той или иной сфере, занимает значимую часть в рабочем времени конкретного работника, будь он сотрудник МВД или преподаватель в университете. В том время, когда работник мог действовать исходя из цели своей профессии, он вынужден тратить время на издержки бюрократизма [8; 9; 10; 11].

В данном исследовании были рассмотрены далеко не все, однако значимые негативные черты бюрократизма. Бюрократизм главной целью государственного механизма возводит сам факт управления государством. Такое явление негативно сказывается на взаимоотношениях между обществом и государством. Необходим баланс, сформированный исходя из принципа службы государства для народа. Бюрократизм экономически невыгоден из-за большой нагрузки на бюджет для материального обеспечения всевозможных разветвленных структурных подразделений и их сотрудников, что влечет недостаток средств для справедливого жалования конкретного сотрудника в отдельности. Отсутствие финансовой мотивации влечет нежелание служащих достигать результата, приводит в увольнению или коррупции. В случае правильной структурной организации государственного аппарата и формирования качественной материальной мотивационной системы нагрузка на бюджет будет уменьшена либо оправдана, неэффективные и нецелеустремленные сотрудники не выдержат конкуренции против мотивированных профессионалов, а последние в свою очередь будут мотивированы и смогут получать оправданную и соразмерную заработную плату за счет высвободившихся денежных средств, что также уменьшит уровень коррупции. Коррупция хоть и связана с бюрократизмом, тем не менее является отдельным явлением и требует самостоятельного решения, однако установление рациональной бюрократии также снизит процент коррупции. Нехватка кадров решается комплексно, включая улучшения материальной составляющей, наличие перспектив в работе, быстрая реакция на некомпетентных руководителей, сокращение неоправданных формализма и документооборота в той мере, в которой это допустимо, с той целью, чтобы работник осуществлял свою деятельность исходя из сущности и назначения профессии, так как именно с таким осознанием приходят молодые сотрудники, впоследствии разочаровываясь в избранной профессии. Решение в отдельности рассмотренных и иных проблем не принесет заметного результата, так как оно должно быть системным и последовательным - только так возможно решить проблемы бюрократизма и установить рациональную бюрократию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтатарова, С. Б. Бюрократия и бюрократизм в системе государственного управления / С. Б. Балтатарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 32 (322). — С. 70-72. — URL: https://moluch.ru/archive/322/73075/ (дата обращения: 31.01.2025).
2. Грачев Дмитрий Валерьевич СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ БЮРОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЗМ // Государственно-правовые исследования. 2020. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-byurokratiya-i-byurokratizm (дата обращения: 01.02.2025).
3. Римский В. Л. ГОСПОДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ // ВТЭ. 2023. №3 . URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gospodstvo-gosudarstvennoy-byurokratii-v-rossii (дата обращения: 31.01.2025).
4. Социологи выяснили, как россияне оценивают работу чиновников. [Электронный ресурс] // Версия Саратов. URL: https://nversia.ru/news/sociologi-vyyasnili-kak-rossiyane-ocenivayut-rabotu-chinovnikov-press-sekretar-prezidenta-o-rezultate-ochen-obidno-takoe-slyshat/ (дата обращения: 01.02.2025).
5. Бекмурзиева Х. М. Мотивация деятельности государственных гражданских служащих как средство повышения эффективности государственной гражданской службы // Управление. 2018. №4 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-deyatelnosti-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih-kak-sredstvo-povysheniya-effektivnosti-gosudarstvennoy (дата обращения: 01.02.2025).
6. Алокова Марьяна Хамидбиевна ВЛИЯНИЕ БЮРОКРАТИИ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РОССИИ // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-byurokratii-na-funktsionirovanie-gosudarstvennogo-apparata-rossii (дата обращения: 01.02.2025).
7. Римский Владимир Львович Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Полития. 2007. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byurokratiya-klientelizm-i-korruptsiya-v-rossii (дата обращения: 01.02.2025).
8. Поликанов Д. В. «Кадровый голод» на государственной и муниципальной службе // Мониторинг. 2010. №5 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-golod-na-gosudarstvennoy-i-munitsipalnoy-sluzhbe (дата обращения: 01.02.2025).
9. Масилова Марина Григорьевна, Лобов Владимир Евгеньевич Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Территория новых возможностей. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kadrovogo-obespecheniya-organov-mestnogo-samoupravleniya-i-puti-ih-resheniya-1 (дата обращения: 01.02.2025).
10. «Считают за рабов». Полицейские объяснили, почему их становится всё меньше в стране. [Электронный ресурс] // 74.ru. URL: https://74.ru/text/job/2024/05/20/73596209/ (дата обращения: 01.02.2025).
11. Путин разрешил служить в МВД лицам с погашенной судимостью. [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/11/30/24513428.shtml?updated (дата обращения: 01.02.2025).

THE INFLUENCE OF BUREAUCRACY ON THE RUSSIAN STATE MACHINERY

Annotation. The article analyzes the state of bureaucracy in the Russian Federation in the 21st century in general and in particular in recent years, its theoretical advantages and disadvantages, examines the negative impact of bureaucracy on the functioning of the state mechanism, examines the relationship between bureaucracy and corruption, "personnel starvation", as well as the relationship between society and the state at the current level of bureaucracy.
Keywords: bureaucracy, bureaucracy, state mechanism, corruption, management.

Pilipenko P.A.
Scientific adviser: Vindilovich E.A., Donetsk
State University
E-mail: pilipenko.pavelll@mail.ru

УДК 331.5-053.6

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ВЛАСТИ В РОССИИ

Пинзель Я.П.
Научный руководитель: Виндилович Е.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: статья посвящена исследованию проблемы конфликта интересов между различными уровнями власти в России. Конфликт интересов, возникающий, когда личные интересы должностных лиц противоречат их служебным обязанностям, представляет собой серьезную угрозу для эффективного функционирования государственных институтов и способствует коррупции. В статье анализируются причины и последствия конфликта интересов, а также рассматриваются существующие законодательные инициативы и механизмы, направленные на его предотвращение. Основное внимание уделяется необходимости системного анализа проблемы, выявлению негативных последствий конфликта интересов и разработке рекомендаций по его урегулированию. Исследование подчеркивает важность повышения прозрачности и подотчетности государственной власти для восстановления доверия граждан к институтам управления.
Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, коррупция, антикоррупционная культура, служебные обязанности, этические стандарты, прозрачность, подотчетность, законодательство, управление.

Проблема возникновения конфликта интересов актуальна не только для экономической сферы, но и для других аспектов общественной жизни, особенно в контексте управления государством. Конфликт интересов, возникающий, когда личные интересы должностных лиц противоречат их служебным обязанностям, представляет собой серьезную угрозу для эффективного функционирования государственных институтов. Неурегулированный конфликт интересов порождает множество проблем, одной из которых является коррупция. Коррупционные практики, в свою очередь, ведут к негативным последствиям, затрагивающим все сферы жизнедеятельности общества, от экономического развития до социальной стабильности.

Кроме того, игнорирование интересов общества в пользу узких интересов государственных служащих значительно снижает доверие граждан к органам публичной власти. Это подрывает основы правового государства и создает атмосферу недовольства среди населения, что делает тему конфликта интересов особенно актуальной для глубокого исследования.

Несмотря на существующие законодательные инициативы и меры по борьбе с конфликтом интересов, многие аспекты этой проблемы остаются нерешенными. В частности, недостаточное внимание уделяется системному анализу причин и последствий конфликта интересов на различных уровнях власти, а также разработке комплексных мер для его предотвращения.

Цель данной статьи заключается в анализе нормативного закрепления конфликта интересов в рамках российского законодательства, выявлении негативных последствий этого явления и предложении рекомендаций по его урегулированию и предотвращению. Это исследование имеет важное значение для повышения прозрачности и подотчетности государственной власти, а также для восстановления доверия граждан к институтам управления.

Конфликт интересов — это ситуация, в которой личная заинтересованность должностного лица может повлиять на процесс принятия решений, нанося ущерб интересам личности, общества или государства. Это понятие охватывает широкий спектр ситуаций, в которых личные интересы могут искажать объективность, беспристрастность и профессиональную этику в процессе выполнения служебных

обязанностей. Важно отметить, что конфликт интересов не всегда приводит к коррупционному поведению, однако он создает условия, способствующие возникновению коррупции и других форм злоупотреблений.

Под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод и преимуществ. Личная заинтересованность может проявляться в различных формах, включая финансовые выгоды, личные или семейные связи, а также в виде других ресурсов, которые могут быть использованы для удовлетворения собственных нужд или интересов. В случаях, когда должностное лицо принимает решения, основываясь на своих личных интересах, это может привести к конфликту с его служебными обязанностями.

А.В. Пономарёв под конфликтом интересов понимает обстоятельства в работе государственного или муниципального служащего, которые мешают ему исполнять свои прямые служебные обязанности из-за личного финансового или иного другого интереса, а также его зависимость от сторонних людей и организаций [6, 289]. Он подчеркивает, что такая зависимость может приводить к принятию решений, которые не соответствуют интересам общества и государства, что, в свою очередь, подрывает доверие к государственным институтам и создает почву для коррупции [6, 290].

О.В. Курбатова рассматривает конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность должностного лица может повлиять на процесс принятия решения и таким образом принести ущерб интересам государства, общества, а также отдельных граждан [2, 40]. Он акцентирует внимание на том, что такие конфликты часто возникают в условиях недостаточной прозрачности и контроля, что делает необходимым внедрение эффективных механизмов мониторинга и отчетности для предотвращения подобных ситуаций [2, 41].

Т.В. Малахова анализирует конфликт интересов как дисбаланс между служебными обязанностями и личной заинтересованностью государственного служащего, который порождается не только личными мотивами, но и комплексом правовых и организационных условий [3, 123]. Она отмечает, что для эффективного управления конфликтами интересов необходимо учитывать не только индивидуальные факторы, но и системные проблемы, такие как недостаток правовой базы и слабая антикоррупционная культура [3, 124].

Д.Г. Городецкий определяет конфликт интересов как столкновение интересов различных субъектов, связь между которыми может быть основана как на профессиональных, так и личных, экономических и других отношениях [1, 31]. Он подчеркивает, что такие конфликты могут возникать не только на уровне отдельных чиновников, но и на уровне целых организаций, что требует комплексного подхода к их выявлению и урегулированию [1, 33].

С.Н. Шевердяев в своей монографии «Управление конфликтом интересов лиц, замещающих государственные и муниципальные должности: конституционно-правовой анализ» рассматривает влияние современной антикоррупционной культуры на российское конституционное законодательство, устанавливающее особенности статуса лиц, замещающих государственные и муниципальные должности [7]. Он утверждает, что развитие антикоррупционной культуры должно стать основой для формирования эффективных механизмов управления конфликтами интересов.

А.Ф. Ноздрачёв в научно-практическом пособии «Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование» (2016) считает, что конфликт интересов как основа коррупционных правонарушений ставит под угрозу авторитет государственной (муниципальной) службы, поражая организационные, правовые и нравственные основы государства [4]. Он подчеркивает необходимость создания четких механизмов

предотвращения и урегулирования конфликтов интересов для восстановления доверия к государственным институтам.

К.А. Шуман рассматривает понятие «конфликт интересов» как противоречие, возникающее между личными интересами человека и его профессиональными, служебными обязанностями [8]. Наличие такого противоречия может повлиять на непредвзятость и беспристрастность решений, мер или бездействия при исполнении официальных распоряжений, регулирующих полномочия и профессиональные обязанности. Он акцентирует внимание на важности формирования этических стандартов и повышения осведомленности среди государственных служащих.

О. А. Овчинко выделяет условия, которые способствуют возникновению конфликта интересов: высокий уровень неопределённости компетенции, дублирование полномочий государственных органов, их структурных подразделений, государственных служащих; недостаточная информированность общества о деятельности органов государственной власти; наличие противоречий между нормативными правовыми актами органов власти различного уровня, включение в них положений, способствующих созданию условий для коррупционного поведения [5]. Он подчеркивает, что устранение этих условий является ключевым шагом к снижению уровня коррупции и повышению эффективности государственного управления.

Конфликт интересов в России обусловлен множеством факторов, включая институциональные, законодательные и моральные аспекты.

Одной из ключевых причин конфликта интересов является недостаток правового регулирования функций органов государственной власти. Отсутствие четких норм и стандартов, регулирующих поведение государственных служащих, создает пространство для злоупотреблений и коррупции. Дублирование полномочий также является распространенной проблемой, возникающей из-за размытости и неточности определения функций и полномочий государственных служащих. Это может привести к конфликтам между различными уровнями власти и затруднить принятие эффективных решений.

Неудовлетворительное финансовое и материальное положение государственных служащих может подталкивать их к реализации личных интересов. Низкие зарплаты и отсутствие социальных гарантий создают условия, способствующие коррупционному поведению. Государственные служащие, недовольные своим денежным содержанием и социальным статусом, могут искать возможности для получения дополнительных доходов, что повышает вероятность возникновения конфликта интересов.

Противоречия между нормативными правовыми актами органов власти различного уровня также способствуют возникновению конфликта интересов. В некоторых случаях законодательные акты могут содержать положения, которые создают условия для коррупционного поведения. Например, отсутствие четких критериев для определения коррупциогенности нормативно-правовых актов может привести к их произвольному толкованию и применению, что создает дополнительные риски.

Глубокие социальные противоречия в России также оказывают влияние на систему организации власти. Противоречия между политическими и государственно-административными структурами отражают двоякий характер ориентаций макроуправленческой системы. С одной стороны, государственные институты ориентированы на закрепление и стабилизацию государственной власти, что подразумевает необходимость поддержания контроля над общественными процессами и обеспечением правопорядка. С другой стороны, они также должны реагировать на макроэкономические изменения и потребности граждан, что требует гибкости и адаптивности в управлении. Эти противоречия могут приводить к конфликтам интересов, когда служащие вынуждены балансировать между требованиями политической власти и нуждами общества.

Конфликты интересов могут негативно сказаться на процессе принятия решений в государственных органах. Когда служащие сталкиваются с необходимостью удовлетворять личные интересы или интересы своих близких, это может привести к искажению объективности и снижению качества принимаемых решений. Например, если чиновник принимает решение в пользу компании, принадлежащей его родственнику, это может не только привести к неэффективному использованию бюджетных средств, но и подорвать доверие общества к государственным институтам.

Для эффективного управления конфликтами интересов необходимо внедрение комплексных механизмов, направленных на их предотвращение и минимизацию. К таким механизмам можно отнести:

1. **Разработка четких этических норм и кодексов поведения**: Установление ясных стандартов поведения для государственных служащих поможет повысить уровень их ответственности и осознания последствий своих действий.

2. Ужесточение законодательства: Введение строгих санкций за нарушение норм антикоррупционного законодательства может стать сдерживающим фактором для потенциальных злоупотреблений.

3. **Прозрачность и подотчетность**: Обеспечение прозрачности в процессе принятия решений и открытости к общественному контролю может способствовать снижению рисков возникновения конфликтов интересов.

4. **Обучение и повышение квалификации**: Регулярные тренинги и семинары по этике и антикоррупционному поведению для государственных служащих помогут повысить их осведомленность о возможных конфликтах интересов и способах их предотвращения.

Реализация публичного интереса, в некоторых случаях, может приносить личную выгоду чиновникам, что создает опасные прецеденты для функционирования государственных институтов. Ситуации, в которых такая пересекаемость происходит, могут быть как прямыми, так и косвенными. Прямая заинтересованность проявляется в тех случаях, когда чиновник принимает решения, которые непосредственно касаются его родственников или знакомых. Например, при назначении социальных гарантий, выдаче лицензий или трудоустройстве родственников в государственные учреждения, чиновник фактически использует свои полномочия для личной выгоды. Это может привести к серьезным нарушениям как моральных, так и правовых норм, подрывая доверие общества к государственным институтам.

Косвенная заинтересованность, в свою очередь, представляет собой более скрытую форму конфликта интересов. Она может проявляться, когда чиновник оказывается в ситуации, когда его действия в рамках служебных обязанностей могут привести к получению выгоды от третьих лиц. Например, чиновник может оказывать определенные преимущества одному бизнесу, а затем получать от него подарки или денежные вознаграждения. Это создает риск не только для законности принимаемых решений, но и для целостности самой государственной системы, поскольку подрывает принципы справедливости и равенства в доступе к государственным ресурсам.

Еще одним важным аспектом является получение подарков и услуг от физических лиц или организаций, с которыми чиновник имеет служебные отношения. Это может включать в себя бесплатные услуги, скидки, ссуды и даже оплату развлечений. Такие действия могут не только нарушать закон, но и создавать серьезные моральные дилеммы для государственных служащих, которые должны действовать в интересах общества, а не в своих личных интересах.

Примеры из практики, когда должностные лица используют свои полномочия в корыстных целях, показывают, насколько серьезной может быть проблема конфликта интересов. Один из ярких примеров - случай с сотрудником ГИБДД, который за денежное вознаграждение выдал водительское удостоверение знакомому физическому

лицу без сдачи необходимых экзаменов. Это не только нарушает закон, но и ставит под сомнение безопасность на дорогах, что является прямым следствием коррупционных действий. Другой пример - глава муниципального района, который продал земельный участок своему сыну по заниженной цене, что привело к потере значительных средств для муниципального образования. Такие случаи подрывают доверие граждан к власти и создают атмосферу безнаказанности для тех, кто использует свои служебные полномочия в корыстных целях.

Последствия конфликта интересов могут быть весьма разрушительными. Они включают в себя риск причинения вреда законным интересам граждан, организаций и общества в целом. Например, если чиновник принимает решения, которые приносят выгоду только ему или его близким, это может привести к убыткам для компаний и снижению налоговых поступлений в бюджеты различных уровней. В конечном итоге, это может негативно сказаться на социально-экономическом развитии региона или страны в целом. Кроме того, трансформация государственной воли в личные интересы может проявляться в использовании должностными лицами своих властных полномочий для извлечения личной выгоды, что противоречит как законодательству, так и моральным нормам.

Анализ случаев, когда государственная власть используется для личной выгоды, показывает, что это явление не является единичным. Непосредственное участие должностных лиц в коммерческой деятельности для извлечения прибыли, использование служебного положения для «перекачки» государственных денежных средств в коммерческие структуры, предоставление льгот для своих корпоративных групп - все это примеры того, как личные интересы могут подменять публичные. Такие действия не только подрывают основы правового государства, но и создают условия для дальнейшего распространения коррупции, что в свою очередь ведет к снижению эффективности государственного управления.

Использование подставных лиц и родственников в коммерческих структурах также представляет собой серьезную проблему. Чиновники могут использовать свои связи и влияние для создания компаний, которые будут получать государственные контракты, что создает замкнутый круг коррупции. Это не только нарушает принципы честной конкуренции, но и препятствует развитию здорового бизнес-климата в стране. Кроме того, манипуляции с информацией, такие как искажение данных или затягивание сроков выдачи разрешений, могут быть использованы для создания искусственных барьеров для конкурентов, что в свою очередь приводит к монополизации определенных рынков. Чиновники могут намеренно затягивать процесс получения разрешений для одних компаний, в то время как другим, имеющим связи с ними, предоставляются преференции. Это создает неравные условия для ведения бизнеса и подрывает принципы свободного рынка.

Манипуляции с информацией также могут включать в себя фальсификацию отчетов о выполнении государственных программ или проектов. Например, чиновники могут представлять завышенные данные о выполнении работ, чтобы оправдать выделение бюджетных средств, которые затем могут быть использованы в личных интересах. Это не только вредит бюджету, но и подрывает доверие граждан к государственным институтам, вызывая недовольство и разочарование.

Для борьбы с конфликтом интересов и коррупцией необходимо внедрять эффективные механизмы контроля и прозрачности в государственном управлении. Важным шагом является создание независимых антикоррупционных органов, которые будут следить за действиями государственных служащих и расследовать случаи злоупотреблений. Также стоит развивать системы электронного управления, которые позволят сократить возможности для коррупционных действий и минимизировать человеческий фактор в процессе принятия решений.

Системные проблемы, связанные с коррупцией и злоупотреблениями, проявляются в различных аспектах государственного управления, включая распределение бюджетных средств, передел собственности и коррупционные явления в судебной системе. Распределение бюджетных средств является одной из наиболее уязвимых областей, где коррупция может проявляться в виде взяток и манипуляций. По свидетельству экспертов, почти половина актов по выдаче государственных кредитов или распределению бюджетных средств сопровождается коррупционными схемами. Это явление усугубляется существованием нереального и нереализуемого бюджета, который предоставляет чиновникам широкие полномочия в решении вопросов о том, сколько средств недодать, кому перевести деньги раньше, а кому позже. В таких условиях возникает ситуация, когда чиновники могут использовать свои полномочия для личной выгоды, создавая неравные условия для конкуренции и подрывая доверие граждан к государственным институтам.

Передел собственности также является серьезной проблемой, связанной с коррупцией. Чиновники могут участвовать в процессе передела собственности, используя свои служебные полномочия для организации заказных банкротств, недружественных слияний и поглощений, а также различных корпоративных конфликтов, связанных с захватом чужого бизнеса. Эти действия не только нарушают закон, но и создают атмосферу безнаказанности, где личные интересы чиновников становятся важнее интересов общества. Коррупционные явления в судебной системе также требуют особого внимания. Известны случаи, когда судьи принимают решения в пользу более обеспеченной стороны, а также случаи затягивания дел по ходатайству заведомо проигрывающей стороны, что используется для удержания незаконно захваченной собственности и извлечения максимальной прибыли из нее.

Выявление конфликта интересов представляет собой сложную задачу, поскольку он может быть незаметным на первый взгляд. Существуют несколько причин, по которым это становится затруднительным. Во-первых, недостаток прозрачности и открытости в организации может способствовать возникновению конфликта интересов. Если информация о действиях и решениях участников недостаточно доступна или ограничена, это создает условия для злоупотреблений. Во-вторых, низкая этическая культура и неправильное поведение участников также усложняют выявление конфликта интересов. Если в организации отсутствуют нормы этического поведения и контроля, а также несоблюдение этих норм, это создает дополнительные риски. В-третьих, отсутствие четких правил и механизмов предотвращения конфликта интересов может приводить к тому, что сотрудники не осознают риски своей личной заинтересованности.

Анализ действующего законодательства и механизмов контроля показывает наличие ряда недостатков, которые могут усложнять выявление конфликта интересов. Одним из основных недостатков является отсутствие законодательно закрепленного перечня типовых конфликтных ситуаций. В этом случае первоначальная субъективная оценка потенциально конфликтных действий и решений возлагается на государственного служащего, что может мешать ему объективно оценить ситуацию. Нечеткость и неполнота механизма предотвращения и урегулирования конфликта интересов также не позволяют применять его напрямую. Декларирование как единственный способ идентификации конфликта интересов создает дополнительные риски, так как многое зависит от исполнительской дисциплины и осознанности работников, а также от применяемых в организации процедур сбора данных и системы мотивации.

Исследования конфликтов интересов в России показывают, что личные интересы государственных служащих могут негативно влиять на принятие решений, что ведет к ущербу интересам общества и государства. Авторы подчеркивают важность выявления

и урегулирования таких конфликтов, а также необходимость формирования антикоррупционной культуры и этических стандартов.

Результаты исследований могут быть использованы для разработки теоретических моделей, которые помогут глубже понять механизмы возникновения конфликтов интересов и их влияние на государственное управление. Это может способствовать улучшению правовой базы и теоретических основ антикоррупционной политики.

Полученные выводы могут быть внедрены в практику государственного управления через создание четких механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов интересов. Это включает в себя улучшение контроля, повышение прозрачности деятельности государственных органов и обучение служащих этическим стандартам. Необходимы дальнейшие исследования для более глубокого анализа системных проблем, способствующих конфликтам интересов, а также для разработки новых подходов к их управлению. Это может включать изучение международного опыта и адаптацию успешных практик к условиям России, а также исследование влияния антикоррупционной культуры на эффективность государственных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городецкий Д.Г. Сущность и понятие конфликта интересов на государственной службе // Государство, общество, бизнес в условиях цифровизации. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. - Саратов, 2020. С. 31 - 33.
2. Курбатова О.В. Конфликт интересов на государственной службе: содержание понятия // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 1. С. 39 - 42.
3. Малахова В.А. Понятие конфликта интересов // Право и законность: вопросы теории и практики: сборник материалов Всероссийской научнопрактической конференции. – М., 2019. С. 123 - 124.
4. Ноздрачев А.Ф. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование : научно-практическое пособие / Т.С. Глазырин, Т.Л. Козлов, Н.М. Колосова [и др.] ; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. — 224 с.
5. Овчинко О. А. Конфликт интересов на государственной службе: конкретизация понятия // NOVAUM.RU. — 2017. — № 9. — С. 83–89
6. Пономарев А.В. Проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 289 - 290.
7. Шевердяев С.Н. Управление конфликтом интересов лиц, замещающих государственные и муниципальные должности: конституционно-правовой анализ: монография / С.Н. Шевердяев. М.: Юстицинформ, 2021. — 392 с.
8. Шуман, К. А. Понятие конфликта интересов / К. А. Шуман. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 4 (346). — С. 460-463. — URL: https://moluch.ru/archive/346/77867/ (дата обращения: 26.01.2025).

CONFLICT OF INTERESTS BETWEEN DIFFERENT LEVELS OF POWER IN RUSSIA

Annotation: the article is dedicated to the study of the issue of conflict of interests between various levels of power in Russia. A conflict of interests arises when the personal interests of officials contradict their official duties, posing a serious threat to the effective functioning of state institutions and contributing to corruption. The article analyzes the causes and consequences of conflicts of interest, as well as existing legislative initiatives and mechanisms aimed at their prevention. Special attention is given to the necessity of a systematic analysis of the problem, identifying the negative consequences of conflicts of interest, and developing recommendations for their regulation. The study emphasizes the importance of increasing transparency and accountability of state authorities to restore public trust in governance institutions.
Keywords: conflict of interests, public service, corruption, anti-corruption culture, official duties, ethical standards, transparency, accountability, legislation, governance.

Pinzel Y.P.
Scientific supervisor: Vindilovich E.A., senior lecturer
Donetsk State University
E-mail: yanapinzel@mail.ru

УДК 343.137.2

МЕХАНИЗМЫ ГАРАНТИРОВАНИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Свириденко В.В.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная статья исследует механизмы, используемые в уголовном процессе для гарантирования прав, свобод и законных интересов личности. Рассматриваются различные аспекты этого процесса, включая презумпцию невиновности, право на справедливое судебное разбирательство, применение норм международного права и международных стандартов, права на защиту и представительство, а также возможности обжалования решений.
Ключевые слова: механизмы, свободы, законные интересы, личность, уголовный процесс.

Защита прав, свобод и законных интересов личности является одной из ключевых задач уголовного процесса. В современном обществе этот вопрос приобретает особую актуальность, учитывая рост числа преступлений и необходимость обеспечения справедливости при их рассмотрении.

Цель данного исследования – изучение механизмов, которые гарантируют защиту прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе. Это позволит не только понять, как эти механизмы функционируют на практике, но и выработать рекомендации по их усовершенствованию.

Для достижения поставленной цели был использован анализ нормативных актов, научной литературы и судебной практики. Были проанализированы такие механизмы, как презумпция невиновности, право на защиту, право на обжалование, право на получение информации, а также право на компенсацию в случае ошибочного обвинения.

Механизмы гарантирования прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе играют важную роль в обеспечении справедливости и защите прав человека. В условиях судебного разбирательства, где на кону свобода и добро человека, необходимо создать надлежащие условия для сбалансированного доказывания обвинения и защиты. [1]

Презумпция невиновности является одним из основных механизмов гарантирования прав и свобод личности в уголовном процессе. В соответствии с этой презумпцией, лицо считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в установленном порядке. Это позволяет избежать ошибочных обвинений и неправомерных ограничений прав и свобод личности. [2, 3, 4]

Право на компенсацию в случае ошибочного обвинения позволяет восстановить нарушенные права и восстановить положение лица, которое было незаконно обвинено и лишено свободы. Этот механизм имеет важное значение для обеспечения справедливости в уголовном процессе и компенсации ущерба. [2, 3, 4]

Одним из главных механизмов, который обеспечивает гарантию прав личности, является право на адекватную и квалифицированную юридическую помощь. У каждого обвиняемого должна быть возможность обратиться за юридической помощью и представления интересов в суде профессиональным адвокатом. Адвокат должен обладать необходимыми знаниями и опытом, чтобы эффективно представлять интересы своего клиента и гарантировать соблюдение его прав в процессе уголовного разбирательства. Право на защиту обеспечивает возможность лицу принимать активное участие в уголовном процессе, представлять доказательства своей невиновности и иметь доступ к квалифицированной юридической помощи. Этот механизм помогает

сбалансировать интересы обвиняемого и общества, обеспечивая справедливость в ходе уголовного судопроизводства. [5]

Кроме того, гарантии прав личности включают право на честное и независимое судебное разбирательство. Это означает, что судебный процесс должен проводиться открыто, с соблюдением процессуальных правил и принципов. Судьи должны быть независимыми от внешних влияний и обеспечивать справедливое рассмотрение дела с обеих сторон. Также, каждый человек имеет право на обжалование решений суда и пересмотра судебного решения в вышестоящих инстанциях. Право на обжалование является важным средством защиты прав личности в случае неправильного или несправедливого решения суда. Лицо имеет возможность обжаловать решение суда вышестоящему суду и добиваться пересмотра дела. Это позволяет исправить судебные ошибки и обеспечить справедливость в конкретном уголовном процессе. [6]

Важным элементом механизмов гарантирования прав личности в уголовном процессе является соблюдение принципа конфиденциальности. Процессуальные действия, связанные с расследованием и судебным разбирательством, должны быть осуществлены с соблюдением приватности личности и без проникновения в личную жизнь обвиняемого или потерпевшего без необходимости.

Право на получение информации обеспечивает прозрачность и открытость уголовного процесса. Лицо имеет право ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, представить свои позиции и доказательства, а также принимать участие в заседаниях суда. Этот механизм гарантирует равенство сторон и защиту законных интересов личности. [7]

В целях защиты прав и интересов личности важна также роль сторонних наблюдателей и общественности. Обеспечение доступа к суду и наблюдение за судебными процессами, включая присутствие представителей средств массовой информации и общественных организаций, способствует прозрачности и открытости судебного процесса, а также контролю за соблюдением прав обвиняемого.

Таким образом, механизмы гарантирования прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе представляют собой комплекс правовых норм и процессуальных гарантий, направленных на обеспечение справедливого рассмотрения дела и защиту прав человека. Они играют важную роль в сохранении принципов правового государства и соблюдении основных ценностей, лежащих в основе уголовного правосудия.

Основные проблемы обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых на стадии досудебного производства в РФ включают в себя следующие:

Нарушение презумпции невиновности: В некоторых случаях процессуального испытания на стадии досудебного производства придается большее значение, чем презумпция невиновности. Подозреваемый или обвиняемый могут быть подвергнуты публичному осуждению и дискриминации до вынесения виновного приговора.

Несоблюдение сроков задержания: Важным аспектом защиты прав подозреваемых и обвиняемых является установление конкретных сроков задержания. Однако, в некоторых случаях, эти сроки могут быть нарушены, что приводит к пролонгации времени содержания подозреваемых или обвиняемых под стражей без должного судебного рассмотрения.

Ограничение доступа к юридической помощи: Подозреваемым и обвиняемым не всегда предоставляется возможность вызвать адвоката на досудебном производстве или получить профессиональное юридическое представительство на этой стадии. Это ограничение может влиять на их возможность защитить свои права и интересы.

Применение необоснованных мер пресечения: В некоторых случаях подозреваемым или обвиняемым может быть назначена необоснованная мера

пресечения, такая как содержание под стражей или домашний арест. Это может привести к ограничению их основных прав и свободы без достаточных оснований.

Согласно статистике в 2022 г. (таблица 1) количество поданных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу незначительно снизилось (менее чем на 1%). При этом число удовлетворенных ходатайств осталось почти тем же, тогда как отказов стало на 5% больше. Стоит отметить, что более чем двое сократилось число применения залога в качестве альтернативной меры пресечения, а домашний арест и запрет определенных действий применялись почти на том же уровне, что и в 2021 г. (таблица 2). [9]

Таблица 1. Статистика уголовного судопроизводства за 2022 год.

2022	**Рассмотрено**	**Удовлетворено**	**Отказано**	**Залог**	**Домашний арест**	**Запрет определенных действий**	**Отозвано органом, производство прекращено, оставлено без рассмотрения**
Всего дел	97 311	87 687	9 624	42	3 407	1 321	1 170
Особо тяжких	32 758	31 078	1 672	6	942	135	306
Тяжких	40 757	35 876	4 891	15	1 819	74	514
Средней тяжести	19 575	17 101	2 472	15	542	378	246
Небольшой тяжести	4 221	3 632	589	6	104	68	104

Таблица 2. Статистика уголовного судопроизводства за 2021 год.

2021	**Рассмотрено**	**Удовлетворено**	**Отказано**	**Залог**	**Домашний арест**	**Запрет определенных действий**	**Отозвано органом, производство прекращено, оставлено без рассмотрения**
Всего дел	98 034	87 905	10 129	71	3 549	1 125	1 264
Особо тяжких	31 202	29 461	1 738	2	992	142	341
Тяжких	42 568	37 436	5 137	36	1 871	625	542
Средней тяжести	19 863	17 242	2 617	26	600	275	274
Небольшой тяжести	4 401	3 766	637	7	86	83	107

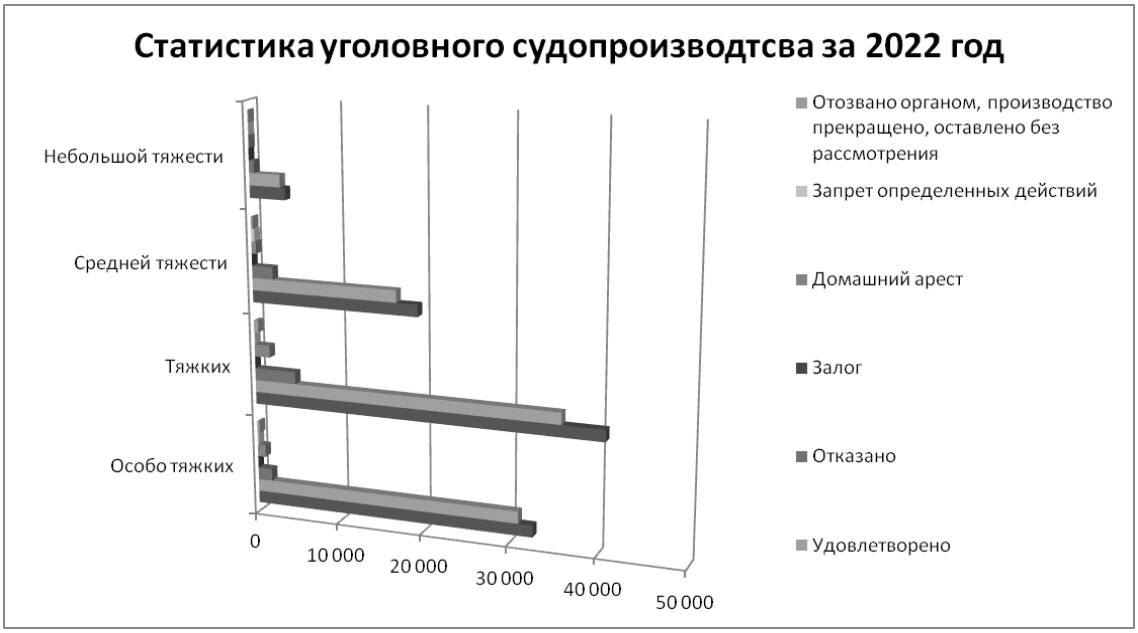

Рисунок 1. Статистика уголовного судопроизводства за 2022 год.

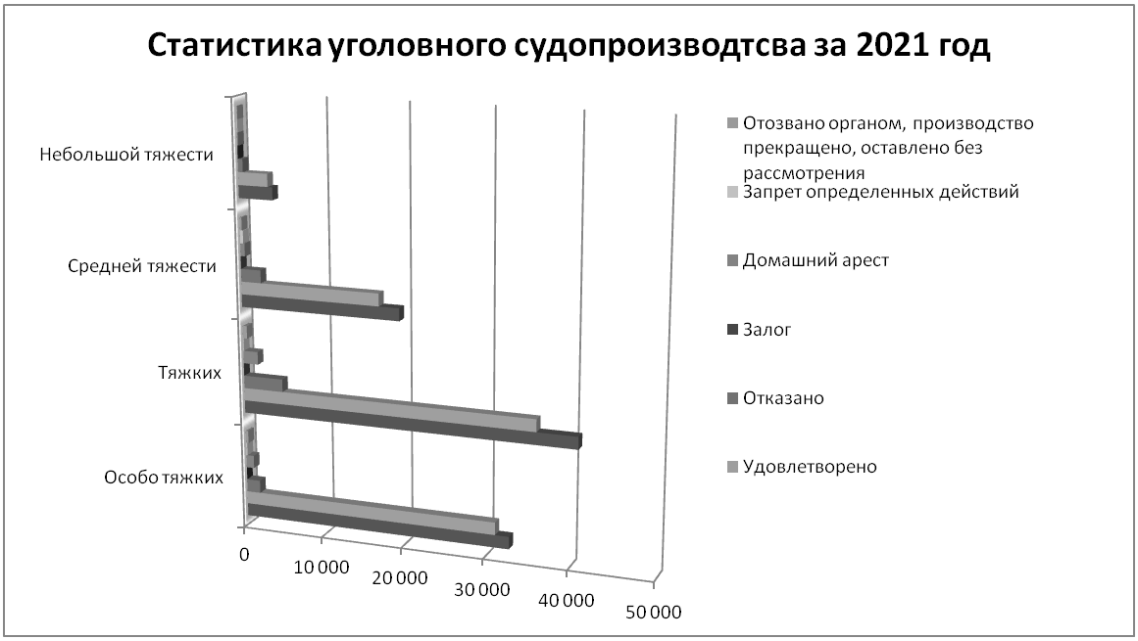

Рисунок 2. Статистика уголовного судопроизводства за 2021 год.

Мера пресечения, такая как заключение под стражу, может быть применена во время уголовного судопроизводства на основании установленных законодательством условий. Однако, несмотря на это, некоторые аргументы говорят о том, что такая мера может быть нарушением презумпции невиновности.

Принцип презумпции невиновности подразумевает, что каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина полностью не доказана в компетентном суде. Заключение под стражу до вынесения окончательного вердикта может создать впечатление, что обвиняемый считается виновным уже на этой стадии процесса, что противоречит презумпции невиновности.

Заключение под стражу может иметь серьезные последствия для обвиняемого, даже если впоследствии его оправдают. Это может включать потерю работы, семьи,

разрушение репутации и эмоциональное стрессовое состояние. Наказание на основании презумпции невиновности должно быть вторичным для обвиняемого, и сначала должны быть исчерпаны все другие доступные меры, прежде чем осуществлять такое пристрастие.

В некоторых случаях могут быть доступны альтернативные меры, которые сохраняют презумпцию невиновности и не требуют заключения под стражу. Это могут быть такие меры, как запрет на покидание места, ограничения на общение с свидетелями или подписка о невыезде. Если возможно, использование таких альтернативных мер предпочтительно для сохранения презумпции невиновности.

Однако стоит отметить, что в конечном счете решение о применении меры пресечения принимается судом, и этот процесс должен соответствовать закону и обеспечивать справедливость. Возможно, для некоторых обвинений мера заключения под стражу может быть необходимой для обеспечения безопасности общества или уверенности в соблюдении правосудия.

Учитывая вышесказанное результаты исследования показали, что механизмы гарантирования прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе играют важную роль для обеспечения справедливости и защиты прав граждан. Презумпция невиновности, право на защиту, право на обжалование, право на получение информации и право на компенсацию являются неотъемлемыми элементами уголовного процесса, обеспечивающими равенство перед законом и защиту личности.

Дальнейшее совершенствование этих механизмов требует учета современного состояния общества и новых вызовов, с которыми сталкивается уголовное правосудие. Это может быть достигнуто через изменение законодательства и практики применения уголовного процессуального законодательства.

Одной из возможных причин нарушения механизмов защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном производстве, является применение такой меры пресечения как заключение под стражу во время уголовного судопроизводства, до момента признания человека виновным в преступлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 4 июля 2020 г. – № 144.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 24.12.2001. - N 52 (часть I). - Ст. 4921.
3. О защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и других лиц: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 23.08.2004. - N 34. - Ст. 3534.
4. Права и свободы человека и гражданина: учебник / сост. Т. Е. Шалыгина, М. М. Медведев. – М.: Норма, 2018, – 265 с.
5. Международные стандарты защиты прав человека в уголовном процессе: учебное пособие / сост. Н. М. Лопашина, Е. А. Шмарова, И. Г. Акименко. М.: Юрлитинформ, 2019.
6. Манивлец, Э.Е. Об усовершенствовании процессуальных гарантий прав и интересов участников уголовного судопроизводства / Э.Е.Манивлец // Вестник Харьковского национального университета внутренних дел. – Харьков: ХНУВД, 2007. – Вып. 39. – С. 155-160 (укр.).
7. Манивлец, Э.Е. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел (сборник статей международной научно-практической конференции) / Э.Е.Манивлец // Современная юриспруденция:актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. – С. 180-183.

8. Манивлец, Э. Е. Обеспечение конституционных прав граждан при проведении неотложных следственных действий : Учебно-методическое пособие / Э. Е. Манивлец. - Донецк : ГОУ ВПО «ДонНУ», 2018. – 95 с.
9. Адвокатская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/v-2022-godu-nadzornaya-instantsiya-rassmotrela-menshe-ugolovnykh-del/. (дата обращения 19.01.2024). – Загл. с экрана.

MECHANISMS FOR GUARANTEEING INDIVIDUAL RIGHTS, FREEDOMS AND LEGITIMATE INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This article examines the mechanisms used in criminal proceedings to ensure the rights, freedoms and legitimate interests of the individual. Various aspects of this process are being considered, including the presumption of innocence, the right to a fair trial, the application of international law and international standards, the rights to defense and representation, as well as the possibility of appealing decisions.
Keywords: mechanisms, freedoms, legitimate interests, personality, criminal procedure.

Sviridenko V.
Scientific adviser: Manivlets E. Candidate of Juridical Sciences, associate professor
Donetsk State University
E-mail: vitya.sviridenko.97@list.ru

УДК 341

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Скрыльников А.В.
Научный руководитель: Кулакова Е.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния и возможностей развития международно-правовых стандартов прав человека на евразийском континенте. С помощью политико-юридического анализа рассмотрены проблемы стандартизации и правочеловеческой защиты в актах организаций государств Евразии, составляющих активно формирующееся евразийское право. Особое внимание уделено ближнему зарубежью, которое выступает не только приоритетным направлением российской дипломатии, но и важнейшей деталью общеевразийского механизма интеграции. По аналогии с преимуществами полицентричной системы мироустройства в сравнении с однополярной выделены позитивные функции и роли института прав человека в модели многополярности. Однако окончательная реализация проекта международных стандартов Мирового большинства будет во многом зависеть от реального внешнеполитического курса Российской Федерации.
Ключевые слова: Россия, евразийская интеграция, СНГ, БРИКС, права человека.

Несмотря на скепсис консервативной части российского общества к институтам и принципам либерализма в современном мире, тема прав человека не уходит с новостных лент. В национальном же законодательстве и документах стратегического планирования права человека занимают одно из важнейших мест. Например, ст. 2 Конституции Российской Федерации гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Ст. 46 разд. IV Стратегия национальной безопасности 2021 г. выдвигает защиту основных прав и свобод человека и гражданина одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности [4], а ст. 47 разд. IV Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. отмечает, что «Россия признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, считает отказ от лицемерия и добросовестное выполнение государствами своих обязательств в этой сфере одним из условий прогрессивного и гармоничного развития человечества» [5]. Однако реалии на внешнеполитической арене позволяют предполагать, что далеко не все государства разделяют российский подход к правочеловеческой защите и готовы воздержаться от применения принципа двойных стандартов и упомянутого в Концепции лицемерия.

В этой связи целью статьи выступает изучение политических и юридических аспектов текущего положения международных стандартов прав человека (далее – МСПЧ), а также перспектив их развития на евразийском континенте как пространстве стратегического значения не только для России в силу конфликта с Западом, но и для формирующейся многополярной/полицентричной системы международных отношений.

Выводы исследования о стандартизации прав человека Мирового большинства были получены с помощью различных типов источников: упомянутой Конституции России [1], Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. [2], Казанской декларации XVI саммита БРИКС [14], документов стратегического планирования [4; 5].

Среди трудов, составивших научную базу статьи, уместно выделить в качестве основной работу Кротова М.И. «Евразийский экономический союз и многополярная глобализация» [3], в которой автор анализирует евразийскую интеграцию и ее институты в контексте построения многополярной экономической глобализации.

Совместная статья Кротова М.И. и Середы А.А. «Евразийский вектор – приоритет парламентской дипломатии России» [6] посвящена иному измерению интеграции – парламентскому. Авторы развивают тезис о необходимости совершенствования многосторонних форматов взаимодействия через межпарламентские органы Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Организацию Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), а также через созданный в перспективе институт парламентского сотрудничества в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС).

В работе Бордачева Т.В. и Пятачковой А.С. «Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток» [7] евразийская интеграция анализируется в русле российской идеи построения Большого евразийского партнерства. Также исследованы причины, сложности и пути развития интеграционных процессов, в том числе с опорой на практику Европейского союза.

Публикация Караганова С.А. «От не-Запада к Мировому большинству» [13] ценна тем, что в ней вводится в научный оборот термин «Мировое большинство», борьба за который сегодня происходит на украинском фронте.

Интересно, что вся описанная историография, будь то проект Большой Евразии, многополярной глобализации или какой-либо иной программы расширения евразийской интеграции, исходит из противоборства России с так называемым коллективным Западом. И настоящее исследование также не исключение, однако в отличие от указанных трудов, если и рассматривающих защиту прав человека, то лишь косвенно, более подробно фокусируется на правах и их стандартизации.

Не лишним будет обзор научной литературы, посвященной непосредственно юридическому аспекту международно-правовых стандартов прав человека. В статье Касьянова Р.А. и Торкуновой Е.А. «Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве» [8] проанализированы акты ЕАЭС и СНГ, гарантирующие права человека.

Пособие Сарсембаева М.А. «Международные стандарты защиты прав человека и их имплементация в судебных решениях» [9] содержит определение международных стандартов. Охарактеризованы, в том числе универсальные и региональные виды МСПЧ.

В работе Идрышевой С.К. «Регламентация норм о правах человека в документах Европейского союза и документах Евразийского экономического союза» [10] затронуты вопросы имплементации правочеловеческих стандартов в конституциях Беларуси, Казахстана и Российской Федерации как государств-участников ЕАЭС.

В схожем ключе написана статья Агафонова М.В. «Международно-правовые основы закрепления и реализации принципа приоритета прав и свобод человека в национальных правовых системах стран СНГ» [11], однако автор не ограничился тремя странами ближнего зарубежья и провел анализ конституционных норм и иных членов Содружества.

Развивая мысль в материалах об улучшении межгосударственного взаимодействия на просторах Евразии, в перспективе следует стремиться к построению межконтинентальной стандартизации – международных базовых принципов прав человека Мирового большинства.

Но сперва всё же нужно ответить на вопрос: что же такое международно-правовые стандарты? Конечно, существует большое количество подходов к их определению. Профессор Сарсембаев М.А. указывает, что «…международные стандарты защиты прав человека – это нормы, закрепленные в международных актах (договоры, резолюции, декларации), определяющие виды прав человека и содержащие минимальные требования к их защите государствами-участниками» [9, с. 7]. В данном случае, как нетрудно догадаться, используется международно-юридическая коннотация термина «международные стандарты».

Что же касается их международно-политического значения, то «…международные

стандарты прав человека – относительно молодой оптимум международных актов, который в нынешних реалиях представляет собой не столько механизм защиты личности, сколько политическое устройство глобального управления, зависящее от конъюнктуры на мировой арене» [12, с. 102]. Вряд ли вообще можно подтвердить существование реальной международной и универсальной системы правочеловеческой защиты. Враждебные действия пресловутого Запада сводят на нет не только эффективность, но и авторитет МСПЧ. Причем в свете последних событий выясняется, что главными приспешниками такого положения дел выступают даже не США, а еще более воинственные государства Европейского союза, которые продолжают финансировать Украину для ведения боевых действий против России. И хотя политические шаги 45-го и 47-го Президента Соединенных Штатов Д. Трампа часто подвергаются критике, решение о выходе США из Совета Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по правам человека выглядит вполне логичным. Возможное же прекращение американского присутствия в ООН в целом, с одной стороны, демонстрирует как Запад изобличает сам себя, потому что какими бы ни были недостатки Организации, все они во многом выступают проекцией деятельности как Соединенных Штатов, так и Европы, не желающих смириться с приходом полицентризма. С другой стороны, увеличиваются шансы на построение более справедливой системы защиты прав и свобод человека на мировой арене, созвучной с принципами равной и неделимой безопасности.

Если затронуть европейские региональные стандарты, фактически охраняющие рудименты однополярности, то еще в марте 2022 г. Россия закономерно покинула Совет Европы, его Парламентскую ассамблею и денонсировала Европейскую конвенцию по правам человека 1950 г. (далее – ЕКПЧ). Понятно, что некоторые государства Европейского союза и Организации Североатлантического договора (НАТО) пытаются сохранить единоличное доминирование, препятствую установлению более справедливого миропорядка. Права человека – один из инструментов для этого.

Альтернативой должно стать формирование нового института МСПЧ, выраженного нормами евразийского права. А как максимум – объединение усилий всего Мирового большинства для конструирования межконтинентальной стандартизации прав. Нагляднее особенности двух систем взглядов на институт прав человека проиллюстрированы в таблице 1, сформированной по аналогии со сравнением моделей глобализации в статье Кротова М.И. «Евразийский экономический союз и многополярная глобализация» [3, с. 18].

Таблица 1. Роль института прав человека в разных системах международных отношений

Однополярная	Полицентричная
Права человека – инструмент закрепление «двойных стандартов»	Насколько это возможно, единообразное понимание и применение прав человека
Инструмент дискредитации	Инструмент развития сотрудничества, диалога, поощрения международной защиты
Закрепление однополярного мира	Развитие многополярной/полицентричной/полифонической модели
Разрушение ооноцентризма	Реформирование ООН
Следование установленным «правилам игры»	Формирование собственного механизма защиты прав человека
Доминирование западной правовой традиции	Синтез различных традиций и правовых семей

Возвращаясь к нормам евразийского права, профессор факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова Кротов М.И. и преподаватель факультета мировой политики МГУ Середа А.А. прописывают составляющие актов Содружества

Независимых Государств следующим образом: «Наряду с нормативно-правовыми базами ЕАЭС и ОДКБ евразийское право включает и право СНГ, в которое входит Устав СНГ, порядка трехсот договоров и соглашений, более двух тысяч решений Советов глав государств и глав правительств СНГ» [6, с. 23]. Только Содружество обладает внушительной правозащитной базой в центре с Конвенцией СНГ о правах и основных свободах человека, хотя и она, как упомянуто в преамбуле, написана на основе тех документов, которые не могут способствовать мирному развитию международного сообщества. Подобные акты включают в себя Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Факультативный протокол к нему, обязательства в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) [2]. Кстати, сама организация в общем стала наследием Хельсинского заключительного акта 1975 г., который закреплял, помимо прочего, и принцип нерушимости границ. Распад же Советского Союза в 1991 г. нивелировал его. Так что, по сути, система международных правочеловеческих стандартов стала рушиться задолго до современного витка противостояния в мире.

Проведенный Касьяновым Р.А. и Торкуновой Е.А. сравнительный анализ Конвенции СНГ и ЕКПЧ [8, с. 59] показал содержательные сходства между ними. Так что Европейская конвенция также легла в основу правозащитного акта Содружества, поэтому уместно было бы внести в него поправку и указать, что реализация МСПЧ в перечисленных документах отошла от первоначальных целей и используется на Западе для политически мотивированного давления против тех, кто пытается высказывать иную точку зрения на мировые события.

В то же время Конвенции СНГ принадлежит множество оригинальных положений, отражающих особенности региона. Но поскольку акт действует только для Беларуси, Кыргызстана, Российской Федерации и Таджикистана, то имплементация международных принципов и норм, а затем их реализация в национальных законодательствах, как демонстрирует Агафонов М.В., вызывает у государств – членов Содружества разночтения: «В Армении также в правовую систему страны включаются только международные договоры, в отличие, например, от Конституции России, где речь идет еще и об общепризнанных принципах и нормах международного права (ст. 15)» [11, с. 79]. Между тем, «в соответствии со статьей 4 Конституции Республики Казахстан, нормы международных договоров являются действующим правом в Республике Казахстан наряду с нормами Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики» [10, с. 51].

Другая проблема вокруг Конвенции СНГ – отсутствие судебного органа по правам человека. Его нужно либо создавать с нуля, либо «…функции контрольного органа мог бы со временем выполнять Суд ЕАЭС, но для этого необходима политическая воля государств–участников Союза и изменения в Договор (о Евразийском экономическом союзе. – *Примеч. автора*)» [8, с. 60], обусловленные преимущественно экономической природой организации. Оба варианта несут в себе как положительные, так и отрицательные черты. Первый хорош тем, что позволит учредить специализированный институт, не затронув ни Суд ЕАЭС, ни Экономический Суд СНГ. Но какой в этом смысл, если саму Конвенцию Содружества ратифицировали лишь четыре государства? Второй вариант призван охватить больше стран ближнего зарубежья, однако далеко не всех: та же Республика Таджикистан не входит в ЕАЭС наряду с некоторыми другими государствами СНГ. Кротов М.И. и Середа А.А. выделяют и еще один изъян в структуре Союза: «…авторитет Суда ЕАЭС был бы, безусловно, выше, если бы каждую кандидатуру судьи утверждал евразийский парламентский орган, как это и было в предшественнике ЕАЭС – Евразийском экономическом сообществе» [6, с. 21]. Кстати, в

СНГ и ОДКБ подобные инструменты межпарламентского взаимодействия присутствуют.

Всё же неверно полагать, что Союз занимает вторичную роль по отношению к Содружеству. Нередко интеграционные процессы в ЕАЭС сравнивают с европейской интеграцией, прошедшей путь от Европейского объединения угля и стали к Европейскому союзу – уникальной наднациональной организации. И ведь действительно, «в определенный момент совокупность экономических и финансовых интересов должна быть дополнена комплексом интересов конкретного человека. Строгое соблюдение прав и свобод человека становится фактором, который предопределяет возможность перехода к более высоким формам интеграции» [8, с. 56]. Таким образом, Евразийский экономический союз, при условии слаженной работы его членов, способен послужить неким «мостом» к общеевразийской наднациональной организации и широкой кооперации с Мировым большинством. Но всерьез размышлять об этом пока всё же рано.

Тем не менее активно развиваются региональные инициативы евразийских государств, значительно выходящих за границы ближнего зарубежья. Налаживается диалог в формате Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) и укрепляется сплоченность БРИКС – неформального объединения Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики, Объединенных Арабских Эмиратов, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии. Если в ШОС взаимодействие по обеспечению прав человека ведется на пространстве Евразии, то деятельность БРИКС предполагает межконтинентальное сотрудничество со странами Мирового большинства. При этом у обоих организаций отсутствуют как стандартизированные принципы и нормы правочеловеческой защиты, так и судебные органы. Во многом это обусловлено тем, что «исторически все евразийские государства (и Россия здесь – совсем не исключение) относились к своей «большой родине» скорее инструментально, использовали Евразию как пространство для стратегического маневра и решения своих узких внешнеполитических задач» [7, с. 38], поэтому сама категория Мирового большинства довольно неоднозначна.

С 2022 г. ее активно разрабатывает видный российский политолог-международник, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике Караганов С.А. Объясняя природу тектонических изменений на международной сцене, ученый приходит к мысли, что происходит «…подъем (в частности, и по причине утраты военного превосходства) того, что мы в силу привычного западоцентризма мышления и языка называем не-Западом. Более точно было бы назвать эту совокупность государств и народов Мировым большинством…» [13]. Стоить заметить, данная дефиниция смогла получить признание среди политиков и научных деятелей, но до сих пор не до конца ясно, какие именно страны и по каким критериям следует к ней относить. Конечно, особое внимание в данном случае привлекает БРИКС как трансконтинентальное формирование.

В рамках XVI саммита БРИКС, например, главы государств и правительств объединения 23 октября 2024 г. утвердили Казанскую декларацию, в которой п. 21 разд. «Укрепление многосторонности для более справедливого и демократического миропорядка» содержит следующую формулировку: «Мы договорились укреплять сотрудничество по вопросам, представляющим взаимный интерес, как в формате БРИКС, так и в рамках многосторонних форумов, включая Генеральную Ассамблею ООН и Совет ООН по правам человека, с учетом необходимости поощрения, защиты и соблюдения прав человека неизбирательным, неполитизированным и конструктивным образом, без применения двойных стандартов» [14, с. 8]. Достаточно соотнести данное положение с вышеозначенной дискриминационной политикой недружественных стран Запада и выходом США из указанного Совета ООН, чтобы заметить разницу между

подходами к правам человека Мирового меньшинства и Мирового большинства, нацеленного на утверждение полицентричного мироустройства.

Казанская же декларация может стать базисом для выработки более специфического документа в области МСПЧ Мирового большинства на площадке БРИКС. Неформальный статус объединения станет только помощником, поскольку его членам не придется затрачивать много времени ради согласования формулировок, а сам акт не будет накладывать юридические обязательства. В целом оптимальным вариантом видится написание и принятие нового документа снова в декларативной форме, например, под названием «Декларация международных стандартов прав человека Мирового большинства для полицентричного мира».

Россия в данном процессе способна сыграть лидирующую роль, гармонично объединяя под одной крышей разнообразие западных и восточных культур. Другие крупные евразийские державы подобным похвастаться не могут: все-таки индийская система каст очень своеобразна, а Китай как Поднебесная противопоставляет себя другим народам.

В любом случае перспектива построения единой системы международно-правовых стандартов Мирового большинства становится всё вероятней. Необходимо систематически, комплексно и по всем направлениям форсировать интеграционные мероприятия в Евразии. Безусловно, в основе объединения лежит экономический аспект, но в эпоху искусственного интеллекта и повышенного внимания к человеческому капиталу стоит в равной степени уделять внимание и гуманитарному вектору, причем в самом широком смысле этого слова. Россия же как важнейший центр мировой системы должна преодолеть пресловутый западный крен. Да, концептуально можно прописать любые формулировки, но вот изменить мышление куда сложнее. Реакция на инициативы Президента США Д. Трампа по урегулированию конфликта на Украине лишь подтверждает, что общественность готова мгновенно переместить внешнеполитический фокус на Соединенные Штаты и Европу, забывая прежние установки на развитие отношений со странами Мирового большинства. В условиях российской политической обстановки власти нужно провести радикальные изменения сверху с тем, чтобы административными методами отрегулировать международную жизнь страны, препятствуя всяческим попыткам заигрывать с недружественными режимами и поощряя сотрудничество со всеми конструктивно настроенными государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.02.2025).
2. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52645/ (дата обращения: 25.02.2025).
3. Кротов М.И. Евразийский экономический союз и многополярная глобализация // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 18. – № 1 (47). – С. 15–24. – DOI: https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-15-24. – EDN: ANLSZC.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения: 21.02.2025).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 21.02.2025).
6. Кротов М.И., Середа А.А. Евразийский вектор – приоритет парламентской дипломатии России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17. – № 1 (43). – С. 16–28. – DOI:

https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-16-28.
7. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – № 3. – С. 33–51. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bolshoy-evrazii-v-povorote-rossii-na-vostok (дата обращения: 22.02.2025).
8. Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 5 (44). – С. 56–62. – DOI: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-5-44-56-62.
9. Сарсембаев М.А. Международные стандарты защиты прав человека и их имплементация в судебных решениях. Сарсембаев М.А. – Астана, 2016. – 142 с. – ISBN 978-601-7800-39-0.
10. Идрышева С.К. Регламентация норм о правах человека в документах Европейского союза и документах Евразийского экономического союза // World science. – 2019. – № 3 (43). – С. 50–54. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentatsiya-norm-o-pravah-cheloveka-v-dokumentah-evropeyskogo-soyuza-i-dokumentah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza (дата обращения: 24.02.2025).
11. Агафонов М.В. Международно-правовые основы закрепления и реализации принципа приоритета прав и свобод человека в национальных правовых системах стран СНГ // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 76–80. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-zakrepleniya-i-realizatsii-printsipa-prioriteta-prav-i-svobod-cheloveka-v-natsionalnyh-pravovyh (дата обращения: 25.02.2025).
12. Скрыльников А.В. Международно-правовое регулирование стандартов прав человека: состояние и перспективы для России после специальной военной операции // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития, гарантирования и реализации прав человека»: сб. тезисов научных трудов / под общ. ред. Л.Ю. Одеговой, Е.Н. Дорошевой, А.А. Тимофеевой. – Донецк: ДонГУ, 2024. – С. 100–102.
13. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 5 (117). – С. 6–18. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18.
14. Казанская декларация XVI саммита БРИКС // Официальный сайт Президента России. – 44 с. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS IN THE EURASIAN SPACE: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

Annotation. The research paper is devoted to the study of the current state and potential for development of international legal standards of human rights in the Eurasian region. Through political and legal analysis, it examines the challenges of standardization and protection of human rights within the frameworks of various acts of organizations in the Eurasian states, which together form an actively evolving Eurasian law. Special attention is given to the near abroad region, which is not only a key priority for Russian diplomacy but also an integral part of the broader Eurasian integration process. By analogy with the benefits of a polycentric world order compared to a unipolar system, the positive contributions and roles of the human rights institution in a multipolar model are emphasized. However, the ultimate implementation of the draft international standards of the World Majority will largely depend on the real foreign policy course of the Russian Federation.
Keywords: Russia, Eurasian integration, CIS, BRICS, human rights.

Skrylnikov A.V.
Scientific adviser: Kulakova E.V., Ph.D. in Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: artemiusskril@gmail.com

УДК 342.951

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ

Слизовский В.А.
Научный руководитель: Каблов Д.С., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассмотрено определение понятия «административный регламент» и его признаки. Проведен анализ нормативной базы, регулирующей разработку и применение административных регламентов. Выявлены проблемы правового регулирования административных регламентов в Российской Федерации. Исследованы перспективы цифровизации административных регламентов и проблемы, возникающие ввиду цифровой трансформации.
Ключевые слова: административный регламент, правовое регулирование.

Вступление. Правовое регулирование административных регламентов приобретает все большее значение в условиях модернизации государственного управления, направленного на повышение его эффективности и прозрачности. Административные регламенты обеспечивают унифицированный подход к выполнению административных процедур, создавая правовые и организационные условия для их единообразного применения. Они регулируют широкий спектр управленческих процедур, включая порядок исполнения государственных функций, предоставление государственных услуг, а также взаимодействие между органами и подведомственными организациями. Однако анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о ряде проблем, связанных с отсутствием четкости в правовом статусе регламентов, недостаточной детализацией процедур и их несоответствием современным требованиям административной реформы.

Проблематике правового регулирования административных регламентов уделяли свое внимание следующие авторы: К.В. Давыдов, В.В. Дегтянникова, Н. Л. Зуева, Л.С. Козлова, Д.А. Эльмурзаев и др. Тем не менее, вопросы унификации подходов к разработке регламентов, их адаптации к современным требованиям административной реформы и цифровизации остаются недостаточно проработанными. Кроме того, требует дальнейшего изучения влияние административных регламентов на обеспечение баланса между интересами государства и граждан, а также их роль в создании условий для эффективного и прозрачного предоставления государственных услуг.

Целью исследования является комплексный анализ проблем правового регулирования административных регламентов, а также разработка предложений по их совершенствованию.

Основная часть. Административный регламент представляет собой официальный правовой акт управления, который детально определяет структурированные, чётко прописанные и формально закреплённые правила, нормы и процедуры, направленные на регулирование деятельности органов исполнительной власти, а также на обеспечение единообразия и прозрачности при предоставлении государственных услуг и выполнении государственных функций, с целью повышения эффективности и улучшения качества административных процедур [1, с. 343].

Данный документ служит важным инструментом упорядочивания деятельности государственных органов, обеспечивая чёткие алгоритмы выполнения функций, последовательность действий и установленные сроки их реализации. Он играет ключевую роль в организации работы государственных структур, формализуя процессы и обеспечивая их прозрачность. В этом контексте он сочетает в себе признаки административного акта, регулирующего конкретные действия, и нормативного

правового акта, который устанавливает общие обязательные правила, обеспечивающие последовательность и соблюдение стандартов при реализации государственных функций.

В научной литературе административный регламент определяется как официальное, подзаконное, юридически властное действие волеизъявления органов исполнительной власти, направленное на выполнение управленческих функций и достижение целей управления в рамках их компетенции [2, с. 245].

К числу ключевых характеристик административного регламента можно отнести следующие:

1. Нормативный характер – наличие обязательных правил поведения, регулирующих общественные отношения, рассчитанных на неоднократное применение.
2. Официальный статус – разработка и утверждение уполномоченным органом в установленном порядке, а также государственная регистрация в Минюсте РФ.
3. Целевая ориентация – принятие для достижения конкретных задач, связанных с улучшением государственного управления и взаимодействия с гражданами [3, с. 86].

Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» служит ключевым документом, устанавливающим правовые основы для систематизации и регулирования процедур, связанных с оказанием государственных и муниципальных услуг.

Административные регламенты, определяющие порядок исполнения государственных функций и предоставления услуг, формируются и утверждаются на основе установленных нормативными актами требований. Данные правила подробно описывают, каким образом должны быть установлены сроки исполнения и последовательность выполнения административных процедур (действий). Они распространяются на деятельность органов исполнительной власти, государственных корпораций и учреждений, управляющих государственными внебюджетными фондами.

Несмотря на наличие нормативной базы, сохраняется правовая и терминологическая неопределенность, связанная с нормативным характером административных регламентов. Отсутствует единая точка зрения на взаимоотношение и разграничение понятий «государственная услуга» и «государственная функция». Согласно постановлению Правительства РФ от 16.05.2011 №373, разница между этими регламентами состоит в сфере их применения: регламенты государственных функций регулируют контроль (надзор), а регламенты государственных услуг направлены на отношения с запросами физических и юридических лиц [5].

В юридической литературе подчеркивается необходимость расширения состава субъектов, имеющих право разрабатывать административные регламенты по делегированным полномочиям [3, с. 89]. Существующие нормативные акты часто ограничивают процесс разработки административных регламентов, не позволяя субъектам Российской Федерации эффективно разрабатывать и адаптировать эти документы для реализации государственных полномочий, переданных им федеральным законодательством. Такой подход препятствует созданию детализированных и специфичных регламентов, что в свою очередь приводит к снижению качества и эффективности работы органов власти. Отсутствие чёткой регламентации административных процедур создаёт дополнительные трудности в их практическом применении и усложняет взаимодействие с гражданами, так как порой они сталкиваются с неясностями или неурегулированными вопросами в процессе получения государственных услуг.

Исследователи считают, что расширение круга субъектов, наделённых правом разработки и утверждения административных регламентов, позволит повысить точность, актуальность и соответствие норм текущим потребностям, улучшая таким

образом работу государственных органов и облегчая гражданам процесс получения услуг [3, с. 89].

Кроме того, в действующем законодательстве отсутствует четкое закрепление полномочий, касающихся определения, кто именно – региональный или муниципальный орган власти – должен разрабатывать административный регламент в случае передачи полномочий с регионального уровня на муниципальный. Данный пробел создает правовую неопределенность, что затрудняет организацию процесса подготовки и утверждения регламентов на местах, а также приводит к избыточной бюрократии и замедлению административных процедур. Особенно это становится заметным при необходимости быстрого реагирования на изменения в законодательстве или в социально-экономической ситуации, когда неясность в распределении полномочий только усложняет процесс адаптации нормативных актов.

В результате существующего пробела возникает острая необходимость в разработке более чётких и конкретных механизмов распределения полномочий между различными уровнями власти. Такие механизмы должны обеспечить не только ясность в разграничении обязанностей и ответственности, но и оперативность в принятии и реализации административных регламентов. Без чёткой координации между федеральным, региональным и местным уровнями власти остаётся высокая вероятность юридической неопределённости, что затрудняет эффективное выполнение государственных функций. Разработка таких механизмов поможет устранить существующие правовые пробелы, повысить уровень взаимодействия между различными государственными структурами, улучшить контроль за соблюдением регламентов и значительно ускорить процессы предоставления государственных услуг, что, в свою очередь, повысит доверие граждан и бизнеса к государственным институтам и их работе.

Следующей из основных причин, снижающих эффективность административных регламентов, является нестабильность требований к их содержанию. В последние годы требования к структуре, формату и содержанию регламентов неоднократно менялись, что создаёт значительные сложности как для органов, разрабатывающих эти акты, так и для их применения в повседневной практической деятельности. Постоянные изменения в нормативной базе приводят к необходимости пересмотра уже принятых регламентов, их адаптации и актуализации в соответствии с новыми требованиями, что затрудняет процесс стабильного и последовательного применения регламентов, поскольку каждый раз требуется вносить изменения и пересматривать ранее установленные нормы.

Частые и кардинальные изменения в требованиях увеличивают вероятность юридических ошибок и повышают объём работы по приведению существующих регламентов в соответствие с актуальными нормами, что, в свою очередь, негативно сказывается на оперативности, снижает эффективность государственного управления и повышает затраты на администрирование, поскольку приходится тратить ресурсы на постоянное обновление и корректировку документов, что не способствует улучшению работы государственных органов.

Действующее законодательство также не регулирует сроки подготовки проектов административных регламентов, что в условиях необходимости оперативных изменений приводит к бюрократическим задержкам. Несмотря на установленные сроки прохождения обязательных процедур, таких как получение заключений независимой экспертизы и проведение экспертизы Министерством экономического развития, а также общественное обсуждение, длительность этих процедур препятствует быстрому внесению изменений в существующие регламенты. В связи с этим представляется целесообразным введение упрощенной процедуры внесения изменений в административные регламенты, что могло бы значительно ускорить процесс их адаптации к новым требованиям и повысить оперативность принятия решений.

Частично проблему синхронизации законодательства об административных регламентах с остальным законодательством можно решить посредством изменения структуры самих регламентов. Например, перенесение справочной информации, такой как адреса, графики работы и контактные данные, в информационные системы, такие как Федеральный реестр государственных услуг (ФРГУ) и Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), позволило бы избежать необходимости внесения изменений в регламент при изменении таких данных. Кроме того, с учетом того, что процедура досудебного обжалования уже подробно регламентирована действующим законодательством, можно было бы сократить соответствующие разделы в административных регламентах, что позволило бы сделать их более компактными и ориентированными на основные процедуры предоставления услуг.

Также стоит отметить, что на асинхронность и качество административных регламентов влияет их несоответствие более высокоуровневым нормативным актам, что нередко приводит к юридическим коллизиям. Например, в случае с Федеральным законом «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ, в котором пенсионеры обязаны предоставлять вид на жительство, однако это требование не отражено в регламентах, касающихся выплаты пенсий [6]. Такие несоответствия приводят к правовой неопределенности и затрудняют исполнение регламентированных действий. Решение этой проблемы требует более тщательной координации между различными уровнями правового регулирования и обеспечения согласованности норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

В рамках данной статьи затронем также перспективу адаптации административных регламентов к задачам цифровой трансформации, которая требует внедрения электронных сервисов и автоматизации процессов управления.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637-р выделяет ключевую роль и необходимость внедрения цифровых технологий в систему государственного управления [7]. В контексте адаптации административных регламентов к задачам цифровой трансформации, ключевыми приоритетами являются автоматизация межведомственного взаимодействия, переход на электронный документооборот и внедрение облачных сервисов для обеспечения эффективного и безопасного функционирования органов государственной власти. Данные изменения требуют пересмотра действующих регламентов, их модернизации и упрощения с целью оптимизации управленческих процессов и повышения доступности государственных услуг для граждан и организаций.

Цифровая трансформация государственных услуг предполагает кардинальный пересмотр традиционных процессов их предоставления с целью перевода в электронный формат, что должно обеспечить более высокую скорость, доступность и удобство для граждан и бизнеса. Однако текущая нормативная база, включая административные регламенты, часто не готова к интеграции современных цифровых технологий, что является серьёзным препятствием на пути этого преобразования. В частности, многие административные регламенты по-прежнему ориентированы на использование устаревших, бумажных методов взаимодействия между государственными органами и гражданами, что замедляет процесс перехода к электронным сервисам. Такое несовпадение между нормативной базой и новыми технологическими возможностями не только препятствует внедрению цифровых решений, но и снижает их эффективность, так как старые правила не учитывают преимуществ и возможностей цифровых платформ.

Одной из основных проблем является отсутствие гибкости административных регламентов, что ограничивает возможность оперативного внедрения новых цифровых решений. Большинство регламентов детализируют каждую стадию выполнения государственной функции, включая взаимодействие с заявителями и внутренние процессы органов власти. В условиях цифровой трансформации такая излишняя

детализация становится препятствием, так как процесс автоматизации требует пересмотра, а в ряде случаев и упрощения процедур. Тем не менее, внесение изменений в регламенты связано со сложными бюрократическими процедурами, что приводит к временным задержкам в модернизации административных процессов.

Ещё одной значимой проблемой является необходимость интеграции административных регламентов с современными цифровыми платформами, такими как ЕПГУ и ФРГУ. Для эффективного функционирования этих платформ регламенты должны учитывать специфику работы цифровых систем, включая требования к формату данных, стандарты взаимодействия между различными информационными системами, а также обеспечению информационной безопасности и защиты персональных данных. Также важно предусмотреть доступность сервисов для различных категорий граждан, включая людей с ограниченными возможностями. В действующих регламентах эти важные аспекты часто либо полностью отсутствуют, либо проработаны недостаточно, что создаёт значительные трудности при внедрении автоматизированных решений.

Наконец, адаптация административных регламентов требует тщательного пересмотра их структуры и содержания с учётом динамичного и быстроменяющегося характера цифровых технологий. Например, информация, которая ранее фиксировалась непосредственно в тексте регламентов, такая как контактные данные или график работы, теперь может быть оперативно обновлена через цифровые сервисы, что существенно облегчает процесс корректировки данных. Однако отсутствие соответствующих нормативных положений, регулирующих эти изменения, приводит к дублированию информации и необходимости внесения изменений в сам регламент, даже при незначительных корректировках, что не только замедляет процесс цифровой трансформации, но и увеличивает затраты на администрирование, так как каждое обновление требует повторного утверждения регламента.

Для эффективного решения этой проблемы необходимо разработать унифицированные подходы к адаптации административных регламентов, включая использование цифровых инструментов, которые позволят своевременно актуализировать данные без необходимости внесения изменений в основной текст регламента, что поможет ускорить процесс внедрения и повысить эффективность административных процедур.

Выводы. Таким образом, проблемы правового регулирования административных регламентов включают правовую неопределенность, нестабильность требований, недостаточную гибкость для адаптации к цифровым технологиям, отсутствие интеграции с современными цифровыми платформами и сложности в оперативном внесении изменений из-за бюрократических процедур.

Данные проблемы замедляют процесс адаптации регламентов к быстро меняющимся условиям и тормозят внедрение эффективных технологий, что затрудняет работу государственных органов и негативно сказывается на качестве предоставляемых услуг. Более того, отсутствие чёткой и стабильной правовой базы приводит к правовым неясностям и снижению прозрачности административных процедур, что увеличивает риски ошибок и затягивает сроки реализации государственных функций.

Решения этих проблем и перспективы их преодоления включают разработку более гибкой нормативной базы, которая бы позволила быстро и эффективно адаптировать регламенты к изменениям в законодательстве и технологической среде, что требует улучшения синхронизации с другими законодательными актами, что обеспечит правовую гармонию и исключит избыточные или противоречивые нормы.

Кроме того, важным шагом станет адаптация административных регламентов к цифровым технологиям, что позволит ускорить процессы и повысить доступность госуслуг для граждан. Интеграция с современными цифровыми платформами, такими как ЕПГУ и ФРГУ, обеспечит более эффективное взаимодействие между

государственными органами и пользователями, ускорив процесс предоставления услуг. Также следует использовать унифицированные подходы для актуализации данных, что поможет устранить проблемы с дублированием информации и облегчит внесение изменений.

Принятие этих мер создаст условия для ускоренной реализации процесса цифровой трансформации, значительно повысив как эффективность предоставления государственных услуг, так и их доступность для граждан. В результате будет достигнуто улучшение качества взаимодействия между государственными органами и населением, упрощение процедур и повышение оперативности, что сделает услуги более удобными и доступными для пользователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дегтянникова, В.В. Административные процедуры и административные регламенты / В.В. Дегтянникова // Экономика и социум. – 2018. – №6 (49). – С. 342-345.
2. Эльмурзаев, Д.А. Роль административных регламентов в регулировании административных процедур / Д.А. Эльмурзаев // Форум молодых ученых. – 2019. – №4 (32). – С. 243-248.
3. Козлова, Л. С. Административные регламенты : учебное пособие для вузов / Л. С. Козлова. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 313 с.
4. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 №210-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.01.2025).
5. Постановление Правительства РФ «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» от 16.05.2011 N 373 (ред. от 20.07.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.01.2025).
6. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 N 400-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.01.2025).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» от 16 марта 2024 г. № 637-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.01.2025).

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE REGULATIONS

Annotation. The article discusses the definition of the concept of «administrative regulations» and its features. The analysis of the regulatory framework governing the development and application of administrative regulations is carried out. The problems of legal regulation of administrative regulations in the Russian Federation are identified. The prospects of digitalization of administrative regulations and the problems arising due to digital transformation are investigated.
Key words: administrative regulations, legal regulation.

Slizovsky V.A.
Scientific supervisor: Kablov D.S., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: vsevolod.slizovskiy@mail.ru

УДК 347.45/.47

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ

Соболь Д.Е.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос заключения договора в онлайн-формате, раскрываются основные положения заключения соглашения в электронном формате с помощью цифровой подписи и без нее. Рассмотрена судебная практика Российской Федерации. В научной работе также проведен сравнительный анализ нормативно-правовых актов Российской Федерации, Великобритании, Германии и Китайской Народной Республики в области составления соглашений в онлайн-формате.
Ключевые слова: электронный договор, онлайн-формат, электронная подпись, Интернет.

Понятие «договор» является одним из основных терминов гражданского права, которое закреплено на законодательном уровне. Идея соглашения имеет многовековую историю развития, связанную с правовым регулированием отношений двух сторон.

Первый договор в истории человечества был заключен в Древнем Востоке и известен как международный мирный договор между Рамзесом II и хеттским царем Хаттушашем II (1296 г. до н.э.). Этот мирный договор обеспечивал взаимную неприкосновенность, оказание помощи друг другу в случае наступления третьей стороны и выдачу перебежчиков. Таким образом, этот договор между двумя империями носил оборонительный и наступательный характер [2, с. 18].

Значение договора в современном мире не только возросло, но и приобрело обновленные принципы, характер, а также ранее неизвестные способы заключения соглашений. Так, на сегодняшний день заключение соглашения регулируется главой 28 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ):

- общий порядок заключения,
- заключение договора на торгах,
- заключение договора в обязательном порядке [1].

Стоит отметить, что одной из актуальных проблем в области составления соглашения является формат заключения, где самым распространенным на практике выступает удаленный способ совершения сделки путем обмена сообщениями при помощи электронных средств.

В виду этого происходит акцентирование правового вопроса условий действительности такого соглашения. В свою очередь цель настоящей работы заключается в комплексном анализе и составлении единых положений, которые будут регулировать договорные отношения в данном формате и при таких особенностях в соответствии сегодняшнему законодательству Российской Федерации, а также в сравнении с зарубежным опытом.

Согласно п. 2 ст. 434 ГК РФ, договор может быть заключен как в письменной форме, так и в электронной. В свою очередь данную норму дополняет ч. 4 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. 9 Федерального закона от 06.06.2001 № 1582-III «Об электронной торговле», ст. 14 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», где подчеркивается важность электронной подписи путем обмена электронными сообщениями. Необходимо подчеркнуть, что электронная подпись разделяется на простую, усиленную квалифицированную и усиленную неквалифицированную, что играет значительную роль при заключении соглашения в цифровом формате. Стоит также добавить, что законодателем даны жесткие стандарты

и требования в отношении цифровой подписи: у каждого владельца должен быть сертификат ключа, т.е. документ, который не только проверяет действительность, но и подтверждает связь обладателя с электронной подписью.

В частности, данный факт подтверждает решение № 2-1422/2024 2-1422/2024~М-1107/2024 М-1107/2024 Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 19 июня 2024 г. по делу № 2-1422/2024 [3], где договор займа заключенного между Ответчиком и Кредитором в порядке, предусмотренном Правилами предоставления микрозаймов, считается заключенным электронной подписью, если был предоставлен проверочный код Ответчика и полученного им на его номер мобильного телефона, указанный на официальном сайте Кредитора. В данном деле большую роль играет именно вид электронной подписи: простая цифровая подпись, которая выражается SMS-кодом.

В свою очередь в связи с новыми тенденциями и популярностью заключения договоров в режиме онлайн возникает вопрос относительно таких цифровых средств как сеть Интернет, где отсутствует цифровая подпись. При этом отечественные правоведы придерживаются различных мнений сравнительно специфики Интернета. Так, в своей работе Аблятипова Н.А. и Чесноков П.И. устанавливают два способа заключения договора: «через электронную почту и интернет сайты» [4, с. 66]. В свою очередь Таран К.К., согласно техническим особенностям разделяет способы на три группы: «к первой группе относятся способы, при которых используется иная коммуникация сторон: электронная почта, использование мессенджеров, различных приложений», «вторая группа отличается от первой тем, что пользователь заключает соглашения посредством клика мышкой на определенную кнопку или начинает использовать программу, расположенную на сайте» и «договоры, заключаемые посредством использования электронной подписи» [5, с. 290].

Наряду с этими идеями стоит выделить мнение Пьянковой А.Ф., которая дает более развернутую классификацию сети Интернета, учитывая вдобавок позиции вышеизложенных авторов. Так, заключение соглашений через всемирную информационную сеть имеет по ее точке зрения еще несколько дополнительных самостоятельных групп: «заключение договора конклюдентными действиями» и «заключение договора на бизнес-агрегаторе» [6, с. 147-148].

Таким образом в отечественной цивилистике авторы отмечают, что договорные отношения в онлайн режиме возможны и разнообразны, а также то, что электронная почта есть ни что иное как один из видов интернет-услуг, через который вполне реально заключить соглашение.

Рассматривая судебную практику, стоит в первую очередь обратить внимание на постановление Президиума ВАС РФ от 23.12.2003 №12998/03 [7], которое заложило основу для дальнейших юридических прецедентов в области правового регулирования договорных отношений, заключенных в онлайн формате без электронной подписи. Так, суд постановил, что документ, может быть, не подписан сторонами при условии того, что соответствующий вид связи, который стороны использовали для взаимодействия, позволяет установить офферента и акцептанта.

К таким видам связи можно отнести электронную почту, различные социальные сети и мессенджеры, однако те не закреплены на законодательном уровне как возможные электронные средства. В виду этого возникающие правовые вопросы относительно такого рода договорных правоотношений регулируются судами и расширенным официальным толкованием.

На сегодняшний день в судебной практике достаточно широко распространена точка зрения, где переписка в социальных сетях, мессенджерах и электронной почте имеет юридическую силу только в том случае, если до этого было заключено соглашение, в котором такой способ взаимодействия и коммуникации изначально был оговорен между сторонами. К примеру, в Постановлении Арбитражного суда Северо-

Западного округа от 25 января 2021 г. по делу № А56-15402/2020 [8] суд дополнительно выявил, что помимо социальных сетей, должны быть определены и конкретные телефонные номера, при помощи которых будет осуществляться переписка и взаимосвязь.

Стоит также отметить основные требования к представляемой переписки в сети Интернет как к доказательствам в гражданских делах. Так, обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации [9] показал, что в качестве подтверждения тех или иных фактов могут служить распечатанные переписки, представленные на бумажном носителе, при этом на них должны обязательно присутствовать: наименование социальных сетей, мессенджеров и электронной почты в которых происходила взаимосвязь, от кого и кому были отправлены сообщения, дату переписки. Ко всему этому данные документы должны быть заверены либо самой стороной, либо нотариусом.

Исходя из вышеизложенных научных трудов отечественных авторов и рассмотренной судебной практики, можно сделать вывод, что составление соглашения во всемирной информационной сети не только возможно, но и облегчает сам процесс подписания договора, однако все же имеет ряд юридических особенностей. К таким относятся:

– имеется возможность достоверно установить принадлежность электронной почты, аккаунтов в мессенджерах и социальных сетях сторон, т.е. провести идентификацию личности;

– в ранее заключенном соглашении оговаривается такой вариант взаимосвязи, где указаны аккаунты, номера телефонов и т.д.;

– после использования электронных и технических средств, возможно воспроизвести содержание сделки на материальном носителе;

– совершаются конклюдентными действиями (оплата банковским переводом и др.);

– использование электронной подписи.

В свою очередь уникальные особенности имеет заключение контрактов онлайн и в других странах.

Так, в Великобритании к интернет-контрактам применяется положения Директивы об электронной торговле. В английском законодательстве рассматривают три основные и распространенные методы онлайн-подписания договоров:

1) При использовании метода «просмотр-обертка» считается, что дальнейшее использование веб-сайта или покупка товаров или услуг свидетельствуют о том, что пользователь соглашается с условиями использования;

2) Метод щелчка-«переноса»: клиент нажимает кнопку, чтобы подтвердить своё согласие с условиями, обычно нажимая кнопку «согласен» или «принять», часто в диалоговом окне;

3) Цифровая подпись [10].

Стоит подчеркнуть, что при анализе доказательств в судебной английской практике, суды отдают предпочтение двум последним обоснованиям, так как эти методы больше подтверждают согласие сторон с условиями.

Заслуживает также внимание и правовое регулирование Германии в области электронной торговли. Стоит подчеркнуть, что Федеративная Республика Германия является одной из первых стран, которая еще в двухтысячных приняла закон, регулирующий правовые аспекты сделок, совершаемых в электронном виде [11]. Нормативно-правовой акт не только упростил процедуру получения согласия со стороны пользователей, но и повысил правовую безопасность интернет-продавцов, усовершенствовал механизмы защиты прав потребителей. Однако, как утверждают

Королев С.В. и Полякова Т.А., электронные соглашения имеют своим особенности в зависимости от того кто с кем по поводу чего заключает такой договор: «если речь идёт о соглашении между коммерсантом и индивидуальным заказчиком, например, о договоре розничной купли-продажи, то действуют правила, предусматривающие усиленную защиту индивидуального заказчика», а «если же речь идёт об оптовых поставках, т.е. о соглашении между предпринимателями, то ни одна из сторон не имеет преимущества перед другой» [12, с. 79].

Сложным механизмом правового регулирования электронной коммерции обладает Китайская Народная Республика, где надзорам за онлайн-платформами служит совокупность нормативно-правовых актов: закона КНР «Об электронной коммерции», закон КНР «О защите прав потребителей», закон КНР «О недобросовестной конкуренции», Закон КНР «О ценах», закон КНР «О безопасности пищевых продуктов», закон КНР «О рекламе» и т.д. Ко всему этому каждый сайт в сети Интернет, где проводится торговля, оказание услуг и т.п. должен получить лицензирование и регистрацию ICP (специальное разрешение, выдаваемое Министерством промышленности и информатизации КНР для веб-сайтов в КНР).

Как отмечают Ли Пин, Ци Юн Лю, Тан Ци КНР выстраивает свою торговую стратегию исходя из актуальных тенденций времени:

1) Торговля без барьеров (мобильная коммерция, социальная коммерция, голосовые помощники, мессенджеры, дополненная реальность и др.);
2) Покупка одной кнопкой (универсальные корзины и кнопки «нажмите, чтобы купить»);
3) Прямые продажи от производителей;
4) Автоматизация фулфилмента;
5) Умное ценообразование;
6) Блокчейн технологии;
7) Омниканальные платформы [13, с. 446].

Таким образом заключение договора в онлайн-формате и вся электронная коммерция в Китае закреплена на законодательном уровне и имеет многоуровневую степень правового регулирования, что обеспечивает правовую защиту каждой из сторон и повышает стандарты коммерческого поведения в киберпространстве.

Проанализировав основные принципы российского и зарубежного опыта в области правового регулирования договоров в онлайн-формате, можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, классификация сети Интернет, где проводится заключение различных онлайн-договоров довольна обширна. Это подтверждает работа Пьянковой А.Ф. Во-вторых, самым распространённым юридическим подтверждением составления соглашений как в Российской Федерации, так и за рубежом является электронная подпись. В-третьих, судебная практика и научные работы подтверждают, что цифровая подпись является самым надежным и эффективным доказательством заключения тех или иных сделок, однако при этом суд принимает во внимание и другие обоснования, которые должны быть заверены стороной или нотариусом: скриншоты переписки, где видны наименование сторон, мессенджеров и дата взаимосвязи. Ко всему этому, анализируя отечественные и иностранные нормативно-правовые акты, следует добавить, что законодательства стран содержат два общих закона: «Об электронной подписи» и «Об электронной коммерции (торговле)», однако в них отсутствует четкое определение таких возможных электронных средств для заключения онлайн-договоров как электронная почта, мессенджеры и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 21.01.2025)

2. Бабаев М.Я. История возникновения и развития договора как инструмента права / М.Я. Бабаев // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – №2. – С. 17-19.

3. Решение Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 19 июня 2024 г. № 2-1422/2024 2-1422/2024~М-1107/2024 М-1107/2024 // Сервис «СудАкт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/fMC60NvbnE1t/ (дата обращения: 22.01.2025)

4. Аблятипова Н. А., Чесноков П. В. Особенности заключения договора по электронной почте и через интернет-сайты в системе договорного гражданского права / Н.А. Аюлятипова, П.В. Чесноков // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2020. – №18. – С. 63-73.

5. Таран К.К. Правовой обзор особенностей и способов заключения договоров в Интернете / К.К. Таран // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – №4 (48). – С. 289-294.

6. Пьянкова А Ф. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ В РЕЖИМЕ ОНЛАЙН: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОПАСНЫЕ ВЫЗОВЫ / А.Ф. Пьянкова / Пермский юридический альманах. – 2024. – №7. – С. 145-152.

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.12.2003 №12998/03 // Справочная правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12134172/ (дата обращения: 25.01.2025)

8. Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 января 2021 г. по делу № А56-15402/2020 // Справочная правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/41349659/ (дата обращения: 25.01.2025)

9. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации от 16.03.2016 г. // «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/?ysclid=lgbz0e9uyz373684961 (дата обращения: 25.01.2025)

10. **UK – Creating A Contract Online: Which Method Is Best? URL:** https://conventuslaw.com/report/uk-creating-a-contract-online-which-method-is-best/ **(дата обращения: 28.01.2025)**

11. Gesetz über rechtliche Rahmenbedingungen für den elektronischen Geschäftsverkehr) Vom 14.12.2001, verkündet in BGBl I Jahrgang 2001 Nr. 70 vom 20.12.2001. URL: https://datenbank.nwb.de/Dokument/82106/ **(дата обращения: 28.01.2025)**

12. Королев С. В., Полякова Т. А. Два режима электронного договора в интернет-праве германии / С.В. Королев, Т.А. Полякова // Вестник Академии права и управления. – 2019. – №2 (55). – С. 78-82.

13. Ли Пин, Ци Юн Лю, Тан Ци Китайский рынок онлайн-торговли / Ли Пин, Ци Юн Лю, Тан Ци // Образование и право. – 2020. – №4. – С. 443-447.

ON THE ISSUE OF CONCLUDING AN ONLINE CONTRACT

Annotation. The article discusses the main provisions of an electronic contract, discloses the main provisions of the legal validity of an agreement in online format with and without a digital signature. The judicial practice of the Russian Federation is considered. The scientific work also provides a comparative analysis of the regulatory legal acts of the Russian Federation, Great Britain, Germany and the People's Republic of China in the field of drafting agreements in online format.

Keywords: electronic contract, online format, electronic signature, Internet.

Sobol D.E.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: soboldasha62@gmail.com

УДК 811.11-112

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Солоненко Д. М.
Научный руководитель: Жданова Н. А., к.филол.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе рассмотрены особенности перевода английской терминологии в сфере юриспруденции на русский язык, отмечена важность точности перевода для правоприменения. Проведен анализ исторического контекста и современных методов перевода, таких как использование лексических эквивалентов и описательных подходов. Выявлены основные проблемы, связанные с различиями в правовых системах и спецификой терминологии. Отмечена необходимость предложения авторского алгоритма перевода английской терминологии в сфере юриспруденции на русский язык, учитывающего специфику правовых систем и контекст использования терминов.
Ключевые слова: юридическая терминология, юриспруденция, особенности перевода, английский язык, термин.

Вступление. С момента активного заимствования западных правовых концепций в XVIII веке проблема перевода английской терминологии в сфере юриспруденции остается актуальной, поскольку точность и адекватность перевода имеют критическое значение для правоприменения. Сложность процесса перевода обусловлена не только ростом объема профессиональной лексики в сфере юриспруденции, но и динамическими изменениями в русской терминологии, отражающими развитие общества. Термины во многих правовых системах имеют разные значения и степень достоверности, что, в свою очередь, затрудняет их перевод. Неразрешимыми остаются и вопросы, связанные с различиями в национально-культурном контексте терминов.

В разное время работы С. В. Аликовой, Е. В. Годуновой, Н. В. Иноземцевой, С. Ю. Кашкина, Т. Н. Малиновской, А. С. Мамулян, К. С. Татарниковой, К. И. Таунзенд, В. В. Ясной и др. были посвящены проблеме перевода английской терминологии в сфере юриспруденции.

Однако многие аспекты перевода остаются нерешенными, включая специфику юридических понятий и их контекстуальное использование.

Цель работы заключается в анализе особенностей перевода английской юридической терминологии, выявлении существующих проблем и предложении авторского алгоритма, позволяющего улучшить качество перевода.

Объект исследования – английская терминология в сфере юриспруденции.

Предметом исследования являются особенности перевода английской терминологии в сфере юриспруденции.

Основная часть. История зарождения перевода английской юридической терминологии на русский язык берет начало в XVIII веке, с момента активного заимствования Российской империей западных правовых концепций. В 1763 году была основана первая юридическая школа в Российском государстве, способствовавшая изучению иностранных правовых систем. В 1864 году, с введением судебной реформы, было положено начало переводу английских юридических документов и терминов, способствовавшему формированию русской юридической терминологии [1, с. 164]. К концу XIX века, благодаря работам таких ученых, как Ф. Н. Плевако, английские термины стали активно использоваться в российском праве.

На сегодняшний день перевод английской терминологии в сфере юриспруденции представляет собой процесс точной передачи юридических понятий и терминов с английского языка на русский язык, учитывающий специфику правовой системы и

контекст использования терминов. Юридическая терминология включает словесные обозначения понятий, используемых при принятии законов, а основой правового перевода является юридический термин, определяющий деятельность.

Как справедливо отмечают Н. В. Иноземцева и А. А. Бородулина, в современном юридическом языке существует ряд особых требований к юридическим терминам, которые учитываются при переводе [2, с. 78]. К таким требованиям в общем виде следует относить: а) соотношение терминов с обозначаемым понятием специальной сферы; б) независимость термина от контекста; в) наличие дефиниции; г) стремление к однозначности; д) системность; е) функциональную установленность; ж) соответствие терминологическим стандартам; з) рациональную краткость; и) кодифицированность; й) мотивированность; к) стилистическую нейтральность; л) словообразовательную способность; м) грамматическую правильность; н) корректность. Определенный перечень не является исчерпывающим, однако его необходимо соблюдать для различия нормативной и ненормативной терминологии в юридической сфере. По структурной характеристике большинство юридических терминов являются производными: более половины из них – термины-словосочетания, остальные – создаются различными способами словообразования. Все термины по строению делятся на простые, сложные и термины-словосочетания.

Основу перевода англоязычных терминов на русский язык составляют следующие критерии:

1) смысловое соответствие (обеспечивающее точность передачи значения, поскольку значение лексических единиц часто отличается);

2) выбор нужного значения слова (подразумевающий, в свою очередь, анализ контекста термина и смысловых связей);

3) смысловые ассоциации (позволяющие избежать ошибок, связанных со сходством форм слов);

4) грамматика и синтаксис (поскольку порядок слов в английском и русском языках существенно отличается);

5) культурные факторы (такие, как менталитет носителей языка и др.).

Следует отметить, что именно использование справочной литературы позволяет наиболее точно уточнить значение терминов.

Необходимо рассмотреть и виды моделей словообразования юридических терминов, часто применяемых при переводе международных актов:

1) модель «V + ment»: формирует термины путем добавления суффикса «–ment» к глаголам, обозначая процесс или результат действия [3, с. 348]. Например, «establish» – «establishment» (учреждение) и «enforce» – «enforcement» (принуждение);

2) модель V + er/or образует термины путем добавления суффиксов к глаголам, позволяя создать существительные, обозначающие лица или предметы, выполняющие действие, выраженное глаголом [4, с. 168]. Например, в английском языке термины «defender» (защитник) и «executor» (исполнитель) образованы от глаголов «defend» (защищать) и «execute» (исполнять) соответственно;

3) префиксально-суффиксальная модель (способ) словообразования формирует термины путем добавления префиксов и суффиксов к корням слов [5, с. 125]. Так, термин «unlawful» (незаконный) образован с помощью префикса «un–», корня «law» (закон), суффикса «-ful»; термин «contractual» (договорной) образован от корня «contract» (договор) с добавлением суффикса «–ual»;

4) семантическая модель словообразования формирует термины путем переноса значений уже существующих слов или сочетаний слов [6, с. 355]. Например, термин «due process» переводится на русский как «надлежащая правовая процедура», где «due» (должный, надлежащий) и «process» (процесс) сохраняют свои значения, однако, в сочетании образуют новый юридический термин.

В современном периоде английского языка заимствования в области международного права и дипломатии становятся наиболее типичными. В частности, соперничество между Францией и Англией в борьбе за колонизацию территории Индии и Америки, а также союз стран во время Первой и Второй мировых войн, значительно повлияли на развитие международного права. Так, наиболее употребляемые термины приобрели двойственность значений: а) «contract» – договор (в юридическом контексте) либо соглашение (в общем контексте); б) «claim» – претензия, жалоба (в юридическом контексте) либо заявление (в общем контексте); в) «liability» – ответственность (в юридическом контексте) либо помеха (в общем контексте); г) «tort» – деликт (в юридическом контексте) либо проступок (в общем контексте); д) «judgment» – судебное решение (в юридическом контексте) либо суждение (в общем контексте); е) «property» – собственность (в юридическом контексте) либо имущество (в общем контексте); ж) «injunction» – судебный запрет (в юридическом контексте) либо требование о прекращении любого действия (в общем контексте); з) «testament» – завещание (в юридическом контексте) либо завет (в общем контексте); и) «breach» – нарушение закона (в юридическом контексте) либо разрыв (в общем контексте); й) «settlement» – урегулирование, акт распоряжения имуществом (в юридическом контексте) либо поселок (в общем контексте); к) «custody» – опека, содержание под стражей (в юридическом контексте) либо присмотр (в общем контексте); л) «forfeiture» – конфискация (в юридическом контексте) либо утрата (в общем контексте) и др. [7].

Немаловажное значение при переводе английской терминологии в сфере юриспруденции имеют приемы перевода, среди которых наиболее распространен перевод с использованием лексических эквивалентов (например, «court proceeding» – «судебный процесс», в свою очередь, калькирование воспроизводит составные части слов («partner in crime» – «соучастник преступления»). Транскрибирование формально воспроизводит исходную лексическую единицу («asset-backed securities» – «ценные бумаги", «обеспеченные активами»), а транслитерация использует алфавит языка перевода («solicitor» – «солиситор»). Описательный перевод заменяет лексическую единицу пояснительным словосочетанием («force majeure» – «обстоятельства непреодолимой силы»), а приблизительный перевод сохраняет основное значение, но в языке цели слово отличается («consideration» – «вознаграждение»). Также используют аналоги, синонимы и создают неологизмы, отсутствующие в правовой системе языка перевода («правоспособность» – «Legal capacity», «договор» – «contract», «ответственность» – «liability»).

Проблема перевода терминологии остается одной из ключевых в области права и обусловлена рядом причин, среди которых выделяются трудности, связанные со спецификой юридических терминов, а также расхождения правовых систем стран, приводящие к различным объемам понятий, которые передаются терминами-аналогами. В частности, существуют определенные единицы, характерные только для одной терминологической системы, поиск идентичных эквивалентов в другой правовой системе которых невозможен. Так, в правовой системе Соединенных Штатов Америки термин «tort» обозначает гражданское правонарушение, не связанное с договором, однако в правовой системе Российской Федерации для его обозначения используется более общее понятие «гражданское правонарушение».

На практике, отмечает А. В. Сибиряков, нередко возникают расхождения в грамматических, синтаксических и морфологических структурах английского и русского языков [8, С. 56]. В таком случае применяется перестановка порядка слов («contract law» – «право контрактов»), замена термина на более точный в русском языке) («tort» – «деликт»), добавление объяснения («Intellectual property rights» – «Права интеллектуальной собственности») или изъятие части речи, не являющейся обязательной для русского варианта изложения («to litigate» – «вести процесс»).

Большинство английских терминов в юриспруденции являются синонимами. Так, термины «lawyer» и «attorney» представляют собой юридических специалистов, однако «attorney» используется в контексте представления клиента в суде (адвокат), а понятием «lawyer» охватываются все специалисты в области права (юристы). Понятия «contract» и «agreement» употребляются в контексте заключения соглашения, но «contract» имеет юридическую силу, тогда как «agreement» – простое соглашение. «Defendant» и «accused» применяются к лицам, против которых выдвинуты обвинения, однако «defendant» используется в гражданских делах, тогда как «accused» имеет уголовно-правовое содержание.

Проблемы, связанные с трудностями перевода, побуждают к предложению использования латыни для передачи ключевых терминов юридических систем западных стран. В данном контексте К. С. Татарников отмечает сильное влияние латыни на юридическую лексику английского языка [8, с. 36]. Несмотря на то, что многие термины уходят корнями в английский язык, влияние римского права и латыни, в которой оно существовало, очевидно: термин «contract» (договор) происходит от латинского слова «contractus»; «tort» (деликт) – от латинского «tortum»; «jurisdiction» (юрисдикция) – от латинского «jurisdictio». Сегодня в английском юридическом языке сохранилось множество терминов и выражений, заимствованных из латыни. Однако на использование латыни для передачи ключевых терминов правовых систем западных стран в русскоязычном переводе существенное влияние оказывает историко-культурный аспект и различия в правовых системах стран.

Иногда возникает необходимость в предложении авторского алгоритме перевода английской юридической терминологии на русский язык с учетом специфики правовых систем и контекста, в котором используются термины:

1) анализ контекста термина с целью определения его наиболее точного значения;

2) подбор наиболее подходящего слова-эквивалента с учетом грамматических и синтаксических различий между языками;

3) использование калькирования и описательного перевода для уточнения значения;

4) проведение валидации перевода.

Для иллюстрации предложенного алгоритма перевода английской юридической терминологии на русский язык, рассмотрим термин «non-refoulement». В контексте международного права понятие обозначает принцип, запрещающий выдачу лиц, которые могут подвергнуться преследованию или пыткам. Наиболее подходящим эквивалентом, с учетом грамматических особенностей русского языке, будет являться «невыдворение». Для уточнения значения можно использовать описательный перевод – «запрет на выдачу лица другому государству». Валидация перевода может быть проведена путем закрепления русскоязычного варианта в правовом документе, закрепляющем данный правовой принцип.

Выводы. В ходе проведенного исследования была отмечена важность точности и соответствия перевода английской терминологии в сфере юриспруденции на русский язык. Исторически сложившиеся традиции и специфика правовых систем англоязычных стран создают определенные трудности, связанные с точностью передачи значений терминов на русский язык. Необходимыми требованиями перевода английской юридической терминологии на русский язык является однозначность трактования, смысловое соответствие, системность и соответствие терминологическим стандартам. Кроме того, использование лексических эквивалентов, калькирования и описательного перевода позволяет более точно передавать юридические концепции. Однако, несмотря на все усилия, проблемы, связанные с различиями в правовых системах и спецификой терминологии, остаются актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таунзенд К. И. У истоков юридического перевода в России, или как появился русский термин "вердикт" / К. И. Таунзенд // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 161-166.
2. Иноземцева Н. В. Стратегии перевода юридических терминов на русский язык (на материале англоязычного текста договора об оказании услуг) / Н. В. Иноземцева, А. А. Бородулина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12, № 1 (42). – С. 77-80.
3. Малиновская Т. Н. Структурные особенности английских юридических терминов, обозначающих виды преступлений / Т. Н. Малиновская // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 5 (90). – С. 346-348.
4. Ясная В. В. Основные словообразовательные модели, реализуемые в англоязычной терминологии уголовного права (на материале «The penal code of the State of New York») / В. В. Ясная // Проблемы лингвистики и лингводидактики : материалы международного конкурса научных работ бакалавров, магистрантов и аспирантов, Новосибирск, 23 марта 2021 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2021. – С. 167-170.
5. Годунова Е. В. Префиксация как способ образования юридических терминов в английском языке / Е. В. Годунова // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 9. – С. 124-126.
6. Аликова С. В. Лингвистический аспект терминологической сферы киберпреступлений / С. В. Аликова // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18, № 3 (55). – С. 351-358.
7. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. – М.: Изд-во Эксмо. – 816 с.
8. Татарников К. С. Проблемы перевода юридической лексики и терминологии / К. С. Татарников // Языковая картина мира, культура и перевод : Материалы XII Региональной научной студенческой конференции с международным участием, Хабаровск, 24 апреля 2020 года / Редколлегия: И. П. Федотова [и др.]. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2020. – С. 32-37.

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH TERMINOLOGY IN THE FIELD OF JURISPRUDENCE

Annotation. The paper considers the peculiarities of translating English terminology in the field of jurisprudence into Russian, and states the importance of translation accuracy for law enforcement. The analysis of the historical context and modern translation methods such as the use of lexical equivalents and descriptive approaches is carried out. The main problems related to differences in legal systems and the specifics of terminology are identified. The necessity of proposing an author's algorithm for translating English terminology in the field of jurisprudence into Russian taking into account the specifics of legal systems and the context of the use of terms is noted.
Keywords: legal terminology, jurisprudence, peculiarities of translation, English language, term.

Solonenko D. M.,
Scientific adviser: Zhdanova N. A. Ph.D., associate professor
Donetsk State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 340.151

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Солоненко Д.М.
Научный руководитель: Свиридова К. Е., ассистент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению особенностей правосознания в англосаксонской правовой системе. Обосновано положение о формировании правосознания под влиянием правовой идеологии, правовой психологии, индивидуальных знаний и личностных ценностей. Автором проведен анализ влияния прецедентного права на правоприменительную практику. Выявлены ключевые элементы правосознания и их роль в формировании отношения граждан к праву. Сделан вывод о том, что правосознание в англосаксонской системе отличается прецедентностью и активным участием граждан в правоприменении.
Ключевые слова: англосаксонская правовая система, правовая идеология, правоприменение, правосознание, прецедентное право.

Вступление. Исследование особенностей правосознания в англосаксонской правовой системе необходимо в условиях глобализации и интеграции правовых норм, поскольку понимание правосознания становится ключевым для эффективного правоприменения. Правосознание формирует отношение граждан к праву и его институтам, непосредственно оказывая влияние на соблюдение правовых норм и правопорядка. Современное состояние правосознания в англосаксонской правовой системе характеризуется динамичными изменениями, вызванными историческими, культурными и социальными факторами. Однако, несмотря на значительное внимание к правосознанию, остается нерешенной проблема установления его структуры и влияния на правовые процессы.

Актуальность исследования правосознания в англосаксонской правовой системе определяется необходимостью изучения его отличий от других правовых систем, позволяющих глубже понять правовые традиции и их влияние на общественное сознание. Рассматриваемой проблематике в разные периоды времени посвящены труды отечественных и зарубежных ученых, среди которых: Р. С. Баркалов, К. И. Бугуннаев, М. О. Воробьева, Э. К. Джамалова, Г. Д. Дахдуев, А. М. Дроздова, А. А. Мкртчян, А. А. Хабибуллина и др. Обзор исследований специалистов в области рассматриваемого вопроса позволяет отметить, что многие авторы акцентируют внимание на отдельных аспектах правосознания, в то время как комплексный анализ его структуры остается недостаточно разработанным.

Цель исследования заключается в анализе структуры правосознания в англосаксонской правовой системе, выявлении его ключевых элементов и особенностей.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере правосознания и правоприменения в англосаксонской правовой системе.

Предмет исследования – отдельные особенности формирования правосознания в англосаксонской правовой системе.

Основная часть. Великий древнегреческий философ классического периода Платон однажды отметил: «Государство – это не просто совокупность людей, но и система законов, которые обеспечивают справедливость и порядок». Действительно, в государстве правовая система играет ключевую роль, обеспечивая организацию и регулирование общественных отношений, а правосознание, как форма общественного

сознания, является важным элементом правовой системы, влияя на формирование и соблюдение правовых норм, а также на правоприменение.

В научной доктрине на сегодняшний день отсутствует единое определение понятия «правосознание», поэтому авторы трактуют его по-разному. Так, А. А. Мкртчян рассматривает правосознание как особое состояние сознания, формируемое под влиянием законов и норм права [5, с. 105]. М. О. Воробьева подчеркивает, что правосознание является сложным явлением, включающим правовую психологию и правовую идеологию [2, с. 227]. А. М. Дроздова определяет правосознание как форму общественного сознания, представляющую собой совокупность представлений и чувств, отражающих отношение субъекта к праву и его институтам [4, с. 14]. Согласно точке зрения А. А. Хабибуллиной, правосознание – форма общественного сознания, объединяющая нравственные, правовые, политические, философские, исторические и экологические элементы [8, с. 88].

Таким образом, ввиду отсутствия единого определения рассматриваемого понятия, представляется целесообразными предложить авторскую дефиницию: правосознание – это совокупность взглядов, идей, оценок и чувств индивида или общества, отражающая их отношение к правовым явлениям и служащая ориентиром для правомерного поведения и оценки существующей правовой системы.

Правосознание занимает центральное место в правовой системе – совокупности взаимосвязанных правовых норм, институтов и организаций, регулирующих общественные отношения и обеспечивающих правопорядок в обществе. Согласно классификации Рене Давида, выделяется несколько правовых систем: романо-германская, англосаксонская, религиозно-правовые (мусульманское право, иудейское право, индуистское право), социалистическая и система обычного права [7, с. 30]. Именно исследование англосаксонской правовой системы является наиболее интересным в рамках данного исследования ввиду её гибкости, основанной на прецедентном праве.

Англосаксонская правовая система, зародившаяся в 1066 году на основе королевских судов и правовых обычаев, представляет собой уникальный феномен, сформировавшийся в условиях исторических и культурных трансформаций. Основополагающими событиями, оказавшими влияние на развитие этой правовой системы, стало Великое восстание 1215 года, приведшее к подписанию Великой хартии вольностей, и последующие правовые реформы системы судов и правосудия. Важным этапом является объединение общего права и права справедливости в ходе судебной реформы 1873-1875 годов. В результате, сложилась правовая культура, отличающаяся акцентом на судебный прецедент и существенно влияющая на правосознание. Последнее охватывало не только знания о правовых нормах, но и эмоциональную оценку, влияющую на правомерное поведение. Поэтому, важным аспектом является рассмотрение структуры правосознания.

Правосознание в англосаксонской правовой системе состоит из следующих элементов:

а) правовой идеологии, отражающей общее отношение общества к праву, его принципам и нормам. Как отмечают А. М. Михайлов, А. М. Корженяк, А. П. Зройчикова и А. А. Костикова, в Соединенных Штатах Америки правовая идеология формируется под влиянием Конституции 1787 года, являющейся основой правоприменения и интерпретации законов [6, с. 134]. Действительно, Конституция, как основной документ, во всех государствах определяет права и свободы граждан, оказывая влияние и на их правосознание, а также восприятие правовой системы;

б) правовой психологии, состоящей из эмоциональных оценок правовых явлений. В англосаксонской системе правовой системе судебный прецедент играет ключевую роль, поэтому решения судов являются не только источником права, но и формируют

общественное мнение о праве. Так, решения Верховного суда Соединенных Штатов Америки по делам, касающимся гражданских прав, оказывают значительное влияние на правосознание общества, формируя представления о равенстве и справедливости. В частности, дело «Brown v. Board of Education» 1954 года, по которому Верховный суд Соединенных Штатов Америки принял решение о прекращении расовой сегрегации в школах, стало важным моментом, изменившим правосознание общества и установившим прецедент для последующих дел, касающихся прав человека и вопроса их равенства [9, с. 55];

в) индивидуальных знаний о праве, играющих важную роль в формировании правосознания. Восприятие и качественная оценка гражданами правовых норм напрямую зависят от уровня правовой грамотности в обществе. В ряде зарубежных государств (Канада, Австралия и др.) активное развитие правосознания способствует росту интереса к правовым вопросам и более высокому уровню правовой осведомленности. Отмеченное, в свою очередь, влияет на правомерное поведение граждан и их взаимодействие с правовой системой;

г) личностных ценностей индивида. В англосаксонской правовой системе индивидуальные права и свободы имеют первостепенное значение, а личные убеждения и моральные нормы формируют отношение к праву. Так, в Великобритании граждане часто обращаются к праву как к инструменту защиты своих интересов и прав ввиду укоренившейся традиции защиты прав человека и верховенства права;

д) субъективной воли индивида, основанной на знаниях и чувствах. В частности, в Австралии правосознание проявляется в виде активной защиты прав человека. Интересен и опыт Новой Зеландии, в которой правосознание выражается в движении за права маори, а знания о культурных традициях и чувства идентичности способствуют изменению законодательства, обеспечивая признание и защиту их прав и интересов.

Таким образом, правосознание в англосаксонской правовой системе формируется под влиянием различных факторов и включает в себя правовую идеологию, правовую психологию, индивидуальные знания о праве, личностные ценности и субъективную волю индивида.

Немаловажное значение представляет и сравнение правосознания англосаксонской правовой системы с правосознанием в иных правовых системах.

Как отмечалось ранее, англосаксонская правовая система (характерная для Великобритании, Соединенных Штатов, Канады, Австралии и Новой Зеландии) основывается на прецедентном праве, в котором судебные решения играют ключевую роль в формировании правовых норм.

В свою очередь, в романо-германской правовой системе (представленной такими государствами, как Австрийская Республика, Великое Герцогство Люксембург, Итальянская Республика, Княжество Монако, Королевство Бельгия, Королевство Дания, Королевство Испания, Королевство Нидерландов, Королевство Норвегия, Королевство Швеция, Португальская Республика, Республика Исландия, Российская Федерация, Федеративная Республика Германия, Финляндская Республика, Французская Республика, Швейцарская Конфедерация) правосознание граждан формируется, прежде всего, под воздействием функционирования четких и систематизированных кодифицированных норм. Законы принимаются парламентом и имеют более стабильный характер. Правосознание в перечисленных государствах акцентирует внимание на общественных интересах и социальной справедливости [1, с. 19]. Конституция, как Основной закон государства, гарантирует права граждан и подчеркивает важность социальной ответственности государства.

Традиционной правовой системе (обычного права), представленной в странах Центральной и Южной Африки, характерно правосознание, основанное на традициях и обычаях. В Республике Гана и Республике Малави правосознание формируется через

обычаи и традиционные практики, не имея формального кодифицированного выражения, по причине слабой развитости письменности и превалирующем устном характере норм-обычаев.

Религиозное право, имеющее широкое распространение в ряде мусульманских государств (Исламская Республика Иран, Республика Ирак, Республика Судан, Саудовская Аравия и др.), формирует правосознание на основе норм шариата – системе исламского права, основанной на Коране, хадисах и юридических выводах мудрецов, регулирующей все аспекты жизни мусульман. Например, в Исламской Республике Иран правосознание формируется через призму исламских ценностей и влияет на все аспекты жизни, включая брачно-семейные, гражданские и уголовно-правовые отношения.

В странах индуистского права (Народная Республика Бангладеш, Республика Кения, Республика Сингапур, Республика Союз Мьянма, Республика Уганда, Федеративная Демократическая Республика Непал и др.) правосознание также тесно связано с религиозными традициями и проявляется в семейном праве и вопросах наследования.

Смешанные правовые семьи, такие как правовые системы Израиля и Камеруна, демонстрируют сочетание различных правовых традиций. В Израиле, например, правосознание формируется на основе как англосаксонского, так и континентального права, что создает уникальную правовую среду. В Камеруне, где действуют как французские, так и английские правовые нормы, правосознание также отражает смешение культур и традиций. Это приводит к возникновению сложных правовых ситуаций, когда граждане могут сталкиваться с различными правовыми интерпретациями и процедурами в зависимости от конкретных обстоятельств.

Наиболее централизованной является социалистическая правовая система (Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба и Социалистическая Республика Вьетнам), основанная на идеях коллективизма и государственного контроля, и рассматриваемая право, как средство достижения социальной справедливости и равенства, а не только в качестве инструмента защиты индивидуальных прав. В отличие от англосаксонской правовой системы, акцентирующей внимание на прецедентном праве и индивидуальных свободах, социалистическая система характеризуется централизованным законодательством и меньшей независимостью судов. В англосаксонской правовой системе важную роль играют судебные решения, тогда как в социалистической системе законы активно используются для реализации государственной политики и социализации общества.

Таким образом, правосознание в различных правовых системах формируется под влиянием исторических, культурных и социальных факторов. Англосаксонская система акцентирует внимание на индивидуальных правах, тогда как континентальная система подчеркивает общественные интересы. Обычное право и религиозное право основаны на традициях и верованиях, в то время как смешанные правовые системы демонстрируют сложные взаимодействия между различными правовыми традициями. Правосознание англосаксонской правовой системы характеризуется прецедентностью, активным участием судов в правотворческом процессе, значением обычаев и правовых доктрин, а также преемственностью и учетом предыдущего правового опыта.

Правосознание в англосаксонской правовой системе также отражает значительное влияние культуры и традиций. Так, в Соединенных Штатах Америки Конституция 1787 года и «Билль о правах» играют ключевую роль в формировании правосознания, поскольку подчеркивают основные свободы и права граждан, а также влияют на восприятие правовых норм и их применение.

Как справедливо отмечают Э. К. Джамалова, К. И. Бугуннаев и Г. Д. Дахдуев, правосознание в англосаксонской системе формируется под воздействием активного участия граждан в правоприменении [3, с. 22]. Судебные заседания с участием

присяжных создают у граждан представление о праве как о живом и динамичном институте. Присяжные заседатели, принимая решения по делам, становятся частью правовой системы, формируют активное правосознание. Это отличие и есть то, что противопоставляет англосаксонскую правовую систему континентальным, где граждане склонны воспринимать право, как нечто отдаленное и формализованное.

Англосаксонская правовая система создает более широкие возможности для интерпретации норм права и их применения в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Судьи, опираясь на свой опыт и понимание справедливости и объективности, учитывают особенности дела и подчеркивают значимость правосознания как фактора, влияющего на правоприменение.

Выводы. Англосаксонская правовая система наиболее распространена в мире правовых семей, охватывая одну треть населения мира. Проведенное исследование позволяет выделить ключевые характеристики правосознания в англосаксонской правовой системе: прецедентность, активное участие граждан в правоприменении и меньшую степень формализованности (по сравнению с романо-германской системой). Эволюция правосознания происходила под влиянием правовой идеологии, в основе которой лежали Конституция и судебные решения, и это, в конечном счете, сформировало общественное отношение к праву и его принципам. Эмоциональные оценки правовых явлений, возникающие в результате судебных решений, существенно влияют на восприятие правосознания и правомерное поведение граждан. Уровень правовой грамотности и индивидуальные ценности играют значительную роль в формировании правосознания, акцентируя внимание на защите прав и свобод личности. Англосаксонская правовая система оставляет приоритет индивидуальным правам человека, в то время как континентальная система подчеркивает общественные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баркалов Р. С. Становление романо-германской правовой системы: теоретико-правовой аспект / Р. С. Баркалов, Р. А. Машуков // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2023. – № 5 (71). – С. 18-20.
2. Воробьева М. О. Правосознание: понятие, структура, виды, деформации / М. О. Воробьева // Вестник научной мысли. – 2022. – № 4. – С. 226-230.
3. Джамалова Э. К., Бугуннаев К. И., Дахдуев Г. Д. Особенности генезиса и развития некоторых институтов демократии в Великобритании // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 20-24.
4. Дроздова А. М. О некоторых аспектах деформации личностного и общественного правосознания / А. М. Дроздова, В. В. Ковалев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 42, № 2. – С. 13-19.
5. Мкртчян А. А. Понятие и сущность правосознания / А. А. Мкртчян // Мир Инноваций. – 2023. – № 4 (27). – С. 102-106.
6. Ранний юридический позитивизм в Англии, Германии и Испании второй половины XIX - начала XX века / А. М. Михайлов, А. М. Корженяк, А. П. Зройчикова, А. А. Костикова. – Москва : ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2021. – 200 с.
7. Рзаев О. В. о. Проблемы выбора критериев классификации национальных правовых систем / О. В. о. Рзаев // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 10 А. – С. 28-35.
8. Хабибуллина А. А. Особенности философского правосознания / А. А. Хабибуллина // Научно-исследовательский центр "Technical Innovations". – 2021. – № 6. – С. 84-89.
9. Yell, M. Brown v. Board of Education and the Development of Special Education // Intervention in School and Clinic. – 2022. – Volume 57. – P. 54-56.

FEATURES OF LEGAL AWARENESS IN THE ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEM

Annotation. The work is devoted to the consideration of the features of legal awareness in the Anglo-Saxon legal system. The article substantiates the position on the formation of legal awareness under the influence of legal ideology, legal psychology, individual knowledge and personal values. The author analyzes the influence of case

law on law enforcement practice. The key elements of legal awareness and their role in shaping citizens' attitudes to law are revealed. It is concluded that the legal consciousness in the Anglo-Saxon system is characterized by precedent and the active participation of citizens in law enforcement.
Keywords: Anglo-Saxon legal system, legal ideology, law enforcement, legal awareness, case law.

Solonenko D.M.
Scientific adviser: Sviridova K. E., assistant Donetsk
State University
E-mail: diana_solonenko@mail.ru

УДК 343.62

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СЕКСУАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ И ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ DARKNET

Солоненко К.М.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема сексуального насилия и эксплуатации несовершеннолетних лиц в сети Darknet. Приводится тревожная статистика, согласно которой, за последний год сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация применялась в отношении более 300 миллионов несовершеннолетних лиц во всем мире. Автором отмечается необходимость создания в Российской Федерации электронной базы данных лиц, осужденных за преступления против половой свободы несовершеннолетних, с целью эффективного противодействия сексуальному насилию над несовершеннолетними лицами и их сексуальной эксплуатации в сети Интернет, и её теневом сегменте Darknet.
Ключевые слова: сексуальное насилие над несовершеннолетними лицами и их сексуальная эксплуатация, сеть Darknet, противодействие преступности, международное сотрудничество, информационные технологии.

Согласно отчету Генерального секретаря семьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 8 октября 2024 года, результаты глобального исследования указывают на увеличение масштабов сексуальной эксплуатации несовершеннолетних лиц в информационно-коммуникационной сети Интернет и его теневом сегменте Darknet. За последние 12 месяцев более 300 миллионов несовершеннолетних стали жертвами такого насилия [7].

Актуальность темы обусловлена высокими показателями сексуальной эксплуатации и насилия над детьми в сети Darknet. В 2024 году около 12,6% всех несовершеннолетних лиц мира были подвержены сексуальному насилию и эксплуатации в целях создания и распространения контента порнографического содержания в теневом сегменте сети Интернет [14]. По состоянию на январь 2025 года, статистика сексуальной эксплуатации детей и сексуального насилия над детьми в сети Darknet выглядит следующим образом: Федеративная Республика Нигерия – 12%, Республика Филиппины – 11,2%, Республика Индия – 10,4%, Соединённые Штаты Америки – 9,6%, Федеративная Республика Бразилия – 8,8%, Мексиканские Соединённые Штаты – 8%, Российская Федерация – 7,2%, Украина – 6,4%, Южно-Африканская Республика – 5,6%, Вьетнам – 3,8; оставшиеся 17% приходятся на другие страны. Следовательно, проблема противодействия сексуальной эксплуатации и сексуального насилия над несовершеннолетними лицами в сети Darknet на сегодняшний день остается решённой не в полной мере.

Цель работы заключается в анализе проблемы сексуального насилия над несовершеннолетними лицами и их сексуальной эксплуатации в сети Darknet, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию технологических механизмов противодействия данному виду преступности.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассмотренной тематике, таких как: Д. Р. Бидзян, Н. Д. Захаров, Е. В. Михайлова, Д. Г. Полещук и др.

Термин «Darknet» (от англ. – «скрытая сеть», «тёмная сеть», «теневая сеть») впервые появился в 1970-х годах и обозначал информационно-коммуникационные сети, изолированные от ARPANET, которые впоследствие были объединены в сеть Интернет. С момента появления Darknet теневой сегмент стал удобным инструментом для

совершения преступлений. Так, информационные технологии и преимущества современного цифрового мира обусловили возникновение новых угроз в информационной сфере, одной из которых, на сегодняшний день, является распространение материалов сексуального насилия и сексуальной эксплуатации несовершеннолетних лиц в сети Darknet,

Статья 1 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года определяет ребенком каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному лицу, оно не достигает совершеннолетия раньше [1]. Исключение составляют страны, в которых возраст совершеннолетия наступает по достижению: 9 лет (для женщин) и 15 лет (для мужчин) (Исламская Республика Иран); 12 лет (Гренландия), 16 лет (для женщин) (Социалистическая Республика Вьетнам, Королевство Камбоджа, Исламская Республика Пакистан и Республика Куба), 21 года (Арабская Республика Египет, Республика Мадагаскар, Республика Сингапур, Государство Кувейт) и др. Именно различия в возрастных порогах затрудняют трансграничное сотрудничество при расследовании случаев сексуальной эксплуатации и сексуального насилия над несовершеннолетними лицами.

Международные конвенции в области противодействия сексуальной эксплуатации и сексуального насилия над несовершеннолетними лицами в сети Darknet формируют правовую основу для борьбы с данным видом преступности. В частности, Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, ратифицированная Федеральным законом Российской Федерации от 07.05.2013 года N 76-ФЗ, устанавливает обязанности государств по предотвращению, расследованию и наказанию преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией. Конвенции акцентирует внимание на важности международного сотрудничества в расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий и анонимных сетей. Несмотря на это, Российская Федерация оставляет за собой право не применять отдельные статьи в отношении создания и распространения порнографических материалов, вовлечения или принуждения несовершеннолетних лиц в создание порнографических материалов, а также нормы юрисдикции и применения статей, связанных с признанием преступлений, в случаях, когда граждане Российской Федерации проживают на ее территории [2].

Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних лиц и сексуальное насилие над ними в сети Darknet предполагает использование информационных и коммуникационных технологий в качестве средства сексуального насилия над несовершеннолетними лицами и/или их сексуальной эксплуатации.

Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений определяет сексуальное насилие над несовершеннолетними как умышленные действия, включающие занятия сексуальной деятельностью с лицами, не достигшими установленного законодательством возраста, или использование принуждения, злоупотребления доверием или влиянием на несовершеннолетнее лицо. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних лиц включает в себя участие в проституции, принуждение к сексуальной активности, а также их задействование в создании порнографических материалов. В контексте теневого сегмента сети Интернет данные понятия приобретают особое значение, поскольку анонимность и отсутствие контроля создают благоприятные условия для преступных действий.

Одним из основных средств борьбы с распространением в сети Darknet материалов сексуального насилия над несовершеннолетними лицами и/или их сексуальной эксплуатации является проведение правоохранительными органами расследований преступлений в данной сфере. Международные, федеральные и региональные правоохранительные органы ежегодно расследуют миллионы случаев сексуальной

эксплуатации несовершеннолетних лиц и сексуального насилия над ними в сети Darknet. Так, операция, проведенная под эгидой властей Соединённых Штатов Америки и Великобритании в конце 2017 – начале 2018 годов привела к аресту 337 подозреваемых в 38 странах в рамках расследования деятельности сайта южно-корейского сайта «Welcome to Video» в сети Darknet, распространявшего материалы порнографической направленности с участием несовершеннолетних лиц. Департамент юстиции Соединённых Штатов Америки указал на статус данного ресурса как крупнейшего в мире веб-сайта подобного рода на момент закрытия. Администраторами и «авторами» распространяемого противоправного контента на сайте «Welcome to Video» являлись граждане Республики Ирландии, Федеративной Республики Германии, Королевства Испании, Королевства Саудовской Аравии, Чешской Республики, Канады и др. [8]. Именно совместные усилия международных организаций и национальных агентств подчеркивают важность коллективного взаимодействия в противодействии такого вида преступности.

Существование унифицированных национальных законов и международных договоров в сфере уголовного сотрудничества, соглашений о предоставлении взаимной правовой помощи и выдаче преступников, создает правовую основу для борьбы с проявлениями преступности в теневом сегменте сети Интернет. Региональные и многосторонние конвенции, направленные на борьбу с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних лиц в сети Интернет и её теневом сегменте, также обеспечивают механизмы для координации действий правоохранительных органов. Несмотря на это, справедливо отмечает Н. Д. Захаров, расследование преступлений в области сексуальной эксплуатации и насилия над несовершеннолетними лицами в сети Darknet осложняется невозможностью недостаточной доступности информации и анонимностью лиц, создающих и распространяющих подобный контент [3, с. 88]. Действительно, технологические особенности сети Darknet затрудняют идентификацию преступников и препятствуют оперативному реагированию правоохранительных органов на преступные явления. В свою очередь, отсутствие единого международного механизма обмена данными и координации действий между странами создает дополнительные барьеры в борьбе с преступностью в теневой сети.

Следует отметить, что эффективное выявление и расследование преступлений в области сексуального насилия над несовершеннолетними лицами и/или их сексуальной эксплуатации с использованием сети Darknet осложняется отсутствием взаимодействия следственных и оперативных подразделений Министерства внутренних дел со специальными подразделениями по кибербезопасности. Так, в 2022 году сотрудниками Управления «К» Министерства внутренних дел России совместно со следователями Главного управления Министерства внутренних дел России по г. Санкт-Петербургу, была пресечена деятельность по изготовлению, распространению и обороту порнографических материалов с участием малолетних лиц до в сети Интернет и её теневом сегменте Darknet [9].

Не менее важную роль играет взаимодействие частного сектора (компании в сфере технологий и информационной безопасности, Интернет-провайдеры и др.) с государственными учреждениями по вопросам противодействия сексуальной эксплуатации и насилию над несовершеннолетними лицами в сети Darknet, обеспечивающее блокировку аккаунов лиц, ранее привлеченных к ответственности за преступления сексуального характера, и платформ, на которых содержатся материалы сексуального насилия и сексуальной эксплуатации несовершеннолетних лиц. В частности, в январе 2023 года Роскомнадзор заблокировал и удалил 6000 порнографических материалов с участием несовершеннолетних, из которых 3966 материалов были удалены в рамках взаимодействия с администрациями социальных сетей, 1423 материала оказались результатом собственного мониторинга

информационного пространства, и 668 материалов поступили от граждан – пользователей сети Интернет [10].

В современном мире информационные технологии активно применяются для борьбы с киберпреступлениями и преступлениями сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних лиц, совершаемых с использованием сети Darknet. Ведущее значение отведено Международной базе данных Интерпола по сексуальной эксплуатации детей (International Child Sexual Exploitation database), благодаря которой специалисты могут загружать найденные из источников теневого сегмента сети Darknet материалы, содержащие изображения и сцены сексуального насилия над несовершеннолетними лицами, для дальнейшего опознания жертв и идентификации преступников. Так, использование технологий хеширования (преобразования данных в уникальный фиксированный код) для идентификации изъятых из сегмента Darknet изображений позволяет быстро сравнивать новые материалы с ранее обнаруженными, выстраивая информацию из полученных изображений в одну хронологическую цепь и дальнейший анализ характера связи между преступниками, жертвами, и местами совершения преступлений.

Так, в 2020 году в Германии правоохранители разоблачили преступную сеть лиц, изготовлявших и распространявших материалы порнографического содержания с участием несовершеннолетних лиц. С целью идентификации лиц, причастных к совершению сексуальной эксплуатации и сексуального насилия над несовершеннолетними, в Международную базу данных Интерпола по сексуальной эксплуатации детей были загружены изъятые из сети Darknet видеоматериалы [11]. При помощи машинного алгоритма анализа данных удалось идентифицировать всех подозреваемых лиц и несовершеннолетних жертв.

В странах Содружества Независимых Государств значительную роль в борьбе с преступлениями сексуального характера играют также специализированные базы данных. Например, в Республике Казахстан с 2016 года функционирует база данных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления против половой свободы несовершеннолетних. По состоянию на 2024 год на учете состоят 406 осужденных, информация о которых включает фамилию, имя, дату рождения, адрес регистрации и фотографии. Обращая внимание на положительный опыт зарубежных стран, Узбекская диаспора 2023 года инициировала создание единой межгосударственной базы педофилов для Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств, имеющей целью объединение усилий в противодействии совершения сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних лиц с использованием информационно-коммуникационных сетей, в частности со стороны мигрантов [12]. Однако, дальнейших шагов по реализации не было предпринято.

Электронные базы данных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления против половой свободы несовершеннолетних, позволяют не только реагировать на текущие угрозы, но и предотвращать будущие преступления. Тем не менее, отсутствие в Российской Федерации такого централизованного электронного хранения информации усложняет процесс идентификации и обнаружения лиц, причастных к изготовлению и распространению контента с изображением сексуального насилия над несовершеннолетними лицами и/или их сексуальной эксплуатации. По нашему мнению, создание электронной базы данных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления против половой свободы несовершеннолетних, в Российской Федерации является насущной необходимостью. Только объединив усилия правоохранительных органов, специалистов и международных организаций, возможно достичь значительных результатов в борьбе с преступлениями против полной свободы и неприкосновенности несовершеннолетних в сети Darknet. Внедрение современных

технологий и создание соответствующей инфраструктуры должно стать залогом безопасности будущих поколений.

В контексте борьбы с сексуальной эксплуатацией детей в сети Darknet использование современных технологий правоохранительными органами вызывает дискуссии. Е. В. Михайлова и Д. Г. Полещук поддерживают использование современных технологий для обнаружения и идентификации преступников, подчеркивая важность защиты свободы и интересов несовершеннолетних лиц [4, с. 218; 5, с. 776], в то время как Д. Р. Бидзян и другие авторы выступают против применения процессов цифровизации в расследовании преступлений, указывая на опасность чрезмерного вмешательства в личную жизнь подозреваемого лица [6, с. 139].

Известно, что хакерские группы, такие как международная сеть активистов и активистов «Anonymous», активно участвуют в этой борьбе, используя свои киберметоды и средства для обнаружения и уничтожения контента, связанного с сексуальным насилием над несовершеннолетними лицами и/или их сексуальной эксплуатацией. Пример проведенной в 2012 году операции «#Opdarknet» по выявлению и уничтожению крупнейшего сайта детской порнографии в сети Darknet демонстрирует эффективность применения компьютерных алгоритмов в раскрытии преступлений и идентификации преступников. В ходе указанной операции группа «Anonymous» проанализировала Darknet Hosting, и, использовав уязвимости системы, получила доступ к базе данных, содержащей личную информацию более 1500 несовершеннолетних лиц, с целью последующей передачи скопированных материалов правоохранительным органам для проведения расследования [13].

Техника сетевого расследования, используемая правоохранительными органами, в научной доктрине порождает вопрос этичности, однако её значимость при расследовании киберпреступлений остается на сегодняшний день неоспоримой. В сочетании с традиционными методами расследования, использование интонационных технологий обеспечивает высокий уровень обнаружения, выявления и раскрытия преступлений в сети Darknet.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Феномен сети Darknet заключается в его способности обеспечивать анонимность пользователей, создавая условия для совершения преступлений. Теневой сегмент сети Интернет (ввиду его анонимности и отсутствием контроля за распространением контента) стал самой популярной платформой для совершения преступлений, в частности, для изготовления и распространения материалов сексуального насилия над несовершеннолетними лицами и/или их сексуальной эксплуатации.

Результаты исследования указывают на критический уровень сексуального насилия и эксплуатации несовершеннолетних лиц в сети Darknet: более 300 миллионов детей стали жертвами насилия за последний год. Федеративная Республика Нигерия, Республика Филиппины, Республика Индия, Соединённые Штаты Америки и Российская Федерация демонстрируют тревожные показатели объема изготовления продукции порнографической направленности с несовершеннолетними лицами для её дальнейшего распространения в теневом сегменте.

В ходе проведенного исследования была отмечена необходимость создания в Российской Федерации электронной базы лиц, осужденных за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, позволяющей идентифицировать лиц из распространяемых в сети Darknet материалов путем сопоставления с занесенными в базу ранее судимыми лицами по биометрическим параметрам.

Только системный подход к проблеме, включая правовую, технологическую и социальную составляющую, может стать залогом безопасности несовершеннолетних лиц в государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // «Сборник международных договоров СССР». – Выпуск XLVI. – 1993. – Ст. 1.
2. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений: Федеральный закон от 07.05.2013 года № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.05.2013. – № 19. – Ст. 2303.
3. Захаров Н. Д. О некоторых вопросах нормативного регулирования деятельности оперативных подразделени ОВД по выявлению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет / Н. Д. Захаров // Вестник УЮИ. – 2021. – № 3 (93). – С. 84-91.
4. Михайлова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Е. В. Михайлова // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6, № 2 (12). – С. 215-219.
5. Полещук Д. Г. Изготовление и распространение порнографических материалов с изображением несовершеннолетнего как преступление против информационной безопасности / Д. Г. Полещук // Право в современном белорусском обществе. – Минск : Общество с ограниченной ответственностью "Колорград", 2023. – С. 768-780.
6. Бидзян Д. Р. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере секс-индустрии : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бидзян Джемма Робертовна, 2022. – 251 с.
7. Доклад Генерального секретаря семьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: 8 октября 2024 год // Официальный информационный ресурс Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-10/a-79-500-sg-report-ending-violence-against-women-and-girls-2024-ru.pdf (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
8. Dark web child abuse: Hundreds arrested across 38 countries // Операционное подразделение «BBC News» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/search?text=%22Dark+web+child+abuse%3A+Hundreds+arrested (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
9. Сотрудники МВД России задержали подозреваемых в изготовлении и распространении порнографии с несовершеннолетними // Официальный сайт министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/news/item/32090027?ysclid=m6q4avi6ur543637290 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
10. Роскомнадзор заблокировал в январе 6 тыс. материалов с детской порнографией // Информационное агентство «ТАСС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/17057297?ysclid=m6q51z9fu9934995526 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
11. INTERPOL | The International Criminal Police Organization // Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпол) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interpol.int/en/Crimes/Child-exploitation (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
12. Узбекская диаспора предлагает создать единую базу осужденных между Россией и странами СНГ // Официальный сайт газеты «Ведомости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/articles/ (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
13. Anonymous заблокировали доступ к детской порнографии // Информационный портал по безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.securitylab.ru/news/408963.php?ysclid=m6qgp81u8k438757421 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
14. Childlight Global Child Safety Institute, Into the Light Index on Child Sexual Exploitation and Abuse Globally: 2024 Report (Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, 2024) // The University of Edinburgh [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ed.ac.uk/news/2024/scale-of-online-harm-to-children-revealed-in-globa (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.

COUNTERING SEXUAL VIOLENCE AND EXPLOITATION OF MINORS ON THE DARKNET

Annotation. The article examines the problem of sexual violence and exploitation of minors on the Darknet network. Alarming statistics are provided, according to which over the past year, sexual violence and sexual exploitation have been used against more than 300 million minors worldwide. The author notes the need to create in the Russian Federation an electronic database of persons convicted of crimes against the sexual freedom of minors in order to effectively counteract sexual violence against minors and their sexual exploitation on the Internet and its shadow segment Darknet.

Keywords: sexual abuse of minors and their sexual exploitation, Darknet network, crime prevention, international cooperation, information technology.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Karpenko L. K. Candidate of Law, Associate Professor Donetsk State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Сынкова Е. М., д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе проанализированы особенности оценки электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации. Отмечена тревожная статистика, согласно которой, по состоянию на конец 2024 – начало 2025 года, около 84,8% административных правонарушений были совершены с использованием электронных устройств и сети Интернет. Рассмотрены ключевые критерии оценки электронных доказательств: принадлежность, допустимость, достоверность и достаточность. Выявлены проблемы применения электронных доказательств в административном судопроизводстве. Автором подчеркнута необходимость комплексного подхода к оценке электронных доказательств и разработки единых рекомендаций по стандартизации методов их сбора и хранения.
Ключевые слова: административное судопроизводство, электронные доказательства, цифровой носитель, критерии оценки доказательств, экспертиза.

Понятие электронных доказательств выступает одной из основополагающих категорий административного судопроизводства Российской Федерации. Оценка электронных доказательств представляет собой сложную умственную и процессуальную деятельность суда и участников дела, направленную на формирование окончательного заключения по подтверждению или опровержению фактов, подлежащих доказыванию. Только правильное исследование и оценка электронных доказательств является ключом к установлению истины по административному делу.

Актуальность темы оценки электронных доказательств в административном судопроизводстве обусловлена строительным развитием цифровых технологий и увеличением объемов информации, подаваемой в электронном виде. По состоянию на конец 2024 – начало 2025 года, около 84,8% административных правонарушений было совершено с использованием электронных устройств и информационно-коммуникационной сети Интернет. Отмеченная статистика создает новые проблемы для судов, которые должны не только признавать электронные доказательства, но и правильно оценивать их с учетом критериев принадлежности, допустимости, достоверности и достаточности.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассмотренной тематике, таких как: К. П. Абакумов, Ф. П. Васильев, М. И. Воронин, И. С. Завьялова, Н. А. Карепанов, А. А. Остапенко, А Р. Салиев, Е. А. Туманов, Д. С. Щекина и др.

Цель работы заключается в исследовании особенностей оценки электронных доказательств в административном судопроизводстве Российской Федерации и выявлении существующих на сегодняшний день проблем.

История законодательного закрепления понятия доказательств в административном судопроизводстве России отмечается постепенным развитием, отражающим эволюцию правовых норм. Так, XV-XVII века характеризовались усложнением системы доказательств, обусловленным появлением судебников и Соборного Уложения, которые определяли три вида доказательств: признание, свидетельство и присяга. В период абсолютизма впервые было определено понятие формальных доказательств как «фактов, событий и предметов материального мира, имеющих юридическую силу». Систематизировал данные знания, разделив

доказательства на полные и неполные, изданный 26 апреля 1715 года Петром I правовой акт «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб». В первой половине XIX «Свод законов Российской империи» закрепил положения о доказательствах и критериях их оценки [3, с. 39-42].

На сегодняшний день статья 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ определяет доказательства по административному делу как полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах [1].Суд оценивает доказательства путём внутреннего убеждения, основанного на прямом, всестороннем, полном и объективном исследовании. Принадлежность, допустимость и достоверность каждого доказательства анализируется отдельно, тогда как достаточность и взаимная связь оцениваются в совокупности.

Особое место в административном судопроизводстве занимают электронные доказательства, представляющие собой зафиксированные в электронном виде сведения о фактах, используемые судом с целью установления наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для административного дела. При оценке электронных доказательств в административном судопроизводстве важное значение имеет судебная практика и сформированные основе её материалов Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Тем не менее, ситуация осложнена тем, что в настоящее время уже существуют устоявшиеся подходы к оценке всех средств доказывания, за исключением электронных доказательств. В данном контексте А. Р. Салиев отмечает: электронные доказательства следует оценивать так же, как и другие виды доказательств, относительно их допустимости, подлинности, точности и целостности [4, с. 370].

Проверка принадлежности электронных доказательств предполагает тщательный анализ их содержания с целью выявления информации, непосредственно относящейся к обстоятельствам административного дела, которые требуют установления. Каждое электронное доказательство подлежит исследованию на предмет наличия сведений, имеющих значение для расследования административного правонарушения. Только доказательства, имеющие прямую связь с обстоятельствами, являющимися предметом судебного разбирательства, могут признаваться надлежащими и учитываться при вынесении постановления.

Как справедливо отмечает А. А. Остапенко, исследование электронных доказательств часто осложняется надлежащей фиксацией такого доказательства [5, с. 240]. В частности, приложение к материалам административного дела некачественных фотографий, на которых, например, отсутствует четкое изображение номерного знака, не может быть осуществлено ввиду наличия сомнения относительно того, что изображение было сделано сертифицированным техническим средством, призванным фиксировать в автоматическом режиме факты совершения административных правонарушений в сфере безопасности на автомобильном транспорте. Согласно Решению Арбитражного суда Ростовской области от 7 декабря 2020 года по делу № А53-30453/2020, некачественные и фрагментарные фотоматериалы, не позволяющие точно установить обстоятельства совершения правонарушения и/или лицо, его совершившее, признаются недостоверными доказательствами и не принимаются во внимание при вынесении приговора по делу об административном правонарушении [14]. Вместе с тем, суды наделены возможностью отменять постановления о привлечении лица к административной ответственности в случае предоставления недостоверных доказательств.

Основным способом разрешения сомнений относительно принадлежности электронного доказательства является назначение судом компьютерно-технической экспертизы. Однако, даже судебная экспертиза не всегда способна помочь в исследовании электронных доказательств. Так, в Постановлении № 5-34/2017 от

19 января 2017 года по делу № 5-34/2017 судом отмечалась невозможность проведения полноценной экспертизы ввиду отсутствия необходимых данных на представленных цифровых носителях информации. Затруднило процесс установления фактов, имеющих значение для административного дела, отсутствие необходимого надлежащего программного обеспечения [12]. В соответствии со статьей 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ, доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья устанавливает наличие или отсутствие события административного правонарушения. Поэтому, в деле № 5-34/2017 судом была подчеркнута обязательность подтверждения принадлежности доказательств, в случае невозможности установления которой их нельзя использовать для вынесения постановлении по делу.

Составной частью принадлежности электронных доказательств является элемент их оценки, в частности – релевантность. Релевантность позволяет определять применимость конкретного электронного доказательства к обстоятельствам административного дела. Например, метаданные, подтверждающие время и место происшествия, считаются правильными только в случаях, когда такие аспекты являются ключевыми.

Не менее важной характеристикой электронных доказательств является допустимость. Законодательное закрепление требований о допустимости доказательств содержится в статье 61 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ. Важность процедуры получения доказательства для признания его допустимым подчеркивает Д. С. Щекина, отмечая, что надлежащая процедура является залогом правосудия[6, с. 602]. Весомой составляющей института допустимости электронных доказательств является и соблюдение «процессуальной цепи доказательств». Отсутствие какой-либо из составляющих данной цепи приводит к признанию электронного доказательства недопустимым. Допустимость, по мнению М. И. Воронина является обязательной характеристикой доказательства, позволяющей суду использовать его для установления фактических обстоятельств дела [7, с. 124].

Следует отметить, что электронное доказательство должно быть получено исключительно законным путем, без нарушения прав лиц и требований отечественного законодательства. Например, информация, полученная незаконно с электронных устройств, не может признаваться допустимой, в соответствии со статьей 26.2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ. Аудио- или видеозаписи, сделанные скрытым способом, также не могут приниматься судом в качестве допустимого доказательства.

Установление достоверности доказательств имеет большое значение в процессе доказывания. Согласно законодательству стран Содружества Независимых Государств, электронные данные принимаются как аутентичное доказательство, если иная сторона не приводит обоснованные доводы на его опровержение. Так, достоверность электронных доказательств презюмируется до тех пор, пока нет разумных сомнений в обратном.

Наиболее распространенная ошибка участников дела заключается в представлении электронных доказательств без заверенной, в установленном законом порядке, электронной цифровой подписи. В Российской Федерации любые электронные документы, подписанные надлежащим образом, принимаются судами в качестве доказательств наравне с бумажными документами (часть 3 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ) [2]. Также, отсутствие электронной цифровой подписи лишает документы соответствия требованиям пункта 3.4 «Порядка подачи в Верховный Суд Российской Федерации

документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» от 29.11.2016 N 46-П [11].

Для проверки подлинности не заверенных цифровой подписью электронных писем, прилагаемых к материалам административного дела в качестве доказательств, назначается судебно-компьютерная экспертиза. Поскольку отправленное ранее электронное письмо оставляет следы на компьютере получателя, сервере почтовой службы, компьютере интернет-провайдера и отправителя, то установление факта отправки письма, как правило, не вызывает трудностей. Эксперт исследует компьютер и подтверждает либо опровергает наличие записей соответствующего содержания, даты создания и отсутствием изменений в них.

По мнению ученых, в частности И. С. Завьяловой, важность надлежащего оформления электронных доказательств не вызывает сомнений [8, с. 119]. Действительно, без надлежащей подписи электронные документы теряют свою юридическую силу. Н. А. Карепанов отмечает, что суды должны придерживаться принципа презумпции достоверности электронных доказательств, и указывает на необходимость усовершенствования законодательства для обеспечения большей правовой определенности в этой сфере [9, с. 113].

Для оценки достоверности электронных доказательств важным является подтверждением подлинности источника информации. Надежность устройства обеспечивает точность конечного результата. Важно удостовериться в корректности работы аппаратуры, использующейся в качестве источника цифрового доказательства, поскольку любые ошибки в его функционировании могут повлиять на результаты. В случаях сомнений относительно правильности функционирования цифрового устройства суд назначает информационно-компьютерную экспертизу, которая устанавливает факт процесса создания, обработки и хранения информации на компьютерных и магнитных носителях. Основной задачей экспертизы является поиск, обнаружение, восстановление и технический анализ информации, созданной пользователем или программами в компьютерной системе.

Оценка достоверности аудио-и видеозаписей предполагает проверку технических аспектов их создания, поскольку необходимым является удостоверение в отсутствии цифровой обработки звуко- или видеоряда. Звуко- и видеозаписи, созданные в автоматическом режиме, имеют более высокую степень достоверности по сравнению с ручными записями. Специализированные устройства для фиксации информации оставляют в метаданных данные о модели и серийном номере, повышающие надежность доказательства и упрощающие процесс его проверки.

В случаях невозможности установления достоверности электронного доказательства возникает необходимость в осуществлении дополнительных процессуальных действий. Так, если сторона подает фрагмент аудиозаписи разговора, суд истребует оригинал аудиозаписи, а лицо, записавшее разговор, вызывается в качестве свидетеля. Следует отметить, неисследование оригинала электронного доказательства не является нарушением норм процессуального права при отсутствии обоснованных сомнений относительно соответствия копии оригинала.

По мнению Е. А. Туманова и К. П. Абакумова, подлинность источника информации является ключевым аспектом в правоприменении. Авторы подчеркивают важность технической экспертизы для подтверждения достоверности доказательств и отмечают, что автоматизированные системы фиксации информации значительно повышают уровень доверия к электронным доказательствам в судовом процессе [10, с. 37].

В контексте электронных доказательств критерий достаточности выступает важной качественной характеристики, которую суд оценивает с целью определения весомости имеющихся доказательств для рассмотрения дела. При оценке достаточности

электронных доказательств суд устанавливает фактические обстоятельства, связанные с местом, временем, причинами, целью, условиями и последствиями совершения административного правонарушения. Критерий достаточности электронного доказательства тесно связан с критерием его связи с другими доказательствами. Достаточность требует от суда уверенности в том, что электронные доказательства могут обеспечить разрешение дела, а связь с другими источниками указывает на интеграцию данного доказательства в общую доказательную базу по административному делу.

Взаимосвязь между доказательствами усиливает их убедительность, позволяя суду прийти к обоснованному решению по административному делу. Например, в Постановлении № 5-1278/2024 от 29 июля 2024 года по делу № 5-1278/2024 суд анализирует электронные доказательства (представленные в виде информации, расширенной через мессенджер «Telegram») в контексте их взаимодействия с другими представленными материалами (протоколом об административном правонарушении и иными актами). Важным аспектом являются получение электронных доказательств с соблюдением положений законодательства, обеспечивающего их допустимость. По делу № 5-1278/2024 суд счёл, что электронные доказательства, представленные в виде информации, расширенной через «Telegram», являются достаточными для подтверждения вины лица в совершении административного правонарушения [13]. Таким образом, критерий достаточности электронных доказательств становится ключевым элементом в процессе принятия решения судом, поскольку определяет, насколько убедительны представленные доказательства в контексте общей доказательной базы.

Помимо приведенных выше критериев оценки, не менее важным аспектом является обеспечение целостности электронных доказательств [15, с. 113] . Критерий целостности подразумевает собой сохранение оригинала электронного доказательства и отражение его характеристик в протоколе об административном правонарушении. Оригинал электронного доказательства хранится в неизменном состоянии, гарантирующем его подлинность. Использование копий электронного доказательства возможно только при условии подтверждения их идентичности оригиналу [16, с. 198.]. Сохранение оригинала обеспечивает неизменность и аутентичность электронного доказательства на протяжении всего судебного процесса. Именно процесс протоколирования позволяет документировать каждый этап работы с электронным доказательством (включая его создание, сохранение, передачу и доступ к нему). Перечисленные аспекты в комплексе гарантируют приемлемость электронного доказательства для его рассмотрения судом.

На основании изложенного, можно заключить следующее. Оценка электронных доказательств в административном судопроизводстве представляет собой процесс, осуществляемый судом и участниками административного дела с целью формирования окончательного заключения по фактам, подлежащим доказыванию. Соответствие критериям достаточности, достоверности, принадлежности и допустимости определяет возможность учета таких доказательств судом.

Актуальность использования электронных доказательств в административном судопроизводстве обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, требующих от судов адаптации к новым вызовам. Оценка электронных доказательств в административном суде важна для обеспечения справедливости и объективности судебного процесса. Установление принадлежности, допустимости, достоверности и достаточности электронных доказательств формирует основы для принятия обоснованных решений по административному делу. Важность надлежащего оформления электронных доказательств, соблюдения процессуальной цепи и обеспечения их целостности подчеркивает необходимость комплексного подхода к оценке таких доказательств.

Практическое применение полученных результатов исследования заключается в дальнейшем совершенствовании судебной практики оценки электронных доказательств. Необходимым шагом является и разработка единых рекомендаций по стандартизации методов сбора и хранения электронных доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.03.2015. – № 10. – Ст. 59.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024)Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 75.
3. Васильев Ф. П. Этапы развития теории доказательств в российском административном процессе / Ф. П. Васильев // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 5. – С. 33-49.
4. Салиев А. Р. Электронные доказательства в гражданском и административном процессах: актуальность и возможность внедрения в законодательство Кыргызской Республики / А Р. Салиев // Alatoo Academic Studies. – 2022. – № 4. – С. 367-374.
5. Остапенко А. А. Понятие цифровых доказательств в административном процессе / А. А. Остапенко // Modern Science. – 2021. – № 5-1. – С. 237-241.
6. Щекина Д. С. Электронные доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях / Д. С. Щекина // E-Scio. – 2023. – № 3 (78). – С. 599-604.
7. Воронин М. И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств / М. И. Воронин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 8 (129). – С. 118-128.
8. Завьялова И. С. Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности: конфликтологический аспект / И. С. Завьялова // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 1. – С. 113-124.
9. Карепанов Н. А. Проблемы использования электронных доказательств и скриншотов в административном процессе / Н. А. Карепанов, Е. А. Кропотина // Социальное управление. – 2024. – Т. 6, № S1. – С. 109-115.
10. Туманов Е. А., Абакумов К. П. Об обеспечении сохранности и подлинности видеозаписей системы видеонаблюдения Госавтоинспекции / Е. А. Туманов, К. П. Абакумов// Современная наука. – 2024. – № 1. – С. 34-38.
11. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (с изменениями на 20 марта 2023 года): утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 46-П (ред. от 28.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207948/ (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
12. Постановление Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области № 5-34/2017 от 19 января 2017 года по делу № 5-34/2017// Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/FDIdJTGEOqL0/?ysclid=m6wffhcq1x578815193 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
13. Постановление Московского районного суда № 5-1278/2024 от 29 июля 2024 года по делу № 5-1278/2024// Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/Pg5TB4lfiy6P (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
14. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 7 декабря 2020 года по делу № А53-30453/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/dgvWVwWYPtU1/ (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
15. Сынкова Е. М. Тенденции развития административного права в условиях цифровизации / Е. М. Сынкова // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 марта 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 113-115.
16. Коробейникова К. В. О правовом регулировании использования документов в цифровой форме / К. В. Коробейникова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 198-204.

FEATURES OF EVALUATION OF ELECTRONIC EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The paper analyzes the features of the evaluation of electronic evidence in the administrative proceedings of the Russian Federation. An alarming statistic was noted, according to which, as of the end of 2024

– the beginning of 2025, about 84.8% of administrative offenses were committed using electronic devices and the Internet. The key criteria for evaluating electronic evidence are considered: affiliation, admissibility, reliability and sufficiency. The problems of using electronic evidence in administrative proceedings have been identified. The author emphasizes the need for an integrated approach to the assessment of electronic evidence and the development of uniform recommendations for the standardization of methods of their collection and storage.
Keywords: administrative proceedings, electronic evidence, digital media, criteria for evaluating evidence, expertise.

Solonenko K.M.
Scientific adviser: Synkova E. M., Doctor of Law, ProfessorDonetsk
State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru, e.synkova.jur.fac@mail.ru

УДК 343.14

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Ушакова К.С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе анализируются актуальные проблемы электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе, выявляются недостатки законодательного регулирования и предлагаются пути их совершенствования. Исследуются различные подходы к определению электронных доказательств, их место в системе уголовного процесса, а также правоприменительная практика в свете современных технологий. Рассматриваются положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и судебная практика, подтверждающая значимость надлежащего сбора и оценки электронных доказательств. Автором предлагается авторское определение электронных (цифровых) доказательств и подчеркивается необходимость его законодательного закрепления.
Ключевые слова: правовое регулирование, правоприменительная практика, уголовный процесс, цифровая информация, электронные (цифровые) доказательства.

XXI век стал эпохой развития информационных технологий, пронизывающих все сферы жизни. Современный человек трудно представляет быт без электронных устройств и гаджетов, являющихся неотъемлемыми атрибутами настоящего. Электронные устройства становятся архивами публичных и частных данных, активно используемых правоохранительными органами, в рамках уголовно-процессуального законодательства, для получения информации о совершенных или планируемых преступлениях. Момен совершения преступления нередко фиксируется камерами видеонаблюдения и системами спутниковой навигации. Именно информации, хранящаяся на электронных устройствах, позволила выявить значительное количество преступлений в 2024 году. Так, согласно Краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года, 40% от общего числа зарегистрированных преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что подчеркивает важность анализа видеозаписей и информации из мессенджеров для идентификации преступников [13]. Наряду с этим, отечественное законодательство не успевает за быстрым развитием технологий, а отсутствие единого подхода к определению электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе затрудняет их правовое регулирование.

Целью работы является анализ актуальных проблем электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе, выявление недостатков законодательного регулирования и предложение путей их совершенствования.

Проблемы электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе в разное время рассматривались в трудах отечественных и зарубежных ученых, таких как: М. И. Воронин, С. И. Грицаев, И. И. Гусева, А. С. Киселев, А. А. Количенко, И. В. Коробова, В. В. Платонов, И. Р. Харисова, J. Feng, F. Yang и др. Однако, несмотря на многочисленные исследования, вопрос сущности и правового статуса электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе остается недостаточно изученным.

Основная часть. В 2025 году объем электронных доказательств в уголовном процессе увеличился вследствие распространения новых технологий и цифровизации всех сфер жизни, сделав цифровую информацию одним из наиболее распространенных способов доказательства обстоятельств по различным категориям споров. Вместе с тем, отечественное уголовно-процессуальное законодательство не выделяет электронные (цифровые) доказательства в качестве самостоятельного вида, а относит их к другим

документам. Отсутствует на сегодняшний день и законодательно закрепленное определение понятия «электронных (цифровых) доказательств» в уголовном процессе.

Научная доктрина не имеет единого определения понятия «электронных (цифровых) доказательств». Прежде всего, среди ученых предлагаются различные варианты дефиниций: «электронные доказательства», «цифровые доказательства», «электронные документы» и др. И. И. Гусева и И. В. Коробова акцентируют внимание на технических аспектах, обращая внимание на то, что термины «цифровые» и «электронные» не отражают всего разнообразия современных технологий [6, с. 64]. Действительно, в данном контексте следует упомянуть существование системы кодирования, не основанной на использовании цифр, а также новейшие устройства, не зависящие от движения электронов.

С. И. Грицаев подчеркивает особенность электронных доказательств, связанную с их нематериальной природой, которая предполагает использование программного обеспечения для интерпретации и анализа [7, с. 51]. Такая двойственная природа электронных доказательств, по нашему мнению, указывает на необходимость материального выражения с целью восприятия информации. А. А. Количенко определяет электронные доказательства как совокупность информации, хранимой в электронном виде на различных носителях [8, с. 139]. В свою очередь Ян Фань и Фэн Цзяо акцентируют на фактических данных, которые после обработки становятся доступными для восприятия человеком [17, с. 4].

Таким образом, научная дискуссия об определении электронных (цифровых) доказательств остается открытой, а отсутствие единого термина затрудняет правоприменение и формирование правовой практики. Учитывая изложенное, представляется целесообразным дать авторское определение рассматриваемого понятия: электронное (цифровое) доказательство в уголовном процессе – это информация, хранящаяся и передаваемая в электронном виде (то есть в позволяющем обработку компьютерными системами формате), а также используемая для подтверждения или опровержения имеющих значение для уголовного дела фактов, включая данные из электронных документов, сообщений, файлов и иных цифровых носителей.

Вызывает многочисленные дискуссии среди ученых и отсутствие единства в определении места электронных доказательств в системе уголовного процесса. Так, М. И. Воронин считает ошибочным выделение электронных доказательств как самостоятельного источника и акцентирует внимание на необходимости учета существующих источников доказательств [9, с. 81]. В. В. Платонов, напротив, подчеркивает важность рассмотрения электронного документа в качестве доказательства, а не только способа его фиксации [10, с. 213]. А. С. Киселев подчеркивает необходимость законодательного определения электронных доказательств в уголовном процессе [11, с. 73]. И. Р. Харисова поддерживает необходимость выделения электронных документов в качестве цифровых доказательств [12, с. 59].

Таким образом, отсутствие единства в научных подходах к определению места электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе порождает вопросы о том, что признавать электронным доказательством – цифровую информацию или носитель информации (цифровой накопитель, носитель)?

Исследование вопроса электронных (цифровых) доказательств невозможно без анализа положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (далее – УПК РФ). Понятие доказательств закреплено в части 1 статьи 74 УПК РФ, согласно которой доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию [1]. Ввиду отсутствия законодательного закрепления электронных (цифровых)

доказательств среди источников доказательств возникает вопрос о порядке сбора доказательств с цифровой природой после их обнаружения.

Следует отметить, отсутствие в уголовно-процессуальном, гражданско-процессуальном и административно-процессуальном законодательстве Российской Федерации определения электронных и цифровых доказательств свидетельствует о невозможности формирования единства рассматриваемых понятий и их закреплении на законодательном уровне. Понятие «электронные (цифровые) доказательства» является исключительно доктринальным и обозначает массив технических нововведений, используемых для подтверждения истинности утверждений сторон в суде. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 N 57 было закреплено понятие электронного документа как документа, созданного в электронной форме и подписанного электронной подписью [14].

В Федеральном законе «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 N 533-ФЗ законодатель попытался урегулировать использование электронных доказательств, дополнив статью 164 УПК РФ частью 4.1 о запрете необоснованного изъятия электронных носителей информации [2]. Наряду с этим, Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 N 220-ФЗ был обеспечен доступ участников судебных производств к системам электронного представления заявлений, обращений, ходатайств и доказательств [3].

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ также содержит положения, регулирующие вопросы электронных доказательств. Так, согласно статье 15, во время проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий изымаются документы и электронные носители информации [4]. Изготавливаются копии документов, заверяемых должностным лицом, осуществляющим изъятие. По ходатайству законного владельца изъятых носителей информации производится копирование данных на другие носители. Копии документов и электронные носители передаются лицу, у которого изымаются документы, о чем делается запись в протоколе. Таким образом, законодательное закрепление определения «электронных (цифровых) доказательств» является необходимым шагом для эффективного расследования преступлений.

Электронные (цифровые) доказательства, несмотря на отсутствие четкого законодательного закрепления в УПК РФ, с каждым днем приобретают всё большую значимость в уголовном процессе. Следователи и прокуроры сталкиваются с многочисленными вопросами о порядке их сбора, в то время как судьи сосредотачиваются лишь на важности на оценки этих доказательств.

Так, Приговор Ленинского районного суда г. Владимира № 1-439/2023 1-50/2024 от 17 января 2024 года по делу № 1-439/2023 демонстрирует важность надлежащего сбора и оценки электронных доказательств по уголовным делам. Доказательства, полученные с мобильного телефона подсудимого, стали ключом к подтверждению его неправомерного доступа к компьютерной информации. Суд учел, что доступ к информационным системам был осуществлен с помощью паролей администратора, что подчеркивает серьезность нарушения. Важным аспектом явилось также использование технических средств защиты авторских прав, а надлежащая документация и хранение электронных доказательств обеспечили их приемлемость в суде [15].

В свою очередь, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 предоставляет разъяснения по использованию электронных документов в судебной практике. Суд вправе требовать представления оригиналов электронных документов для проверки и оценки, если они представлены в виде электронных образов. Составление

списка лиц, участвовавших в создании, изменении, хранении и передаче электронного документа, является важным аспектом оценки. Постановление также содержит случаи, при которых суд может потребовать оригиналы уже предоставленных электронных доказательств. Все собранные доказательства рассматриваются в совокупности для определения их достаточности для решения уголовного дела.

Следует отметить, что допустимость электронного документа в качестве доказательства в уголовном процессе не может быть оспорена только лишь ввиду его электронной формы, поскольку ключевым является не внешний вид документа, а его содержание.

В соответствии со статьей 88 УПК РФ, электронные документы должны соответствовать требованиям принадлежности, допустимости и достоверности. Принадлежность предполагает логическую связь между сведениями и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, тогда как допустимость требует соответствия процессуальной формы требованиям закона; достоверность подтверждается соответствием фактическим обстоятельствам.

Юридическая сила электронного документа обеспечивается подтвержденными полномочиями его автора и наличием обязательных реквизитов, в частности подписи уполномоченного лица, включая электронный. Согласно статье 6 Федерального закона «Об электронной подписи», от 06.04.2011 N 63-ФЗ, цифровой документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, признается равнозначной бумажному документу [5]. Следовательно, электронные документы, полученные без нарушения уголовно-процессуального порядка осмотра и изъятия доказательств, должны признаваться допустимыми доказательствами.

Интересным представляется и рассмотрение Апелляционного постановления Ярославского областного суда № 22-352/2023 от 14 марта 2023 года по делу № 1-58/2022, подчеркивающего необходимость соблюдения процессуальных норм при осмотре компьютерных данных. Так, анализ судебной практики указывает на неоднозначность в вопросах допустимости протокола осмотра, что вызвано спецификой электронных данных [16]. Обзор компьютерных данных, проведенный следователем, имеет целью выявление следов преступления и выяснение важных обстоятельств. В соответствии с частью 2 статьи 164.1 УПК РФ, следователь обязан зафиксировать информацию в протоколе, осуществить копирование данных и передать электронные носители законному владельцу. Однако, физическое восприятие электронной информации затрудняется существованием данных в цифровой форме. Наряду с изложенным, воспроизведение компьютерных данных в протоколе зачастую приводит к изменениям первичной информации и негативно влияет на ее достоверность. Вместе с тем, отсутствие надлежащего оформления и документирования цифровых данных в протоколе осмотра и недостатки в выводах экспертов также ставят под сомнение достоверность таких доказательств.

Взаимодействие с информацией цифрового происхождения сопровождается риском принять в качестве доказательства фото-, видео- или аудиозаписи, созданные с помощью программных редакторов. Использование цифровых видео- и фотокамер предоставляет возможность накладывать движущиеся объекты на другой фон и изменять визуальные свойства объекта во время записи, не говоря о дальнейшей обработке данных в графических программах. Для исключения вероятности компьютерного редактирования цифровых видеоизображений необходимым представляется обеспечение просмотра записей участниками следственных действий с целью подтверждения их аутентичности. Незамедлительное заверение полученных цифровых данных также является ключевым этапом. Упаковка и опечатывание носителей цифровых видеоизображений с последующим использованием их в протоколах следственных действий способствует сохранению доказательной ценности. Важным

является и исключение возможности последующего редактирования цифровых данных в программно-техническом обеспечении средств фиксации. Проведение проверки на наличие программ, позволяющих вносить изменения в цифровое видеоизображение, с кодированием результатов, например, цифровой подписью прокурора-криминалиста, может обеспечить дополнительную гарантию целостности полученных данных.

Выводы. Электронные устройства, ставшие неотъемлемой частью повседневной жизни и выполняющие множество функций при хранении больших объемов данных, играют ключевую роль в уголовном процессе, поскольку цифровые доказательства позволяют фиксировать факт совершения преступления, подтверждать преступные действия и устанавливать связи между преступными лицами. Тем не менее, отсутствие законодательного определения термина «электронные (цифровые) доказательства» затрудняет правоприменение и формирование правовой практики, а научная дискуссия по этому вопросу остается открытой, о чем свидетельствует многообразие дефиниций.

Ввиду отсутствия на сегодняшний день единого определения понятия представляется целесообразным предложить авторскую дефиницию: электронное (цифровое) доказательство в уголовном процессе – это информация, хранящаяся и передаваемая в электронном виде (то есть в позволяющем обработку компьютерными системами формате), а также используемая для подтверждения или опровержения имеющих значение для уголовного дела фактов, включая данные из электронных документов, сообщений, файлов и иных цифровых носителей.

К ключевым признакам электронных (цифровых) доказательств в уголовном процессе следует относить: их нематериальную природу, возможность хранения и обработки информации на различных электронных носителях, требование к принадлежности, допустимости и достоверности, а также необходимость соблюдения процессуальных норм при их сборе и оценке. Именно важность надлежащего изъятия и оценки таких доказательств подчеркивает необходимость усовершенствования Уголовно-процессуального законодательства с целью обеспечения эффективности отечественного уголовного процесса в современной цифровой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (часть 1). – Ст. 74.
2. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 N 533-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.12.2018. – № 53 (часть 1). – Ст. 8459.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23.06.2016 N 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.06.2016. – № 26 (часть 1). – Ст. 3889.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.08.1995. – № 33. – Ст. 15.
5. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 11.04.2011. – № 15. – Ст. 6.
6. Гусева И. И., Коробова И. В. К вопросу об использовании цифровых доказательств в уголовном процессе / И. И. Гусева, И. В. Коробова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11-2. – С. 63-65.
7. Грицаев С. И. Цифровые (электронные) доказательства в уголовном процессе / С. И. Грицаев, В. А. Деменков // Эпомен. – 2024. – № 88. – С. 48-54.
8. Количенко А. А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе / А. А. Количенко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 3 (55). – С. 136-140.
9. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М. И. Воронин // Lex Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 74-84.
10. Платонов В. В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / В. В. Платонов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1(113). – С. 208-215.

11. Киселев А. С. Тактика обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов преступлений в сфере компьютерной информации / А. С. Киселев // Союз криминалистов и криминологов. – 2023. – № 3. – С. 72-80.
12. Харисова И. Р. Иные документы как доказательства в уголовном процессе: особенности и проблемы / И. Р. Харисова, Е. А. Шлыгина // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2022. – № 26. – С. 56-63.
13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=m6o4ikw0ee674158603 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
14. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/?ysclid=m6o6uokm73118728534 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
15. Приговор Ленинского районного суда г. Владимира № 1-439/2023 1-50/2024 от 17 января 2024 года по делу № 1-439/2023 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/m9BSsgO0B7dw/?ysclid=m6nxhln4ez163740174 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
16. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-352/2023 от 14 марта 2023 года по делу № 1-58/2022 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/LB8W9FeKBlU1/?ysclid=m6o1b2npto18309637 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
17. Yang F., Feng J. Rules of electronic data in criminal cases in China / F. Yang, J. Feng // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2021. – Vol. 64. – P. 1-10.

ACTUAL PROBLEMS OF ELECTRONIC (DIGITAL) EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This paper analyzes the current problems of electronic (digital) evidence in the criminal process, identifies the shortcomings of legislative regulation and suggests ways to improve them. The article examines various approaches to the definition of electronic evidence, their place in the criminal procedure system, as well as law enforcement practice in the light of modern technologies. The provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and judicial practice confirming the importance of proper collection and evaluation of electronic evidence are considered. The author suggests the author's definition of electronic (digital) evidence and emphasizes the need for its legislative consolidation.
Keywords: legal regulation, law enforcement practice, criminal procedure, digital information, electronic (digital) evidence.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Ushakova K. S., Senior lecture Donetsk
State University
E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 347.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ NFT (НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОГО ТОКЕНА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Финкина А. П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ

Аннотация. В работе исследованы проблемы правового регулирования NFT (невзаимозаменяемого токена) в Российской Федерации. Проведен анализ существующего законодательства, рассмотрены примеры гражданско-правовых отношений, связанных с NFT, и практика отчуждения цифровых произведений искусства и использования. Отмечено, что отсутствие, на сегодняшний день, единого определения NFT в отечественном законодательстве затрудняет регулирование оборота и защиту прав в сфере NFT. Автором предложено внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации с целью определения NFT самостоятельным объектом гражданских прав.
Ключевые слова: NFT (невзаимозаменяемый токен), гражданско-правовое регулирование, защита прав, правовой статус NFT, цифровые активы.

Идея невзаимозаменяемого токена (от англ. non-fungible token (далее – TFT)) берет своё начало с монет, выпущенных на блокчейне Bitcoin примерно в 2012–2013 годах, и впервые была применена для NFT «Quantum», выпущенном в 2014 году на блокчейне Namecoin цифровым художником Кевином Маккоем. С тех пор, невзаимозаменяемый токен стал новым явлением в мире цифровых активов, позволяя создавать уникальные цифровые объекты. В 2024 году доход от рынка NFT составлял 683,9 миллиона долларов. В 2025 году ожидается увеличение числа пользователей во всем мире до 11,64 миллиона. Привлекательность NFT заключается в возможности владения цифровыми активами, имеющими культурную и финансовую ценность. Именно как новый объект гражданского права, NFT нуждается в детальном анализе правовых аспектов, поскольку его уникальность и невозможность взаимозаменяемости ставят новые вызовы в сфере регулирования и защиты прав собственности.

Целью исследования является анализ актуальных проблем правового регулирования невзаимозаменяемых токенов (NFT) в Российской Федерации и предложение путей их решения.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области гражданско-правового регулирования NFT (невзаимозаменяемого токена) таких как: Д. С. Емельянов, О. А. Костян, Э. И. Лескина, А. З. Махмутова, А. В. Попова, А. А. Ситник, Э. Р. Хасанов, B. L. Frye и др.

Создание в 2012 году протокола Colored Coins позволило представлять активы в виде токенов. В 2017 году появился стандарт ERC-721 на платформе Ethereum, заложивший основы для NFT, а проект CryptoKitties, впервые предложил возможность токенизации цифровых активов [18, с. 23].

Невзаимозаменяемые токены в Российской Федерации начали использоваться с момента открытия в 2020 году к проекту Rarible доступа для российских пользователей. В 2021 году происходит активное вовлечение художников и коллекционеров к платформам, специализирующимся на продаже цифровых активов. На сегодняшний день, NFT привлекают пользователей возможностью владеть уникальными цифровыми предметами, такими как: искусство, музыка и игровые предметы.

В общем виде, токен (от англ. token – знак, символ, жетон) является цифровым активом, представляющим ценность в блокчейн-технологиях, используется для доступа к ресурсам, выполнения операций и подтверждения прав собственности, функционируя

в рамках распределенных информационных систем [7, с. 60]. Токены включают Altcoins, Stablecoins, токены управления, невзаимозаменяемые токены, утилитарные и личные токены.

Самым уникальным цифровым активом является невзаимозаменяемый токен (NFT), поскольку он представляет собой владение конкретным предметом, хранящимся в сети Интернет (в формате изображения, видео или аудиофайла), и обеспечивает прозрачность, ликвидность и возможность перемещения между различными платформами. Следовательно, NFT – это уникальный цифровой актив, закрепленный в блокчейне, который подтверждает право собственности на конкретный объект или произведение, существующее в единственном экземпляре, и обеспечивает его аутентичность и неприкосновенность.

Невзаимозаменяемый токен действует как единица учета активов в информационно-технологичных проектах, а его учет осуществляется с помощью технологии блокчейн. Блокчейн функционирует как база данных, содержащая цепочку блоков с информацией о пользователях и транзакциях. Блоки связаны и хранятся на устройствах каждого участника сети. Доступ к базе данных обеспечивается специальными программами с цифровой подписью, гарантируя защиту прав на электронный актив. Каждая транзакция содержит данные обо всех операциях с токенами, а информация хранится у всех участников сети.

NFT, обладая уникальными свойствами, не может подлежать замене. Он не имеет эквивалентных дробных значений, представляющих индивидуальные ценности, например, цифровые картины или музыкальные произведения. Использование NFT обеспечивает правообладателю уверенность в действительности токена, поскольку фальсификация записей невозможна. Пользователи могут проверять подлинность через блокчейн, защищающий авторские права. Наличие NFT подтверждает исключительное право владельца на уникальные цифровые активы, являющиеся результатами творческой деятельности.

В момент продажи невзаимозаменяемого токена возникают гражданско-правовые отношения, поскольку NFT имеет признаки объекта гражданских прав: подлежит денежной оценке и является оборотоспособным, позволяя участникам рынка совершать с ним сделки гражданско-правового характера. Так, следует привести некоторые примеры гражданско-правовых отношений в сфере NFT.

В 2021 году Государственный Эрмитаж создал цифровые копии своих произведений в виде NFT, которые были проданы через маркетплейс Binance NFT. Покупатели получили лицензию на использование, копирование и демонстрацию NFT в цифровом виде для различных целей [14]. Следовательно, NFT не только является предметом купли-продажи, но и предоставляет определенные права на использование.

NFT-коллекция Hashmasks, выпущенная в январе 2021 года, позволяет покупателю менять имя купленного персонажа. Владелец токена становится активным участником творения искусства, внося свой вклад в его развитие [15]. Данный пример подчеркивает динамичный характер гражданско-правовых отношений в сфере NFT, поскольку права и обязанности сторон могут меняться в зависимости от действий собственника.

Мобильные приложения, работающие по системе Move-to-Earn, ярко иллюстрируют гражданско-правовые отношения в контексте NFT. Участники покупают «NFT-кроссовки», которые начисляют токены во время физической активности. Токены могут быть использованы для улучшения характеристик «кроссовок» или обмена на криптовалютных биржах [16]. NFT-кроссовки могут продаваться, сдаваться в аренду или обмениваться, что еще раз подтверждает их оборотоспособность и денежную оценочность.

Трудно предсказать широкое использование NFT в ближайшие годы: интерес к технологии остается высоким, однако отсутствие правового регулирования является

существенным препятствием. Вместе с тем, следует отметить, что Российская Федерация начала предпринимать активные шаги в направлении правового регулирования токенов, в частности NFT.

Основным законом Российской Федерации является Конституция, гарантирующая единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности [1].

1 октября 2019 года вступили в силу изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, определившие цифровые права как новый объект гражданских прав. Изменения были закреплены в статье 141.1 и новой редакции статьи 128, в соответствии с пунктом 2 статьи 1 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 N 34-ФЗ [4]. На сегодняшний день, статья 128 Гражданского кодекса определяет объекты гражданских прав, перечисляя к ним вещи, имущественные права, результаты работ и оказания услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, нематериальные блага [2]. Введение цифровых прав стало важным шагом в развитии правового регулирования в условиях цифровизации экономики.

31 июля 2020 года был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» N 259-ФЗ. Согласно части 2 статьи 1 Закона, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, которые включают денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг [5]. Необходимо отметить, что выпуск, учет и оборот цифровых финансовых активов возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра.

Цифровые финансовые активы могут служить для удостоверения имущественных прав и прав требования на другие объекты гражданских прав. В момент разработки Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» N 259-ФЗ NFT токены еще не получили широкого распространения в Российской Федерации, однако уже наблюдалось быстрое развитие технологий и возможность существования различных видов виртуальных активов. Поэтому, в законодательстве была применена упрощенная классификация цифровых активов, включающая цифровые права, такие как: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право участия в капитале непубличного акционерного общества и право требования передачи эмиссионных ценных бумаг.

Важной особенностью цифровых финансовых активов является их обеспечение имуществом эмитента или третьих лиц. Обеспечение цифрового финансового актива удостоверяет имущественные права, в частности права требования на другие объекты гражданских прав. Удостоверение имущественных прав подтверждает право владельца требовать объект обеспечения. Объект обеспечения определяется сделкой, согласно которой создается цифровой финансовый актив. Права требования на объект обеспечения передаются приобретателю цифрового финансового актива.

Момент создания цифрового финансового актива определяется внесением записи о зачислении цифрового финансового актива первому владельцу в информационную систему, в которой осуществляется их выпуск. Оборот цифрового финансового актива начинается с момента возникновения прав, удостоверенных активами, у первого владельца. Выпуск, учет и обращение цифрового финансового актива реализуются через внесение записей в информационную систему. Исключительные права на цифровой финансовый актив подтверждаются решением о его выпуске, также определяющим вид

и объем прав. Гибридные цифровые права иногда могут включать цифровой финансовый актив и право требовать передачи вещей, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выполнение работ и предоставление услуг.

Некоторые ученые, в частности А. З. Махмутова и Э. Р. Хасанов, считают, что NFT можно рассматривать как объект авторского права, поскольку важна сама NF-работа в токенизированной форме [8, с. 96; 9, с. 65]. В данном контексте следует отметить, что статья 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации не относит NFT к объектам авторского права [3]. Несмотря на это, перечень объектов авторских прав, приведенный в статье, не является исчерпывающим.

Поскольку невзаимозаменяемые токены представляют собой уникальные данные, подтверждающие право владельца на конкретный материальный или цифровой объект, а их сновная функция заключается в подтверждении подлинности цифровых объектов, то само приобретение NFT не предоставляет автоматически авторские права на связанные цифровые объекты, если только это не предусмотрено лицензионным договором. В гражданском обороте NFT могут использоваться в двух аспектах: как обычные токены (без наделения дополнительными правами) либо как утилитарные токены, наделяющие владельцев дополнительными правами.

Первостепенная проблема правового регулирования NFT в Российской Федерации заключается в отсутствии единого определения рассматриваемого явления. Д. С. Емельянов и И. С. Емельянов характеризуют NFT как единицу цифровой информации, хранящуюся в распределенном реестре, технологии блокчейн, и являющуюся невзаимозаменяемой с другими цифровыми активами [10, с. 71]. А. А. Сытник подчеркивает: невзаимозаменяемый токен в самом общем виде выступает единицей учета в распределенном реестре, репрезентируя в цифровой форме финансовые инструменты или другие активы, выражая экономическую ценность представляемых объектов и позволяя осуществлять связанные с ним права [11, с. 85]. А. В. Попова и С. И. Семцива считают, что NFT являются формой цифровых активов и криптовалюты [12, с. 200]. Э. И. Лескина определяет NFT как невзаимозаменяемые токены, цифровые активы, представляющие предметы реального мира, такие как произведения искусства, музыка, предметы коллекционирования [13, с. 38]. NFT не является объектом цифрового искусства сам по себе, а выступает как средство, предоставляющее возможность владения и обращения уникальных цифровых объектов.

Отсутствие четкого правового статуса NFT затрудняет их использование и регулирование в правовой системе, ввиду чего, видится целесообразным предложить авторскую дефиницию: NFT (невзаимозаменяемый токен) как объект гражданского правоотношения представляет собой уникальный цифровой актив, который подтверждает право собственности владельца на конкретный материальный или цифровой объект, обеспечивая его аутентичность и защиту в рамках правового регулирования, а также позволяя осуществлять сделки и передавать права, связанные с данным активом, в соответствии с установленными нормами законодательства.

Безусловно, NFT выступает самостоятельным объектом гражданских прав, а также может быть объектом права интеллектуальной собственности, в частности, авторского права. Невзаимозаменяемый токен имеет специфические признаки, свойства и характеристики, которые подчеркивают его уникальность и отличие от традиционных объектов авторского права. NFT можно интерпретировать как свидетельство об исключительном праве на цифровой актив. Уникальность и незаменимость рассматриваемого токена является его главным преимуществом.

Интересным представляется и рассмотрение вопроса о том, является ли нарушением закона использование объекта интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя при отчуждении NFT?

Так, в 2021 году возник спор между кинокомпанией Miramax и режиссером Квентином Тарантино относительно прав на кадры из фильма «Криминальное чтиво». Тарантино планировал продавать вырезанные сцены в виде NFT-токенов, включая оригинальный рукописный сценарий и аудиокомментарии. Юристы Miramax утверждали, что Тарантино нарушает авторские права, выставляя на продажу неизданные материалы. В 2022 году Miramax подала иск в суд, обвинив Тарантино в нарушении контракта и авторских прав. Покупателям NFT грозило возвращение токенов [17].

В Российской Федерации подобных споров не встречалось, однако развитие технологий блокчейн и популяризация NFT могут привести к возникновению аналогичных конфликтов в будущем, что потребует уточнения правовых норм относительно интеллектуальной собственности и использования цифровых финансовых активов.

Статья 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает исключительное право автора произведения или правообладателя на использование произведения в любой форме и законный способ. Законное распоряжение произведением возможно только с разрешения правообладателя, и реализуется через лицензионные соглашения. Законодательство также предусматривает случаи свободного использования произведений. Исходя из этого, изготовление копий объекта авторского права для хранения в электронной форме, в частности в виде NFT, считается воспроизведением. Однако, статья 1273 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет без согласия автора воссоздание правомерно обнародованного произведения исключительно в личных целях.

Таким образом, приобретая права на NFT, человек не получает авторских прав на произведение и не становится безусловным владельцем цифрового произведения. Лицо получает токен-сертификат, который может гарантировать исключительные права на объект или не гарантировать ничего, кроме возможности владения уникальным цифровым сертификатом. При создании NFT с использованием другого объекта гражданского права, необходимо разрешение от владельца авторских или иных прав, иначе такое использование будет считаться нарушением исключительного права владельца первичного объекта гражданского права.

В основе NFT лежат смарт-контракты, которые обеспечивают уникальность, аутентичность и прозрачность транзакций, автоматизируя процессы покупки, продажи и обмена цифровых активов, открывая новые возможности для художников, коллекционеров и инвесторов, и изменяя традиционные подходы к владению цифровыми предметами. Именно после загрузки на блочейн-платформу автор создает неограниченное количество лицензионных прав, включая токенизированные неисключительные лицензии и части долевого владения, а также получает возможность реализовать исключительные права, лицензионные права, права на перепродажу и роялти через смарт-контракты.

Одним из преимуществ NFT является невозможность удаления таких токенов. Действительно, отмеченное создает проблемы для защиты прав авторов от неправомерного использования их произведений, поскольку устраняется один из способов восстановления нарушенных прав. Единственный выход из этой ситуации – заблокировать ссылку на NFT. Согласно части 1 статьи 15.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ, правообладатель вправе обратиться в органы власти, если выявляет объекты авторских прав, распространяемые без разрешения [6]. Если технические причины делают невозможным доступ к контенту, владелец сайта может заблокировать соответствующую веб-страницу.

Судебная защита требований, связанных с владением цифровыми финансовыми активами, предусмотрена статьей 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ. Требования подлежат защите только при условии, что лицо проинформировало налоговые органы о владении активами. Следовательно, действующее законодательство Российской Федерации частично обеспечивает возможность защиты прав владельцев NFT как цифровых финансовых активов, так и объектов авторских прав.

Исследование позволило выявить проблемные аспекты, связанные с отсутствием четкого правового статуса этих токенов. Действительно, NFT выступает самостоятельным объектом гражданских прав и может быть как объектом права интеллектуальной собственности в целом, так и авторского права, в частности. Поскольку на сегодняшний день усматриваются возможности нарушения прав владельцев и, прежде всего, авторских прав создателей NFT, которые являются объектами авторских прав, то представляется нобходимым закрепление статуса невзаимозаменяемых токенов в законодательстве Российской Федерации. Для решения указанной проблемы предлагается внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, определив NFT как невзаимозаменяемый токен цифрового финансового актива, который подтверждает право собственности владельца на конкретный материальный или цифровой объект, обеспечивая его аутентичность и защиту в рамках правового регулирования, а также позволяя осуществлять сделки и передавать права, связанные с данным активом, в соответствии с установленными нормами законодательства. Полагаем, отмеченное позволит применять к NFT нормы законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности, обеспечивая защиту правообладателей.

Кроме того, важно отграничить NFT от бездокументарных ценных бумаг, подчеркивая их невзаимозаменяемость. Включение NFT в статью 128 ГК РФ как категории «другого имущества» также может быть целесообразным. Определение NFT как отдельного объекта права позволит регулировать их обращение и защиту прав обладателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 01.07.2020 N 1-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.07.2020. – № 31. – Ст. ст. 8.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрании законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 128.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 1259.
4. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // «Российская газета». – 20.03.2019. – № 760 (7818). – Ст. 1.
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – Выпуск № 31 (ч. I). – Ст. 1.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // «Российская газета». – 29.07.2006. – № 165. – Ст. 15.2.
7. Костян О. А. Проблемы и перспективы унификации понятий «токены», «цифровые активы» и «цифровые права» / О. А. Костян // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 58-64.
8. Махмутова А. З. NFT-произведения как инструменты цифрового искусства: взгляд сквозь призму гражданского права / А. З. Махмутова // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 94-106.

9. Хасанов Э. Р. Особенности правовой защиты NFT как объекта исключительных прав / Э. Р. Хасанов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 8 (212). – С. 63-67.
10. Емельянов Д. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования / Д. С. Емельянов, И. С. Емельянов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 10 (241). – С. 71-76.
11. Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования / А. А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 12 (145). – С. 84-93.
12. Попова А. В. К вопросу о необходимости отражения института "феномена невзаимозаменяемых токенов (NFT-token)» в российском законодательстве / А. В. Попова, С. И. Семцива // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 199-215.
13. Лескина Э. И. Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов / Э. И. Лескина // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1 (19). – С. 37-43.
14. Эрмитаж продал NFT-токены картин из своей коллекции на 32 млн рублей // ГК «РосБизнесКонсалтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/61376bd99a7947185cd5d967?ysclid=m6f806t61x676005126&from=copy (дата обращения: 27.01.2024). – Загл. с экрана.
15. Hashmasks // The Hashmasks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.thehashmasks.com (дата обращения: 27.01.2024). – Загл. с экрана.
16. NFT-кросовки приносят доход // ГК «РосБизнесКонсалтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/crypto/news/624eea1c9a7947cb90ff7265?ysclid=m6f8esw0ke284599135 (дата обращения: 27.01.2024). – Загл. с экрана.
17. Студия запрещает Тарантино продажу вырезанных сцен из «Криминального чтива» // «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20211117/tarantino-1759409533.html (дата обращения: 27.01.2024). – Загл. с экрана.
18. Frye B. L. A Brief History of NFTs / B. L. Frye // The Cambridge Handbook of Law and Policy for NFTs. – October 2024. – Pp. 10-37.

ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL LAW REGULATION OF NFT (NON-FUNGIBLE TOKEN) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The paper examines the problems of legal regulation of NFT (non-fungible token) in the Russian Federation. The analysis of existing legislation is carried out, examples of civil law relations related to NFT and the practice of alienation of digital works of art and use are considered. It is noted that the absence, to date, of a single definition of NFT in domestic legislation makes it difficult to regulate turnover and protect rights in the field of NFT. The author proposes amendments to the Civil Code of the Russian Federation in order to define NFT as an independent object of civil rights.
Keywords: NFT (non-fungible token), civil law regulation, protection of rights, legal status of NFT, digital assets.

Solonenko K. M.
Scientific adviser: Finkina A. P., senior lecturer Donetsk
State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Солоненко К. М.
Научный руководитель: Чубарова Е. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе осуществлен анализ реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации. Указано, что отсутствие законодательного определения понятия «частная жизнь» приводит к правовой неопределенности и способствует нарушениям прав со стороны частных компаний. Выявлены проблемы, связанные с массовым сбором и обработкой персональных данных, а также негативным воздействием новых технологий на осуществление конституционного права. Подчеркнута необходимость улучшения отечественной нормативно-правовой базы с целью обеспечения эффективной защиты конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни.
Ключевые слова: конституционное право; неприкосновенность частной жизни; цифровизация общества, защита персональных данных; массовый сбор информации.

Введение. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни занимает неотъемлемое место в системе прав человека. Впервые, право было закреплено в статье 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, провозглашавшей неприкосновенность личной и семейной жизни [1]. Продолжением стало включение соответствующих норм в Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года [2]. Важным аспектом истории развития отечественного законодательства стало закрепление права на неприкосновенность частной жизни в статье 23 Конституции Российской Федерации от 1993 года [3].

Актуальность защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху обусловлена стремительным развитием технологий, создающих новые вызовы для личной безопасности и конфиденциальности граждан Российской Федерации. Согласно данным исследования, проведенного в 2024 году, более 80% граждан выразили обеспокоенность по поводу утечки их персональных данных, а 78% пользователей сети Интернет хоть раз сталкивались с попытками несанкционированного доступа к своей личной информации, что подтверждает необходимость эффективных механизмов защиты данных и прав на неприкосновенность частной жизни. В материалах практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов Организации Объединенных Наций, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, а также позициям Верховного Суда Российской Федерации от 2024 года, подчеркивается обязанность государств по обеспечению защиты индивидуальных прав и свобод граждан с учетом новых реалий цифровой среды [14].

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассмотренной тематике, таких как: А. А. Алтухова, Г. Е. Волкова, Н. А. Игумнов, В. А. Невьянцева, О. А. Цымлянская, C. Gilbert, M. Gilbert и др.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, системный, конкретно-социологический, математический и формально-юридический методы, которые обеспечивают комплексный анализ конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху.

Цель работы заключается в анализе конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху и предложении решения указанных проблем.

Основная часть. Конституционные права человека и гражданина являются основой правовой системы, поскольку гарантируют свободу, достоинство и равенство всех граждан в российской Федерации. В свою очередь, конституционное право на неприкосновенность частной жизни определяет естественное право лица на защиту информации о частной жизни и автономии в личных делах. Содержание данного права охватывает возможность каждого гражданина контролировать доступ к своей личной и семейной информации, а также самостоятельно осуществлять выбор в пользу обнародования определенной информации о себе.

Частная жизнь включает физическую и духовную сферы, свободные от внешнего вмешательства, в которых лицо имеет право на тайну своих мыслей, чувств, отношений и внутреннего мира. Защита неприкосновенности семейной жизни обеспечивает приватность в отношениях с близкими людьми, предотвращая постороннее вмешательство. Личная и семейная тайна охватывают информацию о жизни человека, а также не подлежащих разглашению имущественных и неимущественных аспектах. Неприкосновенность жилья гарантирует защиту личной территории от незаконного вторжения, а неприкосновенность коммуникаций обеспечивает право на свободное общение без цензуры. Наряду с этим, информационная неприкосновенность запрещает разглашение личных данных, которые потенциально могут повлиять на достоинство и репутацию лица в дальнейшем.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху сталкивается с многочисленными вызовами ввиду отсутствия законодательно закрепленного определения понятия «частная жизнь». Отсутствие конкретизации элементов частной жизни также создает правовую неопределенность, приводящую к злоупотреблениям со стороны частных корпораций. Тем не менее, в пункте 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 N 2-П указывается на то, что «частная жизнь» включает область жизнедеятельности отдельного лица, не подлежащую контролю общества и государства, если только она не носит противоправный характер [15].

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни тесно связано с цифровой средой, поскольку обеспечивает защиту личных данных и информации, которые лицо передает и хранит в электронном виде, от несанкционированного доступа к ним и их использования.

Н. А. Игумнов отмечает, что современные изменения в жизни человека все больше зависят от глобализационных процессов, снижающих значение национальных границ в области идей, моральных норм и культурных ценностей индивидуума [9, с. 36]. Действительно, на сегодняшний день возникновение многих правоотношений между лицами сопровождается информационным взаимодействием, при котором информационно-коммуникационные технологии становятся источником нежелательного вмешательства в частную жизнь, и, тем самым, источником нарушения конституционного права на неприкосновенность частной жизни.

Осуществляя коммуникацию в сети Интернет граждане зачастую ошибочно полагают, что сфера их частной жизни остается вне такого взаимодействия. Однако, как показывает тревожная статистика, существует большое множество способов сбора персональных данных о пользователях без их ведома. Так, некоторые российские и зарубежные платформы и веб-сайты (Telegram-бот «Глаз бога», «phreaker.pro», «dublikat.eu», «radarix.com» и др.) в период с 2020 по 2025 годы осуществляли сбор и продажу персональной информации, содержащей более 710 млн. записей о гражданах

Российской Федерации [16], в нарушение конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху.

На сегодняшний день, справедливо отмечает Г. Е. Волкова, оказание услуг через веб-сайты предусматривает обязательное предоставление личной информации пользователями, в частности через cookie-файлы, отслеживающие различные данные о частной жизни лица (возраст, пол, местонахождение и передвижение) [10, с. 176]. Сбор и обработка данной информации используется для создания профиля пользователя с целью предоставления в дальнейшем персонализированной рекламы. Такие почтовые сервисы, как OrangeBox Mail, VK WorkMail, Mailion и другие, часто анализируют электронные письма, получая доступ к конфиденциальной информации граждан Российской Федерации. Дальнейшее использование данных происходит без ведома пользователей, нарушая их конституционное право на неприкосновенность частной жизни.

В цифровой среде любые личные сведения о лице являются источником потенциальной опасности для его частной жизни, поскольку открытость сети Интернет и электронных баз данных позволяет накапливать, обрабатывать и хранить большой запас персональной информации всех граждан [11, с. 91-92]. Обмен сообщениями в сети Интернет существенно отличается от традиционных коммуникационных средств: многие пользователи не имеют прямого доступа к ресурсам сети, получая его через посредников – провайдеров. Электронное письмо проходит через несколько операторов, каждый из которых может вмешиваться в процесс, получая доступ к содержанию сообщения и дополнительной информации. Сеть Интернет также влияет на возникновение риска нарушения коммуникационной конфиденциальности, дополняя право на уважение частной жизни новыми аспектами информационной активности в сети.

Правовые отношения, связанные с защитой и обработкой персональных данных, регулирует Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ, направленный на защиту основополагающих прав и свобод человека, невмешательство в частную жизнь. Так, согласно статье 3, персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к физическому лицу [4]. Операторы и другие лица, получающие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать их третьим лицам без согласия субъекта. Конфиденциальность персональных данных обеспечивается при условии, что закон не запрещает ограничивать доступ к ним. Сбор персональных данных является частью процесса их обработки, а за нарушение данного порядка предусмотрена административная (статья 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [5] и уголовная ответственность (статья 137 Уголовного кодекса Российской Федерации) [6].

Важность защиты права неприкосновенности частной жизни в эпоху технологического прогресса подчеркивает и Декларация о свободе обмена информацией в Интернете от 28.05.2003 года [17]. Вместе с тем, вступление в силу Федерального закона «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» от 08.06.2020 N 168-ФЗ способствовало возникновению новых вопросов о возможности реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Закон предусматривает внесение в реестр широкого спектра сведений о физических лицах, включая данные о семейном положении, идентификаторы, а также информацию об учете в налоговых органах, воинский учет и другие аспекты [7]. Несмотря на то, что инициатива Правительства Российской Федерации обосновывается удобством для государства и граждан, общество проявляет обеспокоенность относительно возможного злоупотребления информацией [12, с. 17].

Как подчеркивает А. А. Алтухова, неприкосновенность частной жизни практически любого гражданина наиболее уязвима в информационной сфере [13, с. 11].

Действительно, конституционное право на неприкосновенность частной жизни может подвергаться ограничениям со стороны органов государственной власти на основании судебного решения. Однако, такими правомочием не наделены частные корпорации, часто использующие личные данные граждан Российской Федерации в своих интересах без согласия.

В данном контексте, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 05 декабря 2016 года акцентирует внимание на жизненно важных интересах лица в информационной сфере, обеспечении и защите конституционных прав и свобод в части получения и использования персональной информации [8]. Так, отмечается важность поддержки демократических институтов и механизмов взаимодействия государства и гражданского общества. Гарантирование стабильного функционирования критической информационной инфраструктуры, развитие информационных технологий, а также доведение до общества достоверной информации о государственной политике являются важными национальными интересами. Формируемая система международной информационной безопасности направлена на защиту суверенитета в информационном пространстве.

Обеспечение безопасности общества тесно связано с интересами большинства, поэтому ограничение прав и свобод меньшинства в некоторых случаях должно признаваться оправданным. Обобщенные принципы ограничения прав человека закреплены международными нормами, провозглашающими баланс реализации индивидуальных прав и коллективных интересов. Следовательно, безопасность общества не может достигаться без определенных ограничений прав отдельных лиц, включая их право на свободное передвижение и неприкосновенность частной жизни.

Как отмечалось ранее, статья 12 Всеобщая декларация прав человека 1948 года также гарантирует неприкосновенность личной и семейной жизни, запрещая произвольное вмешательство в данные сферы. Вместе с тем, внедрение на территории Российской Федерации новых цифровых технологий, позволяющих осуществлять наблюдение (система распознавания лиц «Безопасный регион», система контроля телефонов по уникальным кодам IMEI, система видеоаналитики на основе силуэтов, двухфакторная модель наблюдения и др.), повышает риски нарушения конституционных прав человека. В то же время, статья 29 Декларации определяет, что при реализации прав и свобод лицо подлежит лишь тем ограничениям, которые установлены законом для обеспечения уважения к правам других. Следовательно, указанный принцип является основополагающим для оценки правомерности вмешательства в частную жизнь.

Необходимо отметить и нарушающую конституционное право на неприкосновенность частной жизни угрозу слежки за гражданами Российской Федерации в условиях стремительного развития информационных технологий. Попытки государств ослабить шифрование и анонимность в информационно-коммуникационной сети лишают граждан права на конфиденциальность, имеющего весомое значение для защиты частной жизни. В частности, в 2024 году Глава Комиссии Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела страны заявил о сборе иностранными спецслужбами персональных данных граждан Российской Федерации [18].

Прежде чем говорить о защите конституционного права на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде, следует отметить, что трансграничный доступ к данным, хранящимся на серверах коммерческих предприятий, способствует обходу процессуальных гарантий. Кроме этого, проблема «big data» (быстрорастущего набора данных, генерируемого из различных источников сети Интернет) усложняет защиту конституционного права на неприкосновенность частной жизни ввиду возможности

автоматического сбора большого объема конфиденциальной информации и её последующего потенциального использования в ущерб правам лиц [19, с. 17].

Выводы. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху сталкивается с многочисленными проблемами, вызванными стремительным развитием информационных технологий и глобализационными процессами. Массовый сбор и обработка персональных данных, а также активное использование цифровых платформ приводят к потенциальному нарушению конституционного права граждан Российской Федерации на неприкосновенность частной жизни. Важность защиты права на неприкосновенность частной жизни обусловлена нарастающей угрозой использования личных данных без согласия субъектов конфиденциальной информации.

Защита принципа неприкосновенности частной жизни предусматривает не только правовые механизмы, но и активное участие общества в контроле за практикой сбора и использования информации. Принятие новых нормативно-правовых актов в сфере защиты персональных данных и информационной безопасности граждан Российской Федерации демонстрирует стремление государства обеспечить эффективный механизм защиты конституционных прав. Тем не менее, отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «частная жизнь» на сегодняшний день создает условия для нарушения прав и свобод граждан.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным и подлежит ограничению со стороны органов государственной власти в установленных законом случаях. Важным аспектом остается баланс между интересами безопасности общества и конституционными правами граждан. Именно актуальность защиты частной жизни подчеркивает необходимость усовершенствования отечественного законодательства в области сбора и обработки персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // «Библиотека Российской газеты». – 1998. – Выпуск № 22–23. – Ст. 12.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // «Ведомости Верховного Совета СССР». – 1976. – № 17. – Ст. 291.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.07.2020. – № 31. – Ст. 23.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – № 1 (часть I). – Ст. 13.11.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 137.
7. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: Федеральный закон от 08.06.2020 N 168-ФЗ // «Российская газета». – 10.06.2020. – Ст. 1.
8. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.12.2016. – № 50. Ст. 7074.
9. Игумнов Н. А. Толкование права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) / Н. А. Игумнов // Журнал Конституционного правосудия. – 2022. – № 3. – С. 34-38.
10. Волкова Г. Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху / Г. Е. Волкова // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 174-180.

11. Цымлянская О. А. О мерах защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни в социальных сетях / О. А. Цымлянская, К. Д. Шеленков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 3 (154). – С. 90-94.
12. Невьянцева В. А. Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении: вопросы актуальности создания системы и обеспечения защиты персональных данных / В. А. Невьянцева // Юридическая наука. – 2020. – № 10. – С. 17-20.
13. Алтухова А. А. Неприкосновенность частной жизни в сети Интернет / А. А. Алтухова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". – 2022. – Т. 4, № 14-1. – С. 10-15.
14. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов ООН, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на уважение личной и семейной жизни от 2024 года // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/33501/ (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
15. По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 N 2-П // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467399/?ysclid=m6tb5541s1222833891 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
16. Роскомнадзор зафиксировал более 710 миллионов утекших записей о россиянах // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20250116/roskomnadzor-1993941562.html?ysclid=m6t74900ff883347646 (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
17. Декларация о свободе обмена информацией в Интернете [рус., англ.]: принята 28.05.2003 на 840-ом заседании заместителей министров // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=8077&ysclid=m6t9s4esmj260175610#GtsU1cU8alNg2dGk (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
18. О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России: Постановление ГД ФС РФ от 23.03.2022 N 1021-8 ГД // // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=794175&ysclid=m6tcukolvm85029759#DVVq1cUNUVyqMEpJ (дата обращения: 30.01.2025). – Загл. с экрана.
19. Gilbert C., Gilbert M. Privacy-Preserving Data Mining and Analytics in Big Data Environments / C. Gilbert, M. Gilbert // International Journal for Global Academic & Scientific Research. – 2024. – Vol. 12. – P. 1-36.

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY IN THE DIGITAL AGE

Annotation. This paper analyzes the implementation of the constitutional right to privacy in the context of digitalization. It is stated that the lack of a legislative definition of the concept of "private life" leads to legal uncertainty and contributes to violations of rights by private companies. The problems associated with the massive collection and processing of personal data, as well as the negative impact of new technologies on the exercise of constitutional law, have been identified. The need to improve the domestic regulatory framework in order to ensure effective protection of the constitutional right of citizens to privacy is emphasized.
Keywords: constitutional law; inviolability of private life; digitalization of society, protection of personal data; mass collection of information.

Solonenko K.M.
Scientific adviser: Chubarova E.A., Senior lecturer Donetsk
State University
E-mail: sol-kriis@mail.ru

УДК 343.2/.7

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ОШИБКИ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Становая А.Ю.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье раскрывается такая категория уголовно-процессуального права, как ошибки в квалификации. Изучены виды ошибок, их последствия, рассмотрены юридические (фактические) ошибки, ошибки в личности потерпевшего и другие.
Ключевые слова: преступление, квалификационные ошибки, фактические ошибки.

Квалификационные ошибки при определении состава преступления – это неверные представления о том или ином элементе состава преступления, вследствие чего возникает искажение данных о преступном деянии и обвиняемому инкриминируется статья уголовного законодательства не за то деяние, которое он совершил на самом деле или иные негативные последствия. Она может затрагивать как фактические аспекты совершённого деяния, так и его юридическую оценку. Анализ таких ошибок, их рассмотрение в теоретическом и практическом аспектах являются фундаментом для обоснования актуальности настоящей статьи.

Целью работы является рассмотрение категории ошибок в уголовно-процессуальном праве, анализ их видов и значения.

Непосредственно Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не содержит прямого закрепления категории квалификационной ошибки, однако этому вопросу посвящены многочисленные теоретические разработки учёных-правоведов.

В теории выделяют не только квалификационные ошибки, но и ошибки в уголовном праве или ошибки субъектов преступления, которые подразделяются на юридические и фактические. Указанные виды следует рассмотреть более подробно, для разграничения данных понятий и ошибок в квалификации. Кроме того, первые могут провоцировать возникновение вторых.

Так, в теории уголовного права под юридической ошибкой принято понимать заблуждение лица относительно юридической оценки совершенного деяния и его последствий, а также неправильное представление лица о преступности деяния, его квалификации, о виде и размере возможного наказания.

Юридические ошибки можно классифицировать на виды: заблуждение относительно преступности либо неприступности деяния, ошибка в квалификации преступления и ошибка в виде и размере наказания.

Общее правило квалификации при наличии юридической ошибки заключается в том, что она не влияет на квалификацию и ответственность, и действия лица при наличии юридической ошибки квалифицируются таким же образом, как бы квалифицировались при ее отсутствии [1, с. 143].

Фактическая ошибка представляет собой субъективное заблуждение лица, совершающего умышленное преступление в отношении признаков объекта или объективной стороны данного преступления. Другими словами, это случаи, когда лицо совершает преступление, но по независящим от него обстоятельствам наступает результат, который либо а) не охватывался умыслом виновного, либо б) не наступает результат, который охватывался умыслом виновного, либо в) наступает результат, который не охватывался умыслом виновного.

Как отмечает по данному вопросу Шевченко М.Ж., данное явление имеет большой ореол распространения на практике, однако квалификация подобных случаев сталкивается с рядом проблем. Это обусловлено тем, что законодательное закрепление признаков фактической ошибки имеет место лишь в теории уголовного права, о чём мы уже сказали ранее.

Такая ситуация связана, в том числе, и с отсутствием единства теоретических позиций относительно ее признаков и составляющих [2, с. 9].

Если субъектом юридической ошибки является лицо, совершающее преступное деяние, то в случае с квалификационной ошибкой им является следователь, дознаватель, судья, прокурор или иной субъект уголовного процесса на любом из этапов расследования уголовного дела. Следовательно, совершение подобных ошибок ударяет не только по правам подозреваемого или обвиняемого, но и по авторитету судебной системы и уровню доверия населения к правоохранительным и судебным органам страны. То есть, важность этой проблемы носит не только индивидуальный, но и общественно-политический характер. Именно субъективный фактор по большей части лежит в основе совершения указанной разновидности ошибок.

Совершение упомянутыми субъектами квалификационных ошибок может быть обусловлено рядом причин, которые включают в себя: наличие слишком малого количества доказательств преступления, низкий уровень знаний субъекта, небрежное отношение к расследованию преступления, слишком большая опора на собственный опыт расследования аналогичных деяний, вследствие чего игнорируются новые обстоятельства преступления и многие другие.

Сами же законодатели больше объясняют совершение квалификационных ошибок объективными факторами, к которым относятся: низкая численность сотрудников правоохранительных и следственных органов, повышенное число обязанностей, рост преступности, постоянная изменчивость законодательных актов, дублирование полномочий различных следственных органов и иные проблемы в организации работы. Несомненно, перечисленные факторы имеет место быть и, вместе с субъективными причинами, оказывают прямое воздействие на совершение квалификационных ошибок.

В качестве ещё одной причины совершения подобных ошибок можно выделить отсутствие единого подхода даже в уголовно-правовой доктрине среди юристов-теоретиков.

На наш взгляд, активизация надзорной деятельности прокуроров и делегация им некоторых следственных полномочий позволит значительно сократить количество квалификационных ошибок и повысить качество расследования уголовных дел. Кроме того, необходимо совершенствование уголовно-правового законодательства в вопросе разработки предписаний расследования уголовных дел, а также издание постановлений Пленума Верховного Суда РФ, где также могли бы содержаться важные разъяснения. В любом случае, законодателем ведётся определённая работа в этом направлении, поскольку в соответствии с актуальностью того или иного вопроса, Пленум ВС РФ периодически выпускает постановления и определения, указывающие на возможность решения той или иной квалификационной ошибки.

Говоря о разновидностях квалификационных ошибок, следует отметить, что они могут подразделяться на логические и юридические (фактические).

Логические ошибки подразумевают допущение подмены понятий или утверждений, нарушение основных законов логики, доказывания, вследствие чего возникает искажение в мысленной логической цепочке в процессе расследования уголовного дела.

В свою очередь, сущность юридических (фактических) ошибок заключается в том, что субъект расследования неверно установил связи между элементами состава

преступления, неверно соотнес их с признаками, предусмотренными в УК РФ, что привело к ошибочной квалификации преступного деяния.

По сути, в качестве причины возникновения любой ошибки в квалификации преступлений выступает отсутствие чётко закреплённых в уголовном и уголовно-процессуальном законе правил квалификации преступлений на каждом этапе. Их закрепление значительно сократит количество совершаемых ошибок при квалификации преступных деяний, поскольку на практике встречаются совершенно разные и непредсказуемые преступные деяния, которые бывает тяжело квалифицировать, не опираясь на чёткие предписания или же на сходное деяние, как это принято в прецедентной системе права. В целом, причины квалификационных ошибок в уголовном праве могут носить как внешний, так и внутренний характер.

Следует сказать, что ошибки в квалификации преступлений имеют как внутреннюю, так и внешнюю стороны. Сабитов Р.А. пишет: «Внутренняя сторона состоит в заблуждении лица, то есть в ложной мысли, которую лицо принимает за истинную, а внешняя сторона – в неправильном его действии, вызванном этим заблуждением. Отсюда следует, что ошибка в квалификации уголовно-правового деяния – это вызванное заблуждением правоприменителя неправильное установление соответствия фактических признаков содеянного признакам состава преступления или иного уголовно-правового деяния» [3, с. 106].

Важно отграничивать ошибку в квалификации преступлений от сходных деяний, которые относятся к другой категории действий. Здесь мы имеем в виду намеренное искажение обстоятельств дела следователем или иным субъектом процесса с целью смягчить или же наоборот ужесточить наказание для обвиняемого, что может быть спровоцировано как личными мотивами, как и наличием корыстной цели, подкупом и другими обстоятельствами, которые никак не связаны с совершением квалификационной ошибки. В этом случае совершается преступление в виде злоупотребления полномочиями или иного состава должностных преступлений, предусмотренного УК РФ.

Нельзя забывать, что основным признаком квалификационной ошибки является непреднамеренность и отсутствие умысла на её совершение, что прямо определяет разницу в её правовой природе с фактом совершения преступного деяния.

Помимо перечисленных разновидностей, ошибки в квалификации преступлений на практике могут быть классифицированы в зависимости от элемента состава преступления, а именно: ошибки в объекте, субъекте, объективной стороне, субъективной стороне или в определении факультативных признаков. Также ошибки могут быть связаны с применением Общей либо Особенной части УК РФ.

Севостьянова А.Г. по данному поводу расписывает, что при ошибке относительно объекта посягательства лицо может заблуждаться относительно качественной характеристики объекта посягательства, а также в количестве объектов, которым фактически причиняется вред.

Ошибка относительно предмета преступного посягательства как правило не влияет на квалификацию содеянного, однако в том случае, если особые признаки предмета отражены в диспозиции соответствующей статьи УК РФ, то содеянное надлежит квалифицировать по данной статье со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, а также как оконченное преступление, которое непосредственно совершило лицо.

При ошибке относительно личности потерпевшего лица квалифицировать преступление необходимо исходя из того, обладает ли потерпевшее лицо специальными признаками, указанными в соответствующей статье УК РФ.

При ошибке относительно средств совершения преступления необходимо установить направленность умысла виновного лица [4, с. 41].

Кроме того, в научной литературе встречается подразделение ошибок по уровню распространённости среди субъектов уголовного процесса, по тяжести возникающих последствий, непосредственно по субъектам, допустившим ошибку и иным признакам и параметрам.

Собственную классификацию квалификационных ошибок предлагает А.Ю. Решетников, который подразделяет их на три группы:

1) непризнание наличия состава преступления в деяниях, где он имеется;

2) признание наличия состава преступления в деяниях, где он отсутствует;

3) неправильное избрание нормы УК РФ для квалификации преступления.

Применительно к последней группе автор ранжирует квалификационные ошибки:

1) на ошибки квалификации оценочных признаков преступления;

2) квалификации единых сложных и совокупных преступлений;

3) квалификации общественно опасных последствий;

4) квалификации малозначительных деяний и преступлений, граничащих с проступками [5, с. 93].

Классификация квалификационных ошибок достаточно важна, поскольку она выполняет ряд необходимых функций. Она позволяет систематизировать и упорядочить их в зависимости от разных критериев, раскрывает их сущность, позволяет вести статистику, имеет практическую значимость, а также важна для юридического образования, поскольку даёт базу примеров для студентов.

Говоря о распространении тех или иных видов квалификационных ошибок в заключении, хотелось бы привести в пример точку зрения Андрианова В.К., который подчёркивает: «наиболее распространенными являются ошибки при уголовно-правовой оценке квалифицирующих признаков составов преступлений против жизни и здоровья (в частности, убийства), а также хищений. Не случайно разъяснению этих признаков посвящен значительный объем содержания соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда» [6, с. 169]. На наш взгляд, это объясняется тем, что часто при учёте подобных преступлений могут быть утеряны из виду детали или же упущен момент перехода одного уголовно наказуемого деяния в другое. Чем сложнее и опаснее преступное деяние, тем более внимательной квалификации оно требует, а значит, создаётся поле для возможного допущения ошибок при учёте тех или иных нюансов по делу.

Таким образом, на практике допускается множество различных квалификационных ошибок уголовно-правового характера. Данные деяния обязательно носят характер непредумышленности и чаще всего связаны с отсутствием чётких правил квалификации того или иного деяния в уголовном законодательстве. В теории выработаны ряд оснований для классификации подобных ошибок, к которым относятся: вид преступного деяния, субъект ошибки, форма ошибки, элемент состава преступления и другие.

Для того, чтобы сократить количество допускаемых на практике квалификационных ошибок, необходимо усовершенствовать уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в вопросе создания чётких предписаний по расследованию преступлений, расширить полномочия прокурора в надзорной деятельности, унифицировать существующие доктринальные подходы к вопросам расследования преступных деяний. Результатом будут такие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, которые позволят исключить допущения квалификационных ошибок, что в свою очередь приведет к отсутствию нарушений прав обвиняемых и подозреваемых, повышению авторитета следствия и суда в России, повышению уровня квалификации работников следственных и судебных органов, наработке опыта правильного и грамотного применения на практике норм уголовного закона при расследовании преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева А.Ю. Юридическая и фактическая ошибки и их значение для квалификации преступления // Образование и право. – 2013. - №9 (49). – С. 142-148.
2. Шевченко М.Ж. Некоторые вопросы квалификации преступлений при наличии фактической ошибки // Современные научные исследования. – 2012. - №14 (11). – С. 9-12.
3. Сабитов Р.А. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний // Вестник Челябинского государственного университета. – 2001. - №1. – С.104-113.
4. Севостьянова А.Г. Особенности квалификации преступлений в условиях фактической ошибки // Вопросы современной науки и практики. – 2021. - №2 (5). – С. 40-42.
5. Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права. – 2016. - №10. – С. 89-95.
6. Адрианов В.К. Квалификационные ошибки: природа, закономерности, виды, последствия // Правосудие. – 2020. – Т.2. - №1. – С. 162-188.

MISTAKES IN QUALIFICATION OF CRIMES IN CRIMINAL LAW

Abstract. The article reveals such a category of criminal law as errors in qualification. The types of such errors, their consequences are studied, factual errors, errors in the identity of the victim and others are considered.
Key words: crime, qualification errors, factual errors.

Stanovaya A.Yu.
Scientific supervisor: Semikina L.A., PhD in Law, Associate Professor
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "DonSU"
E-mail: anstanovaya77@mail.ru

УДК 346.544

ЗНАЧИМОСТЬ МАРКИРОВКИ ТОВАРОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ

Страшевский В.С.
Научный руководитель Липиникий В.В: д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема контрафактной продукции в России и роль системы маркировки товаров в борьбе с этим явлением. Сделан анализ последствий выпуска контрафактной продукции, которая наносит ущерб производителям, потребителям и государству, способствуя развитию теневой экономики. Подтверждена позитивная динамика внедрение системы «Честный знак», что позволило снизить объемы нелегальной продукции, повысить прозрачность рынка и увеличить налоговые поступления. Предложены меры по совершенствованию маркировки: расширение перечня товаров, поддержка отечественного производства оборудования и льготы для бизнеса.
Ключевые слова: маркировка товаров, контрафактная продукция, обязательная маркировка, нелегальные товары, идентификационные знаки.

В современной системе маркетинга качество продукции играет важнейшую роль как для потребителей, так и для производителей. [1] Одной из серьёзных угроз на современном рынке является распространение контрафактной продукции, что сопровождается ростом нарушений в области интеллектуальной собственности. Согласно Гражданскому кодексу РФ (статья 1515), контрафактными считаются товары, их этикетки и упаковка с незаконно размещёнными товарными знаками или обозначениями, которые могут быть приняты за оригинальные, а также продукция с неправомерно использованными наименованиями мест происхождения товаров. По сути, контрафакт – это продукция, которую производят и продают компании, копирующие товары известных брендов и использующие их фирменную символику для получения прибыли. Это явление наносит ущерб сразу нескольким сторонам: производители терпят убытки и теряют репутацию, потребители переплачивают за поддельные товары, а государство сталкивается с развитием теневой экономики и сокращением налоговых поступлений. Проблема контрафакта имеет международный масштаб и представляет угрозу не только для экономической безопасности государства, но и для здоровья его граждан [2].

Вопросы маркировки товаров в основном рассматриваются в контексте государственного регулирования, в то время как научные исследования сосредоточены на изучении маркировки в рамках конкретных категорий товаров. Исследователи А. В. Гугелев, Н. А. Бонюшко и А. А. Семченко подчеркивают, что маркировка является важным источником информации для потребителей и служит механизмом трехстороннего взаимодействия между потребителями, бизнесом и государством, обеспечивая контроль качества производимой и импортируемой/экспортируемой продукции.

Статистика ФТС демонстрирует рост выявленной контрафактной продукции: в 2023 году было обнаружено 8,5 млн единиц, что на 7,1% больше по сравнению с 2022 годом (8,2 млн единиц). Согласно исследованию А. Р. Исламгулова, Р. Р. Шагивалева и Е. О. Квашиной, около 40% рынка сумок, одежды и аксессуаров в России составляет контрафактная продукция, при этом 30% российских потребителей признались, что приобретали такие товары в прошлом году. Исследователи связывают устойчивый спрос на контрафактную продукцию с экономическим кризисом и снижением покупательной способности населения [3].

Проблема контрафакта тесно переплетается с намеренным искажением

качественных характеристик товаров с целью занижения их таможенной стоимости. По оценкам экспертов, на российском внутреннем рынке около 80% товаров реализуется с нарушением прав интеллектуальной собственности, при этом от 30 до 50% продукции имеет полностью нелегальное происхождение [4]. В структуре контрафактной продукции первое место занимают предметы гардероба, обувь и аксессуары, за ними следуют продовольственные товары, а третью позицию занимают парфюмерно-косметические изделия. Замыкают список бытовая техника и фармацевтические препараты [5, 6].

Распространение контрафактной и некачественной продукции существенно влияет на финансовое положение и репутацию легальных производителей. По данным Минпромторга, начиная с 2018 года в России было обнаружено и изъято свыше 6 миллионов единиц контрафактной продукции. Если раньше отслеживание нелегальной продукции, ее перемещения и продажи представляло значительные трудности, то внедрение системы обязательной маркировки способствовало сокращению объема контрафакта и упростило процесс выявления некачественных товаров и их недобросовестных производителей.

Маркировка служит инструментом идентификации и отображения характеристик товаров, при этом ее ключевая задача – противодействие распространению контрафактной продукции в стране. Производители контрафакта, избегая лицензирования, уплаты налогов и проверок, фактически выводят свою деятельность и качество продукции из-под какого-либо контроля [7, 8].

В настоящее время система маркирования и прослеживаемости товаров зарекомендовала себя как один из самых действенных методов борьбы с контрафактом. Ее внедрение было обусловлено потребностью в оперативном получении достоверных данных о движении товаров в рамках хозяйственной деятельности организаций, что способствует снижению негативного влияния нелегальной продукции как на продавцов, так и на потребителей.

Процесс маркировки заключается в нанесении уникального цифрового идентификатора в формате Data Matrix. Этот код включает две составляющие: идентификационную часть, определяющую положение товара в системе "Честный знак", и проверочную часть, разработанную ЦРПТ для защиты от подделок. После маркировки информация о товаре вносится в систему "Честный знак", а производитель получает и наносит уникальный код на продукцию. Такой механизм призван сделать торговлю нелегальной продукцией невозможной и упростить контроль за товарооборотом.

В России внедрение системы маркировки было инициировано в 2015 году. Значимым этапом стало введение в 2016 году на территории ЕАЭС обязательного чипирования для категории товаров 4303 "Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия из натурального меха". В апреле того же года президент РФ утвердил закон о реализации пилотного проекта с обязательными RFID-метками, запрещающий приобретение, хранение и продажу немаркированных изделий на территории стран ЕАЭС. На территории России данный закон вступил в силу с 1 января 2019 года.

В рамках государственной политики обеспечения экономической безопасности особое внимание уделяется защите экономической деятельности. Обязательная маркировка выступает важным инструментом государственного контроля, позволяющим отслеживать движение товаров на всех этапах – от производства до конечного потребления. Предполагается, что такая система способствует вытеснению контрафактной продукции с рынка и сокращению числа производителей, уклоняющихся от уплаты налогов.

Внедрение российской системы маркировки товаров принесло положительные результаты для всех участников рынка. Государство получило ряд преимуществ: повысились поступления в бюджет от таможенных и налоговых платежей, ускорилось

развитие цифровой экономики, значительно возросла доля легальной продукции, а рынок стал более прозрачным. Для потребителей система обеспечила уверенность в подлинности и качестве приобретаемых товаров. Появилась возможность проверять подлинность продукции непосредственно в магазине с помощью специального приложения. Добросовестные производители также получили существенные выгоды: повысилась конкурентоспособность легального производства, увеличилась прибыль, укрепилось доверие клиентов, снизились издержки, появилась возможность отслеживать движение своей продукции по товаропроводящей цепи.

Проанализируем данные по выявленной контрафактной продукции за период с 2017 по 2023 год. (табл. 1).

Таблица 1 - Показатели выявленного Федеральной таможенной службой контрафакта за период 2017-2023 гг.

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Абсолютное отклонение по 2023 г. относительно 2017 г.
Выявлено контрафактной продукции, млн ед.	10,1	16,2	12,0	13,3	7,2	8,2	8,5	-1,6
Кол-во дел об АП, шт.	1072	1255	1011	771	888	562	364	-708
Ущерб, который мог быть нанесен правообладателям, млрд рублей	4,5	6,8	8,0	4,7	7,0	8,2	3,7	-0,8

Анализ данных показывает, что пиковое значение выявленного контрафакта пришлось на 2018 год, достигнув 16,2 млн единиц. К 2023 году этот показатель снизился вдвое, при этом максимальный потенциальный ущерб для правообладателей был зафиксирован именно в этот период, что свидетельствует об эффективности системы маркировки товаров. Однако, несмотря на очевидные преимущества маркировки, по некоторым категориям товаров наблюдается рост оборота нелегальной продукции. Показательным примером служит исследование Центра стратегических разработок (ЦСР), выявившее широкое распространение незарегистрированных БАДов в интернет-продажах. Наличие свидетельства о регистрации является для потребителя гарантией того, что продукт прошел необходимую экспертизу и безопасен для использования. Тем не менее, многие производители, игнорируя потенциальные риски для здоровья потребителей, находят способы обойти это требование – около 30% исследованных образцов оказались без государственной регистрации.

Исследование торговых интернет-площадок, проведенное в третьем квартале 2021 года и в период с 22 апреля по 18 мая 2022 года, позволило экспертам ЦСР выявить 9 441 случай предложения БАДов, не соответствующих российским нормативным требованиям. Эти продукты представляют потенциальную опасность для здоровья потребителей. Исследование выявило серьёзные нарушения: 24% продукции не имели свидетельства о государственной регистрации, 19% содержали вещества, запрещённые в России и ЕАЭС, а 17% сопровождались недостоверным описанием, вводящим потребителей в заблуждение.

Однако внедрение системы маркировки лекарственных средств привело к значительным положительным результатам. В частности, оборот дорогостоящих нелегальных препаратов сократился в 2,5 раза. Особенно показателен опыт российской биотехнологической компании Biocad, которая отметила десятикратное снижение количества поддельных онкологических препаратов на фармацевтическом рынке.

Система маркировки и прослеживаемости товаров демонстрирует явный положительный эффект для всех участников рынка. Отечественная разработка «Честный

знак» способствует защите интересов потребителей, усиливает государственный контроль над нелегальной и некачественной продукцией, создает условия для честной конкуренции среди предпринимателей, а также способствует увеличению доходов государственного бюджета за счет налоговых и таможенных поступлений. С точки зрения экономической безопасности, обязательная маркировка играет важную роль в поддержании конкурентоспособности товаров на рынке и обеспечении защиты потребителей.

Исходя из этого, можно выделить ключевые направления для совершенствования системы маркировки на территории Российской Федерации:

1. Расширение перечня товаров, подлежащих обязательной маркировке. Это потребует внедрения новой системы продаж, которая будет учитывать обработку кодов маркировки на всех этапах товародвижения.

2. Обеспечение организаций считывающими устройствами для работы с маркированными товарами. Для снижения финансовой нагрузки на бизнес целесообразно рассмотреть возможность предоставления льготных условий на приобретение такого оборудования. Государственная поддержка через целевые программы может стать эффективным решением. В долгосрочной перспективе такие затраты могут окупиться за счет роста легального товарооборота и увеличения доходов бюджета.

3. Развитие отечественного производства считывающих устройств. В условиях расширения обязательной маркировки на большее количество товарных групп, поддержка российских производителей оборудования становится актуальной задачей. Такая политика будет способствовать развитию отечественных технологий и укреплению экономической независимости.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что маркировка является важным инструментом для государства в борьбе с теневой экономикой. Она помогает снизить риск продажи нелегальных товаров и обеспечивает потребителей доступом к более качественной продукции. Однако для полноценного функционирования системы маркировки необходимо решить ряд существующих проблем.

В условиях текущих геополитических изменений России важно в кратчайшие сроки реализовать политику импортозамещения и наладить поставки из альтернативных источников. Одной из ключевых проблем является слабое развитие производства микрочипов и электроники, что негативно влияет на такие отрасли, как станкостроение, авиастроение и автомобилестроение. Введение обязательной маркировки радиоэлектронной продукции может способствовать решению этой проблемы и повышению конкурентоспособности данных отраслей.

Ещё одной актуальной задачей является развитие производства комбикормов и семян основных сельскохозяйственных культур. Маркировка может стать эффективным инструментом для улучшения качества продукции в этой сфере и поддержки политики импортозамещения в сельском хозяйстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лисютина А. И. Качество продукции: понятие и характеристики качества // Известия ТулГУ. Технические науки. 2020. № 3. С. 282-285.

2. Ершов М. В., Танасова А. С., Соколова Е. Ю. О механизмах стимулирования внутреннего спроса как ключевого фактора роста экономики // Экономика региона. 2021. Т. 17. вып. 1. С. 114-129.

3. Гугелев А. В., Бонюшко Н. А., Семченко А. А. К вопросу о развитии системы стандартизации и маркировки товаров в контексте обеспечения качества // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2018. № 5. С. 44-48.

4. Исламгулов А. Р., Шагивалеев Р. Р., Квашина Е. О. Понятие контрафактной продукции // Материалы МСНК «Студенческий научный форум 2022». 2022. № 5. С. 121-122.

5. Писанкова В. А., Хохлова П. В. Маркировка товаров: текущее состояние и перспективы развития // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2021. № 1. С. 185-188.

6. Сморчкова Л. Н. Обязательная маркировка товаров средствами идентификации как инструмент административно-правового воздействия на экономические отношения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. № 2. С. 44-50.

7. Формирование, развитие и безопасность предпринимательского сектора национальной экономики: институциональный аспект : монография / под редакцией члена-корреспондента РАН, д-ра экон. наук, профессора, директора ИПР РАН В. А. Цветкова и канд. физ.-мат. наук, доцента, заведующего лабораторией ИПР РАН К. Х. Зоидова. М.: ИПР РАН, 2022. 163 с.

8. Павленко О. В. Актуальные вопросы создания и функционирования системы маркировки и прослеживаемости товаров в рамках ЕАЭС // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2019. № 2(35). С. 24-30.

THE IMPORTANCE OF LABELING GOODS IN COUNTERING COUNTERFEIT PRODUCTS

Annotation. The article examines the problem of counterfeit products in Russia and the role of the product labeling system in combating this phenomenon. Counterfeiting damages producers, consumers and the state, contributing to the development of the shadow economy. The introduction of the Honest Sign system has made it possible to reduce the volume of illegal products, increase market transparency and increase tax revenues. Analysis of data for 2017-2023 shows a decrease in counterfeiting, but problems remain, especially with dietary supplements. Measures to improve labeling are proposed: expanding the list of goods, supporting domestic production of equipment, and business benefits.

Keywords: labeling of goods, counterfeit products, mandatory labeling, illegal goods, identification marks.

Strashevsky V.S.
Scientific adviser: Lipinsky V.V., Doctor of Historical, Professor
Donetsk National University
E-mail: strashevskij.val@yandex.ru

УДК 343.36

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСУДИЕ ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Сухова В.С.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются объективные признаки посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. Анализируются понятие «посягательство на жизнь», круг потерпевших лиц от совершения данного преступления, судебная практика. Определяются объект, объективная сторона, состав преступного посягательства. Рассматриваемое преступление посягает не только на общественные отношения в сфере осуществления правосудия, но и на жизнь лица, вовлеченного в данную сферу.
Ключевые слова: посягательство на жизнь, правосудие, предварительное расследование, преступления против правосудия, покушение на убийство.

Судебная власть является ключевым элементом в обеспечении целостности и функционирования государственной власти. Глава 7 Конституции Российской Федерации посвящена вопросам судебной власти и прокуратуры. Согласно статье 118 Конституции РФ, правосудие в России осуществляется исключительно судами. Судебная власть реализуется через конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство. Структура судебной системы Российской Федерации определяется Конституцией и федеральным конституционным законом. Учреждение чрезвычайных судов не допускается [1].

Глава 31 УК РФ «Преступления против правосудия» включает в себя 24 состава преступлений, среди которых статья 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие либо предварительное расследование» признается одним из наиболее опасных преступлений против правосудия. Это связано с тем, что данное преступное деяние посягает не только на нормальную деятельность конкретного органа правосудия, правоохранительного органа, лиц, содействующих правосудию, но и на жизнь конкретного человека. Данное преступление квалифицируется как особо тяжкое, поскольку санкция статьи предполагает строгое наказание, включая длительное лишение свободы, а в некоторых случаях – пожизненное заключение [2].

Состав преступления представляет собой совокупность признаков, установленных уголовным законодательством, которые описывают общественно опасное деяние как конкретное преступление. Данные признаки подразделяются на объективные и субъективные. Объективные признаки характеризуют внешнюю сторону преступления, включая само действие (или бездействие), которое может привести к опасным последствиям, а также причинно-следственную связь между действием и результатом, и наличие объекта посягательства. Объектом преступления считаются интересы (блага), которым может быть причинен вред в результате преступного посягательства и которые защищаются уголовным законом от таких посягательств. Объективная сторона включает в себя само деяние и причинную связь между ним и возникшими вредными последствиями [6, с. 511].

Спектор Л. А. отмечает, что основным непосредственным объектом посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, являются общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование судебной системы и органов предварительного расследования [7, с. 139].

Ревин В. П. указывает на дополнительный объект преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, – это общественные отношения, которые призваны обеспечить жизнь и здоровье лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование [10, с. 137].

Прозументов Л. М. обозначает, что «основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, являются интересы правосудия, а дополнительным объектом – жизнь названных в диспозиции статьи лиц» [8, с. 694].

Наличие дополнительного объекта рассматриваемого преступления не указывает на «второстепенность» охраны жизни лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, по сравнению с основным непосредственным объектом. Напротив, основанием для выделения в отдельный состав преступления, предусмотренного статьей 295 УК РФ, служит тот факт, что посягательство на жизнь в данном контексте совершается одновременно с посягательством на другой объект, который также имеет значительное социальное значение.

Следовательно, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, является многообъектным преступлением, а именно – имеет основной и дополнительный непосредственные объекты, каждый из которых самостоятельно охраняется уголовным правом.

Потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, могут являться судья, присяжные заседатели или иные лица, участвующие в осуществлении правосудия (арбитражный заседатель), прокурор, следователь, дознаватель, защитник, эксперт, специалист, судебный пристав, судебный исполнитель и их близкие.

Исходя из вышеуказанного, посягательство может быть направлено не только на жизнь вышеперечисленных компетентных лиц, но и на жизнь их близких. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», которые также могут быть применены к ст. 295 УК РФ, близкими потерпевшего могут считаться не только его ближайшие родственники, но и другие лица, имеющие с ним родственные или семейные связи (например, родственники супруга), а также те, чья жизнь, здоровье и благополучие имеют значение для потерпевшего из-за сложившихся личных отношений [4].

В соответствии с п. 3, 4 ст. 5 УПК РФ, близкими родственниками считаются супруги, родители, дети, усыновители и усыновленные, а также родные братья и сестры, дедушки, бабушки и внуки; близкими лицами считаются другие лица, не относящиеся к близким родственникам и родственным связям, а также люди, состоящие в родственных отношениях с потерпевшим или свидетелем, и те, чья жизнь, здоровье и благополучие важны для потерпевшего или свидетеля в силу сложившихся личных отношений [3].

Однако возникает дискуссионный вопрос ввиду того, что ст. 295 УК РФ не обеспечивает соответствующую защиту для различных участников судебного процесса. В категорию лиц, пострадавших от рассматриваемого преступления, не включены свидетели, заявители, которые также могут стать жертвами преступления, посягающего на осуществление правосудия и преступлений против жизни. Следовательно, лица, не обладающие статусом участника уголовного судопроизводства или полномочиями власти вовсе не защищены рассматриваемой специальной нормой.

Исходя из нормы, в целях обеспечения правосудия важнее защитить от посягательства жизнь работников компетентных органов, чем вовлекаемых в данную сферу частных лиц. Некорректным выступает и тот факт, что с точки зрения принципа равноправия жизнь судьи, прокурора либо следователя ценней, чем жизнь свидетеля, потерпевшего или заявителя.

В этой связи, на наш взгляд, законодателю следует рассмотреть не столько возможность уточнения или расширения списка лиц, пострадавших от преступления,

предусмотренного ст. 295 УК РФ, сколько необходимость сделать этот список более всеобъемлющим, чтобы включить всех субъектов, которые могут оказаться в зоне повышенной опасности из-за своего участия в процессуальной деятельности. Одним из возможных подходов к определению потерпевших от преступления, предусмотренного данной статьей, могло бы стать использование более общего термина «участник судопроизводства».

Правоведы Сундуров Ф. Р. и Талан М. В. целесообразно указывают, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, включает в себя активные действия, которые представляют собой не только незаконное вмешательство в деятельность суда и органов предварительного расследования, но и препятствование их законной деятельности через воздействие на лиц, содействующих правосудию, как в процессе судебного разбирательства, так и после него, но в связи с ним. Указанное вмешательство проявляется в действиях, которые законодатель определяет как «посягательство на жизнь» указанных лиц [9, с. 763].

Сундуров Ф. Р. выделяет, что «посягательство на жизнь» само по себе означает покушение на убийство, но не убийство. Это проявляется в действиях, которые могут привести к лишению жизни потерпевшего. Данное понятие можно трактовать через термин «вероятность», который определяется как «возможность осуществления чего-либо» в тех случаях, когда это можно с уверенностью предположить. Вероятность представляет собой «численную меру возможности» перехода от абстрактной возможности к реальной, которая затем, при наличии всех необходимых условий, становится действительностью [9, с. 764].

Однако, в силу ст. 295 УК РФ, посягательство на жизнь включает в себя два вида действий:

1) убийство – это активное действие, направленное на причинение смерти лицу. Преступление считается оконченным в момент наступления смерти (материальный состав преступления), что подразумевает наличие действия (активного), последствия (фактической смерти потерпевшего) и причинной связи между ними (воспрепятствование законной деятельности потерпевшего либо месть за такую деятельность);

2) покушение на убийство – это действие, направленное на причинение смерти лицу, но не доведенное до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица, совершившего преступление (ч. 3 ст. 30 УК РФ). Это значит, что момент окончания преступления переносится на стадию покушения (в данном случае) или приготовления. При этом не обязательно, чтобы наступило последствие в виде смерти потерпевшего (усеченный состав преступления).

Термин «посягательство на жизнь» применительно к ст. 295 УК РФ не встречается в действующем законодательстве и правоприменительной практике. Однако данное понятие было упомянуто в Постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР (например, Постановление Пленума Верховного Суда СССР по вопросам судебной практики, касающейся ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство сотрудников милиции и народных дружинников), которые в настоящее время утратили свою юридическую силу.

Следовательно, на наш взгляд, для четкого понимания и уменьшения дискуссий о применении данного понятия применительно к рассматриваемой норме, предлагается произвести ясное определение понятия «посягательство на жизнь» применительно к ст. 295 УК РФ, что позволит избавиться от ссылок на постановления Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР, утративших юридическую силу.

При квалификации посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, необходимо установить связь данного лица с рассмотрением дел или материалов в суде, проведением предварительного

расследования или исполнением судебных актов. Это означает, что преступление совершается в связи с выполнением потерпевшим своих служебных обязанностей, а не по иным мотивам, например, личным. Закон не устанавливает временных ограничений для этой связи. Посягательство может произойти как непосредственно во время выполнения потерпевшим своих функций – например, в ходе судебного заседания, на рабочем месте или во время его передвижения в служебных целях. Однако важно не только время совершения преступления, но и наличие причинно-следственной связи между профессиональной деятельностью потерпевшего и самим преступлением. Посягательство может быть совершено как до, так и после выполнения потерпевшим своих служебных обязанностей, при условии, что существует доказанная связь между его профессиональной деятельностью и преступным деянием. Данной связи присуща специальная цель преступления – воспрепятствования законной деятельности указанных лиц или мотива мести за такую деятельность.

Судебная практика подтверждает и свидетельствует о наличии специальной цели при совершении преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, – воспрепятствование законной деятельности указанных лиц или мотива мести за такую деятельность.

Так, ФИО2 признан виновным в посягательстве на жизнь судебного исполнителя Потерпевший №1 в связи с исполнением им решения суда, из мести за такую деятельность, при следующих обстоятельствах. Стерлитамакским городским отделом судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов возбуждено исполнительное производство о взыскании с ФИО2 в пользу ФИО15 суммы долга в качестве наложения ареста на автомобиль «Опель Зафира». ФИО2, находясь в указанном месте, действуя умышленно, облил судебного пристава-исполнителя из заранее приготовленной емкости с горючей жидкостью, после чего используя источник открытого пламени, пытался его поджечь. Действия ФИО2, направленные на лишение жизни судебного пристава-исполнителя, не были доведены до конца по независящим от него обстоятельствам ввиду активного сопротивления судебного пристава-исполнителя и были квалифицированы органами следствия и судом по ст. 295 УК РФ как посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование [5].

Важным моментом выступает то, что с точки зрения объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 295 УК РФ, сформулирован как усеченный, в силу чего преступление считается оконченным в момент совершения противоправных действий независимо от того, привели ли данные действия к смерти потерпевшего или нет. Для квалификации преступления не требуется наступление фактической смерти, однако данный факт подлежит учету при назначении наказания виновному.

Следовательно, социально-правовая природа объективных признаков посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, неразрывно обусловлена осуществлением правосудия. Правосудие, как социальный институт, призвано защищать права и свободы граждан, обеспечивая порядок и законность в обществе. Неправомерным способом разрешения процессуального конфликта служит воспрепятствование надлежащему проведению судебного производства путем посягательства на жизнь компетентных лиц, а также их близких.

Таким образом, обеспечение безопасности участников правосудия – это комплексная задача, требующая эффективных мер профилактики, сотрудничества правоохранительных органов, и постоянного совершенствования законодательной базы и правоприменительной практики. Рассматриваемое преступление, закрепленное в ст. 295 УК РФ, посягает не только на общественные отношения в сфере осуществления правосудия, но и на жизнь лица, вовлеченного в данную сферу.

Подводя итог вышеизложенному, при анализе объективной стороны посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, было предложено конкретизировать рассматриваемую норму следующим:

1. Ввести термин «участник судопроизводства» в диспозицию статьи 295 УК РФ в целях обеспечения соответствующей защиты различных участников судебного процесса помимо лиц, обладающих властными полномочиями. Под данным термином следует понимать частных лиц, принимающих участие в процессе осуществления судопроизводства (свидетели, заявители, потерпевшие, третьи лица и т.п.). Данное понятие позволит исключить точку зрения о пренебрежении принципа равноправия между лицами, осуществляющими правосудие, и частными лицами, вовлеченными в сферу осуществления правосудия посредством проведения судопроизводства. Возможность расширения списка лиц, пострадавших от преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, позволит включить всех субъектов, которые могут оказаться в зоне повышенной опасности из-за своего участия в процессуальной деятельности;

2. Включить в законодательство определение понятия «посягательство на жизнь» применительно к статье 295 УК РФ с целью уточнения содержания признака объективной стороны. В рассматриваемой норме посягательство на жизнь включает в себя два вида действий: убийство и покушение на убийство, что вызывает дискуссию, поскольку сам термин «посягательство на жизнь» подразумевает под собой действия, которые могут привести к лишению жизни потерпевшего, именуемые покушение на убийство. Следовательно, для четкого понимания и уменьшения противоречий применительно к статье 295 УК РФ предлагается произвести ясное определение понятия «посягательство на жизнь», включающее в себя убийство и покушение на убийство лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.01.2025).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 23.01.2025).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.02.2024).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения: 24.01.2025).

14. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан № 2-15/2021 от 9 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/zuaSkvK4mI1S/ (дата обращения 23.01.2025).

15. Громова Е.С. Проблемы квалификации посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование / Е.С. Громова // Экономика и социум. – 2020. – № 5-1 (72). – С. 510-519.

16. Спектор Л.А. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие / Л.А. Спектор // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – №. 1. – С. 139-142.

17. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прозументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.

18. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М. – Статут, 2012. – 943 с.
19. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. ВП. Ревина. – М.: «Юстицинформ», 2009. – 174 с.

OBJECTIVE SIGNS OF AN ENCROACHMENT ON THE LIFE OF A PERSON CARRYING OUT JUSTICE OR A PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. This paper examines the objective signs of an encroachment on the life of a person carrying out justice or a preliminary investigation. The concept of "encroachment on life", the range of victims of this crime, and judicial practice are analyzed. The object, the objective side, and the composition of the criminal offense are determined. The crime in question encroaches not only on public relations in the field of justice, but also on the life of the person involved in this area.
Keywords: assault on life, justice, preliminary investigation, crimes against justice, attempted murder.

Sukhova V.S.
Scientific adviser: Kalmykova A.A., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
Donetsk State University
E-mail: victoria.sukhova@mail.ru

УДК 343.13

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩИХ ПРАВИЛ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сыроежкина Д.С.
Научный руководитель: Попов Б.И., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемных аспектов регламентации общих правил производства следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Особое внимание уделено на правовой механизм производства следственных действий, а также детального рассмотрения норм уголовно-процессуального законодательства, включающего общие правила производства предварительного следствия. Основные результаты включают предложение уточненного определения следственных действий, необходимость их законодательного закрепления в ст. 5 УПК РФ, а также рекомендации по совершенствованию ст. 164 УПК РФ. Практическое значение работы заключается в повышении эффективности уголовного судопроизводства и защите прав участников процесса, а теоретическое — в развитии уголовно-процессуального законодательства и науки.
Ключевые слова: процессуальные действия, следственные действия, общие правила производства предварительного следствия, эксгумация, получение образцов для сравнительного исследования.

Правовой механизм уголовного судопроизводство Российской Федерации направлен на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2]. Эффективность уголовного судопроизводства, а также качество предварительного расследования во многом зависят от правильного соблюдения процессуальных и организационных принципов проведения следственных действий. Ключевым аспектом является то, что нормативные акты, регулирующие процесс следственных действий, должны быть четкими, справедливыми и соответствовать международным правозащитным стандартам. Лишь при соблюдении этих условий можно говорить о достижении целей уголовного судопроизводства и защите прав граждан.

Понятие «следственные действия» не имеет четкого законодательного определения, несмотря на многократное упоминание в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Это создает трудности для полного понимания, какие действия можно отнести к следственным. В п. 32 ст. 5 УПК РФ указано, что «процессуальное действие может быть следственным, судебным или иным, предусмотренным настоящим Кодексом». Таким образом, следственные действия являются частью процессуальных действий, и все они, безусловно, процессуальные, поскольку осуществляются в рамках уголовного процесса и обладают признаками и свойствами процессуального действия.

В юридическом словаре Борисов А.Б. под следственными действиями понимает действия по сбору и проверке доказательств, осуществляемые должностными лицами в установленном законом порядке [4, с. 681].

Согласно мнению И. Ф. Герасимова, К. Ф. Гуценко, А. М. Ларина и И. М. Лузгина, следственные действия представляют собой мероприятия, проводимые следователем в процессе уголовного дела, которые разделяются на действия, направленные на обнаружение, исследование и оценку доказательств, а также на действия, ориентированные на управление процедурой расследования, определение его границ и порядок проведения [5, с. 58]. Однако данная позиция является некорректной в связи с тем, что понятие «следственные действия» полностью охватывается понятием «процессуальные действия».

Более узкое толкование следственных действий в процессуальной литературе дают Г.С. Казинян и А.Б. Соловьев, которые трактуют следственные действия как регламентированные процессуальным законом действия, направленные на собирание и проверку доказательств [6, с. 187].

Гальдибаев М.Х. и Вандышев В.В. характеризуют данное понятие как любые действия должностных лиц, а именно следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, органа дознания, прокурора и судьи. В данном понимании уголовно-процессуальный закон включает в следственные действия такие мероприятия следователя (дознавателя), как выбор меры пресечения, приостановление производства по уголовному делу, привлечение лица в качестве обвиняемого и другие подобные действия. [7, с. 325].

Среди различных точек зрения на понятие «следственные действия» наиболее полное определение предлагает С.А. Шейфер. Он трактует следственные действия как способ собирания (формирования) доказательств и представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации, т.е. к получению соответствующего вида доказательств [8, с. 16]. Из этого следует, что следственное действие является познавательным процессуальным действием.

Таким образом, для более точного определения понятия «следственные действия» целесообразно включить данный термин в ст. 5 УПК РФ со следующим толкованием: «следственные действия – деятельность уполномоченных органов и должностных лиц в соответствии с настоящим Кодексом, осуществляемая после возбуждения уголовного дела при наличии фактических и правовых оснований, направленная на выявление, восприятие, фиксацию и оценку доказательной информации».

Наиболее точное определение понятия «общие правила производства следственных действий» представлено в работе Усовой Ю.И. и Ипатовой А.Ю, которое трактуется как совокупность общих требований, отражающих суть принципов уголовного процесса, которые применяются ко всем следственным действиям, указанным в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, независимо от их категории [9, с. 32].

Положения об общих правилах производства предварительного следствия закреплены в гл. 22 УПК РФ, а именно в ст. 164 УПК РФ. Данная норма представляет собой систему предписаний общего характера, в равной мере регулирующей проведение всех следственных действий, независимо от их особенностей [8, с. 18], являющаяся важным элементом общей структуры уголовно-процессуальных норм. Цель законодателя при введении ее в УПК РФ - последовательное внедрение общих положений о защите прав личности в нормы, которые регулируют производство следственных действий [10, с. 17].

В соответствии с анализом УПК РФ к следственным действиям относятся:

1) осмотр, свидетельствование, следственный эксперимент (гл. 24 УПК РФ);

2) обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (гл. 25 УПК РФ);

3) допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний (гл. 26 УПК РФ);

4) производство судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 164 УПК РФ, к следственным действиям законодатель также относит эксгумацию трупа и получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ). Важно отметить, что эксгумация в уголовно-процессуальном

законодательстве не выделяется как самостоятельное следственное действие. Многие ученые отмечают, что это действие имеет организационный или подготовительный характер и служит основой для последующих этапов, таких как осмотр, предъявление для опознания, судебная экспертиза и другие процедуры [11, с. 90].

По мнению С.А. Шейфера эксгумацию нельзя считать самостоятельным следственным действием, поскольку извлечение трупа из места захоронения само по себе ничего не доказывает. Поэтому данное действие надлежит считать технической предпосылкой осмотра, опознания или экспертизы трупа. Новый УПК РФ (статья 178) включил эксгумацию в правила осмотра трупа, что подчеркивает её вспомогательный характер в отношении следственного действия [8, с. 36].

Кригер А. Г. определяет эксгумацию как самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребённого трупа из места официального захоронения, осуществляемое в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя или определению суда для осмотра (в том числе повторного), опознания или экспертного отождествления захоронённого трупа, а также для получения образцов для сравнительного исследования и экспертного анализа (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств дела, включая патологоанатомическое исследование для обнаружения и изъятия вещественных доказательств с последующим захоронением трупа [12, с. 210].

Следовательно, данную процедуру следует рассматривать как самостоятельное следственное действие, поскольку она представляет собой сложную процедуру, включающую несколько специфических этапов, таких как осмотр места захоронения, гроба, опознание трупа (если это возможно) и получение образцов для сравнительного анализа.

Таким образом, это определение следует включить в статью 5 УПК РФ, сформулировав его следующим образом: «эксгумация - самостоятельное следственное действие, целью которого является извлечение погребённого тела из официального места захоронения, осуществляемое в соответствии с нормами настоящего Кодекса на основании постановления следователя или определения суда».

Среди учёных существуют споры о признании получения образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) самостоятельным следственным действием. Это действие впервые было законодательно закреплено в принятом в 1960 году УПК РСФСР. До этого момента получение образцов для сравнительного исследования не имело законодательно установленной регламентации, несмотря на его широкое применение в деятельности правоохранительных органов.

В УПК РФ от 22 ноября 2001 г. статья 202 посвящена получению образцов для сравнительного исследования. Эта статья более подробно регламентирует данное процессуальное действие по сравнению с УПК РСФСР [13, с. 28]. Однако в ст. 5 УПК РФ, где раскрываются основные понятия Кодекса, определения образцов для сравнительного исследования не представлено.

Данное понятие законодательно определено в ст. 9 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31 мая 2001 года N 73-ФЗ [3], согласно которому образцы для сравнительного исследования понимаются как объекты, которые отражают свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и составления заключений.

Получение образцов для сравнительного исследования является одним из действий, подробно регламентированных в главах 24–27 УПК РФ и, по сути, представляет собой следственное действие. Однако среди ученых по этому вопросу до сих пор существует разногласие. Некоторые считают это действие следственным, в то время как другие относят его к иным процессуальным действиям, не направленным

непосредственно на сбор доказательств. Законодатель также не дает однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, его расположение в главе, посвященной производству экспертизы, а также отсутствие упоминания в названии главы и формулировка цели в законе указывают на его вспомогательный характер. С другой стороны, порядок, условия и правила проведения, а также процессуальное оформление этого действия не отличаются от тех, что применяются к любому другому следственному действию [14, с. 56].

Исходя из множества позиций относительно получения образцов для сравнительного исследования, стоит поддержать позицию сторонников о том, что это процессуальное действие имеет характерные черты следственного действия: осуществляется после возбуждения уголовного дела в ходе предварительного расследования; производится при наличии фактических и процессуальных оснований; протокол составляется по правилам составления протоколов следственных действий; происхождение образцов для сравнительного исследования выступает как доказательство [15, с. 78-79].

Согласно ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1], органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, следовательно, осуществление производства следственных действий строго регламентируется положениями соответствующего законодательства. Следует отметить, что отклонение от общих правил производства следственных действий может привести к распространённым ошибкам, таким как:

- некорректное составление протокола следственного действия;
- нарушения конституционных и процессуальных прав участников следственных действий;
- несоблюдение порядка проведения следственных действий и другие упущения [9, с. 33].

На основании анализа ст. 164 УПК РФ можно подчеркнуть, что данная норма запрещает использование физической силы, психического и психологического давления, угроз насилия, уничижительных высказываний и других форм воздействия на участников уголовного судопроизводства.

При проведении следственных действий следователь обязан соблюдать конституционные права человека и гражданина, а также принципы уголовного процесса, установленные в главе 2 УПК РФ. К таким принципам относятся законность, объективность, неприкосновенность частной жизни и защита чести и достоинства личности. Соблюдение этих принципов является необходимым условием для достижения целей уголовного правосудия и обеспечения защиты прав граждан.

Содержание данной нормы устарело и не соответствует современному законодательству, а иногда даже противоречит другим положениям УПК РФ и решениям высших судебных органов. В последние годы наблюдаются проблемы злоупотребления правом со стороны участников уголовного судопроизводства, а также случаи признания доказательств недопустимыми из-за отсутствия четких границ допустимого как для следователя, так и для других заинтересованных лиц. Это подчеркивает необходимость более детальной регламентации общих правил проведения следственных действий.

В качестве примера можно привести то, что в ч. 4 ст. 164 УПК РФ установлен общий запрет на применение насилия, угроз и других незаконных мер. Однако закон не определяет границы допустимого принуждения, которое может и должно применяться следователем в зависимости от сущности, характера и содержания каждого следственного действия. Более того, законодатель, предоставляя правовой статус лицам, указанным в главах 6, 7 и 8 УПК РФ, включая право подавать ходатайства о проведении следственных действий и участвовать в них, не уточнил их права и обязанности в ходе

этих действий. Это становится особенно важным, поскольку такие лица могут значительно влиять на процесс и результаты следственных действий, отказываясь от участия или препятствуя их проведению, что может привести к утрате доказательств или их признанию недопустимыми.

Перечень следственных действий, проводимых на основании судебного решения и перечисленных в ч. 2 ст. 164 УПК РФ, давно перестал быть исчерпывающим. Согласно выводам Конституционного Суда РФ, помимо перечисленных в данной норме действий, по судебному решению также должны проводиться такие следственные мероприятия, как осмотр места происшествия, проверка показаний на месте и следственный эксперимент, если они осуществляются в жилище против воли его жителей. К числу таких действий также относятся обыск, выемка и осмотр (в соответствии со ст. 450.1 УПК РФ), а также мероприятия, проводимые в отношении адвоката и обыск в помещениях банков [16, с. 212].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что общие правила следственных действий имеют свои проблемы, связанные с регламентацией следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Основной проблемой является отсутствие четкого законодательного определения понятия «следственные действия», что приводит к разночтениям в правоприменительной практике и затрудняет защиту прав участников уголовного судопроизводства. Кроме того, устаревшие нормы, регулирующие общие правила производства следственных действий, не соответствуют современным требованиям и международным стандартам.

Для предотвращения дальнейших разногласий и неясности среди ученых-правоведов, предлагается необходимость внесения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ четкого определения следственных действий, эксгумации трупов, а также общие положения правил производства следственных действий. Также стоит отметить, что эксгумация трупа и получение образцов для сравнительного исследования должны быть признаны самостоятельными следственными действиями, что требует их отдельного законодательного закрепления. Подчеркивается необходимость детальной регламентации общих правил производства следственных действий, включая установление границ допустимого принуждения и уточнение прав и обязанностей участников процесса.

Таким образом, предложенные изменения на детальное рассмотрение положений об общих правилах производства следственных действий направлены на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, повышение качества предварительного расследования и защиту прав граждан, что является важным шагом к достижению целей уголовного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Закон РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 4 июня 2001 г. - N 23. - ст. 2291.
4. Борисов, А. Б. Большой юридический словарь / автор и составитель Борисов А. Б. - Москва: Книжный мир. - 2010. – 848 с.
5. Полупан А. В. К вопросу о понятии, юридической природе следственных действий и их соотношении с иными процессуальными действиями в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Полупан // Молодой ученый. — 2022. — № 29 (424). — С. 57-61.

6. Шхагапсоев З. Л. Понятие, виды и признаки следственных действий / З. Л. Шхагапсоев // Общество и право. – 2013. – № 3(45). – С. 186-190.
7. Гальдибаев М. Х. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М. Х. Гельдибаев, В. В. Вандышев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. – 719 с.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер // Самара: Издательство «Самарский университет», 2004. – 192 с.
9. Усова, Ю. И. Общие правила производства следственных действий: проблемы применения / Ю. И. Усова, А. Ю. Ипатова // Центральный научный вестник. – 2020. – Т. 5, № 11(100). – С. 32-34.
10. Бравилова Е. А. Об общих правилах производства следственных действий / Е. А. Бравилова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2020. – № 1(27). – С. 16-30.
11. Ильяшенко А. Н. Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном судопроизводстве / А. Н. Ильяшенко, Д. Н. Лозовский // Общество и право. – 2017. – № 1(59). – С. 87-91.
12. Кандакова Ю. А. Особенности производства эксгумации в уголовном процессе / Ю. А. Кандакова // Молодой ученый. — 2021. — № 21 (363). — С. 209-212.
13. Калинин В. Н. Процессуальная природа и сущность получения образцов для сравнительного исследования / В. Н. Калинин // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2017. – № 2(5). – С. 26-37.
14. Бравилова Е. А. Получение образцов для сравнительного исследования: понятие, сущность, назначение и проблемы производства / Е. А. Бравилова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 56-62.
15. Стельмах, В. Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы / В. Ю. Стельмах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1(69). – С. 78-85.
16. Иманаев В. А. Проблемы нормативного регулирования общих правил производства следственных действий / В. А. Иманаев // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: сборник научных статей по материалам VI Национальной заочной научно-практической конференции, Ставрополь, 21 декабря 2023 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2024. – С. 210-212.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE GENERAL RULES OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Annotation. The article is devoted to the analysis of problematic aspects of the regulation of the general rules of investigative actions in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal mechanism for conducting investigative actions, as well as a detailed review of the norms of criminal procedure legislation, including the general rules for conducting a preliminary investigation. The main results include the proposal of a more precise definition of investigative actions, the need for their legislative consolidation in art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as recommendations for improving Article 164 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The practical significance of the work lies in improving the effectiveness of criminal proceedings and protecting the rights of participants in the process, while the theoretical significance lies in the development of criminal procedure legislation and science.
Keywords: procedural actions, investigative actions, general rules of preliminary investigation, exhumation, obtaining samples for comparative research.

Syroezhkina D.S.
Scientific adviser: Popov B.I., Senior Lecturer
State University
E-mail: darya.syroezhkina.04@yandex.ru

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Талынева С. А.
Научный руководитель: Харжевская Т. С., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В работе автором анализируются актуальные проблемы гражданско-правового регулирования рекламы в сети Интернет, выявляются правовые коллизии и недостатки действующего законодательства. Предлагается внесение изменения в статью 3 Федерального закона от 13.03.2006 N 8-ФЗ «О рекламе» путем добавления определения понятия «рекламы в сети Интернет». Также, акцентируется внимание на необходимости законодательного уточнения критериев отнесения к рекламе информации, размещаемой в сети Интернет.
Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, достоверная информация, реклама в сети Интернет, недобросовестная реклама, ответственность.

Вступление. По данным Ассоциации Коммуникационных Агентств России, в I полугодии 2024 года рынок Интернет-рекламы в Российской Федерации демонстрировал рост на 28% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. В 2025 году отмечается двукратный рост инвестиций в рекламу на маркетплейсах по сравнению с 2024 годом, а затраты на мобильное продвижение достигают 554,6 млрд. рублей. Очевидно, что динамичное развитие интернет-рекламы требует усовершенствования законодательных подходов и повышения правовой защищенности потребителей.

Актуальность исследования проблемы правового регулирования рекламы в сети Интернет обусловлена не только значительным ее экономическим влиянием, но и многочисленными правовыми коллизиями, возникающими в процессе ее распространения. Отсутствие правовых норм, регламентирующих данную сферу, нередко приводит к распространению недостоверной информации и вреду деловой репутации субъектов хозяйствования.

Целью работы является анализ актуальных вопросов гражданско-правового регулирования рекламы в сети Интернет, а также выявление пробелов в существующем законодательстве.

Объект исследования составляют общественные отношения, возникающие в процессе осуществления гражданско-правового регулирования рекламы в сети Интернет.

Предмет исследования – проблемы и перспективы гражданско-правового регулирования рекламы в сети Интернет.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды отечественных ученых, посвященные рассматриваемой проблематике, таких как: А. Н. Байрамбекова, И. А. Дмитриев, И. В. Ермакова, А. А. Кусакин, А. О. Семисо рова, А. Е. Федотовская, В. О. Цыганок и др.

Основная часть. Термин «реклама» впервые появился в праве в конце XIX века с началом формирования законодательных основ регулирования рекламной деятельности. В России реклама, как востребованный вид социально-экономической деятельности, оформилась во второй половине XIX века. На сегодняшний день, реклама в сети Интернет является неотъемлемым элементом современной экономики, поскольку обеспечивает связь между производителями и потребителями.

Согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе», реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную

неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [1]. В соответствии с частью 1 статьи 437 Гражданского кодекса Российской Федерации, реклама и иные предложения, адресованные неопределенному кругу лиц, рассматриваются как приглашение делать оферты, если иное прямо не указано в предложении [2]. Однако, определения не полностью подчеркивают возможность распространения рекламы в различных формах и видах, включая текстовые объявления, баннеры, видео и социальные сети.

В юридической науке также отсутствует единая точка зрения о различиях понятий «реклама» и «реклама в сети интернет». Так, согласно И. А. Дмитриеву, Интернет-реклама – это вид рекламы, транслируемый через сеть Интернет [5, с. 369]. А. Е. Федотовская подчеркивает, что реклама может рассматриваться как приглашение к оферте, содержащей существенные условия договора [6, с. 163]. Однако, учитывая цель рекламы, не всегда возможно включить все существенные условия в одно рекламное сообщение. В свою очередь, А. Н. Байрамбекова определяет «рекламу в сети Интернет» как информацию, распространенную любым способом и в любой форме, направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования и формирование интереса к нему, при этом реклама в Интернете может быть адресована конкретным пользователям, что отличает её от традиционной рекламы, адресованной неопределенному кругу лиц [7, с. 36]. Иные авторы едины во мнении о том, что термины «реклама» и «реклама в сети Интернет» являются синонимичными и обозначают одно и то же правовое понятие [8, с. 23; 9, с. 104].

Таким образом, ввиду отсутствия на сегодняшний день единого определения понятия «реклама в сети Интернет», представляется целесообразным предложить авторскую дефиницию: реклама в сети Интернет – это целенаправленно распространяемая информация о товарах, услугах или брендах через цифровые каналы, имеющая целью формирование осведомленности потребителей и влияние на их решения о покупке, при этом отвечая требованиям законодательства относительно достоверности и доступности информации. Необходимым видится и внесение изменений в статью 3 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» путем закрепления определения понятия «реклама в сети Интернет».

Согласно статье 10 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей», информация о продукции должна быть предоставлена потребителю до приобретения товара [3]. Данное положение подчеркивает важность предоставления достоверной информации потребителям и является основой для укрепления доверия к рекламе.

Отличительным признаком рекламы в сети Интернет является возможность локального направления информации на конкретную аудиторию. Используя технологии целевого маркетинга рекламодатели оповещают о работах, товарах или услугах потребителей, наиболее в них заинтересованных. Действительно, это повышает эффективность рекламных кампаний, одновременно создавая вопрос об этичности и правомерности таких действий.

Реклама в сети Интернет также носит интерактивный характер, потребители могут взаимодействовать с рекламой, оставляя комментарии, задавая вопросы или даже совершая покупки напрямую через рекламу. Вместе с тем, возможность свободного копирования и распространения повторно рекламных материалов иными лицами зачастую приводит к нарушениям законодательства в области интеллектуальной собственности. Кроме того, размытые границы ответственности у цифровых платформ, демонстрирующих персонализированную рекламу на основе цифровых профилей пользователей, создают дополнительные сложности, поскольку платформам приходится самостоятельно решать вопросы ответственности как операторам данных.

Так, согласно Решению Арбитражного суда Ростовской области от 10 ноября 2022 год по делу № А53-27234/2022, Микрофинансовая компания «БЫСТРОДЕНЬГИ» была признана виновной в распространении ненадлежащей рекламы, поскольку распространяла рекламу путем СМС-оповещения и уведомления в социальных сетях без получения предварительного согласия абонента. Суд установил, что форма заявки на получение займа не предоставляла пользователям возможность отказаться от рекламной рассылки, нарушая законодательство о рекламе. Впоследствии, компании было назначено административное наказание в виде штрафа в размере 50000 рублей [12].

Важным аспектом является также вопрос достоверности рекламы. Согласно статье 5 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе», реклама не должна вводить в заблуждение потребителей. Однако, осуществление полноценного контроля за достоверностью рекламы в сети Интернет не представляется возможным ввиду быстрого распространения большого объема информации и массовых рассылок рекламных сообщений от неидентифицированного круга лиц. В данном контексте И. В. Ермакова справедливо отмечает, что реклама в сети Интернет часто содержит недостоверную информацию, приводя к нарушению прав потребителей [10, с. 34].

Кроме того, интернет-реклама подлежит регулированию не только национальным законодательством, но и международными нормами. В частности, ратифицированное Российской Федерацией Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере регулирования рекламной деятельности от 19 декабря 2003 года устанавливает требования к рекламе в сети Интернет, ее идентификации и защите прав потребителей [4].

Необходимым признаком рекламы в сети Интернет выступает и ее конфиденциальности. Согласно статье 10.1 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных», согласие на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, оформляется отдельно от иных согласий субъекта персональных данных на обработку его персональных данных. Однако, в сети Интернет данные могут собираться и без ведома пользователя. Так, современные технологии позволяют рекламодателям анонимно анализировать огромные объёмы информации о пользователях, вызывая опасения относительно конфиденциальности и безопасности персональных данных. Пользователи часто не осознают, что их действия в сети отслеживаются, а собранные данные используются для формирования рекламных предложений.

Отсутствие требований, которым должны соответствовать размещающие рекламу Интернет-сайты, также является на сегодняшний день важной проблемой, приводящей к распространению недостоверной рекламы. Реклама, согласно статье 5 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе», должна быть добросовестной и достоверной. Однако, как отмечает К. М. Солоненко, в связи с фрагментарностью правового регулирования, имущественные и личные неимущественные права лица нарушаются ввиду многочисленных злоупотреблений в сфере рекламы (одним из которых является активное создание и использование недобросовестной рекламы) [11, с. 268].

Следующая проблема заключается в неоднозначности ответственности за нарушение законодательства о рекламе. Субъектами ответственности могут выступать как рекламодатель, так и владелец сайта, на котором размещена реклама. Тем не менее, на практике возникают спорные вопросы относительно того, кто несет ответственность в случае нарушения требований о порядке размещения рекламы в сети Интернет? В данном контексте нельзя не согласиться с А. А. Кусакиным, утверждающим, что ответственность за размещение рекламы в сети Интернет распределяется в зависимости от фактического участия лица в её распространении, и, в определённых случаях, приводит к назначению наказания исключительно для рекламодателя, игнорируя его роль в качестве рекламораспространителя [13, с. 120].

Выводы. Современный мир невозможно представить без рекламы, ставшей неотъемлемой частью экономической деятельности. С появлением и развитием сети Интернет реклама в онлайн-среде приобрела новые формы и масштабы, что, в свою очередь, вызвало необходимость в ее гражданско-правовом регулировании.

В ходе проведенного исследования была отмечена необходимость внесения изменений в законодательство с целью добавления в статью 3 Федерального закона от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» положения следующего содержания:

«1.1) реклама в сети Интернет – целенаправленно распространяемая информация о товарах, услугах или брендах через цифровые каналы, имеющая целью формирование осведомленности потребителей и влияние на их решения о покупке, при этом отвечаемая требованиям законодательства относительно достоверности и доступности информации».

Для эффективной защиты прав потребителей и обеспечения добросовестности рекламодателей видится важным уточнение критериев отнесения информации, размещаемой в сети Интернет, к рекламе на законодательном уровне. Так, информация должна быть ориентирована на неопределённый круг лиц и направлена на привлечение внимания к товарам или услугам, способствуя их продвижению. Следует исключать объявления, не связанные с предпринимательской деятельностью, а также справочно-информационные материалы, из круга рекламных объявлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 20.03.2006. – № 12. – Ст. 3.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 437.

3. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) // Издание «Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ». – 09.04.1992. – № 15. – Ст. 10.

4. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в сфере регулирования рекламной деятельности: заключено в г. Москве 19.12.2003 // СПС «КонсультантПлюс» [«Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=26515&ysclid=m69io32c6t175987684#POLfiaUqSS3ceoU81 (дата обращения: 24.01.2024). – Загл. с экрана.

5. Дмитриев И. А. Интернет-реклама: определение, виды, оценка эффективности / И. А. Дмтриев // Экономика и социум. – 2018. – № 6 (49). – С. 369-372.

6. Федотовская А. Е. Правовое понимание понятия «реклама» в сети «Интернет» / А. Е. Федотовская // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : Сборник научных статей (ежегодник). – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 161-164.

7. Байрамбекова А. Н. Государственное регулирование рекламы в сети Интернет / А. Н. Байрамбекова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Т. 2, № 4 (100). – С. 32-40.

8. Цыганок В. О. Особенности правового регулирования рекламы в сети «Интернет» в Российской Федерации / В. О. Цыганок // International Law Journal. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 20-25.

9. Семисорова А. О. Актуальные проблемы правового регулирования рекламы и рекламной деятельности в Российской Федерации / А. О. Семисорова // Уральский научный вестник. – 2023. – Т. 10, № 5. – С. 102-108.

10. Ермакова И. В. Защита прав потребителей от недобросовестной сетевой рекламы: некоторые теоретические и практические аспекты / И. В. Ермакова // Юридические исследования. – 2021. – № 7. – С. 29-47.

11. Солоненко К. М. Недобросовестная реклама как объект гражданско-правового регулирования: сущность, виды, ответственность / К. М. Солоненко // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 266-276.

12. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 10 ноября 2022 года по делу № А53-27234/2022 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» [«Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/o4qokwMIUcUJ/?ysclid=m69evc65f333164299 (дата обращения: 24.01.2024). – Загл. с экрана.

13. Кусакин А. А. Рекламные отношения в сети Интернет: особенности субъектного состава и юридической ответственности / А. А. Кусакин // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – С. 114-123.

CURRENT PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL LAW REGULATION OF ADVERTISING ON THE INTERNET

Annotation. In the work, the author analyzes the current problems of civil law regulation of advertising on the Internet, identifies legal conflicts and shortcomings of current legislation. It is proposed to amend Article 3 of Federal Law No. 8-FZ of 13.03.2006 "On Advertising" by adding a definition of "advertising on the Internet". Attention is also focused on the need for legislative clarification of the criteria for classifying information posted on the Internet as advertising.
Keywords: civil law regulation, reliable information, advertising on the Internet, unfair advertising, liability.

Talyneva S. A.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T. S., Senior lecturer Donetsk
State University
E-mail: ssapovalova85@gmail.com

УДК 331.5-053.6

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Ткаченко Н. С.
Научный руководитель: Миргородский А. А., канд. филос. наук, доцент
Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Аннотация: В статье проведен комплексный анализ действующего административного законодательства и правовой теории, а также определены особенности административно-правового статуса юридических лиц. Рассмотрены различные классификации административно-правового статуса юридического лица, выдвинутые учеными-административистами.
Ключевые слова: юридическое лицо, организация, субъект административных правоотношений, административно-правовой статус, административная правосубъектность.

Наряду с индивидуальными субъектами (физическими лицами) в административных правоотношениях участвуют и организации.

Давайте рассмотрим, что понимают в науке административного права, под организацией, как субъектом административных правоотношений. Н.Д. Эриашвили и Ф. Васильев полагают, что данное образование представляет собой внешне оформленную организационно-юридическую структуру, обладающую внутренним устройством. Оно может включать в себя одного или нескольких (множество) индивидуальных субъектов, способно самостоятельно, от собственного имени, вступать в отношения, регулируемые нормами административного права, с другими участниками. В таких отношениях это образование выступает как носитель административных прав и обязанностей [1, с. 111.]. Согласно Б. В. Россинскому, организация — это объединение людей в любом количестве, которым управляют собственные руководящие органы. Она владеет отдельным имуществом и нацелена на создание материальных или духовных ценностей, а также на удовлетворение различных потребностей общества [2, с. 280]. По мнению В. Н. Манохина, Ю. С. Адушкина и З. А. Багишаева, организации можно разделить на государственные (выполняют задачи, функции, полномочия государства, основаны на государственной собственности, и их управление осуществляется государством) и негосударственные [3, с. 43-45].

При рассмотрении организации как субъекта административных правоотношений важно подчеркнуть, что в рамках административного права понятия «организация» и «юридическое лицо» не являются тождественными. В отличие от гражданских правоотношений, где субъектами могут выступать исключительно организации, наделенные статусом юридического лица, то есть, обладающие признаками, указанными в статье 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [4] и зарегистрированные в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ), в административных правоотношениях допускается участие и тех организаций, которые такого статуса не имеют. К ним относятся, например, органы исполнительной власти, административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних и другие аналогичные структуры.

Из п. 1 ст. 48 ГК РФ можно выделить обязательные характеристики, которые должны присутствовать у каждой организации, чтобы учредители могли предъявить государству требования о признании ее как независимого участника гражданских отношений. Стоит сразу оговорится, что понятие юридического лица, данное в п. 1 ст. 48 ГК РФ, не является универсальным правовым понятием, а создано для гражданских правоотношений. Тем

не менее, поскольку всеобъемлющей теории о юридическом лице пока нет, гражданско-правовое определение используется в качестве универсального для различных отраслей права.

В административных правоотношениях субъектами признаются организации, независимо от наличия у них статуса юридического лица, однако, они способны самостоятельно вступать в такие правоотношения, действовать от своего имени и реализовывать соответствующие административные права и обязанности.

Можно констатировать, что юрлицо всегда является организацией. Однако существуют организации, которые не получают статус юридического лица, но при этом остаются субъектами административно-правовых отношений.

Л. Л. Суворов подчеркивает, что установление правового статуса предприятия неразрывно связано с определением «lex societats» — совокупности норм, которые регулируют положение субъекта коллективного предпринимателя, или, другими словами, «национального законодательства». Это законодательство решает основополагающие вопросы, включая признание организации юридическим лицом, пределы ее правоспособности, порядок заключения сделок ее органами управления, а также процессы создания и ликвидации [5, с. 139]. В отношении административно-правового статуса юридических лиц, можно сказать, что он, в первую очередь, предполагает выполнение ряда действий, осуществляемых исключительно в административном порядке, которые касаются их создания и регулирования их деятельности.

Таким образом, этот статус включает все права и обязанности, которые формируют административно-правовые взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти. Эти взаимодействия оказывают влияние на процессы принятия решений, касающихся создания, преобразования и ликвидации организаций, формирования их целей и направлений деятельности, утверждения уставов исполнительными органами власти, а также на государственную регистрацию и выдачу лицензий для их функционирования. Кроме того, они охватывают государственный контроль и надзор за соблюдением установленных норм и требований всеми организациями.

Исследователи [6, с. 33] отмечают, что, в то время как, общие принципы административно-правового статуса юридического лица устанавливаются административным правом, то конкретные административно-правовые отношения, в которые вступает юридическое лицо, обусловлены юридическими фактами, с которыми закон связывает их возникновение, изменение и прекращение. Административная правосубъектность юридического лица является ключевым элементом, который соединяет административно-правовой статус и административно-правовые отношения. А.Ю. Якимов справедливо указывает, что она представляет собой правовую модель, которая отображает совокупность юридических фактов, дающих возможность (или обязывающих) определенному лицу выступать в качестве субъекта права, наделенного соответствующим правовым статусом [7, с. 20].

Далее А.Ю. Якимов [7, с. 41] предлагает структуру административно-правового статуса применительно именно к субъектам административной юрисдикции, которую Е.В. Овчарова [6, с. 33] и А. Б. Панов [8, с. 24] предлагают использовать и при описании содержания административно-правового статуса юридического лица. Данная структура включает в себя целевой блок элементов, организационный блок элементов, компетенцию в сфере государственного управления и административную ответственность.

Под целевым блоком, как одним из элементов правового статуса юридического лица, понимается правосубъектность юридических лиц.

Иными словами, для участия организации в административно-правовых отношениях необходимо наличие особого юридического качества – административной правосубъектности. Эта правосубъектность, в свою очередь, состоит из двух элементов, каждый из которых имеет самостоятельное юридическое значение:

1. Административная правоспособность - является разновидностью общей правоспособности, под которой понимается установленная и охраняемая административно-правовой нормой способность (возможность) субъекта обладать конкретными правами и обязанностями в области исполнительной власти, а также предусматривает юридическую ответственность за их осуществление. Стоит отметить, что ГК РФ разделяет специальную и общую правоспособность юрлиц (п. 1 ст. 49 ГК РФ), что находит свое подтверждение в судебной практике [9].

2. Административная дееспособность представлена как возможность юридического лица, установленная нормами административного права, приобретать и исполнять права и обязанности через свои действия.

В контексте административных правоотношений, возникающих при совершении административных проступков, важной составляющей административной дееспособности выступает административная деликтоспособность. Она представляет собой закрепленную административным законодательством возможность субъекта административного права отвечать по закону (в административном или дисциплинарном порядке) за совершенное административное правонарушение.

В действительности административная правоспособность и дееспособность крепко соединены и рассматриваются как компоненты общего административно-правового статуса субъекта, что усложняет их разделение. Организации, как государственные, так и частные, а также общественные объединения, обретают административную правоспособность и дееспособность после утверждения их учредительных документов (устава, положения) или с момента их официальной регистрации [10, с. 56]. Более того, следует отметить, что существуют коренные различия в правосубъектности государственных учреждений и негосударственных юридических лиц, которые невозможно игнорировать.

Г.Ф. Шершеневич, правовед дореволюционной России, считал, что предоставление юридическому лицу широких общих прав противоречит принципу строго ограниченной правоспособности [11, с. 91].

Организационный блок элементов правового статуса юрлица, который включает компетенцию, порядок образования и деятельности органов юрлица, определяется законами, подзаконными правовыми актами и учредительными документами юрлица.

Федеральные государственные казенные предприятия и учреждения руководятся директором, который действует на основе принципов единоличного руководства. Назначение на должность и освобождение директора осуществляет орган, который получил полномочия от Правительства Российской Федерации. Руководитель подотчетен этому органу и лично отвечает за свои действия и результаты работы предприятия. То же самое правило относится к директорам государственных и муниципальных унитарных предприятий и учреждений. Они подотчетны органу, назначившему их, а также учредителю, и отвечают за успешное функционирование организации, которую возглавляют.

Специфика внутренней структуры акционерных обществ (далее – АО) обусловлена особым типом собственности. Владелец активов реализует свои управленческие полномочия напрямую или через доверенные органы.

В состав административной системы юридического лица входят как ее центральная администрация, так и органы управления ее внутренних производственных единиц, таких как: отделения, филиалы, цеха, и, до мастеров на производственных участках. Административная система состоит из отраслевых и функциональных структур, включая

управления, службы, отделы, сектора и тому подобное, которыми руководят соответствующие начальники. Внутри административной структуры обычно различают линейную и функциональную администрацию.

Все заместители генерального директора, а также руководители различных производственных единиц, таких как: отделы, филиалы, или цеха, а также отраслевых отделов, включая службы главного механика, энергетика, маркетинга и диспетчерские службы, относятся к линейной администрации. В их ведении находятся конкретные группы сотрудников, над которыми они непосредственно осуществляют руководство и наделены полномочиями по распоряжению трудом этих работников.

К функциональной администрации относятся сотрудники функциональных отделов, таких как: бухгалтерия, планово-финансовые отделы, кадровые отделы и другие, которые не имеют в административной подчиненности других работников и не обладают распорядительными полномочиями [12, с. 94-95].

Компетенция, как элемент административно-правового статуса юрлица, включает предметы ведения и полномочия юрлица в сфере госуправления. Предметы ведения юрлица в данном случае определяются сферой госуправления в соответствии с законами, подзаконными правовыми актами и учредительными документами юрлица. Полномочия юрлица в сфере госуправления предполагают наличие прав и обязанностей юрлица, которые предусмотрены нормами административного права.

С точки зрения теории, право представляется как определенная правовыми нормами, мера допустимого поведения для лица, которого наделили соответствующими полномочиями, тогда как обязанность понимается как мера обязательного поведения, установленная законом, для лица, на которое она возложена [13, с. 223 - 224].

В сфере государственного управления право юридического лица обычно сопровождается обязанностью соответствующего исполнительного органа содействовать осуществлению этого права. Органы госуправления осуществляют госконтроль и надзор за исполнением юрлицами возложенных на них обязанностей. Если эти обязанности не исполняются или исполняются ненадлежащим образом, государственные органы могут применять установленные законом административные меры воздействия в отношении таких юридических лиц.

В области научных исследований административного права многие ученые поддерживают деление административно-правового статуса юридических лиц на общий и особенный. В соответствии с данной классификацией общий административно-правовой статус возникает в связи с государственной регистрацией, лицензированием, квотированием, предоставлением обязательной информации и отчетности, природопользованием, по вопросам труда и занятости, санитарно-гигиенических и противоэпидемических правил, противопожарных правил, безопасности, антимонопольного законодательства, землепользования. А вот особенный статус, скажем, государственных унитарных предприятий, в первую очередь, обусловлен созданием, установлением специализации и рода занятий, местоположения, выделением ресурсов, утверждением учредительных документов, назначением управляющего, оформлением с ним соглашения, государственным заказом, изъятием активов, прекращением деятельности.

Другие административисты [6, с. 38] предлагают иную классификацию, суть которой заключается в разделении как прав, так и обязанностей на общие и специальные.

По их мнению, административное право наделяет юридические лица рядом общих прав, которые реализуются в их взаимодействии с органами исполнительной власти в различных сферах государственного управления. Например: право на получение информации [14, п. 3 ст. 8]; право на обращение в форме заявлений, предложений и жалоб в связи с реализацией конкретных прав, законных интересов и обязанностей юрлица; право на госзащиту в административном и судебном порядке.

В большинстве сфер государственного управления действуют только общие права юридических лиц, а специальные права юридических лиц во взаимоотношениях с органами исполнительной власти реализуются в конкретных областях государственного управления.

К числу общих обязанностей юрлиц, относятся обязанности: надлежащего исполнения требований законов (например, уплаты налогов [15, ст. 23]) и подзаконных актов; госрегистрации предусмотренных законом юридических фактов, таких как создание, реорганизация и ликвидация юрлиц (ст. ст. 51, 57, 61-63 ГК РФ) и т. д.

Таким образом, можно заключить, что в сфере административного законодательства на организации возлагается комплекс универсальных обязанностей, реализуемых через взаимодействие с органами исполнительной власти в разнообразных областях государственного управления. В настоящее время в большинстве сфер осуществления исполнительной власти для юридических лиц установлены как общие, так и специальные обязанности, которые реализуются в конкретных областях госуправления.

Госорганы осуществляют контроль и надзор за выполнением юрлицами обязанностей в сфере госуправления. В случае, если обязанности не выполняются или выполняются ненадлежащим образом, к юрлицам применяются меры административного принуждения, а также меры административной ответственности.

Третьей классификацией административно-правового статуса юридических лиц является рассмотрение их на примере двух групп субъектов: государственных (например, государственная компания и государственная корпорация) и негосударственных (например, общество с ограниченной ответственностью и АО) предприятий.

Административно-правовой статус государственных предприятий определяется тем, что их владельцем является государство. Соответствующие госорганы выступают учредителями таких предприятий. Они отвечают за определение направления деятельности и целей, утверждение устава, а также за общее руководство. Назначение и освобождение руководителей, а также решения о реорганизации и ликвидации государственных предприятий также находятся в их компетенции.

Статус негосударственных компаний в административно-правовом отношении имеет свои собственные особенности. Хотя их деятельность рассматривается в рамках общего правового административного режима, который касается всех компаний вне зависимости от их правовой структуры, вмешательство государства в их дела минимально. Государство демонстрирует свое отношение к таким компаниям через установление правовых норм и контроль над их соблюдением. В процессе определения административно-правового режима, включающего регистрацию, предоставление лицензий и налогообложение, проводится проверка выполнения данных требований. За исключением определённых ситуаций, предусмотренных законами, государство не вмешивается в другие сферы деятельности компании, такие как: управление, состав руководящего органа и иные вопросы внутренней структуры.

Таким образом, можно констатировать, что административно-правовой статус юридического лица характеризуется тем, что юридическое лицо действует в соответствии с определёнными законами и подзаконными нормативными актами, а также учредительными документами. Это приводит к появлению у каждого юридического лица своих специфических прав и обязанностей, которые базируются на трёх ключевых элементах: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н. Д. Эриашвили [и др.] под ред. В.Я. Кикотя, Н.В. Румянцева, П.И. Кононова. 7-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. - 743 с. - (Серия «Dura lex, sed lex»).

2. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник. 6-е изд., доп. и пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 640 с.

3. Манохин В. М., Адушкин Ю. С., Багишаев З. А. Российское административное право: учебник. М.: Юристь, 1996. 495 с

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.] // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

5. Суворов Л. Л. Статус предприятия (сравнительно-правовой анализ): дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург., 1996. 216 с.

6. Овчарова Е.В. Административная ответственность юридических лиц в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. - Москва, 2001. - 214 с.

7. Якимов А. Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации: монография. Москва: Проспект, 1999. 199 с

8. Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 191 с.

9. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 1996. № 5. 1997.

10. Административное право: учебное пособие: в 3 частях / И. Ф. Дедюхина [и др.]. Ставрополь: СтГАУ, 2023. Часть 1. 2023. 68 с.

11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (По изд. 1907 г.). Вступ. ст. Е. А. Суханова. Москва: Фирма «Спарк». 1995. 556 с.

12. Конин Н. М., Маторина Е. И. Административнос право: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 454 с. - (Высшее образование).

13. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.

14. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 июля 2006 года] (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2024) // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

15. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) [принят Государственной Думой 16 июля 1998 года] // СЗ РФ. № 31. 03.08.1998. ст. 3824.

ON THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF LEGAL ENTITIES LEGAL PERSONS

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the current administrative legislation and legal theory, as well as identifies the features of the administrative-legal status of legal entities. Various classifications of administrative-legal status of a legal entity put forward by administrative scientists are also considered.
Keywords: legal entity, organisation, subject of administrative legal relations, administrative-legal status, administrative legal personality.

Tkachenko N. S., Master's student of the 3rd year, gr. 40.04.01ADMP - 2022_2_DF.
Scientific adviser: A. A. Mirgorodskiy, Candidate of Philosophical Sciences, docent of the Department of Philosophy and Sociology, Donetsk branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».
E-mail: tkachenko.nataliya.97@mail.ru

УДК 340

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯАДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Топалова А.С.
Научный руководитель:СынковаЕ.М., д-р.юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается историческое развитие административно-правового регулирования адвокатской деятельности на территории России. Исследуется процесс формирования института адвокатуры от древнейших времен до современности, анализируются ключевые законодательные акты и реформы, повлиявшие на становление и эволюцию адвокатской профессии. Особое внимание уделяется этапам закрепления адвокатуры в законодательстве Российской империи, советского периода и современной Российской Федерации.
Ключевые слова: адвокатская деятельность, административно-правовое регулирование, история адвокатуры, законодательство России, Судебные уставы 1864 г., присяжные поверенные.

Адвокатская деятельность играет ключевую роль в обеспечении защиты прав и свобод граждан, являясь неотъемлемой частью правовой системы государства. В России институт адвокатуры прошел длительный путь развития, отражая общественно-политические изменения и преобразования правовой системы. Изучение истории административно-правового регулирования адвокатской деятельности позволяет понять современное состояние адвокатуры в России и перспективы ее дальнейшего развития.

Адвокатская деятельность как объект административно-правового регулирования претерпевала последовательные этапы исторического формирования, которые требуют детального рассмотрения.

Истоки формирования адвокатской деятельности на территории современной России прослеживаются в XI–XII веках, в эпоху Древней Руси. В этот период в источниках права упоминались судебные ходатаи, которые оказывали помощь и выступали за стороны в спорах по различным случаям. Они не имели официального закрепления в виде отдельного сословия или уставного положения, но отдельные нормы Русской Правды XI–XII вв. позволяют судить о том, что защита интересов сторон уже тогда осознавалась как необходимый элемент судопроизводства[1].Документального подтверждения статусных полномочий этих ходатаев не сохранилось в виде конкретного правового акта. Однако ряд норм Русской Правды указывает на существование косвенных положений, допускающих участие «старцев» и «дружинников» при разрешении споров, что может рассматриваться как отдалённая предтеча последующего формирования адвокатской деятельности.

В период царствования Ивана Грозного (XVI в.) и вплоть до середины XVII в. организационное оформление адвокатуры не происходило. Соборное Уложение1649 г. царя Алексея Михайловича, хотя и содержало нормы о судопроизводстве, не упоминало самостоятельное понятие «адвокат» или синонимы этого слова [2]. В судебном процессе допускались так называемые «стряпчие», выполнявшие некоторые функции защиты. Однако их деятельность ориентировалась преимущественно на представительство по административным и уголовным искам по поручению государства, что свидетельствует о более узкой специализации и отсутствии института адвокатуры в современном понимании.

Эпоха Российской империи стала периодом масштабных правовых преобразований. Однако специального правового акта, регулирующего деятельность адвокатов, в первые годы не существовало.

В отдельных нормативных постановлениях Петра I, таких как Артикул воинский 1715 г., упоминались «фискалы» и иные должностные лица, призванные выявлять нарушения в войсках и государственных учреждениях. Однако они не наделялись полномочиями независимой адвокатской защиты интересов граждан[3].

Рубежом в создании российской адвокатуры принято считать реформы Александра II, начатые с издания Судебных уставов 20 ноября 1864 г. Этот комплекс нормативных актов (Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Устав гражданского судопроизводства 1864 г., Учреждение судебных установлений 1864 г. и др.) заложил принципиально новую модель судебной системы, в которой впервые был регламентирован институт присяжных поверенных[4]. Так, ст. 354 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. указывала на право подсудимого иметь защитника из числа присяжных поверенных, а при их отсутствии – ходатаев по назначению суда. Присяжные поверенные стали рассматриваться как особое сословие юристов, имеющих официальный статус, символом чего было присяжное заявление о «сумлённом выполнении профессиональных обязанностей».

Регулирование их деятельности представляло собой административную и профессионально-этическую норму: уставы предусматривали необходимость соблюдения присяги, устанавливали дисциплинарные производства, а также определяли круг лиц, имеющих право заниматься адвокатской практикой. Это стало значительным шагом вперёд по сравнению с размытыми предшествующими положениями, поскольку система присяжных поверенных была впервые закреплена законодательно и управлялась совокупностью норм, предъявляющих требования к образованию, опыту и моральным качествам лица, претендующего на такую должность.

Важным положением Судебных уставов 1864 г. стало различие между присяжными поверенными и частными поверенными: первые обладали расширенными полномочиями и подчинялись строгим требованиям корпорации, вторые могли выступать в суде в отдельных делах по просьбе сторон, не будучи включёнными в корпорацию.

Административно-правовое регулирование деятельности присяжных поверенных включало положения о совете присяжных поверенных, который выполнял функции надзора и дисциплинарного органа. Согласно Учреждению судебных установлений 1864 г., эти советы рассматривали жалобы на присяжных поверенных, решали вопросы взысканий при нарушении профессионального долга и могли лишать звания присяжного поверенного. Регламент их решений имел обязательную силу, что возвело адвокатуру в статус общественно-профессионального института с административными функциями внутреннего контроля[5].

В конце XIX в. и на рубеже XIX–XX вв. практика адвокатской деятельности сохранила преемственность норм Судебных уставов 1864 г. Дополнения и изменения в судебные уставы, издававшиеся в 1870–1890-х гг., уточняли дисциплинарный порядок и критерии допуска к адвокатской профессии. Так, указ 1874 г. совершенствовал порядок дисциплинарных производств против присяжных поверенных, а высочайше утверждённое мнение Государственного Совета 1878 г. вводило дополнительные требования к кандидатам[6].

В 1906–1907 гг. правительство рассматривало возможность расширения сети адвокатов в губерниях и более свободного допуска к званию присяжного поверенного. Однако существенных перемен до начала революционных событий 1917 г. не последовало.

После Февральской и Октябрьской революций 1917 г. прежние законы о присяжных поверенных были официально отменены декретами Совета Народных Комиссаров. Декрет о суде №1 от 24 ноября 1917 г. фактически упразднил старую судебную систему, а Декрет о суде №2 от 7 марта 1918 г. закрепил роль народных судов

и народных заседателей. Институт профессиональных защитников на первых порах уступил место «общественным защитникам», приглашённым исходя из принципов революционной целесообразности[7].

Однако вскоре, в условиях усложняющегося уголовного и гражданского производства, возникла необходимость сформировать коллектив профессиональных юристов. В 1922 г. было принято Положение об адвокатуре РСФСР, которое восстановило, хотя и в иной форме, адвокатскую деятельность. По этому правовому акту адвокатура рассматривалась как часть системы народного правосудия, подчинённая Народному комиссариату юстиции, что наделяло её административно-зависимым положением от государства[8].

Положение об адвокатуре 1922 г. предусматривало создание коллегий защитников, которые выступали самоуправляемыми организациями, но находились под надзором органов юстиции. Кандидатов в адвокаты допускали по результатам проверок и сдачи экзаменов. Новизна по сравнению с дореволюционным периодом заключалась в прямом подчинении коллегий ведомству юстиции вместо сословной независимости, а также в принципах коллективизма и идеологической направленности деятельности защитников.

В 1930-е гг. адвокатура в СССР действовала в условиях жесткого государственного контроля и идеологизации правовой сферы. Конституция СССР 1936 г. не выделяла адвокатуру как самостоятельную институцию, однако республиканские законодательства, в частности Положение об адвокатуре РСФСР, обновлённое в 1939 г., устанавливали базовый порядок формирования коллегий и подтверждали роль адвокатов как участников судопроизводства.

Народный комиссариат юстиции РСФСР получал административные рычаги вмешиваться в деятельность коллегий, утверждать их уставы и контролировать распределение дел. Дисциплинарные меры к адвокатам могли применяться по решению квалификационных комиссий при коллегиях, но под надзором наркомата. Таким образом, административно-правовое регулирование адвокатской деятельности в сталинский период характеризовалось доминированием государства и почти полной зависимостью от госорганов

Распад Советского Союза и реформы 1990-х гг. в Российской Федерации изменили систему законодательства. Конституция Российской Федерации 1993 г., а также федеральные законы о судебной системе создали предпосылки к реформированию адвокатуры. Первоначально действовал Закон РСФСР «Об адвокатуре» 1980 г. с многочисленными поправками, но назрела необходимость комплексного регулирования.

Административно-правовое содержание адвокатской деятельности оставалось фрагментарным до принятия Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который впервые систематизировал правовой статус адвоката в современной России. Этот закон отменил старые республиканские нормативы и ввёл полноценные механизмы самоуправления адвокатуры, установил чёткие требования к кандидатам, ввёл адвокатские палаты субъектов Российской Федерации и Федеральную палату адвокатов[9].

Административные элементы в регулировании сохранились. Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет общий надзор за адвокатскими палатами и назначает представителей в квалификационные комиссии, которые проверяют компетенции и рассматривают дисциплинарные дела. Новизна по сравнению с советским периодом выразилась в провозглашении принципа независимости адвоката, в признании адвокатской тайны как безусловного элемента деятельности, в чётком разграничении полномочий органов прокуратуры, суда и адвокатуры, а также в создании внутренних механизмов саморегулирования адвокатского сообщества.

Дополнительные изменения в административно-правовое регулирование адвокатуры вносились корректирующими федеральными законами и постановлениями

правительства, которые уточняли аспекты адвокатского самоуправления, внутренние стандарты адвокатской практики и дисциплинарные взыскания [10, с.284], Например, поправки усилили роль совета адвокатской палаты субъекта РФ в регулировании этических конфликтов между адвокатами и клиентами.

Современная модель адвокатуры России базируется на сочетании принципов независимости и подотчётности обществу, которые гарантируются Федеральным законом 2002 г. и поддерживаются рядом подзаконных актов [11, с.15]. В отличие от дореволюционного института присяжных поверенных, где самоуправление существовало в рамках сословной структуры, современная адвокатура обладает единой корпоративной организацией. По сравнению с советским периодом, когда адвокатура напрямую подчинялась государственным органам, новая модель закрепляет самостоятельность корпорации, что отражает идеи правового государства и придаёт ей полноценный статус участника правосудия.

Обобщая и анализируя вышесказанное, нужно отметить, что в исторической ретроспективе,за века развития регулирование адвокатской деятельности в России претерпело многочисленные трансформации. От разрозненных упоминаний о судебных ходатаях в древнерусских правовых памятниках до современной системы самоуправляемой профессии, закреплённой в Федеральном законе 2002 г. Каждая эпоха вносила свою специфику и новации: от отсутствия чёткого профессионального статуса в XI–XVII вв. к сословной независимости присяжных поверенных XIX в., затем к идеологическому и административному подчинению советского периода и, наконец, к современной модели независимой и самоуправляемой адвокатуры.

Подводя итог, можно утверждать, что развитие административно-правового регулирования адвокатской деятельности продолжалось на протяжении ряд периодов: начальный период в XI–XVII вв., когда адвокатура существовала без официального статуса и регулирования, затем период Российской империи в XVIII–XIX вв., где началось формирование системного подхода к адвокатской деятельности через Судебные уставы 1864 г., советский период с 1917 г. до конца XX в., когда адвокатура функционировала под жёстким государственным контролем, и, наконец, современный постсоветский период, начиная с 1990-х гг., характеризующийся самоуправлением и более чётким административно-правовым регулированием адвокатской деятельности в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская Правда XI–XII вв. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 07.02.2025).
2. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/ (дата обращения: 07.02.2025).
3. Артикул Воинский 1715 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/ (дата обращения: 07.02.2025).
4. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 07.02.2025).
5. Учреждение судебных установлений 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/ (дата обращения: 07.02.2025).
6. О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях: высочайше утверждённое мнение Государственного Совета 1878 г. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rukovodstvennye-dlja-pravoslavnogo-duhovenstva-ukazy-svjatejshego-pravitelstvuyushhego-sinoda-1721-1878-gg/4 (дата обращения: 07.02.2025).
7. Декрет о суде No2 от 7 марта 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/ (дата обращения: 01.10.2023).
8. Положение об адвокатуре РСФСР, утвержденное 26 мая 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/on-bar/history/sovetskaya-advokatura/ (дата обращения: 07.02.2025).

9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 №63-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №23. – Ст. 2102.
10. .Зуенко, В. В. К вопросу правового обеспечения деятельности адвокатуры / В. В. Зуенко, А. Ю. Мельничайко, Е. М. Сынкова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 7. – Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 284-286.
11.Теоретические и практические проблемы правовой защиты публичных и частных интересов : коллективная монография / С. Н. Пашков, Л. З. Стратейчук, Е. М. Сынкова [и др.]. – Донецк : ООО «Конверт», 2019. – 244 с.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ADVOCACY IN RUSSIA

Abstract. The article examines the historical development of administrative and legal regulation of advocacy in Russia. The process of formation of the institution of advocacy from ancient times to the present day is studied, key legislative acts and reforms that influenced the formation and evolution of the advocacy profession are analyzed. Particular attention is paid to the stages of consolidation of advocacy in the legislation of the Russian Empire, the Soviet period and the modern Russian Federation. Keywords: advocacy, administrative and legal regulation, history of advocacy, legislation of Russia, Judicial Statutes of 1864, attorneys-at-law.

Topalova A.S.
Scientific adviser: Synkova O.M.
Donetsk State University
E-mail: Alinka_mmmalinka@mail.ru

УДК 347.1

ТРАДИЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ИНОСТРАННЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ В СЕМЬЮ

Тренина С.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная статья представляет анализ традиций и иностранного опыта в области устройства детей в семью. Она направлена на выявление и улучшение правового регулирования устройства детей. Приведенная работа рассматривает способы устройства детей их воспитание и традиции в разных странах.
Ключевые слова: дети, дети-сироты, воспитание, устройство детей, защита детей.

Дети являются будущим любого государства, поэтому их воспитание и образование имеют первостепенное значение для общества. Сама личность человека, социальное развитие, присвоение морали и этических ценностей зарождаются еще в детстве. Благополучность данного периода будет влиять на дальнейшую судьбу человека, в частности на его активность в области социальных отношений. Такой процесс непосредственно влияет на функционирование и развитие самого государства. Именно поэтому, каждой стране, важно уделять большое внимание правовому регулированию воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

На протяжении многих лет вопрос о соотношении правового статуса ребенка и правового статуса его родителей был и остается в центре внимания множество ученых по всему миру. Сегодня ребенка рассматривают как самостоятельного субъекта права отдельного от объекта родительской власти. Он является личностью, которая наделена определенными правами и в силу своего возраста нуждается в поддержке и защите.

Так, в соответствии с российским законодательством по Семейному кодексу РФ ребенок – это лицо, которое не достигло возраста 18 лет [1]. Также к этому, Гражданский кодекс РФ выделяет определенное понятие «малолетний» – это несовершеннолетнее лицо, достигшее возраста 14 лет [2].

Что же касается детей – сирот, то действующее законодательство относит к ним детей, которые остались без попечения родителей. Отсюда, несовершеннолетних разделяют на две группы, такие как:

1) дети – сироты, т.е. несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, которые потеряли обоих или единственного родителя.

2) дети, которые остались без попечения родителей, т.е. дети, оставшиеся без попечения обоих или единственного родителя по определенным причинам. Например, такими причинами могут быть лишение ли ограничение родителей в их родительских правах; признание судом родителей безвестно отсутствующими умершими; ограниченными в дееспособности или находящимися в лечебных учреждениях и другие. Данный перечень причин может дополняться различными жизненными ситуациями и является незакрытым [3, с. 107].

В свою очередь, данная подгруппа, делится на две подгруппы, а именно:

1) дети, помещенные в семью;

2) дети, находящиеся в государственных организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4, с. 89].

Поэтому, устройство детей в семью представляет собой сложную социальную проблему, требующую внимания специалистов из разных областей. Этот процесс включает в себя не только юридические аспекты, но и психологическую поддержку, подготовку приемных родителей и интеграцию ребенка в новую семью. Для разработки

оптимальных стратегий необходимо учитывать международный опыт и лучшие практики.

В России традиционно существует несколько форм устройства детей в семью такие как [5, с. 10].

Усыновление (удочерение): наиболее предпочтительная форма устройства детей, которая предполагает юридическое оформление родительских прав и обязанностей в отношении ребенка. Усыновители становятся полноправными родителями, имеют все права и обязанности биологических родителей.

Опека и попечительство: оформляется над детьми до 14 лет (опека) и от 14 до 18 лет (попечительство). Опекуны и попечители принимают на себя ответственность за воспитание и содержание ребенка, однако не приобретают всех прав и обязанностей родителей.

Патронатная семья: ребенок передается на временное воспитание в семью на основе договора между органами опеки и патронатной семьей. Эта форма применяется для детей, нуждающихся в особом внимании и поддержке.

Приемная семья: приемные родители также заключают договор с органами опеки, принимая на себя обязательства по воспитанию и содержанию ребенка. Дети могут быть переданы в приемную семью на определенный срок или бессрочно.

Семейная воспитательная группа (СВГ): форма социальной реабилитации, которая позволяет создать условия для воспитания нескольких детей, оставшихся без попечения родителей, в одной семье. Фактически является формой организации детского дома семейного типа. Она отличается от других форм устройства своим временным характером и договорным способом оформления отношений.

Государственные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: к ним относятся детские дома, школы-интернаты, специализированные учреждения для детей с особыми потребностями.

С давних времен дети-сироты находили приют в семьях родственников, крестьянских общинах и монастырях. В советское время стали активно развиваться детские дома и интернаты, однако семейные формы воспитания также сохранялись [6, с. 58].

На сегодняшний день, можно выделить несколько причин, которые способствуют негативному воздействию на семейные отношения, их можно разделить на два основных фактора:

1. внешнего – представляют собой условия и силы, которые оказывают непосредственное влияние извне, т.е. к ним можно отнести такие проблемы, которые происходят внутри государства.

2. внутреннего – представляют собой факторы, которые происходят, непосредственно, внутри самой семьи.

Также немаловажной проблемой является дальнейшее будущее детей-сирот. В частности, к ним можно отнести само восприятие таких детей к дальнейшей взрослой жизни: Государство старается создать условия для достойной жизни детей-сирот и тех, кто остался без родительского попечения, однако этих усилий недостаточно для того, чтобы дети могли адекватно оценивать себя, ставить цели и достигать их. В результате у таких детей часто формируется иждивенческое отношение, и они полностью полагаются на помощь государства, зная, что оно их не бросит. Однако, когда они покидают воспитательные учреждения, становится ясно, что они не готовы к самостоятельной взрослой жизни, где всю ответственность приходится брать на себя.

Одной из существенных проблем можно выделить обучение таких детей: хотя государство полностью оплачивает обучение детей-сирот в средних и высших учебных заведениях, многие выпускники выбирают начальные профессиональные учебные заведения для получения специальности. Это связано с тем, что выпускники детских

домов не всегда понимают ценность образования и стремятся скорее начать трудовую деятельность. Кроме того, стипендии для детей-сирот часто оказываются слишком маленькими и не покрывают всех расходов, а другая материальная поддержка может отсутствовать.

Весомая проблема детей-сирот и оставшихся без попечения родителей – это жилищный вопрос. Государство должно предоставлять жилье детям-сиротам, не имеющим закрепленной жилплощади, но из-за экономических проблем и ограниченности социального жилья, это сделать сложно и требует много времени.

Важно отметить, что государственные решения иногда игнорируют пожелания и интересы детей-сирот и оставшихся без попечения родителей в отношении жилищных условий. Муниципалитеты могут строить жилые комплексы в регионах с плохо развитой экономикой, таких как поселки городского типа или небольшие города. Это может негативно сказаться на будущем трудоустройстве данной категории граждан, так как такие регионы не могут предложить широкий спектр возможностей для развития (наличие университетов, подходящих рабочих мест, конкурентоспособные зарплаты и т.д.).

В разных странах социальные и экономические условия, а также идеологические направления влияют на формирование законодательства в области защиты прав детей-сирот и оставшихся без попечения родителей. Правильная социальная политика играет ключевую роль в обеспечении этой группы всеми необходимыми ресурсами.

Так, правовые основы защиты детей в Германии заложены в Конституции ФРГ. Государство уделяет большое внимание защите и поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для этого в стране действуют специализированные комитеты по делам семьи и молодежи, которые содействуют укреплению семейных связей. Поддержка таких категорий граждан осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях [7, с. 18].

Конституция Германии предусматривает баланс между правами родителей и потребностями ребенка, при этом права родителей имеют высокий приоритет. Лишение родительских прав возможно только в исключительных случаях, когда безопасность ребенка находится под угрозой, несмотря на предпринятые усилия по его защите. В Германии крайне редко принимается решение о лишении родительских прав, и социальные службы готовы долго и затратно помогать ребенку, находящемуся в замещающей семье [8, с. 154].

Особенностью Германии является преобладание опеки и попечительства над усыновлением, поскольку это проще и позволяет ребенку поддерживать связь с биологическими родителями.

Особенностью немецкой системы заботы о детях-сиротах является сеть детских деревень, которые в значительной степени заменили традиционные детские дома. В каждой такой деревне ребенок получает новый дом и новую семью. Среди инициатив по поддержке детей-сирот и оставшихся без попечения родителей выделяются «деревни-SOS», предложенные Германном Гмайнером. Эта концепция предполагает создание детских домов, организованных по семейному принципу, где каждый ребенок получает свою семью с мамой, братьями и сестрами, бабушками и дедушками. Такие деревни-SOS производят свою деятельность только благодаря добровольным пожертвованиям.

Также интересным отличием немцев, является само их отношение к детям. К ним с раннего детства относятся с уважением и бдительным вниманием. В целом, в Германии очень большие усилия прикладываются на присмотр за ребенком – он всегда должен быть окружен вниманием и быть под взором кого-то, отсюда здесь очень актуальны разного рода сиделки и няни для детей. При этом с самого детства воспитание ребенка строится на строгом, четко спланированном режиме. Родители с малых лет знакомят

детей с их правами. Также, в данной стране, большое внимание уделяется насилию над детьми, при чем любое рукоприкладство обязательно ведет к ответственности.

Данное право имеет двойственную натуру, так как с одной стороны это хорошо, что ребенок знает свое право и, в случае опасности, может самостоятельно себя защитить, но с другой стороны дети, в силу своего возраста, не понимают всей серьезности и могут обращаться в службы по всяким мелочам, которые перерастают в действительно серьезные проблемы.

В Германии разработана особая образовательная программа, которая помогает детям-сиротам плавно перейти от учебы к профессиональной деятельности. Основная цель программы - подготовить детей к работе, организовать места для практики, развивать их самостоятельность и умение применять свои навыки в трудовой сфере.

Государство предоставляет все необходимое для содержания ребенка вне дома, уделяя особое внимание бесплатному образованию.

Государство уделяет пристальное внимание вопросам здравоохранения для детей-сирот. Медицинская помощь должна соответствовать всем необходимым стандартам. Дополнительные расходы на лечение и страхование детей-сирот включаются в налогооблагаемую базу и бюджеты местных администраций. Молодежные ведомства должны покрывать взносы на добровольное медицинское страхование.

Кроме того, может быть предоставлена разовая финансовая помощь для покрытия важных мероприятий или детского отдыха. Льготы должны предоставляться на основе фактических расходов, но не превышать разумные границы. Эти льготы предоставляются в форме ежемесячных выплат или единоразовой суммы.

Таким образом, в ФРГ достаточно сильно развит аппарат социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Эта страна предлагает ряд мер, которые помогают таким детям адаптироваться и успешно жить в современном обществе. Благодаря этому Германия полностью выполняет свои конституционные обязательства и отвечает современным требованиям.

Соединенные Штаты Америки обладают богатым опытом в вопросах устройства детей-сирот и тех, кто остался без родительской опеки. США занимают ведущие позиции в области усыновления.

Америка и Россия схожи в подходах к правовому регулированию вопросов воспитания и устройства детей-сирот. Финансирование таких детей в обеих странах сосредоточено преимущественно на местном уровне. Однако есть различия в работе органов опеки. Например, в России традиционно основное внимание уделялось детским домам, тогда как в США уже давно делают акцент на временном пребывании детей в приемных семьях. В США устройство детей в любые формы опеки возможно только по решению суда, в то время как в России такое решение требуется только для усыновления. В США около 10% детей, оказавшихся в приемных семьях, остаются там до совершеннолетия, и около половины возвращаются в свои биологические семьи в течение года. В России такое воссоединение случается гораздо реже.

В США существует два основных способа устройства детей-сирот: групповые дома, где живут дети с различными отклонениями в развитии, и фостерные семьи. Фостерная семья используется как альтернатива усыновлению или опеке, особенно если улучшение ситуации в биологической семье невозможно [9, с. 126]. Процедура усыновления в США сложна из-за законов, защищающих права биологических родителей, которые могут попытаться вернуть своих детей обратно.

Таким образом, основной задачей американского государства является предотвращение сиротства и оказание поддержки детям-сиротам и тем, кто остался без попечения родителей, аналогично тому, как это делается в Германии.

В соответствии с британским Законом о детях 1989 года, только родная семья способна обеспечить ребенку оптимальные условия для роста и благополучия, поэтому

первостепенное значение придается сохранению родительских прав. Помещение ребенка в детский дом рассматривается как крайняя мера, применяемая, когда местные власти узнают, что родители не справляются с воспитанием, или ребенок находится в опасности, и требуется немедленное вмешательство [10, с. 46].

Если невозможно защитить ребенка другими родственниками, начинаются поиски опекунов. Если суд решает, что ребенку нужна приемная семья, ведется поиск новых родителей, а пока он продолжается, дети временно размещаются в специальных учреждениях, похожих на приюты. Есть практика временного размещения ребенка в приемной семье на выходные дни. Социальные службы могут вернуть ребенка в родную семью, если сочтут, что причины изъятия изменились. Согласно статистике Великобритании, после пребывания в приемной семье возвращаются в свои семьи.

В настоящее время в Японии при решении вопросов устройства детей-сирот и оставшихся без попечения родителей в первую очередь обращаются к детским домам, и только затем рассматривается возможность воспитания в приемных семьях – фостеринга. В результате число детей в детских домах Японии ежегодно увеличивается. В отличие от Англии, где дети передаются в детские дома только по решению суда, в Японии суды почти не участвуют в процессе устройства детей. Родители в Японии также могут временно поместить своего ребенка в детский дом, сохранив при этом родительские права. Более 90% детских домов в Японии функционируют на частной основе, поскольку профессиональная социальная работа здесь развита недостаточно. Устройством детей занимаются местные органы самоуправления и волонтерские организации.

Приемные родители в Японии делятся на несколько категорий: обычные приемные родители, родственники-опекуны, приемные родители на временный срок и специализированные приемные родители. Последние присматривают за детьми, получившими травмы из-за ненадлежащего ухода и воспитания другими родителями более двух лет назад. Специализированные приемные родители проходят специальное обучение и должны иметь официальное разрешение на опеку, а также минимум трехлетний опыт воспитания приемных детей и минимум трехлетний опыт работы в детских социальных учреждениях.

Приемным родителям в Японии выплачиваются денежные пособия в зависимости от возраста опекаемого, и полностью компенсируются все расходы на воспитание и развитие ребенка.

Анализ международных практик показывает, что успешное устройство детей в семью требует комплексного подхода, включающего юридическое оформление, психологическую поддержку и материальную помощь. Использование передового опыта других стран может существенно улучшить ситуацию в России, способствуя созданию благоприятных условий для детей и приемных семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. N 230–ФЗ // СЗ РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

3. Куралин В.В. Государственная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Российский и зарубежный опыт / В.В. Куралин, К.Г. Пинаева // Юридический факт. – 2018. – № 28. – С. 107–118.

4. Гайсина Г. И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2016. – С. 89-93.

5. Радина Н.К. Зарубежный и отечественный опыт реализации технологий семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Н.К. Радина, Т.Н. Павлычева // Социальное обслуживание семей и детей: науч.-метод. сб. – 2016. – № 7. – С. 10–29.

6. Котова Ю.В. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Зарубежный опыт // Сборник статей науч.-практ. конф. – Пенза, 2015. – С. 52–58.

7. Иванова Н.П. Критерии готовности выпускников к профессиональному самоопределению. – М., 2016. – С.18-22.

8. Нагорнова А.Ю., Вагина Е.Е. Призрение и социальная защита детей-сирот, оставшихся без попечительства родителей, в России с древнейших времен до второй половины XX века // История и современность. – № 1. – март 2016. – С. 154–170.

9. Савенко О.Е. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в зарубежных странах // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – С. 126 –135.

10. Егорова В.С. Форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: анализ международного опыта / В.С. Егорова, А.Н. Никитин // Сборник статей. – Саратов, 2017. – С. 40–56.

TRADITIONS, TRENDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF PLACEMENT OF CHILDREN IN THE FAMILY

Annotation. This article is devoted to the analysis of traditions and foreign experience in the field of placement of children in a family. It is aimed at identifying and improving the legal regulation of children's education. The above work examines the ways of arranging children, their upbringing and traditions in different countries.
Keywords: children, orphans, upbringing, placement of children, protection of children.

Trenina S.V.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer.
Donetsk State University
E-mail: trenina.sofia333@gmail.com

УДК 342.7

ПОНЯТИЕ И КАТЕГОРИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Тришина Ю.С.
Научный руководитель: Тимофеева А. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье анализируется понятие мигранта в контексте российского законодательства, рассматриваются различные научные подходы к его определению. Выделяются категории мигрантов, закреплённые в нормативно-правовых актах Российской Федерации, а также предлагается их классификация по различным признакам. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия законодательного определения понятия «мигрант» и необходимости его введения для повышения эффективности правового регулирования миграционных процессов.
Ключевые слова: мигрант, миграционное законодательство, категории мигрантов, иностранные граждане, лица без гражданства.

В современном мире миграция стала одним из ключевых факторов, влияющих на развитие государств, их демографическую и социально-экономическую ситуацию. В Российской Федерации вопросы регулирования положения мигрантов приобретают особую актуальность в связи с современными вызовами, связанными с вопросами государственной безопасности и ростом террористических угроз. Так, например, террористический акт в Крокус Сити Холл в марте 2024 г. стал тревожным сигналом, подчеркнувшим необходимость пересмотра и ужесточения миграционного законодательства. В связи с этим требуется тщательный анализ нормативных правовых актов, и, прежде всего, уточнение понятия «мигрант», которое чётко не зафиксировано в российском законодательстве. Отсутствие единого законодательного определения понятия «мигрант» создаёт сложности в правоприменительной практике и требует научного осмысления данного термина. Анализ понятийного аппарата и классификация мигрантов в российском законодательстве позволяют сформировать целостное представление о правовом статусе данной категории лиц и улучшить механизмы их интеграции в общество.

Термин «мигрант» происходит от латинского слова migrans (migrantis) – переселяющийся [1]. В действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует определение понятия «мигрант», что следует из ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2]. Закон устанавливает понятия «гражданин Российской Федерации», «иностранный гражданин» и «лицо без гражданства», но не конкретизирует термин «мигрант».

В научной литературе высказываются различные мнения о необходимости закрепления данного понятия в законодательстве. О.В. Кудин предлагает определять мигранта как: «иностранного гражданина или лицо без гражданства, выразившего и (или) реализующего свою волю относительно пространственного перемещения, осуществляющего такое передвижение через границы конкретного государства, территорию которого он с определённой целью избирает местом своего пребывания, приобретающего в результате реализации своего волеизъявления особый правовой статус и подлежащего контролю со стороны государства» [3, с. 108].

Исследователь О.В. Воробьёва рассматривает мигранта как человека, участвующего в процессе территориального перемещения населения, связанного с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или

временного пребывания для осуществления учёбы или трудовой деятельности, независимо от факторов, под влиянием которых оно происходит – притягивающих или выталкивающих [4, с.35]. Такие авторы как Л.Е. Бляхер и И.В. Даренская акцентируют внимание на том, что мигрант – это физическое лицо, перемещающееся через границы территорий с целью временного или постоянного изменения места жительства, и отмечают значимость миграции для демографических и социальных процессов [5, с. 223; 6, с.84]. Некоторые работы И.В. Плюгиной посвящены вопросам понятия «мигрант», где автор подчёркивает необходимость включения в понятие мигранта не только основного критерия пространственного перемещения, но и дополнительных критериев, таких как гражданство, место жительства, территория перемещения и другие [7, с. 115].

Как можно заметить, в науке существуют различные подходы к определению понятия мигранта:

1. Правовой подход (О.В. Кудин) акцентирует внимание на юридическом статусе мигранта и необходимости государственного контроля над ним.

2. Социологический подход (Л.Е. Бляхер, И.В. Даренская, О.В. Воробьёва) рассматривает мигранта как участника демографических и социальных процессов, фокусируясь на социальных последствиях миграции.

3. Многокритериальный подход (И.В. Плюгина) предлагает комплексное определение мигранта, учитывающее различные факторы, влияющие на его статус и поведение.

Обобщая, можно отметить, что мигрант – это физическое лицо, участвующее в процессе миграции, то есть пространственного перемещения с целью изменения места жительства или пребывания. При этом важно обратить внимание на то, что мигрант может быть как иностранным гражданином, так и гражданином Российской Федерации, перемещающимся внутри страны.

Хотя термин «мигрант» не закреплён в законодательстве, нормативно-правовые акты Российской Федерации предусматривают различные категории лиц, перемещающихся через границы, и устанавливают их правовой статус. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 05.02.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 115-ФЗ) [2], выделяются следующие категории:

1. Иностранные граждане – физические лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации и имеющие доказательства наличия гражданства иностранного государства.

2. Лица без гражданства – физические лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации и не имеющие доказательств наличия гражданства иностранного государства.

Иностранные граждане в зависимости от правового статуса подразделяются на:

1. Временно пребывающих – находящихся на территории Российской Федерации на основании визы или в безвизовом порядке, но без разрешения на временное проживание или вида на жительство.

2. Временно проживающих – получивших разрешение на временное проживание на срок до трёх лет.

3. Постоянно проживающих – имеющих вид на жительство, выдаваемый сроком на пять лет с возможностью последующего продления.

Особую категорию составляют трудовые мигранты, осуществляющие трудовую деятельность на основании патента (ст. 13.3 Федерального закона № 115-ФЗ). Их статус регулируется специальными нормами, облегчающими доступ к российскому рынку труда.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах» [8] беженцы определяются как лица, не

являющиеся гражданами Российской Федерации и вынужденные покинуть страну своего гражданства вследствие обоснованных опасений стать жертвами преследования по признаку расы, вероисповедания, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений.

Вынужденные переселенцы – граждане Российской Федерации, покинувшие место жительства вследствие совершённого в отношении их или членов их семьи насилия или преследования либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию (Закон Российской Федерации от 19.02.1993 № 4530-1 (ред. от 08.12.2020) «О вынужденных переселенцах» [9]).

Кроме того, выделяются студенты-иностранные граждане, обучающиеся в российских образовательных организациях. Их правовой статус регулируется Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [10] и Федеральным законом № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

В научной литературе предлагается классифицировать мигрантов по различным признакам [11, с. 18; 12, с. 16]:

1. По временной протяжённости миграции:

Безвозвратные мигранты – перемещаются с намерением постоянного проживания. Обычно такие мигранты переселяются с целью улучшения качества жизни, обеспечения безопасности или по политическим причинам, не планируя возвращаться в будущем на территорию, из которой был осуществлен выезд.

Временные мигранты – перемещаются на определённый срок, после которого возвращаются на родину. Временные мигранты могут находиться в принимающей стране от нескольких месяцев до нескольких лет, но не планируют оставаться там навсегда что отличает их от безвозвратных мигрантов.

Сезонные мигранты – перемещаются для участия в сезонных работах. сезонный мигрант, что характерно для работников, которые перемещаются в определённые периоды года, чтобы участвовать в сезонных видах деятельности, например, в туризме. Сезонные мигранты возвращаются на родину по окончании рабочего сезона.

Маятниковые мигранты – регулярно пересекают границы между местом проживания и местом работы или учёбы. Исследователи утверждают, что маятниковая миграция, или приграничная миграция, включает в себя регулярные перемещения между местом проживания и местом работы или учёбы, которые могут находиться в разных регионах или даже странах. Это явление часто встречается в приграничных зонах, где люди ежедневно пересекают границу для работы, учёбы или иных целей, возвращаясь домой в тот же день

2. По направлению миграционных передвижений:

Внешние мигранты – перемещаются через государственные границы (иммигранты и эмигранты). Иммиграция представляет собой въезд людей в страну с целью проживания, работы или учёбы. Иммигранты могут быть трудовыми мигрантами, беженцами, студентами или членами семей граждан принимающей страны. Эмиграция, напротив, подразумевает выезд из страны проживания в другую страну. Основные причины эмиграции включают экономические факторы, политические обстоятельства, семейные объединения и личные предпочтения

Внутренние мигранты – перемещаются внутри страны. Понятие отражает положение человека, когда миграция происходит в пределах одной страны и может включать перемещения из сельских в городские районы, из одной области в другую в поисках работы, улучшения жизненных условий или по иным причинам.

Приграничные (транзитные) мигранты – перемещаются через границы стран, часто с целью последующего перемещения в третьи страны. Такие мигранты могут

задерживаться в транзитной стране на неопределённый срок, что создаёт дополнительные социальные и экономические вызовы для принимающей стороны.

Обратные мигранты (репатрианты) – возвращаются на родину после проживания за границей. Репатрианты могут возвращаться по различным причинам: завершение трудового контракта, изменение политической ситуации, желание воссоединиться с семьёй или улучшение условий на родине.

3. По волевому критерию:

Добровольные мигранты – перемещаются по собственной инициативе, без принуждения. Люди, участвующие в добровольной миграции, самостоятельно принимают решение о переезде, основываясь на личных или семейных мотивациях, таких как карьерный рост, воссоединение с близкими или желание жить в более благоприятных климатических условиях.

Вынужденные мигранты – перемещаются под воздействием внешних факторов (военные конфликты, политические репрессии, природные катастрофы). Вынужденные мигранты включают беженцев и перемещённых лиц, которые ищут убежище и безопасность в других странах или регионах.

4. По критерию легитимности миграции:

Легальные мигранты – пересекают границы и пребывают на территории государства в соответствии с законодательством. Легальные мигранты имеют необходимые документы, такие как рабочие визы, вид на жительство или студенческие визы, позволяющие им законно проживать, работать или учиться в стране. Они получают доступ к социальным услугам, образованию и трудовым правам, предоставляемым государством.

Нелегальные мигранты – нарушают миграционное законодательство, не имея необходимых документов или оставаясь после истечения срока разрешения. Нелегальные мигранты могут пересекать границы без документов или оставаться в стране после истечения срока действия виз.

Учитывая вышесказанное, понятие и категории мигрантов в российском законодательстве требуют уточнения и законодательного закрепления, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики, повысить эффективность управления миграционными процессами и обеспечить защиту прав и свобод как мигрантов, так и граждан Российской Федерации. Классификация мигрантов по различным признакам способствует более точному определению их правового статуса и разработке адекватных мер правового регулирования.

Анализ законодательства показывает, что отсутствие чёткого определения понятия «мигрант» приводит к разночтениям и затрудняет правоприменительную практику. Закрепление данного термина позволит: установить единые критерии отнесения лиц к категории мигрантов, систематизировать нормативно-правовую базу в сфере миграции, повысить эффективность государственного контроля за миграционными процессами, улучшить интеграцию мигрантов в общество и защиту их прав.

Таким образом, исследуя законодательство Российской Федерации, отмечается, что при активном использовании категории «мигрант», в нормативных правовых актах нет единого определения, которое бы в полной мере иллюстрировало с правовой точки зрения данный статус человека. Вместо этого, законодатель идёт по пути уточнения правового статуса личности, употребляя такие понятия как «иностранный гражданин, «лицо без гражданства» и пр., которые по своим признакам признаются мигрантами.

Соглашаясь с исследователями в сфере миграции, констатируется необходимость продолжать обсуждение идеи закрепления общего понятия мигрант ввиду его сложности. Опираясь на работы учёных необходимо определить, что мигрант – это лицо, участвующее в процессе перемещения населения между территориями, связанном с пересечением как международных, так и внутренних границ административных единиц,

с целью изменения места постоянного проживания или временного пребывания для учебы или работы, независимо от того, какие факторы – притягивающие или выталкивающие – преобладают в этом процессе. Установлен ряд классификационных критериев и видов мигрантов: критерий времени, направления, воли и легитимности миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Большая российская энциклопедия. Слово «мигрант» [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/migranty-7fe590 (дата обращения: 05.02.2025).
12. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 11. – Ст. 378.
13. Кудин О.В. К определению понятия «мигрант» в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 108.
14. Воробьёва О.Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. – 2023. – № 9(202). – С. 35.
15. Бляхер Л.Е. Концептуализация феномена миграции на индивидуальном уровне: понятие «Мигрант» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2015. – № 2(37). – С. 223.
16. Даренская И.В. Конституционное право России: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2024. – 84 с.
17. Плюгина И.В. Понятие мигранта и основные категории мигрантов // Журнал российского права. – 2007. – № 8(128). – С. 115.
18. О беженцах: Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 2. – Ст. 2816.
19. О вынужденных переселенцах: Закон Российской Федерации от 19.02.1993 № 4530-1 (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 34. – Ст. 353.
20. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 43. – Ст. 554.
21. Чумак Е.В. Теоретические основы изучения миграции и миграционных процессов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2021. – Т. 7(73), № 2. – С. 18–19.
22. Иксанов И.С. Понятие и классификация мигрантов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2020. – № 4. – С. 15–16.

THE CONCEPT AND CATEGORIES OF MIGRANTS IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. The article analyzes the concept of migrant in the context of Russian legislation, examines various scientific approaches to its definition. The categories of migrants fixed in the normative legal acts of the Russian Federation are distinguished, and their classification according to various criteria is also proposed. Particular attention is paid to the problem of the lack of a legislative definition of the concept of "migrant" and the need to introduce it to improve the effectiveness of legal regulation of migration processes.
Keywords: migrant, migration legislation, categories of migrants, foreign citizens, stateless persons.

Trishina Y.S.
Scientific adviser: Timofeeva A. A., senior lecturer at the Department of Constitutional and International Law Donetsk State University
E-mail: trishina2003@bk.ru

УДК 347.454

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА БЫТОВОГО ПОДРЯДА

Трошина М.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена проблемам договора бытового подряда, которые в настоящее время всё ещё присутствуют в Гражданском кодексе Российской Федерации, а также в рамках правоприменения. Рассматриваются ключевые аспекты, такие как определение существенных условий, включая сроки выполнения работ и качество результата. Обсуждаются правовые коллизии и отсутствие единства в нормативном регулировании, что приводит к спорам между заказчиками и подрядчиками. Также поднимаются вопросы о необходимости уточнения условий в договорах и защиты прав потребителей, предлагаются рекомендации по улучшению правоприменительной практики и необходимости изменений в законодательстве.
Ключевые слова: подряд, договор бытового подряда, бытовой заказ, права потребителей.

Наличие правовых коллизий, связанных с определением сроков выполнения работ и качества их исполнения, создает неопределенность как для потребителей, так и для исполнителей, что может повлечь за собой множество споров и конфликтов. Учитывая, что одной из сторон является обычный гражданин, который по определению признается законодательством как более слабая сторона в договорных отношениях, необходимо разработать конкретные рекомендации для улучшения правоприменительной практики и защиты прав потребителей в рамках данных отношений.

Цель статьи – анализ основных правовых проблем, связанных с договором бытового подряда, и разработка рекомендаций по их разрешению с учетом защиты прав потребителей.

В пункте 1 статьи 730 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), с которого начинается одноименный параграф (§ 2) гл. 37, содержится определение договора бытового подряда [2]. Согласно этому договору, подрядчик, который осуществляет свою деятельность в сфере предпринимательства, обязуется выполнить определенные работы по запросу гражданина (заказчика), которые предназначены для удовлетворения его бытовых или иных личных потребностей, в то время как заказчик обязуется принять выполненную работу и произвести ее оплату.

Приведенное в ГК РФ легальное определение охватывает лишь общие характеристические особенности данного договора подряда. Это сделано с учетом применимости ключевых признаков, присущих всем видам подрядных работ.

Важно отметить, что, несмотря на употребление термина «работа» в статье 730 ГК РФ, основная характеристика подряда заключается в том, что его предметом выступает не просто работа, а как работа, так и ее результат, что относится и к данному договору. В подтверждение данного тезиса можно ссылаться на то, что окончание договора напрямую связано с передачей «результата работы».

Прямые указания на этот аспект содержатся, например, в статьях 737 и 738 ГК РФ. В контексте договора бытового подряда первая из указанных статей налагает на подрядчика ответственность за недостатки «результата работы», а вторая статья касается ответственности заказчика, который не явился «за результатом работы».

Одним из ключевых аспектов режима, установленного Гражданским кодексом Российской Федерации, является то, что данный вид договора, согласно пункту 2 статьи 730, классифицируется как публичный. Это означает, что только этот тип подрядных

договоров подпадает под специальный режим, закрепленный в статье 426 ГК РФ. Указанная ссылка охватывает не только особенности порядка заключения и содержания договора, установленные в этой статье, но и рамки его применения (пункт 2 статьи 730 ГК РФ).

Следует подчеркнуть, что статья 426 ГК РФ применяется к договору бытового подряда лишь в тех случаях, когда подрядчиком выступает коммерческая организация, а заказчиком является физическое лицо. Кроме того, сам договор должен соответствовать деятельности, которую такая организация обязана выполнять в отношении всех, кто к ней обращается. Таким образом, ссылка статьи 730 на статью 426 ГК РФ должна иметь ограничительный характер. Это подразумевает, что можно заключить договор бытового подряда, не соответствующий критериям статьи 426 ГК РФ, и на который в таком случае специальный режим, предусмотренный этой статьей, не будет распространяться [1].

Что касается определения договора бытового подряда, то с ним нет особых затруднений. Однако существуют сложности в выявлении и установлении его существенных условий. Это связано, в частности, с тем, что нормативно-правовая база, регулирование отношений, вытекающих из договора бытового подряда, в целом формирует множество правовых проблем, что недопустимо при взаимодействии с потребителем.

Одной из таких проблем является определение срока выполнения работ как существенного условия договора бытового подряда, несогласование которого может повлечь недействительность договора. Это обусловлено тем, что именно в части срока, как существенного условия договора, отсутствует единство между законом, доктриной и правоприменительной практикой.

На сегодняшний день российское законодательство предлагает два основных механизма для установления непосредственных сроков бытового подряда:

– легальный (или нормативный) способ для определения указанных сроков;

– договорной способ для их определения.

Тем не менее, легальный метод в реальности не может быть использован, так как он требует утверждения непосредственно Правительством Российской Федерации через постановления, касающиеся норм проведения соответствующих подрядных работ. На данный момент ни одно из имеющихся постановлений не устанавливает такие сроки. В результате, фактически возможно применять только договорной способ определения непосредственных сроков бытового подряда.

При анализе положений главы 37 Гражданского кодекса Российской Федерации не возникает вывода о том, что срок является существенным условием договора бытового подряда. Существенными условиями по содержанию данного параграфа и общим нормам обязательств являются условия, касающиеся предмета договора (ст. 432 ГК РФ) и цены работы (ст. 735 ГК РФ). Определение этих условий как существенных не вызывает никаких затруднений, так как условие о предмете является основной частью любого договора. Условие о цене, как существенное условие договора бытового подряда, также прямо регулируется указанным законодательным актом.

Используя эту норму в качестве дополнения, можно говорить о сроке как о существенном условии, однако, согласно смыслу ст. 730 ГК РФ, на отношения, возникающие из договора бытового подряда, распространяются нормы Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей).

Согласно статье 27 Закона о защите прав потребителей, исполнитель несет ответственность за выполнение работ в сроки, которые определены правилами для отдельных видов деятельности (законный срок) или в период, установленный соглашением между сторонами (договорный срок) [3]. Если же законный срок не установлен, то, как указано в ст. 27 Закона о защите прав потребителей, стороны имеют

право (выделено авторами) самостоятельно согласовать срок выполнения работ в рамках договора.

Для того, чтобы избежать возможных конфликтов, необходимо уделить особое внимание прописанию деталей выполнения работ в договоре бытового подряда. В случае отсутствия четкой формулировки о том, какой именно результат считать подходящим, заказчик рискует получить нежелательный итог, который не соответствует его ожиданиям. Тем не менее, в этом случае у заказчика остается возможность доказать, что работы были выполнены некачественно, и следовательно, необходимость оплаты отпадает [5, с. 208-209].

Уполномоченным органом, который имеет право устанавливать данные нормы, является Правительство Российской Федерации (пункт 2 статьи 1 Закона о защите прав потребителей). На сегодняшний день Правительство РФ утвердило Правила бытового обслуживания граждан (далее – Правила), в которых не указаны конкретные сроки выполнения работ, однако отмечено, что такие сроки должны быть зафиксированы в договоре [4]. Таким образом, Правительство РФ, в качестве компетентного органа по установлению сроков выполнения работ или их договорного определения, урегулировало лишь последний аспект, приняв специальное правило касательно обязательных условий договора. Это создает несоответствие с пунктом 27 Закона о защите прав потребителей, где содержится диспозитивная норма, допускающая установление срока выполнения работ в договоре при отсутствии его нормативного закрепления. В Правилах данная норма имеет ярко выраженный императивный характер, требуя, чтобы срок выполнения работ стал обязательным условием договора. На сегодняшний день отсутствуют иные Правила, регулирующие сроки выполнения конкретных видов работ, в связи с чем единственным способом определения сроков выполнения работ остается заключение договора. Срок, безусловно, является важным элементом договора, но это не означает его критической значимости для его заключения.

Анализ указанных норм позволяет сделать вывод о наличии недостатков в нормативно-правовом регулировании отношений, возникающих из договора бытового подряда. Правила создали правовую коллизию относительно нормы статьи 27 Закона о защите прав потребителей.

Для разрешения указанной коллизии ключевое значение имеют дополнительные гарантии защиты прав потребителя, выступающего в роли слабой стороны в этих договорных отношениях. Поэтому в процессе разрешения спора о конкуренции норм целесообразно отдавать предпочтение Гражданскому кодексу РФ, так как именно его, в частности, статья 708, устанавливает срок как существенное условие договора в субсидиарном порядке. В данном контексте срок выполнения работ следует рассматривать как дополнительную гарантию прав потребителя, что, в сравнении со статьей 27 Закона о защите прав потребителей, очевидно улучшает положение потребителя в этих договорных отношениях. Это позволяет предположить, что Правительство РФ, утверждая рассматриваемые Правила, выбрало курс на защиту потребительских прав, отдав предпочтение норме статьи 708 Гражданского кодекса, а не статье 27 Закона о защите прав потребителей.

Также стоит отметить, что особенности правоприменения в сфере бытового подряда обусловлены тем, что одной из сторон является потребитель, то есть обычный гражданин. Законодатель рассматривает эту сторону как наименее защищённую, поэтому на отношения в рамках бытового подряда распространяются нормы о защите прав потребителей, в частности, пункт 3 статьи 730 Гражданского кодекса РФ. С другой стороны, подрядчиком выступает субъект, ведущий предпринимательскую деятельность, направленную на удовлетворение потребностей граждан.

В связи с этим, субъекты, не предоставляющие услуги в данной сфере и не являющиеся предпринимателями, не могут претендовать на роль подрядчика, что

должно быть четко определено в процессе правоприменения. Однако в то же время, если заказчик не преследует цели, связанные с удовлетворением своих личных, семейных и бытовых нужд, то договор бытового подряда не может считаться заключённым.

При применении норм законодательства трудности также возникают в отношении определения предмета бытового подряда. В частности, очень важно учитывать итог выполненных работ как обязательный элемент предмета. Хотя в определении договора бытового подряда этот аспект не упоминается, общие положения о подряде, а также суть статей 737 и 738 ГК РФ указывают на необходимость включать результат работ в предмет бытового подряда. Данный результат должен соответствовать личным нуждам заказчика и не должен быть предназначен для коммерческого использования.

Среди проблем, которые стоит отметить, следует выделить отсутствие четких формулировок о генеральном подряде в рамках договора бытового подряда, особенно в контексте строительных работ. В области строительства возникают сложности, касающиеся регулирования и ответственности сторон, особенно в тех ситуациях, когда подрядчик выполняет функции генерального подрядчика.

Для решения данной проблемы предлагается внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс, добавив новую статью 740.1, в которой будет указано: «Согласно договору бытового подряда может быть предусмотрена система генерального подряда, позволяющая генеральному подрядчику, обладающему всеми необходимыми лицензиями и сертификатами, а также имеющему безупречную репутацию, привлекать других подрядчиков для реализации строительных и сопутствующих работ». Также необходимо дополнительно определить правила ответственности в подобных обстоятельствах, чтобы гарантировать надлежащее исполнение обязательств и качество выполнения работ.

Одной из основных проблем в практике использования договоров бытового подряда является неясность в формулировке условий, относящихся к предмету договора, срокам выполнения работ и критериям качества. Это часто приводит к конфликтам между сторонами относительно того, что именно было согласовано. Например, в договоре на ремонт квартиры может фигурировать термин «косметический ремонт», но без конкретизации, что именно включается в данный вид работ. В этой связи необходимо предложить совершенствование нормативно-правовых актов, уточняя условия и требования к договорам бытового подряда. Это должно включать более подробные регламенты, касающиеся материалов, стандартов качества и ответственности за их соблюдение.

В результате анализа основных положений Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся договора бытового подряда, выявлены значительные правовые несоответствия, которые негативно влияют на защиту прав потребителей. Прежде всего, недостаточная регламентация срока выполнения работ и отсутствие четкой дефиниции понятий «недостатки результата работы» создают правовые коллизии и затрудняют правоприменение. Кроме того, требование о наличии обязательного условия о сроке выполнения работ требует уточнения в связи с наличием различных подходов к его интерпретации. Также значимым является отсутствие четких норм, регулирующих отношения в случае привлечения генерального подрядчика, что усугубляет ответственность сторон за исполнение обязательств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – №32. – ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – №5. – ст. 410.

3. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 09.04.1992. – №15. – ст. 766.

4. Об утверждении Правил бытового обслуживания населения: Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 N 1514 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.10.2020. – №40. – ст. 6255.

5. Леонидова, М.А. Договор бытового подряда // Молодой ученый. – 2023. – №14 (461). – С. 207-209.

PROBLEMS OF THE HOUSEHOLD CONTRACT

Annotation. The article is devoted to the problems of the domestic contract, which are currently still present in the Civil Code of the Russian Federation, as well as in the framework of law enforcement. Key aspects are considered, such as the definition of essential conditions, including the timing of work and the quality of the result. Legal conflicts and lack of unity in regulatory regulation are discussed, which leads to disputes between customers and contractors. Questions are also raised about the need to clarify terms in contracts and consumer protection, and recommendations are made to improve law enforcement practices and the need for changes in legislation.
Keywords: contract, household contract, household order, consumer rights.

Troshina M.A.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk State University
E-mail: mariat565@mail.ru

УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Трухина К.С.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д-р.юрид.наук, профессор,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В данной работе рассматриваются основные проблемы, связанные с обеспечением охраны особо охраняемых природных территорий. Анализируются основные причины, препятствующие эффективной охране таких территорий, включая недостаток финансирования, недостаточную координацию действий, нарушение законодательства и низкую осведомленность общественности.
Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, проблемы охраны, финансирование, координация, законодательство, осведомленность общественности, контроль.

Одной из наиболее актуальных проблем современной экологии является обеспечение охраны особо охраняемых природных территорий. Они играют важную роль в сохранении уникальных экосистем, биоразнообразия и природных ресурсов. Однако, несмотря на значимость этих территорий, они часто сталкиваются с многочисленными проблемами, которые существенно влияют на их сохранность и эффективность охраны. [3, с. 391].

Конституция Российской Федерации также подчеркивает важность природных территорий, указывая, что земля и другие природные ресурсы в стране используются и защищаются как основа жизни и деятельности народов, живущих на соответствующей территории [4]. Она также отмечает, что эти ресурсы могут принадлежать как частным, так и государственным, муниципальным и иным формам собственности; право владения, пользования и распоряжения такими ресурсами свободно, при условии отсутствия вреда для окружающей среды и не нарушения прав других лиц.

Как отмечают И. С. Щепанского и К. В. Жигадло, в правовой сфере еще не установилось четкое определение экологической зоны, а законы, регулирующие процесс ее создания и устанавливающие ограничения для пользователей природы, пока не изучены в достаточной мере [7, с. 188]. Это подтверждается наличием терминов «экологические зоны» и «экологическое зонирование» в названиях статей федеральных законов и их активным обсуждением в доктрине права.

Анализ правовой доктрины и практики осуществления права показывает, что Анализ правовой доктрины и практики осуществления права демонстрирует, что экологическое зонирование – важнейший инструмент устойчивого развития, направленный на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов – может находить своё отражение и реализацию через различные юридические категории. Наиболее наглядным проявлением экологического зонирования является классификация земель по целевому назначению, закреплённая в Земельном кодексе Российской Федерации. Эта классификация определяет принадлежность земель к одной из семи категорий: земли сельскохозяйственного назначения, земли населённых пунктов, земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны и безопасности, земли особо охраняемых территорий и объектов, земли лесного фонда, земли водного фонда, земли запаса.

В рамках каждой категории выделяются виды разрешенного использования земельных участков, конкретизирующие допустимые формы и пределы хозяйственной и иной деятельности на этих участках. Виды разрешенного использования могут быть основными, вспомогательными и условно разрешенными. Например, в категории «земли

сельскохозяйственного назначения» могут быть разрешены виды использования, связанные с ведением сельского хозяйства, садоводством, огородничеством, а также размещением объектов, обеспечивающих сельскохозяйственное производство. В категории «земли особо охраняемых территорий и объектов» виды разрешенного использования могут быть ограничены или полностью запрещены для обеспечения сохранения природных комплексов и объектов. Именно совокупность категорий и видов разрешенного использования формирует экологическое зонирование территории, определяя допустимые границы природопользования и обеспечивая экологическую безопасность.

Хотя информация о категориях земель и земельных участков четко отражается в публичных реестрах, часто встречаются ошибки в официальных документах. Для устранения таких разночтений в конце 2017 года был принят отдельный Федеральный закон, который был поддержан официальными разъяснениями от Росреестра.

Этот закон, известный как Федеральный закон от 29.07.2017 № 280-ФЗ, предназначен для устранения недочетов и противоречий при определении категорий земли и информации в ЕГРН [8]. Он направлен на повышение эффективности использования земельных участков путем улучшения процесса зонирования и его легализации.

Особо охраняемые природные территории имеют особое значение среди других природных объектов, поскольку их роль заключается в сохранении природного разнообразия. Существует необходимость предотвращения полного воздействия человеческой деятельности на окружающий мир, так как это может иметь серьезные последствия для всей планеты и человечества в целом [1, с. 68].

Социальная обусловленность особо охраняемых природных территорий исходит из их законной классификации. В преамбуле Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» они определяются как те, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, и которые полностью или частично изъяты из хозяйственного использования и защищены особым режимом.

Соответственно, существуют различные категории особо охраняемых природных территорий, включая государственные природные заповедники (включая биосферные заповедники), национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, а также дендрологические парки и ботанические сады.

Характер деятельности на особо охраняемых природных территориях определяется в зависимости от их категории земельного участка. Несмотря на это, на практике возникает несколько сложностей и противоречий в отношении этого аспекта, хотя активности в пределах этих территорий хорошо регулируются.

Кроме того, необходимо обратить внимание на проблемы, связанные с правовым регулированием прибрежных территорий морей. В зависимости от целей использования и защиты водного объекта правовой режим прилегающих к нему территорий может быть установлен на основе различных отраслей законодательства.

К таким отраслям относятся водное, земельное, экологическое, транспортное, санитарно-эпидемиологическое, градостроительное, рыбохозяйственное законодательство и другие нормативные акты. Каждая из этих отраслей содержит свои требования и правила для осуществления различных видов деятельности, связанных с использованием водных объектов и прибрежных территорий.

Разнообразие законодательных актов и их требований может создавать сложности в правовом регулировании прибрежных территорий. Необходимо учитывать все аспекты и особенности каждой отрасли законодательства, чтобы обеспечить эффективное и безопасное использование водных объектов и прилегающих территорий.

Такое множественное регулирование отношений, связанных с использованием прибрежных территорий, часто вызывает конфликты как на уровне непоследовательности требований различных отраслей законодательства, так и при реализации правовых норм, что является явным доказательством для множества примеров правоприменительной и судебной практики [2, с. 45].

В то же время, особенно острой и до сих пор в значительной степени неурегулированной проблемой остаётся предотвращение диффузного, или рассеянного, загрязнения водных объектов. В отличие от точечных источников загрязнения (например, промышленных стоков), которые относительно легко контролировать, диффузное загрязнение происходит из неорганизованных и многочисленных источников, представляя собой сложную и многофакторную проблему. Такое загрязнение возникает как с поверхностного, так и с подземного стока, в основном с прибрежных территорий, включая сельскохозяйственные угодья, городские застройки, лесные массивы и транспортную инфраструктуру. Оно может включать в себя смыв пестицидов и удобрений с полей, загрязнение нефтепродуктами с дорог, вымывание загрязняющих веществ из почв и другие процессы.

Решение этой проблемы осложняется как организационными, так и научными трудностями. С организационной точки зрения, сложно установить ответственность за диффузное загрязнение, поскольку оно является результатом совокупного воздействия многих факторов и действий различных субъектов. С научной точки зрения, сложно оценить масштабы и источники диффузного загрязнения, а также разработать эффективные методы его предотвращения и снижения. Однако усилия научного сообщества и государства должны быть направлены на ее преодоление, с применением междисциплинарного подхода и использованием современных технологий мониторинга и моделирования.

В частности, необходимо:

- проводить комплексные научные исследования для выявления основных источников и путей диффузного загрязнения, а также для оценки его воздействия на водные объекты;

- разрабатывать и внедрять эффективные методы предотвращения диффузного загрязнения, такие как применение экологически безопасных технологий в сельском хозяйстве, строительство очистных сооружений для поверхностного стока, создание буферных зон вдоль берегов водных объектов;

- совершенствовать систему мониторинга водных объектов для своевременного выявления случаев загрязнения и принятия мер по их устранению;

- повышать экологическую культуру населения и информировать граждан о рисках, связанных с диффузным загрязнением.

Адекватное и научно обоснованное регулирование землепользования на прибрежных территориях является важной, а зачастую и определяющей, мерой для предотвращения деградации водных объектов, сохранения их экологического здоровья и обеспечения устойчивого использования водных ресурсов. Это включает в себя установление ограничений и запретов на определенные виды деятельности, стимулирование экологически безопасных методов ведения хозяйства, а также проведение мероприятий по восстановлению и охране водных объектов. Без комплексного и системного подхода к решению проблемы диффузного загрязнения невозможно обеспечить долгосрочную экологическую безопасность и устойчивое развитие водных экосистем.

Так, В. Е. Сухов указывает, что на данный момент не регулируются некоторые фундаментальные вопросы создания и функционирования федеральных и региональных особо охраняемых природных территорий, что приводит к правовым противоречиям и возникающим от этого проблемам в практике применения законодательства [6, с. 6].

Некоторые из основных нарушений в отношении особо охраняемых природных территорий (ООПТ) регионального значения включают:

1) преследование административной ответственности за нарушения режима функционирования ООПТ в переходный период – с момента создания ООПТ до его утверждения и включения в кадастровый учет земельных участков, входящих в состав ООПТ;

2) отсутствие установленных процедур изменения границ, статуса и категорий ООПТ регионального значения;

3) бездействие государственных органов в отношении организации охраны ООПТ регионального значения и проведения инвентаризации земельных участков, входящих в их состав;

4) исполнение государственных полномочий на ООПТ лицами, не являющимися государственными служащими.

Т.В. Злотникова заявляет, что изменение некоторых положений федеральных законов и других правовых актов в направлении значительного ослабления норм охраны природы может иметь серьезные негативные последствия для правовой защиты различных видов особо охраняемых природных территорий (ООПТ) [5, с. 20].

Кроме того, указанные примеры нормотворческой деятельности органов власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, демонстрирующие тенденцию к ослаблению природоохранного режима и расширению хозяйственной деятельности на особо охраняемых природных территориях, могут нанести серьёзный, а в ряде случаев и практически необратимый ущерб не только установленному режиму заповедников и других категорий ООПТ, но и фактически поставить под угрозу существование и сохранение конкретных ООПТ в целом, нивелируя саму цель их создания.

Расширение хозяйственной деятельности, ослабление ограничений на строительство и землепользование, изменение границ ООПТ под давлением экономических интересов могут привести к следующим негативным последствиям:

1. Разрушение уникальных природных комплексов и экосистем. Строительство дорог, промышленных объектов, туристической инфраструктуры, добыча полезных ископаемых и другие виды хозяйственной деятельности могут привести к уничтожению или деградации ценных природных ландшафтов, мест обитания редких и исчезающих видов растений и животных, нарушению гидрологического режима и другим негативным последствиям.

2. Сокращение биоразнообразия. Утрата природных местообитаний приводит к сокращению численности и разнообразия видов растений и животных, в том числе редких и исчезающих видов, находящихся под особой охраной.

3. Загрязнение окружающей среды. Хозяйственная деятельность на ООПТ может привести к загрязнению воздуха, воды и почвы, что негативно сказывается на здоровье людей и состоянии окружающей среды.

4. Нарушение рекреационной ценности. Разрушение природных ландшафтов и загрязнение окружающей среды снижает рекреационную привлекательность ООПТ, лишая людей возможности наслаждаться красотой природы и заниматься экологическим туризмом.

5. Девальвация правового режима ООПТ. Постоянные изменения в законодательстве, направленные на ослабление природоохранного режима, подрывают доверие к институту ООПТ и создают прецеденты для дальнейшего ослабления охраны природы.

Необдуманные и необоснованные изменения в правовом регулировании ООПТ могут привести к катастрофическим последствиям для окружающей среды и подорвать усилия по сохранению природного наследия России. Необходимо учитывать, что ООПТ являются не только объектами охраны природы, но и важными элементами устойчивого

развития территорий, обеспечивающими экологическую безопасность и способствующими развитию экологического туризма.

Таким образом, изучение законодательства, практики его применения и научных взглядов на рассматриваемую проблематику показывает, что нужно совершенствовать законы, касающиеся охраны особо охраняемых природных территорий. Однако внесенные изменения не должны стремиться только к запретам на активности на этих территориях, так как это может препятствовать полноценному использованию этих мест. Поэтому важно найти баланс между интересами всех заинтересованных сторон, чтобы обеспечить устойчивое и разумное использование данных природных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.В. Право на здоровую окружающую среду: естественно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. – 2017. – Т. 7. – № 2. – С. 63–71.
2. Барбашова Н.В. Правовое регулирование прибрежной зоны морей. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2015. – № 1. – С. 44–49.
3. Барбашова Н. В. Экологическое право: учебник / Н.В. Барбашова. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 538 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 29.09.2024).
5. Злотникова Т. В. Современные тенденции правового регулирования охраны и использования особо охраняемых природных территорий // Экологическое право. – 2019. – № 2. – С. 15–21.
6. Сухов В. Е. Правовые коллизии в сфере соблюдения законодательства об особо охраняемых природных территориях // Законность. – 2018. – № 4. – С. 14–16.
7. Щепанский И. С., Жигадло К. В. Экологическое зонирование территории: проблемы определения и правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 183–190.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель» от 29.07.2017 № 280-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221238/ (дата обращения 29.09.2024)

PROBLEMS ENSURING PROTECTION OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES

Annotation: This paper examines the main problems associated with the protection of specially protected natural areas. It analyses the main reasons preventing effective protection of such areas, including lack of funding, insufficient coordination of actions, violation of legislation and low public awareness.
Keywords: specially protected natural territories, protection problems, financing, coordination, legislation, public awareness, control.

Trukhina K.S.
Scientific adviser: Barbashova N.V. doctor of law, Professor Donetsk State University
E.mail: kristina.trukhina04@mail.ru

УДК 341.018

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Украинский Д.В.
Научный руководитель: Жданова Н.А., канд.филол.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: Работа посвящена роли английского языка в международном и российском праве, проблемам юридического перевода. Рассматриваются трудности перевода юридических терминов в различных правовых системах, учитывая лингвистические и культурные аспекты. На примере договора между Российской Федерацией и Ираном о правовой помощи (1996) анализируются проблемы перевода терминов, вызванные различиями в правовых системах. В работе предлагаются рекомендации по созданию унифицированных глоссариев и использованию новых технологий для повышения точности перевода и минимизации рисков ошибок в международных договорах и судебных решениях.
Ключевые слова: английский язык, международное право, юридический перевод, правовые системы, культурные различия.

В современном международном праве английский язык выступает в качестве основного средства коммуникации между государствами, международными организациями и иными субъектами международных отношений. Его использование обеспечивает единообразие правоприменения и упрощает взаимодействие в глобальной юридической системе. Однако данное преимущество сопряжено с множеством проблем, наиболее значимой из которых является точность и корректность юридического перевода.

Юридический перевод требует не только знания языка, но и глубокого понимания различий в правовых системах, культурных особенностей и юридической терминологии. Отсутствие унифицированных стандартов перевода и неравномерное применение норм международного права из-за разночтений в переводах создают дополнительные риски, влияя на выполнение международных обязательств. Современные исследования и практика показывают, что эти трудности становятся особенно актуальными для стран с различными правовыми традициями.

Несмотря на существующие исследования в данной области, многие аспекты остаются нерешенными. В частности, недостаточно проработаны механизмы унификации юридической терминологии, стандарты интерпретации сложных правовых понятий, а также влияние переводческих ошибок на судебные и договорные споры. Эти пробелы вызывают необходимость более детального анализа как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Целью настоящего исследования является изучение проблем использования английского языка в международных договорах и исследование судебной практики по данному вопросу. Работа направлена на выявление ключевых трудностей юридического перевода, анализ их влияния на правоприменение и формулирование возможных путей их решения.

В ходе изучения работ Алимова В.В., мы выяснили, что юридический перевод представляет собой специализированный вид перевода, который включает в себя передачу юридических текстов с одного языка на другой с максимальной точностью [8, с. 6]. Его теоретическая база строится на трех ключевых аспектах: лингвистическом, правовом и культурном.

1. Лингвистический аспект:

Юридический язык характеризуется строгой структурой, специализированной терминологией и уникальными языковыми конструкциями, которые отличаются от повседневного языка. Переводчик должен учитывать:

- Синтаксическую сложность: юридические тексты часто содержат длинные предложения и сложные грамматические конструкции.
- Специализированную лексику: юридические термины могут иметь узкое значение, которое варьируется в зависимости от правовой системы.

2. Правовой аспект:

В основе юридического перевода лежит необходимость учитывать различия между правовыми системами стран, на языках которых осуществляется перевод. Основные подходы:

- Функциональный эквивалент: адаптация терминов в зависимости от правового контекста. Например, перевод термина «common law» для стран с романо-германской системой требует пояснений.
- Прямой перевод: используется, когда понятие одинаково в обоих правовых системах (например, «contract» = «договор»).

3. Культурный аспект:

Как отмечает Курчинская-Грассо Н.О., правовая система каждого государства тесно связана с его культурными и историческими особенностями. Переводчик должен учитывать локальные нюансы [9, с. 67]. Например, некоторые понятия из исламского права (шариата) могут быть непереводимы на русский или английский языки без дополнительного пояснения.

Основные признаки юридического перевода

1. Точность и однозначность

Юридический перевод требует исключительной точности, поскольку даже малейшая ошибка может изменить смысл документа и привести к правовым последствиям.

2. Терминологическая строгость

Использование единых терминов для передачи одного и того же понятия во всем тексте. Это важно для избежания заблуждения при интерпретации договора или закона.

3. Сохранение структуры оригинала

Юридические тексты должны сохранять структуру, логику и форматирование оригинального документа, поскольку это влияет на их юридическую силу.

4. Юридическая корректность

Перевод должен соответствовать нормам и традициям правовой системы целевого языка. Например, при переводе договора необходимо учитывать нормы Гражданского кодекса РФ или другого соответствующего акта.

5. Использование официально признанных формулировок

Многие юридические термины уже имеют устоявшиеся переводы, утвержденные международными организациями (например, ООН или ВТО).

6. Конфиденциальность

Переводчик обязан соблюдать принцип конфиденциальности, так как юридические документы часто содержат важную или коммерческую информацию.

Таким образом, юридический перевод – это сложный процесс, требующий синергии между знаниями в области лингвистики, права и культуры, что делает его незаменимым инструментом в международном праве.

Изучая юридические тексты, даже на национальном языке, многие сталкиваются с проблемой сложности их восприятия в связи со специфическими особенностями юридической терминологии. Исследуя истоки правоведения, мы берем за основу правило о том, что закон распространяется на все сферы жизни и проникает во все

предметные области. Исходя из этого, необходимо обратить внимание на то, что многие юридические термины имеют различное значение в зависимости от применяемой отрасли права, что говорит нам об абстрактности юридических понятий. Помимо этого, характерным для юридических текстов является, в частности, чрезмерное использование причастных конструкций и равноправных звеньев предложений, а также непривычный для обычного естественного языка порядок слов.

Таким образом, юридические термины и в разных странах могут иметь различное значение, что затрудняет их точный перевод на английский язык, как и отмечает в своих работах Романова О.В. [10, с. 12]. Например, понятия «tort» в англо-американской системе и «деликт» в континентальной системе права не являются полностью идентичными, так как в англо-американском праве нет общего понятия деликта, а есть только каталог конкретных его видов. При этом, под деликтом подразумевается как само противоправное действие, так и вытекающие из него обязательства по возмещению вреда.

Как верно отмечает Роговенко Н.С. в своей работе, переводчики, специализирующиеся в области переводов юридических текстов, должны обладать опытом работы в данной сфере, что связано с необходимостью подбора эквивалентов понятиям, которые использованы в оригинальных текстах [11, с. 144]. Например, перевод термина «договор» зависит от типа данного документа:

1. Lease Agreement — договор аренды помещений.
2. International Treaty — международный договор.
3. Deed of Amendment — договор о внесении изменений и т.п.

В данном случае помимо качественной подготовки специалистов в области переводов юридических текстов с акцентом внимания на особенностях правовых систем зарубежных стран, считаем необходимым разработку унифицированных глоссариев и словарей юридических терминов на международном уровне.

Для упрощения работы переводчиков предлагаем внедрение новых технологий, а именно использование искусственного интеллекта и машинного перевода для предварительного анализа контекстных значений терминов. В ходе проведения анализа юридического текста, написанного на иностранном языке, и в случае автоматизации данного процесса, возможно сократить время работы с текстом и получить более качественный результат перевода, что минимизирует возможность ошибки при взаимодействии сторон, к примеру, в договорных отношениях, имеющих трансграничный характер.

Обращая внимание на проблематику культурных и правовых различий стран, а также на возможное наличие в текстах специализированных формул, устаревших терминов или уникальных идиом, при взаимодействии юристов, переводчиков и IT-специалистов возможно внедрение программного обеспечения с функцией выявления устаревших терминов и их адаптации к современному английскому языку.

Еще одной проблемой, возникающей при юридическом переводе является возможная ошибка переводчика в переводе, которая может повлечь за собой международный спор, нарушение прав сторон, отказ в удовлетворении исковых требований и прочее. Чаще всего переводчик не несет ответственности за юридические последствия ошибок, однако в случае заведомо ложного перевода в ходе судебного процесса возможны серьезные последствия.

Основные правовые последствия выявления заведомо ложного перевода – пересмотр вступившего в силу решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 2 части 3 статьи 392 ГПК РФ [1], пункт 2 части 2 статьи 311 АПК РФ [2]), возобновление производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств (пункт 1 части 3 статьи 413 УПК РФ [3]).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 11.12.2012 года №31, заведомо неправильный перевод является основанием для пересмотра судебного постановления, если они повлекли принятие незаконного или необоснованного судебного постановления (п.10) [4]. Установление причинно-следственной связи между заведомо неправильным переводом и существом принятого решения обязательно также для арбитражного и уголовного процессов. При отсутствии этой связи маловероятно, что лицо в принципе будет привлечено к уголовной (административной) ответственности.

В случае, если ошибка в каком-либо документе, имеющем значительное влияние на исход дела, суд может отказать в удовлетворении заявленных требований.

Так в ходе рассмотрения дела по нарушению исключительного права на товарный знак, согласно заключению эксперта в доверенности на английском и русском языке, предоставленной суду в качестве одного из доказательств, представлен заведомо неверный перевод в названии юридического лица (истца), места государственной регистрации: в том числе наличие ошибок перевода доверенности на английском и русском язык. Название юридического лица IMC Toys, SOCIEDAD ANNIMA на английском и испанском языке ошибочно переведено на русский язык как: «АЙ-ЭМ-СИ Тойз», АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ. Правильным переводом является: «Ай-Эм-Си Тойс» или «Ай-эм-си Тойс».

Ответчик указывает, что в соответствии с выводами заключения эксперта доверенность от имени «АЙ-ЭМ-СИ Тойз», выданная лицом Antonio Bellido, не подтверждает полномочия общества с ограниченной ответственностью «Юрконтра», в связи с чем исковое заявление оставлено без рассмотрения [5].

Таким образом, мы видим, как ошибка, допущенная в юридическом переводе повлекла за собой последствия при рассмотрении дела в судебном порядке.

Еще одним примером, когда суд принял решение об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных требований, в связи с ошибками в юридическом переводе, является дело о взыскании ИП Сборцом А.А. с ООО «Гид Луарэт Нуаль Восток» задолженности по договору возмездного оказания услуг перевода документации на иностранные языки.

В ходе рассмотрение дела выявлено, что истцом услуги оказаны некачественно, с наличием ошибок по всему тексту документа: смысловых, лексических, орфографических, пунктуационных стилистических и др., неточностей, с несоответствием направленному истцу тексту оригинала на английском языке, что подтверждается представленным ответчиком экспертным исследованием, выполненным ООО «Велл Дан Транслейшенс», ответчиком не приняты, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных требований [6].

В ходе данного исследования также обратим внимание на Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Тегеран, «05» марта 1996 года) [7]. Данный договор интересен с точки зрения исполнения положений, связанных с международным сотрудничеством в судебной сфере, а также особенностями перевода юридических терминов.

В рамках настоящего договора предусмотрены положения, регулирующие обмен правовой информацией и оказание правовой помощи через уполномоченные органы – Министерство юстиции и прокуратуры обеих стран. Один из ключевых вопросов связан с юридическим переводом и адаптацией терминологии, так как системы права России (романо-германская) и Ирана (основанная на шариате) значительно отличаются. Проблемы возникают при передаче нюансов таких понятий, как «правовая помощь» или «уголовная ответственность», что требует не только качественного перевода, но и интерпретации на уровне применения норм. При этом, следует отметить, что договор

частично связан с английским языком, так как в тексте договора предусмотрено использование английского как посреднического языка. Это характерно для международных соглашений, когда договаривающиеся стороны имеют разные языковые и правовые системы.

Хотя оригинальный текст договора составлен на национальных языках (русском и персидском), английский используется для перевода и интерпретации сложных юридических терминов. Это позволяет минимизировать риски, связанные с языковыми барьерами, и обеспечивает взаимопонимание сторон.

Одной из центральных проблем договора являются различия в правовых системах:

1. Российская правовая система основывается на романо-германском праве.

2. Иранская система имеет сильное влияние шариата, который определяет особенности уголовного и семейного права.

Это приводит к сложностям в переводе и адаптации юридических понятий. Например, термин «экстрадиция» (extradition) в иранском праве может включать дополнительные религиозные ограничения, которые отсутствуют в российской практике. Перевод подобных терминов требует добавления пояснений, чтобы избежать их неоднозначной интерпретации.

Согласно договору, запросы и другие документы предоставляются на национальных языках сторон с приложением перевода на английский язык. Английский в данном случае выступает в роли «третьего языка», который позволяет минимизировать разночтения между сторонами. Однако это создает дополнительные риски:

1. Перевод через «третий язык» может привести к потере или искажению смысла.

2. Термины, переведенные на английский, не всегда имеют точный эквивалент в правовых системах России и Ирана.

Перевод запросов об экстрадиции или сотрудничестве в уголовных делах должен учитывать как юридическую терминологию, так и культурные аспекты. Например, термин «уголовное наказание» может включать в Иране наказания, которые не предусмотрены российским законодательством (например, телесные наказания). Для точного перевода необходимы пояснения или адаптация текста.

Таким образом, исходя из анализа договора, сделаем выводы о том, что перевод договоров с Ираном требует участия как юристов, так и переводчиков, знакомых с шариатской правовой системой и российским правом, для минимизации ошибок необходимо разработать двусторонний глоссарий терминов с учетом их правовых и культурных контекстов, а переводы должны проходить многоступенчатую проверку на соответствие исходному смыслу и юридической корректности.

Учитывая изложенное, изучив судебную практику, мы можем сделать вывод о том, что ошибки переводчиков при переводе юридических текстов вызывают ряд проблем для участников правоотношений, вследствие чего считаем необходимым разработку механизмов страхования ответственности переводчиков, работающих в данной сфере, введение обязательных юридических консультаций на этапе перевода важных документов и проработку судебной практики, которая учитывала бы специфику перевода при рассмотрении споров.

На примере договора между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи (1996) продемонстрированы ключевые трудности, вызванные различиями в правовых системах, культурных аспектах и спецификой терминологии. Также выделены риски, связанные с использованием английского языка как посреднического, включая возможность утраты точности при переводе через третий язык, изучена судебная практика по вопросам, связанным с ошибками в юридическом переводе.

Исследование углубляет понимание роли юридического перевода в международном праве, подчеркивая необходимость комплексного подхода,

включающего знания права, лингвистики и культурологии. Предложены теоретические основания для разработки унифицированных стандартов перевода и адаптации правовых текстов.

На данном этапе, считаем необходимым для минимизации ошибок в юридических переводах разработку универсальных стандартов юридического перевода, учитывающих специфику правовых систем разных стран, использование искусственного интеллекта и технологий анализа больших данных для повышения точности перевода юридических текстов, расширение анализа судебной практики с участием РФ и других стран, использующих английский язык в юридической документации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от «14» ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Система Гарант. URL: https://internet.garant.ru/#/document/12128809/paragraph/3649723/doclist/992/1/0/0/гпк%20рф:3 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // Система Гарант. URL:https://internet.garant.ru/#/document/12127526/paragraph/1308847/doclist/999/1/0/0/апк%20рф:6 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Система Гарант. URL:https://internet.garant.ru/#/document/12125178/paragraph/53424899/doclist/1008/1/0/0/упк%20рф:9 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от «11» декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Система Гарант. URL: https://internet.garant.ru/#/document/70280874/paragraph/1/doclist/1011/1/0/0/Постановлении%20от%2011.12.2012%20года%20№31:13 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2024 г. N 08АП-353/24 по делу N А46-7149/2023 // Система Гарант. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/65554530/paragraph/19/doclist/2723/2/0/0/ошибка%20в%20переводе%20с%20английского:0 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 октября 2014 г. N 09АП-42737/14 // Система Гарант. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/60401057/paragraph/33/doclist/2723/4/0/0/ошибка%20в%20переводе%20с%20английского:6 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
7. Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05.03.1996 года, Тегеран // Система Гарант. URL: https://internet.garant.ru/#/document/2559143/paragraph/362/doclist/897/1/0/78a0f942-e1d2-4a35-abc9-c12e5a52e9b3/Договор%20между%20Российской%20Федерацией%20и%20Исламской%20Республикой%20Иран%20о%20правовой%20помощи%20и%20правовых%20отношениях%20по%20гражданским%20и%20уголовным%20делам%20%201996:2 (дата обращения: 16.12.2024 г.).
8. Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс, Английский язык: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Ком Книга. – 2005. – 160 с.
9. Курчинская-Грассо Н.О. Проблематика перевода юридических текстов // Филология: научные исследования. – 2020. – № 1. – С. 66-71.
10. Романова О. В. Английский язык в международном праве: актуальные проблемы // Юридический мир. – 2019. – № 12. – С. 10-14.
11. Роговенко Н.С. Обучение переводу юридических терминов // E-Scio. – 2022. – № 1 (64). – С. 141-146.

ENGLISH AS THE MAIN INSTRUMENT OF INTERACTION BETWEEN SUBJECTS IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN LAW: PROBLEMS AND PECULIARITIES OF LEGAL TRANSLATION

Annotation*:* The paper is devoted to the role of English in international and Russian law and the problems of legal translation. The difficulties of transferring legal concepts in different legal systems are considered, taking into account linguistic and cultural aspects. On the example of the treaty between the Russian Federation and Iran on legal assistance (1996) the problems of translation of terms caused by differences in legal systems are analyzed.

The paper offers recommendations for the creation of unified glossaries and the use of new technologies to improve the accuracy of translation and minimize the risks of errors in international treaties and court decisions.
Keywords*:* English, international law, legal translation, legal systems, cultural differences.

Ukrainskij D.V.
Supervisor: N.A. Zhdanova, Associate Professor of the
Department of English for Economic Specialties.
Donetsk State University
E-mail: bekar.2002@yandex.ru

УДК 347.421

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ

Украинский Д.В.
Научный руководитель: Хачук К.Д., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДоНГУ»

Аннотация: В данной работе проводится анализ правового регулирования посреднических договоров в различных странах на примере Германии, Франции, США, Румынии, Китая и Японии. Рассматриваются особенности посреднических договоров, а также степень их законодательного закрепления в различных правовых системах. Особое внимание уделено вопросам ответственности посредников, их правам и обязанностям, а также ограничениям на их деятельность. Автор выделяет ключевые различия в подходах к регулированию посредничества и предлагает рекомендации по совершенствованию российского законодательства с учетом международного опыта.
Ключевые слова: международное право, посреднический договор, маклерский договор, договор поручения, агентский договор.

Посреднические правоотношения и их правовое регулирование известны своей богатой историей становления. Данный институт цивилистики развивался вместе с различными сферами деятельности человека и нашел свое применение в сфере хозяйственных отношений. Посредники помогали развивать торговые связи, экономить время на переговорах с противоположной стороной сделки, документообороте и других формальностях. При этом, даже с учетом высокой востребованности, посредничество до сих пор не имеет четкого законодательного закрепления в нормах гражданского права большинства стран, а в тех, где имеет, нормы по большей части носят сугубо диспозитивный характер.

В своей работе Серебренникова А.В. обращает внимание на то, что более детальное законодательное регулирование посредничества способно формировать у граждан негативное отношение к такому институту, как к чему-то обязательному, навязанному [4, с. 61]. Такая точка зрения связана в первую очередь с коммерциализацией посредничества и повсеместным навязыванием услуг разного рода представителей не только в торговой (предпринимательской) деятельности.

В целом посреднические договоры по своей природе делятся на:

- агентские договоры (включающие не только торговое представительство, но и возможность осуществления агентом иных функций, например, административных);
- договоры поручения (которые связаны с любыми юридическими действиями помимо заключения договоров);
- договоры комиссии (связанные непосредственно с реализацией товаров).

Как замечает Коноводова М.Р., с расширением торговых связей, выходящих за пределы одного государства, развитием процессов глобализации, посредничество становится важнейшей частью международного коммерческого права [5, с. 426]. Основными известными международному коммерческому праву посредническими договорами являются:

- коммерческие агентские договоры (включая договор консигнации);
- дистрибьюторские договоры;
- договоры франчайзинга.

С целью унификации и гармонизации норм, регулирующих международное посредничество, законотворцам необходимо было обращаться к законодательствам наиболее развитых стран мира.

В романо-германской правовой семье посредничество буквально понимают как «ведение чужих дел» или «забота о чужом деле», от латинского «negotiorum gestio». Главным отличием такого понимания посредничества является сам факт наличия посредничества: «negotiorum gestio», что подразумевает ведение дел без поручения. Однако коммерциализация посредничества исключает его как акт великодушия, не позволяющий извлекать выгоду, задуманный изначально римским правом.

В Германии посреднический договор именуется «маклерским договором», а общие вопросы его регулирования закреплены в восьмой главе Гражданского уложения Германии [1]. Глава содержит всего пять статей, посвященных вопросам вознаграждения представителю за «выявление возможности заключения договора или за посредничество при заключении договора». При этом, как это присуще экономически развитым странам, в Германии действует целый кодифицированный акт, регулирующий внутренние и внешние торговые отношения, - Германское торговое уложение [2]. Он содержит целых два раздела, посвященных торговому представительству и торговому маклеру.

Торговым представителем признается тот, кому поручено осуществлять на постоянной основе посредничество для другого предпринимателя в сделках или заключать их от его имени. Особенность торгового маклера заключается в том, что он не является постоянно уполномоченным перед своим клиентом, но профессионально принимает на себя посредничество при заключении договоров о приобретении или отчуждении товаров или ценных бумаг, о страховании, о грузовых перевозках, о найме судов либо иных объектах торгового оборота.

Кроме того, как отмечает Лысенко О.Л., маклер может быть носителем совершенно разных профессий [6, с. 15]. Не принимая участия непосредственно в заключении сделки, функционально он способен, например, давать налоговые консультации о последствиях заключения сделок, юридические консультации об условиях и требованиях действующего законодательства в отношении создаваемых правоотношений, получать документы, необходимые стороне для заключения сделки, прогнозировать её экономические последствия, проверять контрагентов, помогать верно трактовать техническую документацию и многое другое. При этом, обязательно, чтобы маклер был представителем именно той профессии, которая компетентна консультировать и сопровождать по соответствующим вопросам при заключении сделок. Примечательно, что согласно § 87 Германского торгового уложения маклер также может получить вознаграждение по сделкам, к которым он хоть и привлекался, но фактически не принял участие в их заключении. На практике из-за данной нормы возникает большое количество судебных споров между «пассивными» маклерами и их клиентами.

Также стоит отметить, что § 654 Гражданского уложения Германии лишает маклера вознаграждения в том случае, если он действовал также в интересах противоположной стороны его клиента. Кроме того, он обязан возместить понесенные клиентом убытки, возникшие вследствие таких действий. Однако мы уже отмечали, что законодательные нормы о посредничестве зачастую носят диспозитивный характер. Если же маклер имеет желание, а стороны заключаемой сделки не возражают, посредник может выступать в интересах обеих сторон. Важно понимать, что в этом случае вся информация о представительстве должна быть открытой всем участникам сделки, а возможность двустороннего представительства должна быть предусмотрена в маклерских договорах с каждой из сторон.

Во Франции законодатель из всех посреднических договоров наибольшее внимание уделяет именно агентскому договору. Общие нормы закреплены в Торговом кодексе Франции [3]. Здесь «исполнитель» по договору – это коммерческий агент. Отличительной особенностью такого регулирования заключаются в том, что если в Германии круг сделок, в которых может принимать участие маклер, не ограничен, то во Франции такой перечень есть. Перечень закреплен в статье L134-1 и является закрытым.

В случае, когда посреднические действия совершаются не в отношении договоров купли-продажи, аренды или предоставления услуг, посредник не может называться коммерческим агентом, а правоотношения между представителем и представляемым не поддаются регулированию Торговым кодексом.

Также стоит отметить, что в случае бездействия коммерческого агента по сделке, заключенной принципалом во время срока действия агентского договора, право на вознаграждение не возникает только по факту действия договора. Для получения права на вознаграждение агент во Франции может не только «вмешаться» в процесс заключения торговой сделки, но и найти приемлемого и выгодного контрагента для принципала. В целом, при детальном анализе Торгового уложения Германии и Торгового кодекса Франции прослеживается, что нормативное регулирование агентского договора во Франции наполнено императивными нормами, в отличие от регулирования в Германии.

В менее развитых странах мы можем заметить, что правовое регулирование посреднических договоров сводится всего к нескольким статьям. Например, в Румынии правоотношения с посредником регулируются семью статьями Гражданского кодекса. Само посредничество определяется как договор, по которому посредник обязуется свести своего клиента с третьей стороной с целью заключения договора. Посредник не обладает полномочиями представлять стороны договора при его заключении или при совершении других необходимых для его исполнения действий, но может быть наделён такими полномочиями. Поскольку закон не устанавливает формальных условий, при которых может быть заключён договор о посредничестве, этот договор считается заключённым по обоюдному согласию. Более того, Гражданский кодекс Румынии не устанавливает никаких условий в отношении сторон этого договора, а значит, договор о посредничестве может быть заключён как с посредником-представителем определенной профессии, так и с любым гражданином, не имеющим определенного профильного образования.

Стоит также рассмотреть правовое регулирование посреднических договоров в правовом поле Европейского союза. Здесь следует отметить, что его особенность заключается в многоуровневости. Такое межгосударственное правовое регулирование включает в себя законодательство стран-участников ЕС (включая их национальную судебную практику), законодательство, которое создается наднациональными органами, и нормы международного права ЕС.

Стоит также обратить внимание на Принципы европейского договорного права и Проект общей справочной системы частного права ЕС. Это документы региональной унификации частного права ЕС, которые хотя и не имеют обязательной силы, но в отсутствие прямых регулирующих норм являются одним из важнейших источников правовой информации для правоприменителей. Правовое регулирование и доктрина в отношении посреднических договоров в ЕС имеет свою историю и логику развития. Аносов М.А. обращает внимание на том, что с учетом автономного характера права ЕС и наличия специфического внутриорганизационного механизма, в Европейском союзе правовая позиция в отношении посреднических договоров формировалась за счет таких актов как решения Комиссии и Европейского суда, а также многочисленных регламентов [7, с. 133]. Важно отметить, что эти процессы связаны напрямую с борьбой с конкуренцией на территории ЕС, поэтому определения видов посреднических договоров, существенных их условий, происходило с точки зрения конкурентного законодательства.

В странах англосаксонской правовой семьи, например США, институт посредничества на государственном уровне не урегулирован в принципе. Законодательные акты в отношении посредничества принимаются на уровне штатов. Подобно странам романо-германской правовой системы, наибольшее внимание

законодателями в США уделяется именно агентам. Важным отличием является классификация агентов для разграничения их на посредников в правоотношениях различного типа. Среди них выделяют:

- факторов – специалистов-посредников в области купли-продажи товаров и оборота денежных средств;

- агентов-делькредере – посредников, «ручающихся» за исполнение денежного обязательства третьим лицом перед принципалом, гарантируют ему поступление покупной цены;

- брокеров – агентов, которые не владеют товарами принципала в отличие от факторов. Брокеры осуществляют подготовительные действия перед заключением принципалом сделки, ведут переговоры с третьими лицами, оформляют проекты договоров;

- аукционистов – агентов, которым передаются товары принципала для их реализации с аукционов.

В отличие от российского законодательства, в правовом регулировании посредничества в США нет таких понятий как договор поручения и договор комиссии. Строкова О.А. обращает внимание, что эти привычные нам сделки не включаются в США в понятие агентского договора, хотя фактически агент вполне может быть представителем, выполняющим конкретное поручение – юридические и фактические действия, направленные на достижение определенного результата [8, с. 168].

Если рассматривать правовое регулирование стран смешанной правовой семьи, то можно заметить, что нормы об агентах не всегда преобладают над нормами о других видах посредников. Например, в Китае подобные правоотношения регулируются Законом «О договорах». Среди посреднических правоотношений отдельное внимание уделяется правоотношениям с брокерами, спортивными агентами, морскими агентами, агентами при проведении тендеров, договорам о посредничестве, о комбинированной перевозке, представительстве и комиссии.

В качестве одного из примеров, обратим внимание на Закон КНР «О проведении тендеров», которым установлены требования к агентам, участвующим в правоотношениях с публично-правовыми образованиями. Здесь разобраны их отдельные полномочия, однако пределы полномочий агентов в этом законе не определены, отсутствует и характеристика оснований возникновения правоотношений с ними, а значит, предполагается и применение общих норм об агентировании. Чмелева Т.А. считает, что в данном случае мы можем говорить именно о влиянии англосаксонской правовой семьи на формирование законодательного регулирования исследуемого института [9, с. 35]. Хотя своя специфика все же присутствует. Судебная практика Китая богата процессами, где связанные с агентскими правоотношениями споры решаются нормами смежных обязательств, например, о доверительном управлении.

Особое внимание в законодательстве Китая уделяется также регулированию споров посредниками. Подобно Федеральному закону России о медиации существует Закон КНР «О посредничестве». Он регулирует деятельность так называемых согласительных комиссий и народных посредников при урегулировании споров между гражданами и (или) организациями.

В другом государстве смешанной правовой системы – Японии – при регулировании посредничества прослеживается влияние скорее романо-германской правовой семьи. В ней действуют Гражданский кодекс 1898 года и Торговый кодекс 1899 года, несмотря на большое число внесенных в них изменений. Бадаева Н.В. находит сходства в построении Кодексов и немецких Гражданского и Торгового уложений [10, с. 164].

В Японии также посредничество получило широкое распространение как вид коммерческой деятельности, ведущейся профессионально индивидуальными

коммерсантами и компаниями на коммерческой основе. Широкий спектр представителей в Японии предусмотрен Торговым кодексом. Среди них выделяют:

- представительство управляющего;
- представительство директора;
- представительство в случае иска;
- представительство иностранных компаний;
- торговых агентов;
- служащих торговых предприятий.

Последние занимаются представительской деятельностью на основании трудового договора. Они являются отдельными субъектами правового регулирования и отличительной особенностью регулирования посредничества в Японии.

Также стоит отметить, что в международном праве отсутствуют конвенции связанные с международным посредничеством, в которых бы участвовали многие страны. Коммерческая деятельность особенно остро ставит вопрос о защите прав одной из сторон, особенно в межгосударственных правоотношениях. Именно по этим причинам коммерческие предприятия, находящиеся на территории разных государств, стремятся подчинить свой посреднический договор какому-то вненациональному праву, так называемому «Lex mercatoria», а не применить национально право.

Источниками Lex mercatoria, кроме вышеназванных Принципов европейского договорного права, выступают принципы УНИДРУА в редакции 2010 года, Модельные правила европейского частного права и другие. Все эти документы содержат положения, касающиеся условий посреднического договора, положения о видах полномочий представителей, правах и обязанностях посредника и принципала, возможности передавать полномочия посредника. Стригунова Д.П. отмечает, что применение источников Lex mercatoria носит исключительно диспозитивный характер, и использование их норм не может противоречить императивным нормам международного частного права, направленным на регулирование посреднических правоотношений [11, с. 75].

Таким образом, при анализе международного опыта правового регулирования посреднических договоров прослеживаются некоторые отличия правового регулирования посреднических договоров в российском законодательстве.

Во-первых, коммерциализация посредничества заставляет законодателей зарубежных стран больше и больше обращаться к регулированию ответственности посредников (в первую очередь – агентов) перед представляемым, в том числе за действие третьих лиц. В России же это скорее является одной из правовых проблем: нередко в судебной практике встречаются споры между принципалами и агентами за неисполнение обязательств контрагентами по заключенным посредником договорам.

Во-вторых, четко прослеживается и разница в целях правового регулирования. Если зарубежные источники стремятся к более строгому регулированию самого процесса исполнения посреднических договоров, российский законодатель делает упор именно на вопросы его заключения, отражения в договоре его существенных условий и последствий неисполнения посредником своих обязанностей.

При этом институт посредничества требует совершенствования в законодательстве любого современного развитого государства, а кроме того – ещё и на уровне международных правоотношений, к которым в качестве участников привлекаются посредники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Германское гражданское уложение 1896 год. Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения: 01.02.2025 г.)
2. Германское торговое уложение 1889 год / Пер. Л.Л. Брейтфус. — Санкт-Петербург: К.А. Риккер, 1889. // Сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=133290-germaniya._zakony_i_postanovleniya._germanskoe_torgovoe_ulozhenie._spb._1889 (дата обращения: 01.02.2025 г.)
3. Захватаева В.Н. Коммерческий кодекс Франции. пер. с фр., предисл., доп., коммент. и словарь-справ. Москва. - 2008.
4. Серебренникова А.В. Посреднические договоры в законодательной системе зарубежных стран // Colloquium-journal. – 2021. - № 29(116). – С. 60-63.
5. Коноводова М.Р. Особенности заключения и исполнения посреднических договоров в торговле // Аллея науки. - 2020. - Т. 2. - № 1(40). - С. 424-433.
6. Лысенко О.Л. К вопросу о социализации договорного права в Германии // История государства и права. 2018. № 1. С. 13-17.
7. Аносов М.А. Правовое регулирование договоров торгового (коммерческого) посредничества в праве ЕС // Московский журнал международного права. – 2010. № 3. – С. 130-147.
8. Строкова, О. А. Агентский договор в системе посреднических договоров // Актуальные проблемы российского частного права: Материалы III Международной научно-практической конференции, Саранск, 18 сентября 2018 года / Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). – Саранск: Общество с ограниченной ответственностью "ЮрЭксПрактик", 2018. – С. 166-169.
9. Чмелёва Т.А. Особенности регулирования агентских отношений в Китае (сравнительно-правовой аспект) // Пролог: журнал о праве. – 2020. - № 4. – С. 33-38.
10. Бадаева Н.В. Институт права собственности при регулировании инвестиционных отношений в Японии // Проблемы экономики и юридической практики. - 2019. - Т. 15. - № 2. - С. 162-165.
11. Стригунова Д.П. Роль Lex mercatoria в регулировании международных посреднических договоров // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. - № 4/2015. - С. 73-75.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE LEGAL REGULATION OF INTERMEDIARY CONTRACT

Abstract*:* This paper analyzes the legal regulation of intermediary contracts in different countries on the example of Germany, France, USA, Romania, China and Japan. The peculiarities of intermediary contracts, as well as the degree of their legislative enshrinement in different legal systems are considered. Special attention is paid to the issues of intermediaries' liability, their rights and obligations, as well as restrictions on their activities. The author highlights the key differences in approaches to the regulation of mediation and offers recommendations for the improvement of Russian legislation taking into account international experience.
Keywords*:* international law, intermediary contract, brokerage contract, assignment contract, agency contract.

Ukrainskij D.V.
Supervisor: K.D. Khachuk, Associate
Professor of the Department of Civil Law and Procedure.
Donetsk State University
E-mail: bekar.2002@yandex.ru

УДК 347.73

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ВЗЫСКАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГА, А ТАКЖЕ ПЕНЕЙ И ШТРАФОВ ЗА СЧЁТ ИНОГО ИМУЩЕСТВА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА – ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Федин А.А.
Научный руководитель: Сынкова Е.М.., д-р юрид.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

*Аннотация:*В работе проведёнправовой анализ процесса взыскания имущественного налога, а также пеней и штрафов за счёт иного имущества налогоплательщика – юридического лица. В ходе анализа рассматриваются нормативные правовые акты, регулирующие проведение процесса взыскания, а также судебная практика по данному вопросу. Полученные результаты позволяют выявить проблемы, которые возникают в процессе взыскания, и предложить соответствующие меры для их устранения.
*Ключевые слова:*взыскание имущественного налога, пени, штрафы, иное имущество, налогоплательщик, юридическое лицо, судебная практика, права налогоплательщика.

В современном правовом государстве налоги являются одним из основных источников формирования государственного бюджета, который используется для финансирования различных социальных и экономических программ. В связи с этим вопросы, связанные с взысканием налогов, пеней и штрафов за счёт имущества налогоплательщиков, приобретают особую актуальность.

В условиях современных экономических реалий налоговая система играет ключевую роль в обеспечении финансовой стабильности государства и функционирования его экономических механизмов. Эффективное управление налоговыми обязательствами, в частности, связано с адекватным восприятием правовых норм, регулирующих взыскание налоговых задолженностей.

Конституционные гарантии, закрепляющие принцип законности и защиты прав собственности, требуют особого внимания к правовым аспектам налогового контроля и исполнения обязательств. Юридические лица, действующие в условиях конкурентной среды, зачастую сталкиваются с различными рисками, связанными с неисполнением налоговых обязательств, включая возможные последствия в виде начисления пеней, штрафов и обращения взыскания на имущество.

Как определяет Бабушкина С.В., с чьим мнение нельзя не согласиться, налоговая обязанность представляет собой выполнение закрепленной в конституции обязанности уплаты законно установленных налогов и сборов [1, с. 58]. Это первостепенная обязанность налогоплательщика, определяющая другие финансовые обязательства и влияющая на развитие налоговых отношений. Оплата налогов и сборов является сложным процессом, включающим регистрацию в налоговом органе, ведение налогового учета, самостоятельное расчеты налоговой базы и суммы налога, а также перечисление налога в соответствующий бюджет.

Процесс взыскания имущественного налога, пеней и штрафов за счёт иного имущества налогоплательщика – юридического лица – это одна из ключевых составляющих налоговой системы. В рамках налогового права этот процесс включает в себя ряд правовых аспектов, которые необходимо учитывать.

Во-первых, важно понимать, какие процедуры применяются при взыскании налогов, пеней и штрафов. Это может включать в себя различные меры, направленные на обеспечение уплаты задолженности, такие как арест имущества, его оценка и продажа с целью погашения долга.

Во-вторых, необходимо разобраться в основаниях и порядке применения пеней и штрафов. Пени начисляются за каждый день просрочки уплаты налога, а штрафы могут быть наложены за несвоевременную уплату или уклонение от уплаты налогов. Важно понимать, в каких случаях и в каком размере могут быть начислены эти дополнительные платежи.

В-третьих, следует учитывать правовые гарантии, предоставленные налогоплательщикам. Они включают в себя право на обжалование действий налоговых органов, возможность предоставления отсрочки или рассрочки по уплате налогов, а также другие меры, направленные на защиту прав и интересов налогоплательщиков.

Таким образом, процесс взыскания имущественного налога, пеней и штрафов требует тщательного анализа и понимания всех правовых аспектов. Это позволяет обеспечить эффективное функционирование налоговой системы, с одной стороны, и защиту прав налогоплательщиков – с другой.

Итак, процедура принудительного взыскания налоговой задолженности у юридического лица включает последовательные этапы, осуществляемые в рамках внесудебного порядка, как указано в решении Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 8229/10 [6].

Налоговый орган должен предпринять все возможные меры по взысканию задолженности за счет денежных средств в соответствии с положениями статьи 46 Налогового кодекса. В случае невозможности взыскать долг денежными средствами, налоговый орган имеет право обратиться к имуществу налогоплательщика. Такие выводы приведены в решении ФАС Центрального округа от 28.11.2012 № А68-461/2010 [7].

По системному толкованию статей 46 и 47 Налогового кодекса можно сделать вывод, что налоговый орган имеет право взыскать налог с имущества юридического лица при соблюдении следующих условий:

- налогоплательщику предъявлено требование об уплате налога;
- налогоплательщик не выплатил сумму налога в установленный срок;
- налоговым органом принято решение о взыскании налога со счетов налогоплательщика в течение двух месяцев после истечения срока исполнения требования об уплате налога;
- у налогоплательщика отсутствуют достаточные средства на счетах или у налогового органа нет информации о счетах налогоплательщика [3].

Если не будут соблюдены все условия, решение о взыскании на имущество налогоплательщика будет считаться необоснованным. Решение о взыскании налога с имущества налогоплательщика-юридического лица принимается руководителем налогового органа и направляется судебному приставу-исполнителю для исполнения. Решение о взыскании налога за счет имущества налогоплательщика должно быть принято в течение года после истечения срока исполнения, указанного в требовании об уплате налога. Однако это решение не направляется самому налогоплательщику (постановление Девятого ААС от 19.01.2021 № 09АП-71580/20) [4].

В течение трех дней после принятия вышеперечисленного решения, судебному приставу-исполнителю будет выслано постановление о взыскании налога через имущество налогоплательщика. Судебный пристав-исполнитель должен выполнить данное постановление в течение двух месяцев с момента его получения.

Общие правила взаимодействия между налоговыми органами и службами судебных приставов по принудительному исполнению постановлений налоговых органов о взыскании налога через имущество должника – юридического лица ранее были определены в Приказе МНС РФ и Минюста РФ от 25 июля 2000 г. № ВГ3-10/265/215 «Об утверждении Порядка взаимодействия налоговых органов Российской Федерации и служб судебных приставов органов юстиции субъектов Российской Федерации по

принудительному исполнению постановлений налоговых органов и иных исполнительных документов» [8].

При невыполнении установленного срока на рассмотрение заявления об уплате налога (в течение 1 года после истечения срока исполнения требования об уплате налога), взыскание налога за счет имущества будет произведено во внесудебном порядке. Однако, если этот срок был пропущен, налоговый орган может обратиться в суд для взыскания налога в течение 2 лет после истечения срока исполнения требования об уплате налога.

Как отмечает Ильин А.Ю., суд может восстановить пропущенный срок подачи заявления на основании соответствующего ходатайства налогового органа [2, с. 31]. Причины, которые не могут считаться уважительными, подробно перечислены в постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57, включая необходимость согласования с вышестоящим органом, отсутствие представителя налогового органа, кадровые перестановки, смену руководителя, а также другие внутренние организационные причины [5].

Тем не менее, если должник не в состоянии погасить долги перед бюджетом, применение механизма банкротства может быть подходящим решением, так как он позволяет использовать различные инструменты для повышения эффективности взыскания.

Например, налоговые органы оспаривают требования недобросовестных кредиторов, которые основаны на недостоверных документах или несуществующих сделках. Это увеличивает долю налогового органа при распределении конкурсной массы.

Также налоговые органы анализируют сделки должника, совершённые в преддверии банкротства, на предмет их сомнительности и возможности их оспаривания. Если такие сделки удаётся успешно оспорить, имущество возвращается в конкурсную массу.

Кроме того, налоговые органы привлекают недобросовестных руководителей должников к субсидиарной ответственности, а также к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов.

В судебной практике встречаются случаи оспаривания налоговыми органами решений о взыскании налогов и пени за счет имущества налогоплательщика.

Так, в одном деле (Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 3 апреля 2007 г. № КА-А40/2406-07-П) суд установил, что налоговый орган не предпринял все необходимые действия для взыскания задолженности за счет денежных средств на двух расчетных счетах компании. Не запросив информацию о состоянии счетов у банков, а также допустив ошибки при обращении с инкассовым поручением, налоговый орган создал ситуацию, при которой размер задолженности, взыскиваемый за счет имущества, подлежал корректировке [9].

Аналогичная ситуация возникла и в другом деле (Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24.06.2005 №А66-4427-04), где суд признал незаконными действия налогового органа, повторно вынесшего постановление о взыскании налога из-за нарушения приставами правил реализации имущества налогоплательщика. Суд отметил, что такие действия создают угрозу двойного взыскания налога[10].

Также следует отметить, что руководитель, собственники, главный бухгалтер и другие лица, принимавшие важные решения, несут личную финансовую ответственность за долги компании. Если заявление о привлечении к субсидиарной ответственности подается в деле о банкротстве, заявитель должен доказать, что банкротство компании произошло из-за недобросовестных или неразумных действий контролирующих лиц [11, с. 41]. Недобросовестные действия могут включать в себя уклонение от выплаты долгов и потерю бухгалтерской документации, а неразумные действия могут быть связаны, например, с проведением сделок без соблюдения внутренних процедур [12, с.205].

Исходя из вышеизложенного, мы делаем следующие выводы:

1. Прежде всего, стоит отметить, что отсутствие системного и последовательного подхода в проведении мер взыскания может привести к негативным последствиям для налогового органа. В случае, если условия системности и последовательности не будут соблюдены, решение об обращении взыскания на имущество налогоплательщика будет оцениваться как принятое без достаточных оснований. Это означает, что налогоплательщик может оспорить данное решение в судебном порядке, что в свою очередь может привести к дополнительным затратам и времени на рассмотрение дела, а также к возможным репутационным потерям для налогового органа.

2. Важно также обратить внимание на сроки принятия решений. Если налоговый орган принимает решение о взыскании в установленный законом срок, то есть в течение одного года после истечения срока исполнения требования об уплате налога, то процесс взыскания может проходить более гладко и эффективно. В этом случае налоговое взыскание осуществляется во внесудебном порядке, что, как правило, менее затратно и быстрее, чем судебные процедуры. Однако если этот срок не будет соблюден, налоговому органу придется прибегнуть к судебным разбирательствам для взыскания долга, что может занять значительное время и потребовать дополнительных ресурсов.

3. Третий важный вывод касается эффективности мера взыскания. Если налоговые органы сталкиваются с ситуацией, когда взыскание налога с имущества должника оказывается неэффективным, необходимо соблюдать условия системности в дальнейших действиях. В этом случае налоговый орган может обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. Процедура банкротства открывает дополнительные возможности и средства правового воздействия, позволяя налоговым органам на законных основаниях взыскивать задолженность. Банкротство предоставляет возможность продажи активов должника для погашения долгов, что, в конечном итоге, может способствовать пополнению бюджета и решению проблемы неисполнения налоговых обязательств.

Таким образом, системный подход, соблюдение сроков и использование различных правовых механизмов являются ключевыми факторами, которые обеспечивают успешное взыскание налоговых задолженностей и, в целом, стабильность налоговой системы.

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что процесс взыскания имущественного налога, пеней и штрафов за счёт имущества юридического лица регулируется обширной нормативно-правовой базой. Она определяет основания и порядок применения мер по взысканию задолженности, а также устанавливает правовые гарантии для налогоплательщиков.

Тем не менее, несмотря на наличие правовых механизмов, обеспечивающих взыскание налогов, пеней и штрафов, в практике их применения возникают определённые проблемы и противоречия. Для их решения необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Это позволит повысить эффективность взыскания налоговых платежей и обеспечить более высокий уровень защиты прав и законных интересов всех участников налоговых правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкина С.В. Судебная практика разрешения налоговых споров в Российской Федерации: магистерская программа «Корпоративный юрист» / С.В. Бабушкина; науч. рук. О.А. Абакумова; рец. С.В. Горовенко; Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Кафедра трудового права и предпринимательства. – Тюмень. – 2019. – 80 с.
2. Ильин А.Ю. Проблемы применения норм законодательства о налогах и сборах / А.Ю. Ильин // Финансовое право. – 2017. – № 12. – С. 29–31.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 259-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения:01.02.2025).
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2021 № 09АП-71580/2021 по делу № А40-300107/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2171469#30X6dRUohoDclxJM2 (дата обращения:01.02.2025).
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151174/ (дата обращения:01.02.2025).
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 8229/10 по делу № А60-38923/2009-С6 «Заявление об отмене требования налогового органа в части предложения уплатить пени, начисленные на недоимку по налогу на имущество и земельному налогу, частично удовлетворено, так как налоговым органом был пропущен срок на принятие решения об обращении взыскания за счет имущества налогоплательщика; пени не могут служить способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налога, возможность взыскания которого утрачена» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=193566#NpJ5dRUEHp98e9TH(дата обращения:01.02.2025).
7. Постановление ФАС Центрального округа от 28.11.2012 по делу № А68-461/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=74687#ohv5dRUSWPINrymX1(дата обращения:01.02.2025).
8. Приказ МНС РФ № ВГ-3-10/265, Минюста РФ № 215 от 25.07.2000 (ред. от 13.11.2003) «Об утверждении Порядка взаимодействия налоговых органов Российской Федерации и служб судебных приставов органов юстиции субъектов Российской Федерации по принудительному исполнению постановлений налоговых органов и иных исполнительных документов» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 18.08.2000 № 2362) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28396/(дата обращения:01.02.2025).
9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 3 апреля 2007 г. № КА-А40/2406-07-П[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/33024298/ (дата обращения: 01.02.2025).
10. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 июня 2005 г. № А66-4427-04[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/5350981/(дата обращения: 01.02.2025).
11. Толчеев Н.К. Судебное оспаривание актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами / Н.К. Толчеев // Судья. – 2018. – № 1. – С. 38–42.
12.Сынкова, Е. М. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения / Е. М. Сынкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2024. – № 4. – С. 205-213.

LEGAL ANALYSIS OF THE PROCESS OF RECOVERY OF PROPERTY TAX, AS WELL AS PENALTIES AND FINES AT THE EXPENSE OF OTHER PROPERTY OF A TAXPAYER – LEGAL ENTITY

Abstract: The paper analyses the legal analysis of the process of recovery of property tax, as well as penalties and fines at the expense of other property of a taxpayer – legal entity. In the course of the analysis the normative legal acts regulating the process of collection, as well as judicial practice on this issue are considered. The obtained results allow to identify problems that arise in the process of recovery and to propose appropriate measures for their elimination.
Keywords:collection of property tax, penalties, fines, other property, taxpayer, legal entity, judicial practice, taxpayer's rights.

Fedin A.A.
Scientific adviser: Synkova E.M.,doctor of law, professor Donetsk State University

УДК 343.4:614.253.89

ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ДОНОРСТВ И ТРАНСПЛАНТАЦИИ КЛЕТОК, ТКАНЕЙ И ОРГАНОВ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Филин М.В.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е., канд.юрид.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В работе обсуждаются случаи незаконного донорства, проблемы трансплантационного туризма и необходимость усиления правовых мер для защиты доноров и реципиентов. Основное внимание уделяется вопросам правового регулирования, этическим аспектам и международным стандартам в области трансплантологии. Статья будет полезна юристам, медицинским работникам, исследователям и всем, кто интересуется вопросами правового регулирования в сфере трансплантологии и борьбы с незаконным донорством.
Ключевые слова: донорство органов, трансплантация органов, чёрный рынок органов, нелегальный оборот донорского материала, ответственность за изъятие органов.

На сегодняшний день самой главной проблемой, которая постепенно разрешается – является переходный период на территории Донецкой Народной Республики, которая в сентябре 2022 года вошла в состав Российской Федерации в качестве субъекта.

Не смотря на похожее правовое поле, которое существовало на территории ДНР, ряд вопросов оставался не разрешенным и при переходе под действие законодательства РФ данные проблемы «всплыли».

В Российской Федерации к вопросу трансплантации и донорства подходили серьёзнее, чтобы искоренить возможность коррупции и незаконных действий. Профилактика преступлений в данной области проходила на должном уровне и достигла момента, когда врачи сами отказываются от взяток и «мутных» схем, так как на сегодняшний день им выгоднее (как финансово, так и социально) вести законный образ жизни, чем соглашаться «подвинуть» пациента в листе ожидания или пересадить орган, добытый незаконным путем.

Из-за военных действий на территории Донецкой Народной Республике было достаточно распространено количество нелегальных пересадок. Пообщавшись с разными людьми (полевые врачи, работники правоохранительных органов и иные лица), которые пожелали остаться анонимными удалось выяснить, что именно на Донбассе нашел свое процветание черный рынок органов.

Связано это с тем, что на поле боя солдаты получают огромное количество ранений и иногда, чтобы спасти их необходимо проводить срочные операции по пересадке. Тут на помощь приходят сослуживцы и полевые врачи, которые не смотря на наличие определённых запретов в законодательстве соглашаются и проводят подобные операции с целью спасти жизнь боевому товарищу.

В практике встречаются и иные ситуации: с поля боя могут привезти трупы солдат уже без некоторых органов. Это может происходить из-за того, что не всегда солдат забирают сразу же после их смерти. Некоторые трупы могут пролежать от нескольких часов до нескольких недель. Именно в такие моменты могут орудовать собиратели органов, так как из-за обстановки за ними просто не кому и некогда следить.

Бывают и иные случаи – когда родственники погибших изъявляют желание или согласие на трансплантацию органов умершего нуждающимся.

Данные нюансы не придаются огласке, так как являются незаконными и в случае наличия достаточного количества доказательств, понесут за собой уголовное наказание. Однако, с другой стороны, подобные действия (не всегда, конечно) позволяют спасти

множество жизней, в том числе солдат и позволить им двигаться дальше, в том числе – продолжать защищать Родину.

Существует предположение, что часть пропавших без вести людей становятся жертвами криминальной трансплантологии. Ежегодно Министерство внутренних дел России объявляет в розыск 100 тысяч человек. По статистике, 7,4% из них становятся жертвами убийц, и многих так и не находят. Это вызывает серьезные опасения относительно масштабов и характера преступлений в данной сфере.

Нелегальный рынок трансплантатов тесно связан с торговлей людьми. Этот рынок включает в себя перевозку нелегальных иммигрантов, наемную силу для рабских условий труда, домашнюю прислугу из развивающихся стран и детей для незаконного усыновления за огромные суммы. Все эти действия создают условия для эксплуатации людей и их последующего использования в криминальных целях.

Одной из часто встречающихся форм торговли людьми является вербовка молодых девушек для работы за границей, которую работодатели представляют в самом привлекательном свете. Однако по прибытии на «место работы» девушки оказываются в притонах тюремного типа, где их избивают и, используя наркотики, принуждают к удовлетворению половых потребностей в извращенной форме. После жестокой сексуальной эксплуатации в притонах женщин часто перепродают преступным группировкам, занимающимся трансплантацией внутренних органов [1].

Преступления в сфере трансплантологии часто связаны с организованной преступностью. Преступные группировки координируют действия по вербовке жертв, их транспортировке, эксплуатации и последующей продаже органов. Эти группировки обладают разветвленной сетью, включающей врачей, посредников и охранников, что делает их деятельность трудноуловимой и опасной [2].

Что касается образования врачей, то на сегодняшний день разработаны и продолжают разрабатываться программы обучения медицинского персонала работать по нормам российского законодательства. Необходимо продолжать работать по данному направлению. Например, продолжать проводить совместные с российскими врачами операции, проводить семинары для медиков, уточнять нюансы работы в мирное время и корректировать их под реалии военного времени.

Что касается образования сотрудников в правоохранительных органах, то считаю необходимым в следственные органы внедрить следователей по медицинским делам (на сегодняшний день специализация профессии следователя подразделяется на ведение уголовных дел, расследование экономических преступлений и налоговых махинаций, ведение дел, связанных с защитой интеллектуальной собственности и авторского права, преступления в сфере высоких технологий, на ведение по делам несовершеннолетних, по транспортным преступлениям, по наркотикам и т.д.).

Следователи по медицинским делам смогут расследователь преступления не только в сфере донорства и трансплантологии, но и, например по делам с незаконным прерыванием беременности, по лечению больных неподходящими для них медицинскими препаратами и т.д. для развития и внедрения данной идее необходимо в первую очередь развивать медицинское право в России. Для этого необходимо:

- популяризировать медицинское право среди медиков и юристов (и студентов данных сфер);

- медикам совместно с правоведами создавать и внедрять юридические медицинские пособия;

- преподавать медицинское право не только в ведущих ВУЗах России, но распространять данную образовательную программу в регионах, путем направления выпускников аспирантов (получивших ученую степень кандидата медицинско-правовых наук) данных направлений на обязательное преподавание в регионах;

После увеличения преподавателей медицинского права, наступит этап внедрения следователей по медицинским делам. Данное действие необходимо также проводить в два этапа. Первый – обучать действующих следователей (не всех, а необходимое количество), желательно со значительным опытом работы в органах следствия, медицинскому праву и совместно с судмедэкспертами применять полученные знания на практике. Вторым этапом будет закрепление молодых следователей по медицинским делам, за уже действующими. Таким образом, придём к тому, что судмедэксперт в качестве научного наставника будет затрагиваться минимально и сможет более качественно выполнять свои прямые обязанности.

Для повышения количества доноров среди населения, что на сегодняшний день особенно актуально, так как те же солдаты на передовых теряют литры крови, можно обратиться к опыту зарубежных стран (например Германии) и ввести небольшое денежное поощрение. Необходимо подчеркнуть, что денежное вознаграждение должны быть небольшим с целью сохранения работы действия Руководящего принципа ВОЗ №5, прописывающего нормы, запрещающие продажу тканей и органов, а также запрещающий выплату вознаграждений живым донорам. Иным вариантом привлечения граждан может стать розыгрыш сертификатов на получение ценных призов (например, сертификат на безвозмездное пользование электроэнергией в течении одного месяца). Также возможна выдача кубков (как в Японии) за определенное количество донаций (например, бронзовый кубок за 30 донаций, серебряный - за 50 и золотой – за 100).

В Израиле предусмотрено гематологическое страхование, которое распространяется не только на самого донора, но и на его ближайших родственников. Подобное можно ввести и в Российской Федерации.

Также интересна система наград доноров в Чехии. За определенное количество донаций донору присуждается знак «капля крови», либо бронзовая, серебряная или золотая медаль. Награждение данными медалями проходит в официальной обстановке раз в год и проводится Красным крестом.

Кроме того, в настоящее время международные организации занимаются вопросами этического, социально-экономического и юридического характера в области донорства и трансплантологии. Эти вопросы возникают из-за отсутствия единого международного акта, который регулировал бы все аспекты практической трансплантологии. [3].

Что касается улучшения нормативной базы Российской Федерации, то необходимо рассмотреть нижеприведённую информацию.

По заключениям российских исследователей, правовая система «Росправосудие» Верховного Суда РФ не включает приговоры по уголовным делам, связанным с преступлениями в сфере трансплантологии. [4]. Считаю необходим добавить данные приговоры в систему, что позволит использовать их сотрудниками правоохранительных органов для получения процессуального опыта в данной области.

В Кодексе административных правонарушений РФ отсутствует административная ответственность за незаконные действия, связанные с оказанием хирургических медицинских услуг по трансплантации человеческих органов и тканей. Также в КоАП РФ не предусмотрена административная ответственность для юридических лиц за нарушение законодательных норм, регулирующих процедуры трансплантации.

В дальнейшем необходимо на основе специально проведенного исследования изучить возможности привлечения медицинского персонала к уголовной ответственности, который занимается незаконной деятельностью в сфере трансплантации, в том числе и должностных лиц, способствующих совершению указанных противоправных деяний. И с учетом высокой общественной опасности рассматриваемых деяний квалифицировать их как особо тяжкие, посягающие на жизнь и здоровье человека.

Кроме того, необходимо вводить новые более эффективнее составы, которые будут служить основанием уголовной ответственности, например за:

• совершение противоправных деяний, нарушающих установленный законом порядок трансплантации;

• несанкционированную продажу человеческого биологического материала;

• участие в деятельности транснациональных организаций, занимающихся незаконной трансплантацией органов;

• нелегальный оборот донорского материала, изъятого в большем количестве, чем было разрешено донором;

• изъятие донорского материала у трупа.

В.М. Тринчук справедливо замечает, что одним из ключевых факторов, способствующих преступлениям в сфере трансплантологии, является финансовая мотивация. Врачи, принимая профессиональные решения, часто руководствуются не клятвой Гиппократа, а суммой, которую они могут заработать на трансплантации органов. Это создает условия для злоупотреблений и коррупции в медицинской среде.

Медики часто скрывают подлинную информацию, предоставляя лишь специализированные данные, насыщенные терминами, которые создают у интересующихся ощущение некомпетентности. Это позволяет им сохранять тайну в вопросах, где это абсолютно недопустимо. Подлинная информация остается для “внутреннего пользования”, что затрудняет контроль и расследование преступлений.

Исходя из вышеизложенного необходимо вводить уголовную ответственность за участие в организации международной деятельности, связанной с незаконными изъятием и пересадкой органов и тканей человека [5].

Чтобы решить проблему нехватки донорского материала, в Федеральном законе от 22.12.1992 № 4180-1-ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» необходимо закрепить права пациентов, нуждающихся в трансплантационных операциях, на обязательный доступ к федеральным трансплантационным программам. Также важно развивать юридические гарантии предотвращения любых противоправных действий, включая коррупцию, связанные с процессом получения донорских органов. [6].

Помимо прочего, можно обратиться к опыту Грузии и добавить в статью 120 Уголовного кодекса Российской Федерации наказание за изъятие органов, частей органов или тканей человека для лечения, пересадки, экспериментов или изготовления лечебных препаратов вопреки воле лица.

Качественной основой для усовершенствования УК РФ может послужить Уголовный кодекс Франции, а именно рассматриваемая ранее Глава I Книги Пятой. Так, в УК РФ можно внести наказание за:

• распространение идеи евгеники и ее реализацию на территории РФ;

• получение клеток, тканей и (или) органов человека на условиях оплаты;

• изъятие клеток, тканей и (или) органов у несовершеннолетнего при отсутствии согласия на данную процедуру;

• сбор или изъятие гамет человека, без его согласия;

• получение гамет на условиях оплаты;

• дарение клеток, тканей и органов человека незаконным путём (процедуру дарения в данной области необходимо отдельно урегулировать, что позволит родственникам дарить свои клетки, ткани и органы друг другу, однако необходимо данную процедуру закрепить на законодательном уровне и прописать все необходимые моменты ее законного осуществления);

• приобретение человеческих эмбрионов на условиях оплаты;

• изучение эмбриона или экспериментирование над ним в обход законодательства в сфере здравоохранения;

• за пересадку эмбрионов без выяснения возможности безопасности проведения данной операции как для эмбриона, так и для его носителя.

Также в УК РФ необходимо внести ответственность за изъятие органов без надлежащего разъяснения данной операции и её возможных последствий (использовать опыт Германии). Возможно необходимо рассмотреть об осуществлении трансплантаций исключительно квалифицированными в данной области врачами. С одной стороны, введение наказания за нарушение данной нормы позволит сократить количество проведения операций хирургами без узкоспециальных знаний, что позволит сократить операции ради «денежной наживы» и увеличит процент безопасности подобных операций. С обратной стороны, введение данной нормы может повлечь количество смертей среди больных, так как нуждающиеся в пересадке люди будут чаще не дожидаться своей очереди на проведение операции, а данного можно избежать, если позволить в экстренных случаях проводить операции опытным хирургам, пусть и без узкоспециальной квалификации.

Необходимо обратиться к опыту КНР и отдельно прописать в УК РФ наказание за организацию продажи человеческих органов. Также необходимо ввести запрет на въезд в страну лиц, замешанных в незаконной торговле органами.

Таким образом, в РФ проводится активная работа борьбы с незаконными донорством и трансплантацией клеток, тканей и органов человека, однако многие моменты по-прежнему нуждаются в доработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фабрика Т.А. Криминологические особенности незаконного изъятия или использования органов и (или) тканей потерпевшего для трансплантации / Журнал «Вестник Самарского юридического института», 2011. – с. 84-86.
2. Конференция участников Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 19.04.2024. Торговля людьми с целью извлечения органов и связанные с ней деяния Справочный документ, подготовленный Секретариатом // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/treaties/WG_TIP_2024/2/CTOC_COP_WG.4_2024_2_R.pdf Загл. с экрана
3. Таова Л.Ю., Геляхова Л.А. К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА / Журнал «Социально-политические науки», 2020. – с. 138-142.
4. Попова Т.В., Сергеев А Б. Преступная деятельность при оказании медицинской помощи по профилю хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека: правовой и виктимологический аспекты) // Виктимология. 2018. № 1(15).
5. Кобец П.Н. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА, И МЕРЫ ПО ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ / Журнал «Вестник Краснодарского университета МВД России», 2021. – с. 26-31.
6. Кобец П.Н. Совершенствование законодательных мер по противодействию противоправным деяниям в сфере трансплантологии / Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. - с. 83 – 89.

SOLUTIONS TO CURRENT PROBLEMATIC LEGAL ISSUES IN THE FIELD OF ILLEGAL DONATION AND TRANSPLANTATION OF HUMAN CELLS, TISSUES AND ORGANS BASED ON THE ANALYSIS OF CURRENT LEGISLATION AND EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation: The paper discusses cases of illegal donation, problems of transplant tourism and the need to strengthen legal measures to protect donors and recipients. The main focus is on legal regulation, ethical aspects and international standards in the field of transplantation. The article will be useful for lawyers, medical professionals, researchers and anyone who is interested in issues of legal regulation in the field of transplantation and the fight against illegal donation.
Keywords: organ donation, organ transplantation, black organ market, illegal trafficking of donor material, responsibility for organ removal.

Filin M.V.
Scientific adviser: Manivlets E.E., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk State University

УДК 343.58 : 343.953

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, ЖЕСТОКО ОБРАЩАЮЩИХСЯ С ЖИВОТНЫМИ

Фокина Е.М.
Научный руководитель: Глизнуца А.В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная статья посвящена криминологической характеристике лиц, жестоко обращающихся с животными. Проанализированы личностные, социальные и психологические факторы, способствующие формированию такого поведения. Рассмотрены проблемы и перспективы дальнейшего исследования данного феномена, а также его связь с другими видами девиантного поведения и потенциальной опасностью для общества.
Ключевые слова: животные, жестокое обращение с животными, личность преступника, предупреждение преступлений, отношение к животным.

Жестокое обращение с животными – явление, вызывающее глубокую обеспокоенность и требующее пристального криминологического анализа. Это не просто проявление антисоциального поведения, а часто индикатор наличия серьезных личностных проблем, которые могут привести к более тяжким преступлениям.

Данное поведение, зачастую маскируемое под «шуткой» или «развлечением», является явлением, которое может служить индикатором наличия у лица серьезных проблем, потенциально способных привести к более тяжким преступлениям.

В криминологической науке особое внимание уделяется изучению личности преступника. Это связано с необходимостью анализа причин и факторов, которые приводят к социально негативным отклонениям. Сложность изучения этого феномена заключается в том, что личность является частью общества и формируется под влиянием исторических и социальных процессов [1, с. 91].

Согласно статистическим данным, число случаев жестокого обращения с животными, зарегистрированных МВД, в 2022 году выросло на 5.3% [2]. В 2021 году преступления, предусмотренные статьей 245 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], составили 673 случая, в 2022 году их уже насчитывалось 709 [4].

Лица, склонные к жестокому обращению с братьями нашими меньшими, демонстрируют ряд характерных черт, которые могут быть связаны с личностными особенностями, неблагоприятной социальной средой и психологическими проблемами.

Сегодня на первый план выходит озабоченность из-за всё более заметных признаков разрушительного поведения среди молодёжи и взрослых. Эти тенденции включают в себя изменение форм деструктивного поведения: агрессивное и жестокое поведение трансформируется в кибер-агрессию и буллинг, а также расширение спектра деструктивных действий, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей и считались социально приемлемыми из-за недостаточной осведомлённости о их негативных последствиях, включая ролевое поведение жертвы и самопозиционирование как жертвы.

Согласно Андронниковой О.О., виктимность – это совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования человека, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья. Виктимное поведение – отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений личности [5, с. 234].

Статистические данные позволяют проанализировать и выявить феноменологические и сущностные признаки личности, склонной к жестокому

обращению с животными, а также лиц, совершающих преступления в этой области. Эти данные показывают следующее:

- среди преступников мужчин значительно больше, чем женщин. Это можно объяснить генетической предрасположенностью (мужчины менее сентиментальны), а также физиологическими особенностями и социальными ролями;

- возрастные характеристики преступников позволяют сделать выводы о криминогенной активности и особенностях поведения представителей разных возрастных групп [6, с. 140].

Молодые люди по большей части из-за своих психологических характеристик, агрессивного и импульсивного характера совершают более жестокие преступления, чем лица старшего возраста, которые, как правило, менее эмоциональны, а их поступки более обдуманны. Лица старшего возраста чаще могут оценить возможные последствия.

Ключевым аспектом является психологическая деформация, которая проявляется в искажении мыслительных процессов. Люди, склонные к жестокости по отношению к животным, часто демонстрируют недостаток эмпатии, что указывает на нарушения в эмоциональной стабильности и неспособность испытывать сочувствие. Они также обладают аморальными убеждениями, что отражает неправильные моральные ориентиры и отсутствие чувства угрызений совести. Их мировоззрение искажено, характеризуется преобладанием агрессивных настроений и неспособностью осознавать ценность жизни. Эти люди не способны сопереживать, понимать и принимать чувства других, включая чувства животных, что связано с недостатком эмоционального интеллекта и отсутствием когнитивной эмпатии. Такое состояние может быть результатом раннего травмирующего воздействия, которое нарушило нормальное развитие личности, некорректного воспитания, где было поощряемо насилие и агрессивность, или же отсутствия положительных примеров поведения, когда жестокость считается нормой или способом решения проблем.

Неспособность построить устойчивые социальные связи, трудность в общении, которая ведет к одиночеству и формированию пессимистического взгляда на мир, обостренного внутренними противоречиями и ощущением беспомощности – все это может привести к развитию агрессивных настроений. Такие настроения зачастую выливаются в жестокость по отношению к более уязвимым индивидам, которые не могут защитить себя. Для таких людей жестокость становится инструментом воплощения власти и доминирования [7].

Мирошниченко В.С., характеризуя личность преступника, совершающего жестокое обращение с животными, указывает «на низкий уровень правового сознания отдельных категорий населения, правовой нигилизм, безнаказанность за ранее совершенные насильственные действия, получение удовольствия от увиденного акта жестокости, вымещение на животном социальной агрессии, стремление к материальному обогащению за счет использования животного, доступность, слабость животного; отягощенность алкоголизмом, нервно-психическими заболеваниями отдельных групп населения и др.» [8].

Социальные факторы оказывают существенное влияние на развитие жестокого обращения с животными, выступая важнейшими его детерминантами. Неблагоприятная социальная среда, включающая в себя дисфункциональные семейные отношения, эпизоды насилия в семье, эмоциональную депривацию в детстве, недостаток родительского контроля и поддержки, социальную изоляцию, низкий уровень образования и криминальную среду, способна создать условия, благоприятствующие формированию жестокого обращения с животными [9].

Отсутствие социально-позитивных ролей, лишающее человека ощущения своей ценности и значимости, низкая адаптивность к социальным нормам, приводящая к несоблюдению правил поведения, отсутствие навыков коммуникации, которые

необходимы для построения взаимоотношений, и конструктивного решения конфликтов, что порождает насильственные способы выражения эмоций, часто обнаруживаются у этих лиц.

Отсутствие чувства ответственности, связанное с дефицитом воспитания, и морали, как следствие негативного социального влияния, также могут приводить к жестокому обращению с животными, когда эти животные становятся объектом для проявления накопленной агрессии.

Примером может статьи ситуация, которая произошла недавно. Женщина, злоупотребляющая алкоголем, на морском побережье в Холмском районе Сахалина бросила умирать щенка. Знакомые слышали, как она просила своего сожителя замотать псу пасть, что бы тот не лаял [10].

Именно в состоянии алкогольного опьянения люди позволяют себе жестоко обращаться с животными. Зачастую, такое поведение идет с подросткового возраста: кто в молодом возрасте издевался над животными, то в дальнейшем, будучи взрослыми, совершают и другие преступления, в том числе по отношению к людям.

Психологические особенности играют существенную роль в проявлении жестокости по отношению к животным, являясь важным звеном в цепи причинно-следственных связей. Низкая самооценка, заставляющая искать способы самоутверждения за счет унижения других, потребность в доминировании, являющаяся компенсацией собственной неполноценности и уязвимости, неумение управлять своими эмоциями и импульсами, что проявляется в неконтролируемых вспышках агрессии, чувство тревоги, страха или бессилия, что приводит к проецированию негативных эмоций на более слабые объекты, – все эти факторы могут выражаться в агрессивном поведении, направленном на животных, воспринимаемых как более слабые и неспособные дать отпор [11].

Нарушения личности, такие как антисоциальная личность, характеризующаяся полным пренебрежением к социальным нормам, нарушением прав других и отсутствием чувства вины, психопатия, отличающаяся отсутствием эмпатии и сострадания, а также садизмом и склонностью к жестокости, или различные формы тревожных состояний, которые приводят к повышенной раздражительности и неадекватной реакции на стрессовые ситуации, могут быть не только следствием, но и причиной подобного поведения, создавая психологическую предрасположенность к жестокости.

Клинический психолог Николай Баранов условно делит людей, позволяющих себе жестокое обращение с животными, на два типа. Первый – это люди с психическими отклонениями. Они осознанно, целенаправленно убивают животных или издеваются над ними, причем делают это регулярно. Таких людей можно сравнить с маньяками. Во втором случае люди позволяют себе жестоко обращаться с четвероногими, но это происходит нерегулярно, а моментами. В таком случае говорить о психическом расстройстве нельзя [12].

Данный случай жестоко обращения с животными не единичный. Так, в Кунгуре молодая женщина, будучи пьяной, издевалась над котом на глазах у детей, животное погибло от смертельных ударов. В этом же городе Прикамья 34-летний мужчина выбросил с пятого этажа кота и щенка, последний погиб от падения. Всё это опять же происходило на глазах у детей, мужчина был пьян и объяснил свою жестокость тем, что был обижен на подругу – она же впоследствии написала на него заявление. В марте прошлого года в лесу на Гайве нашли останки маленького щенка – ему отрубили лапы и уши, выкололи глаз. А в Нытвенском районе лапу псу отрубил его же хозяин. Собаку забрали в приют, дали имя Лакки, но спасти его не удалось. В сентябре 2023 года на берегу реки Ласьвы под Краснокамском нашли утопленного кота в переноске, перевязанной веревкой. Кто выкинул кота в реку, неизвестно.

Правовое регулирование, безусловно, имеет решающее значение. Строгие законы, предусматривающие реальные наказания за жестокое обращение, являются необходимым условием для предотвращения этой практики. Важно не только установить санкции, но и обеспечить их эффективное применение. Также необходимо разработать систему быстрого и справедливого расследования случаев жестокого обращения с животными.

Кроме того, нужно улучшать систему защиты животных, создавать эффективные механизмы для оперативного реагирования на сообщения о жестоком обращении. При этом необходимо обеспечить конфиденциальность и безопасность пострадавших животных и свидетелей.

Актуальной остаётся задача повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, работающих с делами о жестоком обращении с животными. Для этого можно использовать специализированные образовательные программы.

Проблема жестокого обращения с животными имеет не только этический аспект, но и социальный. Отсутствие заботы и контроля в семье, низкий уровень образования, изоляция от общества – всё это способствует тому, что люди могут проявлять жестокость по отношению к животным.

Для решения этой проблемы необходимо активно привлекать общество. Нужно проводить информационные кампании, которые будут формировать ответственность и сострадание. Важно поддерживать организации, которые занимаются защитой животных. Им нужно предоставлять ресурсы и площадки для пропаганды гуманного отношения к животным.

Образовательные программы в школах и других учебных заведениях, посвящённые этике и правам животных, – это важный инструмент для воспитания будущих поколений, которые не будут применять насилие. Также важно создать условия для доступного и качественного ветеринарного обслуживания.

Образовательная составляющая также является критически важной. Формирование гуманного отношения к животным должно начинаться с раннего возраста. Регулярная пропаганда ценности животных, их роли в экосистеме, развитие эмпатии и сочувствия – все это должно стать частью образовательного процесса.

Психологический аспект проблемы жестокого обращения с животными имеет большое значение. Нередко жестокость по отношению к животным может быть связана с более глубокими психологическими проблемами, такими как низкая самооценка, потребность в контроле или трудности с эмоциональной регуляцией.

Создание системы психологической поддержки и помощи для людей, склонных к жестокости, может помочь предотвратить рецидивы и оказать помощь в решении внутренних проблем. Работа с жертвами насилия, включая тех, кто столкнулся с жестокостью, направлена на восстановление их эмоционального состояния и предотвращение повторения травмирующих ситуаций.

В заключение, решение проблемы жестокого обращения с животными требует комплексного подхода, объединяющего правовые механизмы, социальные инициативы, образовательные программы и психологическую поддержку. Только совместными усилиями общества, государства и организаций можно создать обстановку, в которой уважение и забота о животных будут основополагающими принципами, а жестокость по отношению к ним станет явлением прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отбоева Р.Р. Криминологический анализ лиц, осужденных за жестокое обращение с животными // Юристъ – Правоведъ. – 2021. – №3 (98). – С. 91-94.

2. В МВД сообщили о росте числа случаев жестокого обращения с животными // Сайт «Известия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1470265/2023-02-15/v-mvd-soobshchili-o-roste-chisla-sluchaev-zhestokogo-obrashcheniia-s-zhivotnymi (дата обращения: 14.01.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.
4. В России выросло число зарегистрированных случаев жестокого обращения с животными, но статьи УК еще редко пользуются // Сайт «Урал56.Ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ural56.ru/news/691130/?ysclid=m5w5g1e5wo863458882 (дата обращения: 14.01.2025).
5. Яценко Т.Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – №3 (43). – С. 233-241.
6. Мальцева Я.И. Криминологическая характеристика личности преступника, жестоко обращающегося с животными // Молодой ученый. – 2024. – №42 (541). – С. 140-141.
7. Таусинова О.К. Влияние насилия в семье на психологическое развитие подростков // Молодой ученый. – 2016. – №4 (108). – С. 708-712.
8. Мирошниченко В.С. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореферат дис. … кандидата юридический наук: 12.00.08 / Мирошниченко В.С. – М., 2013. – 29 с.
9. Макеева А.С. Социально-нравственные предпосылки уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Молодой ученый. – 2020. – №3 (293). – С. 198-201.
10. «Какие твари»: щенка со связанными лапами бросили умирать на морском побережье на Сахалине // Сайт «АСТВ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://astv.ru/news/criminal/2025-01-14-kakie-tvari-shenka-so-svyazannymi-lapami-brosili-umirat-na-morskom-poberezh-e-na-sahaline (дата обращения: 14.01.2025).
11. Волкова И.В. Отношение к животным и буллинг у подростков // Социальная психология и общество. – 2021. – №2. – Т. 12. – С. 183-196.
12. Откуда берется жестокость к животным и что делать, если близкий издевается над четвероногим? Отвечает пермский психолог // Сайт «59.RU» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://59.ru/text/animals/2024/02/03/73184849/ (дата обращения: 14.01.2025).

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE WHO ABUSE ANIMALS

Annotation. This article is devoted to the criminological characteristics of people who abuse animals. The personal, social and psychological factors contributing to the formation of such behavior are analyzed. The problems and prospects of further research of this phenomenon, as well as its connection with other types of deviant behavior and potential danger to society are considered.
Keywords: animals, animal cruelty, identity of the perpetrator, crime prevention, attitude towards animals.

Fokina E.M.
Scientific adviser: Gliznutsa A.V., Senior Lecturer
Donetsk State University

УДК: 341.231.14

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Харченко В. В.
Научный руководитель: Кулакова Е.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: статья посвящена определению правовой природы международных стандартов прав человека. На основе анализа основных нормативных актов и научных материалов рассматривается понятие международных стандартов прав человека, различные подходы к определению их правовой природы, делается вывод о том, какой подход представляется наиболее применимым. В статье также рассматриваются основные универсальные и региональные стандарты в области защиты прав человека и характеризуется их влияние на правовую систему Российской Федерации.
Ключевые слова: международные стандарты прав человека, международное право, Всеобщая декларация прав человека, универсальные и региональные стандарты прав человека.

Прежде, чем приступить к рассмотрению правовой природы такой категории международного права, как стандарты прав человека, необходимо определить значение слова "стандарт". Данный факт обусловлен тем, что на сегодняшний день в международном праве не существует легального определения стандартов прав человека, а значит, формулирование данного понятия остается прерогативой исследователей-юристов. Поэтому, возвращаясь к значению слова стандарт, необходимо обратиться к его происхождению. Согласно Большой советской энциклопедии, слово "стандарт" происходит от английского слова «standard» (норма, образец, мера) и в широком смысле слова означает образец, эталон, модель, взятые в качестве исходных для сравнения с ними других объектов[1]. Таким образом, исходя из этого краткого определения, можно сделать промежуточный вывод о том, что стандартом в контексте прав человека можно считать некий общепризнанный идеал, от которого необходимо отталкиваться при международном и национальном регулировании отношений в области прав человека.

Как отмечают исследователи, суть термина «международные стандарты» была сформулирована в пунктах 1-3 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года[2] Из них следует, что цель международных стандартов – изложить на основе признаваемых всеми достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных систем в настоящее время то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точки зрения в области прав человека. Поскольку правовые, социальные, экономические и иные условия в разных странах мира различны, «не все правила могут применяться универсально и одновременно»[3]. Однако они должны вызывать постоянное стремление к преодолению практических трудностей, которые стоят на пути их осуществления, поскольку в целом они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми. То есть, согласно данному правовому акту, стандарты преподносятся как нормативный минимум, определяющий уровень государственного регулирования с допустимыми отклонениями в конкретном государстве в виде его превышения или конкретизации.

Существует несколько основных подходов к определению юридической природы международных стандартов в области прав человека. А. Зыбайло выделяет следующие:

1. Стандарты прав человека рассматриваются как нормы международного права или тождественны им. Суть этого подхода заключается в том, что международный стандарт является результатом толкования нормы международного права, закрепленной в международном договоре, и призван способствовать реализации смысла, заложенного в этой норме;

2. Стандарты определяются как правила, модели поведения, образцы, т.е. рассматриваются как общие правила, единые требования к определенным нормативным базам и правоприменительной практике в международном масштабе;

3. Стандарт определяется как набор прав и свобод.[4]

Наиболее оптимальным подходом к определению правовой природы международных стандартов в области прав человека представляется сочетание 2 и 3 из приведенных выше мнений. Поскольку, как мы уже выяснили, стандарт предстает как некий общепризнанный идеал, модель, соответственно, он должен сочетать в себе наличие обширного перечня прав и свобод (т.е. по сути, это должен быть набор прав и свобод), представляющих собой общие требования к государствам, присоединяющимся к различным международным договорам по правам человека. В свою очередь, отождествление стандартов прав человека с нормами права представляется не совсем верным, поскольку стандарты представляются более широким понятием, чем нормы права.

Касательно развития научных представлений о стандартах прав человека стоит отметить следующее. Бурное развитие идей о защите прав и свобод человека в рамках международного права пришлось на период после Второй мировой войны, последствия которой подчеркнули необходимость гуманизации общества, что, в свою очередь, нашло отражение в принятии Всеобщей декларации прав человека в 1948 году[5].

Балашенко С.А. по этому поводу пишет, что в первую очередь усилия государств были направлены на выработку неких общих стандартов прав человека и основных свобод, чтобы государства могли руководствоваться ими в своем внутреннем правопорядке, поскольку содействие «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод» является одним из условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между государствами[6] (ст. 55 Устава ООН[7]).

Первым таким актом стала Всеобщая декларация прав человека[8], принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (с тех пор эта дата отмечается как День прав человека в странах-членах ООН). Всеобщая декларация была первой попыткой мирового сообщества согласовать в едином документе всеобъемлющий перечень прав человека. Она была сформулирована «как цель, к выполнению которой должны стремиться все народы и все нации». Всеобщая декларация стала первой попыткой согласовать в едином документе всеобъемлющий перечень прав человека.

Стоит подчеркнуть, что в этой декларации впервые были закреплены основополагающие принципы прав человека: универсальность (в предметной и территориальной сфере) и недискриминация. Как отмечает ООН на своем официальном сайте, декларация, принятая в 1948 году, стала основой, на которой базируется значительное количество юридически обязывающих международных договоров по правам человека и развитие норм в области прав человека во всем мире[9].

Отдельно стоит подчеркнуть, что международные стандарты в области прав человека оказывают значительное влияние на правовую систему Российской Федерации. Роль международных стандартов в защите прав и свобод человека хорошо заметна при анализе Конституции Российской Федерации, в которой провозглашен приоритет международных норм в области прав человека[10]. Российская Федерация, в свою очередь, выступает за безусловное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу добровольного выполнения международных обязательств. В контексте соблюдения прав человека необходимо также обратить внимание на то, что в иерархии правовых норм Конституция Российской Федерации поставила на высшую ступень нормы о правах и свободах человека, которые признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Права и свободы человека, согласно Конституции, определяют смысл, содержание и применение законов,

деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием[11].

Международные стандарты прав человека включают в себя две большие группы: универсальные и региональные. Так, уже упомянутая Всеобщая декларация прав человека является универсальным стандартом, поскольку она была принята в рамках ООН и ее признало абсолютное большинство государств. Также к числу наиболее значимых универсальных документов относятся Международные пакты о правах человека 1966 года.

Региональные стандарты, в свою очередь, принимаются в рамках каких-либо государственных объединений (Совет Европы, СНГ, Организация американских государств и т.д.). Так, важнейшим стандартом Совета Европы по правам человека является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в 1950 году в Риме и вступившая в силу 3 сентября 1953 года после ратификации восемью государствами. По состоянию на 1 января 2025 года участниками Конвенции являются 46 государств. Россия ратифицировала Конвенцию Федеральным законом "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" от 30 апреля 1998 года. Конвенция вступила в силу для России 5 мая 1998 года (16 марта 2022 года членство России в Совете Европы было прекращено, Конвенция, в свою очередь, была денонсирована[12])

Стандарты в области прав человека существуют и в других региональных организациях. Например, Совет Европы в своем докладе "Правовая защита прав человека" отмечает, что в четырех из пяти регионов мира уже существуют системы защиты прав человека[13]. Основная задача региональных инструментов - разработать стандарты прав человека и механизмы их поддержки на региональном уровне, не умаляя при этом универсальности прав человека.

Региональные системы, в большей степени по историческим и политическим причинам, также столкнулись с необходимостью сформулировать региональные обязательства в области прав человека, которые, кстати, часто усиливают механизмы и гарантии, существующие в универсальной системе защиты прав человека. В самом деле, существует достаточное количество примеров того, когда региональные стандарты имеют значение больше, чем согласованные на международном уровне; одним из таких примеров является африканская система раннего выявления случаев, когда в защите нуждаются не только беженцы, но и внутренне перемещенные лица. [14]

В межамериканском регионе действует Организация американских государств, а основным обязательным документом является Американская конвенция по правам человека 1969 года[15].

На африканском континенте действует Африканская хартия прав человека и народов, которая вступила в силу в 1986 году в рамках Африканского союза[16] (ранее известного как Организация африканского единства).

В азиатском регионе до сих пор не существует реально действующей региональной системы защиты прав человека, а единственным региональным документом по правам человека является не имеющая обязательной силы, инициированная гражданским обществом, Азиатская декларация прав человека[17].

Региональным стандартом в рамках Содружества Независимых Государств служит Конвенция СНГ о правах человека и основных свободах 1995 годы[18].

Указанные правовые акты содержат определенный перечень основных прав и свобод, который во многом схож с общечеловеческими стандартами с некоторыми особенностями, обусловленными спецификой развития региональных правовых систем. В этих документах также прописаны механизмы контроля за соблюдением прав человека, а также обстоятельства, при которых государства вправе отступить от требований стандарта. В этой связи стоит отметить мнение Р. М. Валеева, который считает, что в условиях многообразия культур народов мира такая региональная "раздробленность" стандартов играет неоценимую роль в эффективности правового воздействия и

обеспечении достойного существования личности. При этом важен особый характер взаимодействия различных типов правовых культур, при котором недопустимы определённые действия, такие как: навязывание чуждых ценностей силой, провозглашение превосходства или указание на отсталость тех или иных обществ в силу элементарного несовпадения правовых, религиозных и культурных традиций.

Такой подход представляется верным, поскольку универсальные стандарты прав человека не могут в полной мере удовлетворить всех субъектов международного права, учитывая особенности их правовой и социальной реальности. Именно для этого создаются региональные стандарты, призванные в рамках определенного сообщества государств конкретизировать те или иные нормы универсальных стандартов (или несколько отступать от них) с учетом особенностей их правового и социального развития[19].

Отмечая огромное практическое значение международных стандартов в области прав человека, как на универсальном, так и на региональном уровнях, необходимо подчеркнуть их основные особенности:

- они определяют основные права и свободы, обязательные для государств-участников пактов или конвенций;

- формулируют содержание этих прав для воспроизведения в конституциях и других государственных актах;

- закрепляют обязательства государств по обеспечению прав и свобод.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что международные стандарты прав человека занимают довольно значимое место в современной системе международного права. Они обеспечивают определенный минимальный уровень соблюдения прав человека, который государства обязаны соблюдать, с возможными незначительными отклонениями в ту или иную сторону в виде их превышения или уточнения. Как пишет А.А. Ковалев, к международным стандартам относятся основные права человека, закрепленные в важнейших международно-правовых актах, которые устанавливают «планку, ниже которой государство не должно опускаться»[20].

В заключение можно выделить следующие основные черты международных стандартов, а именно тот факт, что они представляют собой:

- универсальные принципы - обобщенные общечеловеческие нормы, отражающие особенности и регулирующие отношения, объект которых представляет всеобщий интерес, и признанные подавляющим большинством государств;

- универсальная шкала ценностей - это ценности, которые применимы ко всем типам людей, независимо от их социального, этнического или культурного происхождения;

- нормативный минимум - необходимый и достаточный уровень государственного регулирования прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия:[Электронный ресурс] – Режим доступа: Стандарт — Большая советская энциклопедия (дата обращения: 01.10.2024).
2. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – с. 32
   Зыбайло А. К вопросу о правовой природе и сущности международных стандартов прав и свобод человека/ А. Зыбайло, В. Фёдорова// Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1-2 (84-85). с. 29
3. Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными(Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и

Социальным Советом в его резолюциях 663 C (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года):[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 01.10.2024).
4. Зыбайло А. К вопросу о правовой природе и сущности международных стандартов прав и свобод человека/ А. Зыбайло, В. Фёдорова// Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1-2 (84-85). С. 28.
5. Всеобщая декларация прав человека(Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года):[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.10.2024).
6. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – с. 29
7. Устав ООН(принят 26 июня 1945 года в Сан-Франциско по завершении Конференции Организации Объединенных Наций по международной организации, вступил в силу 24 октября 1945 года.):[Электронный ресурс] – Режим доступа: Устав ООН (полный текст) | Организация Объединенных Наций (un.org) (дата обращения: 05.10.2024)
8. Всеобщая декларация прав человека(Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года):[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 06.10.2024)
9. Официальный сайт Организации Объединённых Наций Основа международных стандартов в области прав человека:[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/udhr/foundation-of-international-human-rights-law (дата обращения: 06.10.2024).
10. Конституция Российской Федерации(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)(статья 15):[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/54dd4e1f61e0b8fa47bff695f0c08b192a95f7a3/?ysclid=m0lfzeziks344106775 (дата обращения: 07.10.2024).
11. Конституция Российской Федерации(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)(статья 18):[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3d601956a40c421d1a01bd454636753478105a7a/ (дата обращения: 07.10.2024).
12. Официальный сайт МИД РФ: О выходе России из Совета Европы(справочный материал):[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 08.10.2024).
13. Совет Европы: Юридическая защита прав человека: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/compass/legal-protection-of-human-rights (дата обращения: 08.10.2024).
14. Конвенция Африканского союза о защите лиц, перемещенных внутри страны, и оказании им помощи в Африке (Кампальская конвенция)(принята 22 октября 2009 г., вступила в силу 6 декабря 2012 г.), статья 4: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.refworld.org/ru/legal/multilateraltreaty/au/2009/ru/70509 (дата обращения: 09.10.2024).
15. Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 года: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12652&ysclid=m2k92wijbb679011564 (дата обращения: 09.10.2024).
16. Африканская хартия прав человека и народов от 26 июня 1981 года: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12633&ysclid=m2k931kr9b142565918 (дата обращения: 09.10.2024).
17. Декларация АСЕАН о правах человека от 19 ноября 2002 года: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=8333&ysclid=m2k9cyauq7506394018 (дата обращения: 01.10.2024).
18. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (с изм. от 14.10.2022): [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/?ysclid=m2k9e0frdz170449084 (дата обращения: 10.10.2024)
19. Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник. / Под ред. Р.М. Валеева. — М.: Статут, 2011. – с. 53
20. Ковалев А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. — М.: Статут, 2013. – с. 164

THE LEGAL NATURE OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS

Annotation: The article is devoted to the definition of the legal nature of international human rights standards. By analyzing the main normative acts and scientific materials on the topic, the concept of international human rights standards is defined, various approaches to determining their legal nature are considered and a conclusion is made about which approach seems to be the most applicable. The article also examines the main universal and regional standards in the field of human rights protection, describes their impact on the legal system of the Russian Federation.
Keywords: international human rights standards, international law, Universal Declaration of Human Rights, legal definition, universal and regional human rights standards.

Kharchenko V. V.
Scientific adviser: Kulakova E. V. Ph.D. in Law, associate professor
Donetsk State University
E-mail: kulakova.dongu@mail.ru

УДК 343.3/.7

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Чистяков М.В.
Научный руководитель: Гокунь Ю.С., ассистент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию отечественного и зарубежного опыта противодействия распространению детской порнографии в сети Интернет в части законодательного аспекта. Дан анализ отечественного и зарубежного уголовного законодательства. Сделан вывод о том, что существуют значительные различия в определениях, категориях, наказаниях и толковании законов, запрещающих распространение детской порнографии в Интернете.
Ключевые слова: детская порнография, Интернет, распространение, запрет, законодательство.

На современном этапе развития человечества использование Интернета дает множество преимуществ, и без них человечество не смогло бы нормально функционировать. Интернет не привязывает человека к территориальным границам и позволяют получить доступ к любому лицу в любой юрисдикции. Это дает людям возможность высказываться и делиться своими взглядами и идеями, а также получать информацию обо всем, что они хотят знать. То, как люди делятся своими мыслями, общаются и обмениваются информацией онлайн, является одним из основных объяснений того, как Интернет постоянно трансформирует мир. Такая возможность также позволяет совершать незаконные действия, участвовать в незаконных цифровых преступлениях, таких как взлом, похищение данных, фальсификация информации, мошенничество и т.д. К числу таких незаконных действий следует относить также и изготовление и оборот материалов либо предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В последнее время детская порнография активно распространилась из-за простого доступа к Интернету и легкодоступных записей в сети. Высокоскоростной доступ в Интернет и свободное распространение видео в сети поспособствовали росту количества детской порнографии. Порнография сейчас открыто и более широко доступна в Интернете, чем когда-либо прежде. Кроме того, распространению детской порнографии способствуют в основном два фактора. Первый фактор – это появление и доступность домашних кинотеатров, видеозаписывающих устройств, цифровых камер, персональных компьютеров и программного обеспечения, которые сделали создание детской порнографии относительно простым. Вторым фактором является развитие интернет-технологий, которые, как уже указывалось ранее, упростили создание и распространение этих материалов до невероятных масштабов.

Необходимо отметить, что распространение детской порнографии рассматривается как преступление, которое совершается во всех странах мира. Кроме того, из-за стремительного роста онлайн-бизнеса почти 3 миллиарда долларов в год поступают из этих источников. На сайтах, зарабатывающих на распространении детской порнографии, публикуются тысячи изображений и видео. Их крайне сложно удалить после того, как они были загружены в Интернет, поэтому дети становятся жертвами этого преступления на всю свою жизнь. В большинстве стран дети-подростки, вовлеченные в детскую порнографию, подвергаются физическому и сексуальному насилию, что отражается на их физическом и моральном здоровье. В некоторых случаях это приводит не только к смерти пострадавшего ребенка из-за ухудшения его физического здоровья и причинения вреда его организму, но также и к самоубийствам из-за нарушения морального здоровья

и психо-эмоционального фона. Следовательно, детская порнография, ее создание и распространение должны признаваться самым ужасным и отвратительным преступлением, которое совершается и приводит к различным нарушениям действующего законодательства, например, сексуальному туризму, сексуальному насилию над детьми и т.д.

В своих отчетах Интерпол называет Германию одним из основных производителей детской порнографии, а Нидерланды и Великобританию обозначил в качестве ведущих государств по распространению детской порнографии. США являются крупнейшим рынком сбыта детской порнографии, однако в последнее время все больше заказов поступает из Юго-Восточной Азии.

Полагаем, можно выделить два основных способа противодействия распространению детской порнографии в сети Интернет – законодательный и практический. Законодательный способ предлагает разработку нормативно-правовой базы по противодействию распространения детской порнографии в сети Интернет. Практический способ существует в форме непосредственно мероприятий, направленных на противодействие распространению детской порнографии в Интернете. Данное исследование посвящено изучению первого способа, а именно зарубежных нормативно-правовых актов по противодействию распространения детской порнографии в сети Интернет.

Детская порнография признается незаконной в большинстве юрисдикций. В 2008 году Организация Объединенных Наций прямо указала на незаконность детской порнографии. Результаты были тревожными: в 94 странах не было законов, запрещающих детскую порнографию, а во многих других странах существующие законы были недостаточными. В ходе опроса, проведенного Международным центром по поиску пропавших без вести детей и детей, находящихся в опасности (ICMEC), в сотрудничестве с Интерполом, было установлено, что в 138 странах детская порнография не является преступлением.

Правительства и законодательные органы различных государств по всему миру предприняли и продолжают предпринимать многочисленные попытки ограничить доступ к откровенному контенту в Интернете. В частности, такие попытки носят характер законодательных ограничений и введения наказания за распространение детской порнографии в Интернете. Так, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних запрещены во многих государствах. Так, указанные действия запрещены статьей 242.1 УК РФ [1] и статьей 343-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]. Обратимся также и к отечественному законодательному опыту по противодействию распространению детской порнографии в сети Интернет. Так, отметим, что для внесения конкретики в понимание того, что следует считать материалами и предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних по смыслу ст. 242.1 и 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, в отечественном Уголовном кодексе содержится примечание, согласно которому в определение понятия «материалы и предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних» включены материалы и предметы, которые содержат любое изображение либо же описание в сексуальных целях:

1) полностью либо частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего;

2) несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение либо иные действия сексуального характера;

3) полового сношения либо иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего либо с его участием;

4) совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение, либо иные действия сексуального характера.

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживают рассуждения Макса Тейлора, профессора прикладной психологии Университетского колледжа г.Корка Ирландии, о том, что может быть отнесено к порнографическим материалам с изображением несовершеннолетних. При исследовании материалов, которые появляются в Интернете, можно обнаружить, что они не однородны. Из этих материалов можно выделить несколько типов изображений, которые привлекают педофилов, однако, не все из них подпадают под юридические категории детской порнографии. Изображения, которые собирают взрослые, испытывающие сексуальный интерес к детям, можно отнести к определенному континууму: от менее откровенно сексуального через наготу к откровенно сексуальному. Первую категорию возможно назвать эротикой. Эти изображения в основном не содержат ни наготы, ни сцен сексуального поведения. Они могут быть просто фотографиями детей либо иметь более очевидный сексуальный подтекст, например, дети в купальниках либо нижнем белье. В данном случае примером являются рекламные объявления детской одежды. По мнению профессора, незаконное хранение таких фотографий, вероятно, указывает на сексуальный интерес взрослых к детям, но, скорее всего в Ирландии, ни их производство, ни хранение не будут незаконными.

Вторая обширная категория, которую можно выделить, включает в той либо иной форме обнажение. Например, к этой категории относятся фотографии из нудистских изданий. Нудизм, конечно, является законным видом деятельности, и в этом контексте можно утверждать, что такие фотографии уместны. Однако их присутствие вне этого контекста снова указывает на сексуальный интерес взрослых к детям, хотя их хранение не обязательно является незаконным. Категория изображений, называемая скрытыми фотографиями, также может относиться ко второй категории, если на них изображена нагота. В Интернете можно найти множество тысяч фотографий совсем маленьких детей и подростков, часто из японских источников, которые играют полностью обнаженными либо частично одетыми, например, в детских бассейнах, плавательных бассейнах или на пляже. Фотограф может находиться на расстоянии от 50 до 100 метров и тайно делать снимки с помощью камеры с мощным объективом, и, конечно, ни родитель, ни ребенок не знают, что их фотографируют. Эти снимки особенно разрушительны, потому что они часто делаются в местах, которые должны быть «безопасными», однако, данные снимки сексуализируют невинную детскую игру. При этом такие снимки, в частности, на которых дети частично одеты, могут не подпадать под некоторые юридические определения детской порнографии.

Последняя категория фотографий, которую следует выделить, — это откровенно сексуальные снимки. Эта категория изображений в основном носит ярко выраженный сексуальный характер, и их производство и хранение являются незаконными во всех европейских юрисдикциях [3, с.94-100].

Законы о детской порнографии в Великобритании в первую очередь регулируются Законом о защите детей 1978 [4] года и Законом о сексуальных преступлениях 2003 года [5]. Эти законы предусматривают уголовную ответственность за создание, хранение, распространение и демонстрацию непристойных изображений детей. Законодательство было дополнительно усилено Законом об уголовном правосудии и иммиграции 2008 года и Законом о коронерских дознаниях и правосудии 2009 года, которые расширили сферу применения закона, включив в неё псевдофотографии и другие изображения.

В Великобритании наказания за преступления, связанные с детской порнографией, различаются в зависимости от характера и тяжести преступления. Вот несколько ключевых моментов:

1) Хранение: хранение непристойных изображений детей может повлечь за собой максимальное наказание в виде пяти лет лишения свободы. Фактический срок наказания

может зависеть от таких факторов, как количество и характер изображений, а также от намерений правонарушителя.

2) Распространение: распространение или демонстрация непристойных изображений детей является более серьезным правонарушением, влекущим за собой максимальное наказание в виде 10 лет лишения свободы. Сюда входит распространение изображений в электронном или физическом виде.

3) Производство: создание или распространение детской порнографии может повлечь за собой наказание в виде лишения свободы на срок до 14 лет, что отражает более высокий уровень ответственности за создание таких материалов.

На вынесение приговора по делам о детской порнографии могут влиять несколько факторов:

1) Возраст жертвы: преступления, совершенные в отношении детей младшего возраста, как правило, влекут за собой более суровое наказание.

2) Количество и характер материалов: объем и откровенность материалов могут повлиять на приговор.

3) Намерения преступника: существенную роль может сыграть то, предназначались ли изображения для личного пользования или для распространения.

4) Наличие судимости: впервые совершившие преступление могут получить более мягкий приговор по сравнению с рецидивистами.

Статья 255 УК Грузии вводит ответственность за изготовление любых предметов порнографического характера (а не только с изображением несовершеннолетних) [6]. Статьей 166 Уголовного закона Латвийской Республики запрещено изготовление материалов порнографического характера, в которых описаны или изображены сексуальное использование детей [7]. Статья 2003 УК Эстонской Республики устанавливает наказание за изготовление произведения, изображающего несовершеннолетнего в эротической либо порнографической ситуации, или копий такого произведения без использования несовершеннолетнего в качестве объекта действий эротического либо порнографического характера [8]. Статья 2081 УК Молдовы предусматривает ответственность за детскую порнографию, а именно за изготовление, раздачу, распространение, ввоз, вывоз, предоставление, продажу, обмен, использование либо хранение фотографий либо других изображений ребенка или нескольких детей, вовлеченных в явные сексуальные действия, реальные или симулированные, либо фотографий или других изображений половых органов ребенка, представленных в похотливой или непристойной манере, в том числе в электронной форме [9]. В соответствии со статьей 227-23 Уголовного кодекса Франции, ответственность наступает за фиксацию, запись либо передачу изображения или снимка несовершеннолетнего лица с целью распространения, если такое изображение или такой снимок имеют порнографический характер, а также за распространение такого изображения или снимка, его ввоз или вывоз и организацию его ввоза или вывоза [10]. Согласно § 184 УК Германии запрещается распространять порноматериалы, содержащие изображение насильственных сексуальных действий с детьми либо людей с животными [11].

Часть 5 статьи 197 УК Швейцарии криминализирует такие действия, как:

1) предложение, показ, предоставление либо распространение порнографической продукции лицу, не достигшему шестнадцати лет;

2) публичный показ указанной продукции;

3) изготовление, ввоз, хранение, оборот и иные действия с предметами, которые по своему содержанию включают в себя сексуальные действия с детьми или животными, с человеческими экскрементами или насильственную деятельность [12].

Статья 204 УК Норвегии детерминирует порнографию как сексуальные изображения, которые действуют вызывающе либо иным способом умаляют ценность

человека, разлагают и унижают. В свою очередь, сексуальные изображения включают те, в которых используются дети, трупы, животные, насилие и принуждение. Как детская порнография обозначаются движущиеся и статичные сексуальные изображения с использованием детей, тех, кто считается детьми либо тех, кого представляют как детей. Так, в § 382 главы 38 указывается на ответственность лица, которое во время своей коммерческой деятельности производит, предоставляет для продажи либо проката, распространяет фильмы, видеопрограммы либо аналогичные материалы, в которых в развлекательных целях представлено недозволительное использование сцен грубого насилия [13].

Законодательство США, запрещающее изготовление и сбыт материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, возможно охарактеризовать как наиболее комплексное. Так, Федеральным законом 1977 г. о защите детей, лицо, которое получает от несовершеннолетнего помощь либо нанимает, использует, убеждает, советует, склоняет, принуждает с тем, чтобы другое лицо совершило сексуальные действия с целью производства любого визуального или печатного материала, воспроизводящего данное действие, должно быть наказано крупным штрафом. Закон 1988 г. «О защите детей от непристойности» предусматривает уже лишение свободы на длительный срок родителей, опекунов и других лиц, осуществляющих контроль за несовершеннолетними, если они продают или иным образом передают опеку или контроль за последними другому лицу с целью изготовления порнографической продукции. Статья 2251 Свода законов США предусматривает ответственность за производство (с целью распространения) материалов, содержащих:

1) изображения полового акта или иных действий сексуального характера с участием несовершеннолетних;

2) изображения сексуальных действий с животными;

3) изображения сексуальных действий, связанных с реальным или имитируемым насилием (садомазохизмом) [14].

Статья 2252 устанавливает ответственность за распространение во всех формах и хранение порнографических материалов с изображением несовершеннолетних, а также вовлечение несовершеннолетних в создание таких материалов. Наказание за изготовление и сбыт материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних установлено также на уровне отдельных штатов.

Статья 128 Уголовного кодекса Аргентины указывает на то, что наказанию подлежит лицо, которое:

1) изготавливает или публикует порнографические изображения лиц, не достигших восемнадцати лет;

2) организовывает живое представления с порнографическими сценами с участием указанных несовершеннолетних;

3) распространяет порнографическую продукцию, внешние характеристики которой явно указывают на то, что изображены лица, не достигшие восемнадцати лет [15].

Тревожный рост спроса на материалы с детской порнографией продолжается в Индии. Особенно во время карантина, вызванного пандемией Covid-19, резко возросло количество запросов о детской порнографии. Фонд защиты детей Индии заявил, что сайты, отслеживающие онлайн-данные, показывают рост спроса на детскую порнографию. В Индии детская порнография является незаконным деянием и подпадает под действие Закона об информационных технологиях 2000 года, Уголовного кодекса Индии 1860 года и Закона о защите несовершеннолетних 2012 года.

Уголовные кодексы и законы о детской порнографии предусматривают серьезные наказания для создателей и распространителей практически во всех государствах,

обычно включая тюремное заключение, при этом срок наказания за распространение в личных целях зависит от степени и содержания распространяемого материала.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что детская порнография запрещена в большинстве стран. Однако существуют значительные различия в определениях, категориях, наказаниях и толковании законов. Различия включают в себя определение «ребенка» в соответствии с законами, которое может варьироваться в зависимости от возраста сексуального согласия; определение самой «детской порнографии», например, на основе носителя или степени реалистичности; а также то, какие действия являются преступными (например, производство, распространение, хранение, скачивание или просмотр материалов). Именно этим различиям будут посвящены дальнейшие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.01.2025).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З. URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 03.01.2025).
3. Taylor M., Quayle E. and Holland G. Child Pornography,the internet and offending // Policy research. 2001. Pp.94-100. URL: https://www.researchgate.net/publication/229646969_Child_Pornography_An_Internet_Crime (дата обращения: 03.01.2025).
4. Protection of Children Act 1978. URL: https://education-uk.org/documents/acts/1978-protection-children-act.html (дата обращения: 03.01.2025).
5. Sexual Offences Act 2003 (Notification Requirements) (England and Wales). URL: https://www.gov.uk/government/publications/sexual-offences-act-2003-notification-requirements-england-and-wales-regulations-2012 (дата обращения: 03.01.2025).
6. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 №2287. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426.?publication=149 (дата обращения: 03.01.2025).
7. Уголовный закон Латвии от 17.06.1998. URL: http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf (дата обращения: 03.01.2025).
8. Уголовный кодекс Эстонии 06.06.2001. URL: https://constitutions.ru/?p=24972 (дата обращения: 03.01.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 03.01.2025).
10. Code penal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 03.01.2025).
11. German Criminal Code. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 03.01.2025).
12. Swiss Criminal Code. URL: https://www.swissrights.ch/gesetz/uebersicht.php?buch=StGB&jahr=2021&lg=EN (дата обращения: 03.01.2025).
13. General civil penal code. URL: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/NOR_penal_code.pdf (дата обращения: 03.01.2025).
14. 18 U.S. Code § 2251 - Sexual exploitation of children. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2251 (дата обращения: 03.01.2025).
15. Уголовный кодекс Аргентины (сводная редакция Закона № 11.179, утвержденного Указом № 3992/84 от 21.12.1984 г., с изменениями, внесенными Законом № 26.842 от 19.12.2012 г. «О предотвращении торговли людьми, наказании за нее и помощи жертвам»). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/12934 (дата обращения: 03.01.2025).

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE IN COUNTERING THE DISTRIBUTION OF CHILD PORNOGRAPHY ON THE INTERNET: LEGISLATIVE ASPECT

Annotation. The article is devoted to the study of domestic and foreign experience of countering the distribution of child pornography on the Internet in terms of legislative aspect. The analysis of domestic and foreign criminal

legislation is given. The conclusion is made that there are significant differences in definitions, categories, punishments and interpretation of laws prohibiting the distribution of child pornography on the Internet.
Keywords: child pornography, internet, distribution, ban, legislation.

Chistyakov M.V.
Scientific adviser: Gokun J.S., assistant
Donetsk State University
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 347.45/.47

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРА АГЕНТИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Якшина Т.С.
Научный руководитель: Финкина А.П., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемные аспекты регулирования агентского договора в Российской Федерации. Основное внимание уделяется отсутствию четкого перечня фактических действий, выполняемых агентом, а также трудностям, связанным с формой заключения договора. Кроме этого, анализируются вопросы, касающиеся определения агентского вознаграждения и ответственности сторон в рамках агентских отношений. По результатам проведённого исследования предлагается внесение изменений в положения статей Гражданского кодекса Российской Федерации.
Ключевые слова: агент, принципал, агентский договор, фактические действия, форма договора.

В условиях динамичного развития рыночной экономики и постоянных изменений законодательства в сфере предпринимательства, стороны гражданско-правовых отношений часто сталкиваются с необходимостью повышения эффективности принимаемых решений, что предполагает расширение охвата территорий и привлечение значительного числа клиентов. Для достижения этой цели зачастую используются услуги посредников, поэтому на сегодняшний день агентские договоры занимают существенное место.

Несмотря на то, что договор агентирования достаточно проработан в юридической литературе и активно применяется на практике, все же имеются определенные пробелы, которые затрудняют его использование и требуют более детального анализа.

Исходя из вышесказанного, целью данного исследования является выявление проблемных аспектов договора агентирования в Российской Федерации, а также разработка рекомендаций по их устранению посредством внесения изменений в действующее гражданское законодательство.

Согласно ст. 1005 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) агентский договор – это соглашение, в соответствии с которым одна сторона, именуемая агентом, обязуется за плату осуществлять по поручению другой стороны – принципала юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала [1].

Григорьев Т.Ю. отмечает, что агентский договор способствует упрощению взаимоотношений между сторонами и предоставляет участникам гражданского оборота большую свободу в выборе способов оформления своих посреднических и представительских отношений [2, с. 46]. Суть агентского договора состоит в том, что действия, выполняемые агентом по поручению и в интересах принципала, влекут для принципала имущественные последствия [3, с. 174].

По мнению Гришина А.В. и Селютина О.Г., возникновение агентского договора связано с необходимостью создания новой формы посреднических отношений, которая могла бы выходить за рамки прежних требований и ограничений, предусмотренных нормами о договорах комиссии и поручения. В связи с этим агентский договор обладает уникальными характеристиками, отсутствующими у вышеуказанных видов договоров. В частности, в рамках данного договора агент может одновременно совершать одни сделки от своего имени, а другие – от имени принципала [4, с. 47].

Таким образом, законодательная конструкция агентского договора включает в себя элементы договора поручения и договора комиссии, однако ключевым отличием данного вида договора является то, что агент наделен правом действовать как от

собственного имени, так и от имени принципала. Кроме того, агент в рамках своих полномочий имеет возможность осуществлять юридические и иные действия.

Проанализировав понятие агентского договора, необходимо подчеркнуть, что законодатель не предоставляет четкого перечня действий, относящихся к категории «иных действий». Тем не менее, согласно ст. 1005 ГК РФ, под иными действиями законодатель подразумевает те действия, которые не порождают юридических последствий, то есть они по своей сути являются фактическими.

Следовательно, фактические действия – это действия, выполняемые агентом, которые напрямую не приводят к возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей, однако они играют важную роль для принципала и должны быть выполнены агентом.

Как известно, согласно п. 4. ст. 1005 ГК РФ, законом могут быть предусмотрены особенности отдельных видов агентского договора, поэтому конкретные действия, которые выполняет агент в рамках своих полномочий, могут варьироваться в зависимости от условий и особенностей конкретного соглашения [5, с. 123].

Так, одной из сфер применения агентирования является туристская деятельность, регулируемая ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [6]. Согласно настоящему ФЗ, продвижение и реализация туристского продукта турагентом осуществляются на основании договора агентирования, заключаемого между туроператором и турагентом. В обязанности агента по данному договору, помимо юридических действий о реализации турпродукта, входят действия по его продвижению, то есть фактические действия, а именно – реклама, участие в специализированных выставках, ярмарках, организация туристских информационных центров, издание каталогов, буклетов и другое (ст. 1 ФЗ «Об основах туристкой деятельности»).

Кроме этого, агентский договор применяется в сфере спорта. Основываясь на ст. 19.3 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», агент вправе заключать соглашения с игроками и тренерами, а также вправе разрешать возникающие споры в арбитраже, в том числе, прибегая к процедуре медиации [7]. При этом спортивный агент обязан добросовестно отстаивать интересы спортсмена, не принимать участие в азартных играх в тех видах спорта, где он осуществляет агентскую деятельность, соблюдать этические и иные нормы данного вида спорта [8, с. 11]. Что же касается конкретно фактических действий, выполняемых агентом, то к ним можно отнести:

- во-первых, поиск спортивных клубов, заинтересованных в подписании контрактов со спортсменами. Данный поиск может включать в себя анализ работы клубов и установление связей с их руководством;
- во-вторых, проведение переговоров с контрагентом перед заключением договора;
- в-третьих, сопровождение спортсмена на различные спортивные мероприятия, такие как соревнования или пресс-конференции;
- в-четвертых, получение денег от контрагентов и т.п.

Учитывая вышесказанное, по нашему мнению, представляется целесообразным на законодательном уровне дополнить п. 1 ст. 1005 ГК РФ примерным перечнем фактических действий, к числу таких действий отнести проведение рекламных кампаний, активное продвижение продукции принципала, поиск потенциальных контрагентов, проведение переговоров, подготовка необходимой документации и прочие подобные мероприятия.

В связи с тем, что в соответствии с п. 4 ст. 1005 ГК РФ законом могут быть предусмотрены особенности отдельных видов агентского договора, нами также предлагается дополнить содержание гл. 52 ГК РФ отдельными статьями, посвященными каждому виду агентского договора. Помимо этого, необходимо закрепить положения об отдельных видах агентского договора в специальных нормативно-правовых актах. В

данном случае общие положения, отражающиеся в ГК РФ должны применяться лишь в тех случаях, когда они не противоречат нормам специального законодательства о видах агентского договора. Однако нормы предлагаемых в ГК РФ отдельных статей агентского договора должны иметь приоритет перед специальными нормативными актами в определенных сферах.

Следующим проблемным аспектом анализируемой темы является форма заключения договора, поскольку глава 52 ГК РФ не содержит специальных требований к форме агентского договора, в связи с чем к нему применяются общие положения о форме сделок.

Основываясь на ст. 161 ГК РФ договор агентирования заключается в письменной форме с физическим лицом, при условии, что второй стороной договора является юридическое лицо [9]. Под простой письменной формой договора подразумевается не только единый документ, который составлен и подписан сторонами, но также и совокупность нескольких взаимосвязанных документов (п. 2 ст. 434 ГК РФ). К таким документам могут относиться прилагаемые к договору дополнительные соглашения, акты приемки, счета и спецификации. Из содержания всех этих документов в совокупности усматривается согласованная воля сторон.

Несоблюдение письменной формы лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и её условий на свидетельские показания. Однако это не исключает права сторон представлять письменные и иные доказательства (п. 1 ст. 162 ГК РФ), также такое нарушение не приводит к недействительности договора, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон (п. 2 ст. 162 ГК РФ). Такого последствия как недействительность сделки при несоблюдении сторонами агентского договора простой письменной формы закон не предусматривает.

Кроме письменной формы, агентский договор может быть заключен и в устной форме, при условии, что сторонами договора выступают физические лица, и сумма сделки не превышает десяти тысяч рублей [10, с. 15].

По нашему мнению применение общих положений к данному виду соглашений является некорректным, поскольку агентирование чаще всего используется в сфере предпринимательской деятельности, а все сделки, заключаемые юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, независимо от их суммы, должны заключаться в письменной форме (ст. 158, 160, п. 1 ст. 161 ГК РФ). Также отсутствие письменной формы договора существенно затрудняет подтверждение полномочий агента на совершение конкретных действий.

В качестве шагов развития института агентирования, нами предлагается внести в ГК РФ статью «Форма агентского договора», изложив ее следующим образом: «Договор агентирования должен быть заключен в письменной форме. Несоблюдение установленной формы влечет за собой недействительность агентского договора».

Важно дополнить, что на практике агентский договор иногда используется для уклонения от налоговых обязательств, подменяя трудовой договор. Однако даже у добросовестных налогоплательщиков могут возникнуть споры относительно квалификации договора как агентского, а не трудового. Чтобы избежать подобных конфликтов, рекомендуем сторонам при составлении договора не включать следующие условия: 1) установление строгого рабочего графика; 2) определение должностных обязанностей; 3) установление вознаграждения, аналогичного зарплате (например, два раза в месяц); 4) предоставление выходных и отпусков [10, с. 16].

Помимо вышеуказанных проблемных вопросов, большая часть споров возникает между сторонами договора агентирования по вопросам выплаты агентского вознаграждения и выполнения агентом поручения принципала.

Из содержания ст. 1006 ГК РФ следует, что договор агентирования всегда носит возмездный характер, поскольку в ней указывается обязанность принципала выплатить

агенту соответствующее вознаграждение. Но при этом условие о цене договора агентирования, то есть о размере вознаграждения агента, не признается существенным условием договора, если на этом не настаивает одна из сторон, что вытекает из ч. 1 ст. 432 ГК РФ. В отсутствие данного условия принципал должен будет выплатить вознаграждение в размере, обычно взимаемом при сравнимых обстоятельствах за совершение аналогичных сделок (ст. 1006 ГК РФ). По поводу определения такого размера у агента с контрагентом могут возникнуть разногласия. В случае спора соответствие требуемой суммы цене аналогичных сделок должна будет доказывать заинтересованная сторона, как правило агент [11, с. 93].

Во избежание подобных споров, рекомендуется включить в договор положение о размере агентского вознаграждения. Наиболее распространенными способами определения вознаграждения в договорах являются твердая сумма и процент от стоимости реализованного товара. В качестве гарантии для агента, возможно указать в договоре и авансовый платеж. Однако важно отметить, что в случае получения аванса и неисполнения условий договора, принципал вправе расторгнуть договор, который был заключен без определенного срока окончания, и потребовать вернуть сумму неосвоенного аванса как неосновательное обогащение, что подтверждается Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 08.06.2018 № Ф06-33131/2018 по делу № А65-20171/2017 [12].

Таким образом, предложенные изменения, заключающиеся в уточнении порядка определения вознаграждения, обеспечивают большую правовую определенность и являются гарантией не только для агента, но и для принципала. Принципал получает возможность точного планирования финансовых затрат, а агент – гарантию получения желаемого вознаграждения за выполненную работу.

Что же касается выполнения поручения принципала, то в соответствии со ст. 1007 ГК РФ «агентским договором может быть предусмотрено обязательство принципала не заключать с другими агентами аналогичных агентских договоров, исполнение которых должно или может осуществляться на территории, совпадающей с территорией исполнения ранее заключенного принципалом агентского договора. Также договором может быть установлена обязанность принципала воздерживаться от осуществления на этой территории самостоятельной деятельности, аналогичной деятельности, составляющей предмет агентского договора» [13, с. 146].

Однако текущая редакция статьи не предусматривает последствий в случая нарушения агентом данных обязательств. Исходя из этого, мы предлагаем дополнить анализируемую статью пунктом, предусматривающим ответственность в виде возмещения убытков за нарушение таких договорных ограничений.

При этом, в данном случае важно учитывать возможность заключения агентом субагентского договора (п. 1 ст. 1009 ГК РФ), который характеризуется как соглашение агента с третьим лицом (субагентом) для исполнения обязательств по основному агентскому договору. То есть субагент выступает как привлеченное агентом лицо, оказывающее содействие в выполнении поручения принципала. Тем не менее, ответственность за действия субагента перед принципалом несёт агент.

Следовательно, если субагент не выполнит обязательства, установленные ст. 1007 ГК РФ, именно агент будет отвечать перед принципалом за его неправомерные действия. С целью урегулирования данного вопроса, по нашему мнению, необходимо законодателю предусмотреть условия ответственности субагента перед агентом, дополнив ст. 1009 ГК РФ соответствующим пунктом.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что агентский договор, несмотря на свою проработанность, обладает рядом существенных недостатков, требующих законодательного урегулирования. В ходе исследования выявлены ключевые проблемы агентского договора, включая отсутствие четкого перечня

фактических действий, выполняемых агентом, недостаточную правовую регламентацию положений о форме договора, а также сложности, связанные с определением размера агентского вознаграждения и распределением ответственности между сторонами.

С целью повышения эффективности правового регулирования агентских отношений, нами предлагается внести комплекс изменений в ГК РФ. В частности, целесообразно дополнить ст. 1005 ГК РФ примерным перечнем фактических действий, выполняемых агентом; ввести в главу 52 ГК РФ положения об отдельных видах агентских договоров; установить обязательную письменную форму для договоров агентирования и закрепить обязательное требование о включении в текст договора условия, определяющего размер агентского вознаграждения. Помимо этого, добавить в ГК РФ нормы об ответственности агента и субагента за нарушение договорных ограничений.

Применение предложенных изменений позволит не только обеспечить большую правовую определенность в агентских отношениях, но и сократить количество споров между сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.01.1996. №5. Ст. 410.

2. Григорьев Т.Ю. Доктрина «нераскрытого» принципала и принцип «открытости» представительства и агентирования // Право и экономика. – 2017. – № 7 (353). – С. 43-53.

3. Акимова А.А., Капустина А.М. Существенные признаки агентского договора и его отличия от смежных договоров // Всероссийский форум молодых исследований. – 2022. – С. 172-181.

4. Гришин А.В., Селютина О.Г. Некоторые аспекты определения правовой природы торгового (коммерческого) представительства как разновидности представительства в гражданском праве // Закон и право. – 2016. – № 8. – С. 46-48.

5. Пузырева А.Н. Спор о предмете агентского договора и его возможное решение // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – №6. – С. 120-124.

6. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 г. N 132-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 декабря 1996 г. N 49 ст. 5491.

7. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 декабря 2007 г. N 50 ст. 6242.

8. Анисимов А. Т. Правовая природа и особенности агентского договора // ПРЭД. – 2022. – №4. – С. 6-14.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

10. Аванесян М.А. Агентский договор: сущность и проблематика // Юридическая гносеология. – 2023. – № 2. – С. 14-18.

11. Сафаралиев Ф.М. Проблемы правоприменения при исполнении отдельных предпринимательских договоров // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 5(119). – С. 90-95.

12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.06.2018 № Ф06-33131/2018 по делу № А65-20171/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/UsSAGWqpriWJ/ (дата обращения: 02.01.2025). – Загл. с экрана.

13. Могилевский Г.А. Правовая регламентация ответственности сторон при исполнении агентского договора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 10-3(73). – С. 145-147.

PROBLEMATIC ASPECTS OF AGENCY CONTRACT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO RESOLVE THEM

Annotation. The article deals with the key problematic aspects of regulation of agency contract in the Russian Federation. The main attention is paid to the absence of a clear list of actual actions to be performed by the agent, as well as to the difficulties associated with the form of the contract. In addition, the issues related to the definition of agency remuneration and liability of the parties in the framework of agency relations are analysed. According

to the results of the conducted research it is proposed to amend the provisions of the articles of the Civil Code of the Russian Federation.
Keywords: agent, principal, agency contract, actual actions, form of the contract.

Yakshina T.S.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
State University
E-mail: taisiya.yakshina.04@bk.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»
2025. – Вып. 17

Том 4
Юриспруденция

Оригинал-макет подготовлен *А.А. Дегтярева*

Подписано в печать 17.04.2025
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 25,07

Издательство ГОУ ВПО «ДОННУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.